This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1183

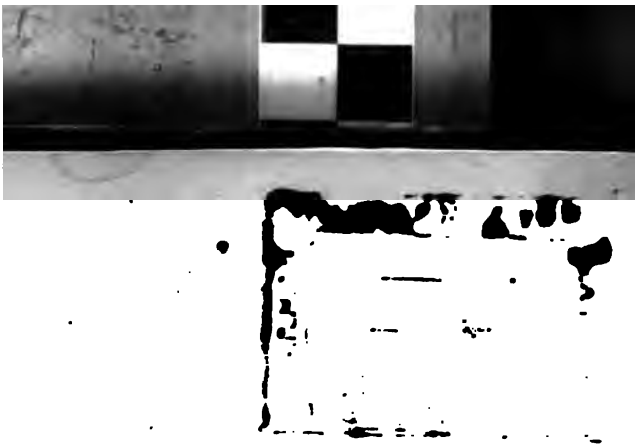
ОПЫТЫ

ИЗУЧЕНІЯ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

И

ИСТОРІИ.

Историч. Семинарій
И. З. Ш. Ж.
Шк. II № .....



Zabelin, I. E.
ИСТОРИЧ. КАБИНЕТ Л.Г.И.Д.
№ 1814
Отдѣл
Шкаф

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

и

ИСТОРІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОПИСАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ИВ. ЗАБѢЛИНА.

ЧАСТЬ I

Изданіе К. Солдатенкова.

347/1109

Цѣна 2 руб.

Историч. Библиотека
П. В. Ж. Н.
ШК. П. № .

МОСКВА.
Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ в. д. Шиловой.
1872.

DK5
Z34
v.1

ДѢТСКІЕ ГОДЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ родился тридцатаго или «противъ» тридцатаго мая 1672 года, въ четвертокъ, на память Исаакія Далматскаго, *въ отдачу часовъ ночныхъ*, т. е. на исходъ ночи или, по другимъ извѣстіямъ, въ шестомъ часу ночи, также за полтретья часа до дня, что̀ по теперешнему счету будетъ означать часъ по полуночи [1]).

Соблюдая тогдашніе обычаи и порядки быта, царь Алексѣй Михайловичъ въ тотъ же часъ указалъ послать *съ вѣстью* къ боярамъ, окольничимъ и ближнимъ людямъ, а также и къ гостямъ. О посылкѣ къ митрополиту (тогда было междупатріаршество) и духовнымъ властямъ современныя записки не говорятъ ни слова; но извѣстно, что повѣстка посылалась не только къ нимъ, но даже и во всѣ важнѣйшіе московскіе монастыри, и особенно къ Троицѣ въ Сергіевъ. Отъ царицы также посылались съ вѣстью, или, какъ тогда говорили, *со*

[1]) Часы дѣлились въ то время на денные и ночные; денные считались съ солнечнаго восхода, а ночные съ заката. Съ 25 мая по тогдашнему счету было 17 часовъ денныхъ и 7 ночныхъ. 30 мая солнце восходитъ въ 3. ч. 18 м., заходитъ въ 8 ч. 40 м. — слѣдовательно тогдашній первый часъ ночи соотвѣтствовалъ половинѣ десятаго по полудни, а первый часъ дня — половинѣ четвертаго по полуночи. Если принимать, что начало дня считали въ то время съ трехъ съ половиною часовъ, то выраженіе за полтретья часа до дня будетъ означать часъ по полуночи.

здоровьемъ, къ женамъ бояръ, окольничихъ и ближнихъ людей, вообще къ *боярынямъ пріѣзжимъ*, такъ называвшимся въ отличіе отъ *дворовыхъ боярынь*, которыя жили во дворцѣ.

Во второмъ часу дня или въ пять утра заблаговѣстили въ большой успенскій колоколъ къ молебну. Въ это время все уже было готово къ царскому торжественному выходу. Въ сопровожденіи грузинскаго, касимовскаго и сибирскихъ царевичей, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, полковниковъ солдатскихъ выборныхъ и стрѣлецкихъ полковъ, государь шествовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ и совершено было молебствіе. Послѣ молебна митрополитъ Питиримъ со властями, 3 митрополитами, 3 архіепископами, и 1 епископомъ и со всѣмъ соборомъ поздравилъ государя съ новорожденнымъ. За тѣмъ поздравляли царевичи, боярство и всякихъ чиновъ люди, бывшіе на выходѣ, при чемъ грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ, стоявшій въ главѣ синклита, произнесъ обычную поздравительную рѣчь. Изъ Успенскаго собора государь шествовалъ въ соборъ Архангельскій, потомъ въ монастыри Чудовъ и Вознесенскій и на возвратномъ пути, въ соборъ Благовѣщенскій, гдѣ и совершалъ обычное богомолье [1]).

---

[1]) Нельзя не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что весь этотъ торжественный выходъ былъ нарядженъ въ такое короткое время. Въ теченіе четырехъ часовъ съ минуты родинъ всѣ были увѣдомлены, и всѣ парадно собрались къ торжеству. Это, кромѣ многихъ другихъ данныхъ, можетъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ, что Петръ родился въ Кремлѣ, а не въ Измайловѣ и не въ Коломенскомъ, какъ утверждаютъ даже до сихъ поръ нѣкоторые изыскатели. Миллеръ еще въ 1787 году почиталъ эти мнѣнія неосновательными, по самымъ простымъ и здравымъ соображеніямъ. „Весьма невѣроятно, говоритъ онъ, чтобъ государыня царица, на послѣднихъ дняхъ своей беременности, изволила ѣздить въ Коломенское, или въ Измайлово и ожидать тамъ своего отъ бремени разрѣшенія; чего безъ многихъ затрудненій учиниться не могло. Разрядная записка

Возвратившись во дворецъ, государь, въ Столовой палатѣ, пожаловалъ изъ думныхъ дворянъ въ окольничіе отца царицы, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, и своего *друга Сергѣевича* — Артамона Матвѣева. Въ тотъ же день пожалованы были въ думные дворяне дядя царицы Ѳедоръ Полуехтовичъ Нарышкинъ, Авраамъ Никитичъ Лопухинъ и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ. Отслушавъ потомъ обѣдню, государь, по случаю общей радости, справилъ въ Передней и обычное родинное угощеніе водкой, винами и разными сластями. Принесено было питье, яблоки, дули, груши и другіе «овощи» въ патокѣ, въ ковшахъ. Изъ собственныхъ рукъ государь подавалъ водку и фряжскія вина боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, дьякамъ и полковникамъ стрѣлецкимъ; головамъ и полуполковникамъ стрѣлецкимъ и солдатскимъ подносилъ водку передъ Переднею въ сѣняхъ бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Все справлено было по обычаю, и не подавали только *коврижекъ* и *взвару*, необходимыхъ принадлежностей этого угощенія, которыхъ подача, какъ увидимъ, была отложена до другаго времени.

По порядку вскорѣ слѣдовало дать во дворцѣ родинный столъ; но черезъ три дня по рожденіи младенца наступилъ Петровъ постъ; въ воскресенье праздновали день Всѣхъ Святыхъ и было заговѣнье. — Приготовиться такъ скоро, въ два дня къ большому торжественному столу было невозможно и для дворцоваго хозяйства и для гостей, потому что къ родинному столу гости по коренному обычаю должны были явиться съ да-

---

того ихъ числа свидѣтельствуетъ, что государь царь Алексѣй Михайловичъ во второмъ часу дня присутствовалъ при благодарственномъ молебствіи въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, для сего благополучнаго рожденія отправленномъ. Могло ли сіе сдѣлаться, если изъ Коломенскаго или Измайлова о томъ въ городѣ повѣстить, духовенство собрать, и государю самому оттуда къ молебствію пріѣхать надлежало?" Собр. разн. записокъ о жизни Петра Великаго, *Туманскаго*. V. стр. 118.

рами для новорожденнаго. Нельзя однакожь было отлагать на долгое время веселое пиршество. 2 іюня въ воскресенье, въ самое заговѣнье, государь далъ приватный столъ одному боярству съ дьяками, *безъ зову и безъ мѣстъ*. Столъ накрытъ былъ въ Золотой Царицыной палатѣ. Въ числѣ яствъ важнѣйшее мѣсто занимали здѣсь *коврижки и взваръ*: «Великій Государь жаловалъ всѣхъ водкою, а заѣдали коврижками, яблоками, дулями, инбиремъ, смоквою, сукатомъ въ патокѣ и иными овощами; а какъ начали ѣсть, напередъ носили *взваръ* въ ковшахъ». Въ то же время передъ палатою, въ проходныхъ сѣняхъ, кормлены Благовѣщенскаго собора священники, которые служатъ у *крестовъ*, т. е. въ царскихъ моленныхъ комнатахъ. Этимъ небольшимъ столомъ и заключились предварительныя торжества.

Наконецъ насталъ Петровъ день, въ который праздновались именины новорожденнаго и назначены были крестины. Крестины были совершены въ Чудовомъ монастырѣ, у Алексѣя Чудотворца въ трапезѣ, передъ обѣднею, въ 3 часу дня. Крестилъ духовникъ царя, Благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ. Воспріемниками были старшій братъ Петра царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ и тетка царевна Ирина Михайловна. Когда несли новорожденнаго въ церковь, то по пути кропилъ святой водою дворцовый рождественскій священникъ Никита, весьма уважаемый въ то время за святость жизни. За крещенье государеву духовнику дано отъ государя: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 60 зол.; сорокъ соболей въ 80 руб., атласу таусиннаго 10 арш. Отъ царицы: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 9 зол.; сорокъ соболей во 100 руб.; камки куфтерю темно-лазоревой 10 арш. Отъ царевича: сорокъ соболей во 100 руб., объяри гвоздичной 5 арш., 50 золотыхъ; чудовскому архимандриту Іоакиму: кубокъ вѣсомъ фунтъ 14 зол., сорокъ соболей во 100 руб., байберекъ таусинной; рожественному

священнику Никитѣ 50 руб., дьяконамъ: чудовскому Пахомію 20 рублей да объяри таусинной 5 арш., екатерининскому Ивану сукна кармазину, тафты зеленой, по 5 арш.

На другой день, 30 іюня, также въ воскресенье, послѣ обѣдни, во дворцѣ собрались духовенство «съ образы и съ дары», боярство, гости, выборные гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и конюшенныхъ слободъ и изъ городовъ отъ посадскихъ, также съ родинными дарами. Родинный столъ былъ данъ въ Грановитой Палатѣ въ этотъ же день. Отъ другихъ столовъ родинные столы отличались неимовѣрнымъ количествомъ подаваемыхъ гостямъ всякаго рода *сахаровъ*, пряниковъ, и «овощей», вареныхъ и сушеныхъ. Столъ новорожденнаго Петра въ буквальномъ смыслѣ загроможденъ былъ этими разнообразными издѣліями старинныхъ приспѣшниковъ. Между ними самое видное мѣсто занимали и служили украшеніемъ царскаго пира огромныя коврижки и литыя сахарныя фигуры птицъ, зданій и т. д. Большая коврижка изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарныхъ орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полпуда, попугай полпуда и т. п. Былъ сдѣланъ также и *городъ сахарный Кремль съ людьми, съ конными и съ пѣшими* и другой *городъ* четвероугольный съ пушками (крѣпость). Въ то же время и царица давала родинный столъ боярынямъ въ своей Золотой Палатѣ. Изъ сахаровъ и «овощей», поданныхъ ей за столъ, коврижка большая изображала гербъ государства Казанскаго; орлы, лебедь, утя и другія птицы были того же вѣса, какъ за столомъ царскимъ. Былъ здѣсь также городъ сахарный треугольный съ цвѣтами, двѣ палатки и кроватка сахарная. Каждый изъ гостей получалъ по большому блюду съ разнообразными сахарами: зеренчатыми, леденцами и конфектами, сушеными ягодами, корицею, арбузными и дынными полосами и проч. Количество сахаровъ и разныхъ заѣдокъ со-

размѣрялось впрочемъ со степенью значенія каждаго изъ гостей. Младшіе члены пира, т. е. люди низшихъ разрядовъ получали меньше высшихъ. Это были обычные родинные подарки въ то время. Они раздавались гостямъ послѣ стола, и каждый уносилъ гостинцы съ царскаго пира домой. Тѣмъ изъ знатныхъ, которые почему-либо не могли быть на пиру, сахары посылались обыкновенно на домъ. Такимъ же образомъ черезъ четыре дня, іюля 4, справленъ былъ и *крестинный столъ*, которымъ и заключились придворныя торжества по случаю царскихъ родинъ [1]).

Теперь остановимся на первыхъ заботахъ и распоряженіяхъ касательно самого младенца. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ предметѣ, по свойству доступныхъ намъ матеріяловъ, будутъ по преимуществу касаться одной только внѣшней стороны воспитательныхъ заботъ того времени. Но соберемъ и эти скудныя и сухія крупицы, можетъ-быть и онѣ не будутъ безполезны при изученіи дѣтскихъ лѣтъ Великаго Преобразователя.

Одно изъ первыхъ распоряженій въ отношеніи новорожденнаго касалось дѣла благочестиваго и душеполезнаго. Съ дитяти снимали *мѣру*, долготу и широту, и въ эту мѣру, на кипарисной или липовой дскѣ писали икону тезоименитаго его ангела. На третій день по рожденіи Петра, 1 іюня, царь Алексѣй Михайловичъ именнымъ указомъ повелѣлъ писать мѣру сына искуснѣйшему въ то время иконописцу Симону Ушакову. На кипарисной дскѣ длиною одиннадцати, а шириною трехъ вершковъ, Ушаковъ назнаменилъ образъ живоначальныя Троицы и Апостола Петра и успѣлъ написать только однѣ ризы иконы, до лицъ, потомъ заскорбѣлъ, сдѣлался болѣнъ. Лица дописывалъ не менѣе искусный иконописецъ Ѳедоръ Коз-

---

[1]) Дополн. къ 111 т. дворц. разрядовъ, ст. 463.

ловъ. Эта *мѣра рожденія* доселѣ сохраняется надъ гробомъ Императора. Но само собою разумѣется, что многое изъ заботъ о новорожденномъ предшествовало еще самымъ родинамъ. Выборъ мамы, напримѣръ, рѣшался конечно гораздо прежде. Наготовѣ были и всѣ распоряженія по выбору кормилицы — «жены доброй и чистой и млекомъ сладостной и здоровой». Справки о такихъ качествахъ не могли быть ведены скоро, такъ-сказать въ торопяхъ, когда уже настала въ томъ рѣшительная нужда. Въ мамы Петру назначена была сначала *княгиня Ульяна Ивановна Голицына*, а потомъ боярыня *Матрена Романовна Левонтьева*; кормилицей была *Неила Ерофеева* [1]), изъ какого чина, неизвѣстно.

Намъ не встрѣтилось извѣстій ни о первомъ помѣщеніи младенца, ни о колыбели и другихъ потребностяхъ, заготовленныхъ для первыхъ его дней. Впрочемъ можно составить себѣ понятіе объ этихъ предметахъ изъ записокъ о ихъ заготовленіи въ послѣдующее время. Вообще нужно замѣтить, что дѣтская колыбель и дѣтская одежда отличались царскимъ богатствомъ и были далеки отъ той простоты, какую можно предполагать, судя по простотѣ самыхъ вкусовъ тогдашняго общежитія; тѣже цѣнныя золотныя ткани, дорогіе мѣха и т. п. являлись и у дѣтской колыбели. Такъ черезъ годъ (1673 г.) именно къ Петрову дню, къ именинамъ царевича, ему устроена *новая колыбель* изъ турскаго золотнаго бархата — «по червчатой землѣ репьи велики золоты да репейки серебряны невелики, въ обводѣ морхъ зеленъ», — подбитая хлопчатой бумагой, на тафтяной руджелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ червчатымъ венецейскимъ; яблока у пялецъ обшиты объярью по серебряной землѣ «травы золоты съ шолки розными». Въ то же время сдѣланы *пуховикъ* и *бумажникъ*, т. е. перинка и

---

[1]) Книга Кровельная 7181 г., № 524, въ Арх. Ор. Пал.

тюфячекъ. Для пуховика нижняя наволочка скроена изъ тверскаго полотна, лучшаго въ то время, а верхняя изъ желтой тафты, длиною въ два аршина. Пуху лебяжьяго, чистаго, бѣлаго, пошло полпуда. Такой же величины былъ скроенъ и бумажникъ, покрытый червчатою тафтою; хлопчатой бумаги употреблено десять фунтовъ. Подушки или взголовья также были пуховыя, изъ лебяжьяго пуху, покрытыя тафтой. Колыбель и перинки дѣлались каждый годъ, по мѣрѣ того, какъ подрасталъ ребенокъ. Дорогія ткани съ старыхъ, *отставныхъ* колыбелей употреблялись нерѣдко на *церковное строенье*, что признавалось благочестивою мыслію того времени дѣломъ богоугоднымъ и благополезнымъ въ отношеніи самого дитяти. Въ концѣ 1673 года изъ дорогаго бархата съ отставныхъ двухъ колыбелей Петра, съ *меньшей*, т. е. самой первой и со второй, описанной выше, обшиты двѣ новыя хоругви въ Успенскій соборъ и сдѣлано въ Новодѣвичій монастырь пять епитрахилей да пять поручей [1]). Впрочемъ обыкновенное легкое дѣтское платье и постельные предметы шились большею частію изъ тафты желтой, бѣлой, иногда червчатой и другихъ цвѣтовъ. На зимнее время они подбивались мѣхами изъ черевовъ бѣльихъ и лисьихъ. Такъ въ сентябрѣ 1672 года, когда Петру было только три мѣсяца, скроены ему чулки изъ желтой тафты на бѣльихъ черевахъ. Въ эту же осень и зиму ему сшиты одѣяла, одно изъ бѣлой тафты на бѣльихъ черевахъ, другое изъ желтой тафты на лисьихъ черевахъ. Съ того же времени ему стали шить и обыкновенное платье. Пятимѣсячный, онъ носилъ уже золотные кафтаны; но на первый разъ (декабря 2) ему сшили *зипунъ* (коротенькій кафтанецъ) изъ бѣлаго атласа на собольихъ пупкахъ, съ пятью золотными пуговками. Черезъ недѣлю (декабря 11) сшитъ *кафтанъ*, также на соболь-

[1]) Ibid. № 524.

ихъ пушкахъ, изъ объяри — «по червчатой землѣ, по ней струя и травы золоты съ серебромъ, въ длину аршинъ, въ плечахъ поларшина, рукава длиною 8½ вершковъ, въ корени 4 вершка, въ запястьѣ 2½ вершка; въ подолѣ ширина 2¼ аршина», — вездѣ пущено съ большимъ запасомъ. Въ тотъ же день скроенъ и *холодный кафтанъ*, такой же мѣры, изъ объяри—по алой землѣ, по ней струя и травы золоты,— на тафтяной подкладкѣ. Въ апрѣлѣ 1673 г. скроена ему *ферезея* — объярь ала струя серебряна, на тафтяной желтой подкладкѣ, обшитая кружевомъ нѣмецкимъ плетенымъ—золото съ серебромъ, и украшенная двумя гнѣздами *аламовъ* или запанъ, низаныхъ жемчугомъ, и двумя завязками съ серебряными кистьми, также низаными жемчугомъ. Однимъ словомъ, достигнувъ году, царевичъ Петръ ходилъ уже въ полномъ тогдашнемъ нарядѣ, отличавшемся обыкновеннымъ въ царскомъ быту богатствомъ. У него была шапка, обнизная жемчугомъ съ каменьями; шапка бархатная червчатая съ собольимъ околомъ; нѣсколько паръ обнизныхъ башмаковъ; богатый *опашень* — «объярь по червчатой землѣ, по ней травы золоты съ серебромъ»,— съ нашивкою и кружевомъ, низаными гурмыцкимъ жемчугомъ (597 зеренъ) и съ 6 изумрудными пуговицами на золотыхъ спняхъ или закрѣпкахъ; ферезея, описанная прежде, болѣе десяти кафтановъ шелковыхъ и золотныхъ и т. д. Гардеробъ его съ каждымъ годомъ, или точнѣе съ каждымъ мѣсяцемъ получалъ приращеніе и разнообразился новыми предметами тогдашняго костюма. Въ ноябрѣ 1673 года царевичу сшитъ *нагрудникъ* изъ червчатаго атласа съ тремя серебряными вызолочеными и украшенными финифтью пуговицами; сшита *чуга* (родъ кафтана) изъ алаго атласа на собольемъ мѣху съ 12 золочеными пуговицами и съ серебрянымъ круживомъ; скроены теплыя *рукавицы* изъ камки двоеличной шелкъ алъ да желтъ, на собольемъ мѣху, и обито су-

дно червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ [1]). Сначала гардеробъ Петра хранился въ государевой мастерской палатѣ, т. е. въ гардеробной его отца, а потомъ брата царя Ѳедора. Но въ 1676 г., декабря 14, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указалъ: брата своего государева в. г. царевича и в. к. Петра Алексѣевича *сундукъ* раковинный (украшенный перламутромъ) съ его в. г. царевичевымъ платьемъ, за печатью хоромною в. г. ц. и в. к. Наталіи Кириловны, а въ немъ платье ѣздовое теплое и холодное, ферезеи и чюги и кафтаны ѣздовые, и однорядки суконные, и шубы и опошни объяринные, золотные и серебряные и гладкіе и зуфные, и ферезеи и зипуны золотные жь и серебряные и атласные и камчатые и тафтяные и шапки бархатные двоеморхіе и гладкіе и суконные съ запаны и съ петли жемчужными, — изъ своей в. г. мастерской палаты взять въ царицыну мастерскую палату... и съ того числа указалъ в. г. брату своему царевичу Петру Алексѣевичу кроенье платью быть въ царицыной мастерской палатѣ, а что къ тому кроенью надобно будетъ и то имать изъ его государевы мастерскіе палаты [2]).

Царевичъ съ своимъ особымъ штатомъ, мамою, кормилицею и разными служебными лицами помѣщался въ отдѣльныхъ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ, которыя внутри убирались обыкновенно сукномъ. Но у Петра одна комната въ августѣ 1673 года была обита *серебряными кожами*. Черезъ два года по рожденіи ему выстроены были отдѣльные хоромы, въ которыхъ полы, частію стѣны, оконныя рамы покрыты были сукномъ червчатымъ анбурскимъ и багрецомъ. Такимъ же сукномъ былъ покрытъ и столъ. *Полавочники* на лавкахъ были сшиты изъ багрецу съ каймами изъ бѣлаго сукна, по которому нашиты травы изъ сукна желтаго и лазореваго. Ме-

[1]) Книга Кровельная 7181 г., № 524.
[2]) Ibid. 7185 г., № 528 А. О. П.

жду передніхъ оконъ стѣна обита хлопчатою бумагою и по полотну тафтою червчатою, вѣроятно для того, чтобъ отъ стѣны не дуло. Въ іюлѣ 1674 года въ эти же хоромы сдѣланъ суконный *миндерь*, т. е. тюфякъ, который клали на лавки. Кромѣ лавокъ и скамей въ хоромахъ Петра было вызолоченное *мѣсто* (родъ креселъ), сдѣланное въ 1674 г., и *кресла*, сдѣланныя въ 1677 году, обитыя рудожелтымъ бархатомъ съ золотнымъ широкимъ галуномъ; застѣнокъ ихъ или спинка была обита сафьяномъ червчатымъ; къ нимъ сдѣлана скамейка, обитая по хлопчатой бумагѣ червчатымъ сукномъ. Въ 1675 году ему сдѣлали столикъ, росписанный красками, золотомъ и серебромъ [1]). Тогда еще вмѣсто стеколъ въ рамахъ или оконницахъ употребляли слюду, слѣд. изъ слюды же были сдѣланы и оконницы въ хоромахъ Петра. Въ мартѣ 1676 года поручено было искуснѣйшему живописцу того времени Ивану Салтанову написать въ хоромы царевича оконницу: «въ кругу орла, по угламъ травы, по слюдѣ; а написать такъ чтобъ изъ хоромъ всквозе видно было, а съ надворья въ хоромы, чтобъ невидно было». Здѣсь высказалась та мысль древняго воспитанія въ царскомъ быту, въ силу которой дѣти бережно скрывались отъ постороннихъ глазъ, царевичи лѣтъ до 13, а царевны на всю жизнь.

По свидѣтельству Крекшина, которое подтверждается и другими указаніями, младенецъ Петръ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ дѣтямъ, у которыхъ раннее развитіе умственныхъ силъ шло рядомъ съ раннимъ развитіемъ силъ физическихъ. Ребенокъ обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ и крѣпкимъ сложеніемъ. «Бѣ возрастенъ и красенъ и крѣпокъ тѣломъ», замѣчаетъ Крекшинъ. На это указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что чрезъ полгода онъ начиналъ уже ходить. Въ

---

[1]) Книги Арх. Ор. П. № 524, 528, 539. и др.

половинѣ декабря 1672 года сдѣланы ему *ходячія* или *походячія* кресла, на колесахъ, обитыя на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ [1]).

Въ то же время являются разнообразныя игрушки и игры, которыя также могутъ свидѣтельствовать, что и смыслъ и силы дитяти возрастали быстро, такъ что въ забавахъ своихъ онъ скоро поравнялся съ старшими братьями Ѳедоромъ и Иваномъ. Черезъ годъ, къ именинамъ, царевичу сдѣлали деревяннаго *коня* или *потѣшную лошадку*, во всемъ уборѣ. Конь былъ обтянутъ жеребячьею выдѣланною кожею; сѣдло съ стремянами, пряжами и запряжниками было вызолочено и высеребрено сусальнымъ золотомъ и серебромъ. 1 октября 1673 года сдѣлано нѣсколько мелкихъ игрушекъ, противъ сахарныхъ образцовъ (т. е. конфектъ) — звѣри, львы, лошади, пушки. Въ ноябрѣ устроенъ потѣшный стулецъ на желѣзныхъ колесахъ, на которомъ царевичъ катался въ хоромахъ. Въ февралѣ 1674 года органистъ Симонъ Гутовскій сдѣлалъ царевичу *клевикорды*— струны мѣдныя. Въ то же время онъ починивалъ царевичу *цынбалы* нѣмецкаго дѣла и купилъ для этого *римскую струну* длиною два аршина. Въ августѣ 28 онъ дѣлалъ еще двои *цынбалы* и *страменцы*. Въ декабрѣ къ празднику Рождества царевичу были подарены *цынбальца книжскою* въ сафьянномъ аломъ переплетѣ съ золотымъ наводомъ, съ застежками изъ серебрянаго съ шелками галуна. Въ теченіи этого и слѣдующаго года цынбальца и страменцы довольно часто починивались. 1675 года въ маѣ къ страменцамъ потѣшнымъ для починки было куплено 204 стальныхъ иглы. Въ апрѣлѣ 1674 г.,

---

[1]) Книга Арх. Ор. П. № 524. Въ царскомъ быту дѣти учились ходить также посредствомъ *водильнаго нагрудника*. Сынъ Михаила, царевичъ Иванъ (род. 1 іюня 1633 г.) началъ ходить двухъ лѣтъ, въ 1635 г. Въ это время ему сшили нагрудникъ съ водилами. *См. Домашній бытъ царей, статья 6. От. Зап. т. XCIV. ст. 56.*—

на святой, царевичу устроили въ хоромахъ *качель*, на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ бархатомъ. Качели на святой были обычнымъ увеселеніемъ въ тогдашнемъ общежитіи, а потому и забавы царевича не могли отставать отъ обычныхъ порядковъ жизни и ему сдѣлали качель. Такъ точно зимою онъ катался съ горъ въ потѣшныхъ саняхъ. Такія сани были ему сдѣланы 13 декабря 1677 года, когда ему былъ шестой годъ [1]). Лѣтомъ, еще двухлѣтняго, его возили въ потѣшной кареткѣ, которая сдѣлана 9 іюля 1674 года. 1675 г. въ маѣ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ударилъ челомъ царевичу Петру: «карету маленькую, а въ ней четыре возника (лошадки) темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархатные, пряжки вызолочены, начелники, и гривы и нахвостники шитые, а кругъ кареты рѣзи вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены, да вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдь вызолочено, да кругъ кареты стекла хрустальные, а на стеклахъ писано цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ, а въ ней рѣзи, а кругъ кареты бахромы золотные. Да *виноходца* рыжа, попона аксамитная, а на ней муштукъ нѣмецкой съ яшмы, начелки и нагривки и нахвостникъ шиты; да *снегиря* нѣмецкаго» [2]). Въ этой самой кареткѣ царевичъ слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ 19 сентября того жь года. Очевидецъ этого выѣзда, Лизекъ пишетъ, что вслѣдъ за поѣздомъ царя показался изъ другихъ воротъ дворца, поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ Иванъ Грибоѣдовъ съ двумя стами скороходовъ, за ними вели двѣнадцать рослыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая, вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошадки пигмейной породы; по бокамъ шли четыре карлика, и

[1]) Кн. Арх. О. П. № 524, 531.
[2]) Дворц. Разр. т. III ст. 1419.

такой же сзади верхомъ на крохотномъ конькѣ (вѣроятно на иноходцѣ подаренномъ Матвѣевымъ).

Лѣтомъ въ іюлѣ 1675 года Петру построена была *потѣшная баба* деревянная во всемъ нарядѣ, въ кикѣ низаной съ каменьемъ и съ пелепелы и съ рясы, серьги и ожерелье низаное съ каменьи жъ, зарукавье низаное съ каменьи жъ въ лѣтникѣ и шубкѣ». 5 октября бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, сшедъ отъ государя съ Верху въ посольскій приказъ, приказалъ по государеву указу купить игрушекъ серебряныхъ или какихъ добыть можно. Тогда-же взято въ серебряномъ ряду у торговаго человѣка Ивана Ѳедорова: «ящикъ съ малыми сосудцы серебряными, и въ томъ числѣ паликадило, столъ, два шандана стѣнныхъ, два шандана столовыхъ витыхъ, кресла, ловеникъ (кувшинъ), солонка, перешница, рукомойникъ, росольникъ съ накрышкою, четыре блюда, четыре торелки, три ложки; а вѣсомъ въ нихъ серебра 2 ф. 38 золотниковъ цѣною и съ дѣломъ по 15 рублевъ фунтъ». Въ тотъ же день тѣ малые сосудцы Матвѣевъ взнесъ къ государю, а потомъ они взнесены были къ царевичу Петру [1]). Въ 1676 году къ святой недѣлѣ велѣно живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками: «гнѣздо голубей, гнѣздо ракитокъ, гнѣздо кинареекъ, гнѣздо щеглятъ, гнѣздо чижей, гнѣздо борановъ, а у борашковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть по нихъ сущая».

И по этимъ отрывочномъ указаніямъ можно уже судить, что запасъ игрушекъ былъ значителенъ и весьма разнообразенъ. Но само собою разумѣется, что для ребенка несравненно привлекательнѣе были игрушки и игры воинскія. Онѣ нравятся дѣтямъ по многимъ весьма естественнымъ причинамъ, которыя

---

[1]) Дѣла приказныя Моск. Г. Архива М. И. Д. Сообщено Н. В. Колачовымъ.

кроются въ самой натурѣ человѣка. Въ нихъ ребенокъ находитъ больше простора для той подвижности, живости характера, которая по преимуществу всегда сопровождаетъ дѣтскій возрастъ. Онъ здѣсь находитъ больше простора для *дѣла*, *дѣйствія*, для пробы и употребленія возрастающихъ силъ и смысла. Сдѣлаемъ хронологическое обозрѣніе встрѣтившихся намъ указаній о воинскихъ *потѣшкахъ*, которыя въ разное время были изготовлены царевичу Петру въ теченіи первыхъ семи или осьми лѣтъ.

Въ 1674 году, 20 іюня, куплено царевичу вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ въ саадашномъ ряду девять лучковъ жильничковъ по 20 к. за лучокъ, да восмь гнѣздъ северегъ (родъ стрѣлъ) по 4 к. за гнѣздо. Замѣтимъ, что въ это время Петру было только два года, а Ивану восемь лѣтъ. Іюля 14 живописецъ Иванъ Безминъ писалъ царевичу красками, золотомъ и серебромъ — «пять *знаменъ* маленькихъ по разнымъ тафтамъ, съ обѣ стороны солнце и мѣсяцы и звѣзды. Августа 3 иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ серебрилъ два *лука* маленькихъ. Августа 5 сшито четыре *прапорца* тафтяныхъ, красныхъ и бѣлыхъ. Августа 10 сдѣлано шесть *барабанцовъ*. Въ декабрѣ изготовляли царевичу *въ поднось* къ Рождеству два *набата* (бубны), на которые куплено: кожа, струны, мѣдныя кольца и колокольца. Одинъ изъ этихъ набатовъ, декабря 19, живописецъ Иванъ Салтановъ писалъ золотомъ и красками. Тогда же къ этому набату куплена *тесьма* (поясъ) золотная съ серебромъ, съ серебряною справою: пряжами, запряжниками и наконечниками. Въ то же время иконописецъ Ѳедоръ Нянинъ писалъ золотомъ и красками *барабанецъ*.

Въ 1675 году, 2 мая, купленъ снурокъ и струны къ барабану, а 22 сдѣланъ еще барабанъ барабанщикомъ Прокоф. Ерешѣевымъ. 11 іюня на Воробьево отвезенъ деревянный конь

царевичу. 11 іюля живописецъ Дорофей Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками *потѣхи*: топорокъ съ обушкомъ, топоръ простой, чеканецъ, пятокъ ножиковъ, топоръ посольской, молотокъ, пятокъ шариковъ, а въ тѣ шарики положены колокольцы (бубенчики). 25 ноября живописецъ Дорофей Ермолаевъ золотилъ *пушечку* съ станкомъ и съ колесы, потѣшную, царевичу въ Преображенское. 1 декабря сдѣланы шахматныя маленькія доски и вызолоченъ лукъ въ потѣшное лубье. Кромѣ того велѣно росписать еще четыре лучка недомѣрочковъ, «а чтобъ были тѣ луки цвѣтны». 15 декабря Дорофей Ермолаевъ росписывалъ цвѣтно баканомъ, ярью и золотомъ изготовленныя всякія потѣхи: пять древокъ, пять прапоровъ тафтяныхъ, на нихъ звѣзды, а въ каймахъ травы; четыре топора круглыхъ, три топора съ обушки, два топора простыхъ, два буздукана, двѣ булавы, четыре ножика, двѣ пары пистолей и карабиновъ, «а тѣ потѣхи», отмѣчено въ запискѣ, начиная съ пушечки, «сдѣланы царевичу Петру въ походъ», когда онъ выѣхалъ въ Преображенское.

1676 г. въ мартѣ царевичамъ Петру и Ивану станочникъ Андр. Васильевъ дѣлалъ потѣшные *пистоли*, *карабины*, *пищали* винтованные съ деревянными замками и стволами. 24 апрѣля велѣно выписать красками *волчки*. Мая 15 сдѣлано Петру въ лубье саадашное саадакъ стрѣлъ, по счету 17, да стольникамъ на расходъ десять гнѣздъ стрѣлъ яблоновыхъ съ бѣлохвосцовыми перьями, срѣзней, томаровъ; да десять гнѣздъ стрѣлъ березовыхъ съ простымъ перьемъ. 2 іюня сдѣлано два лука недомѣрочковъ жильниковъ. Іюля 11 Дорофей Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками *потѣшныя игры*: пару пищалей, пару пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка. 31 августа онъ же золотилъ и красками прописывалъ барабанецъ маленькій. 30 сентября, купленъ поясъ сабельный шелковый, турецкаго дѣла и при-

вязанъ къ саблѣ потѣшной, у которой ножны были обтянуты хзомъ зеленымъ съ мѣдною золоченою оправою.

1677 года, іюля 11, скроены *потѣшныя полы*, въ киндякахъ желтомъ, лазоревомъ, червчатомъ, вѣроятно къ маленькимъ шатрамъ.

1678 года, марта 11, скроено *потѣшное знамя* въ дорогахъ осиновыхъ ясскихъ да въ червчатыхъ кармазиновыхъ. Знамя это въ хоромахъ царевича приняла боярыня Матрена Леонтьева. Черезъ три мѣсяца, іюня 12, скроено другое *потѣшное знамя*, средина тафта вишнева, каймы тафта двоелична шолкъ червчатъ да лазоревъ; крестъ дороги рудожелты. Сентября 16 сшитъ *потѣшный солнечникъ* суконный на тафтѣ.

1679 года, 5 мая, снова скроено потѣшное знамя съ желтыми тафтяными каймами. Мая 15 стрѣльникъ Вас. Емельяновъ сдѣлалъ шесть гнѣздъ (стрѣлъ) северегъ и томаровъ къ шести лучкамъ недомѣрочкамъ жильничкамъ и выкрасилъ ихъ шафраномъ; а лучникъ Кондратовъ дѣлалъ къ тѣмъ лукамъ тетивы. 15 іюля скроены *потѣтныя полы*, также вѣроятно къ шатрамъ, въ киндякахъ, въ зеленомъ да въ червчатомъ, черезъ полотнище. 7 августа боярыня Матрена Леонтьева взяла въ хоромы царевича десять аршинъ сукна темнозеленаго *робяткамъ* на кафтаны. 8 сентября она же взяла два аршина тафты желтой *робятамъ* на кушаки, пару соболей да половину полы хребтовъ бѣльихъ, робятамъ къ шапкамъ на тульи; а 26 сентября взяла царевичу на потѣху тафтъ бѣлой, алой, желтой, зеленой, лазоревой по аршину; 29 на *потѣшныя трапорцы* взяла тафтъ разныхъ цвѣтовъ 6 вершковъ, да 3 вершка тафты желтой, аршинъ сукна краснаго, четверть аршина сукна червчатаго. Ноября 30 сабельники Оружейной Палаты, Прохоръ Ивановъ съ товарищи, дѣлали царевичу изъ клену и липы потѣшные сабли, полаши, кончары, топорки, а

станочникъ Андрей Васильевъ дѣлалъ изъ липы пару пистолей да пару карабиновъ. Декабря 22 живописецъ Дорофей Ермолаевъ писалъ красками два топорка, булаву, шестоперъ, пистоль, карабинъ, потѣшные деревянные.

1680 года, февраля 11, бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ принялъ въ хоромы царевичу аршинъ тафты червчатой, а сказалъ, что на потѣшные прапорцы. Около того же времени одѣты были и царевичевы четыре карлика въ малиновые суконные кафтаны на бѣльемъ мѣху, съ золочеными пуговицами. Изъ того же сукна имъ сшиты шапки и рукавицы [1]).

Изъ этого перечня случайно уцѣлѣвшихъ извѣстій, отрывочныхъ, лишенныхъ желаемой полноты, по крайней мѣрѣ въ отношеніи хронологической послѣдовательности, ясно уже видно, что Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ окруженъ былъ товарищами-ровесниками. Количество потѣшныхъ знаменъ, прапорцовъ, барабанцовъ и т. п. показываетъ, что все это заготовлялось на цѣлый маленькій полкъ, который и должно разумѣть подъ именемъ упомянутыхъ *робятокъ*. Ровесники-робятки были спальники, стольники, карлики, составлявшіе обыкновенный дѣтскій штатъ каждаго изъ царевичей и раздѣлявшіе съ нимъ дѣтскія игры. За исключеніемъ карликовъ они набирались изъ дѣтей бояръ и особенно изъ родственниковъ царицы, близкихъ или дальнихъ, которыхъ она выбирала къ себѣ въ стольники и тѣмъ приближала ко двору свое родство.

Вотъ имена нѣкоторыхъ ихъ спальниковъ и стольниковъ, находившихся въ числѣ робятокъ при Петрѣ въ первое время: Нарышкины—Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Кириловы; Василій, Андрей, Семенъ Ѳедоровы; Кирила Алексѣевъ, Иванъ Ивановъ;

---

[1]) Книги и дѣла въ столбцахъ Арх. Ор. П. № 528, 531, 539 и др.

Гаврила Головкинъ, сынъ постельничаго Ив. Сем. Головкина; Автамонъ Головинъ, Андрей Матвѣевъ, кн. Андрей Мих. Черкасскій, кн. Вас. Лавр. Мещерскій, кн. Ив. Дан. Великого-Гагинъ, кн. Ив. Ив. Голицынъ, Ив. Род. Стрѣшневъ; кромѣ того Григорій Ѳед. Балакиревъ, справлявшій должность стряпчаго у крюка; карлы: Никита Гавриловъ Комаръ, Василій Родіоновъ, Иванъ и Емельянъ Кондратьевы.

Безсомнѣнія обычныя игры съ сверстниками въ скоромъ времени вполнѣ были исчерпаны и мало уже интересовали даровитаго ребенка, въ которомъ, какъ говоритъ Крекшинъ, отъ самыхъ первыхъ лѣтъ видима была природная военная охота и храбрость, и ни къ какимъ другимъ забавамъ и увеселеніямъ онъ не прилежалъ, а желалъ только вѣдать военное ученіе. На четвертомъ году царевичь является уже *полковникомъ*; полкъ набранъ былъ изъ возрастныхъ, т. е. въ отношеніи къ нему и названъ его именемъ *Петровъ полкъ*. Крекшинъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: государь Алексѣй Михайловичь «повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ съ знамемъ и ружьемъ и прочими полковыми вещами, и богато убрать и наименовать оный полкъ *Петровъ*. Царевича Петра Алексѣевича изволилъ объявить того полка полковникомъ и по обычаю военному обо всемъ рапортовать, повелѣній отъ него требовать, что самъ государь своею персоною всегда наблюдалъ». Конечно запискамъ Крекшина въ полной мѣрѣ довѣрять нельзя; старикъ любилъ, и очень, разнаго рода украшенія, любилъ однимъ словомъ посочинительствовать, видя въ томъ одну изъ главныхъ задачъ своего труда. Однакожь его сочинительство едва ли простиралось до того, чтобъ выдумывать фактъ; онъ только узнанные имъ факты, изъ разсказовъ ли очевидцевъ или изъ современныхъ документовъ, любилъ окружать красотами повѣствованія, любилъ даже драматизировать событія въ

ущербъ ихъ простому, обыкновенному ходу. Но трудно доказать, чтобъ разсказанный имъ какой-либо фактъ не носилъ въ своихъ существенныхъ чертахъ всей правды дѣйствительнаго, а не вымышленнаго дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ возможности сомнѣваться въ томъ, что царь Алексѣй дѣйствительно присовокупилъ къ играмъ своего сына—по всѣмъ видимостямъ ребенка умнаго, живаго, какъ говорятъ, затѣйнаго, — маленькій полкъ Петровъ и самъ руководилъ игрою. Все это было простымъ, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ общаго характера дѣтскихъ игръ въ царскомъ быту. Воинскія игрушки, какъ мы уже замѣтили, были весьма обыкновенны и составляли любимую потѣху дѣтей. Въ такихъ игрушкахъ провелъ свое дѣтство и самъ царь Алексѣй; въ 1634 г. ему скованы были даже латы [1]). Сохранился также маленькій шеломъ, сдѣланный въ 1557 г. сыну царя Ивана Васильевича царевичу Ивану Ивановичу, когда ему былъ только четвертый годъ. Но принимали ли эти игры въ прежнее время какое-либо правильное устройство, такъ сказать систему, выходили ли они изъ круга простыхъ потѣхъ почти въ школьное ученье, какъ было у Петра, — намъ неизвѣстно. Знаемъ, что царевичи играли съ своими спальниками и стольниками, изъ которыхъ безъ сомнѣнія могли также составляться маленькіе полки, что было неизбѣжно по самому свойству подобныхъ игръ. Царевичи особенно любили тѣшиться стрѣляньемъ изъ луковъ. Впрочемъ обстоятельства, окружавшія игры царевичей и самый характеръ дѣтей не могли быть одинаковы, однообразны и слѣдовательно не могли вести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Для одного воинскія потѣхи утрачивали свою прелесть вмѣстѣ съ возрастомъ и оставлялись наравнѣ съ другими игрушками:

---

[1]) Домашній бытъ царей, ст. 6, От. Зап. т. XCIV, стр. 70.

царевичъ, становясь взрослымъ, *большимъ*, смотрѣлъ и на дѣтскія игры уже какъ *большой*. Для другаго, каковъ былъ Петръ, дѣтскія игры получали значеніе дѣла, значеніе школьной науки и съ годами пріобрѣтали только новыя силы и новыя формы, послѣдовательно и можно сказать органически восходя отъ ребяческихъ потѣшекъ до полныхъ маневровъ, по плану обдуманному и правильно исполненному. Однимъ словомъ Петръ, еще ребенкомъ, изъ обыкновенныхъ своихъ потѣшекъ создалъ полный курсъ военной науки. Въ этомъ отношеніи его можно признавать первымъ кадетомъ, и притомъ кадетомъ, который прошелъ весьма разумную и основательную школу.

Итакъ, если разсказъ Крекшина объ устройствѣ маленькаго полка, съ названіемъ Петрова, справедливъ и если дѣтскій полкъ, вооруженный, обученный, исполнявшій формальности дисциплины, не могъ же образоваться самъ собою, при помощи однихъ дѣтей, а требовалъ руководителя, учителя, фельдфебеля, то естественно предположить, что былъ же этотъ учитель, устроившій игру, обучавшій полковымъ дѣйствіямъ и дисциплинѣ не только малолѣтныхъ *солдатъ*, но и самого трехлѣтняго полковника Петра. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія вообще о первоначальномъ ученіи и объ учителяхъ Петра до чрезвычайности скудны. «Имена способствовавшихъ къ обученію сего дражайшаго государя намъ не оставлены», замѣчаетъ Миллеръ, справедливо предполагая, что были вѣроятно и другіе учители, кромѣ Зотова и явившагося уже въ послѣдствіи Франца Тиммермана. Однакожь весьма было бы любопытно знать имя перваго учителя въ воинскихъ играхъ Петра, перваго человѣка, который своими наставленіями, своимъ вліяніемъ не могъ не оставить въ воспитаніи ребенка болѣе или менѣе замѣтнаго слѣда.

Французъ Нёвиль, въ своихъ извѣстіяхъ о Московіи 1689

года, пишетъ между прочимъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, не за долго до своей кончины, назначилъ гувернеромъ къ Петру полковника Менезіуса, шотландца, который и занимался съ нимъ до начала царствованія царя Іоанна, слѣд. вообще до того времени, какъ правленіе перешло въ руки царевны Софіи. Тогда онъ былъ удаленъ отъ Петра въ Смоленскъ по назначенію на службу. Извѣстіе весьма сомнительное, если подъ словомъ гувернеръ разумѣть дядьку — воспитателя, ибо въ дядьки назначались люди *честные* породою, обыкновенно изъ боярскаго круга. Даже и въ учителя грамотѣ выбирали обыкновенно изъ русскихъ и преимущественно изъ умныхъ, тихихъ и толковыхъ подьячихъ. Ни той, ни другой должности иностранецъ занять не могъ, да и самая мысль объ этомъ не могла придти въ тогдашніе умы уже по одному отчужденію тогдашней жизни отъ всего иноземнаго. Но если среди прямыхъ и положительныхъ убѣжденій вѣка такой фактъ былъ рѣшительно невозможенъ, то существовала сторона быта, гдѣ иноземное легко допускалось и не смущало своимъ приближеніемъ строгихъ взоровъ старины. Эта сторона въ царскомъ домашнемъ быту принадлежала потѣхамъ, увеселеніямъ и забавамъ, а также и дѣтскимъ играмъ. Сюда иноземное проникало свободнѣе подъ видомъ бездѣлицъ, нестоющихъ серьезнаго вниманія. Намъ извѣстно уже, что дѣти царя Михаила, Алексѣй и Иванъ, и ихъ стольники были одѣты даже въ нѣмецкое платье, *курты* и т. п. [1]), въ то время, когда нѣмецкое платье строго было запрещено, такъ что сначала и самые иностранцы должны были ходить въ русскомъ же платьѣ. У Никиты Ивановича Романова, который любилъ иноземные обычаи и рядился по-нѣмецки, выѣзжая однакожь въ такомъ нарядѣ только на охоту, патріархъ отобралъ нѣмецкій

---

[1]) Домашній бытъ царей, статья 6. Отеч. Зап. т. XCIV.

костюмъ и сжегъ какъ вещь, по нѣкоторымъ понятіямъ, грѣховную. Но какъ бы то ни было фанатическое преслѣдованіе иноземнаго лишалось своей силы въ кругу дѣтскихъ забавъ, гдѣ иноземное являлось, какъ нами замѣчено, подъ видомъ потѣхи и слѣд. не имѣло какъ бы никакого значенія. Такъ *нѣмецкіе* или *фряжскіе потѣшные листы* въ XVII вѣкѣ принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ предметамъ дѣтскихъ забавъ и даже въ извѣстной долѣ служили весьма полезнымъ назиданіемъ. О содержаніи ихъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нихъ получалось покрайней мѣрѣ наглядное знакомство со многими предметами иноземнаго быта, которые были осуждены мнѣніемъ вѣка. Всѣ печатные нѣмецкіе листы съ изображеніемъ священныхъ предметовъ офиціально провозглашены были еретическими, а такое осужденіе бросало значительную уже тѣнь и на всѣ другіе листы или гравюры западнаго происхожденія, и особенно въ отношеніи изображеній, которыхъ тогдашній человѣкъ не могъ себѣ растолковать, за отсутствіемъ необходимыхъ познаній. Припомнимъ также *нѣмецкія карты* и особенно *потѣшныя книги*, рыцарскія повѣсти о Бовѣ, о «Петрѣ златыхъ ключевъ», которыя, какъ и фряжскіе листы, могли войдти къ намъ только подъ видомъ игрушекъ, потѣхъ, вмѣстѣ съ игрушками и куклами привозными. Все это даетъ намъ нѣкоторое право заключить, что для подобной же потѣхи могъ быть введенъ въ хоромы малолѣтнаго царевича Петра *нѣмецъ*, обучавшій его съ сверстниками потѣшному ратному строю. Въ этомъ смыслѣ и должно понимать гувернерство Менезіуса, упоминаемое Невилемъ. И въ самомъ дѣлѣ, комужъ было поручить образованіе маленькаго полка, какъ не нѣмцу, да притомъ, какъ говорятъ, пользовавшемуся при Дворѣ уваженіемъ. Самый чинъ *полковника*, предполагаетъ полкъ, устроенный на нѣмецкую ногу, по образцу выборныхъ солдат-

скихъ и рейтарскихъ полковъ, которые тогда были уже заведены и въ которыхъ начальные люди были большею частію изъ нѣмцевъ же. Еслибы полкъ устроенъ былъ по русски, то Петръ былъ бы названъ *воеводою*, *головою*, а не полковникомъ.

Менезіусъ, какъ мы сказали, родомъ былъ шотландецъ и славился, какъ знатокъ всѣхъ европейскихъ языковъ. «Я былъ пріятно удивленъ, говоритъ Нёвиль (встрѣтившись съ Менезіусомъ въ Смоленскѣ), найдя человѣка его достоинствъ въ варварской странѣ, ибо кромѣ познанія въ языкахъ, которыми генералъ (такъ называетъ Нёвиль Менезіуса) говорилъ превосходно, онъ многое видалъ въ свѣтѣ, и въ жизни его случалось съ нимъ достойное разсказа. Обозрѣвши большую часть Европы, поѣхалъ онъ въ Польшу, предполагая оттуда пробраться въ Шотландію. Но въ Польшѣ завязалась у него интрига съ женою одного Литовскаго полковника.-Мужъ заревновалъ, примѣтя частыя посѣщенія гостя, и велѣлъ слугамъ своимъ умертвить его. Полковница увѣдомила о томъ своего друга; онъ вызвалъ мужа на дуель, убилъ его, принужденъ былъ бѣжать и попался въ руки Москвитянъ, тогда воевавшихъ съ Польшею. Сначала обходились съ нимъ, какъ съ военнопленнымъ, но когда узнали причину его бѣгства, то предложили: либо служить въ царскихъ войскахъ, либо отправляться въ Сибирь. Онъ соглашался лучше на послѣднее, но отецъ нынѣшнихъ царей пожелалъ лично его видѣть, нашелъ въ немъ любезнаго человѣка, принялъ его ко двору и далъ ему 60 крестьянъ. Потомъ женился онъ на вдовѣ нѣкоего Марселіуса, который былъ первымъ основателемъ желѣзныхъ заводовъ въ Московіи, приносящихъ нынѣ царямъ ежегодно дохода до 100,000 кронъ» [1]). Дѣйствительно Павелъ Гаври-

[1]) Русскій Вѣстникъ 1841 г., № 9.

ловичъ Менезіусъ былъ приближенъ ко Двору и неразъ исполнялъ разныя порученія даже и по дипломатической части. Нёвиль и Лизекъ именуютъ его генераломъ; Нёвиль разсказываетъ, что онъ, возвратившись изъ посольства въ разныя государства Европы, произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а ѣздилъ будто бы съ предложеніемъ къ папѣ о соединеніи на нѣкоторыхъ условіяхъ Русской Церкви съ Латинскою. Но это былъ ложный слухъ, весьма естественно возникавшій между иностранцами-католиками, по поводу посольства въ Римъ. Менезіусъ ѣздилъ на Западъ съ объявленіемъ, что «Салтанъ Турской наступилъ на Польское государство войною, что поэтому необходимо всѣмъ окрестнымъ государямъ общими ихъ войски соединиться въ помощь Польшѣ и на оборону всѣмъ окрестнымъ христіанскимъ землямъ» [1]). Это полномочіе достаточно уже говоритъ въ пользу Менезіуса, какъ человѣка, заслужившаго довѣріе при Дворѣ, и по своимъ познаніямъ, и по личнымъ достоинствамъ и талантамъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 16 октября 1672 года и возвратился, разумѣется, безъ успѣха, 28 марта 1674 года. Сначала онъ былъ *пѣшаго строю маіоръ*, а послѣ посланничества является уже *полковникомъ рейтарскаго строю 5 полка*. Должно быть чинъ полковника нашей службы соотвѣтствовалъ генералъ-маіорскому чину на Западѣ.

Кромѣ главнѣйшаго полномочія, Менезіусу поручено было также приговорить въ Русскую службу «двухъ трубачей самыхъ добрыхъ, которые бы въ ученьи свидѣтельствованы, *на высокой трубѣ танцы трубить*; да рудознатныхъ мастеровъ, самыхъ же добрыхъ, которые знаютъ золотую и серебряную руды, и плавильщиковъ человѣкъ трехъ или четырехъ [2]). Порученіе о музыкантахъ можетъ отчасти

[1]) Памятники Дипл. Сношн. т. IV. стр.753 и др.
[2]) Тамъ-же, стр. 796.

служить указанием, что Менезіусъ, какъ бывалый человѣкъ, не безъ пользы былъ и при устройствѣ волшебной хоромины для зимняго театра, который только лишь предъ его пребываніемъ изобрѣтенъ при Дворѣ и большею частію устроивался въ селѣ Преображенскомъ. Что Менезіусъ имѣлъ какое то отношеніе къ этимъ забавамъ еще задолго въ царскомъ быту, на это указываетъ также и одинъ разсказъ Лизека. «Чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда, пишетъ Лизекъ, нѣмецкіе комедіанты должны были представлять комедію, которая, какъ они увѣряли, доставитъ большое удовольствіе царю, если только въ ней будетъ участвовать одинъ изъ нашихъ слугъ. Это былъ балансёръ, заслужившій своими шутовскими и ловкими дѣйствіями всеобщее удивленіе, особенно русскихъ, которые единогласно рѣшили, что онъ чародѣй и морочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою. Въ самомъ дѣлѣ надъ его фокусами нужно было призадуматься. Напримѣръ: онъ перекреститъ нѣсколько разъ ножи, и они сами собою подпрыгиваютъ вѣнки и деньги. Какъ мы ни присматривались къ его штукамъ, но никакъ не могли отгадать причины странныхъ явленій. Нѣмцы и нѣкоторые изъ Русскихъ просили пословъ оставить его въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царицѣ; но желаніе ихъ не было исполнено. По отъѣздѣ нашемъ, слухъ дошелъ до царя и онъ тотчасъ послалъ вслѣдъ за нами генерала Менезіуса, бывшаго нѣкогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ, съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу-фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ, и объяснивъ желаніе царя, просили отпустить сказаннаго слугу и увѣряли, что царь отдаритъ его щедро и тотчасъ отпуститъ назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ свои фокусы и удивилъ царя и царицу.» По всему вѣроятію, выборъ Менезіуса для подобныхъ

порученій не былъ случаенъ; поручали ему какъ знатоку дѣла, какъ человѣку болѣе другихъ извѣстному и способному выполнить такое порученіе. Съ другой стороны это раскрываетъ близость его къ Матвѣеву и вообще къ людямъ, бывшимъ тогда въ силѣ, а слѣдовательно и личную извѣстность самому царю.

Такимъ образомъ сказаніе Нёвиля легко можетъ быть объяснено въ томъ смыслѣ, что Менезіусъ, подъ видомъ потѣхи, обученья солдатскому строю, введенъ былъ и къ царевичу Петру. Съ паденіемъ Матвѣева удаленъ былъ и Менезіусъ, какъ человѣкъ изъявлявшій особенную ревность къ Петру и его сторонѣ. Онъ посланъ былъ въ Смоленскъ, какъ говоритъ Нёвиль. Въ 1679 году дѣйствительно ему назначенъ походъ съ полкомъ къ Кіеву противъ Турокъ [1]). Въ 1683 г. Менезіусъ снова является при Дворѣ въ качествѣ переводчика на конференціи съ Шведскимъ посольствомъ [2]), а въ 1689 г. онъ въ Смоленскѣ встрѣтилъ Нёвиля, также въ качествѣ переводчика и пристава. Вообще свидѣтельство Нёвиля едвали можно отвергать вполнѣ; лично познакомившись съ Менезіусомъ, онъ безъ сомнѣнія передалъ о немъ свѣдѣнія, какія слышалъ отъ него самого [3]).

Но какъ бы то ни было, Менезіусъ ли, другой ли кто, во всякомъ случаѣ, если вѣрить словамъ Крекшина объ устройствѣ Петрова полка, раннія потѣхи Петра не могли быть ведены безъ руководства человѣка, знавшаго дѣло; а если при томъ существуетъ свидѣтельство о гувернерствѣ Менезіуса, то мы имѣемъ возможность принять это свидѣтельство за достовѣрное.

---

[1]) Книги Разрядныя, томъ II. стр. 1159 и др.

[2]) *Баронъ Мейерберга*, соч. Аделунга. стр. 343.

[3]) Лефортъ и потѣхи Петра Великаго до 1689 года, г. Устрялова, въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. LXIX. Отд. II, 41.

Военное дѣло требуетъ строгаго порядка, строгой точности и отчетливости въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, строгаго подчиненія общему строю дѣла, однимъ словомъ, требуетъ всего того, что воспитываетъ, укрѣпляетъ и укореняетъ чувство долга. Можно съ достовѣрностью полагать, что все это въ отношеніи воспитанія дѣтей въ царскомъ быту было совершенною новостію во дворцѣ царя Алексѣя Михайловича. Извѣстно, что и прежде царевичи потѣшались воинскими играми и до этого времени они можетъ быть начальствовали маленькою ратью изъ спальниковъ и стольниковъ, но тѣмъ не менѣе въ этомъ, собственно царедворческомъ полку, они все-таки оставались царевичами. Между малолѣтною ратью и ими существовало всегда огромное разстояніе, которое не представляло ни одной точки, гдѣ бы возможно было уравненіе отношеній царственнаго ребенка съ дѣтьми царедворцевъ. Мы видѣли, что игры Петра начались съ того же; ему набраны для забавы дѣти царедворцевъ. Но живой, умный, необыкновенно дѣятельный ребенокъ не могъ конечно остановиться на этомъ и безъ сомнѣнія устройство особаго полка было вызвано какими либо новыми его затѣями, которыя по живости его характера могли возникать ежечасно. Новый полкъ, сформированный по правиламъ дисциплины, былъ шагомъ впередъ, и шагомъ весьма важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Царевичъ однакожь и здѣсь отдѣлился отъ толпы царедворческихъ дѣтей чиномъ полковника. Это очень понятно. Если въ прежнихъ играхъ онъ оставался на каждомъ шагу царевичемъ, то и въ новой сферѣ забавъ, естественно, онъ долженъ былъ занять первенствующее мѣсто между сверстниками, ибо понятія о царственномъ значеніи его лица не могли допустить даже и въ мелочахъ никакого уравненія съ другими. Такимъ образомъ царевичъ-полковникъ повидимому игралъ прежнюю роль. Но на дѣлѣ было не такъ. Весьма важно было то, что полковникъ,

если и стоялъ выше солдата по своему чину, то онъ совершенно уравнивался съ солдатомъ предъ лицемъ дисциплины, порядка, военнаго стройства и вообще обязанности службы. И тотъ и другой равно несли тяжесть и отвѣтственность общаго дѣла, которое, хотя бы и въ забавѣ, все-таки становилось выше лица, представляло сущность, безъ которой не могла вестись самая забава и которой, волею неволею, а необходимо было подчиниться. Свѣтлому, еще ничѣмъ не затертому, уму ребенка тотчасъ же раскрылась эта сущность, эта *служба*, для всѣхъ равная въ своихъ требованіяхъ. Трехлѣтній полковникъ, являясь съ полковымъ рапортомъ къ государю-отцу, могъ ясно представлять себѣ, что онъ уже не только царевичъ-сынъ, но и простой солдатъ, несущій свою обязанность, службу, долгъ, ибо «реченіе солдатъ, какъ и тогда понимали, означало всѣхъ людей, которые при войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго» [1]). Такимъ, какъ кажется на первый взглядъ, мелкимъ различіемъ въ положеніи ребенка нельзя пренебрегать, особенно когда желаемъ выяснить сколько нибудь причины того или другаго направленія въ его развитіи. Новое положеніе вслѣдъ за собою влечетъ и новое понятіе, новое представленіе въ умѣ о своемъ значеніи, о своихъ отношеніяхъ къ другимъ. При этомъ должно замѣтить, что игры и игрушки для ребенка представляютъ такую же серьезную дѣйствительность, какъ и для взрослыхъ дѣльныя занятія въ собственномъ смыслѣ. Ребенокъ, когда говоритъ, что онъ *играетъ*, вовсе не то думаетъ, что большой, опредѣляющій этимъ словомъ пустую, по своимъ понятіямъ, дѣятельность ребенка. Каждая кукла, каждый предметъ забавы, игра всякаго рода для ребенка такъ же важны и знаменательны, какъ вообще дѣльныя занятія взрослыхъ или большихъ.

---

[1]) „О воинскомъ дѣлѣ“, соч. Адама Вейде, 1698 г., рукопись.

не могли остановиться, именно на с
вать, которое такъ было свойственно
тивъ, геніяльность его тѣмъ особенно
вникнувъ въ сущность дѣла, онъ съ
чинился вполнѣ всѣмъ условіямъ воинс
выше всего не пустыя формы, ни к
ученье, *хитрость* ратнаго дѣла, кот
интересовала. А съ этой стороны, не с
его потѣхи теряли уже значеніе обыкно
и становились дѣломъ серьезнымъ, кот
равнялось съ обученіемъ грамотѣ и дру
носившимъ имени потѣхъ и потѣшекъ.
такъ именно понималъ свои воинскія иг
тѣмъ, что онъ, съ каждымъ годомъ, вс
ширялъ кругъ этихъ игръ и восходилъ
таго полковаго ученья ружейнымъ выме
емамъ фронта, *ручнымъ ухватамъ*, ка
къ артиллерійской стрѣльбѣ, къ инжене
данію земляныхъ окоповъ и крѣпостей
мованію

Поистинѣ это была самая лучшая и, при тогдашнихъ средствахъ образованія, самая разумнѣйшая школа для развитія природныхъ дарованій ребенка. Здѣсь пытливый дѣтскій умъ ежеминутно находилъ себѣ дѣло. Если ручные *ухваты*, ружейныя выметки, шагистика и тому подобныя упражненія первоначальной науки представляли мало пищи для соображеній и разсужденій, пріучая только къ *бодрому*, *безскучному* труду, то практическое примѣненіе этихъ упражненій, штурмы и осады и т. д., давали широкій просторъ умственнымъ силамъ, вызывали ихъ къ дѣятельности самостоятельной. А для ребенка, какъ и вообще для человѣка, нѣтъ выше радости, какъ видѣть плоды своей дѣятельности, чувствовать себя побѣдителемъ труда, однимъ словомъ чувствовать силу своихъ дарованій. Вотъ почему, когда Петръ взялъ приступомъ первый потѣшный городокъ, радости его при этомъ событія не можно было описать, какъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ. Это было полное торжество безскучнаго труда и дѣтской мысли, неутомимо работавшихъ въ воинскомъ ученьи съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ благотворны были потѣхи Петра для развитія физическихъ силъ ребенка. Необыкновенно крѣпкое сложеніе и цвѣтущее здоровье, которымъ онъ обладалъ, служатъ полнымъ доказательствомъ, какъ были полезны эти дѣятельныя воинскія игрушки.

Многое также въ этой школѣ послужило задаткомъ въ опредѣленіи и направленіи нравственной стороны. Привычка къ труду неутомимому и безскучному, привычка къ лишеніямъ разнаго рода, какія необходимо являлись при исполненіи различныхъ обязанностей, строгій порядокъ и точность въ дѣйствіяхъ, безъ чего невозможенъ былъ правильный и успѣшный ходъ дѣла, т. е. самой игры, а слѣд. строгость и неприятность взысканій за нарушеніе установленнаго порядка—

все это, хотя и въ маломъ видѣ, хотя и въ зародышахъ представляло богатую почву для развитія тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествъ, совокупность которыхъ явила безпримѣрный образъ въ исторіи государей.

Но важнѣе всего по своимъ послѣдствіямъ было то, что Петръ въ этой только школѣ могъ выяснить себѣ великую истину, ставить дѣло выше лица, общую цѣль выше личной цѣли, и въ этой только школѣ могъ послѣдовательно низвести свое значеніе со степени царевича до степени полнаго солдата, а потомъ перваго работника и слуги государству. Мы замѣтили уже, что чинъ полковника былъ первымъ и важнымъ шагомъ, шагомъ именно къ тому, чтобъ сдѣлаться полнымъ солдатомъ. Если цѣль хорошаго солдата быть генераломъ, какъ говорятъ, то несравненно высшая цѣль предстоитъ генералу, и особенно такому, каковъ былъ Петръ, готовившійся управлять громаднымъ и при томъ неустроеннымъ государствомъ; эта-то высокая по своей нравственной основѣ цѣль заключается въ томъ, чтобъ быть полнымъ солдатомъ, т. е. войдти въ сферу низшей чернорабочей дѣятельности, до подробностей узнать ея требованія, нужды, труды и подвиги, однимъ словомъ, сродниться съ нею и такимъ образомъ получить законную возможность разумно ею повелѣвать, разумно употреблять ея силы на общую пользу. Сдѣлавшись *рядовымъ*, ставъ *въ ряду* обыкновенныхъ служебныхъ лицъ, Петръ тѣмъ самымъ вошелъ въ незнакомый для царевичей и по многимъ причинамъ недоступный дотолѣ кругъ простыхъ и прямыхъ отношеній между сверстниками-сослуживцами. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ черною работою и искренно полюбилъ ее, какъ существенную основу всякаго дѣла. Взглядъ его и на свое призваніе и на людей по необходимости долженъ былъ измѣниться. Прежнія формы отношеній къ подчиненной средѣ, всѣ эти *чины* и *чинность*, были забыты, сдѣлались

даже смѣшными и удалены на задній планъ; впереди поставлено было дѣло, трудъ и работа, а потому и каждый истинный работникъ становился для Петра не только сослуживцемъ, товарищемъ, но близкимъ другомъ. Къ такимъ людямъ онъ привязывался всѣмъ сердцемъ, глубоко цѣнилъ и уважалъ ихъ. Всѣ обыкновенныя, существующія, отличія и различія людей совершенно сгладились передъ этимъ новымъ опредѣленіемъ ихъ значенія и достоинствъ. А какъ важно и благотворно было это новое начало отношеній для государственной дѣятельности, тому служитъ доказательствомъ вся эпоха преобразованій, явившая столько талантовъ, способностей, умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя до того времени или дремали среди умственнаго застоя или почитались контрабандою.

Кромѣ того при этомъ непосредственномъ, ближайшемъ знакомствѣ съ чернымъ трудомъ и его представителями могъ съ большею силою выработаться и тотъ необыкновенный даръ умѣнья открывать въ людяхъ способности и таланты, выбирать полезныхъ дѣятелей, даръ, которымъ въ высшей степени обладалъ творецъ новаго порядка въ русской жизни.

Вообще время первоначальныхъ потѣхъ Петра по своему значенію для его исторіи заслуживаетъ подробнаго изученія и тщательныхъ разысканій.

Но вотъ среди дѣтскихъ игръ и потѣхъ наступило наконецъ время *книжнаго ученія* и *писанія*. Крекшинъ разсказываетъ, что книжное ученіе, подъ руководствомъ Зотова, началось 12 марта 1677 года, т. е. когда царевичу былъ на исходѣ пятый годъ. Дѣйствительно, въ царскомъ быту обученье грамотѣ начиналось съ пятилѣтняго возраста. Но принимая въ соображеніе дѣтство Петра, которое, какъ отчасти уже видѣли, весьма рано выразило силу способностей ребенка, можно усомниться въ точной справедливости этого свидѣтельства и тѣмъ болѣе, что Крекшинъ умалчиваетъ о томъ,

узнаемъ, что подъячій тайныхъ дѣлъ
октябрѣ и ноябрѣ 1675 г. писалъ въ
азбуку и *часословъ*. 26 ноября, ко
чилъ свой трудъ, ему выдано въ на
чала въ соборѣ Николы Гостунскаго
многолѣтняго здравія царевича Пе
причту выдано: протопопу 10 р., тр
5 р., двумъ дьяконамъ по 3 р., дьячку
понамарямъ по 25 алтынъ. Извѣстно, ч
налось молебномъ, который служили не
церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обст
на мысль, не началось ли ученье грамо
то есть слишкомъ за годъ раньше, чѣ
Крекшинъ. Къ тому же былъ обычай
пророка Наума, т. е. съ 1 декабря. Чт
что азбука и часословъ были писанные,
уже передъ тѣмъ временемъ было нѣск
сомнѣнія они были написаны крупным
ными украшеніями, что на первый ра
даже необ

дюръ Алексѣевичъ старшій братъ Петра «вельми любяше царевича и зрѣнія его ради часто приходя къ вдовствующей царицѣ Наталіи Кириловнѣ», посовѣтовалъ однажды, что время посадить его за грамоту. Нужно было сыскать учителя, кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе. Бывшій при этомъ вмѣстѣ съ государемъ бояринъ Ѳедоръ Соковнинъ [1]) донесъ ихъ величествамъ, что имѣется мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ, Никита Моисеевъ Зотовъ. Государь повелѣлъ представить его. Не объявляя Зотову о царскомъ рѣшеніи, Соковнинъ привезъ его во дворецъ, ввелъ въ переднюю комнату и велѣлъ дожидаться. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ комнатныхъ вышелъ и спросилъ: «кто здѣсь Никита Зотовъ?» Зотовъ объявилъ себя. — «Государь изволитъ тебя спрашивать, пойди вскорѣ»,—сказалъ комнатный. При этихъ словахъ Зотовъ пришелъ въ страхъ и безпамятство, такъ что не могъ двинуться съ мѣста. Онъ вовсе не подозрѣвалъ по какому случаю долженъ былъ предстать предъ свѣтлыя очи государя. Комнатный взялъ за руку кроткаго и смиреннаго учителя и въ утѣшеніе объявилъ ему, что милости ради государь его требуетъ. Но оробѣвшій учитель просилъ, чтобъ дали хоть малое время, когда придетъ въ память. Постоявъ немного, сотворилъ онъ крестное знаменіе и пошелъ за комнатнымъ во внутренніе покои къ царскому величеству. Государь милостиво принялъ его, пожаловавъ къ рукѣ. Началось испытаніе: Зотову велѣли писать и потомъ честь книги. Къ испытанію былъ призванъ Симеонъ Полоц-

---

[1]) Соковнинъ въ 1676 г. былъ думнымъ дворяниномъ, а въ 1678 г. стольничимъ. См. Двор. Разр. т. IV. За 1677 годъ разрядовъ не сохранилось и потому неизвѣстно, когда именно Соковнинъ пожалованъ въ стольничіе.

кій, мужъ премудрый въ писаніи, который, разсмотря писаніе и слушавъ чтеніе Зотова, объявилъ государю, яко право то писаніе и глаголъ чтенія. Проэкзаменованный учитель былъ отведенъ Соковнинымъ къ царицѣ. Когда Соковнинъ представилъ его, царица, держа за руку маленькаго Петра, обратилась къ избранному учителю съ слѣдующею рѣчью: «Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь,—вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости и страху Божію и благочинному житію и писанію». До сихъ поръ Зотовъ мало понималъ въ чемъ дѣло. Услышавъ повелѣніе царицы,—весь обліяся слезами, упалъ къ ея ногамъ и, тресеся отъ страха и слезъ, проговорилъ: «нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище». Государыня, повелѣвъ встать, продолжала: «Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна». Зотовъ же не возста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество. Государыня, снова повелѣвъ встать, пожаловала его къ рукѣ и приказала явиться наутріе для ученія царевича». На другой день утромъ, въ присутствіи царя Ѳедора, патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Зотовъ, посадя царевича на мѣсто, сотворилъ ему земное поклоненіе и началъ ученіе. Въ то же время учитель былъ щедро награжденъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь—дворъ, государыня—двѣ пары богатаго платья и весь уборъ.

Царевичъ учился прилежно и охотно. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, Дѣяній и Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ же училъ царевича и писать. Обученье письму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ червчатый бархатъ *царевичевой буквари*

(прописи) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ *учительномъ налоѣ*, шириною въ 1½ арш., вышиною въ аршинъ, который въ 1680 г. былъ обитъ на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ, а въ 1682 г. алымъ атласомъ.

Не встрѣтилось намъ извѣстій о томъ, учился ли царевичъ церковному пѣнію, которое, какъ извѣстно, составляло необходимую и неотмѣнную часть тогдашняго начальнаго образованія. Отсутствіе положительнаго указанія по этому предмету не можетъ служить доказательствомъ, что пѣніе не входило въ первое ученіе Петра. При томъ кромѣ Зотова въ современныхъ расходныхъ запискахъ (1683 г.) упоминается еще *учитель* Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который можетъ быть и былъ учитель пѣнія.

Но обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ *исторіи*, дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т. е. съ рисунками, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно *потѣшными*. Но умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями и просилъ, чтобъ были избраны искусные художники для составленія подобныхъ книгъ и *училищъ*, т. е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». При помощи тогдашнихъ живописцевъ Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ

писать лучшимъ драгимъ мастерствомъ, красками: грады
палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исто
рію лицевыя съ прописьми, т. е. съ текстомъ, и распредѣлял
всѣ эти книги и училища по разнымъ покоямъ царевичевых
хоромъ. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруж
дался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселені
сказывалъ: «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его царя Алек
сѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ
военныя дѣла и дальные нужные походы, бои, взятье горо
довъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше проста
го народа, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли
и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣ
ла в. к. Дмитрія Донскаго и дѣла князя Владиміра и Алек
сандра Невскаго и о прочихъ». А чтобъ представить все эт
наглядно, показывалъ ему изображеніе разсказанныхъ исто
рій и подвиговъ и переходя изъ комнаты въ комнату, знако
милъ его съ различными *науками*, присовокупляя, что без
нихъ державнымъ монархамъ невозможно быть. Разсказ
Крекшина вполнѣ подтверждается современными офиціаль
ными свидѣтельствами. Въ описаніи царскаго домашняго бы
та [1]) мы уже имѣли случай замѣтить, что обученіе дѣте
или точнѣе передача имъ разныхъ свѣдѣній, доступныхъ том
времени, была ведена посредствомъ картинокъ и имѣла до
вольно правильный составъ. Книги съ картинками историче
скаго содержанія назывались *царственными*, потому чт
излагали исторіи царствъ. Всѣ другіе предметы, изображен
ные въ картинкахъ, свѣтскаго содержанія, носили имя *по
мешныхъ*, увеселительныхъ, служившихъ для забавы, иб
поучительнымъ, учительнымъ въ собственномъ смыслѣ по
читалось одно только *Св. Писаніе* и вообще книги церковно

---

[1]) См. Зап. т. XCVII.

учительныя. По этому и всѣ эстампы, гравюры, привозимыя съ Запада, также носили названіе потѣшныхъ, фряжскихъ и и нѣмецкихъ листовъ. Такимъ образомъ Зотовъ не былъ первымъ вводителемъ этой методы знакомить дѣтей съ разными предметами быта и тогдашнихъ знаній посредствомъ картинокъ, какъ можно бы отчасти заключить изъ словъ Крекшина. Онъ могъ сдѣлать только болѣе обширное приложеніе этой методы при обученіи Петра. Еще князь Щербатовъ, издавая въ прошломъ столѣтіи разные *лѣтописцы* подъ именемъ «царственной книги», «царственнаго лѣтописца» и «древняго лѣтописца», которые были украшены множествомъ картинъ, замѣтилъ, что эти книги составляли нѣкогда одно цѣлое и на основаніи словъ Крекшина предположилъ, что сіи сочиненія могли быть употреблены для науки Петру Великому. Дѣйствительно въ расходныхъ запискахъ 1677 года встрѣчаемъ указаніе, что 24 марта, дьякъ Андрей Юдинъ принесъ въ Оружейную палату, которая въ то время завѣдывала иконописными и живописными работами, «*книгу царственную въ лицахъ*, писана на александрѣйской бумагѣ въ десть, была переплетена, и изъ переплету вывалилась, и многіе листы ознаменены, а не выцвѣтены, шестьсотъ тринадцать листовъ, а на тѣхъ листахъ тысяча семдесятъ два мѣста (рисунковъ); а приказалъ тое книгу разцвѣтить иконописцамъ; а которые драные листы въ той книги и тѣ листы переписать вновь; а сказалъ: тое книгу выдалъ ему отъ в. государя (Ѳедора Алексѣевича) изъ хоромъ бояринъ и дворецкой и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово». Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову съ товарищи на подрядъ, по уговору за дѣло со всякаго *мѣста* (рисунка) по 6 денегъ. Такимъ образомъ время, когда эта книга поступила въ руки мастеровъ для возобновленія, именно 24 марта, совершенно совпадаетъ съ началомъ обученія Петра Зотовымъ (12 марта). Припомнимъ,

что тогда же царица Наталія Кириловна повелѣла отдать Зотову и всѣ историческія книги съ куншитами. Нѣтъ сомнѣнія, что это та самая книга, по которой Петръ знакомился съ русскою исторіей и которая потомъ въ безпорядкѣ найдена Щербатовымъ и издана подъ именемъ лѣтописцевъ. Теперь она принадлежитъ патріаршему книгохранилищу и пріобрѣтаетъ въ глазахъ любителя старины новую цѣну, какъ памятникъ первоначальной науки великаго Преобразователя.

Потѣшныя книги и потѣшные фряжскіе листы по своему содержанію принадлежали также большею частію къ историческому отдѣлу свѣдѣній. Подъ словомъ потѣшный, какъ мы замѣтили, разумѣли тогда все, что не входило въ кругъ церковной книжности. Поэтому потѣшныя книги и потѣшные листы могли быть сказочнаго, забавнаго содержанія, а также изображали и описывали предметы болѣе или менѣе назидательные или, какъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ, грады, палаты, зданія, великіе корабли, дѣла военныя, бои, взятіе городовъ, исторіи лицевыя и. т. п. Впрочемъ доступныя намъ офиціальныя указанія о потѣшныхъ книгахъ и листахъ рѣдко обмолвливаются объ ихъ содержаніи и потому мы совершенно лишены возможности опредѣлить, какими именно изображеніями начались образовательныя забавы маленькаго Петра. Извѣстно только, что потѣшныя книги очень рано вошли въ кругъ этихъ забавъ. Такъ 8 января 1675 года, когда царевичу былъ третій еще годъ, иконописецъ Тимофей Резанецъ писалъ ему потѣшную книгу въ четверть листа, расцвѣтивъ ее шафраномъ, виницейскою ярью и бѣлилами. Написать приказала боярыня Матрена Васильевна Блохина. 2 іюня 1676 г. иконописецъ Никифоръ Бовыкинъ также писалъ книгу шафраномъ на толстой и гладкой доброй бумагѣ, по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой. 20 іюня иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу и разцвѣчивалъ

сусальнымъ золотомъ по приказу боярина оружейничаго Б. М. Хитрово. 1680 г. января 15, и февраля 17, Тимофей Рязанецъ разцвѣчивалъ шафраномъ потѣшныя тетради по приказу боярина Род. Матв. Стрѣшнева. 19 марта одна потѣшная книжка была переплетена въ алый бархатъ. Но само собою разумѣется, что эти отрывочныя свѣдѣнія, случайно сохранившіяся, не даютъ полнаго отчета о всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, какія въ разное время были изготовлены царевичу. Они не могутъ также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьемъ году; потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ смыслить. Сестрѣ Петра царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года, 7 февраля 1675 года.

О потѣшныхъ листахъ офиціальныя записки сообщаютъ, что въ 1680 г. 11 марта царевичу въ хоромы было куплено потѣшныхъ листовъ на гривну, а въ 1682 г. 29 апрѣля стольникъ Тихонъ Никитичь Стрѣшневъ въ хоромы взялъ *сто листовъ фряжскихъ* [1]). Нужно замѣтить, что фряжскими листами убирались также и стѣны въ комнатахъ, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно, на стѣнахъ ли, въ рукахъ ли ребенка, эти листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнородными болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе наукъ. Къ этимъ гравированнымъ листамъ присоединились и рисованные, вѣроятно пополнявшіе выборъ печатныхъ листовъ. Въ 1679 году 19 декабря живописецъ Карпъ Ивановъ писалъ царевичу «на Александрѣйскомъ

---

[1]) Книги Арх. Ор. П. № 240 и 543.

листъ красками и золотомъ: *двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣ... небесные противъ того какъ въ столовой въ подволокахъ написано»*, то есть въ плафонѣ столовой комнаты.

Такимъ образомъ курсъ обученія былъ по преимуществу практическій, болѣе увеселительный или потѣшный, какъ тогда говорили. По содержанію онъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ никакой заранѣе опредѣленной системы, но за то какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ вкусамъ и потребностямъ даровитаго ученика, соотвѣтствовалъ именно тою стороною, которая вмѣстѣ съ первыми его играми, присвоила такой *дѣльный* и дѣятельный характеръ дальнѣйшимъ потѣхамъ и забавамъ царевича.

Скоро и легко маленькій Петръ прошелъ всѣ науки. «По немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи, замѣчаетъ Крекшинъ, а *книжное ученіе* толико имѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизусть или памятью остро прочиталъ... Егда сѣмя благихъ ученій вкоренися въ сердце юнаго отрока, тогда разжеся любовію, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ исполнить, созидать грады, и таяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать». Если съ одной стороны къ тому же самому вели первыя его игры, то съ другой книги съ рисунками, фряжскіе листы и разные куншты съ изображеніемъ военныхъ дѣлъ болѣе и болѣе укрѣпляли преобладающее направленіе въ занятіяхъ и забавахъ ребенка, съ каждымъ днемъ расширяли кругъ его свѣдѣній объ этихъ любимыхъ предметахъ. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились серьезнѣе, принимали видъ дѣйствительнаго служебнаго дѣла.

Въ началѣ 1682 года у хоромъ царевича была устроена [illegible] площадка, на которой поставлены *потѣшный*

деревянный *шатеръ* и *потѣшная изба* — это было нѣчто въ родѣ воинскаго стана. На площадкѣ стояли *рогатки* и *деревянныя пушки*, изъ которыхъ, вѣроятно посредствомъ какого-либо механизма, стрѣляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей. Соберемъ опять свѣдѣнія о заготовленіи съ этого времени разныхъ потѣшныхъ воинскихъ предметовъ. 23 марта 1682 г. бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ приказалъ починить два потѣшныхъ барабана, присланныхъ изъ хоромъ царевича, да вновь сдѣлать большой барабанъ «противъ стрѣлецкихъ». Новый барабанъ съ кожею, снурами и деревомъ стоилъ рубль. Изготовленные барабаны поданы въ хоромы. 13 апрѣля Стрѣшневъ снова выдалъ изъ хоромъ потѣшный барабанъ для починки за ново. 13 января 1683 г. велѣно сдѣлать въ хоромы двѣ пушки деревянныя, мѣрою одна въ длину аршинъ, другая въ полтора аршина, на станкахъ, съ дышлы и съ колесы окованными; пушки внутри опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки, дышла и колесы расписаны зеленымъ аспидомъ (подъ мраморъ), всѣ украшенія на нихъ, каймы, въ кругахъ орлы и клейма и репьи были оловянныя литыя. 26 марта пушки поданы въ хоромы.

6 мая 1683 года, въ 12 часу дня, Петръ, уже царь, выѣхалъ для потѣхъ въ село Воробьево и прожилъ тамъ все лѣто до половины августа, возвращаясь въ Москву только на нѣсколько часовъ, по совершенной необходимости, для присутствія при церковныхъ торжественныхъ службахъ и церемоніяхъ и по случаю пріема посланниковъ. Судя по многимъ указаніямъ расходныхъ записокъ дворца, воинскія потѣхи въ это время шли съ большою дѣятельностію, барабаны немилосердо пробивались насквозь и высылались въ Москву, въ Оружейную палату для починки. Еще предъ выѣздомъ, мая 3 былъ присланъ для починки потѣшный большой барабанъ, у котораго верхняя кожа во многихъ мѣстахъ была пробита и

струны изорваны. Мая 7 присланы для починки три потѣшные барабана; мая 9 два пробитыхъ барабана возобновлены и расписаны красками; мая 20 присланы два барабана, одинъ большой, другой маленькій; кожи у нихъ всѣ проломаны. Потомъ дошло дѣло и до пушекъ, но уже не деревянныхъ, а мѣдныхъ и желѣзныхъ. 4 іюля стольникъ Гаврила Ивановъ Головкинъ выдалъ отъ государя изъ хоромъ «*шестнадцать пушекъ* малыхъ, и въ томъ числѣ пушка большая безъ станку, двѣ пушки большія на полковыхъ станкахъ, двѣ пушки поменьше тѣхъ на полковыхъ же станкахъ, три пушки верховыя съ станками, двѣ пушки безъ станковъ большія, пушка малая безъ станку, три пушки на волоковыхъ станкахъ мѣдныя, двѣ пушки желѣзныя безъ станковъ, а приказалъ къ первой пушкѣ сдѣлать два станка одинъ полковой, другой волоковой; а которыя пушки безъ станковъ, къ тѣмъ пушкамъ придѣлать станки полковые и росписать красками цвѣтными, а старые станки починить и колеса придѣлать новые». Въ іюлѣ же, вѣроятно полковымъ музыкантамъ, *сиповщикамъ*, сдѣлано 25 сипошь (дудокъ) деревянныхъ точеныхъ, кленовыхъ. Извѣстіе о приведеніи въ порядокъ мѣдныхъ и желѣзныхъ пушекъ даетъ понятіе, что пушки эти были уже въ дѣлѣ. Дѣйствительно, въ этомъ Воробьевскомъ походѣ къ обыкновеннымъ экзерциціямъ и потѣхамъ присоединились и потѣхи огнестрѣльныя. Въ маѣ, на Воробьевѣ, пушкарскаго приказа гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла русскими мастерами и учениками произведена была *пошѣшная огнестрѣльная стрѣльба* подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера Симона Зомера, выѣхавшаго въ 1682 году и служившаго капитаномъ въ Выборномъ полку думнаго генерала Агея Алексѣевича Шепелева. 27 мая выдано этимъ мастерамъ по портищу сукна. Въ другой разъ они награждены августа 17, причемъ вообще сказано, что «государь пожаловалъ за ихъ *многіе огнестрѣльные потѣш-*

ные стрѣльбы, что они стрѣльбы дѣлали въ походѣ въ селѣ Воробьевѣ предъ великимъ государемъ, мая 30 дня стрѣляли».

Такимъ образомъ 1683 годъ былъ, кажется, первымъ годомъ, когда Петръ перенесъ свои потѣхи въ поле. Событія 1682 года, когда онъ сдѣлался царемъ и слѣдовательно получилъ бо́льшую свободу и большій просторъ въ своихъ забавахъ, не позволили воспользоваться въ то же лѣто пріобрѣтенною властію вполнѣ распоряжать необходимыми средствами для расширенія круга любимыхъ забавъ: тому мѣшала стрѣлецкая смута.

Къ этому же 1683 году, еще къ началу кампаніи, какъ можно выразиться, относится безъ сомнѣнія и тотъ анекдотъ, по поводу псовой охоты, который разсказываетъ Крекшинъ. «Любомудрый и трудолюбивый монархъ и въ дѣтскихъ лѣтахъ не дѣтскими и не псовыми и птичьими охотами забаву имѣлъ, но отдѣтска любилъ военныя науки, для чего набралъ невзрослыхъ и малыхъ и съ ними упражнялся, созидая грады, ведя апроши, штурмуя, полевые конные и пѣшіе полки уча экзерциціи, и даже имя свое написалъ въ списокъ съ рядовыми солдатами». Но такія потѣхи и труды естественно не могли нравиться царедворцамъ, стольникамъ, дѣтямъ бояръ и другихъ сановниковъ, обязанныхъ быть при немъ по наряду, по службѣ. «Бывшіе въ лѣтахъ и жившіе въ лѣностяхъ, продолжаетъ Крекшинъ, возмнили себѣ въ великій трудъ и неспокойство эти полевыя потѣхи и выхваляли государю охоту со псы и птицы, себѣ въ облегченіе». Петръ согласился потѣшиться этою охотою, назначилъ день. Когда все было готово, прибывъ на мѣсто, онъ предложилъ собранію, что желаетъ охотиться только съ самими царедворцами, а не съ ихъ холопями и велѣлъ служителямъ ѣхать по домамъ, а псовъ отдать ихъ господамъ. Такимъ образомъ псарня очутилась на рукахъ у са-

михъ бояръ, которые своры привязали къ сѣдламъ или вздѣли на руки. Но по непривычкѣ къ дѣлу новыхъ псарей, псарня вскорѣ замѣшалась, а съ нею замѣшались и кони и, освирѣпѣвъ, скакали по полю, влача псовъ и выбивая изъ сѣдла наѣздниковъ, изъ которыхъ многіе едва живы остались. Это доставило большое увеселенье государю. На другой день Петръ назначилъ охоту съ птицами и спросилъ царедворцевъ, желаютъ ли еще веселиться? Поняли царедворцы, что не лежитъ сердце у государя къ этимъ забавамъ и отреклись. Тогда Петръ спросилъ ихъ: псарями ли лучше быть или свѣтлыми воинами; въ шнурахъ псовыхъ лучше ли находить забаву или въ оружіи? Нѣтъ, въ оружіи слава всесвѣтлая, отвѣчали царедворцы. «А когда всесвѣтлая слава въ оружіи, такъ зачѣмъ же къ охотѣ отъ дѣлъ царскихъ меня отвлекаете, и отъ славы къ безславью. Я царь и подобаетъ мнѣ быть воину, а псы приличны пастухамъ и тѣмъ подобнымъ». Можно было бы усомниться въ справедливости этого разсказа или по крайней мѣрѣ въ рѣчахъ, произнесенныхъ одиннадцатилѣтнимъ царемъ, тѣмъ болѣе, что Крекшинъ вообще любитъ влагать въ уста своего героя краснорѣчивыя и разумныя не по лѣтамъ рѣчи; но имѣя въ виду весь ходъ дѣтскихъ забавъ Петра, можно съ полною вѣрою допустить, что онъ такъ именно мыслилъ о своемъ призваніи и слѣдовательно могъ такъ именно повести разсказанное событіе и такъ выразить царедворцамъ свое мнѣніе о назначеніи царя, какъ перваго въ царствѣ воина. Что же касается до того обстоятельства, что случай этотъ относится къ Воробьевскому походу 1683 года, то на это указываютъ расходныя записки, въ которыхъ между прочимъ находимъ, что 21 апрѣля для царя были приготовлены *трои нитяные своры* и *три ременные ошейника*, а 2 мая куплена *живая лисица съ дѣтьми* за два рубли, которая вѣроятно въ концѣ мая и была отвезена въ село Воробьево, ибо за провозъ

ея туда выдано 2 іюня постельному сторожу Тимошкѣ Ѳедорову четыре алтына[1]).

Въ то время, какъ одиннадцатилѣтній царь Петръ забавлялся на Воробьевыхъ горахъ воинскими потѣхами, въ Москву, въ іюлѣ, прибылъ секретарь шведскаго посольства и извѣстный путешественникъ по Азіи Кемпферъ. Онъ видѣлъ обоихъ царей, Петра и слабаго брата его Ивана, которые принимали посольство въ Грановитой Палатѣ. Разсказъ Кемпфера объ этой аудіенціи особенно любопытенъ въ отношеніи того впечатлѣнія, какое произвелъ на путешественника младшій царь Петръ. Оба ихъ величества, пишетъ онъ, сидѣли на двухъ серебряныхъ креслахъ, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней. Надъ каждымъ кресломъ висѣла икона. Одежда царей блистала золотомъ и дорогими камнями. Вмѣсто скипетровъ они держали въ рукахъ длинные золотые жезлы. «Старшій сидѣлъ почти неподвижно съ потупленными, совсѣмъ почти закрытыми глазами, на которые низко была опущена шапка; *младшій напротивъ тоѕ взиралъ на всѣхъ съ открытымъ прелестнымъ лицемъ, въ коемъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества; дивная его красота плѣняла всѣхъ предстоящихъ, такъ что, еслибъ это была простаго состоянія дѣвица, а не царская особа, то безъ сомнѣнія всѣ бы должны влюбиться въ него*». Кемпферъ даетъ Петру даже 16 лѣтъ, если это не описка или не опечатка издателей его сочиненія. Когда посланникъ, произнеся рѣчь, подалъ королевскія грамоты, старшій царь Иванъ Алексѣевичъ, протянувъ внезапно и преждевременно руку свою (для цѣлованія), привелъ посольство въ немалое замѣшательство. «Послѣ того оба царя встали и, приподнявъ нѣ-

---

[1]) Книга арх. Ор. П. № 253.

сколько шапки, спросили о здравіи короля. При семъ молодой наставникъ старшаго царя поднялъ его руку и такъ сказать взялъ оною его шапку. Младшій же царь по живости своей поспѣшилъ встать и сдѣлать вопросъ [1]), такъ что его старый наставникъ принужденъ былъ удержать его, дабы дать старшему брату время встать и вмѣстѣ съ нимъ вопросить [2])

Другой случай, характеризующій живость Петра, еще трехлѣтняго ребенка, разсказываетъ въ своихъ запискахъ Лизекъ. Австрійское посольство, котораго онъ былъ также секретаремъ, прибывшее въ Москву въ началѣ сентября 1675 г., было принято царемъ въ Коломенскомъ дворцѣ, потому что царица желала видѣть церемонію въѣзда и пріема пословъ, не бывъ разумѣется видимою сама; загородный же дворецъ представлялъ къ тому всѣ удобства. Во время аудіенціи царица съ семействомъ находилась въ смежной комнатѣ и смотрѣла на церемонію чрезъ отверстіе не совсѣмъ притворенной двери. Но по окончаніи пріема маленькій князь, младшій сынъ, замѣчаетъ Лизекъ, открылъ потаенное убѣжище матери, отворивъ дверь прежде нежели послы вышли изъ аудіенцъ-залы [3]).

Къ сожалѣнію, о подобныхъ случаяхъ, о дѣлахъ его дѣтства, мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. Крекшинъ разсказываетъ еще о томъ, какъ маленькій Петръ жаловался брату Ѳеодору на новаго Годунова, боярина Языкова, который предлагалъ и даже дерзновенно будто бы выговаривалъ царицѣ Наталіи Кириловнѣ, жаловавшейся на утѣсненіе въ покояхъ, выѣхать въ другой дворецъ, можетъ-быть одинъ изъ загородныхъ. Видя печаль матери по поводу этого предложенія, царевичъ однажды сказалъ Зотову: «идемъ, да поклонюся брату

---

[1]) По обычной формулѣ: Его королевское величество братъ нашъ и пр. по здоровуль.

[2]) *Баронъ Мейерберъ*, изд. Аделунгомъ, стр. 337 и слѣд.—

[3]) Ж. М. Н. П. 1837, ноябрь, стр. 356.

моему, царю Θеодору Алексѣевичу». Ни Зотовъ, ни царица не знали будто бы о его намѣреніи. Пришедъ къ царю, онъ держалъ, при всемъ синклитѣ, слѣдующую рѣчь: «Жалобу приношу на Годунова, нарицаемаго Языкова, который хочетъ меня нечестно и съ матерью моею выслать изъ дома моего отца и отъ тебя, любезнаго моего брата, какъ древній Годуновъ царевича Димитрія. Если онъ (Языковъ) тебѣ и угоденъ, то я все-таки хочу жить вмѣстѣ съ тобою въ однихъ чертогахъ, чтобъ спасти жизнь свою отъ этого убійцы». Облившись слезами и обратясь къ предстоявшему синклиту, онъ заключилъ: «или я не сынъ державнаго царя Алексѣя, что мнѣ уже и въ домѣ отца моего и угла нѣтъ?» Царь Θедоръ облобызалъ ребенка, посадилъ возлѣ себя на тронѣ и, оправдывая Языкова, сказалъ, что повелѣлъ въ прибавку дать царицѣ новое помѣщеніе во дворцѣ. Это было въ 1679 году. Около этого времени дѣйствительно построены были для царицы Наталіи съ сыномъ новыя хоромы, примыкавшія къ патріаршему двору. Языковъ, думая, что царевичъ жаловался по наученію Зотова, употребилъ все свое вліяніе, чтобъ удалить его отъ царевича. Въ 1680 г. Зотовъ былъ посланъ съ посломъ Тяпкинымъ въ Крымъ для заключенія мира; но по возвращеніи попрежнему оставался при Петрѣ учителемъ.

Припомнимъ также нѣсколько указаній о кормилицѣ Неонилѣ Ерофеевой, которую ребенокъ, какъ видно, любилъ и очень заботился объ устройствѣ ея домашнихъ дѣлъ. Въ сентябрѣ 1683 года она погорѣла. Петръ пожаловалъ ей, для пожарнаго разоренья сто рублей, и когда она снова построилась, въ концѣ октября, послалъ къ ней на новоселье хлѣбъ-соль, то есть хлѣбъ, купленный за 6 денегъ и оловянную солонку съ солью, купленную за три алтына двѣ деньги.

Въ 1684 году кормилица Ненила задумала выйти замужъ. Государь далъ ей на приданое тысячу рублей: 500 рублей

1 мая и 500 рублей 30 августа: сумма по тому времени весьма значительная. Она вышла замужъ за князя Львова и съ той поры именовалась уже княгинею Неонилою Ерофеевною, состоя въ чиновныхъ спискахъ придворнаго царицына штата первою подъ дворовыми или придворными боярынями, гдѣ она упоминается еще и въ 1695 году. Въ 1692 г. марта 24 государь пожаловалъ ей, вѣроятно также на новоселье, четыре пары соболей, одну въ 20 руб., другую въ 15 р. и двѣ по 10 р. [1]).

Въ этой попыткѣ собрать мелкія указанія о дѣтствѣ Петра мы останавливаемся на 1683 годѣ, отлагая до другаго времени и новыхъ поисковъ описаніе послѣдующихъ потѣхъ, перенесенныхъ въ 1684 году въ Преображенское, гдѣ съ потѣхами почти незамѣтно слилось и великое дѣло преобразованія.

---

[1]) Книги Арх. Ор. Пал. №№ 258, 295 и 567.

ХАРАКТЕРЪ НАЧАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

(Нѣсколько замѣчаній о „Замѣткѣ для исторіи просвѣщенія въ Россіи" г. Купріянова.)

Не безъ интереса мы встрѣтили *Замѣтку для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, напечатанную г. Купріяновымъ въ 1855 году почти въ одно время и въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№. 163), и въ «Москвитянинѣ» (№ 10), и за тѣмъ снова перепечатанную въ Журналѣ Минист. Нар. Просвѣщенія (августъ 1855). Для насъ лично *Замѣтка* эта особенно любопытна въ томъ отношеніи, что она вызвана нашею статьею «Домашній Бытъ Русскихъ Царей прежняго времени» (ст. седьмая, «Отеч. Записки» 1854, № 12) и составляетъ въ сущности замѣчанія на нашъ трудъ, сдѣланныя г. Купріяновымъ съ цѣлью устранить наши недомолвки, неполноты, ослабить слишкомъ рѣзкіе и односторонніе наши выводы — однимъ словомъ, съ желаніемъ съ своей стороны способствовать по возможности дальнѣйшей разработкѣ любопытнаго и въ высокой степени важнаго предмета, каковъ именно характеръ прежняго народнаго образованія. Каждый изъ насъ очень хорошо понимаетъ, какъ важны и дороги такія замѣчанія среди труда, къ которому отъ времени, отъ постояннаго бли-

[illegible] слишкомъ присмотриться. [illegible] постоянно вблизи наблюдать [illegible] мало теряетъ способность [illegible] горизонтъ стѣсняется, и мно- [illegible] своей ясности и истинности. [illegible] благонамѣренное замѣчаніе, лишь [illegible] *мѣстомъ*, приноситъ изы- [illegible] пользу: оно расширяетъ горизонтъ его [illegible] его или исправляетъ, указывая [illegible] стороны, даетъ новое освѣщеніе, а иног- [illegible] односторонностями еще болѣе ут- [illegible] труда, заставляя снова осмотрѣться, снова [illegible] данныя, на которыхъ построенъ тотъ [illegible] однимъ словомъ, каждое такое замѣча- [illegible] къ улучшенію труда. Сверхъ того [illegible] критическія замѣтки бываютъ иногда [illegible] изыскателю, если онъ избралъ предметъ [illegible] насущныхъ ученыхъ вопросовъ, вообще [illegible] тельное сужденіе о своей работѣ, хоть [illegible] лежащее изъ ряда общихъ мѣстъ... Вотъ [illegible] съ которымъ мы встрѣтили «Замѣт- [illegible] Обсуждаемые тою же высокою важностью [illegible] по сознанію автора, вызвала эту «Замѣт- [illegible] и неоднократное перепечатаніе ея [illegible] сдѣлать нѣсколько объясненій и [illegible] предметъ дѣйствительно любопытенъ [illegible] точнаго, отчетливаго, всесторонняго [illegible]

[illegible] споры весьма-часто вызываются не [illegible] погрѣшностями, ошибками или не- [illegible] ложностью во взглядахъ, различіемъ [illegible] смотрятъ на предметъ изслѣдователи.

Тотъ или другой взглядъ на предметъ, такое или иное пониманіе предмета изслѣдователь получаетъ или готовымъ отъ извѣстной школы, или пріобрѣтаетъ постепенно, такъ-сказать практически, на мѣстѣ дѣла, по мѣрѣ непосредственнаго и долгаго изученія фактовъ. Дѣло, конечно, не въ томъ, какимъ способомъ пріобрѣтено данное пониманіе предмета, а въ томъ, вѣрно ли это пониманіе, вѣрно ли оно опредѣляетъ ту *дѣйствительность*, изъ среды которой выработано. Но во многихъ случаяхъ нельзя не отдать преимущества самостоятельной работѣ предъ школьными положеніями, принимаемыми на вѣру безъ далнѣйшихъ разсужденій. Есть множество умовъ, для которыхъ школа, то-есть кругъ понятій, принятыхъ на вѣру, вполнѣ замѣняетъ непосредственное наблюденіе, непосредственную дѣятельность мысли. Такіе умы, однажды навсегда рѣшившіе всѣ вопросы, бываютъ совершенно непроницаемы въ дѣлѣ убѣжденія, въ дѣлѣ истиннаго, по возможности всесторонняго пониманія предметовъ; никакая очевидность и осязательность приводимыхъ доводовъ не въ силахъ противиться ихъ упругости... Къ каждому предмету изслѣдованій или наблюденій эти умы подходятъ съ запасомъ уже готовыхъ выводовъ или положеній и въ своихъ разъисканіяхъ останавливаются только на такихъ фактахъ, которые способны подтвердить эти задушевныя положенія, оставляя въ сторонѣ, безъ малѣйшаго вниманія и даже пониманія, все то, что съ ними не согласуется. Къ каждому предмету они подходятъ не съ цѣлью узнать предметъ, а съ цѣлью найдти въ немъ подтвержденіе своимъ любимымъ положеніямъ. При всей относительной пользѣ такого направленія въ наукѣ, это направленіе наноситъ ей несравненно болѣе вреда, загромождая ее матеріально невѣрными поясненіями и водворяя въ ея области ложныя заключенія, съ которыми, когда они усилятся до значенія авторитетовъ, борьба бываетъ всегда трудна...

[illegible] ъ [illegible]мѣткѣ» г. Купріянова. Существе[illegible]
— [illegible] опроверженіемъ нашихъ рѣзкихъ пол[illegible]
[illegible] въ старину педагогія наша не была с[illegible]
[illegible] розы: что обученіе грамотѣ сопровожд[illegible]
[illegible] ученіемъ, ласковымъ утѣшеніемъ, радост[illegible]
[illegible] и любовнымъ обычаемъ», какъ писали т[illegible]
[illegible], что это самое составляетъ замѣчательну[illegible]
[illegible] русской педагогіи, или дидактики, какъ гов[illegible]
[illegible] «Замѣтки». Во вторыхъ, что кругъ др[illegible]
[illegible], вопреки нашему мнѣнію, не ограничивал[illegible]
[illegible] самонужнѣйшихъ церковныхъ книгъ, по[illegible]
[illegible] обученіемъ механизму чтенія, а вмѣща[illegible]
[illegible] которыя научныя (по другой редакціи: учены[illegible]
[illegible] грамматику и ариѳметику и *необход*[illegible]
[illegible] *общежитіи*. Хотя скромный авторъ и [illegible]
[illegible] важнаго значенія своимъ замѣткамъ, [illegible]
[illegible] представляютъ весьма существенное пр[illegible]
[illegible] вопросамъ. Постараемся по возможнос[illegible]
[illegible] насколько справедливы эти замѣчанія, на ско[illegible]
[illegible] и дополняютъ нашъ трудъ.

[illegible] нашей послѣдней статьѣ: «Домашній Бы[illegible]
[illegible] начальнаго образованія въ до-петровско[illegible]
[illegible] въ тогдашнее время «выучиться гр[illegible]
[illegible] легко: это былъ такой сухой и тяжел[illegible]
[illegible] въ настоящее время едва-ли можно сост[illegible]
[illegible]. Старинная грамота являлась дѣтя[illegible]
[illegible] любящею нянею, какъ теперь, въ возм[illegible]
[illegible] ласковости, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣ[illegible]
[illegible] являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ [illegible]
[illegible] въ одной рукѣ и съ розгою въ друг[illegible]
[illegible] наказаніе вообще признавали пер[illegible]
[illegible] школы науки». Называя сухимъ, тяжелы[illegible]

овымъ трудъ стариннаго обученія, мы намѣрены были
ачить и, надѣемся, обозначили этими выраженіями не
о сторону строгаго понужденія учиться, но и сторону
о метода въ преподаваніи, сторону учебныхъ пособій,
рей и другихъ книгъ. Все это вмѣстѣ для ребенка пя-
десяти лѣтъ было дѣйствительно сухо, тяжело и сурово.
зательствомъ можетъ служить составъ тогдашнихъ бук-
і и книги, употреблявшіяся въ первоначальномъ чтеніи.
одтвержденіе же нашихъ словъ о значеніи наказанія въ
ей педагогіи, мы указали на картинку, которою начина-
букварь Бурцова и которая изображаетъ *училище*, гдѣ
ъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ предъ строгимъ ди-
ломъ, готовящимся наказать его розгою. При уясненіи
й дѣйствительности, такими изображеніями пренебрегать
я: они служатъ вѣрнымъ отраженіемъ понятій и жизнен-
положеній своего времени. За тѣмъ мы привели *увѣща-*
ообще о пользѣ наказанія, изъ букваря 1679 года.
лъ этого увѣщанія тотъ же, что̀ и смыслъ упомянутой
нки.

Хощеши, чадо, благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребывати.
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти.
Розги малому, бича большимъ требѣ...
Та орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничтоже вредятъ.
Розга умъ острить, память возбуждаетъ
И волю злую въ благу прелагаетъ.
Учитъ Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службы ходити...
Жезлъ лѣнивыя въ дѣлу понуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ поучаетъ...
Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,

Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ..
Сіе же слово за даръ благъ воспите,
Не злословьте ни, но благословите:
Яко вамъ благихъ всячесскихъ желаю...

Но, приводя эти собственно книжныя свидѣтельства, мы желали ихъ подтвердить фактами изъ живой дѣйствительности и съ этою цѣлью сдѣлали выписку, въ подстрочной выноскѣ, изъ «Записокъ» Данилова. Выписка эта весьма живо, хотя и довольно рѣзко, односторонне, характеризуетъ значеніе лозы въ старинномъ книжномъ обученіи. Мы полагали, что и этихъ свидѣтельствъ будетъ достаточно, чтобъ уяснить дѣло и безъ того ясное... Г. Купріяновъ не соглашается съ нашимъ заключеніемъ, что положеніе старины: «розга хоть нѣма, да придаетъ ума», имѣло дѣятельную силу у нашихъ предковъ, что наказаніе было неразлучнымъ спутникомъ обученія. Выписку изъ «Записокъ» Данилова, какъ относящуюся къ позднѣйшему времени, онъ считаетъ *неумѣстною*. . Но почему же? Неуже-ли лоза дѣйствительно вошла въ употребленіе только съ XVIII столѣтія? Мы думаемъ, что изображенная на первомъ листѣ букваря въ 1634 году, воспѣтая стихами въ букварѣ 1679 года и описанная Даниловымъ въ 1730 году—пресловутая лоза въ-теченіе этихъ ста лѣтъ едва-ли могла что́ утратить изъ того значенія, какое придавали ей старинные дидаскалы и педагоги. Какъ бы то ни было, г. Купріяновъ, въ параллель къ выпискѣ изъ «Записокъ» Данилова и въ пополненіе статьи нашей, приводитъ *другое извѣстіе, болѣе древнее*, чѣмъ записки умнаго майора, именно: дѣлаетъ *маленькую* выписку изъ «Степенной Книги», изъ которой видно, что первый всероссійскій митрополитъ Михаилъ, при заведеніи (первыхъ) училищъ (при св. Владимірѣ)—«призываше всѣхъ сихъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учити юныя дѣти, яко-

же словесемъ книжнаго разума, такоже благонравію и правдѣ, и любви, началу премудрости—страху Божію, и чистотѣ, и смиренномудрію. Учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ, да не унываютъ, не ослабѣваютъ; прилежно и часто послушивати и наказывати ихъ, предавати и комуждо ихъ урокъ ученія съ разсужденіемъ, противо коегождо силы, и со ослабленіемъ, да не унываютъ» и проч. Первый россійскій митрополитъ дѣйствительно могъ дать такое наставленіе, благословляя на трудъ первыхъ учителей. Возможность такого наставленія оправдывается тѣмъ болѣе, что матери плакали о дѣтяхъ, отданныхъ въ ученіе, какъ о мертвецахъ, думая, что разстаются съ ними навсегда; плакали, безъ-сомнѣнія, и дѣти, плохо понимая въ чемъ дѣло. Можетъ-быть, имѣя въ виду это обстоятельство, составители «Степенной Книги», вѣрные общему характеру своего труда, вѣрные главной своей цѣли: изобразить *благочестіе русскихъ началодержецъ* по степенямъ ихъ родословія, нашли весьма приличнымъ приписать такое наставленіе первому всероссійскому митрополиту, точно такъ, какъ находили приличнымъ постоянно влагать въ уста святителей и князей благочестивыя рѣчи, которыя, хотя и не были дѣйствительно говорены, но имѣли весьма важное значеніе для сочиненія, излагавшаго и теорію, и исторію благочестія.

Древній лѣтописецъ, достовѣрнѣйшій свидѣтель въ этомъ случаѣ, о наставленіи митрополита Михаила не говоритъ ни слова, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ можетъ современный намъ изъискатель утверждать свое положеніе на сказаніи, сочиненномъ спустя болѣе *пятисотъ* лѣтъ послѣ дѣйствительнаго событія, и какъ *могло имѣть* это наставленіе обязательную силу для учителей въ то время, когда оно не

было еще и написано, и, наконецъ, какъ можетъ оно, въ такомъ случаѣ, составлять *замѣчательную черту древней русской педагогіи* или даже и *дидактики*?

Это наставленіе, даже и со времени своего выхода въ свѣтъ, то-есть съ половины XVI-го вѣка, не имѣло и не могло имѣть ни малѣйшей обязательной силы въ учебномъ кругу: оно нисколько къ нему не относилось и оставалось только съ значеніемъ литературнаго памятника, и для своего и для послѣдующаго времени. Вліянія этого наставленія мы не видимъ даже и въ «Стоглавѣ», который принадлежитъ тому же времени. Вотъ глава *о училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ*: «И мы о томъ по царскому совѣту соборнѣ уложили: — въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ... избрати добрыхъ, духовныхъ священниковъ и діаконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ инѣхъ ползовати, и грамотѣ, и чести и писати горазды; и у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобъ священники и дьяконы и всѣ православные христіане въ коеждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей наученію грамотѣ и на ученіе книжнаго писма и церковнаго пѣнія, псалтырнаго, и чтенія налойнаго; и тѣ бы священники и дьяконы и дьяки, избранные, учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ; наипаче же сего учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія... чтобъ имъ... пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину... Да учениковъ же бы есте своихъ во святыхъ церквахъ Божіихъ наказывали и поучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію и пѣнію и конарханію по церковному чину а учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ доволно, сколко сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи бы сказывали по дан-

ну вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобъ учещы ваши всѣ книги учили, которыя Соборная Святая Церковь пріемлетъ, чтобъ потомъ и впредь могли не токмо себѣ, и прочихъ ползовати и учити страху Божію о всѣхъ полезныхъ. Такъ же бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколко сами умѣютъ, ни что же скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе; а и здѣ отъ ихъ родителей дары, поести пріемлюще, по ихъ достоинству». Нельзя не видѣть, что «Стоглавъ» мало заботится о томъ, какъ учить грамотѣ— радостовидно, любовнымъ обычаемъ, или строго—мало заботится, потому что въ то время вопросъ о наказаніи, какъ и нынѣ при начальномъ водвореніи грамотности, былъ вопросомъ второстепеннымъ. Прежде всего нужно было водворить, распространить грамотность; заботы о смягченіи суровости преподаванія, заботы объ улучшеніи и упрощеніи способовъ обученія и съ этою цѣлью самыхъ учебныхъ книгъ являются уже гораздо послѣ... Мы учимся грамотѣ вотъ ужь слишкомъ восемьсотъ лѣтъ, но, положа руку на сердце, можемъ ли сказать, что эти вопросы и въ наше время разрѣшены совершенно—въ наше время, которое уже болѣе ста лѣтъ пользуется всѣми выгодами просвѣщенія и общественнаго развитія и которое въ этомъ отношеніи несравнимо съ стариною XVI и XVII столѣтій. Вотъ почему тамъ, гдѣ дѣло шло о дѣлѣ, а не о возможностяхъ, гдѣ являлось практическое выполненіе всякаго рода наставленій въ отношеніи начальнаго обученія, тамъ, именно въ старинныхъ букваряхъ, предлагаются совѣты не о радостовидномъ страхѣ и т. п., а вообще о необходимости и пользѣ наказанія въ младыхъ лѣтахъ, особенно при обученіи грамотѣ. Это было общимъ положеніемъ тогдашней дѣйствительности; частности, которымъ представлялась возможность миновать это общее положеніе, не имѣютъ силы въ разрѣшеніи настоящаго вопроса.

При этомъ должно замѣтить, что никакой фактъ минувшей жизни, какъ бы ни былъ онъ мелокъ и незначителенъ, нельзя разсматривать и объяснять отдѣльно отъ всей среды, гдѣ онъ имѣлъ дѣятельную силу. Всѣмъ извѣстно, что XVI и XVII столѣтія и не у насъ однихъ отличались, сравнительно съ настоящимъ временемъ, особенною суровостью, не говоря уже о предшествовавшихъ вѣкахъ. Если необходимы были *правежи*, необходимы были *батоги*, какъ исправительное и понудительное средство для уклонявшихся отъ существовавшихъ въ то время юридическихъ и нравственныхъ опредѣленій, то едва-ли можно хорошо понять, что именно въ воспитаніи и начальномъ обученіи, словомъ, въ древней педагогіи, не существовало подобныхъ же средствъ, а существовало, наоборотъ, самое высокое, гуманное направленіе, доступное только несравненно болѣе развитому обществу. Нѣтъ, дѣйствительность всегда вѣрна себѣ! Въ параллель къ наставленію «Степенной Книги», мы, съ своей стороны, укажемъ XVII главу «Домостроя»: *како дѣти учити и страхомъ спасати*. «Домострой» не то, что̀ «Степенная Книга», хотя онъ явился почти въ одно съ нею время. Его совѣты, наставленія, опредѣленія, кромѣ неизбѣжныхъ общихъ мѣстъ, представляютъ множество практически-оправданныхъ истинъ и живутъ до настоящихъ дней въ русскомъ народѣ, хранятся какъ отеческія преданія. Слѣдовательно, онъ не *могъ* только *имѣть*, а дѣйствительно имѣлъ обязательную силу для тогдашняго быта, потому-что самъ явился какъ результатъ этого быта, послѣдній выводъ его разнообразныхъ условій. Вотъ что̀ говоритъ «Домострой», касаясь воспитанія и практически оправдывая свои положенія по этому предмету: «Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ (лозою) біеши его, не умретъ, но

здравіе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамиши лица своего; да въ послушаніи ходитъ; да не свою волю пріимши и въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое, и сотворитъ тя знаемымъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ тя предъ множествомъ народа; аще бо отдаси дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши, и посреди собора похвалишися: при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъ млада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ; и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твоя. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велици поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины сотвориши души твоей. И не дажъ ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележа растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь души, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властели платежъ и досада зла».

Можно было бы много привести подобныхъ параллелей, наставленія которыхъ имѣли дѣятельную силу въ нашемъ древнемъ обществѣ, ясно выражали его требованія, его пониманіе—словомъ, выражали дѣйствительность.

Такимъ образомъ, по крайнему нашему убѣжденію, *пополненіе* г. Купріянова изъ «Степенной Книги» мы рѣшительно не можемъ принять въ соображеніе при обсужденіи столь важнаго предмета, каковъ характеръ прежняго народнаго образованія, и по тому же крайнему убѣжденію полагаемъ, что поступили совершенно правильно, «не взявъ его во вниманіе и отринувъ его, какъ исключеніе и частный случай». Кстати здѣсь мы обозначимъ свою точку зрѣнія на предметъ, кото-

рый стараемся по мѣрѣ силъ разъяснять. Для насъ въ изъисканіяхъ старины важно и дорого не то, что̀ могло быть, а то, что̀ дѣйствительно было и жило. Наша забота—вынести на свѣтъ минувшую дѣйствительность во всѣхъ ея частныхъ, такъ-называемыхъ, мелкихъ явленіяхъ жизни, избѣгая по возможности авторскаго суда надъ этими явленіями, который, по нашему мнѣнію всегда болѣе или менѣе грѣшитъ односторонностію. Наше дѣло собрать эти мелкіе факты минувшей дѣйствительности, предоставляя судъ надъ ними и краснорѣчивое ихъ разъясненіе—имъ же самимъ. Оттого во многихъ случаяхъ мы предпочитаемъ говорить словами древнихъ актовъ и записокъ, полагая, что приводимыя нами данныя становятся несравненно яснѣе и живѣе отъ присутствія той рѣчи, которая служила нѣкогда ихъ живымъ выраженіемъ. Оттого мы мало дорожимъ тѣми сказаніями и свидѣтельствами, въ которыхъ находимъ на первомъ мѣстѣ *сочинительскій* трудъ, вмѣсто простаго, безхитростнаго или, какъ говорятъ, наивнаго изображенія того, что̀ и какъ было. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи памятники юридическіе, частную домашнюю переписку, записки, писанныя безъ намѣренія посочинительствовать, мы несравненно ставимъ выше, чѣмъ сочиненія, наполненныя не рѣдко чужими риторическими украшеніями, безцвѣтными и ничего болѣе не выражающими, какъ только сочинительское намѣреніе разсказать простое событіе съ особенною плодовитостью и какъ можно высокопарнѣе. Еслибъ цѣль наша заключалась въ томъ, чтобъ представить не дѣйствительность русской старины, а свое воззрѣніе на нее, тогда наши статьи могли бы растянуться неимовѣрно широко, ибо наставленій и разсужденій, общихъ мѣстъ, въ родѣ «Степенной Книги», въ нашихъ памятникахъ встрѣчается несравненно болѣе, чѣмъ фактовъ житья-бытья, живой дѣйствительности.

«Другой выводъ, что главнѣйшею и *почти* единственною цѣлію книжнаго образованія встарину была потребность государства въ церковно-служителяхъ, и что кругъ древняго воспитанія тѣсно ограничивался изученіемъ только самонужнѣйшихъ церковныхъ книгъ, *почти* исключительно обученіемъ механизму чтенія, этотъ выводъ (говоритъ г. Купріяновъ) намъ *кажется слишкомъ рѣзкимъ и односторонним*». Первую часть нашего вывода авторъ опровергаетъ слѣдующимъ образомъ: «Правда, въ характерѣ древняго русскаго воспитанія первенствовалъ элементъ духовный; но онъ не былъ исключительнымъ: государство столько же нуждалось въ грамотныхъ людяхъ для цѣлей гражданскаго управленія; судебная часть всегда ввѣрялась лицамъ свѣтскимъ и *съ достаточнымъ образованіемъ*; при каждомъ князѣ, безъ-сомнѣнія, находилась всегда особая *канцелярія изъ людей не только грамотныхъ, но и знакомыхъ съ необходимыми науками въ общежитіи*, словомъ, *изъ людей, по времени, образованныхъ*. Уцѣлѣвшіе отъ весьма давняго времени памятники нашей письменности, особенно же юридическаго и историческаго содержанія, писались, безсомнѣнія, не исключительно же лицами духовнаго званія. Наконецъ и сами князья получали книжное образованіе (кто жь въ этомъ сомнѣвался?); для доказательства укажемъ хотя на Ярослава I, Владиміра Мономаха и отца его Всеволода, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Владиміръ Мономахъ: «Яке же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль». Вотъ еще любопытное извѣстіе Первой Новогородской Лѣтописи, доказывающее, что князья смолоду обучались: «Той же зимы (1341 г.) пріѣхалъ Михаилъ княжичь Александровичь съ Тфери въ Новгородъ къ владыцѣ, сынъ крестъный, грамотѣ учиться».—Мы удивились этой особенной заботливости, особенному старанію доказывать, что

рый стараемся по мѣрѣ силъ разъяснять. Для насъ въ изъисканіяхъ старины важно и дорого не то, что̀ могло быть, а то, что̀ дѣйствительно было и жило. Наша забота—вынести на свѣтъ минувшую дѣйствительность во всѣхъ ея частныхъ, такъ-называемыхъ, мелкихъ явленіяхъ жизни, избѣгая по возможности авторскаго суда надъ этими явленіями, который, по нашему мнѣнію всегда болѣе или менѣе грѣшитъ односторонностію. Наше дѣло собрать эти мелкіе факты минувшей дѣйствительности, предоставляя судъ надъ ними и краснорѣчивое ихъ разъясненіе—имъ же самимъ. Оттого во многихъ случаяхъ мы предпочитаемъ говорить словами древнихъ актовъ и записокъ, полагая, что приводимыя нами данныя становятся несравненно яснѣе и живѣе отъ присутствія той рѣчи, которая служила нѣкогда ихъ живымъ выраженіемъ. Оттого мы мало дорожимъ тѣми сказаніями и свидѣтельствами, въ которыхъ находимъ на первомъ мѣстѣ *сочинительскій* трудъ, вмѣсто простаго, безхитростнаго или, какъ говорятъ, наивнаго изображенія того, что̀ и какъ было. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи памятники юридическіе, частную домашнюю переписку, записки, писанныя безъ намѣренія посочинительствовать, мы несравненно ставимъ выше, чѣмъ сочиненія, наполненныя не рѣдко чужими риторическими украшеніями, безцвѣтными и ничего болѣе не выражающими, какъ только сочинительское намѣреніе разсказать простое событіе съ особенною плодовитостью и какъ можно высокопарнѣе. Еслибъ цѣль наша заключалась въ томъ, чтобъ представить не дѣйствительность русской старины, а свое воззрѣніе на нее, тогда наши статьи могли бы растянуться неимовѣрно широко, ибо наставленій и разсужденій, общихъ мѣстъ, въ родѣ «Степенной Книги», въ нашихъ памятникахъ встрѣчается несравненно болѣе, чѣмъ фактовъ житья-бытья, живой дѣйствительности.

«Другой выводъ, что главнѣйшею и *почти* единственною цѣлію книжнаго образованія встарину была потребность государства въ церковно-служителяхъ, и что кругъ древняго воспитанія тѣсно ограничивался изученіемъ только самонужнѣйшихъ церковныхъ книгъ, *почти* исключительно обученіемъ механизму чтенія, этотъ выводъ (говоритъ г. Купріяновъ) намъ *кажется слишкомъ рѣзкимъ и односторонним*». Первую часть нашего вывода авторъ опровергаетъ слѣдующимъ образомъ: «Правда, въ характерѣ древняго русскаго воспитанія первенствовалъ элементъ духовный; но онъ не былъ исключительнымъ: государство столько же нуждалось въ грамотныхъ людяхъ для цѣлей гражданскаго управленія; судебная часть всегда ввѣрялась лицамъ свѣтскимъ и *съ достаточнымъ образованіемъ*; при каждомъ князѣ, безъ-сомнѣнія, находилась всегда особая *канцелярія изъ людей не только грамотныхъ, но и знакомыхъ съ необходимыми науками въ общежитіи*, словомъ, *изъ людей, по времени, образованныхъ*. Уцѣлѣвшіе отъ весьма давняго времени памятники нашей письменности, особенно же юридическаго и историческаго содержанія, писались, безсомнѣнія, не исключительно же лицами духовнаго званія. Наконецъ и сами князья получали книжное образованіе (кто жь въ этомъ сомнѣвался?); для доказательства укажемъ хотя на Ярослава I, Владиміра Мономаха и отца его Всеволода, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Владиміръ Мономахъ: «Яке же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль». Вотъ еще любопытное извѣстіе Первой Новогородской Лѣтописи, доказывающее, что князья смолоду обучались: «Той же зимы (1341 г.) пріѣхалъ Михаилъ княжичь Александровичь съ Тфери въ Новгородъ къ владыцѣ, сынъ крестъный, грамотѣ учиться».—Мы удивились этой особенной заботливости, особенному старанію доказывать, что

не одни духовные, но и свѣтскіе обучались грамотѣ, получали и имѣли книжное образованіе—удивились потому, что никогда не думали противнаго и рѣшительно не понимаемъ, какъ возможно было изъ нашей статьи вывесть подобное заключеніе. Мы сказали, что грамотность въ древней Руси первоначально вызвана была единственно только потребностью въ наставникахъ вѣры, въ церковнослужителяхъ; что она явилась какъ необходимѣйшее и важнѣйшее условіе для зараждавшагося духовнаго чина, первыя и ближайшія требованія котораго опредѣлили и самый составъ ея; что составъ этотъ съ теченіемъ времени нисколько не измѣнился, не принялъ въ себя никакихъ новыхъ, а тѣмъ болѣе постороннихъ предметовъ; что грамотность въ этомъ первобытномъ составѣ отъ духовенства стала постепенно переходить въ народъ, въ кругъ образованія гражданскаго; что и здѣсь она осталась неприкосновенною и свято сохранялась въ теченіе семи столѣтій и сохраняется даже теперь у большей части простаго народа, какъ самый обыкновенный, домашній курсъ обученія; что до Петра Великаго она была распространена по всѣмъ сословіямъ, была общенародною и вездѣ единообразною: дѣти первостепеннаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ самымъ книгамъ, какъ и дѣти простолюдина... Составъ древней нашей грамотности или полный курсъ начальнаго обученія о которомъ мы по преимуществу и вели рѣчь, заключалъ въ себѣ чтеніе, письмо и пѣніе, какъ видно и изъ приведенной выписки изъ «Стоглава».

О дальнѣйшемъ образованіи въ *гражданскомъ быту* мы замѣтили, что оно не составляло еще существенной, неизбѣжной потребности и принадлежало, такъ-сказать, къ роскоши; поэтому не имѣло еще ничего опредѣленнаго и всегда условливалось бо̀льшею или мѐньшею любознательностью лица, ко̀торое, не удовлетворяясь первоначальнымъ курсомъ книжна-

го ученія, само уже избирало тотъ или другой путь самообразованія, тѣ или другія книги для удовлетворенія своей любознательности.

Послѣ всего сказаннаго въ нашей статьѣ, неужели требовалось доказывать существованіе грамотности и въ свѣтскомъ быту? Намъ кажется, авторъ «Замѣтки» слишкомъ увлекся своими пополненіями, то-есть тѣми лѣтописными указаніями, которыхъ мы не привели въ своемъ трудѣ и которыя свидѣтельствуютъ, что князья получали книжное образованіе, учились грамотѣ. Но къ чему послужили бы эти указанія для насъ? Мы не имѣли въ виду собрать всѣ отдѣльныя извѣстія объ обученіи князей. Задача наша состояла въ томъ, чтобъ уяснить начальное происхожденіе и составъ древней грамотности, а не въ томъ, чтобъ доказать ея существованіе: въ этомъ, надѣемся, никто до сихъ поръ не сомнѣвался.

Также точно г. Купріяновъ доказываетъ, что кругъ книжнаго обученія встарину не ограничивался однимъ только чтеніемъ и письмомъ, а вмѣщалъ въ себѣ и нѣкоторыя научныя познанія, напримѣръ, грамматику и ариѳметику. «Грамматика (говоритъ онъ) существовала у насъ съ давнихъ поръ и припоминаетъ грамматическіе труды Іоанна, экзарха болгарскаго, Максима-грека, Зизанія и Смотрицкаго». Для бо̀льшаго же удостовѣренія, что грамматика *дѣйствительно* будто-бы *входила въ кругъ школьнаго образованія*, г. Купріяновъ приводитъ выписку изъ предисловія къ грамматикѣ Ѳедора Максимова, составленной по повелѣнію Петра Великаго для новгородской Грекославянской Школы и изданной въ Санктпетербургѣ въ 1723 году.

Сдѣлавъ намъ упрекъ за неумѣстную выписку изъ «Записокъ» Данилова, почтенный изъискатель приводитъ самъ свидѣтельство, которое не только вполнѣ уже неумѣстно, но, сверхъ того, рѣшительно противорѣчитъ главной его мысли.

Грамматика Максимова относится ко времени, когда дѣйствительно были заведены школы съ цѣлью преподаванія грамматики; она и составлена для одной изъ такихъ школъ. Но въ чемъ же должна удостовѣрять приводимая выписка изъ этой грамматики? Что грамматика входила въ школьное образованіе при Петрѣ? — объ этомъ никто не споритъ, да и фактъ на-лицо: грамматика Максимова. Что грамматика входила въ школьное образованіе до Петра?—объ этомъ вотъ свидѣтельство Максимова, приведенное въ выпискѣ самимъ г. Купріяновымъ: «Вина же наипаче собранія (сочиненія этой грамматики) есть сія: ибо егда благоволи Богъ... повелѣніемъ Петра Великаго, отца отечества... чрезъ тщаніе и усердіе любомудраго рачителя преосвященнаго Іова митрополита, въ Великомъ Новѣградѣ начатися грекославянскому ученію отъ словеснѣйшихъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ; и понеже тогда, яко нова бѣ школа, къ требованію своему типоизданныхъ славенска діалекта грамматикъ *развѣ единыя не имяше*; но сія аще и обрѣташеся, обаче пространнымъ расположеніемъ сочиненная, дѣтямъ же во ученіи возмнися быти продолжительна, а разуму и памяти ихъ множества ради отяготительна; наста нужда собрати отъ различныхъ вкратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней обдержатся славянская реченія, россійски вмалѣ разумѣваема». Чтожь касается до выраженія въ томъ же предисловіи Максимова: «Сего убо ради сія (то-есть, грамматика вообще) во всѣхъ школахъ, яко прочихъ наукъ основаніе, первѣе преподается», то оно служитъ только заключеніемъ авторскаго разсужденія объ общемъ значеніи грамматики и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято какъ свидѣтельство историческое.

О грамматикѣ въ своей статьѣ мы замѣтили, что она первоначально принята была какъ «необходимое *орудіе* къ раз-

сужденію высокаго, во святыхъ книгахъ лежащаго, разумѣнія». Притомъ она не входила въ составъ общаго (то-есть, школьнаго) образованія, а была спеціальнымъ ученіемъ, необходимымъ только для духовныхъ лицъ, посвящавшихъ себя ученымъ занятіямъ, напримѣръ, исправленію книгъ, переводамъ. Если подъ словами «школьное образованіе» должно, какъ слѣдуетъ, разумѣть общее образованіе, то изученіе грамматики относилось къ до-петровскому школьному образованію почти такъ же, какъ къ теперешнему школьному образованію относится изученіе санскритскаго языка. Кто же скажетъ въ настоящее время, что санскритскій языкъ входитъ въ школьное образованіе? Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ новую параллель къ выпискѣ г. Купріянова. Вотъ предисловіе Ѳедора Поликарпова къ изданію грамматики Мелетія Смотрицкаго, вышедшему въ 1721 году, двумя годами раньше грамматики Ѳедора Максимова:

«*Предисловіе любомудрому читателю.*

«Достохвалнаго и въ человѣчестѣмъ жителствѣ зѣло благопотребнаго, сего грамматическаго художества (отъ свободныхъ наукъ единаго) о пользѣ, силѣ же и дѣйствѣ, на разныхъ языцѣхъ, отъ различныхъ премудрыхъ божественнаго писанія учителей и внѣшнихъ мудрецовъ, премногимъ похвалъ вѣнцамъ соплетеннымъ бывшымъ, возмнѣхъ излишно быти, еже здѣ гугнивымъ моимъ языкомъ и тупою тростію, о тѣхъ же повторяти, любезный читателю.

«Сего ради, оставя премудрымъ о томъ витійствовати, нынѣ, вины (или причины), отъ многихъ нѣкія, сего новопечатнаго грамматическаго изданія вкратцѣ, простымъ словомъ, изъявляю вашему любомудрію.

«Первая: Понеже, непостижимымъ промысломъ Создателя нашего Бога (въ Его же руцѣ царево сердце), изволися любо-

мудрѣйшему всероссійскому нашему монарху Петру, того имене и дѣлъ высокихъ Первому, чрезъ неусыпное его царское величества тщаніе, преславное и православное свое государство, яко же иными военными высокими науками и всякими нужными механическими хитростми, украсити и обогатити, тако и седми свободныхъ наукъ еллино-греческа и латинска діалектовъ училищами наполнити, въ нихъ же не точію грамматіка, риторіка, философіа, но и самая ѳеологія цвѣтетъ изобилно; а *славянская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподаяшеся, за оскудѣніемъ сихъ книгъ*, и отъ сего нужда зависитъ учащымся не малая: ибо аще оная грамматіка и издавна бяше не единожды печатію, но всеядца времени продолженіемъ едва гдѣ обрѣтается, *аки искра въ пеплѣ сокрываема*[1]).

«Вторая: Яко любомудрыхъ россійскихъ отроковъ мнози, нынѣ, различная государства пчелоподобно облетающе, да оттуду соберутъ себѣ благовонныя различныхъ ученій цвѣты, изъ нихъ же бы могли, себѣ и прочимъ оныхъ желателемъ, сладкій, на славенскомъ діалектѣ, сотъ, преводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ представити, но основательнаго къ преводу орудіа (грамматіки) лишающеся, и сами множицею того не получаютъ, и иныхъ не удостояютъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти.

«Симъ убо недостаткомъ обязани суще мнози преводницы, покусившіися съ еллино-греческаго и иныхъ діалектовъ преводити, въ неудобопостижныхъ богословскихъ и догматственныхъ писаніяхъ, индѣ же и въ історіалныхъ не мало погрѣшиша и погрѣшаютъ, яко же есть видѣти многи приклады въ поправленыхъ книгахъ премудраго Максима-грека, званіемъ и знаніемъ філософа изящнаго, и во иныхъ новаго превода книгахъ и писаніяхъ.

---

[1]) Сравн. приведенное выше свидѣтельство Максимова.

«Третія: Яко издревле россійскимъ дѣтоводцемъ и учителемъ обычай бѣ, и *есть*, учити дѣти малыя въ началѣ Азбуцѣ, потомъ Часословцу и Псалтири, таже писати; по сихъ же нѣцыи преподаютъ и чтеніе Апостола; возрастающихъ же препровождаютъ ко чтенію и Священныя Библіи, и Бесѣдъ Евангельскихъ и Апостольскихъ, и къ разсужденію высокаго во оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія; а истаго на таковое разсужденіе орудіа (еже есть грамматика) онымъ напредъ не показуютъ, почему бы всякое реченіе, періодъ и все слово разбирати, и въ подобающій чинъ располагати, и крыемую въ немъ силу разума разсуждати.

«И тако, читающе по своему разсужденію мнози о Вѣрѣ погрѣшиша и до нынѣ погрѣшаютъ, впадающе въ свое суемудрое мнѣніе и незнающе осмочастнаго чинорасположенія: аще и разумѣютъ, яко и послѣднему малоцѣнному рукодѣлію безъ приличнаго ему орудіа немощно своего совершенства получити, колми же паче высоту и глубину книжныя премудрости (ея же ничто потребнѣе и честнѣе въ житіи человѣку) безъ приличнаго орудіа, невозможно разумѣти»...

Таково было положеніе грамматическаго преподаванія въ россійскихъ школахъ даже при Петрѣ, до 1721 года. Оно вызвало новое, исправленное изданіе старой грамматики Смотрицкаго, оно же вызвало и новую грамматику Максимова. Что же касается до старины до-петровской, то, несмотря на грамматическіе труды Іоанна, экзарха болгарскаго, Максима-грека, Зизанія, Смотрицкаго, о ней весьма основательно и справедливо говорятъ, что «благочестивая старина боялась западной новизны». Поэтому образованіе въ началѣ XVII-го вѣка ограничивалось у насъ немногимъ болѣе изученія букваря [1]).

---

[1]) „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи", г. Смирнова. М. 1855. Стр. 3.

Подтвержденіемъ этому, кромѣ множества другихъ свидѣтельствъ, служитъ образованіе типографскихъ справщиковъ, корректоровъ, которымъ, какъ людямъ болѣе другихъ по времени образованнымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи грамматики, поручалось изданіе церковныхъ книгъ и которые при всемъ томъ грамматики не знали. Вотъ что̀ пишетъ о нихъ монахъ, грекъ Арсеній, исправлявшій при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, вмѣстѣ съ троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, Требникъ: «иные изъ нихъ едва и азбуки умѣютъ; а то вѣдаю, что незнаютъ, кои въ азбуцѣ письмена гласныя и согласныя, и двоегласныя; а еже осмь частей сло̀ва разумѣти, и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа, и времена, и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало [1])». Это было въ началѣ XVII-го столѣтія. Все остальное время до Петра протекло въ постоянныхъ заботахъ правительства о водвореніи ученія *свободныхъ мудростей*, изъ числа которыхъ на первомъ мѣстѣ была грамматика. Заботы эти подъ-конецъ увѣнчались учрежденіемъ Славяно-греко-латинской Академіи. Выше мы видѣли, что̀ говоритъ о состояніи грамматическаго ученія, даже и въ ато время, ученикъ и наставникъ академіи, Ѳедоръ Поликарповъ.

«Сверхъ-того (продолжаетъ г. Купріяновъ), доказательствомъ грамматическаго знанія въ старину могутъ служить и древнія рукописи, большая часть коихъ писана вѣрно, отчетливо и даже изящно; принятая въ нихъ орѳографія соблюдалась строго, отъ начала до конца... чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ она писана лучше и правильнѣе; искаженіе текста рукописей грубыми описками и дурное правописаніе началось у насъ не позже половины XVI-го вѣка, съ введеніемъ полууставнаго почерка, скорописи, и съ измѣненіемъ древняго пис-

---

[1]) Тамъ же.

чаго матеріала — пергамена на бумагу. Это замѣчаніе, какъ ни кажется съ перваго взгляда страннымъ и несоотвѣтственнымъ, однакожь въ сущности справедливо, какъ засвидѣтельствуетъ, надѣемся, каждый русскій археографъ, знакомый съ нашею древнею письменностью».

Мы надѣемся, напротивъ, что не только каждый русскій археографъ, но, что̀ еще важнѣе, и каждый русскій филологъ, знакомый съ нашею древнею письменностью, засвидѣтельствуетъ, что это мнѣніе *въ-сущности* не совсѣмъ справедливо. Разбирая строго, въ сущности, нѣтъ ни одного памятника изъ древней нашей письменности, который былъ бы писанъ грамматически-правильно, съ строгимъ соблюденіемъ отъ начала до конца принятой орѳографіи, вѣрно, отчетливо. Что многіе изъ нихъ писаны даже изящно — въ этомъ не будутъ сомнѣваться. А вотъ именно въ отношеніи *принятой орѳографіи* знатоки дѣла замѣтятъ, что не только въ различныхъ реченіяхъ, но нерѣдко въ одномъ и томъ же словѣ принятая орѳографія вовсе не соблюдалась. Неправильное правописаніе, искаженіе текста описками или, вѣрнѣе, внесеніемъ въ него руссизмовъ, областныхъ реченій и формъ, стало входить въ древнія рукописи съ того времени, какъ началась борьба устнаго употребленія языка съ письменнымъ преданіемъ, съ правописаніемъ *книжнымъ*, какимъ въ древней Руси было правописаніе древне-болгарское или древнее церковно-славянское. А борьба эта началась на первой же копіи, писанной съ болгарскаго подлинника русскимъ писцомъ. Здѣсь все дѣло заключалось въ бо̀льшей или ме́ньшей добросовѣстности переписчика, въ бо̀льшемъ или ме́ньшемъ раболѣпномъ *переводѣ* подлинника. Встрѣчаются иногда рукописи, писанныя съ древнихъ подлинниковъ, даже въ XV, XVI столѣтіяхъ, но такъ грамматически-правильно, вѣрно съ оригиналомъ, что превосходятъ въ этомъ отношеніи иные тексты XI, XII столѣтій,

писанные на пергаменѣ. Если писецъ не принадлежалъ къ умникамъ, онъ списывалъ буква въ букву, черта въ черту; а если онъ *мудровалъ*, то его мудрованія сильно отражались и въ его копіи. Писцы того и другаго разряда, безъ-сомнѣнія, могли жить и списывать копіи съ древнѣйшихъ текстовъ и въ XI и въ XVI столѣтіяхъ... Но само собою разумѣется, чѣмъ дальше уходило время, тѣмъ больше водворялось своеволіе писцовъ, то-есть тѣмъ болѣе водворялось въ древнемъ текстѣ реченій и формъ съ устнаго употребленія языка, которыя писцы нерѣдко вносили въ замѣнъ реченій и формъ древнихъ церковно-славянскихъ, для нихъ мало понятныхъ, а иногда совершенно неясныхъ; и въ этомъ случаѣ прежде всего и больше всего страдала орѳографія.

Согласимся, однакожь, съ г. Купріяновымъ, что чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ она писана грамматически-правильнѣе, хотя и невсегда съ строгимъ соблюденіемъ принятой орѳографіи. Но дѣло въ томъ, какое заключеніе мы выведемъ въ отношеніи грамматическихъ познаній, распространенныхъ будтобы въ древней Руси, изъ этого замѣчанія, которое и самъ авторъ признаетъ страннымъ, несоотвѣтственнымъ? Неужели допустимъ, что знаніе грамматики въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ, при св. Владимірѣ или Ярославѣ, было обширнѣе, правильнѣе, тверже, чѣмъ въ послѣдующія времена? Мы думаемъ, что и на первый, какъ говоритъ авторъ, и даже на другой взглядъ это покажется очень страннымъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, это-то именно и указываетъ на рѣшительное отсутствіе твердыхъ грамматическихъ познаній; ибо съ утратою письменнаго преданія, которое замѣняло для нашихъ писцовъ упомянутыя познанія, вторженіе устной рѣчи не встрѣтило никакихъ принятыхъ правилъ ни въ грамматикѣ вообще, ни въ орѳографіи въ особенности, и шло съ полною свободою, постоянно вытѣсняя древнѣйшія и потому правильнѣйшія реченія и формы.

«Чтожь касается до необходимости имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія въ начальной математикѣ (или ариѳметикѣ), это ужь само собой ясно (говоритъ г. Купріяновъ); познанія въ этой наукѣ нужны не только для государственнаго человѣка, но и для каждаго въ домашней жизни. Значительное развитіе внѣшней и внутренней торговли, особенно въ княжествахъ Новгородскомъ и Псковскомъ, можетъ служить отчасти доказательствомъ, что счетная и торговая часть были и у насъ въ старину не вовсе безъизвѣстны».—Кто же можетъ удовлетвориться подобными соображеніями, и неужель можно приступать къ разрѣшенію или уясненію предметовъ *высокой важности* съ разсужденіями, основанными единственно только на пресловутомъ *если*? Если была торговля, то, слѣдовательно, были и математическія свѣдѣнія; если было государство, то слѣдовательно были и образованные чиновники... *Само собою ясное*, при посредствѣ слова «если» бываетъ совершенно неяснымъ, когда хорошенько всмотришься въ дѣйствительность. Что̀ должно разумѣть подъ этими *нѣкоторыми свѣдѣніями въ начальной математикѣ, или даже и въ начальной ариѳметикѣ*, какъ послѣ исправилъ это выраженіе авторъ? Научныя ли это свѣдѣнія, о которыхъ собственно мы и рѣчь ведемъ, или опытныя, то есть пріобрѣтены ли они предварительнымъ ученіемъ или пріобрѣтены на мѣстѣ дѣла, простою наглядкою, навыкомъ, постояннымъ опытомъ? Каменьщикъ, плотникъ, не умѣющій ни читать, ни писать, не имѣющій понятія о цифирѣ, объ учебныхъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, *имѣетъ* эти свѣдѣнія, когда опредѣляетъ вѣрно количество матеріала на постройку, помимо научной архитекторской сметы? Крестьяне, неумѣющіе иногда даже правильно выговорить слово ариѳметика, *имѣютъ* эти свѣдѣнія, когда дѣлятъ между собою лугъ, поле на равныя части, безъ помощи астролябіи и геометрическихъ выкладокъ, а тѣмъ не

менѣе довольно вѣрно, на удивленіе ученому спеціалисту-землемѣру? Все это и многое другое въ томъ же родѣ бываетъ, да и нерѣдко. Такіе факты всегда приводятся, какъ доказательства крѣпости и здравости русскаго простаго ума и смысла. А торговое дѣло и теперь въ простомъ быту ведется большею-частью безъ всякихъ свѣдѣній въ начальной математикѣ, по одному навыку, по привычной, съ малолѣтства пріобрѣтенной сметкѣ, которая съ незапамятныхъ временъ замѣняетъ для простаго русскаго человѣка и вообще образованіе и въ особенности образованіе спеціальное.

Надѣемся, что г. Купріяновъ не полагалъ обозначать приведенныхъ примѣровъ выраженіемъ *свѣдѣнія въ начальной математикѣ*, потому-что рѣчь шла о начальномъ обученіи, о школьномъ образованіи. Вполнѣ понимая высокую важность предмета, каковъ характеръ прежняго образованія, мы не осмѣливались вносить въ наши статьи голословныхъ разсужденій и, не встрѣтивъ въ доступныхъ намъ источникахъ никакихъ свѣдѣній о томъ, входила ли ариѳметика въ кругъ школьнаго образованія, мы замѣтили, что «совершенно неизвѣстно, входили ли въ составъ первоначальнаго образованія грамматика, счетная или цифирная мудрость, называвшаяся также ариѳмословіемъ». Что она была *извѣстна* нашимъ предкамъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: они дали имя ей *счетная мудрость*, и позднѣе —*цифирь*; но что̀ предки наши обучались ариѳметикѣ въ школахъ наровнѣ съ Часословомъ и Псалтирью, что она входила въ начальное школьное образованіе—въ этомъ мы крѣпко сомнѣваемся. Вотъ что̀ говоритъ по этому поводу ближайшій свидѣтель до-петровской старины, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ «Словѣ на похвалу Петра Великаго», произнесенномъ 29-го іюня 1725 года: «Что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? Естьли на самое малѣйшее

нѣчто, честное же и нуждное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, одѣяніе, и въ дружествѣ обхожденіе, на трапезы и пированія, и прочіе благопріятные обычаи, не исповѣмы ли, что и сего Петръ намъ научилъ? и чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же рещи о Ариѳметикѣ, Геометріи, и прочихъ математическихъ искусствахъ, которымъ нынѣ дѣти Россійстіи съ охотою учатся, съ радостью навыкаютъ, и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде были ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а есть ли бы гдѣ нѣкое явилося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано». Припомнимъ кстати нѣмецкіе календари, которые казались такъ мудрены при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, такъ напугали боязливые тогдашніе умы и были даже сожжены [1]). Припомнимъ исторію о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева, гдѣ такую важную ролю играетъ книга черная—лечебникъ, *что писаны многія статьи цифирью*... Но еще ярче выразились понятія нашихъ предковъ о математическихъ свѣдѣніяхъ въ московскомъ преданіи о Сухаревой Башнѣ, въ которой при Петрѣ были устроены первыя въ Россіи математическія, *цифирныя* школы. Сухарева Башня отъ пребыванія въ ней математиковъ, учителей и учениковъ, получила въ то время нарицательное имя; Сухарева Башня значило то же, что математическій факультетъ, академія. Кантемиръ въ седьмой своей сатирѣ, проводя параллель между добрымъ, хотя и простымъ человѣкомъ, и человѣкомъ, имѣющимъ разумъ острый, но злое сердце говоритъ:

---

[1]) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. г. *Устряловымъ*, V, 67.

Естьлибъ изъ двухъ пушекъ былъ выборъ постыдный,
Съ чистою совѣстью умъ избралъ бы простый,
И оставилъ бы я съ злымъ сердцемъ разумъ острый.
Вѣралъ бы я все добро тому, кто съ чужого
Стыдится украдть добра, хоть онъ нашего
Счету знаетъ, и рубить число должнымъ въ валу [1]);
А грошъ не далъ бы беречь другому, что въ свалу
Одну сверстуръ глотаетъ домъ, и лѣсъ, и нивы,
Хоть числить онъ лучше всей Сухаревой Башни.

На Сухаревой Башнѣ дѣлались астрономическія наблюденія, физическіе опыты и т. п.; отсюда распространялись въ народѣ астрономическія предсказанія—все это вмѣстѣ съ преподаваніемъ математики, съ мудреными выкладками, геометрическими линіями, непонятными цифрами и буквами; все это, *чудное* для толпы простыхъ людей, образовало постепенно понятіе о Сухаревой Башнѣ, какъ о мѣстѣ колдовства, чернокнижія. Разсказываютъ, что тамъ и до сихъ поръ оберегаются злыми духами *черныя* книги, закладенныя въ стѣну[2]). Особенно видное мѣсто въ этомъ преданіи принадлежитъ графу Якову Вилимовичу Брюсу, знаменитому въ то время ученому, математику и физику, а потому и знаменитому чернокнижнику. Его именемъ названъ даже одинъ старинный календарь съ предсказаніями и т. п., пользующійся въ народѣ до сихъ поръ необыкновеннымъ авторитетомъ.

Таковы были понятія нашихъ предковъ о математическихъ свѣдѣніяхъ, понятія, порожденныя тою боязливостью ума, которая съ древняго времени считала науки математическія и

---

[1]) Простонародный способъ счисленія. Наши крестьяне ведутъ расходы свои посредствомъ палочекъ, на которыхъ зарубаютъ, вмѣсто десятковъ, крестики, а вмѣсто единицъ — простыя черты. Такія палочки называются у нихъ бирками. Сочиненія Кантемира. Спб. 1836. стр. 106.

[2]) Можно полагать, что къ числу этихъ черныхъ книгъ народъ относилъ и извѣстную арифметику Магницкаго.

физическія, геометрію, астрологію, астрономію и пр., науками *отреченными*, проклятыми.

Если изложенныя выше замѣчанія можно допустить въ отношеніи положеній г. Купріянова о грамматикѣ и ариѳметикѣ, то чтожь мы должны сказать *о достаточномъ образованіи* свѣтскихъ лицъ, которымъ ввѣрялась встарину судебная, часть, *о необходимыхъ наукахъ въ общежитіи*, съ которыми были знакомы люди, составлявшіе особыя канцеляріи при древнихъ князьяхъ, вообще о людяхъ, по времени *образованныхъ*? Въ чемъ заключалась эта образованность времени? Что это были за науки, необходимыя въ тогдашнемъ общежитіи? Это фразы, которыя ничего не даютъ уму любопытнаго наблюдателя старины. Это соображенія, имѣющія весьма шаткое основаніе, выведенныя изъ предположеній, что если было государство, то оно не могло существовать безъ чиновниковъ, достаточно образованныхъ; если была торговля, да еще притомъ, какъ говорятъ весьма обширная, цвѣтущая, то она не могла существовать безъ достаточныхъ познаній, хоть въ начальной математикѣ; если было общежитіе, то были и необходимыя для него науки. Все это довольно-послѣдовательно и основано на законахъ ума разсуждающаго, соображающаго, но, должно замѣтить, мало знакомаго съ дѣйствительными явленіями исторической жизни народа. Ходомъ обыкновенныхъ логическихъ выводовъ невозможно вѣрно опредѣлить минувшую дѣйствительность. Историческая логика имѣетъ свои законы, которые еще добываются наукою; и пока, за отсутствіемъ этихъ законовъ, мы должны руководствоваться въ историческихъ опредѣленіяхъ однимъ только ближайшимъ, непосредственнымъ знакомствомъ съ фактами, съ дѣломъ. Прежде, нежели скажемъ, что встарину были науки, необходимыя для тогдашняго общежитія, приведемъ лучше два-три положительные факта,

которые могли бы дать хоть малѣйшее понятіе объ этихъ наукахъ.

Старинную, до-петровскую нашу образованность можно весьма-вѣрно опредѣлить тѣмъ же словомъ, которымъ она сама себя опредѣляла: *книжность*;—книжность именно въ томъ частномъ смыслѣ, въ какомъ она означаетъ только *начитанность*. Главный характеръ этой книжности былъ духовный, церковный, потому-что и самое слово *книги* означало въ древнее время единственно только священное писаніе и книги церковныя вообще. Съ теченіемъ времени, особенно къ концу XVII-го столѣтія, въ эту книжность вошли нѣкоторые посторонніе предметы, сочиненія историческія (хронографы), географическія (космографіи), средневѣковыя повѣсти, ромены; но они, по существу своему, не въ силахъ были измѣнить общаго направленія книжности, ибо это не были науки, а были отрывочныя, безсвязныя свѣдѣнія, исполненныя средневѣковыхъ басенъ. При всемъ томъ эти пришлые элементы старинной нашей книжности весьма-знаменательны: они служили посильнымъ удовлетвореніемъ боязливыхъ, но тѣмъ не менѣе сильныхъ требованій пытливаго ума, почувствовавшаго, что кругъ знанія несравненно обширнѣе и разнообразнѣе того направленія, которое поставлено было границами для человѣческаго развитія.

Что же касается до судебной части и до княжескихъ канцелярій, гдѣ сидѣли лица, по мнѣнію г. Купріянова, съ достаточнымъ образованіемъ, знакомыя съ необходимыми науками въ общежитіи, то здѣсь даже и старинная книжность не всегда процвѣтала: ее вполнѣ замѣняла практика, *навыкъ*, тотъ навыкъ, который существовалъ и въ торговомъ дѣлѣ, и въ ремесленномъ, и въ земледѣльческомъ, и во всѣхъ другихъ *художествахъ*. Это образованность *приказная*, навыкъ вести дѣло, составлять бумаги по существовавшимъ об-

разцамъ, подъискивать указы, статьи судебниковъ или уложенія. Это образованность дѣловыхъ бумагъ, гдѣ всѣ науки, необходимыя въ общежитіи, заключались въ массѣ практическихъ знаній о состояніи, средствахъ, силахъ страны, тѣхъ знаній, которыхъ нельзя было не знать, завѣдывая тою или другою частью управленія, тѣмъ или другимъ приказомъ, тою или другою областью, вообще знаній, которыя пріобрѣтались постоянною практикою, а не научно, не изъ школы. Весьма естественно, что въ этомъ разрядѣ лицъ чаще, нежели въ другихъ, могли являться люди съ большимъ государственнымъ смысломъ, каковы, напримѣръ, были думные дьяки и нѣкоторые изъ бояръ и другихъ сановниковъ.

Вообще, имѣя въ виду только извѣстныя доселѣ данныя по этому предмету, мы не въ состояніи согласиться съ г. Купріяновымъ, что въ до-петровской старинѣ существовали науки, необходимыя въ общежитіи, дававшія образованіе тому или другому разряду лицъ—не въ состояніи согласиться потому, что боимся произнести слово: «науки» всуе, безъ того понятія, которое придается ему теперь. Мы согласимся, если старинныя науки обозначали то же, что̀ *науки* въ извѣстной пѣсни про Василья Буслая, котораго мать отдавала учиться грамотѣ и

Грамота ему *въ науки* пошла;
Посадила его перомъ писать,
Письмо Василью *въ науки* пошло;
Отдавала она его пѣтью учить,
Пѣтье Василью въ *науки* пошло...

Это мѣсто, объясняя значеніе *науки* въ нашей старинѣ, любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на составъ тогдашняго общаго школьнаго образованія.

Но, можетъ-быть, и здѣсь приводимыя нами свидѣтельства и наши сужденія, покажутся рѣзкими и односторонними. При настоящемъ положеніи дѣла, не имѣя возможности согласить-

ся въ противномъ, мы должны ожидать, что рѣзкія и односторонніе наши замѣчанія будутъ исправлены не однѣми только фразами, но и приведеніемъ положительныхъ данныхъ *о качествѣ и количествѣ* свѣдѣній, обращавшихся у нашихъ предковъ и составлявшихъ эти необходимыя въ общежитіи науки. Чтобъ разрѣшить этотъ въ высшей степени интересный вопросъ, или, по-крайней мѣрѣ, приблизиться къ его разрѣшенію, недостаточно упомянуть голословно, что де наши предки (хотя бы и высшихъ разрядовъ) обладали достаточнымъ образованіемъ, что были тогда необходимыя въ общежитіи науки, напримѣръ, свѣдѣнія въ начальной математикѣ и т. п., а необходимо представить *точныя*, *документальныя* указанія о томъ, что̀ именно знали или могли знать наши прадѣды, представить массу, сводъ свѣдѣній по тому или другому отдѣлу знанія, массу свѣдѣній, посредствомъ которыхъ пріобрѣталось достаточное образованіе. Нельзя сказать, чтобъ это было легко: здѣсь требуется хорошее знакомство съ древнею нашею письменностью. Все знаніе, всѣ *науки* до-петровскаго времени или черпались изъ тогдашнихъ книгъ, преимущественно рукописныхъ, или выразились, были записаны въ этихъ книгахъ; слѣдовательно, нуженъ внимательный пересмотръ всего, что̀ относится къ отдѣлу, напримѣръ, математическихъ свѣдѣній, грамматическихъ, географическихъ, историческихъ и т. д.—всѣхъ свѣдѣній, которыми обладала старина. Это нелегко, но небходимо при разрѣшеніи настоящаго вопроса; ибо тогда дѣло выяснится само-собою: тогда мы достовѣрно будемъ знать все богатство или бѣдность — однимъ словомъ, и количественную и качественную стороны нашей древней образованности; а до тѣхъ поръ по необходимости будутъ являться сужденія или рѣзкія до односторонности, или мягкія до голословности. Въ нашей послѣдней, седьмой, статьѣ о «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей», мы представили опытъ

такой работы относительно первоначальнаго образованія. По новости дѣла, наши выводы дѣйствительно могли показаться рѣзкими и односторонними. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что весьма часто не выводы бываютъ рѣзки, а самые факты, которые влекутъ данный выводъ, несогласующійся хотя и съ добрымъ, но преждевременно составленнымъ воззрѣніемъ на предметъ. Разработка же русской старины еще въ первой порѣ: она молода и неопытна, оттого и рѣзкости и односторонности въ ея сужденіяхъ неизбѣжны. Но что выгоднѣе для успѣховъ науки — общія мѣста, надъ которыми она засыпаетъ, или рѣзкіе факты и выводы, которые всегда возбуждаютъ ея дѣятельность? Конечно, рѣзкость фактовъ и выводовъ можно смягчать или, вѣрнѣе, разжижать краснорѣчивымъ многословіемъ. Но съ какою цѣлью?... Мы вообще не думаемъ, чтобъ нужно было подрумянивать и преукрашать старину подѣльными цвѣтами. Такія усилія будутъ рѣшительно безплодны, ибо истина, рано ли, поздно ли, возьметъ верхъ. Старина имѣетъ свои неотъемлемыя и высокія достоинства, хотя и не такія, какія хочется намъ видѣть. Достоинства эти могутъ раскрыться только при добросовѣстномъ, безпристрастномъ ея изученіи, при изученіи, проведенномъ искренно, нелицемѣрно, нелицепріятно, со всею строгостью здраваго пониманія, не взирая ни на какія уклоненія старой дѣйствительности отъ нашихъ собственныхъ идеаловъ, составляемыхъ большею частью на-досугѣ, вдали отъ копотливыхъ, мелочныхъ, черныхъ работъ, которыя тѣмъ не менѣе служатъ вѣрнымъ путеводителемъ къ дознанію правды-истины.

РУССКАЯ ЛИЧНОСТЬ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНѢ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сергѣя Соловьева, томъ тринадцатый. М. 1863.

Съ тринадцатаго тома г. Соловьевъ начинаетъ новую серію своего труда, именно *исторію Россіи въ эпоху преобразованія*. Книга эта читается съ особеннымъ интересомъ. Интересъ возбуждается уже самымъ предметомъ разсказа, а еще болѣе живостью изложенія, его простотою и ясностью— этими дорогими качествами, которыя все съ большею и съ большею силою выступаютъ въ трудахъ автора. Непосредственное, прямое знакомство съ источниками, а главное, особенное уваженіе къ *старому слову*, къ *старой рѣчи*, которыми всегда характеризуется изложеніе Исторіи Россіи, приносятъ свои добрые плоды — вырабатывается, хотя и постепенно, складъ разсказа, вполнѣ соотвѣтственный характеру событій и лицъ, что̀ составляетъ немаловажное преимущество историка, ибо такимъ только складомъ разсказа дается правильное, истинное, а не фальшивое освѣщеніе всей картинѣ, всему повѣствованію. Извѣстно, сколько было внесено въ разработку нашей исторіи фальшивыхъ, ложныхъ по-

й и представленій только по той причинѣ, что употребля-
ь не соотвѣтственныя дѣлу слова. Кажется, все равно
о употреблять, что *Іоаннъ*, что *Иванъ*, Іоаннъ Іоанно-
ь, Иванъ Ивановичъ; а между тѣмъ, при употребленіи пер-
формы, какъ воздымались и топорщились, восходили на
ули представленія о лицахъ и самыхъ событіяхъ; какимъ
ищеніемъ отзывалось понятіе о каждой весьма простой и
жновенной личности. Какія иллюзіи происходили, напри-
ъ, отъ неумѣстнаго и несоотвѣтственнаго употребленія
ъ: государь и государство! Можно было бы по поводу
го вопроса написать прелюбопытную книгу. Г. Соловьевъ
ъ изъ первыхъ заговорилъ въ исторіи простымъ житей-
ъ языкомъ, которымъ всегда выражались и самые памят-
и, сколько нибудь удалявшіеся отъ стариннаго церковнаго
орства. Высокориторское понятіе объ Іоаннѣ Іоанновичѣ
, перевелъ на простое и вполнѣ осязательное, пластиче-
е понятіе объ Иванѣ Ивановичѣ. Мы помнимъ какъ это
ербило старовѣровъ исторіи; въ иныхъ журналахъ явля-
ь даже протесты, отстаивавшіе эту *высоту словесъ*,
ъ идеализмъ «Степенной Книги», и ея товарищей и на-
никовъ, противъ реализма живой рѣчи, и стало-быть жи-
ъ и естественныхъ понятій. Повидимому, это были только
ючи; но такими мелочами выразился поворотъ съ риторс-
го пути въ обработкѣ исторіи. Съ того времени риторскіе
ды историческаго повѣствованія стали сильно падать, и
настоящее время не имѣютъ уже никакой цѣны. Нужно
ючемъ замѣтить, что еще очень немногіе изъ изслѣдовате-
сознаютъ, что старое слово, старый складъ рѣчи, есть
ой же историческій фактъ, какъ и всѣ другіе историческіе
кты, и что понидать его въ повѣствованіи, значило бы ли-
ть это повѣствованіе самаго живаго и жизненнаго выразе-
и старины. Конечно, нельзя легко побѣдить трудности, съ

патриархи принимались бороться при помощи въ повѣствованіи живой старинной рѣчи. Здѣсь пробуждается поэтическая міра и такъ; въ противномъ случаѣ перифразы лѣтописныхъ и другихъ сказаній являются обыкновенно въ тонъ, если можно выразиться, вялотекущимъ и неуклюжимъ пѣвцѣ, который всегда заставляетъ только сожалѣть объ исчезновеніи словъ пѣвчаго. Если въ исторіи г. Соловьева и встрѣчаются примѣры не слишкомъ строгаго отношенія къ переводу словъ пѣвчаго, то онѣ вполнѣ выкупаются общимъ складомъ разсказа, который, какъ мы замѣтили, съ каждымъ томомъ исторіи пріобрѣтаетъ все болѣе старинной простоты, выразительности и правдивости.

Въ этой части своего обширнаго труда, болѣе чѣмъ половину книги авторъ посвятилъ изображенію Россіи передъ эпохою преобразованія. Мы говоримъ «изображенію» потому, что въ дѣйствительности этотъ обзоръ внутренняго состоянія русскаго общества въ послѣдніе годы XVII ст. есть рядъ эскизовъ, начерченныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла, съ строгою основательностію и, что важнѣе всего, безъ всякихъ историческихъ иллюзій, безъ всякой нимоходячей сентиментальности, которыя столько вредятъ разумному пониманію исторіи.

Рисуя эскизы, авторъ, конечно, не могъ обработывать каждую часть общей картины съ тою полнотою, какую, можалуй, стали бы требовать отъ него спеціалисты и которая была бы, разумѣется, весьма умѣстна въ подробной исторіи. О внутреннемъ состояніи нашего общества передъ реформою можно было бы написать не одинъ томъ. Но необходимо помнить, что авторъ не пускался въ изслѣдованіе, а писалъ изображеніе, именно только картину того состоянія общества, изъ котораго возникло само преобразованіе. Для его цѣли очень достаточно и такой картины. Всегда возможно надѣлать множество вопросовъ и запросовъ автору, почему онъ то и то опу-

стилъ, того не принялъ во вниманіе, о томъ вовсе забылъ, и т. д. Въ нашихъ критикахъ и рецензіяхъ подобныя вещи случаются весьма часто. Многіе такъ поступаютъ съ желаніемъ выказать богатство собственныхъ познаній, а большая часть изъ совершеннаго невниманія къ тѣмъ задачамъ, какія ставитъ для своего труда самъ авторъ, изъ совершеннаго забвенія той истины, что автора можно судить и осуждать только на основаніи собственныхъ же его посылокъ или какихъ либо претензій. Все это происходитъ отъ того, что въ журналистикѣ мы вообще очень рѣдко *изучаемъ* книги: мы только бѣгло полемизируемъ, охотимся въ нихъ за ошибками, какъ въ лѣсу за зайцами; оттого, разумѣется, дѣльная и основательная книга, требующая непремѣнно внимательнаго изученія, большею частію проходитъ въ нашихъ журнальныхъ обозрѣніяхъ или вовсе безъ отзыва, или съ одною только голословною рекламою, въ то время, какъ дюжинныя компиляціи всегда тщательно разбираются и разсматриваются, потому что вовсе не требуютъ изученія, а иной разъ даже и чтенія. Такимъ способомъ ведя дѣло, журналистика распространяетъ въ обществѣ огромную массу свѣдѣній, никому почти не нужныхъ, ни къ чему не приложимыхъ и изчезающихъ въ общемъ оборотѣ знанія безслѣдно, какъ изчезаютъ метеоры и большинство самыхъ журналовъ и газетъ.

Какъ бы ни было, не смотря даже на многія неполноты, изображеніе внутренняго до-петровскаго быта Россіи, написанное г. Соловьевымъ, вполнѣ достигаетъ своей цѣли, т. е. очень вѣрно, безпристрастно и вполнѣ основательно характеризуетъ эпоху, «то именно время, какъ выражается авторъ, когда преобразованія сильно стучались въ двери, когда уже народился преобразователь». Впечатлѣніе, производимое этимъ изображеніемъ таково, что передъ вами самымъ осязательнымъ образомъ выступаетъ не только совершенная неизбѣж-

ность реформы, и стало-быть непосредственное ея происхожденіе изъ условій того же стараго русскаго быта, но и полнѣйшая неизбѣжность такой именно реформы, какою она явилась, т. е. реформы Петровской въ нѣмецкомъ стилѣ, а не Алексѣевской или Ѳедоровской въ древне-русскомъ или византійско-русскомъ стилѣ, о которой иные до сихъ поръ еще мечтаютъ. Вы чувствуете, что реформа была вполнѣ дѣломъ самого народа, дѣяніемъ лучшихъ и наиболѣе здоровыхъ его элементовъ, что Петръ въ дѣйствительности является только провозвѣстникомъ, исполнителемъ великихъ народныхъ стремленій и совершаетъ переворотъ, хотя и въ нѣмецкомъ стилѣ, но совершенно по-русски, тѣмъ складомъ здраваго, чисто-русскаго ума, какой лежитъ въ основѣ всего русскаго развитія, и характеризуетъ всѣ великія, рѣшительныя событія нашей исторіи. Нѣкоторыя декораціи и костюмы, въ которыхъ, какъ дитя извѣстнаго времени, по необходимости явилась реформа и которые такъ смущаютъ наше національное чувство своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ, не въ состояніи скрыть отъ зрячихъ глазъ чисто-русской, вполнѣ народной сущности переворота, невидимой только для глазъ ослѣпленныхъ нѣмецкими же идеями саморазвитія. Въ этомъ отношеніи книга г. Соловьева даетъ самыя точныя и положительныя свидѣтельства и своимъ здравымъ, свѣтлымъ взглядомъ на дѣло должна разсѣять множество накопившихся въ нашихъ понятіяхъ разныхъ туманныхъ представленій о нашей исторіи.

Г. Соловьевъ начинаетъ свое повѣствованіе сжатымъ, но мастерски написаннымъ общимъ очеркомъ того плана, по которому сложилось историческое развитіе до-петровской Россіи. Затѣмъ, по принятому имъ порядку въ предыдущихъ обозрѣніяхъ внутренняго быта, онъ описываетъ сначала бытъ московскаго государя, его слугъ — бояръ, и вообще военную силу государства, потомъ приказную силу, городъ и земство

посадское и сельское, съ ихъ торговлею и промыслами и съ ихъ отношеніями другъ къ другу и къ правительственной власти; состояніе духовенства и церковные вопросы; вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ характеристику экономической и нравственной несостоятельности общества, и, наконецъ, обозрѣніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ памятниковъ характеризуетъ жизнь и направленіе умовъ тогдашняго общества.

Чтобы выяснить себѣ состояніе и характеръ общества въ данную эпоху, необходимо остановить свое вниманіе на характеристическихъ чертахъ отдѣльной личности, жившей и дѣйствовавшей въ эту эпоху. Въ личности всѣ узлы, разгадка и разъясненіе всему, всѣмъ вопросамъ, какіе ставитъ не только разработка прошедшаго народной жизни, но и современное развитіе народа. Раскройте существенныя черты личности въ данное время и тогда будетъ понятно, почему въ это именно, а не другое время, возбуждались тѣ или другія событія, почему такъ или иначе разрѣшались жизненные политическіе и общественные вопросы, почему такой, а не иной характеръ принимали и эти событія и разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ. Говоря о личности въ этомъ смыслѣ, мы разумѣемъ общій ея типъ, общія черты *лица* данной эпохи. Эти общія черты собрать не слишкомъ трудно, потому что такъ называемые передовые, дѣйствующіе и дѣлающіе люди эпохи, своими дѣяніями, поступками, или же записанными мыслями и представленіями, всегда сами разсказываютъ о томъ, въ чемъ ихъ сила и что особенно ими движетъ и управляетъ. Не говоримъ о массѣ, ибо это и въ нравственномъ, и въ политическомъ смыслѣ есть дѣйствительная Земля или почва, всепрозрѣвающая, какъ народъ самъ себя и разумѣетъ, глубокомѣрно опредѣляя этимъ словомъ весь смыслъ и все широкое значеніе собственнаго призванія.

Передовые лица и всякіе дѣлающіе и дѣйствующіе люди —

цвѣтки, вырастающіе на этой почвѣ. Они въ себѣ олицетворяютъ всѣ свойства и всѣ соки этой родственной имъ почвы, и въ этомъ отношеніи нисколько не нарушаютъ общаго физическаго закона, что какова почва, таковы и произрастенія. Однимъ словомъ, передовые люди, въ томъ или другомъ отношеніи, прямо или косвенно, служатъ всегда полною характеристикою общества, а стало-быть всего народа, т. е. своей родной почвы. Это происходитъ даже и тогда, когда они дѣлаются выразителями идей, какъ говорятъ, навѣянныхъ съ вѣтру, т. е. идей чуждыхъ народной жизни или собственно чуждыхъ извѣстнымъ ея представленіямъ и формамъ, ибо и это чужое всегда является съ своеземнымъ характеромъ выраженія.

Не только каждый вѣкъ, но и каждое поколѣніе носитъ свой особенный типъ личности, каждое поколѣніе создаетъ собственный типъ дѣйствующаго лица, въ которомъ, не смотря на многообразіе жизненныхъ отношеній и положеній, всегда встрѣчаются одни и тѣже, общія тому поколѣнію основы дѣйствій, поступковъ и даже помышленій. Эти-то общія основы и необходимо обнаружить, если желаемъ знать, каково было общество въ извѣстную эпоху.

Итакъ прежде всего остановимся на условіяхъ *личной* жизни въ эпоху, когда приближалась реформа. Представимъ, что намъ пришлось бы родиться въ половинѣ XVII ст., при добромъ и благочестивомъ царѣ Алексѣѣ. Отъ этой эпохи до нашего времени прошло только 200 лѣтъ, а между тѣмъ условія жизни, и умственной, и нравственной, и общественной, и даже политической, такъ измѣнились, что, пожалуй, не всѣ повѣрятъ, и особенно не повѣрятъ порицатели Петра, если мы скажемъ, что въ эпоху царя Алексѣя Русскіе переживали еще первобытный, древнѣйшій періодъ своего развитія, періодъ народнаго миѳа и народнаго эпоса, періодъ безсозна-

тельнаго творчества въ поэзіи и безсознательныхъ дѣяній и подвиговъ въ жизни, вообще періодъ наивнаго дѣтства, исполненнаго живой вѣры въ эпическія и миѳическія представленія древности. Но если на самомъ дѣлѣ было такъ, а въ этомъ насъ увѣряютъ самымъ нагляднымъ образомъ наши почтенные историки древней нашей литературы и письменности, если на самомъ дѣлѣ было такъ, то намъ легко представить, какимъ вліяніямъ подвергалось дѣтство и вообще первыя лѣта человѣка въ ту эпоху. Мы не станемъ перечислять фактовъ самаго широкаго, хотя во многихъ случаяхъ и поэтическаго, суевѣрія и суесвятства, какое окружало сначала мать-родильницу, а затѣмъ колыбель ребенка. Это была особая атмосфера, исполненная невыразимаго страха предъ наважденіемъ нечистой силы, передъ порчею, колдовствомъ и всяческимъ вѣдовствомъ. Ребенокъ выросталъ посреди таинственныхъ и чудесныхъ дѣйствій, сосредоточенныхъ на томъ, чтобы защитить его отъ разнообразныхъ демоническихъ силъ, начиная съ *дурнаго* людскаго глаза и подобныхъ призороковъ и оканчивая *клятымъ* словомъ, которое способно было еще на рожденіи отдать ребенка въ полонъ демону, лѣшему или водяному. Какъ только пробуждался въ ребенкѣ смыслъ, онъ чувствовалъ, что въ каждомъ темномъ углу его клѣти и двора, въ каждой непроходимой чащѣ лѣса, въ трясинѣ болота, въ омутѣ рѣки, въ глубокомъ и заросшемъ оврагѣ, всюду живетъ невѣдомая сила, отъ которой жутко и страшно ему, совсѣмъ беззащитному; онъ видѣлъ, что отъ этой невѣдомой силы жутко и страшно было всѣмъ въ домѣ, большимъ и малымъ, что всѣ вѣровали во что-то такое, о чемъ и подумать было опасно. Вырастая больше и прислушиваясь къ повѣствованіямъ и разсказамъ своихъ родителей и родичей о дѣйствіяхъ и дѣлахъ этой силы, онъ и самъ могъ наблюдать разные случаи, несомнѣнно свидѣтельствовавшіе о нерабоще-

нія всего нравственнаго существа человѣка какому-то наважденію, о совершенной беззащитности этого существа предъ кознями дьявола. Онъ могъ примѣтить, что лукавый не только пугаетъ людей, но даже и вселяется въ нихъ, кричитъ, кличетъ невѣдомыми голосами, бьетъ человѣка объ полъ, вздымаетъ, какъ колоду и т. д. Это онъ могъ не разъ видѣть даже въ своемъ приходѣ, даже въ церкви. А если бы и не представлялось подобныхъ случаевъ, то понятливый ребенокъ могъ увѣровать въ ихъ дѣйствительность и изъ того только, что большіе, старшіе въ его присутствіи принимали столько благочестивыхъ мѣръ противъ дьявольскаго наважденія, творили столько молитвъ, заклинаній, нашептываній, смываній, заговоровъ, освященій и т. д. Нерѣдко онъ и самъ бывалъ виновникомъ подобныхъ дѣйствій; надъ нимъ самимъ все это творилось и совершалось.

Мы дѣлаемъ только самый тонкій абрисъ того, чѣмъ была исполнена нравственная атмосфера, которою дышалъ нашъ ребенокъ. Могутъ замѣтить, что мы придаемъ излишнее значеніе суевѣрной и суесвятной средѣ, въ которой воспитывался русскій человѣкъ за два столѣтія назадъ, что эта среда всегда преслѣдовалась и парализовалась поученіями и распоряженіями духовныхъ отцовъ и самого правительства, что слѣдовательно вліяніе, какое мы ей приписываемъ, было не въ такой степени сильно. Мы не станемъ, да и нельзя, отвергать, что именно дѣйствія духовныхъ отцовъ и самого правительства были направлены къ искорененію суевѣрій и многообразныхъ остатковъ язычества. Ихъ усилія, доходившія во многихъ случаяхъ до тупаго пуризма, не были напрасны. Многое и очень многое совсѣмъ было искоренено и истреблено. Но это многое касалось главнымъ образомъ только формъ, внѣшнихъ обрядовъ, въ которыхъ обыкновенно олицетворялись языческія вѣрованія и представленія. Сущность, духъ лишь

вѣрованій наперекоръ безпрестаннымъ увѣщаніямъ и строгостямъ, оставался нерушимымъ и отличался такою живучестью, что дѣйствуетъ даже до сихъ поръ, не смотря на то, что удушливый воздухъ суевѣрной старины значительно уже прочистился, благодаря послѣдствіямъ реформы, освободившей русскаго человѣка отъ многихъ наважденій и призороковъ.

По справедливому замѣчанію г. Буслаева, — самая настойчивость, съ какою духовенство и правительство преслѣдовали всѣ знаки *бѣсовской прелести* и всѣ явленія *бѣсовскаго дѣйства*, обнаруживала, какъ еще были сильны и свѣжи преданія и представленія миѳической и эпической древности. Къ тому же гонители и преслѣдователи языческой старины нисколько не были выше въ своихъ понятіяхъ того, что̀ они гнали и преслѣдовали. Они не умѣли разграничить дѣйствительно языческаго отъ обыкновеннаго мірскаго и провозглашали гоненіе во имя абстрактныхъ аскетическихъ началъ, высоту и чистоту которыхъ міръ-народъ не могъ «вмѣстити». Вмѣстѣ съ язычествомъ, или вѣрнѣе сказать, вмѣстѣ съ извѣстными формами языческихъ вѣрованій, они гнали и самыя невинныя мірскія утѣхи и забавы, напримѣръ, качанье на качеляхъ, скаканье на доскахъ, игру въ шахматы и шашки, охоту и т. п., изъ чего слагался обычный мірской или свѣтскій порядокъ быта. Такимъ образомъ гоненіе объявлялось собственно не язычеству или какимъ либо нравственнымъ уклоненіямъ жизни, а напротивъ, всей основѣ народнаго быта, тому эпическому складу жизни, который, конечно, не заключалъ въ себѣ никакихъ стихій для водворенія абстрактнаго, невмѣстимаго начала, отрицавшаго самую жизнь. Сила живой еще древности, сила эпическихъ и миѳическихъ представленій, охватывавшихъ полно и цѣльно всѣ стороны народнаго быта, не легко уступала даже безчеловѣчнымъ строгостямъ преслѣдованій. Да и какъ могла она уступить, когда это

была сама жизнь, дававшая всему свой обликъ, свой строй, свою типическую законченность. Безчеловѣчію преслѣдователей она несла жертвы и этими жертвами свидѣтельствовала только, какъ еще живучи были въ народѣ непосредственныя первобытныя стихіи его созерцанія. Самая книжность, хранительница всяческихъ абстрактовъ, провозглашавшая и поддерживавшая борьбу съ языческимъ бытомъ, отъ прикосновенія къ этому быту утратила чистоту своего призванія и, преображенная народнымъ началомъ, послужила только новымъ выразителемъ тѣхъ же первобытныхъ эпическихъ и миѳическихъ стихій созерцанія. Книжныя ученія, гоня языческое суевѣріе въ различныхъ его видахъ, въ то же время прилежно охраняли и даже распространяли всевозможное суеверство, вовсе не догадываясь, что они служили тому же дѣлу, что это было тоже самое язычество, невидимо переходившее только въ новыя формы, создававшее только новые образы вѣрованій, что здѣсь смѣнялся только старый дѣдовскій кафтанъ на новый, иного покроя. Такъ древнѣйшія миѳическія представленія о физическихъ явленіяхъ, хотя и были пріурочены къ другимъ именамъ, тѣмъ не менѣе сохранили полную свѣжесть первобытнаго вѣрованія. Представленіе, напримѣръ, о громѣ нисколько не было слабѣе отъ того, что это не былъ ужь Перунъ, а «возгрѣмѣвый Илія на колесницѣ». Представленіе о всякой помощи, ожидаемой отъ мольбы тому или другому угоднику, Власію отъ скотскаго падежа, Фролу и Лавру отъ конскаго падежа, Неопалимой Купинѣ отъ пожара и молніи и т. д., нисколько не было слабѣе отъ того, если мольба обращалась уже къ инымъ именамъ, вмѣсто отвергнутыхъ и забытыхъ. Существо дѣла оставалось тоже: чувствуя свою беззащитность и безвыходность предъ враждебною силою природы, въ виду явленія, котораго ни понять, ни сознать было невозможно, человѣкъ прибѣгалъ къ защитѣ и заступ-

ленію силъ благодѣющихъ. Перемѣнялись формы, но человѣкъ оставался такимъ же, какъ былъ прежде, т. е. исполненнымъ самой живой поэтической вѣры въ чудесное, таинственное, которое разрѣшало ему всѣ вопросы, отвѣчало на всѣ его недоумѣнія и сомнѣнія. Творческая мысль требовала дѣятельности, поэтическое чувство требовало вѣры, неотразимый законъ внутренней жизни бралъ свое, и человѣкъ, не руководимый свѣтомъ истиннаго знанія, вырабатывалъ себѣ знаніе и вѣрованія на началахъ первобытнаго миѳа, который былъ единственнымъ и исключительнымъ источникомъ его созерцанія. Весь міръ въ его глазахъ былъ подѣленъ между добрыми и злыми духами, которыхъ, чтобъ спасти собственное существованіе, онъ долженъ былъ умилостивлять или заклинать. Все, что ни происходило передъ его глазами и въ физическомъ, и въ нравственномъ мірѣ, все, что ни совершалось въ его жизни съ нимъ самимъ, съ его родными и ближними, что ни совершалось даже въ общественномъ и политическомъ быту, — все это онъ иначе не могъ объяснить, какъ дѣйствіемъ непостижимой и недомыслимой силы, предъ которою его собственное существо казалось совершенно ничтожнымъ, совершенно безсильнымъ и беззащитнымъ. Начиная съ какого нибудь *мышеписка, куроклика, стѣнотреска, ухозвона* и тому подобныхъ примѣтъ и повѣрій, которыя такъ тревожили и смущали его покой въ домашнемъ быту, и восходя до представленій о томъ, что, напримѣръ, Самозванецъ былъ исчадіемъ дьявола въ дѣйствительномъ, а не метафорическомъ смыслѣ, всѣ подобные мелкіе и крупные случаи жизни объяснялись не природою вещей, не природою человѣческой жизни и человѣческаго развитія, а кознями и наважденіемъ лукаваго бѣса, сверхъестественными силами. Начиналъ ли писатель того вѣка разсказъ о какомъ либо событіи, надѣлавшемъ обществу или какому либо лицу бѣдъ, первая

мысль его была о враждебныхъ козняхъ бѣса, и потому онъ начиналъ свое повѣствованіе извѣстнымъ общимъ мѣстомъ, стереотипною фразою тогдашней книжности: «Врагъ, искони вѣкъ нехотя видѣти добра роду человѣческому, вложи мысль въ человѣцы», или: «Ненавидяй врагъ роду христіанскаго, хотя привести въ послѣднюю пагубу, вложи въ человѣцѣхъ мысль такую... Видя врагъ царя праведна и свята и вложи вражду въ бояры... Исконижъ врагъ нашъ діяволъ, не хотя добра роду христіанскому, приводяй на послѣднюю пагубу, вложи мысль царю... Паки же врагъ нашъ діяволъ, не хотяй роду христіанскаго видѣти въ добрѣ, вложи въ человѣцы лукавство... Богу же попущающу, а врагу дѣйствующу... И искони въ россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои...» Предпосылая подобныя мысли, писатель, разумѣется, очень легко объяснялъ всѣ неясныя, темныя дѣла и событія того вѣка... При господствѣ такихъ вѣрованій, понятій и представленій въ житейской средѣ выяснялось убѣжденіе, что человѣкъ не имѣетъ собственной нравственной свободы, нравственной самостоятельности, что онъ есть только раболѣпное орудіе постороннихъ силъ, злодѣющихъ или благодѣющихъ. Это убѣжденіе выразительнѣе всего олицетворилось въ представленіи, что у каждаго человѣка на правомъ плечѣ присутствуетъ ангелъ хранитель, а на лѣвомъ — соблазнитель бѣсъ. Выходитъ, что они управляли помышленіями и поступками человѣка, который, такимъ образомъ, самолично освобождался отъ всякой вины въ собственныхъ дѣяніяхъ. Богу попущающу, врагу дѣйствующу, говорилъ онъ, разбирая причины грѣха и соблазна, въ которыя впадалъ. Успокоительная и все разрѣшающая фраза: лукавый попуталъ, служила самымъ лучшимъ разъясненіемъ и оправданіемъ всякаго нравственнаго безобразія. Если же и приходила мысль о самостоятельномъ отношеніи къ этимъ общимъ представленіямъ о

ричинности грѣха и паденія, если пробуждалась мысль о поврѣ ходячихъ апефегмъ съ истинными разумными основаніями нравственности, то и она, эта свѣтлая и смѣлая мысль со трахомъ прогонялась, какъ то же сатанинское искушеніе и наважденіе.

Такова была нравственная и умственная атмосфера, въ которой зарождались первыя понятія, созидались первыя представленія человѣка въ ту эпоху. Онъ выросталъ посреди самыхъ разнообразныхъ вліяній первобытной непосредственности, въ широкой и богатой обстановкѣ эпическихъ и миѳическихъ представленій и вѣрованій. Мало того, что онъ подвергался этимъ вліяніямъ ребенкомъ, они сопровождали его и въ зрастное время, не оставляли до самой смерти. Онъ самъ ѣлался творцомъ различныхъ суевѣрныхъ представленій, скоѣ и свободно выраставшихъ въ его воображеніи, настроеннымъ на общій ладъ съ наслѣдственнымъ эпическимъ созерцаніемъ всей жизни. Конечно, и мы, въ дѣтскія лѣта, теперь же, испытываемъ вліяніе этихъ миѳическихъ и эпическихъ редставленій, такъ родственныхъ дѣтскому уму и дѣтской антазіи; но у насъ есть *школа*, есть цѣлый періодъ жизни, тданный развитію и обогащенію ума знаніемъ, которое поемъ уже само собою сокрушаетъ всѣхъ идоловъ дѣтскаго ѣрованія. Не то было съ человѣкомъ въ XVII ст. Для него е существовало этой школы, т. е. не существовало никакой кольконибудь цѣльной, правильной системы *образованія*, е существовало никакого порядка, никакой послѣдовательности въ передачѣ даже тѣхъ свѣдѣній, какія были ходячими въ о время. О развитіи и образованіи ума никто не помышлялъ. Напротивъ, на науку или вообще на знаніе смотрѣли съ суевѣрною боязнью. «Будешь много знать, скоро состаришься», ласитъ народная поговорка; и теперь еще въ народной массѣ ходятъ понятія, что, напримѣръ, кто прочтетъ всю Библію, не-

[illegible] А [illegible] было обычно [illegible] Особенный [illegible], что [illegible] учиться и читать [illegible] [illegible] [illegible] с прощаньем [illegible] [illegible], чтобъ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

ка и въ дѣтствѣ, и на возрастѣ. За битаго двухъ небитыхъ даютъ, говоритъ пословица, выражая тѣмъ преимущества нашей старинной общенародной школы и ученья. Въ этой-то школѣ воспитывался и умъ и нравы ребенка, и съ этого-то пастбища, которое по естественнымъ причинамъ оставляло его до самыхъ возрастныхъ лѣтъ ребенкомъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи, онъ вступалъ въ жизнь, становился дѣятелемъ, членомъ общежитія.

Весьма основательно и глубоко вѣрно замѣчаетъ г. Соловьевъ, что «для стариннаго русскаго человѣка не было того необходимаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что превосходно выражаетъ слово: *образованіе*. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному, и что же удивительнаго, что онъ являлся предъ обществомъ преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ скажутъ, что и въ старину, до эпохи преобразованія, русскіе люди учили дѣтей своихъ; и между старинными русскими людьми были люди грамотные, начитанные; безспорно, что нѣкоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, за то были неграмотные между знатью, и это всего яснѣе указываетъ на случайность явленія. *Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе ли, и чему, и какъ учились*» (161 стр.)? Есть мнѣнія, которыя утверждаютъ противное и стараются доказывать, что образованность XVII вѣка была столько сильна, что мало даже нуждалась въ петровской реформѣ и только требовала постепенныхъ улучшеній и распространеній своего состава.

Дѣйствительно, мы знаемъ, что и въ то время были люди *ученые, книжники* и *философы*, какъ ихъ тогда называли; но большею частію это были православные иноземцы или

ученики иноземцевъ—Грековъ сначала, а въ послѣдствіи ученыхъ изъ западной и южной Руси.

Къ тому же такихъ личностей было очень и очень немного, даже въ средѣ іерарховъ, призванныхъ по самому своему положенію быть учеными, книжниками и философами. Такимъ образомъ весьма справедливо, что о подобныхъ исключеніяхъ изъ общаго порядка и рѣчи быть не можетъ, если хотимъ судить правильно о характеристикѣ *образованія* общераспространеннаго, общедоступнаго, открытаго всякому. Мы знаемъ, что въ половинѣ XVII ст. существовали книги граматичныя, ариѳметичныя, космографіи или географіи, хронографы или всемірныя исторіи и т. п., но многимъ ли были они доступны? Ихъ изучали, читали только спеціалисты, какими на самомъ дѣлѣ и были тогдашніе знатоки граматичнаго ученія. То, что теперь, какъ непремѣнное условіе, входитъ въ систему общаго образованія, тогда принадлежало одной лишь спеціальности, явленію исключительному. *Общее* образованіе, т. е. собственно обученіе, доступное каждому, составлявшее элементарный курсъ тогдашней грамотности, заключалось въ наученіи чтенію по азбуцѣ, часослову и псалтырю, и именно по часослову и псалтырю, безъ которыхъ не представлялось и возможности выучиться грамотѣ или быть грамотнымъ. За тѣмъ слѣдовало наученіе письму и церковному пѣнію.

При этомъ необходимо замѣтить, что и въ такомъ, можно сказать, техническомъ составѣ, грамотность не входила въ общую потребность, что и такой грамотникъ не представлялъ общаго явленія, а былъ также своего рода спеціалистомъ, почему нерѣдко, въ силу этой спеціальности, пріобрѣталъ непререкаемое право поступать въ священно и церковно-служители, или же въ подъячіе. Грамотность всегда наиболѣе и сосредоточивалась только въ средѣ этихъ двухъ спеціальныхъ занятій, имѣвшихъ дѣло съ книгами и бумагами.

Самый взглядъ тогдашняго общества на грамотность, какъ на художество техническое, въ родѣ какого-либо мастерства, прикладное къ извѣстнымъ спеціальностямъ жизни, еще лучше показываетъ, что въ ней совсѣмъ почти не искали того образующаго элемента, посредствомъ котораго человѣкъ развивается умственно и нравственно. Старинный *книжный* человѣкъ не былъ въ глазахъ своего общества человѣкомъ образованнымъ въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. человѣкомъ развитымъ, просвѣщеннымъ. Онъ, напротивъ, представлялся какимъ-то техникомъ по части книжнаго ученія, который на всякій бывающій случай могъ приводить примѣнимыя свидѣтельства и рѣчи писанія, могъ разрѣшать смущенія и сомнѣнія извѣстными поученіями, затверженными слово въ слово, что впрочемъ было совершенно необходимо съ технической точки зрѣнія, такъ какъ порча текстовъ собственными словами и выраженіями могла бы только обнаруживать плохое познаніе книжности или даже ересь.

Отсюда понятно, почему наша старая книжность съ теченіемъ времени выработала столько общихъ фразъ, общихъ мѣстъ, общихъ пріемовъ ученія и разсказа, взятыхъ слово въ слово изъ тѣхъ или другихъ текстовъ писанія. Это былъ мертвый, техническій языкъ, мало, а мѣстами и совсѣмъ непонятный простымъ людямъ. Тѣмъ не менѣе онъ почитался неприкосновенною святынею. Припомнимъ съ какими затрудненіями вводилась въ XVII ст. устная проповѣдь, переводъ книжныхъ словесъ на простой, всѣмъ понятный языкъ. Г. Соловьевъ приводитъ по этому поводу слѣдующій случай: «въ Пермской сторонѣ, въ отчинномъ городкѣ именитаго человѣка Григор. Дм. Строганова — Орлѣ, священникъ по настоянію вотчинника согласился не *читать*, а *говорить* проповѣди, какъ уже дѣлалось тогда въ Москвѣ и въ другихъ городахъ Московской области. Но какъ приступить къ дѣлу?

Взять проповѣди Симеона Полоцкаго—слогъ неудобенъ: простѣйшимъ людямъ «за высоту словесъ тяжело слышать»; взять переводы проповѣдей Златоуста (которыя обыкновенно читались въ церквахъ)—ихъ не понимаютъ не только слушающіе, но и читающіе; не только міряне, но и священники прямо говорятъ, что писаны иностраннымъ языкомъ. Священникъ взялъ бесѣды Златоуста, но сталъ излагать ихъ простѣйшимъ языкомъ, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не прошла даромъ нововводителю: начали его бранить, смѣяться надъ нимъ, не щадили укорительныхъ словъ, подучали другъ друга не слушать его проповѣдей, кричали: «прежде здѣсь были священники добрые и честные, да такъ не дѣлали, жили по просту; и мы жили въ изобиліи; а этотъ съ чего взялъ вводить новизну?» Такихъ укоровъ, конечно, не было достаточно; главнымъ образомъ нужно было указать, что тутъ кроется еретичество. Въ отвѣтъ невѣжественной толпѣ священникъ говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ: Обрѣтаются въ родѣ моемъ такіе слѣпые вожди: думаютъ, что мудры, а на дѣлѣ грубѣйшіе невѣжды, говорятъ: *что намъ въ книгахъ учительныхъ? достаточно часослова и псалтыря.* Правду говорить, достаточно, если кто знаетъ силу въ нихъ написаннаго, но это знаніе далеко отъ тебя и отъ разума твоего. Безумецъ! сидя за полными чашками въ корчемницѣ, ты разсуждаешь, въ корчемницѣ ты велерѣчивъ, а въ церкви связанъ безгласіемъ, плѣненъ неразуміемъ. Говорятъ, что довольно, если священникъ книгу читаетъ передъ народомъ въ церкви , а устное ученіе укоряютъ и еретичествомъ называютъ. Безумецъ! кого къ еретикамъ причисляешь? Патріарховъ, пророковъ, апостоловъ!»

Это обличеніе служило самою лучшею характеристикою тѣхъ понятій о книжности, какія существовали въ русскомъ обществѣ даже въ концѣ XVII ст. Оно указываетъ, что часо-

словъ и псалтырь были не только корнемъ, но и вершиною грамотности и всего книжнаго ученья, покрайней мѣрѣ въ понятіяхъ большинства даже самихъ учителей народа. А какъ выучивались эти основныя книги общаго образованія? Учили ихъ, какъ говорится, въ долбешь, безотчетно и безсмысленно. Да и какъ иначе возможно было ихъ заучивать, если, съ одной стороны, существовало благоговѣйное и справедливое увѣреніе въ неприкосновенности текста, а съ другой — или незнаніе силы написаннаго, что̀ случалось очень часто, или же рѣшительная невозможность удобопонятно протолковать ребенку эту силу, что̀ могло случаться еще чаще.

Молитвы и церковныя пѣсни, послѣдованія повсядневныхъ церковныхъ службъ — вотъ содержаніе обѣихъ книгъ: какъ возможно было иначе изучать ихъ, какъ не зазубриваніемъ наизусть.

Само собою разумѣется, что отъ такого способа изученія молитвъ и грамотѣ не одинъ языкъ перебалтывался, перебалтывались и понятія ребенка, и не мудрено, что самыя молитвы и мольбы обращались иногда къ Успенію, къ Введенію, а не къ лицу самой Богородицы.

Такимъ образомъ весь кругъ первоначальнаго и такъ сказать общаго образованія въ то время заключался въ изученіи церковно-служебныхъ моленій и порядковъ, въ какомъ слѣдовали эти моленія и службы. Все это могло только еще въ большей силѣ поддерживать то эпическое настройство ума и фантазіи, которое составляло основу народныхъ воззрѣній, основу самой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могъ вынести умъ ребенка изъ этого курса стариннаго книжнаго наученія?

Но какъ бы ни было, одинъ уже *наукъ* грамотѣ очень часто выдвигалъ человѣка впередъ. Онъ становился начетчикомъ книгъ, а слѣдовательно *толковникомъ* и вождемъ для другихъ, становился для темной толпы оракуломъ, разрѣшав-

Историч... П. Б...

шимъ сомнѣнія и смущенія. Темныя люди, особенно по украйнамъ, съ жаждой слушали словеса такого оракула, поучавшаго ихъ «отъ писанія.» Но что же давалъ темнымъ людямъ этотъ оракулъ-начетчикъ, какой смыслъ и какой былъ характеръ его бесѣды, его словесъ и ученія? Какія книги и что именно въ книгахъ онъ читалъ, когда дѣлался обладателемъ грамотности? Что̀ выбиралъ онъ изъ книгъ? Какія медовыя соты питали его испытующій умъ? На это можетъ отчасти отвѣчать уже самый составъ *прописей* или *азбукъ скорописнаго письма*, по которымъ грамотникъ выучивался писать. Сюда старинная грамотность заносила свои ходячія апофегмы, а вмѣстѣ съ ними и образцы той мудрости и того умствованія, которыя составляли предметъ ея исканій и въ то же время характеристику ея умоначертанія. Такъ какъ человѣческая и всякая мудрость по эпическимъ представленіямъ является неиначе, какъ въ образѣ загадки, то и мудрецъ-грамотникъ, вскормленный эпическими вѣрованіями и понятіями, озадачивалъ дѣтскій умъ вопросами и загадками, извлеченными изъ разныхъ книжныхъ мудрованій.

Вопросъ. Что̀ небесная высота и земная широта и морская глубина? *Отвѣтъ.* Небесная высота — Отецъ, земная широта — Сынъ, морская глубина — Духъ Святой. *В.* Стоитъ море на пяти столпѣхъ, царь речетъ: потѣха моя, а царица речетъ: погибель моя. *О.* Море есть чара вина, пять столповъ — пять перстовъ, царь есть тѣло, а царица — душа. *В.* Древянъ ключь, водянъ замокъ, заецъ убѣже, а ловецъ утопе. *О.* Ключь — Моисеовъ жезлъ, замокъ—Черное море, заецъ — Моисей пророкъ, ловецъ — Фараонъ утопе въ Чермномъ морѣ. *В.* Которая вещь ни съ небесъ сниде, ни ангелъ, ни человѣкъ, а по Христѣ святъ бысть и многія чудеса творитъ? *О.* Животворящій крестъ Господень, на немъ же распятъ бысть отъ Жидовъ и т. п.

Такъ какъ скорописныя азбучки или прописи состовлялись самими учителями и въ отношеніи своего состава были очень разнообразны, то понятно какъ разнообразны были и самые вопросы или мудрыя загадки. Конечно, для ребенка все это были простыя прописи, образцы для упражненія въ письмѣ, но они не безъ вліянія оставались на его умъ и понятія. Они настраивали дѣтскій умъ на извѣстный складъ, давали ему извѣстное направленіе. Необходимо замѣтить, что прототипомъ, а также и источникомъ всѣхъ подобныхъ вопросовъ и загадокъ была извѣстная апокрифическая *Бесѣда трехъ святителей*, ходившая въ то время во множествѣ списковъ и въ различныхъ редакціяхъ и содержаніемъ своимъ смутившая даже одного изъ нашихъ ученыхъ современниковъ. Г. Шевыревъ, на пути въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, остановившись въ одномъ изъ селеній, въ домѣ не раскольническомъ, какъ онъ замѣчаетъ, а у православнаго крестьянина, нашелъ, между прочимъ, у него и списокъ этой бесѣды, изложенной въ вопросахъ и отвѣтахъ. «Съ грустію, говоритъ путешественникъ, прочелъ я эти вопросы и отвѣты, писанные четко *самымъ грубымъ и дикимъ варварствомъ и нечестиво* названные бесѣдою тріехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Что̀, кромѣ невѣжества и нечестія, почерпнетъ крестьянинъ въ этомъ писаніи, которое *выставилъ въ избѣ своей почти у св. образовъ, и постоянно держитъ передъ собою*?—«*Вопросъ*. Кому первая грамота дана отъ Христа? *Отвѣтъ*. Каіафѣ апостолу!!... Что есть попъ не поставленъ, дьяконъ отметникъ» и *прочее, что̀ и писать страшно (!!)*. Какая грубость въ этой загадкѣ: что есть, волъ корову родилъ? Адамъ родилъ себѣ жену Еву. Какая дикость въ этомъ понятіи о церкви: что есть камень прибѣжище заяцемъ? Камень церковь, а заяцы люди. Что за понятіе о лицѣ Божіемъ: ли-

це Божіе свѣща горитъ передъ образомъ Божіемъ. Что за познанія въ анатоміи! Много ли въ человѣкѣ костей? 245. Много ли, въ человѣкѣ жилъ? 365». Не привожу другихъ грубѣйшихъ загадокъ, которыя привести больно. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я записалъ все это. Вотъ до какихъ дикихъ понятій доходитъ русскій простолюдинъ, какъ впрочемъ и всякій русскій, въ противную сторону удаляясь отъ чистаго и высокаго ученія православной нашей церкви *)!» Конечно, такой взглядъ на этотъ памятникъ старинной нашей книжности свойственъ больше пуристу-церковнику, чѣмъ даже пуристу-историку литературы. Но не въ этомъ дѣло. Здѣсь интереснѣе всего фактъ, что такая книжность-грамотность живетъ въ народѣ и до сихъ поръ, что стало быть, до сихъ еще поръ существуютъ причины, элементы, которые поддерживаютъ ея жизнь. И чѣмъ же виновны не только эта грамотность, но даже и эти причины, элементы? Это самыя кроткія и невинныя созданія умственной изслѣдовательности народа, неимѣющаго другихъ средствъ и другихъ путей разрѣшать себѣ столько вопросовъ, незамѣтно и естественно возбуждаемыхъ его созерцаніемъ. Чѣмъ же виновна та почва, которая питаетъ это созерцаніе, почва эпическихъ и миѳическихъ представленій, еще далеко не угасшихъ и въ настоящее время. Вся вина тутъ въ томъ, что такъ все родилось и возрасло на полной степной свободѣ, безъ всякой помощи со стороны *школы*, т. е. науки, научнаго образованія. Вся вина въ томъ, что на лугу выросли травы и цвѣты, которые по свойству почвы и по условіямъ мѣстности и климата непремѣнно и должны были вырости. Можно грустить, страшиться, болѣть и негодовать, гнать и запрещать, но естественный законъ останется тѣмъ же, чѣмъ онъ есть, и наши болѣзнованія, гоненія и страхи не

*) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, часть 1, стр. 133.

въ силахъ измѣнить его, если, вмѣсто страховъ и гоненій, мы не призовемъ къ дѣлу свѣтъ истины, свѣтъ знанія, который одинъ только и способенъ вывести насъ изъ всяческой тьмы; а для этого, конечно, безъ всякихъ страховъ и стыдливыхъ ужимокъ, мы должны прежде всего обнародовать и огласить все, что ни есть въ насъ темнаго. Прежде всего намъ нужно узнать, кто наши враги, то есть узнать всѣ наши застарѣлыя порочныя и темныя стороны, нужно раскрыть и огласить ихъ для всеобщаго зрѣлища, по тому что такія порочныя и темныя стороны почитаются иногда за великія добродѣтели и поддерживаются всѣми мѣрами.

Старинный грамотникъ, обучившись псалтырно читать, а также и писать, предоставлялся самъ себѣ въ дальнѣйшихъ своихъ исканіяхъ знанія и разрѣшенія возникавшихъ въ его умѣ и смущавшихъ его вопросовъ. Какъ пчела, съ которою онъ очень любилъ себя сравнивать, онъ лѣталъ по цвѣтамъ тогдашней книжности, собирая усердно медъ знанія доступнаго этой книжности, медъ книжной мудрости. Онъ выбиралъ наиболѣе сладкіе, наиболѣе пріятные ему *цвѣтки* изъ всего, что ни встрѣчалось ему на пути. Изъ такихъ-то цвѣтковъ и составлялись очень извѣстные въ народѣ *цвѣтники*, особые сборники разныхъ статей, замѣнявшіе для каждаго грамотнаго домашнюю маленькую библіотечку. По составу этихъ цвѣтниковъ-сборниковъ и можно угадать, какой именно медъ мудрости прежде всего отыскивался.

Воспитанный и вскормленный на миѳическомъ и эпическомъ молокѣ, если возможно такъ выразиться, обучившись грамотѣ съ безотчетнымъ заучиваніемъ различныхъ моленій, что̀ еще больше давало пищи эпическому чувству, — старинный грамотникъ, по естественному влеченію своего дѣтскаго ума, вовсе не освѣщеннаго знаніемъ положительнымъ, устремлялся при чтеніи добываемыхъ имъ книгъ на такіе именно предметы,

на такія мудрствованія, повѣствованія, сказанія, поученія и т. д., которыя вполнѣ гармонировали съ его мысленнымъ настройствомъ, съ требованіями и потребностями его воображенія и чувства; онъ устремлялся съ особою жадностію на все чудесное, таинственное, сверхъ-естественное, сказочное и загадочное. Къ тому же ему несравненно легче было добывать книги, тетради и сборники именно такого характера. Такія книги наиболѣе были распространены, потому что наиболѣе требовались. Книги, содержавшія въ себѣ чистое писаніе, были очень объемисты, а потому очень дороги и рѣдки, и стало быть рѣдко кому доступны. Всего чаще грамотнику попадались разныя *тетрадки*, *льстивые сборники сельскіе*, даже *толстые сельскіе сборники* и худые манаканунцы (номоканонцы), которые такъ преслѣдовало духовное правительство и которые однакожь народъ *держалъ у себя отъ отцевъ и прадѣдовъ*, т. е. сохранялъ ихъ, наперекоръ запрещеніямъ, какъ умную и мудрую старину.

Это были, какъ мы сказали, домашнія библіотеки, гдѣ всегда можно было найдти нѣсколько статей, такъ или иначе возбуждавшихъ пытливость ума, уносившихъ воображеніе въ область таинственнаго, неразгаданнаго, чудеснаго, въ ту область, которая всегда такъ привлекательна для человѣка, какъ и для цѣлаго народа, переживающаго возрастъ вѣрующаго наивнаго дѣтства; особенно были любимы статьи съ *толкомъ*, *притчи съ толкомъ*, т. е. съ толкованіемъ разныхъ недомыслимыхъ и загадочныхъ вопросовъ, почему они и излагались обыкновенно въ вопросахъ и *толкахъ*, или отвѣтахъ, иногда въ формѣ діалога, подобно бесѣдѣ трехъ святителей. Можно сказать, что это была въ своемъ родѣ научная разработка писанія, которая появилась у насъ вмѣстѣ съ самымъ текстомъ писанія въ древнѣйшихъ его переводахъ. Первоначально переведены были именно такія части текста, которыя были протолкованы, и

протолкованы въ извѣстномъ характерѣ, объяснявшемъ почти все символически и иносказательно. Этотъ-то символическій характеръ толкованія и послужилъ основою и, такъ сказать, образцомъ для дальнѣйшихъ, уже своенародныхъ сочиненій въ томъ же духѣ. Здѣсь-то и высказывалась вся философія, вся метафизика и премудрость тогдашней общенародной грамотности, все ея умоизслѣдованіе.

«Аще *творишися мудрв*, вопрошаетъ эта грамотность, скажи ми слову сему *силу*», и ставитъ за тѣмъ рядъ загадочныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Неродивыйся умре, а родивыйся неумре? умершій не истлѣ? рѣка среди моря течетъ? животъ въ огни скачетъ? рѣка подъ землею? среди моря крестъ? и т. д. Вопросъ—что есть внукъ, рече бабѣ: положи мя у себѣ, и рече ему баба: како тя положу у себѣ, ты ми отецъ? Толкъ: внукъ есть Христосъ, а баба—земля. Вопросъ. Тѣло ли есть въ образѣ, или образъ въ тѣлѣ? Толкъ: образъ въ тѣлѣ. Паки: премудрость ли есть въ челѣ, или душа въ мудрости? Толкъ: мудрость ѣсть въ души»... Вопросъ: что есть роса аермонская, сходящая на горы сіонскія? Отвѣтъ: роса есть Духъ Святый, аермонъ—чистота тѣлесная, а гора—церковь; а сходящее—вѣра, любовь и миръ.—Вопросъ: что есть мѣра отъ востока до запада? Отвѣтъ: солнце и луна и звѣзды.—Вопросъ: что есть правда и что истина? Отвѣтъ: Правда Христосъ, а истина Богородица. Сниде бо правда съ небесе и облечеся во истину, сиречь Христосъ облечеся во плоть.—Вопросъ: что есть роди мя отецъ, азъ же родихъ себѣ жену, жена же моя родиша отцу моему матерь? Отвѣтъ: отецъ есть Христосъ, созда Адама и отъ ребра его роди жену ему Еву, а Ева же родиша ему дѣти, а дѣти его родиша Святую Богородицу, Матерь Христа Бога... и т. д. *).

*) Г. Щапова: „Русскій Расколъ" и рукописные сборники нашей библіотеки.

Всѣ такіе вопросы съ толкомъ, въ большинствѣ случаевъ походившіе на какія-то недомыслимыя провѣщанія оракула, представлявшія дѣйствительную мудрость въ реальномъ ея смыслѣ, какъ она и понимается народомъ, т. е. какъ затруднительность, непостижимость, уважались имъ тѣмъ болѣе, что совершенно совпадали съ общимъ характеромъ и настройствомъ народныхъ воззрѣній, отвѣчали требованіямъ младенчествующаго, но все-таки испытующаго ума, который, не обладая главною своею силою—знаніемъ, наукою, по необходимости блуждалъ и блудилъ въ метафизическихъ потемкахъ.

Здѣсь книжность и писаніе являются только средствомъ, матеріаломъ, изъ котораго народъ на старой наслѣдственной миѳической почвѣ созидаетъ новые образы вѣрованій, новые символы своего сознанія. Въ этомъ-то претвореніи книжныхъ сказаній, книжныхъ фактовъ въ эпическую и миѳическую плоть и заключается весь смыслъ нашей до-петровской общенародной грамотности, весь ходъ ея развитія. Это была своего рода культура, своего рода образованность, созданная непосредственнымъ собственнымъ разумѣніемъ народа, которая поэтому обладала значительными жизненными силами и шла параллельно съ остальнымъ развитіемъ народа, общественнымъ и политическимъ, въ иныхъ случаяхъ даже управляя тѣмъ и другимъ.

Въ розысканіяхъ и изслѣдованіяхъ о нашей древней литературѣ, мы должны удѣлить особое мѣсто разъясненію этой народной грамотности или образованности, которая при внимательномъ изученіи явится намъ въ такой же цѣльности и законченности, какъ и остальныя стороны народнаго развитія. Во многомъ намъ препятствуетъ еще устарѣлый взглядъ на эту грамотность, такъ рельефно выраженный г. Шевыревымъ по поводу одного изъ ея памятниковъ; но при помощи такой

разработки предмета, какую даютъ намъ превосходные историко-литературные труды послѣдняго времени, особенно труды г. Буслаева, можно ожидать, что вопросъ выяснится надлежащимъ образомъ и подъ словомъ: грамотность русскаго допетровскаго общества, мы будемъ разумѣть не совокупность, почти механическую, различныхъ словесныхъ памятниковъ, съ указаніемъ, что они обнаруживаютъ красоты эпической поэзіи, раскрываютъ народные миѳы или же обнаруживаютъ только заблужденія и даже ереси народа, а будемъ разумѣть извѣстный складъ образованности, возращенной, хотя и изъ чужаго матеріала, но на собственной почвѣ, собственными усиліями, собственною духовною работою, и безъ малѣйшей вины въ томъ, что эта своеземная грамотность, по естественному ходу народнаго развитія, разошлась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ чистотою книжнаго ученія. Книжное ученье, писанье представляло дѣйствительно огромный капиталъ духовнаго просвѣщенія, но капиталъ, лежавшій въ теченіи восьми вѣковъ въ недоступныхъ для народа хранилищахъ, лежавшій непроизводительно и очень мало способствовавшій обогащенію, т. е. просвѣтлѣнію народнаго сознанія. Народъ во все это время пробавлялся малыми крупицами, упадавшими къ нему съ этого богатаго стола, работалъ, какъ умѣлъ, надъ этими крупицами и, разумѣется, бѣдствовалъ и умственно, и нравственно, наживая себѣ только умственныя и нравственныя мозоли и затвердѣлости отъ этой тяжкой и мрачной мысленной работы, въ какой онъ оставался по необходимости. Никто изъ охранявшихъ и старательно опекавшихъ его умъ и вѣру не только ни разу не подумалъ о распространеніи знанія, науки, хотя бы въ самомъ маломъ объемѣ и въ самой стѣсненной формѣ, но и всячески открещивался отъ этого страшнаго супостата и врага.

Для образованія нрава, для наученія *како жити христіанамъ*, народъ имѣлъ неисчислимый матеріалъ. Вся книжность исключительно была направлена въ эту именно сторону всѣми своими поученіями, словами, великимъ множествомъ апофегмъ и разныхъ практическихъ истинъ, сказаніями о благочестивой и богоугодной жизни; но для образованія ума, для наученія *какъ думать* о явленіяхъ міра и даже о самой нравственности, какъ мысленно обнять и разъяснить горизонтъ смутныхъ, но неотразимыхъ вопросовъ объ этомъ чудномъ мірѣ, гдѣ, что̀ ни явленіе, то загадка, что̀ ни шагъ, то вызовъ на борьбу, за которою необходимо слѣдовала или побѣда ума, разоблачавшего въ чемъ дѣло природы, или его порабощеніе, его безсильное приниженіе предъ этимъ дѣломъ и всякимъ ея созданіемъ; вообще для борьбы съ неотвязчивыми запросами пытливой мысли,—для всего этого народъ, какъ и въ отдѣльности каждый человѣкъ, не имѣлъ никакого орудія и никакихъ средствъ. Не удивительно, что онъ былъ побѣжденъ въ этой борьбѣ. Онъ, по писанію, зналъ время, когда и какъ совершилось творчество природы, онъ зналъ о томъ, что *было*. Но онъ не находилъ отвѣта, отчего бытіе было такимъ, какимъ онъ его видѣлъ, онъ не находилъ прямаго разрѣшенія своимъ гаданіямъ о сущности, о *матери* всѣхъ вещей и предметовъ, какіе представлялись ему наиболѣе важными и существенными.

Отчего зачался у насъ бѣлый свѣтъ?
Отчего зачалось солнце красное?
Отчего зачался младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отчего зачались звѣзды частыя?
Отчего зачались зори утреннія, вечернія?
Отчего зачались ночи темныя?
Отчего зачались вѣтры буйные?
Отчего буйны вѣтры воюются?

Отчего у насъ въ землѣ грѣны пошли?
Отчего зачались дожди дробные?
Отчего зачался міръ-народъ Божій?
Отчего взяты тѣлеса наши?
Отчего зачались кости крѣпкія?
Отчего у насъ кровь руда наша?
Отчего у насъ умъ разумъ?
Отчего у насъ наши помыслы?
Отчего у насъ въ землѣ цари пошли?
Отчего зачались князья, бояры?
Которая земля землямъ мати?
Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ мати?
Которая церковь церквамъ мати?
Которое море морямъ мати?
Кое озеро озерамъ мати?
Которая рѣка рѣкамъ мати?
Которая гора горамъ мати?
Которое дерево деревамъ мати?
Которая трава травамъ мати?
Который камень всѣмъ камнямъ мати?
Которая рыба рыбамъ мати?
Которая птица птицамъ мати?
Который звѣрь звѣрямъ мати?
Которая книга книгамъ мати?

Всѣ эти вопросы—отчего *зачало* и гдѣ *мать* вещей, свидѣтельствующіе о глубокой жизненности и пытливости народнаго ума, старинный человѣкъ разрѣшалъ себѣ частію по тѣмъ представленіямъ, какія искони существовали въ его миѳическомъ созерцаніи, а большею частію изъ тѣхъ источниковъ грамотности, которые были ему болѣе доступны по своей родственности съ тѣмъ же древнимъ созерцаніемъ. Въ

этой такъ-называемой отреченной, апокрифической грамотности онъ извлекалъ ближайшіе отвѣты на свои запросы, такіе отвѣты, которые вполнѣ совпадали съ его родными эпическими воззрѣніями и представленіями. Вотъ почему отреченная грамотность становится образованностью народа. Она быстро распространяется, можетъ быть, и потому что строгія запрещенія и преслѣдованія, направленныя противъ нея, не всегда и даже очень рѣдко доходили по назначенію: слишкомъ широко и далеко разошелся и разселился народъ, хранившій и творчески разработывавшій эту грамотность. *Голубиная* или *Глубинная книга*, въ которой выразилась народная дума о тайнахъ бытія, о *матеряхъ* всѣхъ вещей, есть вѣнецъ и наилучшая характеристика этой грамотности-образованности. Изъ нея мы заимствовали приведенные вопросы, богатство и существо которыхъ обнаруживаютъ, что народный умъ ни разу не засыпалъ въ долгій періодъ своей, мрачной, безотрадной и тяжелой жизни. Источники отвѣтовъ, высказанныхъ этою *Глубинною книгою*, очень легко прослѣдить въ тѣхъ же *толстыхъ сельскихъ сборникахъ* и разныхъ *цвѣтникахъ*, о которыхъ мы упоминали. Ближайшимъ источникомъ послужила знаменитая «Бесѣда тріехъ святителей», а также статьи, составлявшіяся въ подраженіе ей или по ея образцу, статьи собственнаго произведенія. Въ подобныхъ статьяхъ, какъ мы замѣтили, выразилась философская, такъ сказать, метафизическая сторона народной грамотности, сторона умственныхъ отвлеченій, различныхъ мудрованій, всяческихъ *глубинъ*, гдѣ являлись всевозможные вопросы, какіе только могли приходить на умъ старинному грамотнику-мудрецу. Характеристика такихъ вопросовъ приведена нами выше, ихъ же текстомъ.

Область чувства, нравственныя и эстетическія требованія народа питались въ его грамотности легендарными сказаніями и повѣствованіями, гдѣ проходилъ тотъ же миѳическій и эпи-

ческій мотивъ созерцанія, претворявшій каждый фактъ жизни, каждое даже книжное сказаніе въ собственную эпическую и миѳическую плоть. *Сельскіе толстые* сборники были наполнены такими легендами, повѣстями и житіями, изъ которыхъ особенно любимыми и, стало-быть, наиболѣе распространенными являются сказанія и житія въ родѣ повѣстей о бѣсноватой Соломоніи, о Саввѣ Грудцынѣ, Петрѣ и Февроніи, и разныя мелкія сказанія. Вообще, сверхъестественное, чудесное составляетъ основную стихію этихъ сказаній. Здѣсь съ особенною рельефностью выступаютъ общіе любимые мотивы тогдашнихъ вѣрованій и представлены именно повѣствованія о борьбѣ человѣка съ демоническими силами, о козняхъ и наважденіяхъ этихъ силъ, обуревавшихъ нравственное существо тогдашнихъ людей. Живость этихъ вѣрованій и представленій была такъ велика, впечатлѣнія, производимыя подобными сказаніями и легендами, были такъ сильны, что эта сторона грамотности не оставалась въ жизни только словомъ, но очень часто претворялась въ дѣло, воспитывая характеры, управляя поступками и даже подвигами людей. Многіе сами безотчетно становились въ дѣйствительности героями тѣхъ идеаловъ, образы которыхъ такъ живо рисовались подобными сказаніями. Савва Грудцынъ, Соломонія и т. п. были не только литературными, но и жизненными типами, подобно любимымъ типамъ современныхъ намъ повѣстей и романовъ.

Такимъ образомъ, если русскій человѣкъ XVII ст. не могъ пользоваться, въ своемъ воспитаніи и развитіи, тѣмъ благомъ, какое доставляетъ намъ теперь школа, т. е. научное образованіе, если, какъ говоритъ г. Соловьевъ, для него не существовало этого переходнаго періода жизни между дѣтскою и обществомъ, и онъ долженъ былъ вступать въ жизнь тѣмъ же ребенкомъ съ младенческими наивными понятіями и представленіями,—то все-таки нельзя забывать о томъ, что и тогда су-

ществовала извѣстнаго рода образованность-грамотность, что эта грамотность имѣла весьма значительную долю вліянія на его образъ мыслей и понятій и, стало быть, служила своего рода школою для этихъ мыслей и понятій, своего рода образованіемъ, которое, хотя и приходило уже въ возрастное время, являлось безъ всякой системы и порядка, однакожь всегда успѣвало дать уму, чувству, воображенію, созерцанію извѣстный строй и складъ, руководившій помышленіями и дѣлами людей. Эта образованность-грамотность тѣмъ болѣе имѣла вліянія, что въ основѣ своего направленія нисколько не расходилась съ общимъ складомъ народныхъ воззрѣній; во многихъ отношеніяхъ она служила освященіемъ этихъ воззрѣній и литературнымъ ихъ выраженіемъ, почерпая отъ нихъ же свои силы и дѣйствуя, въ свою очередь, на ихъ распространеніе и утвержденіе. Русская жизнь XVII вѣка явила множество фактовъ этого обоюднаго вліянія на человѣка непосредственныхъ своенародныхъ вѣрованій и грамотныхъ сказаній. Суевѣріе и суесвятство было самою дѣйствующею нравственною силой, предъ которой оказывались слабыми самые повидимому крѣпкіе и относительно образованые умы вѣка. Въ существѣ дѣла, это была поэзія, сторона живыхъ вѣрованій, сторона поэтическаго творчества народной жизни «Вся жизнь древней Руси, говоритъ г. Буслаевъ, была проникнута поэзіею; потому что всѣ духовные интересы были понимаемы только на основѣ самаго искренняго вѣрованья, хотя бы источникъ этого послѣдняго и не всегда былъ чисто христіанскій. Множество примѣтъ, заклятій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и доселѣ живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго имъ цѣлаго, была не собственно языческая, и не чисто христіанская, но какая-то смутная, фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами

христіанскаго міра соединялось нѣчто другое, болѣе согласное съ миѳическими воззрѣніями народнаго эпоса.... Отличительною чертою этого смутнаго состоянія духа было до страха доходящее убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ болѣе важномъ случаѣ жизни, можетъ внезапно оказать свое необычайное дѣйствіе» *).

Въ такомъ моментѣ живаго вѣрованія мы встрѣчаемъ даже самого царя Алексѣя, человѣка вполнѣ передоваго, навычнаго, по свидѣтельству современниковъ, многимъ философскимъ наукамъ, т. е. весьма начитаннаго и любознательнаго. Въ письмѣ своемъ къ Никону о смерти патріарха Іосифа, онъ разсказываетъ, между прочимъ, что прійдя въ церковь проститься съ покойникомъ, онъ никого не засталъ изъ лицъ, назначенныхъ *сидѣть* у гроба; одинъ лишь священникъ говорилъ псалтырь, и тотъ кричалъ во всю голову и всѣ двери растворилъ отъ великаго страха, что у покойнаго въ утробѣ шумѣла грыжа, взнесло животъ и лицо почало пухнуть... «Я думалъ, что онъ ожилъ и двери растворилъ для того—хотѣлъ бѣжать», разсказывалъ священникъ государю. «И меня прости, владыко святой, присовокупляетъ царь, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живаго, да и мнѣ *прійде помышленіе такое отъ врага*: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ; а насъ только я, да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я, перекрестясь, да взявъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ и въ землю идетъ, чего боятися?....» Если такой человѣкъ, какъ царь Алексѣй, сильный и свободный уже однимъ

*) Истор. очерки русской народной словесности и искусства, т. II, 31.

сознаніемъ своего достоинства, вынужденъ былъ испытать борьбу съ суевѣрнымъ страхомъ предъ останками покойника, то что же могло случаться съ людьми простыми, которыхъ умственный горизонтъ былъ несравненно ограниченнѣе, а нравственныя силы были угнетены и порабощены не однимъ только суевѣрнымъ страхомъ, но еще болѣе, можетъ быть, низменностью общественнаго положенія. Эти-то простые люди очень часто становились творцами различныхъ суевѣрныхъ миѳическихъ образовъ, въ дѣйствительное существованіе которыхъ они вѣровали съ живою искренностью. Одною изъ самыхъ обыкновенныхъ формъ такого творчества былъ навѣтъ, наважденіе и такъ называемая порча, сопровождаемая почти всегда вселеніемъ въ человѣка бѣсовской силы. Г. Соловьевъ приводитъ для характеристики времени нѣсколько случаевъ этого навѣта «Въ 1671 году, на дорогѣ въ Польшу пойманъ былъ подозрительный человѣкъ Ивашка Клеопинъ. Оказалось, что онъ въ Польшу шелъ съ тѣмъ, чтобъ тамъ за него стали, а назваться было ему въ Польшѣ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, умершимъ незадолго до того времени. Онъ еще во младенчествѣ былъ принесенъ въ домъ Алексѣя Клеопина, гдѣ и крещенъ; и называлъ онъ Алексѣй его *Ивашкой царевичемъ*. Свидѣтели его затѣи, и въ томъ числѣ попъ Кузьма, учившій его грамотѣ и писанью, и обличаемый имъ въ еретичествѣ, въ знаньи и держаньи у себя еретическихъ книгъ, показали, что Ивашка Клеопинъ умовреженъ, а умовредство ему учинилось тому шестой годъ и началъ забываться въ то время, какъ онъ былъ на государевой службѣ, отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся и въ лѣсъ бѣгивалъ и говорилъ, что онъ Ивашка *прощалъ* (дѣлалъ чудеса) и исцѣлялъ многихъ людей и надъ матерью своей родной хотѣлъ неистов-

ственное дѣло учинить и самъ ножемъ рѣзался и въ огонь бросался и платье на себѣ дралъ. Отецъ Ивашки Алексѣй Клеопинъ, объявилъ, что Ивашка 20 лѣтъ слишкомъ отъ него изъ деревни бѣжалъ въ лѣсъ, потому что умовреженъ, и говорилъ всякія многія непристойныя слова и называлъ себя великимъ человѣкомъ, царевичемъ.... Съ пытки Ивашка говорилъ: отецъ его родной Алексѣй Клеопинъ, а царевичемъ сталъ называться собою, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ, и въ Польшу было пошелъ собою наговорить Поляковъ, чтобъ шли войною на Луки Великія; а въ прежнихъ своихъ рѣчахъ всѣхъ поклепалъ, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ. Ивашку повѣсили».

«Другой случай былъ въ Москвѣ. Въ 1651 г. Ѳедоръ Шиловцовъ въ допросѣ объявилъ: отданъ онъ въ Чудовъ монастырь подъ началъ (на исправленіе) черному попу Ильѣ, да съ нимъ же сидѣлъ подъ началомъ иноземецъ Кроковскій, и онъ испилъ у того иноземца квасу и у него въ брюхѣ почало шумѣть, и чаетъ, что въ тѣ поры онъ испорченъ. И послѣ того ходилъ онъ по отпуску изъ монастыря къ себѣ на дворъ, и пришедъ въ монастырь, учалъ говорить псалтырь, и въ тѣ поры передъ нимъ зашумѣло, какъ бы пролетѣлъ ангелъ или бѣсъ, и ангелъ велѣлъ ему Богородицы образъ со стѣны снять, для того, что непригоже образамъ кланяться, и онъ, снявъ со стѣны образъ да крестъ, положилъ на землю, и крестъ началъ вспрядывать, и онъ на образъ и на крестъ вступалъ ногами, а то дѣло Божье учинилъ онъ, то не просто, по ангелову велѣнью. А началъ онъ помышлять недѣль съ десять и больше, что иконамъ кланяться не подобаетъ, потому что Богъ на небеси, а то образъ Божій. Когда ему сказали, что Богъ невидимъ, мы св. иконы почитаемъ, а иконная честь на первообразное восходитъ, то онъ отвѣчалъ: всякому человѣку можно Бога умными очами видѣть. Тому недѣли три или четыре

говорилъ ему казеннаго приказа дьякъ Захаръ Онуфріевъ: худо у насъ то учинено, гдѣ торгуютъ хлѣбами и калачами, тутъ торгуютъ и образами, и ему Ѳедору съ тѣхъ поръ *вмѣстилось* въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ покланяться. Не стало Кодашевца Рагозина, а ему Ѳедькѣ былъ другъ большой, и онъ по немъ тужилъ и плакалъ долгое время, и отъ той кручины ходилъ внѣ ума, и началъ мыслить о св. иконахъ, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишутъ мужики простые и пьяные небрежьемъ и продаютъ въ торгу просто. И какъ государь праздновалъ въ соборной церкви Ризѣ Господней и онъ Ѳедька началъ себѣ мыслить: какъ онъ деньги, которыя, будучи на денежномъ дворѣ, кралъ, объявитъ и отдастъ, и государь его пожалуетъ, вину его отдастъ, и начнетъ его Ѳедьку жаловать, и онъ надѣяся на государеву милость, начнетъ государю говорить, что Богъ на небеси, а иконамъ достойно ли покланяться? Чтобъ государь велѣлъ свидѣтельство учинить, и будетъ достойно иконамъ поклоняться, и государь бы указалъ для иконъ устроить дворъ особый и писать тѣ иконы всѣмъ иконописцамъ справчиво, и приставилъ бы къ иконному дѣлу честныхъ людей. И какъ онъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ и приведенъ былъ въ келью, и тутъ стоялъ образъ Спасовъ Нерукотворенный, и онъ Ѳедька началъ на тотъ образъ смотрѣть, и тотъ образъ началъ претворяться разными виды».

Если мы поглубже вникнемъ въ эти свидѣтельства, которыхъ факты вовсе не были какими-либо исключительными, необычайными и чрезвычайными явленіями, — наоборотъ въ тогдашней дѣйствительности ихъ можно было встрѣчать походя, — если мы прослѣдимъ до корней это *умовреженіе*, или это: *вмѣстилось въ мысль*, то въ какой ясности предстанутъ намъ всѣ умственныя и нравственныя смуты, двигав-

шія русскою жизнью предъ наступленіемъ реформы *). Все это было непосредственнымъ дѣломъ той особенной культуры понятій и представленій, которая вырастала и распространялась постепенно въ теченіе всей нашей до-петровской исторіи, претворяя древнѣйшія миѳическія и эпическія воззрѣнія народа и занесенныя изъ-чужа грамотныя сказанія въ нѣчто своенародное и своеобразное, въ извѣстномъ смыслѣ цѣльное и законченное. Здѣсь умомъ и мыслью, а слѣдовательно, и нравственнымъ поступкомъ управляла своего рода логика, въ силу которой были неизбѣжны и совершенно послѣдовательны всѣ явленія, выразившіяся въ упомянутыхъ смутахъ народа. Здѣсь существовало особое, вполнѣ законченное *умоначертаніе*, по которому какъ по готовому плану созидались всѣ отдѣльные, частные и личные случаи жизни и весь строй общественныхъ дѣяній. Трудно еще по случаю малой обработки предмета, выяснить основныя, коренныя умоположенія

*) Въ Спб. Вѣдомостяхъ 1863 г. № 283, гдѣ печатана эта статья, ее сопровождаетъ: „*Примѣчаніе духовнаго цензора:* Чтобы поглубже вникнуть, не угодно ли принять во вниманіе слѣдующее: Навѣтъ, навожденіе, при нихъ извѣстныя личности. Спрашивается: просто ли дѣло творческаго воображенія разсказы объ этомъ? Вѣрованіе народное въ таинственную, чарующую, однимъ словомъ—вражескую силу идетъ встари, проходитъ вѣка, держится до нынѣ: что за причина такого вѣрованія? Необразованность? Но если и въ настоящее время отнестись къ совѣсти образованныхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, — если и они и въ настоящее время, волей не волей, по наблюденіямъ надъ собой въ своихъ семействахъ, въ кругу своихъ знакомыхъ встрѣчаются лицемъ въ лицу съ подобными явленіями и признаютъ дѣйствительность ихъ: Вопросъ: можно ли признавать за причину извѣстности подобныхъ явленій между старинными людьми въ нашемъ отечествѣ ихъ необразованность? Имѣютъ ли право историки забрасывать такія явленія своими взглядами, или однимъ словомъ—необразованности оговаривать ихъ, не войдя въ силу и значеніе ихъ точно, резонно. За чѣмъ въ этомъ случаѣ лишаютъ вѣры голосъ народный, его громадное свидѣтельство и при томъ вѣковое? За чѣмъ не примутъ вотины, внушаемой такимъ свидѣтельствомъ?“

этой культуры, но не трудно усмотрѣть, что она была выработана и закончена до убѣжденія въ рѣшительную непогрѣшимость собственнаго авторитета. Ея авторитетъ всегда съ такою силою высказывался во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ въ XVI и особенно въ XVII ст. Весь смыслъ старообрядческихъ движеній въ эту эпоху заключается именно въ борьбѣ этого авторитета старой, всюду водворившейся культуры понятій и созерцаній съ стремленіями общества выйдти на прямой и свѣтлый путь дѣйствительнаго знанія, на путь просвѣтляющей науки, которая, въ самыхъ своихъ началахъ, тѣмъ же авторитетомъ была отречена, какъ источникъ всякой ереси. Въ существѣ дѣла и старообрядчество и расколъ отстаивали не одни только старыя книги, обряды и формы, перстосложеніе, аллилуію и т. п.; это были только видимые знаки, стороннія или даже, какъ напримѣръ поведеніе Никона, случайныя причины начавшейся борьбы. Они, внутри своего чувства и разумѣнія, отстаивали цѣлость, неприкосновенность и независимость всего строя жизни, созданнаго вѣками, они боролись за цѣльность стараго умоначертанія, которому грозилъ страшными перемѣнами духъ наступавшей новины—реформы, они боролись за старую образованность, за родную культуру. Подъ именемъ *старой вѣры* люди XVII ст. разумѣли извѣстный *уставъ*, *домострой* всей жизни, органическую совокупность вѣрованій, воззрѣній и представленій, цѣльность своего міросозерцанія. Если одна часть, меньшинство общества, предчувствовало и инстинктивно призывало реформу, то и старовѣры тоже предчувствовали, но отрицали реформу, какъ ту силу, которая по необходимости должна не только переставить обычаи, но и совсѣмъ упразднить старый корень міросозерцанія, тѣ миѳическіе и эпическіе источники жизни, съ которыми такъ сроднилось и сжилось это міросозерцаніе. Такимъ образомъ, борьба поднялась не за персты, а

за начала жизни, и очень естественно, что она велась, какъ говорится, не на животъ, а на смерть, тѣмъ болѣе, что въ началѣ борьбы и въ самомъ ея разгарѣ обѣ стороны стояли еще на одной и той же почвѣ: умственный поворотъ общества неуспѣлъ еще совершить своего круга и сознательно уяснить свои собственныя задачи.

«Если въ XVII вѣкѣ, говоритъ г. Соловьевъ, *явились* (?) люди, которые, смѣшивая существенное съ несущественнымъ, готовы были умереть за двуперстный крестъ и т. п., то какое право получаемъ мы предполагать, что другіе, употреблявшіе трехперстное сложеніе, всѣ вдругъ поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное отъ несущественнаго и снисходительно смотрѣть на заблужденія меньшей (?) братіи. Люди, которыхъ авторитету они подчинялись, сказали имъ, что трехперстное сложеніе правильнѣе; они приняли это болѣе правильное употребленіе и этимъ поразнились отъ людей, оставшихся при двуперстномъ сложеніи; но во взглядѣ на важность дѣла они нисколько не разнились; какъ послѣдователи двуперстнаго сложенія были убѣждены, что это необходимое условіе для спасенія, и считали крестившихся тремя пальцами врагами Божіими, слугами антихристовыми, съ которыми нельзя имѣть никакого сношенія, точно также должны были смотрѣть на нихъ и противники ихъ, ибо вовсе не было условій, по которымъ бы они могли смотрѣть иначе. Церковный мятежникъ! Мятежникъ противъ самого Бога! Что могло быть хуже этого? Какое снисхожденіе можно было оказать такому человѣку? Люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложеніе, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило искажать въ себѣ образъ Божій и уподобляться псамъ или котамъ—ясный знакъ, что *взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же*, вслѣдствіе чего могла быть только ожесточенная борьба, безъ уступокъ

и сдѣлокъ. Перемѣна взгляда, умѣнье отличать существенное отъ несущественнаго, могло явиться при вліяніи новыхъ условій не ранѣе, какъ слишкомъ черезъ столѣтіе; тутъ только явилась и возможность снисхожденія, возможность уступокъ и сдѣлокъ. Архіерей въ родѣ московскаго митрополита Платона, могъ явиться только во второй половинѣ XVIII, а не во второй половинѣ XVII вѣка, когда происходило, напр., слѣдующее: въ 1655 году прислали Бѣлоруссовъ въ Вологду и священники обратились къ архіерею съ вопросомъ, пускать ли ихъ въ церковь и ходить ли къ нимъ съ требами? Архіерей— къ патріарху, и тотъ отвѣчалъ: «если кто не истинно крещенъ, обливанъ, тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать» (стр. 143,144).

Приводя этотъ тонкій и глубоко вѣрный анализъ дѣла, мы никакъ не можемъ однакожь согласиться съ авторомъ, что причины раскола, причины его *нарожденія* главнымъ образомъ заключались будто бы въ столкновеніи старыхъ учителей народа съ новыми. Онъ объясняетъ нарожденіе раскола такимъ образомъ: сказавъ сначала, какъ вообще была настоятельна нужда въ учителяхъ и какое затрудненіе представлялось отыскать учителей не иновѣрныхъ, которыхъ опасались, не православныхъ, которыхъ наконецъ нашли въ лицѣ южно-русскихъ и греческихъ ученыхъ, авторъ продолжаетъ: «Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой великороссіянинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха по латыни и по гречески, сталъ ученѣе своего стараго учителя, своего отца духовнаго, говорилъ, что и *то не такъ, и другое не такъ*, и что отецъ духовный многое неправильно толкуетъ. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные.

Свѣтопреставленіе! Яица курицу учатъ! Чего ждать добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латынью учатъ разнымъ ересямъ, но мало того, что русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у малороссійскихъ монаховъ, хотятъ еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни; хороши оттуда воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, *народился*, народился изъ неминуемаго столкновенія старыхъ учителей съ новыми. Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ протопопамъ: книги исправили, напечатали, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что вмѣсто исправленія, книги испорчены, и патріархъ поручаетъ снова исправлять книги новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невѣждами, опозорены на весь міръ, и кѣмъ? пришлыми кіевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи что знаютъ, чему учатъ! сами-то православны ли! *Народившійся уже прежде расколъ выросъ.* Легко понять впечатлѣніе, произведенное на многихъ объявленіемъ старыхъ учителей, не потерявшихъ своего авторитета, что новые учителя, греческіе и кіевскіе монахи, принесли новизны, ереси латинскія: западные русскіе люди давно уже связались съ латинянами, да и Греки отступили отъ православной вѣры, и книги свои печатаютъ въ латинскихъ типографіяхъ. Большинство удержалось при авторитетѣ церковнаго и гражданскаго правительства, принявшаго сторону новыхъ учителей; но извѣстная часть народонаселенія объявила себя на сторонѣ старыхъ учителей, вслѣдствіе чего должна была отвергнуть авторитетъ церковнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскаго правительства, «раскольщики, церковные мятежники

явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая, въ ихъ глазахъ, гнала правую вѣру,—власти антихристовой. То, что, по извѣстному закону, бываетъ всегда и вездѣ слѣдствіемъ внезапнаго освобожденія отъ какого-бы то ни было авторитета, произошло теперь и въ Россіи въ области раскола. Отвергнувши разъ авторитетъ церковнаго правительства, единое для всѣхъ обязательное ученіе и правило, расколъ, не имѣя возможности составить изъ себя церкви съ единымъ правительствомъ, долженъ былъ распрыснуться на множество толковъ по множеству толковниковъ, не сдерживаемыхъ въ своихъ толкованіяхъ никакою властью, никакимъ авторитетомъ. Послѣ того какъ разъ извѣстный авторитетъ, власть отвергнуты, является сильное стремленіе высвободиться отъ всякаго авторитета, отъ всякой власти, отъ всякихъ общественныхъ и нравственныхъ узъ. Гусситское освобожденіе въ Чехіи отъ авторитета римской церкви быстро повело къ таборитству, къ коммунизму; Лютерово освобожденіе въ Германіи отъ авторитета той же церкви повело къ такому же явленію въ анабаптизмѣ. Подобное же стремленіе къ крайностямъ свободы явилось и у насъ въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ толкахъ» (стр. 141).

Все это дѣйствительно такъ представляется, если смотрѣть на происхожденіе раскола съ внѣшней, такъ-сказать офиціальной стороны, какъ смотрѣло, напримѣръ, въ то время духовное и гражданское правительство. Что *личный* элементъ — столкновеніе между новыми и старыми учителями и отверженіе послѣдними авторитета церкви, — имѣлъ въ этомъ дѣлѣ значительную долю вліянія, это несомнѣнно. Такъ исключительно представлялось движеніе раскола правительству и такъ оно понимало его до послѣднихъ лѣтъ. Мятежъ, слѣдовательно, начинаніе *лицъ*, слѣдовательно дѣйствіе и движеніе *личныхъ* страстей и стремленій; стóитъ только обезсилить этотъ

личный составъ раскола, личный его элементъ, и дѣлу конецъ. Но извѣстно, что такой взглядъ никогда не доводилъ до цѣли и въ практическомъ пониманіи событій, подобныхъ раскольническому движенію; тѣмъ менѣе онъ можетъ быть правиленъ въ приложеніи къ исторической задачѣ. Историкъ можетъ глубже вникать въ причины каждаго событія. Есть ему время и есть полныя средства дорыться до корней событія, чего, разумѣется, не въ силахъ сдѣлать современникъ, а тѣмъ болѣе современникъ-правитель, всегда стоящій въ необходимости вести борьбу, прежде всего, съ внѣшними только проявленіями внутреннихъ народныхъ силъ, между тѣмъ какъ для историка эти внѣшнія проявленія имѣютъ уже второстепенное значеніе. Причины раскола и происшедшей вмѣстѣ съ нимъ умственной и нравственной розни заключались главнымъ образомъ не въ личныхъ столкновеніяхъ учителей, а въ столкновеніи старой, уже авторитетной культуры общества съ новыми его стремленіями. Если церковное и гражданское правительство пользовалось авторитетомъ, то и эта культура имѣла столько же сильный авторитетъ. Отсюда ведетъ свое начало и то явленіе, что оба стана ведутъ борьбу однимъ и тѣмъ же оружіемъ. Повторимъ снова весьма справедливыя слова г. Соловьева: «люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложеніе, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило искажать въ себѣ образъ Божій и уподобляться псамъ или котамъ — ясный знакъ, что взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же». Этотъ *взглядъ* и составляетъ то, что мы обозначаемъ именемъ старой культуры, и умственной, и нравственной. Большинство народа въ этомъ случаѣ играло, какъ обыкновенно, пассивную роль. Оставаясь при прежнемъ, живя тою же старою культурою, оно только лишь безъ противорѣчій выслушало и приняло новыя распоряженія. Энергическое меньшинство начало борьбу

и раздѣлилось на два стана, изъ которыхъ одинъ звалъ реформу, не видя, однакожь, всѣхъ ея послѣдствій, другой отвергалъ ее во имя цѣльности восьмивѣковаго развитія. На сторонѣ одного была авторитетная внѣшняя власть, а слѣдовательно большинство. Тѣмъ только въ началѣ онъ и былъ силенъ, потому что сила новыхъ идей мерцала еще въ будущемъ, въ жизненномъ ихъ развитіи. Противники стояли за старое и на своей сторонѣ имѣли еще бо́льшую власть внутреннюю, власть преданія, власть привычки, власть всего строя жизни или всей культуры, которую создала эта жизнь,—вотъ почему они и имѣли такой обширный успѣхъ въ своемъ противоборствѣ и не были побѣждены внѣшнимъ принужденіемъ. Здѣсь во всей силѣ обнаружился только неизмѣнный законъ жизни и исторіи, что складъ внутренняго развитія нельзя перестроить наружными, чисто внѣшними понужденіями, что внутреннее устройство дома, планъ, размѣщеніе и обширность его комнатъ невозможно преобразить, передѣлывая или совсѣмъ закладывая только двери, окна, давая различный фасадъ дому или различную форму его кровлѣ. Еслибъ было понято, что это не *личный* мятежъ нѣсколькихъ старыхъ учителей, а движеніе всей жизни, отстаивавшей цѣльность и неизмѣнность своего міросозерцанія, свой строй и домострой, выработанный вѣками, тогда невозможны были бы и тѣ событія, какими сопровождалась борьба, и на оборотъ, возможнѣе была бы скорая побѣда.

Сѣмена расколоученія, это смѣшеніе существеннаго съ несущественнымъ, святаго съ суесвятнымъ и суевѣрнымъ положены были въ понятіе народа очень рано, съ самыхъ первыхъ вѣковъ нашего христіанства. Они вмѣстѣ съ эпическимъ и миѳическимъ складомъ всей жизни, дали особое, своеобразное направленіе народной грамотности, которая и доставляла богатые источники для распространенія и развитія различныхъ

толковъ раскола и даже различныхъ сектъ. Тотъ же духъ и характеръ вопросовъ, недоумѣній, сомнѣній и смущеній, какимъ отличается народная грамотность въ XVII ст., наканунѣ самой реформы, тотъ же духъ и характеръ выразился очень рельефно, напримѣръ, въ извѣстномъ «Кириковомъ вопрошаніи, иже вопроша епископа новогородскаго Нифонта» и въ другихъ подобныхъ статьяхъ, внесенныхъ даже въ число «Законныхъ правилъ» древняго номоканона. Младенческое пониманіе вѣроученія, такъ свойственное первому времени распространенія христіанства, въ общемъ своемъ характерѣ, оставалось почти неподвижнымъ въ теченіе всего до-петровскаго періода исторіи. На его основѣ развилась грамотность народа и образовалась извѣстная культура понятій, съ глубокою вѣрою въ собственный авторитетъ, весьма много способствовавшая умственной и нравственной розни народа. Одно изъ главнѣйшихъ умоположеній этой культуры заключалось въ искреннемъ и самомъ живомъ убѣжденіи, что «никого силою нельзя заставить Богу вѣровать», какъ выразился нѣкто Василій Отяевъ въ письмѣ къ своимъ московскимъ друзьямъ, по поводу того, что «пропалъ онъ съ новгородскимъ митрополитомъ Никономъ (на пути въ Соловки, къ мощамъ св. Филиппа), силою заставливаетъ говѣть». Случайно сказанное—это слово выражаетъ, однакожь, истину убѣжденія, общаго всему народу, общаго по общему духу представленій и вѣрованій народа. Нигдѣ столько не искалъ свободы русскій человѣкъ, какъ въ этомъ внутреннемъ задушевномъ мірѣ своихъ созерцаній.

Онъ искалъ вѣры, почерпаемой силою убѣжденія, а не силою принужденія, и всею своею исторіею засвидѣтельствовалъ свою преданность этому истинно-христіанскому глубоко человѣчному воззрѣнію, которое вовсе не могло побуждать его къ тому, чтобы проповѣдь христіанской вѣры утверждалась въ народѣ мечемъ и огнемъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ об-

щій характеръ его собственнаго крещенія и его отношеній къ язычеству инородцевъ; таковъ былъ общій духъ распространенія христіанства по всей русской землѣ. Той же свободы и силы живаго убѣжденія онъ искалъ и у себя дома, въ собственныхъ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ вѣроученію. Истины вѣры и ея догматовъ онъ стремился претворить въ живыя силы собственнаго сознанія; онъ неустанно въ теченіе 8-ми вѣковъ работалъ на этомъ пути и если заблуждался на немъ, то несравненно меньше по своей винѣ, чѣмъ по винѣ извѣстныхъ обстоятельствъ. Понятно, что при скудныхъ силахъ своей грамотности, отличавшейся совершеннымъ отсутствіемъ хотя какой либо доли положительнаго знанія, онъ скорѣе удалялся въ область представленій эпическихъ и миѳическихъ, чѣмъ въ область отвлеченныхъ положеній чистаго ученія, которыхъ не могъ еще осилить его младенчествующій умъ. Потребность живаго пониманія вѣры, онъ выразилъ въ своей поэтической дѣятельности, которая «стихами» пропѣла его религіозныя думы, «стихами» изображала его любимые религіозные типы. Тоже поэтическое творчество его духа въ религіозной сферѣ послужило главнымъ источникомъ для созданія различныхъ сектъ и *согласій* его отпаденія отъ истинной церкви. Начало ихъ скрывается совсѣмъ не такъ близко, какъ мы полагаемъ. Они сами большею частію не помнятъ своего происхожденія и стали съ большею силою обнаруживаться только въ то время, когда, по ходу развитія народной жизни, стали обнаруживаться и выясняться всѣ ея элементы. Какъ произведеніе извѣстной культуры понятій и представленій, извѣстной сферы міросозерцанія, они выростали естественнымъ и незамѣтнымъ для исторіи путемъ, тихо и скрытно, внутри народнаго духа, не озареннаго просвѣтительнымъ свѣтомъ науки и потому блуждавшаго еще въ полуязыческой, полумиѳической непосредственности.

ЖЕНЩИНА ПО ПОНЯТІЯМЪ СТАРИННЫХЪ КНИЖНИКОВЪ.

Книга о злокравныхъ женихъ, зѣло потребна, а женамъ досадна. (Старинная рукопись.)

Предки наши не были равнодушны къ вопросу: что̀ такое женщина? Мыслящіе, книжные люди того времени употребили не мало стараній и много тогдашней учености, чтобы разрѣшить эту интересную загадку. Оставаться равнодушнымъ было невозможно, потому что женщина — важнѣйшій узелъ семейной жизни — не могла же не имѣть особеннаго значенія для общества, которое жило и руководилось по преимуществу семейными, патріархальными понятіями. Въ семьѣ нельзя было отказать ей въ самостоятельномъ голосѣ, въ долѣ извѣстныхъ правъ, которыя во многихъ случаяхъ ставили ее въ равныя отношенія къ мущинѣ. Но признать за женщиною какія-либо права — значило признать за ней долю нравственной свободы, а этого древній нашъ предокъ никакъ не могъ допустить, ибо вовсе не понималъ, чтобъ *женское естество* дѣйствительно обладало тѣмъ же человѣческимъ достоинствомъ, тѣми же дарами, какіе принадлежали мущинѣ, какъ человѣку въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны, немного успокоенія приносило и отрицаніе этого достоинства

въ существѣ, которая самостоятельно чувствовалась на высотѣ своего, любви своей, любви даже выше къ низшимъ животнымъ. Чтобы такое женщина выражала кромѣ слабости или высвобожденія ея, добра или злаго начала лежитъ въ ней, добра или злаго существа она имѣетъ?

Что женщина высвобожденъ—это было рѣшено окончательно и не подлежало уже сомнѣнію. Мужчина, при разрѣшеніи этого вопроса, любилъ высвободить къ свободѣ, любилъ принимать на себя значеніе порядка человѣка. Сама себя, въ лицѣ пророчицъ, во главѣ этого движенія, она естественнымъ путемъ пришелъ къ заключенію, что женщина—существо въ отношеніи къ всему низшее, зависимое, подобное, что онъ господинъ ея, что она собственно жена, а не человѣкъ, ибо это имя первоначально было присвоено только ему одному. Въ этомъ смыслѣ онъ растолковалъ себѣ и глубоко-знаменательное выраженіе: кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей, которое, вмѣстѣ съ другими первобытными понятіями о назначеніи женщины, легло основою общаго убѣжденія цѣлыхъ вѣковъ. Послѣдствіе этого убѣжденія слишкомъ очевидно, и не для чего много говорить объ немъ. И тѣмъ крѣпче было это убѣжденіе, чѣмъ ниже была степень народнаго образованія и развитія. Тамъ, гдѣ общежитіе руководилось по преимуществу семейнымъ, кровнымъ началомъ, гдѣ общественность еще не была пробуждена,—могла ли женщина имѣть какое-либо другое значеніе, кромѣ значенія половаго, опредѣленнаго различными родовыми отношеніями? Общественность, вызывая на сцену жизни личность, какъ идею, возстановляя равенство лицъ, равновѣсіе жизненныхъ отношеній, возстановляетъ въ то же время и утраченныя права женщины, ибо женщина, являясь членомъ общественной жизни, органомъ общественности, сама собою уже входитъ и во всѣ принадлежащія ей человѣческія права. Общественный союзъ основанъ

на уваженіи человѣческаго достоинства въ его членахъ, на уваженіи личности, на признаніи достоинствъ человѣческихъ. Въ немъ всѣ члены равны: каждый представляетъ самостоятельное, полноправное лице. Общественность возводитъ лице до идеи, и въ каждомъ своемъ членѣ прежде всего признаетъ не имя, не происхожденіе, не состояніе и званіе, словомъ—не чинъ, имя, фамилію, а идею человѣка, идею человѣческаго достоинства. Напротивъ того, въ томъ бытѣ, гдѣ въ людскихъ отношеніяхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ и всѣмъ управляютъ отношенія родства и по нимъ устраиваются самыя формы общественности, нѣтъ собственно лицъ, равноправныхъ личностей, членовъ общественнаго союза: тамъ есть только члены семей, члены родовъ, *отечествъ*, старшіе и младшіе, дѣды, отцы и дѣти: то-есть вообще *ребята*, *чадь*. Союзъ родства, по существу своему, не допускаетъ никакого равенства между своими членами. Самъ по себѣ здѣсь никто не имѣетъ значенія, ибо союзъ родства не признаетъ *личныхъ* достоинствъ: онъ разсчитываетъ только достоинства старшинства (семейнаго, родоваго, служебнаго — все равно, потому что и служебное старшинство понимается, какъ старшинство родовое), и по этимъ достоинствамъ опредѣляетъ *честь* человѣка, то-есть совокупность правъ, которыми онъ долженъ пользоваться въ общежитіи, *честь*, принадлежавшую собственно не лицу, а той степени родства, какую представляло лице. Взаимныя отношенія другъ къ другу въ такомъ устройствѣ общежитія опредѣляются *отчиною*, *отечествомъ*: по имени человѣку мѣсто даютъ, по отчинѣ его жалуютъ, то-есть не личныя права въ немъ признаютъ, а права отчества, права *отецкія*, родовыя, слѣдовательно права внѣшнія, случайныя. *Отецкій сынъ* вездѣ имѣетъ преимущество передъ другими. «Человѣкъ не славна родителя, говорили тогдашніе житейскіе мудрецы, а высокоумень, аки птица безъ крылъ, убивается о

землю, а возлетѣть не можетъ». Кто терялъ отечество, свой родъ-племя, свою породу, тотъ терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтственныя своей отчинѣ права, дѣлался сиротою, человѣкомъ безправнымъ для общежитія. Цѣлые разряды народа, утративъ во мнѣніи вѣка отчество, свою породу, утратили вмѣстѣ съ тѣмъ и величанье по отчеству: ихъ называли только именами. Да и тутъ были степени: меньше правъ имѣлъ человѣкъ, меньшимъ значеніемъ онъ пользовался въ обществѣ — его называли даже полуименемъ: Васька, Ганька; пріобрѣталъ человѣкъ какое-либо значеніе—его звали уже Васильемъ, Гаврилою. Новая степень значенья давала и новую степень величанья; прибавляли отчество и говорили: Василій Ивановъ, Гаврила Петровъ. А доходилъ человѣкъ, умомъ ли, богатствомъ, заслугами, или чѣмъ другимъ, до самостоятельнаго органа тогдашней дѣйствительности, — отческое начало подносило ему высшую отческую честь, которую оно обратило даже въ особенную награду за службу, оно жаловало человѣка *вичемъ*, то-есть прибавкою къ отческому прозванію частицы *вичъ*. И вотъ изъ Васьки, Василья Иванова, выросталъ наконецъ Василій Ивановичъ. Ребятъ-дѣтей и ребятъ людей низшихъ, *черныхъ* разрядовъ кликали всегда полуименемъ; возрастныхъ, въ томъ и другомъ смыслѣ — цѣлымъ именемъ; возмужавшимъ прибавляли отчество, а старшихъ, дѣдовъ и отцовъ, опять въ томъ и другомъ смыслѣ, величали съ *вичемъ*. Такъ сильны были кровныя патріархальныя понятія въ старой нашей дѣйствительности. Теперь еще есть украйны, гдѣ назвать кого по отчеству только, безъ имени, значитъ выразить особенное уваженіе этому лицу, оказать особенный почетъ. А если съ величаньемъ соединялось понятіе о мѣрѣ *чести*, *почести*, какую воздавали лицу, то, естественно, приведенныя степени величанья указываютъ и на систему житейскихъ отношеній между людьми:

Отношенія эти развѣшивались, смотря по отчинѣ лица и по старшинству членовъ каждой отчины, каждаго рода, представляя такимъ образомъ необозримое неравенство отчиннаго достоинства, которымъ различались люди. Каждый носилъ особенную *честь*, какую давало ему отчество, то-есть особенную мѣру почета, по которому онъ занималъ мѣсто въ обществѣ, и которая подчинялась самымъ многообразнымъ случайностямъ, слѣдовательно не представляла ничего положительнаго и неотъемлемаго. Каждый въ общежитіи принимаемъ былъ не самъ по себѣ, какъ вообще человѣкъ, человѣческая личность, а каковъ былъ по отчинѣ; отсюда постоянное мѣстничество, не въ службѣ только, а въ каждодневной жизни, особые уставы, порядки, кого и какъ принимать, гдѣ сажать и т. п. О равенствѣ общественныхъ правъ понятія не было. Въ старинной нашей общественности, которую въ строгомъ смыслѣ называть такъ рѣшительно невозможно, не было двухъ лицъ, которыя обладали бы въ общежитіи равными правами. Если такія и являлись, положимъ на обѣдъ, то самое сидѣнье за столомъ тотчасъ же дѣлало ихъ неравными, потому что за столомъ садились по семейному, родовому старшинству. Одного мѣста двое занимать не могли, слѣдовательно кто-нибудь долженъ былъ сѣсть *ниже*. Хотя старина и поговаривала, что «бываютъ въ пирахъ и въ бесѣдахъ глупые люди, хотя и впереди сидятъ, и тутъ ихъ обносятъ, а разумнаго и въ углу видятъ и находятъ», тѣмъ не менѣе это *ниже* или *выше*, принимаемое за основаніе людскихъ отношеній, было оскорбительно для тѣхъ, кои были или считали себя равными.

Выраженіемъ нашей старинной общественности, и почти единственнымъ, былъ *пиръ-бесѣда*; оттого въ народной эпопеѣ, въ богатырскихъ пѣсняхъ, имъ большею частію начинается разсказъ.

На пиру-бесѣдѣ люди собирались дѣлить время, веселиться другъ съ другомъ; слѣдовательно, здѣсь мы должны искать тѣхъ формъ общежитія, въ которыхъ выразилось начало, управлявшее людьми во взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ. Какъ же встрѣчали, какъ принимали другъ друга наши предки на этихъ пирахъ-бесѣдахъ? Было ли это свободное, никого не связывающее и не тѣснящее собраніе людей, съ цѣлію провести время въ *обществѣ*, и дѣйствительно ли собиралось здѣсь *общество*, то-есть совокупность лицъ другъ другу равныхъ или, по крайней мѣрѣ, равно съ другими принимаемыхъ, равно съ другими чествуемыхъ? Еслибъ это было такъ, то къ чему сталъ бы заводить ассамблеи Петръ Великій, избавившій насъ отъ всѣхъ старинныхъ церемоній и многообразныхъ загородъ, наставленныхъ патріархальными понятіями, чтобъ всячески стѣснить свободные шаги лица? Нѣтъ. Древній пиръ-бесѣда не представлялъ *общества* въ теперешнемъ смыслѣ. Это было собраніе людей, которые разсчитывали свои отношенія другъ къ другу, по *отчинѣ*, по отеческой чести. Человѣкъ опредѣлялся его принадлежностью къ извѣстному разряду родовой, наслѣдственной чести. Чѣмъ выше была *порода* человѣка, чѣмъ онъ былъ *старше*, тѣмъ большій ему почетъ давали, на высшее противъ другихъ мѣсто сажали. За такими разсчетами человѣческая самостоятельная личность не была видна. Лице, являясь въ тогдашней общественности, впереди всего несло свою отчину, *дѣдину*, честь своего отечества, а отечествомъ признавался даже каждый служебный разрядъ лицъ. Въ началѣ честь, высота породы или отечества опредѣлялась конечно наслѣдственностію занятій, которыя въ первобытномъ обществѣ представляли своего рода службу землѣ, и по мѣрѣ пользы, значительности для общества этой службы, были выше, почетнѣе, сильнѣе, нежели другія. Военный, въ послѣдствіи служилый въ собствен-

номъ смыслѣ разрядъ народа стоялъ на первомъ планѣ, выше другихъ, торговый выше ремесленнаго или посадскаго, ремесленный выше земледѣльческаго, и смерды были послѣдними въ этой лѣствицѣ. Съ развитіемъ государственности явилось много и другихъ разрядовъ чести; но первобытное дѣленіе людей осталось въ своей силѣ, и новые разряды должны были къ нему примѣриваться, приравниваться. Порода военнаго разряда, княжеская, боярская, дворянская, почиталась высшею породою, оттого съ такою щекотливостію она и охраняетъ вездѣ свою честь. Каждый служебный разрядъ, каждый *чинъ* людей имѣлъ свою степень чести, которая считалась его породою, его отечествомъ, такъ что каждый чинъ въ этомъ смыслѣ представлялъ какъ бы особый родъ, болѣе или менѣе честный, почетный, старшій. Человѣкъ, выходя изъ кровнаго, родоваго, патріархальнаго быта въ государственный, иначе и не могъ опредѣлять своихъ новыхъ отношеній какъ на основаніи прежнихъ же своихъ понятій. Точкою его отправленія была семья и родъ, родственное старшинство и меньшинство, которое онъ усматривалъ всюду и облекъ имъ служебныя и другія отношенія, явившіяся съ развитіемъ государственности. Во всѣхъ подобныхъ отношеніяхъ старшій уклонялся въ роль отца, младшіе разумѣли себя дѣтьми. Родственныя отношенія были преобладающимъ началомъ въ старомъ нашемъ общежитіи. Служебную честь (въ обширномъ значеніи) каждый понималъ какъ родовое старшинство, почиталъ ее своею породою, своимъ отчествомъ.

Собирались люди на пиръ-бесѣду — они садились по старшинству чиновъ, — не по старшинству ранговъ, которыхъ не существовало, а по старшинству родовыхъ чиновъ, то-есть разрядовъ народа, бояре съ боярами, дворяне съ дворянами, посадскіе съ посадскими и т. д. Каждый разрядъ, какъ мы сказали, представлялъ *отечество* для его членовъ, то-есть

роде, къ которому они принадлежали. По этому отечеству или отчинѣ гостямъ и мѣсто даютъ и жалуютъ, чествуютъ ихъ. Приходитъ на пиръ къ князю Владиміру богатыръ Алеша Поповичъ, — князь прежде всего спрашиваетъ, какъ его зовутъ: по имени можно мѣсто дать, по *изотчеству* пожаловать. Алеша отвѣчаетъ:

„Меня, государь, зовутъ Алешею Поповичемъ.
Изъ города Ростова, сынъ стараго попа соборнаго.

Владиміръ князь обрадовался, говорилъ таковы слова:

„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
По отечеству садися въ большое мѣсто, въ переднiй уголокъ.
Въ *другое* мѣсто богатырское,
Въ дубову скамью противъ меня;
Въ *третье* мѣсто, куда самъ захошь.

Почему князь предлагаетъ Алешѣ, по его отчеству, первое, большое мѣсто въ переднемъ углу? Потому что отчество Алеши, *поповичъ*, чествовалось встарину всегда выше другихъ отечествъ. Священническому чину должно было оказывать велію вѣру и любовь, и повиновеніе и покореніе. Священникъ всегда и занималъ первое мѣсто на пирахъ-бесѣдахъ. До сихъ поръ народъ говоритъ, что въ *переднiй уголъ* садятся или попъ или дуракъ, обозначая въ первомъ случаѣ неотъемлемое, освященное обычаемъ право, а въ послѣднемъ— человѣка, какъ тогда говорили, нечувственнаго, неискуснаго, неученаго, невѣжду, лишеннаго смысла и понятій о добромъ порядкѣ въ житейскихъ отношеніяхъ. Пріѣзжаетъ на пиръ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ — его сажаютъ «по край стола, да по край скамьи», то-есть на послѣднее мѣсто, по его крестьянской породѣ [1]).

---

[1]) Москвитянинъ, 1843 г., № 11. стр. 14. Для богатырей существовало впрочемъ на пирахъ у Владиміра особое мѣсто, *другое* по счету,

Какъ не были равны честью разряды, чины народа, такъ не были равны честью и члены каждаго разряда. Они не могли *помѣшаться мѣстами* и сѣсть, кто куда сѣлъ. Одинаковый чинъ, уравнивая своихъ членовъ въ правахъ служебныхъ, нисколько не уравнивалъ ихъ въ тогдашнемъ общежитіи, въ тогдашней общественности. Здѣсь каждый изъ членовъ не былъ самостоятельнымъ представителемъ своего званія, равнымъ съ другими; онъ былъ представителемъ извѣстнаго *отечества*, извѣстнаго, болѣе или менѣе *честнаго*, почетнаго, породистаго рода, и этимъ отечествомъ становился выше или ниже другихъ своихъ сверстниковъ, своей братьи по чину, разряду. Здѣсь ни у кого не было своего самостоятельнаго лица, а всякій представлялъ только извѣстный нумеръ своего отечества, по которому и входилъ въ общую ну-

---

дубовая скамья. Нужно замѣтить, что высшія мѣста были на лавкѣ, отъ передняго угла и скамья ставилась съ противоположной стороны стола. Говорятъ, что на богатырскихъ пирахъ Владиміра, богатыри садились на скамьѣ не по-аристократическому праву породы, что тамъ сидѣлъ и боярынъ, и поповичъ, и сынъ гостя (купца), и крестьянинъ, что былъ *всѣмъ имъ ровный почетъ*, что, входя на пиръ, они молились, кланялись князю и *на всѣ четыре стороны*, что это былъ поклонъ *общественный*, *всѣмъ равный* и т. д. Говорятъ все это по случаю изложенія богатырскихъ пѣсенъ и характеристики богатырей (Статья г. К. Аксакова въ IV т. Русской Бесѣды.) Но въ тѣхъ же пѣсняхъ, къ сожалѣнію, мы находимъ мало подтвержденій этимъ словамъ. Даже общественный поклонъ на четыре стороны, всѣмъ равный, не могъ быть такимъ въ дѣйствительности, потому что дѣлилъ *всѣхъ* на четыре разряда и начинался съ передняго угла, гдѣ обыкновенно сидѣли *старшіе*, *большіе*, слѣдовательно прежде всего воздавалъ честь старшимъ, а затѣмъ доходилъ и до младшихъ. Онъ былъ общъ и равенъ въ отношеніи только къ каждому изъ четырехъ разрядовъ. На богатырской скамьѣ садились богатыри разныхъ *отечествъ*; но мѣста на скамьѣ не были равны: одно было выше, другое ниже, начиная все таки отъ передняго угла. Мѣста же давались по отечеству и служили выраженіемъ извѣстнаго почета, и если они не были равны, то слѣдственно не былъ равенъ и почетъ. Богатырь-боярынъ садился всегда выше богатыря-крестьянина.

мерацію мѣстъ. Котошихинъ разсказываетъ, что въ царской Думѣ и за столомъ, бояре, окольничіе и думные дворяне садились на лавкахъ по чинамъ, то-есть бояре, окольничіе, дворяне, каждый чинъ отдѣльно, но бояре подъ боярами садились уже по *роду* своему и по *чести*, то-есть по отчинѣ, кто кого честнѣе породою, а не по службѣ, и не по тому, кто кого старѣе въ чину, *хотя кто и сегодня пожалованъ, —наутріе, по породѣ своей, учнетъ сидѣти выше.* Вслѣдствіе того бояре, царю свойственные по царицѣ (напримѣръ отецъ царицы), въ Думѣ и за столомъ у царя не бывали, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше неумѣстно, что *породою не высоки*. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же самыя правила свято наблюдались и въ частномъ быту. На каждомъ пиру отношенія людей устраивались по этой же системѣ, и каждый кругъ знакомства въ старину вмѣщалъ въ своихъ границахъ подобныхъ же представителей болѣе честнаго или менѣе честнаго отчества, представителей, среди которыхъ лице безъ отчества, или съ малымъ отчествомъ, хотя бы и семи пядей во лбу, не имѣло ни малѣйшаго значенія и садилось все-таки ниже другихъ. Высота чести каждаго рода, каждаго отчества опредѣлялась, разумѣется, старшинствомъ его служебнаго значенія. Являлся предокъ на пиръ, и первая мысль его была о мѣрѣ почести, какую должны ему воздать хозяинъ пира и гости,—первая мысль была о томъ, чтобъ *сѣсть на своемъ мѣстѣ, по отчинѣ*, не ниже того, кого онъ считалъ ниже себя. Съ другой стороны, хозяинъ пира точно такъ же былъ озабоченъ, чтобъ *по отчинѣ гостю мѣсто дать*, чтобъ *не обезчестить гостя мѣстомъ*, потому что такое безчестье не забывалось и никогда не прощалось. Такое безчестье «Домострой» ставитъ на ряду съ другими преступленіями, нарушавшими добрый порядокъ общежитія, присовокупляя, что «тотъ столъ или пиръ,

гдѣ мѣстомъ обезчестятъ, бѣсомъ на утѣху, а Богу на гнѣвъ, а людямъ на позоръ и на гнѣвъ и на вражду, а обезчестнымъ срамъ и на оскорбленіе». Вотъ что говоритъ по этому поводу одно древнее *слово*: «прежде бо пріидутъ на пиръ и всякъ восхощетъ сѣсти на вышнемъ мѣстѣ; а кто сядетъ на нижнемъ мѣстѣ, и доколѣ трезвъ, молчитъ, а ненавидитъ сѣдяща въ честнѣ мѣстѣ, и прежъ положитъ гнѣвъ въ сердцы, и егда напіется, иступленъ ума бываетъ. И начнетъ мыслити срамотити и мещетъ нань злыя рѣчи; и аще сей претерпитъ, онъ же паки съ досажденіемъ глаголетъ ему. И той убо такоже отъ піяньства не умолчитъ и бываетъ брань; и потомъ единъ единаго ножемъ закалаетъ. Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, точію въ піянственныхъ бесѣдахъ и играхъ, паче же о праздницѣхъ». Припомнимъ кстати *старину* про Илью Муромца. Выше мы упомянули, что на пиру у князя Владиміра, Ильѣ, по его крестьянскому отчеству, дали послѣднее мѣсто, по край стола да по край скамьи. Илья выпилъ чашу большую, оберучную, на одинъ духъ, выпилъ другую — его маненько ошабурило... онъ хотѣлъ поладиться, да поправиться—

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.
А у князя въ ту пору да въ то времячко
Еще столъ идетъ да во полу-столѣ,
Еще пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговые,
Еще сильны могучи богатыри,
Свято-русскіе воины.
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Помѣшалъ ты всѣ мѣста да ученыя.
Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя.

[redacted]

[redacted]

[redacted]

ь сверстниковъ по чину. Между ними онъ занималъ мѣ-
ке по породѣ, по отчинѣ. Если дворяне подъ дворянами
ись по отчинѣ, то отчина Минина, *художествомъ по-*
ля, указывала ему самое послѣднее мѣсто въ числѣ
хъ дворянъ. Тотъ же счетъ прилагается и къ самому
Пожарскому. Въ день своего коронованія, царь Михаилъ
ванчъ пожаловалъ князя Пожарскаго изъ стольниковъ
ре, разумѣется за предшествовавшую его службу. Дум-
ворянинъ Гаврила Пушкинъ, который, по церемоніямъ
времени, долженъ былъ находиться при объявленіи По-
ему государева жалованья, тотчасъ же сталъ бить че-
ем отечествомъ на князя Дмитрія, что ему у сказки
ь (при объявленіи жалованья) меньше князя Дмитрія быть
стно, потому что родители ихъ (Пушкиныхъ) меньше
ских нигдѣ не бывали. Такъ было въ офиціальномъ
такъ было и въ частномъ быту, гдѣ мѣсто на пирахъ да-
ь также всегда по отчинѣ, потому что другаго распредѣ-
мѣстъ за столомъ, другой формы отношеній не суще-
ло, и кто бы ни пришелъ на пиръ, хоть добрый молодецъ,
ший свое отечество, какъ въ стихѣ о «Горѣ-Злосча-
ему все-таки давали мѣсто по расчету отчинному, со-
ая и примѣривая его личныя достоинства и значеніе къ
ему распорядку мѣстъ. Въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи»
распорядокъ мѣстъ раскрывается нѣсколько опредѣ-
е:

Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лице свое бѣлое.
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
На всѣ четыре стороны.
А что видитъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ все по писанному ученію,

Кланяютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ *большое мѣсто*, не въ *меньшое*,
Садятъ его въ мѣсто *среднее*,
Гдѣ сидятъ дѣти гостиные.

Такимъ образомъ чужаго молодца за вѣжливый и *ученый* приходъ посадили въ середнее мѣсто, гдѣ сидѣли дѣти гостей занимавшихъ большія мѣста: его сравняли честью съ отецкими дѣтьми [1]). Для молодца, потерявшаго отечество, то-есть значеніе *добраго* человѣка, это былъ почетъ немалый. Но молодецъ на пиру не веселъ сидитъ, и вотъ *добрые* люди его спрашиваютъ:

Что ося ты, добрый молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сѣдишь,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
Ни пьешь ты, ни тѣшишься,
Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не доходила!
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
Или малые дѣти тебя изобидѣли?
Или глупые люди нѣмудрые
Чѣмъ тебѣ молодцу насмѣялися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?

Въ другой пѣснѣ, о подвигахъ Хотена, Хотенъ встрѣчаетъ свою мать, идущую съ пира не въ радости, тѣми же вопросами:

Што не ты, моя родна матушка,
Идешь домой не въ кормысти, не въ радости?

---

[1]) Такъ, полагаемъ, должно толковать это выраженіе: — „Гдѣ сѣдятъ *дѣти гостиные*“. За отсутствіемъ другихъ указаній, мы не имѣемъ основанія заключать, что здѣсь говорится о торговыхъ только людяхъ, о гостяхъ изъ Гостиной Сотни, а не вообще о гостяхъ собраннаго пира. Слѣдующія строки стиха ясно означаютъ, что это были дѣти гостей пира. Но не должно разумѣть, что эти дѣти были только мальчики: здѣсь нерѣдко сидѣть такіе же *молодцы*, какъ и приходящій на пиръ.

Али мѣсто те дали не по вотчинѣ,
Али чарой тобя да обнесли,
Али пьяница дуракъ не насмѣялся ли?

Вотъ непріятности и оскорбленія, какія можно было встрѣчать на старинныхъ нашихъ пирахъ, и во главѣ ихъ стоитъ *мѣсто не по вотчинѣ*. Вслѣдствіе того, чтобъ *срядить честный пиръ*, нужно было его срядить не только *вѣжествомъ*, какъ говорится въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи», но прежде всего *отечествомъ*, потому что самое *вѣжество*, то-есть добрый порядокъ, приличіе заключалось уже въ понятіи о достодолжномъ распредѣленіи и чествованіи гостей по ихъ отечествамъ. Итакъ, отечество, отчина, родовое, а не личное, не общественное значеніе лица полагалось главнѣйшимъ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній въ нашемъ древнемъ общежитіи. Въ этомъ смыслѣ древній пиръ-бесѣда представлялъ какъ бы собравшійся родъ-племя, гдѣ самъ ли хозяинъ или гость, занимавшій почетное, большое мѣсто, обыкновенно въ переднемъ углу, представлялъ лице старѣйшины рода, лице домовладыки, ибо въ домашнемъ семейномъ быту это мѣсто всегда принадлежало главѣ семейства, домохозяину. Остальные были какъ бы сродичи, занимавшіе мѣста по степенямъ сродства, родственнаго большинства и меньшинства, такъ точно какъ въ домашнемъ быту занимали эти мѣста члены семейства. Распредѣленіе лицъ по семейному старшинству послужило формою для распредѣленія лицъ и въ гражданскомъ быту. Здѣсь была семья, а не *общество*, слѣдовательно не было и общественнаго равенства членовъ. Здѣсь всѣ дѣлились на старшихъ и младшихъ, такъ точно, какъ всѣ дѣлятся на старшихъ и младшихъ въ семьѣ, въ родѣ.

Самъ по себѣ здѣсь никто не имѣлъ значенія, никто не имѣлъ никакихъ правъ, положительно ему принадлежащихъ, какъ самостоятельной человѣческой личности, какъ самостоятель-

ному органу общественности, которой въ строгомъ смыслѣ тогда и не существовало. Каждый опредѣлялся не человѣческими своими правами, а правами и значеніемъ своей *отчины*, которая въ столкновеніяхъ лицъ ежеминутно имѣвшая относительное старшинство или меньшинство, то-есть значеніе своего представителя. На томъ же пиру одинъ могъ занять первое, слѣдовательно, самое почетное мѣсто, когда отчина его была старше всѣхъ другихъ; но когда являлся представитель еще старше по отчинѣ, то первый необходимо долженъ былъ пересѣсть ниже, не имѣя никакого права протестовать противъ своего пониженія, и протестуя только въ такомъ случаѣ, если пониженіе было незаконно съ отчинной точки зрѣнія, то есть, если первое мѣсто занималъ младшій по отчинному разсчету.

При господствѣ патріархальныхъ началъ въ людскихъ отношеніяхъ, когда лице разсматривалось только со стороны отчиннаго старшинства и меньшинства, трудно было развиться той уравнивающей всѣхъ силѣ, которую называютъ обыкновенно *обществомъ*. Такъ какъ исходною точкою нашего стариннаго общежитія была патріархальность, то и всѣ новыя формы общежитейскихъ отношеній, даже противоположныя ей по своей сущности, какія по необходимости должны были являться вслѣдствіе поступательнаго развитія государственности, принимали все таки обликъ патріархальности. Патріархальность всему придавала свой цвѣтъ, свой колоритъ, потому что была самою существенною и общею почвою нашего развитія. Древнее наше *общество* состояло изъ отцовъ и дѣтей: все почему-либо высшее, старшее, значительное, принимало въ тогдашнихъ понятіяхъ значеніе отцовъ, все низшее, младшее—значеніе недорослей, дѣтей. Въ массѣ эти понятія довольно сильны еще и теперь.

Такимъ образомъ если и мущина не имѣлъ значенія самостоятельной, полноправной личности, самостоятельнаго, полноправнаго органа въ обществѣ, и заимствовалъ свой вѣсъ, не отъ понятій объ обществѣ, общественности, а отъ понятій объ отчествѣ, опредѣлялся только своими патріархальными, отчинными отношеніями, то какимъ же значеніемъ могла пользоваться въ то время женщина? Мы видѣли, что убѣжденія массы не признавали въ ней свободы, самостоятельности и по другимъ причинамъ. Въ родительскомъ союзѣ она естественно ставилась на ряду съ младшими членами, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ домовладыкѣ, ибо не мать, а отецъ давалъ значеніе семьѣ и роду, не другое что̀, а отчина давала ходъ и значеніе сыну и дѣтямъ-ребятамъ. Въ этомъ союзѣ женщина имѣла одно значеніе: она была *жена* [1]). Въ этомъ заключалась единственная сущность ея назначенія, единственная сущность ея человѣческой доли. Степени родства присвоивали ей конечно и другія имена, но сущность не измѣнялась. Женщина всетаки оставалась *женою*: мать—жена, исполнившая свое призваніе, свое назначеніе; дочь—слѣдовательно невѣста и слѣ-

---

[1]) Положеніе женщины въ нашемъ первоначальномъ общежитіи и полная и вѣрная характеристика этого общежитія, слѣды котораго сохранились долго, да не исчезли совсѣмъ даже и въ настоящее время, представлены въ превосходныхъ и въ высокой степени основательныхъ статьяхъ К. Д. Кавелина, по поводу книги „Бытъ Русскаго народа, соч. А. Терещенка", помѣщенныхъ въ „Современникѣ" 1848 года. Выводы и положенія этихъ статей, равно и другихъ того же автора, касавшихся того же предмета, по нашему крайнему разумѣнію, должны служить точкою отправленія для каждаго изслѣдователя нашей общественной старины. Нужно прежде съ такою же основательностію поколебать силу этихъ выводовъ, а затѣмъ уже, на просторѣ, создать свои воззрѣнія на общественный нашъ бытъ въ древнюю эпоху, на характеръ и значеніе нашей древней общины и т. д. До тѣхъ поръ противоположныя воззрѣнія будутъ только частными умозрѣніями и не будутъ убѣдительны.

[illegible] [illegible] [illegible] [

если жена немыслима безъ мужа, то, естественно, лишаясь мужа, она лишалась и своего самостоятельнаго значенія. Съ смертію мужа, она становилась вдовою и слѣдовательно въ общественномъ мнѣніи сиротою; весьма часто удалялась тоже въ монастырь и во всякомъ случаѣ облекалась во *вдовью одежду* [1]), какъ знакъ своего сиротства, какъ знакъ того, что въ міру, въ обществѣ, значенія она уже не имѣетъ. Въ уставѣ «о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ и о церковныхъ людѣхъ», приписываемомъ князю Владиміру, вдовицы, наравнѣ съ другими *убогими* лицами и сиротами, отдаются подъ покровительство церкви, дѣлаются *церковными людьми, убогими*. Народъ свои понятія о сиротствѣ, беззащитности вдовы выразилъ мѣткою пословицею: «побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мірѣ—вдова да дѣвка».

Однимъ словомъ, женщина въ древнемъ обществѣ носила въ своемъ значеніи только идею жены, въ тѣснѣйшемъ, только половомъ значеніи этого слова. Не понимая и не признавая въ ней личной самостоятельности, человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ, предокъ не могъ, разумѣется, съ словомъ женщина соединять того понятія, какое теперь ему придается. Да и самое слово *женщина* едва ли знакомо нашей древней письменности. Оно явилось съ развитіемъ общественности, въ то уже время, когда сама женщина вступила въ общественную жизнь, заняла принадлежащее ей мѣсто и тѣмъ внесла въ общество новое о себѣ понятіе.

Но отрицая въ женщинѣ нравственную самостоятельность, мущина не могъ на этомъ остановиться. Онъ доказывалъ, что и умъ ея есть собственно умъ жены—слабъ, малосмысленъ и матокъ. Извѣстно, что несвободное состояніе всегда и вез-

---

[1]) Платье *вдовьихъ*, то-есть темныхъ цвѣтовъ, которые обозначались также и словомъ *смирный*, смиренный, вообще траурный.

У меня промежъ вашдымъ богатыремъ
Были свои мелѣзныя.
Чтобъ они въ пиру напивалися,
Напивалися да не столкалися.

Пѣсня не говоритъ прямо, что Илья Муромецъ оскорбился малымъ почетомъ на княжескомъ пиру. Но изъ всего разсказа видно, что главная причина его обиды была *честь*. Вслѣдъ затѣмъ, какъ онъ *помѣшалъ* мѣста, сдвинувъ богатырей въ передній уголъ, князь Владиміръ приглашаетъ его попить-поѣсть и воеводой у него жить.

Не хочу я у *васъ* ни пить, ни ѣсть,
Не хочу я у *васъ* воеводой жить, —

отвѣчаетъ разсерженный богатырь; вынимаетъ шелковую плетку о семи хвостахъ съ проволокой и началъ ею помахивать, да гостей поколачивать, самъ приговаривая,

На пріѣздѣ гости не уподчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали:
Эта ваша мнѣ честь—не въ честь.

Всѣхъ прибилъ до единаго, такъ что самъ князь за печку задвинулся, собольей шубой закинулся.... Въ самомъ наказаніи плеткою является злое посмѣяніе надъ гостьми богатыря, чувствовавшаго свое превосходство передъ другими.

Самый *чинъ*, возвышая человѣка, переводилъ его только изъ одной низшей сферы отчинныхъ отношеній въ другую, высшую, какъ напримѣръ Пожарскій изъ стольниковъ пожалованъ былъ въ бояре, а Мининъ изъ посадскихъ въ думные дворяне (не въ бояре однакожь, изъ которыхъ многіе, какъ выразился Шеинъ, во время общей опасности «по запечью сидѣли»); но въ этой новой высшей сферѣ чинъ встрѣчалъ непреоборимую силу отчинныхъ счетовъ и подчинялся ей. Никакія заслуги и никакіе таланты не могли поставить человѣка во главѣ его

новыхъ сверстниковъ по чину. Между ними онъ занималъ мѣсто уже по породѣ, по отчинѣ. Если дворяне подъ дворянами садились по отчинѣ, то отчина Минина, *художествомъ ювядаря*, указывала ему самое послѣднее мѣсто въ числѣ думныхъ дворянъ. Тотъ же счетъ прилагается и къ самому князю Пожарскому. Въ день своего коронованія, царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ князя Пожарскаго изъ стольниковъ въ бояре, разумѣется за предшествовавшую его службу. Думный дворянинъ Гаврила Пушкинъ, который, по церемоніямъ того времени, долженъ былъ находиться при объявленіи Пожарскому государева жалованья, тотчасъ же сталъ бить челомъ *въ отечествѣ* на князя Дмитрія, что ему у сказки стоять (при объявленіи жалованья) меньше князя Дмитрія быть невмѣстно, потому что родители ихъ (Пушкиныхъ) меньше Пожарскихъ нигдѣ не бывали. Такъ было въ офиціальномъ быту, такъ было и въ частномъ быту, гдѣ мѣсто на пирахъ давалось также всегда по отчинѣ, потому что другаго распредѣленія мѣстъ за столомъ, другой формы отношеній не существовало, и кто бы ни пришелъ на пиръ, хоть добрый молодецъ, потерявшій свое отечество, какъ въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи», ему все-таки давали мѣсто по расчету отчинному, соображая и примѣривая его личныя достоинства и значеніе къ отчинному распорядку мѣстъ. Въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи» этотъ распорядокъ мѣстъ раскрывается нѣсколько опредѣленнѣе:

Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лицо свое бѣлое.
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
На всѣ четыре стороны.
А что видитъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ все по писанному ученію,

Кланяютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ *большое мѣсто*, не въ *меньшое*,
Сидитъ его въ мѣсто *среднее*,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинные.

Такимъ образомъ чужаго молодца за вѣжливый и *ученый* приходъ посадили въ середнее мѣсто, гдѣ сидѣли дѣти гостей занимавшихъ большія мѣста: его сравняли честью съ отецкими дѣтьми [1]). Для молодца, потерявшаго отечество, то-есть значеніе *добраго* человѣка, это былъ почетъ немалый. Но молодецъ на пиру не веселъ сидитъ, и вотъ *добрые* люди его спрашиваютъ:

Что еси ты, добрый молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сѣдишь,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
Ни пьешь ты, ни тѣшишься,
Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала!
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
Или милые дѣти тебя изобидѣли?
Или глупые люди невудрые
Чѣмъ тебѣ молодцу наскорбѣлися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?

Въ другой пѣснѣ, о подвигахъ Хотена, Хотенъ встрѣчаетъ свою мать, идущую съ пира не въ радости, тѣми же вопросами:

Што же ты, моя родна матушка,
Идешь домой не въ корысти, не въ радости?

---

[1]) Такъ, полагаемъ, должно толковать это выраженіе: — „Гдѣ сѣдятъ *дѣти гостинные*“. За отсутствіемъ другихъ указаній, мы не имѣемъ основанія заключать, что здѣсь говорится о торговыхъ только людяхъ, о гостяхъ изъ Гостиной Сотни, а не вообще о гостяхъ собраннаго пира. Слѣдующія строки стиха ясно означаютъ, что это были дѣти гостей пира. Но не должно разумѣть, что эти дѣти были только мальчики: здѣсь могли сидѣть такіе же *молодцы*, какъ и пришедшій на пиръ.

Али мѣсто те дали не по вотчинѣ,
Али чарой тобя да обнесли,
Али пьяница дуракъ не насмѣялся ли?

Вотъ непріятности и оскорбленія, какія можно было встрѣчать на старинныхъ нашихъ пирахъ, и во главѣ ихъ стоитъ *мѣсто не по вотчинѣ*. Вслѣдствіе того, чтобъ *срядить честный пиръ*, нужно было его срядить не только *вѣжествомъ*, какъ говорится въ стихѣ о «Горѣ-Злосчастіи», но прежде всего *отечествомъ*, потому что самое *вѣжество*, то-есть добрый порядокъ, приличіе заключалось уже въ понятіи о достодолжномъ распредѣленіи и чествованіи гостей по ихъ отечествамъ. Итакъ, отечество, отчина, родовое, а не личное, не общественное значеніе лица полагалось главнѣйшимъ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній въ нашемъ древнемъ общежитіи. Въ этомъ смыслѣ древній пиръ-бесѣда представлялъ какъ бы собравшійся родъ-племя, гдѣ самъ ли хозяинъ или гость, занимавшій почетное, большое мѣсто, обыкновенно въ переднемъ углу, представлялъ лице старѣйшины рода, лице домовладыки, ибо въ домашнемъ семейномъ быту это мѣсто всегда принадлежало главѣ семейства, домохозяину. Остальные были какъ бы сродичи, занимавшіе мѣста по степенямъ сродства, родственнаго большинства и меньшинства, такъ точно какъ въ домашнемъ быту занимали эти мѣста члены семейства. Распредѣленіе лицъ по семейному старшинству послужило формою для распредѣленія лицъ и въ гражданскомъ быту. Здѣсь была семья, а не *общество*, слѣдовательно не было и общественнаго равенства членовъ. Здѣсь всѣ дѣлились на старшихъ и младшихъ, такъ точно, какъ всѣ дѣлятся на старшихъ и младшихъ въ семьѣ, въ родѣ.

Самъ по себѣ здѣсь никто не имѣлъ значенія, никто не имѣлъ никакихъ правъ, положительно ему принадлежащихъ, какъ самостоятельной человѣческой личности, какъ самостоятель-

нему органу общественности, который въ строгомъ смы
тогда и не существовало. Каждый опредѣлялся не человѣ
скими своими правами, а правами и значеніемъ своей отчи
которая въ столкновеніяхъ лицъ единственно имѣла от
сительное старшинство или меньшинство, то-есть значе
своего представителя. На томъ же пиру одинъ могъ зан
первое, слѣдовательно, самое почетное мѣсто, когда отч
его была старше всѣхъ другихъ; но когда являлся предс
витель еще старше по отчинѣ, то первый необходимо долж
былъ пересѣсть ниже, не имѣя никакого права протесто
противъ своего пониженія, и протестуя только въ такомъ с
чаѣ, если пониженіе было незаконно съ отчинной точки з
нія, то-есть, если первое мѣсто занималъ младшій по отч
ному разсчету.

При господствѣ патріархальныхъ началъ въ людскихъ от
шеніяхъ, когда лице разсматривалось только со стороны
чиннаго старшинства и меньшинства, трудно было развит
той уравнивающей всѣхъ силѣ, которую называютъ обык
венно *обществомъ*. Такъ какъ исходною точкою нашего с
риннаго общежитія была патріархальность, то и всѣ но
формы общежитейскихъ отношеній, даже противополож
ей по своей сущности, какія по необходимости должны б
являться вслѣдствіе поступательнаго развитія государств
ности, принимали все таки обликъ патріархальности. Па
архяльность всему придавала свой цвѣтъ, свой колори
потому что была самою существенною и общею поч
нашего развитія. Древнее наше *общество* состояло
отцовъ и дѣтей: все почему-либо высшее, старшее, з
чительное, принимало въ тогдашнихъ понятіяхъ значеніе
цовъ, все низшее, младшее—значеніе недорослей, дѣтей.
массѣ эти понятія довольно сильны еще и теперь.

Такимъ образомъ если и мущина не имѣлъ значенія самостоятельной, полноправной личности, самостоятельнаго, полноправнаго органа въ обществѣ, и заимствовалъ свой вѣсъ, не отъ понятій объ обществѣ, общественности, а отъ понятій объ отчествѣ, опредѣлялся только своими патріархальными, отчинными отношеніями, то какимъ же значеніемъ могла пользоваться въ то время женщина? Мы видѣли, что убѣжденія массы не признавали въ ней свободы, самостоятельности и по другимъ причинамъ. Въ родительскомъ союзѣ она естественно ставилась на ряду съ младшими членами, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ домовладыкѣ, ибо не мать, а отецъ давалъ значеніе семьѣ и роду, не другое что, а отчина давала ходъ и значеніе сыну и дѣтямъ-ребятамъ. Въ этомъ союзѣ женщина имѣла одно значеніе: она была *жена* [1]). Въ этомъ заключалась единственная сущность ея назначенія, единственная сущность ея человѣческой доли. Степени родства присвоивали ей конечно и другія имена, но сущность не измѣнялась. Женщина всетаки оставалась *женою*: мать—жена, исполнившая свое призваніе, свое назначеніе; дочь—слѣдовательно невѣста и слѣ-

---

[1]) Положеніе женщины въ нашемъ первоначальномъ общежитіи и полная и вѣрная характеристика этого общежитія, слѣды котораго сохранялись долго, да не исчезли совсѣмъ даже и въ настоящее время, представлены въ превосходныхъ и въ высокой степени основательныхъ статьяхъ К. Д. Кавелина, по поводу книги „Бытъ Русскаго народа, соч. А. Терещенки", помѣщенныхъ въ „Современникѣ" 1848 года. Выводы и положенія этихъ статей, равно и другихъ того же автора, касавшихся того же предмета, по нашему крайнему разумѣнію, должны служить точкою отправленія для каждаго изслѣдователя нашей общественной старины. Нужно прежде съ такою же основательностію поколебать силу этихъ выводовъ, а затѣмъ уже, на просторѣ, созидать свои воззрѣнія на общественный нашъ бытъ въ древнюю эпоху, на характеръ и значеніе нашей древней общины и т. д. До тѣхъ поръ противоположныя воззрѣнія будутъ только частными умозрѣніями и не будутъ убѣдительны.

довательно тоже жена, имѣющая выполнить свое призваніе. Положеніе дочери въ древнемъ обществѣ еще яснѣе можетъ раскрыть сущность тогдашнихъ понятій о женщинѣ. Тамъ для дочери одинъ только былъ выходъ, именно выходъ замужъ; въ этомъ, какъ мы сказали, заключалась сущность ея призванія. Если этотъ единственный выходъ чѣмъ-либо преграждался, то дочь теряла уже всякое значеніе для общества. Общество чуждалось ея, и она волею-неволею, должна была идти вонъ изъ *міра*, то-есть идти въ монастырь. «Которыя дѣвицы увѣчны и стары, говоритъ Котошихинъ, и замужъ ихъ взять за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ, безъ замужства». Слѣдовательно, такихъ дочерей удаляли изъ общества, какъ членовъ вовсе излишнихъ и никуда не пригодныхъ. Къ тому же значенію дочери какъ невѣсты, какъ будущей жены, склонялись и родительскія попеченія и заботы о ней. «Вскормить, вспоить и замужъ выдать въ цѣлости, въ дорбомъ здоровьи», вотъ существенная цѣль заботъ, выраженная не разъ въ древнихъ памятникахъ. Недремлющее вниманіе обращаемо было особенно на то, чтобъ сохранить доброе здоровье будущей жены. «Кто у васъ имать дщерь, положи на ней грозу свою, да ходитъ въ послушаніи, да не свою волю пріимши, въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое и сотворитъ тя въ посмѣхъ знаемымъ твоимъ, и при множествѣ народа *порода* посрамится. Аще бо отдаси безъ порока дщерь свою, то велику добродѣтель сотворилъ еси и отъ всѣхъ похваленъ будеши».— «Человѣче! имаши скотъ, смотри надъ нимъ; будеши пожиточенъ, корми его; имаши дщери, сохранно держи ихъ, да и тѣлеса ихъ блюдоми будутъ. Не являй свѣтла лица къ нимъ. Егда чистыя замужъ отдаси, то велико дѣло учиниши, сохранивъ дѣвство».

Если женщина получала въ древнемъ обществѣ значеніе только подъ видомъ жены, какъ придатокъ, кость мужа, и

если жена немыслима безъ мужа, то, естественно, лишаясь мужа, она лишалась и своего самостоятельнаго значенія. Съ смертію мужа, она становилась вдовою и слѣдовательно въ общественномъ мнѣніи сиротою; весьма часто удалялась тоже въ монастырь и во всякомъ случаѣ облекалась во *вдовью одежду* [1]), какъ знакъ своего сиротства, какъ знакъ того, что въ міру, въ обществѣ, значенія она уже не имѣетъ. Въ уставѣ «о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ и о церковныхъ людѣхъ», приписываемомъ князю Владиміру, вдовицы, наравнѣ съ другими *убогими* лицами и сиротами, отдаются подъ покровительство церкви, дѣлаются *церковными людьми, убогими*. Народъ свои понятія о сиротствѣ, беззащитности вдовы выразилъ мѣткою пословицею: «побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мірѣ—вдова да дѣвка».

Однимъ словомъ, женщина въ древнемъ обществѣ носила въ своемъ значеніи только идею жены, въ тѣснѣйшемъ, только половомъ значеніи этого слова. Не понимая и не признавая въ ней личной самостоятельности, человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ, предокъ не могъ, разумѣется, съ словомъ женщина соединять того понятія, какое теперь ему придается. Да и самое слово *женщина* едва ли знакомо нашей древней письменности. Оно явилось съ развитіемъ общественности, въ то уже время, когда сама женщина вступила въ общественную жизнь, заняла принадлежащее ей мѣсто и тѣмъ внесла въ общество новое о себѣ понятіе.

Но отрицая въ женщинѣ нравственную самостоятельность, пущина не могъ на этомъ остановиться. Онъ доказывалъ, что и умъ ея есть собственно умъ жены—слабъ, малосмысленъ и матокъ. Извѣстно, что несвободное состояніе всегда и вез-

---

[1]) Платье *вдовьихъ*, то-есть темныхъ цвѣтовъ, которые обозначались также и словомъ *смирный*, смиренный, вообще траурный.

въ выдержанномъ отношеніи какъ къ самымъ способностямъ человѣка, утратившаго свои человѣческія права. Черень, черный ли, коричневый, во мнѣніи вѣка, принадлежалъ всегда людьми темными, малоумными или неспособными вообще мыслить, такъ точно, какъ младшіе члены въ родительскомъ союзѣ, считались несовершеннолѣтними физически, считались недорослями и въ умственныхъ взглядахъ. «Всего намъ Богъ послалъ, говорили молодые послѣ свадьбы, угощая гостей отходнымъ пирогомъ, — всѣмъ наѣлися насъ родители, да умъ нашъ не созрѣлъ... Состарѣемся, научимся». И дѣйствительно, по понятіямъ старины, чтобъ быть умнымъ, нужно было состарѣться, нужно было быть старшимъ. Достоинство человѣка выростало по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся со старшинствомъ, которое приходило само собою и ставило человѣка въ почетное отношеніе къ остальнымъ членамъ союза: только старшинству предоставлялась способность мыслить и разсуждать, право давать рѣшительный голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Старшинство само по себѣ служило уже доказательствомъ, что человѣкъ уменъ, способенъ, знающъ. «Не пускайся, сыне, на стара человѣка, если онъ и немощенъ, но ума его не свѣдаешь», говорили книжники. Оттого всякое предъявленіе ума со стороны младшихъ и безъ позволенія старшихъ почиталось дерзостью, наглостью, и обращалось самимъ же младшимъ въ укоръ. Гдѣ не личныя достоинства, а внѣшнія, случайныя отличія управляютъ людскими отношеніями, тамъ, какіе бы таланты ни имѣлъ младшій членъ, онъ не можетъ ими пользоваться, даже не смѣетъ предъявлять ихъ безъ одобренія старшихъ. Въ противномъ случаѣ это будетъ высокоуміе, гордость ума, которая принадлежала къ порочнымъ наклонностямъ. Еслибъ даже младшій членъ былъ уже самъ значительно старъ, но были бы при томъ еще старѣйшіе его, то и въ такомъ случаѣ онъ все-таки состоялъ недорослемъ въ отношеніи къ этимъ старѣйшимъ. Уже вслѣдствіе патріархальныхъ отношеній, жен-

щина, какъ младшій членъ въ отношеніи къ домовладыкѣ, не должна была имѣть «свое сужденіе имѣть». Но кромѣ того старина и вообще считала женскія способности несовершенными. «У бабы волосъ долгъ, да умъ коротокъ», говоритъ народъ. «Умъ женскій не твердъ, говорили старые книжники, аки храмъ непокровенъ; мудрость женская, аки оплотъ неокопанъ, до вѣтру стоитъ — вѣтръ повѣетъ, и оплотъ порушится; такъ и мудрость женская, аки оплотъ; до прелестнаго глаголанія, и до сладкаго увѣщанія тверда есть. Немощнѣйшіи суть разумы женстіи; въ нечувственныхъ ничтоже могуще умное постигнути». Наконецъ, книжники характеризовали женскій умъ только злыми качествами и говорили, что «женская мудрость—звѣриная лютость». А если и дѣйствительно жена обладала умомъ, по крайней мѣрѣ житейскимъ, практическимъ смысломъ, то и тогда, особенно при людяхъ, она не должна выражать мужу ни своего сужденья, ни своего умѣнья понимать дѣло. Это было неприлично. Вотъ, напримѣръ, наставленіе *молодымъ* по случаю отводнаго стола, который они давали своему родству послѣ свадьбы. «Молодому князю со княгиней (новобрачнымъ) подобаетъ вопрошати старыхъ людей: какъ и что въ добрыхъ людяхъ ведется, кого какъ чествовати и про какой случай? Всему тому есть обычай испоконъ вѣка; да и дѣло то не писаное, а уложено старыми людьми недаромъ, и должно вершиться безъ всякой порухи, чтобы не было на смѣхъ и позоръ. Буде молодой князь и его княгиня похотятъ справлять свадебный отводъ... прежде всего сыскать зватаго, человѣка стараго, который бы смыслилъ свое дѣло, зналъ кого и какъ позывать по старому обычаю... Молодому князю просить зватаго позывать дорогихъ гостей: туто вымолвить прежде всего тестя съ тещей, по имени и по отечеству, съ поклономъ и почетомъ. Далѣй того молвить про крестнаго отца съ матерью, про дѣда и бабку: а то все

говорить по имени и по отечеству... Княгинѣ молвить только поклонъ отцу съ матерью. *Ино то не женское дѣло, кого звать и кою чествовать, и какъ чему быть; да и не стать въ слухъ при людяхъ, своимъ умомъ наказывать. На то есть глава, мужъ законный; на то есть совѣтъ безъ людей, съ очи но очи»* [1]).

Но отрицаніе шло дальше и шире... Существенныя черты женщины, какъ самостоятельнаго, свободнаго лица, красота женственныхъ нравовъ, женственнаго характера, вся женственная *доброта*, — были отвергнуты, осуждены, находились подъ запрещеніемъ, какъ порожденіе зла, какъ сѣти соблазна, какъ грѣхъ неискупный... Это воззрѣніе возникло уже прямо изъ книжныхъ понятій. Если красота женскаго лица пробуждала естественное человѣческое чувство, и въ человѣкѣ пробивался ключъ невѣдомыхъ эстетическихъ стремленій, — предокъ исполненный стариннаго ученія о женщинѣ, приходилъ въ ужасъ, почитая это обаяніемъ, сѣтями дьявола.

«Не помысли красотѣ женстей, учили книжники, не падайся на красоту ея, не насладишися рѣчей ея и не возведи на нея очей своихъ, да не погибнешь отъ нея. Бѣжи отъ красоты женскія невозвратно, яко Ной отъ потопа, яко Лотъ отъ Содома и Гоморра... Человѣче, не гляди на жену многохотну и на дѣвицу красноличную, да не впадеши нагло въ грѣхъ... Не дай женѣ души своея... дѣвы не глядай, съ мужатицею (замужнею) отнюдь не сиди—о добротѣ бо женстей мнози соблазнишася, даже и разумныя жены прельщаютъ... Взоръ на жены раждаетъ уязвленіе, уязвленіе раждаетъ помышленіе, помышленіе родитъ разженіе, разженіе родитъ дерзновеніе, дерзновеніе родитъ дѣйство, дѣйство же исполненіе хотѣнія, исполненіе же хотѣнія родитъ грѣхъ, грѣхъ же родитъ смерть и иже его

---

[1]) Сказанія Русскаго народа, *Сахарова*, т. 2. стр. 114.

по смери пониметъ осужденіе и по осужденіи—вѣчное мученіе... Человѣче, отврати лице свое отъ жены чужія прекрасныя, не зри прилежно на лице ея: красоты ради женскія мнози погибоша. Красота жены веселитъ сердце человѣка и введетъ человѣка въ жалость на всякое желаніе. Человѣче, съ чужою женою на единѣ николи же бесѣдуй, ни возлагай съ нею за столомъ лахтей своихъ; словеса ея яко огнь попаляетъ, и похоть ея яко попаляетъ пламя, отрезвися умомъ и отскочи женъ блудивыхъ»... Наконецъ вотъ общее опредѣленіе, что́ такое женщина: «что́ есть жена? Сѣть сотворена, прельщающи человѣки (въ сластехъ) свѣтлымъ лицемъ, высокою выею, очами назирающи, ланитами склабящися, языкомъ поющимъ, гласомъ скверняющимъ, словесы чарующи, ризы повлачающи, ногами играющи... въ добротѣ женстей многи прельщаются, и отъ тоя (доброты) любовь яко огнь возгарается... Отъ жены начало грѣху и тою вси умираемъ... Много бо бѣсу помощи въ женахъ...»

Итакъ женщина въ умахъ книжныхъ мудрецовъ была олицетворенный грѣхъ, пагубный соблазнъ; всѣ ея природные дары служили только сѣтью, прельщеніемъ, погубленіемъ душъ... Но по крайней мѣрѣ оставались же у ней какія-либо добродѣтели, какія-либо нравственныя качества, которыя уважало старое общество? Да, мущина-мудрецъ постоянно твердилъ, что *жена добрая вѣнецъ мужу своему*. Но какими же дорогими каменьями украшалъ онъ этотъ вѣнецъ? Чѣмъ высилась и блистала добрая жена? Что́ именно признавалось въ ней добродѣтелью? «Жена добра любитъ страду (работу) и воздержаніе отъ всего зла. Жена благоумна составъ дому и имѣнію спасеніе. Жена добра, которая умѣетъ домъ строити; не печется о дому мужъ ея. Жена добра—трудолюбива и молчалива... Если кто изобрящетъ жену добру, тотъ человѣкъ велику благодать пріиметъ отъ Бога и предъ

людьми: жена добра есть подобна кораблю плавающу, купцы въ немъ дѣютъ и великое богатство избираетъ, и у купца сердце веселится, тако и жена добрая и разумная и послушная мужу своему въ домъ много добра сбираетъ: вставаетъ рано и утвержаетъ локти свои на дѣло, а персты свои на вретено, сердце на радость и на веселіе, и мужа своего веселитъ безпрестанно, и послушаетъ его въ словѣ и въ дѣлѣ, и рукодѣянія своего облечетъ мужа своего въ перфиру свѣтлу и хвалимъ бываетъ мужъ ея отъ добрыя жены, посреди людей добрыхъ въ бѣсѣдѣ» [1])... Но идеалъ доброй жены яснѣе выражается въ тѣхъ наставленіяхъ женамъ, которыми наполнены статьи, разсуждавшія о домостроительствѣ, о томъ, *какъ льпо жить мужу съ женою*. «Ты мужа имѣй во всемъ честна и бойся его и во всемъ честь воздавай ему и повиновеніе... Достоитъ повиноватися женамъ къ мужамъ своимъ, а не пререковати имъ, но послушливымъ быти, понеже послушнымъ Богъ подаетъ честь и славу, а не послушливымъ горькую муку... Добра жена и покорлива вѣнецъ мужу своему есть»... Нельзя не замѣтить, что всѣ качества *доброй* жены, здѣсь изображенныя, сводятся къ двумъ главнымъ: это *покорливость* и доброе *домоводство*, качества, устремленныя только къ личному благополучію и благоденствію мужа. Дѣйствительно такая жена составляла вѣнецъ мужу своему, составляла счастіе мужа, счастіе, какое только было достижимо по понятіямъ того времени. О счастіи самой жены, о домѣ, здѣсь мало, или вовсе не говорится, потому что и благополучіе жены и благополучіе дома заключалось уже въ благополучіи и благоденствіи домовладыки. Что было хорошо для него, то должно быть хорошо и для всего дома, для жены и домочадцевъ. Покорливость, повиновеніе, послуша-

---

[1]) Изъ „Повѣсти о мужескомъ полу и женскомъ“.

ніе, молчаливость и т. п. отрицательныя добродѣтели жены приносили положительное благо мужу; дни его текли въ невозмутимомъ спокойствіи, въ полномъ просторѣ его личной воли, не встрѣчавшей въ своихъ дѣйствіяхъ ни малѣйшихъ преградъ. Оттого добродѣтели эти ставились всегда выше другихъ [1]), впереди другихъ, какъ единственная основа домашняго счастія. Оттого также книжники не щадили красокъ для изображенія обратнаго отношенія между мужемъ и женой. «Ни въ скотѣхъ скотъ коза, писали книжники, ни въ рыбахъ рыба ракъ, ни въ птицахъ птица сычь, ни въ звѣряхъ звѣрь ёжъ, ни въ человѣцехъ человѣкъ, которымъ мужемъ жена владѣетъ»... «Яко коня держать уздою, тако и жена водить угрозою»...

Таково ученіе о женщинѣ, распространенное въ нашей старинной книжности. Но въ книжности оно не оставалось: *писаное слово* всегда внушало глубокое уваженіе къ истинамъ, которыя оно предлагало. Масса читала, слушала эти мудрыя апофеегмы, усвоивала ихъ своимъ понятіямъ, созидала по нимъ свои убѣжденія и по нимъ же строила свои отношенія въ жизни дѣйствительной. Если красота женская понималась только какъ грѣховный соблазнъ, если отъ этой красоты нужно было бѣжать невозвратно, какъ отъ потопа, какъ отъ Содома и Гоморры, если все, чѣмъ украшаетъ теперь женщина нашу общественную жизнь, почиталось дьявольскою прелестью, и вся *доброта* женская вела только къ паденію, къ пагубѣ душевной, къ глубинѣ адовой, если наконецъ въ женщинѣ не подозрѣвали ни малѣйшей нравственной твердости и видѣли въ ней только необузданное стремленіе къ грѣху, къ паденію, присовокупляя пословицею, что «дѣвичій стыдъ до порога:

---

[1]) Замѣчательно, что и нашего времени книжники совершенно согласны съ старыми относительно женскихъ добродѣтелей. См. статью г. Филиппова, въ „Русской Бесѣдѣ", т. I. Критика, стр. 88—89.

какъ переступила такъ и забыла», — то, послѣ всего этого, какъ легокъ былъ выводъ и путь къ тому, чтобы устранить причины соблазна, остановить дѣйствія этой пагубной заразы! Какъ легко человѣкъ, исполненный древняго ученія о женщинѣ, могъ придти къ рѣшенію, что для женщины *добро есть печать*, что она должна жить сокровенно, во внутренней клѣти дома, ибо каждый шагъ ея внѣ дома становился соблазномъ или для нея самой, или для другихъ, возводившихъ на нее очи, каждый шагъ ея велъ къ паденію! «Лучше есть кому имѣти козу во дворѣ, замѣчали книжники, нежели дщерь велику не въ грозѣ (то-есть не въ строгости и не взаперти). Коза бо по улицамъ ходитъ—млеко въ домъ приноситъ, а велія (большая, взрослая) дщерь, если начнетъ часто изъ дому исходити, то велій срамъ и безчестье отцу и матери и всему роду принесетъ». Укажемъ кстати, что въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ, живо рисующихъ старую дѣйствительность, женщина носитъ также и этотъ падкій, сластолюбивый образъ, начертанный съ такою рѣзкостью книжниками. Богатырскія пѣсни вообще замѣчаютъ, что

Женское дѣло прелестивое,
Перелестивое, перепадчивое.

Нигдѣ не выразился такъ ярко грубый, животный эгоизмъ времени, какъ именно въ этомъ пониманіи, что женское существо всегда обуреваемо похотнымъ неистовствомъ, что потому женщина—отрава добродѣтели и чистоты мущины. Много говорилъ мущина о томъ, что «*въ огонь и въ жену впасть равно есть*», истощалъ всѣ краски стариннаго слова, чтобъ ярче и рѣзче изобразить опасность, предстоявшую каждому, кто приближался къ женщинѣ, и ни слова не сказалъ о себѣ, о томъ, что если падалъ въ соблазнъ, воспалялся лицезрѣніемъ жены, то слѣдовательно въ самомъ же себѣ

носилъ и то неистовство похоти, которое прослѣдовалъ въ женщинѣ и отъ котораго такъ старательно уберегалъ себя. Нисколько не подозрѣвая себя виновникомъ и участникомъ зла, онъ смотрѣлъ на женскій образъ, какъ на внѣшнюю причину своего паденія, какъ на болѣзнь, заразу, отъ которой необходимо было спасаться бѣгствомъ, прекращать къ ней пути. Исполненный мудрости вѣка и сдѣлавшись мужемъ, отцомъ, предокъ разумѣется ничего не могъ лучше придумать, какъ держать жену и дочерей на карантинномъ положеніи, то-есть посадить ихъ въ *высокій теремъ*: пусть смотрятъ на міръ изъ косящатаго оконца, пусть не соблазняетъ ихъ міръ своею близостью, да и онѣ не соблазняютъ міра своею *добротою* женскою. «Видѣна дѣвка мѣдяна, а не видѣна золотая. Дѣвица въ терему, что запрещенный плодъ въ раю», поговаривали народныя пословицы. Безсомнѣнія, этотъ взглядъ на женщину послужилъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ, подавшихъ поводъ къ заключенію женщинъ въ высокіе терема. Онъ былъ такъ сказать канвою для другихъ убѣжденій, по которымъ женщина, какъ запрещенный плодъ, должна быть скрываема отъ всенародныхъ очей. Самое огрубѣніе нравовъ, которое представляетъ ближайшую, видимую причину удаленія женщины, и которое въ отношеніи къ женщинѣ выражалось въ безстыдныхъ обидахъ, наглыхъ оскорбленіяхъ, въ безчестьи всякаго рода,—самое огрубѣніе нравовъ питалось, поддерживалось тѣми же низкими, варварскими понятіями о женщинѣ, которыя ничѣмъ не обуздывали наглаго своеволія мущины. Сознавая свою высоту передъ женскимъ существомъ, онъ, по неразвитости своей, считалъ за ничто всякое оскорбленіе лицу безправному... Кто жь объявлялъ себя защитникомъ женщины? Защищали ее мужъ, отецъ, защищали родъ-племя, семья. Здѣсь женщина имѣла значеніе, какъ членъ семьи, хотя и подчиненный домовладыкѣ. Но и въ этой защи-

тѣ скрывался семейный эгоизмъ: мужъ объявлялъ покровительство своей женѣ, а не женщинѣ, родъ-племя защищали собственнаго члена, а не женщину, и тотъ и другой защищали свое, кровное, и защищали съ тою мыслію, чтобъ не принять на себя срама и безчестья, чтобъ «не посрамилась нерода при множествѣ народа», чтобъ «не прійдти въ посмѣхъ знаемыхъ своимъ». Женщина, не получавшая этого единственнаго покровительства, предоставлялась самой себѣ, а это значило, что она предоставлялась всѣмъ случайностямъ своего беззащитнаго положенія. Повторимъ народную пословицу: «Побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мірѣ вдова да дѣвка», весьма ясно означающую беззащитное сиротство женщины, какъ говорятъ, непристроенной. Семья, родъ-племя, охраняя честь женщины, охраняли прежде всего свою собственную честь, честь породы. По крайней мѣрѣ это явно обозначается въ совѣтахъ и *наказаніяхъ*, какъ *лѣпо* жить человѣку и какъ вести семью, особенно дочерей. Естественно, что тамъ, гдѣ честь породы была выше, старше, имѣла большее значеніе, гдѣ ее продолжали и возвышали поколѣнія, гдѣ, слѣдовательно, и береженіе чести было строже, щекотливѣе, тамъ — именно въ знатныхъ и богатыхъ слояхъ общества — приняты были мѣры къ сбереженію чести жены, дочерей и пр., самыя дѣйствительныя, какія только можно было поставить противъ грубыхъ стремленій вѣка: женщину удалили въ теремъ. «Мущины, пишетъ Маскѣвичъ, не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не дозволяя имъ даже показываться въ люди, кромѣ одной церкви. Да и тутъ каждый бояринъ, живущій въ столицѣ домомъ, имѣетъ для жены церковь (домовую) не въ дальнемъ разстояніи отъ своего двора. Если же случится боярынѣ въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыя дверцы, съ окнами изъ прозрачныхъ,

какъ стекло, камней (изъ слюды), или изъ бычачьяго пузыря: отсюда она видитъ каждаго, ее же никто разглядѣть не можетъ, развѣ когда садится въ колымагу, или выходитъ изъ оной... Комнаты для женщинъ строятся въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ входъ со двора по лѣстницѣ, но ключъ отъ онаго хозяинъ держитъ у себя, такъ что въ женскую половину можно пройдти только чрезъ его комнату. Изъ мущинъ не пускаютъ туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ же за комнатами женскими обгораживается такимъ высокимъ палисадникомъ (тыномъ), что развѣ птица перелетитъ черезъ оный. Въ этомъ-то мѣстѣ, женщины прогуливаются»[1]). «А гостьи коли случатся, наставляетъ «Домострой» хозяйку дома, и ихъ подчивати питіемъ, какъ пригоже: а самой пьянаго питія, хмѣльнаго, не пити. А питіе и ѣству и всякой обиходъ приноситъ одинъ человѣкъ сверстный (довѣренный), кому приказано, а мужескъ полъ туто, и рано и поздно, отнюдь, никакоже, никакими дѣлы, не былъ бы; кромѣ того, кому приказано сверстному человѣку, что принести или о чемъ спроситься, или о чемъ ему приказати... а иному никому тута дѣла нѣтъ». Если теремъ охранялъ отъ соблазна, преграждая пути грѣховной гибели, охранялъ женщину отъ буйства и неистовствъ вѣка, сберегалъ ея честь, а слѣдовательно и честь рода-племени, то естественно, что и честь эта тотчасъ же нарушалась, какъ скоро женщина выходила изъ терема, являлась на всенародныя очи. Такъ дѣйствительно и было. Иностранцы свидѣтельствуютъ, что женщина невозвратно теряла доброе имя, если показывалась людямъ. «Состояніе женщинъ самое плачевное, пишетъ Герберштейнъ; ибо ни одной не почитаютъ честною, если не живетъ дома взаперти, и не охраняется такъ, чтобы никуда не выходила».

---

[1]) Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ. V. Стр. 62.

Само собою разумѣется, что другъ этихъ понятій о женщинѣ сливался постепенно: постепенно пріобрѣталъ новыя силы, новую опору, и въ явленіяхъ дѣйствительности и въ ученіи книжниковъ, съ особеннымъ стараніемъ выбиравшихъ свои апофегмы отвсюду, какъ пчелъ съ цвѣтовъ человѣческой мудрости, шедшей отъ вѣка. Въ этомъ-то смыслѣ сборники книжныхъ изреченій и носятъ названіе *пчелъ*. Минувшіе вѣка, въ лицѣ грубаго эгоизма мущины съ одной стороны, и въ лицѣ прилежныхъ, трудолюбивыхъ книжниковъ, съ другой,—успѣли вполнѣ окончательно доказать, что женщина не свободна, что она собственно жена, а не женщина, что *красота* и *доброта* ея, то-есть женственная ея сущность, имѣвшая такое благотворное явленіе на просвѣтлѣніе въ мущинѣ человѣчныхъ началъ — есть собственно источникъ соблазна, нравственнаго растлѣнія, погибели душевной. Изъ доказательствъ возникли крѣпкія убѣжденія... Женщина также убѣдилась во всемъ, что ни толковали о ней книжные мудрецы и учители. Униженная, загнанная мнѣніемъ вѣка, она, дѣйствительно, многое утратила изъ своей человѣчной природы, и большею частію оправдывала составленныя о ней ходячія понятія. Но если легко было доказать, и еще легче убѣдиться и убѣдить, то-есть совершенно извратить понятія толпы и понятія самой женщины, то было не только трудно, но и рѣшительно невозможно остановить въ женщинѣ естественныя, въ высшей степени законныя стремленія къ нравственной самостоятельности, противъ которыхъ не могла даже бороться и она сама, вполнѣ убѣжденная, что стремленія эти есть преступленіе противъ нравственныхъ положеній вѣка, что, напримѣръ, непокореніе, непослушаніе домовладыкѣ *во всякомъ случаѣ* есть беззаконіе и грѣхъ.

Здѣсь-то и возникла та отчаянная борьба между *мужемъ* и *женой*, между понятіями толпы и дѣйствіями жены, выра-

жавшей свой протестъ противъ существовавшихъ положеній со всею ненавистію, озлобленіемъ существа слабаго, порабощеннаго, униженнаго почти до презрѣнія. Чувствуя невыносимую тяжесть своего положенія и нисколько не сознавая самостоятельныхъ своихъ правъ, женщина перенесла всю энергію своей непризнанной воли въ сферу домашняго мелочнаго тиранства, домашнихъ мелочныхъ преслѣдованій, булавочныхъ уколовъ, гдѣ способности ея, не имѣвшія другаго выхода, изощрились въ неимовѣрной силѣ. Какъ бы въ отмщеніе за утрату человѣческихъ правъ, за отсутствіе всякаго пониманія истинныхъ отношеній между мущиною и женщиною, между мужемъ и женой, женщина явилась мущинѣ въ образѣ *злой жены*. Это былъ послѣдовательный, самый естественный выводъ тѣхъ общихъ убѣжденій относительно женской свободы, которыми жило и руководилось древнее общество. *Злая жена* явилась результатомъ древнихъ воззрѣній на женщину, древнихъ отношеній къ ней мужа, явилась результатомъ той дѣйствительности, гдѣ все было отдано мужу, и все отнято у жены. *Злая жена* явилась терновымъ вѣнцомъ для мужа, потерявшаго смыслъ истинныхъ, человѣчныхъ отношеній къ женѣ. И мущина глубоко чувствовалъ это иго, это безвыходное, неумолимое бѣдствіе... Его отчаяніе излилось въ нескончаемыхъ апофеегмахъ, изреченіяхъ, пословицахъ, ярко рисовавшихъ и злую жену, и собственную его бѣду. Съ какою-то озлобленною радостію онъ выбираетъ эти изреченія отвсюду и изъ писанія, и отъ *внѣшнихъ* мудрецовъ, приводитъ въ свидѣтельство бездну повѣстей, анекдотовъ, исторій, изображавшихъ женщину въ самыхъ черныхъ, въ самыхъ неистовыхъ краскахъ. Рукописные сборники, эти маленькія настольныя библіотеки нашихъ предковъ, куда они заносили все любопытное, назидательное для нихъ, все интересовавшее ихъ любознательность, наполняются изреченіями, повѣстями, бе-

[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] жить, о [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] и т. д. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

поядаетъ, а огня сильнѣе вода, понеже угашаетъ огнь; а воды сильнѣе вѣтръ, потому что ее мутитъ и волненіе творитъ, а вѣтру сильнѣе гора, потому что отъ него недвижима, а горы сильнѣе человѣкъ, потому что ее раскопаетъ и владѣетъ ею, а человѣка сильнѣе хмѣль, яко отъиметъ у него руцѣ и нозѣ и всю крѣпость его, а хмѣлю сильнѣе сонъ, а сна сильнѣе злая жена, потому что и трезва мужа своего безъ ума и безъ памяти его сотворитъ»... Послѣ такихъ выводовъ какъ легко было, и въ самомъ дѣлѣ, усомниться въ добромъ естествѣ женщины, какъ легко было задать вопросъ: доброе или злое естество имѣетъ женщина? На этотъ-то вопросъ и служитъ отвѣтомъ *книга о злонравныхъ женахъ* или «Бесѣда отца съ сыномъ снискательна отъ различныхъ писаній и богомудрыхъ отцовъ, отъ премудраго царя Соломона и отъ Іисуса Сирахова и отъ многихъ философовъ и отъ искусныхъ мужей, отеческое преданіе къ сыну о женстей хитрости и злобѣ и о сыновней добротѣ, обоихъ вкупѣ, слово».

Мы передаемъ содержаніе этого памятника старинной нашей письменности съ необходимыми сокращеніями, подновивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для бо̀льшаго удобства въ чтеніи, самыя выраженія и обороты старинной рѣчи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно только его содержаніе. Въ нашемъ собраніи есть три списка этой *бесѣды*; одинъ изъ нихъ принадлежитъ концу XVII столѣтія, а два писаны въ XVIII. Другъ отъ друга они отличаются многими разнорѣчіями, а одинъ весьма значительными вставками и распространеніями на ту же тему. Видно, что каждый редакторъ почиталъ необходимымъ внести и съ своей стороны кое-какія черты, по своему вкусу, дополнявшія яркость общей характеристики.

Бесѣда идетъ между отцомъ и сыномъ. Не должно однакожь полагать, что здѣсь бесѣдуютъ два поколѣнія, старое и моло-

[illegible] разумѣнія по [illegible] и [illegible]: любовь просто бесѣдуетъ опытности съ неопытностью, старость съ молодостью; на сторонѣ первой, разумѣется, поучительный тонъ и затѣмъ полная побѣда.

Начиная бесѣду, отецъ прежде всего указываетъ на грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ черезъ обманъ прелестерь Еву. «Адамъ не прельстился, говоритъ онъ, но жена его Ева совѣтомъ змѣинымъ прельстися и тоя ради вины отъя Богъ все самовластіе отъ жены: съ тѣхъ поръ она повинна мужу своему и во всемъ покорствуется ему, не имѣетъ ни единыя власти имѣть вмѣ, мужъ глава ей и господствуетъ ею во всемъ, понеже преступила повелѣнія и восхотѣла быти свободна. Зри, сыне, яко отъялъ Богъ отъ жены самовластіе (самостоятельность), за вопреки не глаголетъ мужу своему.

— «Это истинно, отвѣчаетъ сынъ, но истинно также и то, что «благодѣтельствуя своему созданію послалъ Богъ сопротивно печали и клятвы благословеніе, и вмѣсто Адама новый Адамъ, Христосъ, и вмѣсто Евы благословенная Богородица Марія: вся нова бысть и женское племя благословися; якоже бо жена, и по смерти, мужа своего спасаетъ и дому строительница бываетъ и вѣнецъ мужу своему сплетше на главу полагаетъ, и яко сладкія воды отъ устъ ея истекаютъ, и горесть мужу своему услаждаетъ, милосерда, чадолюбива бываетъ, и домъ свой всякими добродѣтельми наполняетъ, безкровныхъ покрываетъ безпомощныхъ помогаетъ, бѣдныхъ приимаетъ, нагихъ одѣваетъ, алчныхъ питаетъ, жадныхъ напаяетъ, больныхъ въ темницахъ посѣщаетъ и, по писанному, всего сильнѣе жена бываетъ. Жена царемъ одѣяніе сотворяетъ и царей породи, ибо всякъ человѣкъ отъ жены рождается и сосцами питается, *не суть злое естество женское.*

— «Нѣтъ, сыне. Знай, что въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ едина отъ тысящи такова обрящется... Если и сосцами ея питаемся,

то множицею отъ нихъ и кровію вѣнчаемся. Отъ женъ многія убійства сотворишася, и много крови проліяшася, и царства разоришася, царіе погибоша и живота лишишася, села и домы разсыпашася. Горе царству тому, имъ же жена властелинствуетъ; горе, горе и дому тому, имъ же жена владѣетъ; зло мужу тому, который жены слушаетъ. Увы мнѣ! Въ нынѣшнемъ родѣ сія содѣвается: многіе человѣцы городами владѣютъ, а женамъ своимъ работаютъ. Извыкли бо жены ихъ въ зерцала смотрѣться и вапами лица своя помазываютъ, и брови свои сурмами подъимаютъ, и многовиднымъ себе украшеніемъ украшаютъ, и многихъ очеса на видѣніе красоты своея привлекаютъ; украшаютъ тѣлеса своя, а не душу; уды своя связали шелкомъ, а лбы подтянули жемчугомъ, ушеса своя позавѣсили каменіемъ, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ Писанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія. Познали путь заблужденія. О мужіе, отъ кого есте пріяли сей обычай многая полагати украшенія на женахъ своихъ? Отъ сего вамъ нѣсть пользы, ибо жѐнния хотѣнія—всегдашняя мужу сухота... И того бываетъ, что долги заимуютъ, понеже своего не имѣютъ, а жену украшаютъ. А егда кто хотѣнія ея не исполнитъ, и тогда она воздыхаетъ и плачетъ и шепчетъ; ни худа, ни добра не говоритъ; очи свои измѣнитъ, носъ посупитъ, и что̀ мужъ ея молвитъ — и она пыхнетъ и предъ нимъ охаетъ, плачетъ; день и нощь гнѣвъ держитъ; и мужъ ея отъ нея покоя не имѣетъ. А она глаголетъ: иныя жены ходятъ хорошо и красно, и всѣ люди ихъ почитаютъ; я же бѣдная въ женахъ, возненавидѣнная, и всѣми незнаема и укоряема. Почто ты мнѣ мужъ! Лутче бы я тебя не знала и сердце мое не терзалось бы, зря тебя несмысленна. Я была дочь отца богатаго и матери добрыя и племени славнаго. Только была бы я дѣвицею — былъ бы мнѣ мужъ, отца сынъ богатаго, и была бы я госпожа добру многу и вездѣ бы честна бы-

а... [illegible] жена, [illegible] и любили. Если же [illegible] — ту она [illegible] и [illegible] в [illegible], и чужую [illegible] и [illegible] [illegible]. Аще [illegible] мужъ ей [illegible], то всѣхъ ему любити, ихъ же она любитъ, такъ и всѣхъ сихъ въ ненависти имѣти, которыхъ она ненавидитъ. И всегда хощетъ большину имѣти; нигдѣ жь не хощетъ никому покоритися, ни послушати, но всегда хощетъ начальствовать и все хощетъ вѣдати и умѣти; если чего не умѣетъ и не знаетъ, а глаголетъ умѣю и знаю; если будетъ прекрасна и лѣпа, взоромъ красна и лѣпа образомъ, многихъ юныхъ человѣкъ очеса зрѣти на себя привлечетъ; яко ловецъ сѣтію рыбы уловитъ, то и сія злая жена злохитростію своею незлобныхъ человѣкъ ко грѣху привлечетъ. Также и женскій разумъ какъ храмина непокровенна, и какъ вѣтрило, наверхъ горъ скорообратно вертящеся... Многіи человѣцы злохитрыми лестьми прельщаются добролѣпными женами, ово разумомъ, ово смѣхотворными утѣхами и краснословесіемъ и дарояніемъ и прочими лестьми міра сего прельщаются. Если же (будетъ) не добролѣпа, или глупа, или блудлива, или больна, или горда, или гнѣвлива, или инымъ порокомъ повреждена, къ тому невозможно иныя поняти, доколѣ она жива. Если хощеши, сыне мой, безъ печали жити, заключаетъ отецъ, то лучше тебѣ не женитися и послѣ не тужити.

— «Но Писаніе свидѣтельствуетъ, отвѣчаетъ сынъ: оставитъ человѣкъ отца и матерь свою, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину. Богъ дастъ мнѣ жену добронравну и всякими добродѣтелями украшену—смиреніемъ и молчаніемъ, и всякимъ послушаніемъ, и доброуміемъ, пощеніемъ, нищелюбіемъ, рукодѣліемъ, нескверноложіемъ: таковыя жены милости у Бога просятъ и мужи своя спасаютъ, и домы своя всякимъ изобиліемъ и богатствомъ наполняютъ. А когда

дома буду, и о доброй женѣ возрадуюся и о дѣлѣхъ ея. Чужой радости не желаю, но всегда своя радость въ дому моемъ будетъ.

— «Добро будетъ, отвѣчаетъ отецъ, если будетъ такъ, какъ ты говоришь. Блаженъ ты и жена твоя. Жена добрая, какъ лоза плодовитая. Но если, грѣхъ ради, житіе свое злѣ препроводишь и не такову жену обрящешь, какъ желаешь, то всегда отъ нея поскорбишь и въ горести сердца скажешь: блаженъ тотъ, который дѣвствомъ живетъ. Да! горе, горе тому мужу, если обрящетъ онъ жену прохирливую, льстивую, лукавую, крадливую, злоязычную, колдунью, еретицу, медвѣдицу, львицу, змію скорпію, василиску, аспиду. Горе, горе тому мужу!...

— «Не могу разумѣть твоихъ словъ спрашиваетъ сынъ. Объясни мнѣ, какое подобіе зло женское имѣетъ съ сими злыми звѣрями?

— «Слыши, сынъ мой, про *льстивую* и про *прохирливую* жену. Дѣла дѣлать не хочетъ, а какъ мужъ придетъ, она лежитъ, шипитъ, стонетъ, воздыхаетъ, охаетъ. Мужъ скажетъ ей: жена! что̀ ни о чемъ не радѣешь? И она, если и здорова, отвѣчаетъ: немогу (то-есть больна, нездорова). Это не строительница дому, одежды не сошьетъ, а если что̀ мужъ и припасетъ, такъ она своимъ прохитрствомъ все изгубитъ.

«Слыши, сынъ мой, про *сварливую* и *злоязычную* жену. Имѣетъ языкъ, какъ бритву острую, на всякаго человѣка падаетъ, какъ левъ, всѣхъ злословитъ, укоряетъ, осуждаетъ и на всѣхъ ядъ своего языка испущаетъ; какъ бѣсноватый песъ брехаетъ на всѣхъ.

«Слыши, сынъ мой, про *лукавую* и *крадливую* жену. Умъ имѣетъ предъ мужемъ своимъ остръ; никакъ мужъ не можетъ лукавства ея разумѣть, ибо не живетъ съ нимъ единодушно, а мыслитъ въ сердцѣ своемъ такъ: если мужъ мой умретъ, а

живота мнѣ не прикажетъ (имѣнія не оставитъ), и мнѣ за другаго мужа идти не съ чѣмъ, никто меня, убогую, за себя не возьметъ, и говоритъ себѣ: теперь я всему добру госпожа; учиню себѣ сокровище тайное, чтобъ мужъ мой не вѣдалъ, и начну у мужа красть. А мужъ того не вѣдаетъ, а она крадетъ. И скажетъ ей мужъ потомъ: жена, что́ обнищахомъ и домъ нашъ въ великой скудости? Она, лукавая жена, говоритъ: «то грѣхъ ради нашихъ». Сія крадливая жена все имѣніе у мужа своего изгубитъ и оба обнищаютъ.

«Слыши, сынъ мой, про *льстивую* и *блудивую* жену. Если мужъ откуда въ домъ свой придетъ и она на срѣтеніе къ нему исходитъ, ланитами склабящися, очами веселящися и нравомъ уничижающися; мужа за руки принимаетъ и одѣяніе совлачаетъ; словами льститъ; является мужу своему во всемъ добра и вѣрна. Лобзая его, говоритъ: пойди, господине мой, свѣтъ очей моихъ, сладость гортани моей, зрѣти я не могу безъ тебя, свѣта моего, и ни единаго слова мнѣ безъ тебя молвити ни съ кѣмъ не хочется, и лицо мое отекло, и сердце мое окаменѣло... А когда взгляну на тебя, свѣта моего, то возрадуюсь и составы мои разступаются, и дрожатъ всѣ жилы тѣла моего отъ великой радости; руки мои слабѣютъ. Бракъ мой любовный предъ моими очами! Когда услышу сладкія твои словеса, то не умѣю что̀ и отвѣчать: мои уста не отверзаются отъ великой радости. Огнь въ сердцѣ моемъ горитъ, и лицо мое палитъ, и всѣ составы мои грѣются... Если мужъ ея юнъ будетъ, она его вскорѣ обольститъ и облобызаетъ. Если же дома его не случится, и она близь оконца присѣдитъ, сѣмо и овамо зритъ... тутъ-то со смиреніемъ не сѣдитъ: скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сапогами стучитъ, руками плещетъ, какъ прельстившая блудница Иродіада; бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ, главою киваетъ, гласомъ

поетъ, языкомъ глаголетъ бѣсовская, ризами повлачается, подобна Иродіадѣ чинится, многимъ юношамъ угождаетъ и всякаго льститъ.

«Слыши, сынъ мой, про *колдунью* жену и *еретицу*. Издѣтска (съ дѣтскихъ лѣтъ) начнетъ у бабъ, у волхвовъ учиться колдовать и колдованнаго искать, и спрашивать начнетъ, какъ бы ей замужъ выдти и какъ бы ей мужа своего околдовать на первой нощи и въ первой банѣ. И отыщетъ колдуновъ и колдуней и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою шепты начнетъ творити и подъ ноги подсыпати, и въ подушки и въ постелю вшивати, и сыметъ платье и около головы обноситъ (и порты рѣжетъ, надъ челомъ втыкаетъ), и всячески надъ мужемъ своимъ чаруетъ. А мужъ ничего того не вѣдаетъ. Коренье и отравы и всякія волшебныя статьи надъ мужемъ своимъ чинитъ; сердце мужа своего высосетъ и тѣло его изсушитъ, и красоты въ лицѣ его не оставитъ, и въ очахъ свѣтлость погубитъ, и разумъ его отъиметъ, и всѣмъ людямъ въ поношеніе его сотворитъ. Все это творя, потомъ мужа своего возненавидитъ, а другихъ возлюбитъ и смертное зеліе сыщетъ, и найдя удобное время, смертнымъ ядомъ его опоитъ или смертнымъ кусомъ окормитъ, какъ несозрѣлый класъ пожнетъ прежде времени. Такова есть колдунья жена и еретица.

«Слыши, сынъ мой, про *медвѣдицу* и *львицу*. Когда медвѣдица узритъ человѣка, то главу свою нахилитъ, а очи стиснетъ и посупитъ въ землю и злобно пыхнетъ на человѣка, нападетъ и задушитъ его. Такъ и злая жена: главу свою нахилитъ, очи посупитъ, уста стиснетъ и на мужа своего злобою дохнетъ, и на выю его *сило* (петлю) наложитъ, и гортанное дыханіе займетъ, и такъ злѣ скончается. А звѣрь львица въ дебри и въ пустыни на всякаго человѣка и звѣря наскачетъ и разтерзаетъ,—такъ и злая жена, въ пустыни вѣка сего, какъ

сѣдами, прикладами (примѣрами), словами о злыхъ женахъ, о женской хитрости, лести, коварствѣ, о женскихъ козняхъ и т. д. *Пчелы*, то-есть избранныя слова, «еже мало глаголати, а много разумѣти», несутъ обильный сотъ для характеристики злой жены. Это была общая тема разглагольствій и разсужденій въ старинной нашей книжности, это былъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ жизни. Образъ злой жены слился въ тогдашнихъ понятіяхъ съ образомъ женщины вообще, и ни одному мудрецу не пришло въ голову протянуть руку беззащитному существу и сознаться, по крайней мѣрѣ, что зло пришло отъ его же мудрости. Нѣтъ, объясняя происхожденіе зла, онъ путалъ сюда одного только дьявола, а самъ простосердечно и во всемъ умывалъ руки. Люди, которыхъ умственный горизонтъ, не стѣсненный книжными фразами, былъ обширнѣе, и свободнѣе, понимали корень зла и указывали на него; но голосъ ихъ былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. «Московскаго государства женской полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотѣ неученые, и необычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужства своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому мочно дознаться, отчего-бъ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому-жь люди видаютъ мало». Въ то время, какъ уже въ нѣкоторыхъ умахъ пробуждались такія мысли, книжные мудрецы, вѣрные основному положенію своихъ умствованій, приходили къ убѣжденію, что въ женскомъ существѣ нѣтъ добрыхъ началъ, что *женское естество — естество злое*. «О, зло всего злѣе злая жена!» восклицалъ въ отчаяніи горестный мужъ. «Что сильнѣе?» вопрошали книжники.—«Сильнѣе огнь, что̀ все попаляетъ и

поядаетъ, а огня сильнѣе вода, понеже угашаетъ огнь; а воды сильнѣе вѣтръ, потому что ее мутитъ и волненіе творитъ, а вѣтру сильнѣе гора, потому что отъ него недвижима, а горы сильнѣе человѣкъ, потому что ее раскопаетъ и владѣетъ ею, а человѣка сильнѣе хмѣль, яко отъиметъ у него руцѣ и нозѣ и всю крѣпость его, а хмѣлю сильнѣе сонъ, а сна сильнѣе злая жена, потому что и трезва мужа своего безъ ума и безъ памяти его сотворитъ»... Послѣ такихъ выводовъ какъ легко было, и въ самомъ дѣлѣ, усомниться въ добромъ естествѣ женщины, какъ легко было задать вопросъ: доброе или злое естество имѣетъ женщина? На этотъ-то вопросъ и служитъ отвѣтомъ *книга о злонравныхъ женахъ* или «Бесѣда отца съ сыномъ снискательна отъ различныхъ писаній и богомудрыхъ отцовъ, отъ премудраго царя Соломона и отъ Іисуса Сирахова и отъ многихъ философовъ и отъ искусныхъ мужей, отеческое преданіе къ сыну о женстей хитрости и злобѣ и о сыновней добротѣ, обоихъ вкупѣ, слово».

Мы передаемъ содержаніе этого памятника старинной нашей письменности съ необходимыми сокращеніями, подновивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для бо̀льшаго удобства въ чтеніи, самыя выраженія и обороты старинной рѣчи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно только его содержаніе. Въ нашемъ собраніи есть три списка этой *бесѣды*; одинъ изъ нихъ принадлежитъ концу XVII столѣтія, а два писаны въ XVIII. Другъ отъ друга они отличаются многими разнорѣчіями, а одинъ весьма значительными вставками и распространеніями на ту же тему. Видно, что каждый редакторъ почиталъ необходимымъ внести и съ своей стороны кое-какія черты, по своему вкусу, дополнявшія яркость общей характеристики.

Бесѣда идетъ между отцомъ и сыномъ. Не должно однакожь полагать, что здѣсь бесѣдуютъ два поколѣнія, старое и моло-

дое, различныя по направленію и вкусамъ; здѣсь просто бесѣдуетъ опытность съ неопытностью, старость съ молодостью; на сторонѣ первой, разумѣется, поучительный тонъ и затѣмъ полная побѣда.

Начиная бесѣду, отецъ прежде всего указываетъ на грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ черезъ общую праматерь Еву. «Адамъ не прельстися, говоритъ онъ, но жена его Ева совѣтомъ зміинымъ прельстися и тоя ради вины отъя Богъ все самовластіе отъ жены; съ тѣхъ поръ она покорена мужу своему и во всемъ повинуется ему, не имѣетъ ни единыя власти надъ нимъ, мужъ глава ей и господствуетъ ею во всемъ, понеже преступила повелѣнія и восхотѣла быти свободна. Зри, сыне, яко отъялъ Богъ отъ жены самовластіе (самостоятельность), да вопреки не глаголетъ мужу своему.

—«Это истинно, отвѣчаетъ сынъ, но истинно также и то, что «благодѣтельствуя своему созданію послалъ Богъ сопротивно печали и клятвы благословеніе, и вмѣсто Адама новый Адамъ, Христосъ, и вмѣсто Евы благословенная Богородица Марія: вся нова бысть и женское племя благословися; якоже бо жена, и по смерти, мужа своего спасаетъ и дому строительница бываетъ и вѣнецъ мужу своему сплетше на главу полагаетъ, и яко сладкія воды отъ устъ ея истекаютъ, и горесть мужу своему услаждаетъ, милосерда, чадолюбива бываетъ, и домъ свой всякими добродѣтельми наполняетъ, безкровныхъ покрываетъ безпомощнымъ помогаетъ, бѣдныхъ призираетъ, нагихъ одѣваетъ, алчныхъ питаетъ, жадныхъ напаяетъ, больныхъ въ темницахъ посѣщаетъ и, по писанному, всего сильнѣе жена бываетъ. Жена царемъ одѣяніе сотворяетъ и царей породи, ибо всякъ человѣкъ отъ жены рождается и сосцами питается, *не суть злое естество женское.*

—«Нѣтъ, сыне. Знай, что въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ едина отъ тысящи такова обрящется... Если и сосцами ея питаемся,

то множицею отъ нихъ и кровію вѣнчаемся. Отъ женъ многія убійства сотворишася, и много крови проліяшася, и царства разоришася, царіе погибоша и живота лишишася, села и домы разсыпашася. Горе царству тому, имъ же жена властелинствуетъ; горе, горе и дому тому, имъ же жена владѣетъ; зло мужу тому, который жены слушаетъ. Увы мнѣ! Въ нынѣшнемъ родѣ сія содѣвается: многіе человѣцы городами владѣютъ, а женамъ своимъ работаютъ. Извыкли бо жены ихъ въ зерцала смотрѣться и вапами лица своя помазываютъ, и брови свои сурмами подъимаютъ, и многовиднымъ себе украшеніемъ украшаютъ, и многихъ очеса на видѣніе красоты своея привлекаютъ; украшаютъ тѣлеса своя, а не душу; уды своя связали шелкомъ, а лбы подтянули жемчугомъ, ушеса своя позавѣсили каменіемъ, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ Писанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія. Познали путь заблужденія. О мужіе, отъ кого есте пріяли сей обычай многая полагати украшенія на женахъ своихъ? Отъ сего вамъ нѣсть пользы, ибо жѣнния хотѣнія—всегдашняя мужу сухота... И того бываетъ, что долги заимуютъ, понеже своего не имѣютъ, а жену украшаютъ. А егда кто хотѣнія ея не исполнитъ, и тогда она воздыхаетъ и плачетъ и шепчетъ; ни худа, ни добра не говоритъ; очи свои измѣнитъ, носъ посупитъ, и что мужъ ея молвитъ — и она пыхнетъ и предъ нимъ охаетъ, плачетъ; день и нощь гнѣвъ держитъ; и мужъ ея отъ нея покоя не имѣетъ. А она глаголетъ: иныя жены ходятъ хорошо и красно, и всѣ люди ихъ почитаютъ; я же бѣдная въ женахъ, возненавидѣнная, и всѣми незнаема и укоряема. Почто ты мнѣ мужъ! Лутче бы я тебя не знала и сердце мое не терзалось бы, зря тебя несмысленна. Я была дочь отца богатаго и матери добрыя и племени славнаго. Только была бы я дѣвицею — былъ бы мнѣ мужъ, отца сынъ богатаго, и была бы я госпожа добру многу и вездѣ бы честна бы-

[illegible] [illegible]ся, ни по
начальствовать и все хощетъ вѣ.
умѣетъ и не знаетъ, а глаголетъ
прекрасна и лѣпа, взоромъ красна
юныхъ человѣкъ очеса зрѣти на
вецъ сѣтію рыбы уловитъ, то
ростію своею незлобныхъ челов.
Также и женскій разумъ какъ
какъ вѣтрило, наверхъ горъ скоро
зи человѣцы злохитрыми лестьми
ми женами, ово разумомъ, ово
краснословесіемъ и дарояніемъ и п
прельщаются. Если же (будетъ)
или блудлива, или больна, или горда
нерономъ повреждена, къ тому нев
полѣ она жива. Если хощеши, сын
заключаетъ отецъ, то лучше теб
[illegible]ити.

Но Писаніе свидѣтельствуетъ.
[illegible]ставитъ отца и матерь свою, и пр
будутъ оба въ плоть едину. Богъ д
[illegible]

дома буду, и о доброй женѣ возрадуюся и о дѣлѣхъ ея. Чужой радости не желаю, но всегда своя радость въ дому моемъ будетъ.

— «Добро будетъ, отвѣчаетъ отецъ, если будетъ такъ, какъ ты говоришь. Блаженъ ты и жена твоя. Жена добрая, какъ лоза плодовитая. Но если, грѣхъ ради, житіе свое злѣ препроводишь и не такову жену обрящешь, какъ желаешь, то всегда отъ нея поскорбишь и въ горести сердца скажешь: блаженъ тотъ, который дѣвствомъ живетъ. Да! горе, горе тому мужу, если обрящетъ онъ жену прохирливую, льстивую, лукавую, крадливую, злоязычную, колдунью, еретицу, медвѣдицу, львицу, змію скорпію, василиску, аспиду. Горе, горе тому мужу!...

— «Не могу разумѣть твоихъ словъ спрашиваетъ сынъ. Объясни мнѣ, какое подобіе зло женское имѣетъ съ сими злыми звѣрями?

— «Слыши, сынъ мой, про *льстивую* и про *прохирливую* жену. Дѣла дѣлать не хочетъ, а какъ мужъ придетъ, она лежитъ, шипитъ, стонетъ, воздыхаетъ, охаетъ. Мужъ скажетъ ей: жена! что ни о чемъ не радѣешь? И она, если и здорова, отвѣчаетъ: немогу (то-есть больна, нездорова). Это не строительница дому, одежды не сошьетъ, а если что мужъ и припасетъ, такъ она своимъ прохитрствомъ все изгубитъ.

«Слыши, сынъ мой, про *сварливую* и *злоязычную* жену. Имѣетъ языкъ, какъ бритву острую, на всякаго человѣка падаетъ, какъ левъ, всѣхъ злословитъ, укоряетъ, осуждаетъ и на всѣхъ ядъ своего языка испущаетъ; какъ бѣсноватый песъ брехаетъ на всѣхъ.

«Слыши, сынъ мой, про *лукавую* и *крадливую* жену. Умъ имѣетъ предъ мужемъ своимъ остръ; никакъ мужъ не можетъ лукавства ея разумѣть, ибо не живетъ съ нимъ единодушно, а мыслитъ въ сердцѣ своемъ такъ: если мужъ мой умретъ, а

живота мнѣ не прикажетъ (имѣнія не оставитъ), и мнѣ за другаго мужа идти не съ чѣмъ, никто меня, убогую, за себя не возьметъ, и говоритъ себѣ: теперь я всему добру госпожа; учиню *себѣ* сокровище тайное, чтобъ мужъ мой не вѣдалъ, и начну у мужа красть. А мужъ того не вѣдаетъ, а она крадетъ. И скажетъ ей мужъ потомъ: жена, что̀ обнищахомъ и домъ нашъ въ великой скудости? Она, лукавая жена, говоритъ: «то грѣхъ ради нашихъ». Сія крадливая жена все имѣніе у мужа своего изгубитъ и оба обнищаютъ.

«Слыши, сынъ мой, про *льстивую* и *блудивую* жену. Если мужъ откуда въ домъ свой придетъ и она на срѣтеніе къ нему исходитъ, лаитами склабящися, очами веселящися и нравомъ уничижающися; мужа за руки принимаетъ и одѣяніе соблачаетъ; словами льститъ; является мужу своему во всемъ добра и вѣрна. Лобзая его, говоритъ: пойди, господине мой, свѣтъ очей моихъ, сладость гортани моей, зрѣти я не могу безъ тебя, свѣта моего, и ни единаго слова мнѣ безъ тебя молвити ни съ кѣмъ не хочется, и лицо мое отекло, и сердце мое окаменѣло... А когда взгляну на тебя, свѣта моего, то возрадуюсь и составы мои разступаются, и дрожатъ всѣ жилы тѣла моего отъ великой радости; руки мои слабѣютъ. Бракъ мой любовный предъ моими очами! Когда услышу сладкія твои словеса, то не умѣю что̀ и отвѣчать: мои уста не отверзаются отъ великой радости. Огнь въ сердцѣ моемъ горитъ, и лицо мое палитъ, и всѣ составы мои грѣются... Если мужъ ея юнъ будетъ, она его вскорѣ обольститъ и облобызаетъ. Если же дома его не случится, и она близь оконца присѣдитъ, [illegible] и овамо зритъ... тутъ-то со смиреніемъ не сѣдитъ: ска[illegible], пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сапогами стучитъ, [illegible] плещетъ, какъ прельстившая блудница Продіада; бед[illegible]ваетъ, хребтомъ вихляетъ, главою киваетъ, гласомъ

поетъ, языкомъ глаголетъ бѣсовская, ризами повлачается, подобна Иродіадѣ чинится, многимъ юношамъ угождаетъ и всякаго льститъ.

«Слыши, сынъ мой, про *колдунью* жену и *еретицу*. Издѣтска (съ дѣтскихъ лѣтъ) начнетъ у бабъ, у волхвовъ учиться колдовать и колдованнаго искать, и спрашивать начнетъ, какъ бы ей замужъ выдти и какъ бы ей мужа своего околдовать на первой нощи и въ первой банѣ. И отыщетъ колдуновъ и колдуней и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою шепты начнетъ творити и подъ ноги подсыпати, и въ подушки и въ постелю вшивати, и сыметъ платье и около головы обноситъ (и порты рѣжетъ, надъ челомъ втыкаетъ), и всячески надъ мужемъ своимъ чаруетъ. А мужъ ничего того не вѣдаетъ. Коренье и отравы и всякія волшебныя статьи надъ мужемъ своимъ чинитъ; сердце мужа своего высосетъ и тѣло его изсушитъ, и красоты въ лицѣ его не оставитъ, и въ очахъ свѣтлость погубитъ, и разумъ его отъиметъ, и всѣмъ людямъ въ поношеніе его сотворитъ. Все это творя, потомъ мужа своего возненавидитъ, а другихъ возлюбитъ и смертное зеліе сыщетъ, и найдя удобное время, смертнымъ ядомъ его опоитъ или смертнымъ кусомъ окормитъ, какъ несозрѣлый класъ пожнетъ прежде времени. Такова есть колдунья жена и еретица.

«Слыши, сынъ мой, про *медвѣдицу* и *львицу*. Когда медвѣдица узритъ человѣка, то главу свою нахилитъ, а очи стиснетъ и посупитъ въ землю и злобно пыхнетъ на человѣка, нападетъ и задушитъ его. Такъ и злая жена: главу свою нахилитъ, очи посупитъ, уста стиснетъ и на мужа своего злобою дохнетъ, и на выю его *сило* (петлю) наложитъ, и гортанное дыханіе займетъ, и такъ злѣ скончается. А звѣрь львица въ дебри и въ пустыни на всякаго человѣка и звѣря наскачетъ и разтерзаетъ,—такъ и злая жена, въ пустыни вѣка сего, какъ

львица, на великаго человѣка наскачетъ и домочадцевъ своихъ возненавидитъ и ризы разтерзаетъ и тѣло кровію обагряетъ и власы искореняетъ, на мужа рыкаетъ и нетерпѣливыми зубы, аки львовыми усты, уязвляетъ; ни ножемъ, ни мечемъ, ни копіемъ мужа своего закалаетъ, но нравомъ злѣе львицы бываетъ [1]).

Слыши, сынъ мой, про *злую скорпію*. Змінъ родъ въ ползущихъ вельми злобою злѣйшій всѣхъ родовъ; изначала веліе зло сотворилъ человѣку и проклятъ отъ Бога, того ради и пресмыкается по земли чревомъ своимъ. Того жъ роду и скорпія и жаба и черепаха: если бьешь или колешь или стрѣляешь, ничто ей не вредитъ; только разжегши клещи и брать ее и въ огнѣ сожечь. Такъ и злая жена въ человѣкахъ, злѣе иныхъ (человѣкъ). Слыши, сынъ! Изъ куста выползаетъ змія и узритъ человѣка и бѣжитъ отъ него, а злая жена подлѣ мужа своего лежитъ, а змѣинымъ духомъ на него дышитъ. Сія истинная запазушная змѣя. Доколѣ мужъ ея по ея нраву ходитъ и вопреки ей не глаголетъ, то и она ему терпитъ. А когда чѣмъ мужъ ей погрозитъ, и она на него что змѣя шипитъ. Если мужъ за ея неистовство бьетъ ее жезломъ или пинаніемъ или за власы рваніемъ, то злую жену ничто неиметъ, но только раздражаетъ ее; а она злобою своею, какъ змѣя, въ сердце его сѣкнетъ, и онъ отъ нея конецъ пріемлетъ, а по времени и сама умретъ; и если не покается, то въ огонь ввержена будетъ, и тогда она окаянная окажется.

«Слыши, сынъ, про *ехидну*. Ехидна какъ родитъ чадъ своихъ, то скоро ихъ возненавидитъ, и хочетъ ихъ съѣсть, а когда съѣстъ, то они прогрызаютъ у нея утробу и на древо

---

[1]) Въ одномъ изъ списковъ излагаемой „Бесѣды" противъ этой статьи на полѣ отмѣчено: „*1-е Подобное оной заповѣди моя жена Пелагія во всемъ сходство имѣетъ*". Точно также и противъ слѣдующей о змѣѣ скорпіи, отмѣчено: "*и 2-е и сія подобна во всемъ.*"

уходятъ, и она отъ того умираетъ [1]). Ей ехиднѣ уподобишася нынѣшнія дѣвицы. Многія бываютъ мужамъ жецы, во утробѣ имѣютъ блудомъ прижито дитя, а родити еще не время, и онѣ чрево свое гнетутъ и утѣсняютъ и помышляютъ себѣ, егда отроча изъ чрева изыдетъ и какоби задушити его своими колѣнами, и тѣмъ дѣвическую свою печаль избыть: таковой женской злой нравъ; дѣвицею именуется, ибо образомъ яко дѣвица, а нравомъ — истинная блудница. Кому прилучится, зри ее: ходитъ быстро, очами обзорлива, нравомъ буява и во всемъ неистова (и ни въ чемъ несчастлива).

«Слыши, сынъ, про *змію василиску*: такова суть, что зрѣніемъ убиваетъ человѣка, гдѣ зазритъ, такъ и побиваетъ. Такова змѣя василиска, стрѣлами своими, вельми люта, человѣка умерщвляетъ. Такъ и *прокудливая* [2]) жена нравомъ злѣе змѣи василиски бываетъ, потому что прехитро себя украшаетъ: высокія сандаліи обуваетъ, вѣжды свои ощиплетъ, дугами учинитъ, лице и выю вапами (красками) увапитъ и румяностію украситъ; въ очи черности пуститъ; въ одѣяніе червленное (багряное) облачится; перстни на руки возлагаетъ; верхъ главы своея златомъ и драгимъ каменіемъ украшаетъ и на лукавыя дѣла тщится. Когда грядетъ путемъ — ступаетъ тихо, легко, главу кротко обращаетъ и очами не вскорѣ взираетъ и всѣ составы свои къ прелести человѣче-

---

[1]) Здѣсь сказаніе о ехиднѣ отчасти не согласуется съ древними сказаніями и нѣсколько спутано, можетъ-быть для того, чтобъ подобіе болѣе соотвѣтствовало слѣдующей за тѣмъ характеристикѣ. „Ехидна есть змѣя, по поясъ имать человѣчь образъ, аки дѣвица, а отъ пояса крокодиловъ образъ имать.“ Это сирена. Въ отношеніи дѣторожденія, о ней существуетъ чудовищный разказъ, по которому естественнымъ становится, что дѣти, когда приспѣвало имъ время родиться, прогрызали чрево матери и только такимъ образомъ могли выйдти на свѣтъ.

[2]) *Прокуда* (области.) проказникъ, шалунъ, хитрый, лукавый человѣкъ, притворщикъ, обманщикъ.

ской ухищряетъ и многія души огнепальными стрѣлами устрѣляетъ, яко ядомъ змiиннымъ. Видѣніемъ своимъ юныхъ убиваетъ; какъ разслабленные они бываютъ.

«Сынъ мой, слыши про *аспида*. Вельми золъ естествомъ своимъ, а роду змѣина семьдесятъ два, а сей аспидъ первый отъ нихъ злобою, и въ которую страну вселится, сотворитъ ее пусту. А нравомъ таковъ: не можетъ слышать звука трубнаго, но разбиваетъ себя о камень и скончевается [1]). Такъ и злая жена не можетъ слышать добраго ученія, уши свои заткнетъ непокореніемъ и жемчугомъ драгимъ завѣситъ, какъ аспидъ хоботомъ. Въ который домъ такая жена вселится — сотворитъ его пустъ; ибо мало бываетъ злобы, противъ женской злобы, ибо женская злоба всѣмъ злобамъ корень».

Но всѣ эти портреты, какъ ни были рѣзки ихъ очерки, какъ ни были ярки ихъ краски, не могли еще совершенно убѣдить юношу въ зломъ естествѣ женщины. Многія черты, несмотря на все стараніе выставить ихъ въ дурномъ свѣтѣ, явили, наоборотъ, много мягкаго, прелестнаго, и влекли неопытную мысль даже въ противоположную сторону. По крайней мѣрѣ юношѣ трудно было согласиться съ такимъ старческимъ ученіемъ о женщинѣ. Нужно было воспитать себя особеннымъ образомъ, въ особенной сферѣ понятій, какова напримѣръ была старая наша

---

[1]) Есть два сказанія объ аспидѣ. По одному, аспидъ змѣя крылата, носъ имѣетъ птичій и два хобота (то-есть хвоста); живетъ въ горахъ каменныхъ, видомъ пестра всякимъ цвѣтомъ; не можетъ слышать трубнаго звука. По другому сказанію, аспидъ лицо имѣетъ дѣвичье и власы дѣвичьи, хоботъ змѣевъ, ноги василисковы, крылья вельми тверды и зѣло остры, железо и камень пересѣкаютъ пополамъ, живетъ также въ горахъ каменныхъ въ приморіи. Ловили его посредствомъ игры на трубахъ. Истомленный трубнымъ звукомъ, аспидъ провалъ себѣ хвостомъ уши, сгибался въ кольцо и отъ напряженія лопался. Кровь разливалась по каменной массѣ и окрашивала ее въ темносиній цвѣтъ. Отсюда-то и происходитъ *камень аспидъ*, подъ которымъ встарину разумѣли также и мраморъ.

книжность, чтобъ въ каждомъ женственномъ поступкѣ, усматривать зло и лукавство. Юноша только еще вступалъ въ жизнь, не искушенъ опытомъ, и обаяніе женской красоты еще въ полной мѣрѣ владычествовало надъ нимъ.

Онъ снова указываетъ отцу на писаніе:—«Лучше женитися нежели разжизатися. Какъ пещь палима огнемъ, такъ и юношество вожделѣнію женскому разжигается. Огнь естественный вѣтромъ поревается, время и мѣсто согрѣшенію полагается. А женская мягкая красота прельщаетъ,—на ню же взираю и веселъ бываю.

—«Ну, если ты не разумѣешь моихъ словъ и всего, что́ я тебѣ сказалъ, такъ слушай, доскажу тебѣ, отвѣчаетъ отецъ. —Помнишь грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ. Увы мнѣ! вся злая мя постигоша тебя ради жено прелестная; ты незрѣлое зерно пожала серпомъ лукавства змѣина, власть на рабство преложила, въ очахъ свѣтъ помрачила:.. отъиди отъ меня; уже не терплю совѣта твоего лукаваго, ниже будетъ о тебѣ помышленіе мое... Слыши, сынъ, сколько отъ злыхъ женъ пострадаша: Ной праведный... Лотъ праведный... Слыши про Іосифа прекраснаго, какъ онъ отъ жены терпѣлъ, въ темницѣ сидѣлъ... Слыши про царя Давида, какъ даже смерть хотѣлъ принять, увидѣвъ Вирсавію, жену Уріину, красну зельми...»

Исторія всегдашняя учительница человѣка и путеуказательница, произвела и здѣсь свое впечатлѣніе. Юноша поколебался, ибо доказательства были слишкомъ очевидны и вполнѣ для него убѣдительны. — «Писаніе говоритъ, замѣтилъ онъ—не щади жезла, уча сына своего, его же любишь; и вотъ твоими словами смыслъ мой укрѣпился, разума наполнился твоимъ ученіемъ, опасное житіе позналъ, укрѣпился и искусенъ сталъ.

—«О нѣтъ, сынъ мой, прерываетъ его отецъ,—не думай этого, какъ ты говоришь, потому что дивна вещь сія—жена

чая Аммина выстрелъ, а пулька бѣсится и сварится, какъ болѣнь какая силу и силу свербитъ, а нигѣ болитъ. Не прелозвонися, сынъ мой, не говори въ умѣ своемъ: я разумѣю. Не уповай на мудрость свою, на мужество и на храбрость свою, чтобъ жить съ этимъ неукротимымъ звѣремъ: его свирѣпости и безстудства не можешь укротить. Кто Соломона мудрѣе былъ? а жена лукавая мудрость его пресуши, какъ траву мимо текущую: обратила его на пагубу, пророче, скиптра лишила. Слыши, сынъ мой, про Самсона сильнаго: жена не убоялась его силы, усыпила на колѣнахъ своихъ и остригла волосы, въ которыхъ была сила его, и сотворила съ него нарушеніе иноплеменникамъ. Слыши про царя Александра Македонскаго, какъ былъ храбръ: отъ Палестинскія страны и отъ Востока всѣ царства міра покорилъ, а отъ жены былъ отравленъ зеленемъ»... Затѣмъ слѣдуютъ другіе примѣры, — особенно ярко выступаетъ Иродіада, по внушенію которой усѣчена была глава Іоанна Предтечи.

— «Такова есть лютость женская, злой жены. Сколько отъ нея сильныхъ, храбрыхъ и святыхъ мужей пострадало! Чего дьяволъ самъ не можетъ сотворить святымъ, то женою творитъ. Она есть оружіе вражіе, мечъ сатанинъ и обольгательница святымъ... Нѣкій человѣкъ, добронравенъ, жилъ съ своею женою и имѣлъ семь сыновъ, а всѣ въ совершенномъ уже возрастѣ были. Однажды, по многому ея злонравію, онъ научилъ ее, наказалъ жезломъ. Она и убѣжала въ нѣкоторую пещеру къ затворнику, старцу честну, и плакася при дверемъ, толкуще, глаголя: пришла къ твоей святыни, чтобъ уйти отъ смерти напрасной. Онъ принялъ ее въ пещеру. Зѣлоръ обольстила его окаянная .. Всякой разъ, какъ мужъ звалъ ее, она прибѣгала въ пещеру и говорила: уморю мужа и свободна буду. Старецъ сказалъ: умори. И уморила мужа

ь, по одному, —всѣхъ уморила, а седьмой

ушелъ во градъ и все разсказалъ народу, и вышли люди къ пещерѣ и сожгли огнемъ и старца и жену. Объ этой повѣсти не могу и говорить, очи мои слѣпятъ; кто не прослезится о погибели старца: здѣсь огнемъ скончался и въ будущемъ вѣкѣ мукамъ предастся... Очи мои слезы испустиша, душа моя сжалися и сердце мое всколебася! Сколько лѣтъ старецъ подвизался, со многими бѣсы браняся, а съ женою злою въ малое время прельстился и погибъ. Надъ этою повѣстью каждый человѣкъ призадумается. О злая жена!...

— Отецъ! говоритъ сынъ, ты утомился, отяготился тяготою, объясняя такъ подробно дѣйствія женской злобы: Скажи мнѣ слово вкратцѣ: что̀ лихая жена и что̀ злоба ея? Скажи мнѣ, да напишу твои слова на сердцѣ моемъ.

—«Жена злая, говоритъ отецъ, душевная тщета, домовная буря, многимъ потопъ, неудержимая стрѣла, запазушная змія, сердцу копіе, умнымъ соблажненіе и очамъ поползеніе и тайнамъ обличеніе, покоище змѣино, смертоносная бѣда, всегдашній плачъ, неоставляющая трясавица (лихорадка) и неутолимая огневица (горячка). Какъ невозможно мертвеца удержать въ живущей храминѣ, такъ невозможетъ удержать злая жена злыхъ словесъ. Подобно перечесу сюду свербитъ, а индѣ болитъ. Добрая жена какъ очи въ тѣлѣ, а злая жена какъ струпъ въ лядвіяхъ. Лучше на необузданномъ конѣ ѣздить, чѣмъ жить съ лихою женою. Лучше со львомъ въ пустынѣ жить, чѣмъ съ лихою женою. Лучше желѣзо варить, чѣмъ съ лихою женою жить; лучше трясавицею лежати, чѣмъ съ лихою женою жить: трясавица держа да отпуститъ, а злая жена никогда злобы своей не покинетъ. Лесть возстающая, самохотная печаль, ратница злая, грѣхоучительница, темнымъ вождь, дьяволя вѣсть, гостинница несонная, совокупленница бѣсовская, несытая похоть. Какъ ровъ глубокій не наполнится водою, какъ огнь не угасается дровами, такъ и злая жена

никогда не насытитъ хотѣніе свое, и злоба ея не умаляется, имѣетъ сокровище нечистое, источникъ безпрестанно кипящій злыя злобы. А въ которомъ дому у мужа будетъ злая жена, не почто тому ходить на погребеніе мертвыхъ плакать; дома у него всегдашній плачъ! Охъ, охъ, охъ! увы, увы, увы! горе, горе, горе, тому мужу!»

И говоритъ сынъ отцу:—«Отче мой! уже слухи моя наполнишася твоего наказанія, уже душа моя ужасеся и разумъ мой умилися и сердцѣ мое восколебася, стоя предъ твоими очами.

—«Сыне мой! я ничего не выдумалъ, не отъ себя дѣлаю эти укоризны. Женское естество вельми зло. Все, что я говорилъ, все это я видѣлъ и нашелъ въ писаніи. Сыне мой, послушай меня»!...

Дѣйствительно въ писаніи, то-есть въ письменныхъ памятникахъ того времени, вопросъ о злой женѣ, о женской злохитрости, о женской перепадчивости, какъ мы уже замѣтили, былъ однимъ изъ обыкновенныхъ, ходячихъ вопросовъ. И если въ современной литературѣ, съ пробужденіемъ понятій объ истинномъ значеніи женщины, о ея самостоятельныхъ правахъ, являются нерѣдко произведенія, изображающія ее жертвою дикой воли или жертвою нелѣпыхъ житейскихъ отношеній, то встарину наоборотъ жертвою выставлялся мущина, — жертвою женской злобы, хитрости и перепадчивости. Въ книгахъ того времени существуетъ множество анекдотическихъ разсказовъ, гдѣ, по дѣйствіямъ, женщина вообще мало отличается отъ демона. «Ни демонъ разумѣетъ, что̀ женскій полъ умѣетъ», замѣчаетъ одинъ такой разказъ о томъ, «какъ баба дьявола обманула».

Однажды царь Соломонъ захотѣлъ испытать мужескій разумъ и женскій. Призвалъ онъ любимаго своего боярина Дикира и сказалъ: милъ ты мнѣ и возлюблю тебя паче всѣхъ, если со-

творишь волю мою и убьешь свою жену; отдамъ за тебя дочь свою, лучшую изъ всѣхъ. Много дней повторялъ это царь, но Дикиръ не соглашался. Царь даетъ ему свой острый мечъ и говоритъ: когда уснетъ твоя жена, отсѣки ей голову. Пришелъ Дикиръ съ мечомъ въ домъ свой, увидѣлъ жену, спящую на постели съ двумя малыми дѣтьми, содрогнулся и не могъ исполнить царской воли, рече въ сердцѣ своемъ: «како усѣкну симъ мечомъ подружіе свое и разшевелю чада своя?» Позвалъ его царь и спросилъ: сотворилъ ли повелѣніе мое? Дикиръ смущенно отвѣчалъ: не могу сотворить. Тогда царь призвалъ жену иного боярина и сказалъ ей: вельми любима ты мнѣ изъ всѣхъ женъ и больше тебя возлюблю, если сдѣлаешь, что̀ велю; поставлю тебя царицею. Заколи своего мужа, отсѣки ему голову, когда будетъ спать, вотъ этимъ мечомъ. Жена отвѣчала: рада, царь, исполнить твое повелѣніе. Но Соломонъ, съ мудростію своею разумѣя, что жена дѣйствительно готова убить своего мужа, далъ мечъ *прудянъ*, то-есть тупъ. Пришедъ въ домъ свой и увидѣвъ мужа спящаго, жена тотчасъ исполнила повелѣніе, потре мечомъ по горлу его, думая, что остръ мечъ тотъ, и что легко заколетъ мужа. Мужъ пробудился и въ испугѣ подумалъ, что пришли разбойники. Когда же увидѣлъ жену съ мечомъ, вопросилъ ее: почто подружіе мое надо мною умышляешь, хотя меня убити. Отвѣчала жена: языкъ человѣческій обольстилъ меня... Мужъ хотѣлъ созвать людей, но скоро понялъ, что жену научилъ царь Соломонъ, желая испытать, что мужъ не захочетъ убить свою жену, а жена всегда готова убить своего мужа. И написалъ (царь Соломонъ) сію повѣсть въ соборникъ и рече во всемъ писаніи своемъ: «Мужа обрѣтохъ въ тысящи, а жену во тмѣ не обрѣтохъ добрую».

Такія хитро составленныя повѣсти очень были назидательны и для книжныхъ и для простыхъ людей, подготовленныхъ

безчисленными изреченіями на ту же тему. Нужно впрочемъ замѣтить, что большая часть подобныхъ разсказовъ, и особенно свѣтскаго содержанія, появилась у насъ въ переводахъ съ польскаго, во второй половинѣ XVII столѣтія. Можно пожалуй замѣтить, что такимъ образомъ, то-есть посредствомъ переводовъ изъ чуждой намъ литературы, внесено къ намъ много такого, что̀ не отвѣчало ни нашей мысли, ни нашимъ вкусамъ, что̀ было совершенно чуждо нашей дѣйствительности... Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Переводы являлись въ то время безъ всякой мысли о спекуляціи (тогда еще ни книжная торговля, ни типографское дѣло не были достаточно распространены для этого), но съ единственною мыслію принести поученіе и назидательное увеселеніе читающей, еще незначительной массѣ. Каждый изъ переводившихъ былъ только органомъ настоятельной потребности общества увеличить кругъ своихъ свѣдѣній, уяснить себѣ то, что̀ смутно еще бродило въ общественной мысли. Поэтому переводы послужили самымъ удовлетворительнымъ отвѣтомъ общей потребности *сознанія*, едва зарождавшагося въ то время. Они дѣйствительно и принесли болѣе или менѣе значительную ясность, опредѣленность, отчетливость, тѣмъ понятіямъ, которыя во многихъ случаяхъ представляли еще хаотическое состояніе. Такъ и понятія о женщинѣ къ концу XVII столѣтія, посредствомъ переводныхъ статей, выработались въ отчетливыя, и потому, можетъ-быть, слишкомъ рѣзкія положенія, къ какимъ принадлежитъ и изложенный нами памятникъ. Лучшимъ доказательствомъ, что эти переводныя статьи приходились какъ разъ въ мѣрку понятій и потребностей тогдашней жизни, можетъ служить то, что они быстро распространялись въ спискахъ и выпискахъ, наполнявшихъ разнообразные сборники, что многіе разсказы, взятые оттуда, ходятъ въ народѣ даже въ настоящее время. Извѣстенъ напримѣръ анек-

дотъ о женѣ, упорно спорившей съ мужемъ изъ одного только слова и стоявшей на своемъ даже и въ то время, когда разсерженный мужъ, по одному разсказу, употреблялъ въ доказательство смертные побои, а по другому—утопилъ ее въ рѣкѣ. Этотъ анекдотъ встрѣтился намъ въ ряду нравоучительныхъ и назидательныхъ повѣстей, извлеченныхъ изъ римскихъ духовныхъ писателей и переведенныхъ въ XVII столѣтіи съ польскаго, подъ именемъ Великаго Зерцала — книги огромной, заключающей, въ полномъ своемъ составѣ, болѣе восьми сотъ разсказовъ. Анекдотъ сей, или *прилогъ* (примѣръ), носитъ, разумѣется, соотвѣтственное характеру книги и тогдашнимъ общимъ понятіямъ о женщинѣ, приличное заглавіе, именно: «Жестокосердіе или непокорство: нѣсть гнѣва паче гнѣва женскаго, ни жестокосердія и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго». Мы передадимъ его вполнѣ и безъ измѣненій. « Мужъ съ женою единою иде чрезъ ниву, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена. Жена же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющуся мужу много. Егда же мужъ глаголаше яко покошена, а жена глагола пострижена. Мужъ же на гнѣвъ подвигшися, вверже ю въ воду. Егда же въ водѣ вяще не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе ножницъ, являющи, яко бысть пострижена и сопротивляющися даже до смерти».

Когда общественная мысль вырабатываетъ свои понятія въ опредѣленныя, ясныя и потому несомнѣнныя положенія, когда смутныя представленія, бродившія въ умахъ, хотя бы напримѣръ о женской злобѣ, являются въ законченныхъ образахъ, когда народный бытъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ новую рѣзкую черту, и если эта черта есть явное уклоненіе отъ истины,—въ это только время человѣкъ и убѣждается во лжи, въ нелѣпости своего предыдущаго развитія, и съ это-

го только времени и представляется возможность другаго взгляда на жизнь, другаго пути для мысли. Къ концу XVII столѣтія, въ нашей жизни многое ярко обрисовалось, многое получило послѣднія, окончательныя черты, и поворотъ жизни и мысли былъ неизбѣженъ; онъ и предчувствовался лучшими людьми эпохи, которые время отъ времени дѣлали попытки выйдти на свѣжій путь... Счастливы мы, что реформа, происшедшая въ русской жизни, не только дала необыкновенную силу и крѣпость народному организму, но и послужила вмѣстѣ съ тѣмъ очищеніемъ отъ многихъ грѣховъ, нажитыхъ невѣжествомъ и самодовольною спѣсью умственной исключительности.

ИЗЪ КНИГИ „ЗЛАТОУСТЪ“.

ъ числѣ книгъ духовно-назидательнаго чтенія, особенно
мыхъ нашими предками, весьма важное мѣсто занимали
ники поученій и духовныхъ Словъ, называвшіеся Злато-
ими, Златоструями, Измарагдами, Торжественниками, и
ч. Сборники эти составлялись бо́льшею частію изъ пере-
ныхъ сочиненій Отцовъ Восточной Церкви и особенно изъ
ченій и бесѣдъ Іоанна Златоуста, отчего и получали пре-
щественное названіе Златоустовъ. Составъ и объемъ по-
ныхъ сборниковъ весьма различенъ; нѣкоторые составля-
ь *выборомъ* изъ немногихъ только избранныхъ *словъ*,
ему либо важныхъ для составителя, который *выбиралъ*
выписывалъ ихъ изъ другихъ полнѣйшихъ сборниковъ. Въ
гихъ находимъ собраніе Словъ и поученій, расположенныхъ
днямъ Великаго поста (Златоустъ постный), а въ иныхъ
днямъ цѣлаго года, въ теченіи котораго они прочитыва-
ь. Порядокъ и число статей, хотя и заключали въ себѣ
го сходнаго, но были произвольны; каждая редакція имѣла
и особенности и въ выборѣ Словъ и въ ихъ расположеніи.

Въ отношеніи къ исторіи древней отечественной словес-
ти эти сборники въ высшей степени важны и любопытны;
едвали не единственные литературные памятники нашей
вности, принимая литературу, разумѣется, въ настоящемъ
смыслѣ, какъ выраженіе народной жизни въ извѣстную
ху. По крайней мѣрѣ многія явленія нашей древности нигдѣ
выступаютъ съ такою опредѣленностью, такъ ясно, какъ
памятникахъ этого разряда. Несмотря на то, что въ со-

го только времени и представляется воз[illegible] большею частію взгляда на жизнь, другаго пути для мысли [illegible]ческой Церкви, мы лѣтія, въ нашей жизни многое ярко об[illegible] Русскихъ преполучило послѣднія, окончательныя че[illegible] чисто Русской семысли былъ неизбѣженъ; онъ и [illegible]. Труды нашихъ полюдьми эпохи, которые время о[illegible] и Горскаго, открывшихъ выйдти на свѣжій путь... Сч[illegible] отношеніи, уже достаточно исшедшая въ русской жизн[illegible]триваемыхъ сборниковъ для ную силу и крѣпость нар[illegible]

вмѣстѣ съ тѣмъ очищен[illegible]мнѣнію, не менѣе значительны невѣжествомъ и само[illegible] Слова и поученія, изъ которыхъ тельности. [illegible]сь сборники. Они важны по вліи[illegible]народное убѣжденіе и вообще на ре[illegible]разованіе нашихъ предковъ, почер[illegible]ника правила благочестивой жизни [illegible].

[illegible]стоятельнаго изученія этихъ сборниковъ [illegible] отъ знатоковъ дѣла, мы ограничи[illegible]мъ случаѣ просмотромъ одного толь[illegible] одной только половины этого сборника. Ру[illegible] въ Архивѣ Оружейной Палаты (N 3); она пи[illegible] бумагѣ полууставомъ XVII вѣка. Впе[illegible]: «*Главы настоящія сія книги, глаголе[illegible], другія половины, съ четверга на[illegible]ныхъ, первыя недѣли*». Начинается с[illegible]ается 357 главою, такъ что на каждый день [illegible] главѣ, изъ которыхъ иныя вмѣщаютъ въ себѣ [illegible] Словъ. Вообще рукопись составляетъ второй [illegible] полнаго Златоуста, потому что самая перемѣта [illegible] содержащихъ въ себѣ каждая по 8 полулистовъ, на[illegible] также съ 28 тетради. Внизу первыхъ трехъ листовъ [illegible] находится любопытная отмѣтка крупною скороп-

...ія: *Государыни Царицы хоромная.*
...ля съ 29, внизу, отмѣчено полу-
емая Златоустъ, другая по-
Внифантіева келейная.

сама по себѣ любопытна какъ
звѣстно только которой изъ

...ратить вниманіе на то любо-
..., что въ нѣкоторыхъ Словахъ разсма-
...оуста встрѣчаются параллельныя мѣста, по-
...во въ слово, съ извѣстнымъ Домостроемъ. Вообще
...ужно замѣтить, что первыя главы Домостроя, въ которыхъ
заключается поученіе и наказаніе отца духовнаго, написаны
подъ сильнымъ вліяніемъ духовныхъ словъ и поученій, кото-
рыя Домострой или сокращаетъ или выписываетъ только нѣко-
торыя выраженія почти всегда слово въ слово, безъ всякой
перемѣны, размѣщая выписки по приличнымъ мѣстамъ въ духѣ
своей собственной редакціи. Такъ въ первыя четыре главы
и отчасти въ седьмую вошло, между прочимъ, нѣсколько апо-
фегмъ, почти слово въ слово изъ «Измарагда» или «Стослов-
ца» Цареградскаго патріарха Геннадія—статьи, довольно ча-
сто встрѣчающейся въ рукописяхъ и даже напечатанной при
букварѣ 1679 года.

Другія главы Домостроя выбраны изъ разныхъ Словъ Злато-
уста. Въ главахъ XI, XII и XIII видно заимствованіе изъ
слова св. муч. Панкратія, въ субботу 9-ю послѣ Всѣхъ Свя-
тыхъ, гл. 189, и изъ Слова Святыхъ Отецъ о лжи, въ суб-
боту 3-ю, гл. 147.

Глава XX Домостроя «*Похвала женамъ*» почти вся
составлена изъ Слова Іоанна Златоуста «о женахъ добрыхъ»,
гл. 157. Сюда вошли цѣлыя фразы безъ измѣненій и только
съ особою перестановкою противъ Слова.

ставъ сборниковъ, какъ мы сказали, входили большею частію переводныя *слова* и поученія Отцовъ Греческой Церкви, мы нерѣдко встрѣчаемъ въ нихъ произведенія Русскихъ проповѣдниковъ, съ несомнѣнными признаками чисто Русской современности и Русскаго народнаго быта. Труды нашихъ почтенныхъ ученыхъ Калайдовича и Горскаго, открывшихъ столько замѣчательнаго въ этомъ отношеніи, уже достаточно показали высокое значеніе разсматриваемыхъ сборниковъ для науки.

Но кромѣ того, по нашему мнѣнію, не менѣе значительны и важны и самыя переводныя Слова и поученія, изъ которыхъ по преимуществу составлялись сборники. Они важны по вліянію, какое оказывали на народное убѣжденіе и вообще на религіозно-нравственное образованіе нашихъ предковъ, почерпавшихъ изъ этого источника правила благочестивой жизни во всѣхъ подробностяхъ.

Не имѣя въ виду обстоятельнаго изученія этихъ сборниковъ, котораго должно ожидать отъ знатоковъ дѣла, мы ограничиваемся въ настоящемъ случаѣ просмотромъ одного только Златоуста и притомъ одной только половины этого сборника. Рукопись хранится въ Архивѣ Оружейной Палаты (N 3); она писана на лощеной бумагѣ полууставомъ XVII вѣка. Впереди оглавленіе: «*Главы настоящія сія книги, глаголемыя Златоустъ, другія половины, съ четверга послѣ Всѣхъ Святыхъ, первыя недѣли*». Начинается со 131 и оканчивается 357 главою, такъ что на каждый день приходится по главѣ, изъ которыхъ иныя вмѣщаютъ въ себѣ по нѣскольку Словъ. Вообще рукопись составляетъ второй переплетъ полнаго Златоуста, потому что самая перемѣта тетрадей, содержащихъ въ себѣ каждая по 8 полулистовъ, начинается также съ 28 тетради. Внизу первыхъ трехъ листовъ оглавленія находится любопытная отмѣтка крупною скоропи-

сью конца XVII столѣтія: *Государыни Царицы хоромная*. Далѣе по тетрадямъ, начиная съ 29, внизу, отмѣчено полууставомъ: *Книга, глаголемая Златоустъ, другая половина, попа Стефана Вниѳантіева келейная*.

Такимъ образомъ рукопись сама по себѣ любопытна какъ памятникъ Царскаго быта; неизвѣстно только которой изъ Царицъ она принадлежала.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на то любопытное обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ Словахъ разсматриваемаго Златоуста встрѣчаются параллельныя мѣста, почти слово въ слово, съ извѣстнымъ Домостроемъ. Вообще нужно замѣтить, что первыя главы Домостроя, въ которыхъ заключается поученіе и наказаніе отца духовнаго, написаны подъ сильнымъ вліяніемъ духовныхъ словъ и поученій, которыя Домострой или сокращаетъ или выписываетъ только нѣкоторыя выраженія почти всегда слово въ слово, безъ всякой перемѣны, размѣщая выписки по приличнымъ мѣстамъ въ духѣ своей собственной редакціи. Такъ въ первыя четыре главы и отчасти въ седьмую вошло, между прочимъ, нѣсколько апофегмъ, почти слово въ слово изъ «Измарагда» или «Стословца» Цареградскаго патріарха Геннадія—статьи, довольно часто встрѣчающейся въ рукописяхъ и даже напечатанной при букварѣ 1679 года.

Другія главы Домостроя выбраны изъ разныхъ Словъ Златоуста. Въ главахъ XI, XII и XIII видно заимствованіе изъ слова св. муч. Панкратія, въ субботу 9-ю послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 189, и изъ Слова Святыхъ Отецъ о лжи, въ субботу 3-ю, гл. 147.

Глава XX Домостроя «*Похвала женамъ*» почти вся составлена изъ Слова Іоанна Златоуста «о женахъ добрыхъ», гл. 157. Сюда вошли цѣлыя фразы безъ измѣненій и только съ особою перестановкою противъ Слова.

Но лучше всего на подобныя заимствованія указы
глава XVII: «Како дѣти учити и страхомъ спасати». Бо
часть ея есть ничто иное, какъ сплошная выписка съ
чительными варіантами изъ «Слова отъ притчей къ р
лямъ и къ чадомъ» въ пятокъ 5 недѣли послѣ Всѣхъ Сва
гл. 160.

Домострой, глава XVII:

«Кайи сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца; аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ: ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ; да не свою волю пріимиши, и въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое и сотворитъ тя знаемымъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ тя предъ множествомъ народа; аще бо отдаси дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши, и посреди собора похвалишися: при концы не пусте-

Слово отъ притчей
дителемъ и къ чадомъ.

....«Наказуяй сына
отъ юности его, и онъ
коитъ на старость твою и
красоту души твоей. Не
ляй бія младенца; аще
зломъ біеши его не у
но паче здравъ будетъ;
бія его по тѣлу, душ
избавляеши отъ смерти.
ли имаши дщери, пол
нихъ грозу свою и собл
я отъ тѣлесныхъ грѣх
не посрамится лице твое
ли отдашь дщерь свою з
безъ порока, то аки
дѣло совершилъ буде
посредѣ собора похвал
о ней, и при кончинѣ
стонеши на ню. Аще л
сына своего, учащай е
ны, да возвеселишися
о немъ. Накажи его
юнъ, и егда взмужает

нем на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъмлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися и зависть пріимутъ враги твоя. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велици поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины твориши души твоей. И недажъ ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а ожесточавъ не повинетъ ти ся, и будетъ ти досаженіе, и болезнь души, и тщета домови, погибель имѣнію и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властію платежъ и досада зла».

радуешися о немъ, и посредѣ знаемыхъ похвалишися, и зависть пріиметъ врагъ твой. Воспитай дѣтищи твои съ прещеніемъ и обрящеши покой о немъ и славу и благословеніе отъ Бога. Не смѣйся и не играй со младенцомъ своимъ, вмалѣ бо осклабишися, а во многѣ поскорбиши и поболиши о немъ и послѣди яко оскомину зубомъ, тако печаль сотвориши души своей. Не давай воли дѣтищу во юности его, но сокруши ему ребра донележе растетъ. Еда како ожесточавъ неповинитъ ти ся, и будетъ ти отъ него досада люта, и болѣзнь души, и скорбь немала, и нищета дому, и погибель имѣнію, и укоръ отъ сосѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, а предъ властьми платежъ и зла досада...»

Въ другомъ сборникѣ XVI вѣка, который принадлежитъ нашей библіотекѣ и также можетъ назваться Златоустомъ, мы находимъ *Слово, како подобаетъ родителема казнити чада своя,* которое есть ничто иное, какъ помѣщенная здѣсь статья Домостроя.

Впрочемъ и приведенное нами Слово «отъ притчей», такъ сходное съ Домостроемъ, если оно и Русское сочиненіе, то

въ свою очередь, безъ сомнѣнія, также составлено выборкою изъ словъ переводныхъ, что̀ у нашихъ древнихъ проповѣдниковъ было въ большомъ ходу и даже въ особенномъ уваженіи. Въ большой части ихъ поученій нельзя не замѣтить заимствованія, *выбора* изъ переводныхъ твореній Отцовъ Церкви. Такъ и въ настоящемъ случаѣ въ упомянутомъ Словѣ находимъ одно мѣсто, сходное съ Словомъ Іоанна Златоуста о женахъ, въ среду 5 нед., гл. 158, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Аще кто у васъ имать дщерь, положи на ней грозу свою, да ходитъ въ послушаніи, да не свою волю пріими въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое и сотворитъ тя въ посмѣхъ знаемымъ твоимъ и при множествѣ народа порода посрамится. Аще бо отдаси безъ порока дщерь свою, то велику добродѣтель сотворилъ еси и отъ всѣхъ похваленъ будеши....»

Нельзя не остановится на этомъ глубоко-знаменательномъ мѣстѣ Домостроя... Мы думаемъ, что въ немъ яснѣе всего высказывается то вліяніе на нашу древнюю жизнь, которое, безъ сомнѣнія, вызвало одно изъ любопытнѣйшихъ ея явленій, объясняемое до сихъ поръ или Монгольскимъ игомъ или недостаткомъ общественной безопасности въ періодъ княжескихъ междоусобій и народныхъ смутъ. Мы говоримъ о строгомъ обычаѣ, который отдѣлилъ женщинъ отъ общества мужчинъ, назначивъ имъ уединенную жизнь въ теремахъ и вообще въ особой женской *половинѣ* древнихъ боярскихъ хоромъ. Можетъ быть, на первый разъ слова наши покажутся парадоксальною натяжкою; но мы убѣждены, что вникнувъ внимательно въ основныя черты нашего стараго быта и въ то вліяніе, которое оказывали на него проповѣди и поученія Отцовъ Восточной Церкви и преимущественно Іоанна Златоуста—нельзя будетъ не согласиться, что въ этомъ, а не въ другомъ какомъ источникѣ мы должны искать древняго нашего взгляда на женщину и вообще на всѣ семейныя домашнія отношенія.

Мы уже замѣтили, что въ разсматриваемомъ Златоустѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ сборникахъ, въ числѣ переводныхъ поученій и Словъ, встрѣчаются нерѣдко поученія оригинальныя, т. е. принадлежащія Русскимъ проповѣдникамъ, большею частію безъ именъ, съ однимъ только заглавіемъ: *Слово св. отецъ*, или просто *Слово* о томъ-то. Мы не будемъ здѣсь упоминать о статьяхъ, принадлежащихъ извѣстнымъ уже проповѣдникамъ древней Руси; замѣтимъ только, что въ сборникѣ находится Слово Кирилла Туровскаго, отнесенное впрочемъ къ Іоанну Злотоусту, гл. 134 *). Судя по значительнымъ варіантамъ, которые указываютъ болѣе на другой переводъ, нежели на разнорѣчащій списокъ, это слово едвали можетъ быть приписано Кириллу Туровскому. Въ самомъ спискѣ, по которому издалъ его Калайдовичъ, оно также отнесено къ Іоанну Златоусту; въ сборникахъ же оно весьма часто попадается съ заглавіемъ: *како крестіаномъ жити*. Сравн. напр. рукоп. Царскаго подъ N 179, л. 287. Вообще этотъ предметъ требуетъ еще тщательной повѣрки.

Въ числѣ безъимянныхъ Русскихъ поученій, находящихся въ разсматриваемомъ сборникѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ *Слово о правдѣ*, въ среду 18 недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 249. Начало его: «Премудрый Соломонъ глаголетъ: слышите Царіе и разумѣйте».... Далѣе говорится: «аще же убо вѣрный Царь въ нынѣшнее время испытуваемъ, то во всѣхъ языцѣхъ, кромѣ Россійскаго языка, невѣмы правовѣрующа Царя. И аще вѣрою правъ есть, достоитъ ему неленостно снискати, разсмотряя же ко благополученію всѣмъ сущимъ подъ нимъ. Не единеми вельможами, ежъ о исправленіи пещися, но и до послѣднихъ. Вельможи бо суть потребни, но ни отъ коихъ своихъ трудовъ не издоволятся; въ началѣ

*) Памятн. Слов. XII в. N. VI.

въ свою очередь, безъ сомнѣнія, также составле
изъ словъ переводныхъ, что у нашихъ древнер
ковъ было въ большомъ ходу и даже въ особен
Въ большой части ихъ поученій нельзя не
ствованія, *выбора* изъ переводныхъ творе
Такъ и въ настоящемъ случаѣ въ упомину
одно мѣсто, сходное съ Словомъ Іоанн
въ среду 5 нед., гл. 158, въ котор
таемъ: «Аще кто у васъ имать ли
свою, да ходитъ въ послушаніи,
неразумія прекудитъ дѣвство
знаемымъ твоимъ и при множе
Аще бо отдаси безъ порока л
сотворилъ еси и отъ всѣх
Нельзя не остановится
стѣ Домостроя... Мы ду
зывается то вліяніе н
мнѣнія, вызвало од
ясняемое до сихъ
комъ обществе
доусобій и на
чаѣ, котор
назначивъ
особой ж
жетъ бы
сально
тельн
яніе
Вос
за
к
н

...ого медлятъ
...ога царства проте
...ьская же правленія
...ра по росписанію до
...продающе и скупующ
...въ яремъ сей между всѣ
...прибытка стяжатели сут
...никіихъ улишеній да не
...безъ всякихъ возданій, купующе
...правленія ямьская отъ гра
...симъ достоитъ. Симъ же
...умаленія,
...неправедныя отлучатся».
...Отецъ, како жити христіяно
...мѣсто, относящееся къ древни
...Предлагая правила благочестиво
...человѣческія немощи и пор
...между прочимъ: «Сему же и ина подобна
...и паузы чарованіи, бѣсомъ тр
...трясцю *) творятъ отгоня

*) По другимъ спискамъ *трясавицю*.

...ѣ и кладутъ на престолѣ въ годъ
...о дѣля многи казни отъ Бога
... бо Богъ лечится ча-
...ласъ, ни въ чехъ
... кто отъ христіянъ
...гся».

... св. отца Моисея, «о ро-
...е мѣсто читается слѣдующимъ
...на подобно тому: жертву приносять
...арами и наузы, немощнаго бѣса, гла-
...ятьс(я) прогоняюще нѣкими ложными
...ыхъ бѣсовъ еленьскихъ пиша имяна на яб-
...ают на святѣй трапезѣ въ годъ люторгѣи и
...нутьс(я) со страхомъ ангельская воиньства....»

...обопытно также Слово «о корчмахъ и о пьянствѣ», въ чет-
...ергъ 18 недѣли, гл. 250, направленное противъ невоздер-
...нія въ винѣ, и вообще противъ «пьянственной напасти». Оно касается и нѣкоторыхъ земскихъ обычаевъ, говоря: «аще бо въ земныхъ обычаехъ снидутся къ питію пьянственному мужи и жены, тутъ же пріидутъ и нѣціи кощунницы, имуще гусли и скрипѣли и сопѣли и бубны и иныя бѣсовскія игры, и предъ мужатицами играюще, бѣсяся и скача и скверныя пѣсни пригѣвая. Сія же зряще жены и уже сѣдятъ отъ піяньства аки обуморены. Крѣпость бо трезвеная изсяче и будетъ ей желѣніе сатаниньскому игранію. Мужу же ея такоже ослабшу и бываетъ сѣмо и овамо очима согляданіе и помизаніе. И пійцо мужъ чужей женѣ питіе даетъ съ лобзаніемъ и ту будетъ и рукамъ пріятіе и злотайнымъ речемъ сплѣтеніе и связь діявола. Жена бо прежде единаго искуса срамъ имать, а егда вкусится, уже срама не имать, и въ томъ обыкши блудница бываетъ, первіе бо всяко блудницѣ навѣтъ діяволь бываетъ въ

же всего потребни суть ратаевѣ, отъ ихъ трудовъ есть хлѣбъ, отъ хлѣба же всѣхъ благихъ главизна... Ратаевѣ беспрестани различна работная ига подъемлютъ, овогда бо даютъ сребряныя оброки, а иногда ямская собранія, овогда же ина. Елицы жъ отъ даропитательныхъ человѣкъ сихъ послани бываютъ царскихъ ради собраній, сіи же подлѣ царскаго указа и себѣ много съ нихъ же собираютъ. Еще же сихъ ради посланіи яжденія ради коней, въ ямьская расточенія много сребра расходится. Многа же и ина ратаемъ обида отъ сего, еже царскіе землемѣрителніи писаріе ѣздятъ съ южемъ дѣломъ мѣрномъ, отдѣляюще царевымъ воинномъ землю въ мѣру и всякому землю вразнь полагаютъ, и симъ много медлятъ и многа брашна у ратаевъ изъядаютъ. И многа царства прочтохомъ, а сего обычая невѣдѣхомъ... Ямьская же правленія вся подробну достоитъ устрояти отъ града по росписанію до другаго града. Симъ, елицы во градѣхъ продающе и скупующеи и прикупы богатѣюще, достоитъ имъ яремъ сей между всѣхъ градовъ носити, понеже многа прибытка стяжатели суть. Кромѣ же сего ярму ничесогоже никіихъ улишеній да не сподобятся, но во вся грады безо всякихъ возданій, купующе и продающе, и сего ради нарицаемая правленія ямьская отъ града до града по написанію исправляти симъ достоитъ. Симъ же всякъ мятежъ въ земныхъ умалится, и писаремъ умаленія, зборы престану(тъ) и мзды неправедныя отлучатся».

Въ Словѣ «Св. Отецъ, како жити христіяномъ», гл. 204, любопытно одно мѣсто, относящееся къ древнимъ языческимъ вѣрованіямъ. Предлагая правила благочестивой богоугодной жизни и выставляя человѣческія немощи и пороки, Слово говоритъ между прочимъ: «Сему же и ина подобна вина: немощъ волжбою лечатъ и наузы чарованіи, бѣсомъ требы приносятъ и бѣса, глаголемаго трясцю *) творятъ отгоняющи, и еллин-

*) По другимъ спискамъ *трясавицю*.

ская слова пишутъ на яблоцѣ и кладутъ на престолѣ въ годъ службы. Се есть проклято. Того дѣля многи казни отъ Бога за неправды наша находятъ, не рече бо Богъ лечитися чарованіи и наузы, ни (въ)встрѣчу, ни въ поласъ, ни въ чехъ вѣровати: то есть поганско дѣло. Аще ли кто отъ христіянъ тако сотворитъ, горши поганыхъ осудится».

Въ другомъ сборникѣ, въ Словѣ св. отца Моисея, «о ротахъ и о клятвахъ» это же самое мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: «Емужъ другая вина подобно тому: жертву приносять бѣсомъ, недуги лечатъ чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю, мнятьс(я) прогоняюще нѣкими ложными писмяны, проклятыхъ бѣсовъ еленьскихъ пиша имяна на яблоцѣхъ покладаютъ на святѣй тряпезѣ въ годъ люторгѣи и тогда ужаснутьс(я) со страхомъ ангельская воиньства....»

Любопытно также Слово «о корчмахъ и о пьянствѣ», въ четвергъ 18 недѣли, гл. 250, направленное противъ невоздержанія въ винѣ, и вообще противъ «пьянственной напасти». Оно касается и нѣкоторыхъ земскихъ обычаевъ, говоря: «аще бо въ земныхъ обычаехъ снидутся къ питію пьянственному мужи и жены, тутъ же пріидутъ и нѣціи кощунницы, имуще гусли и скрипѣли и сопѣли и бубны и иныя бѣсовскія игры, и предъ мужатицами играюще, бѣсяся и скача и скверныя пѣсни припѣвая. Сія же зряще жены и уже сѣдятъ отъ піяньства аки обуморены. Крѣпость бо трезвеная изсяче и будетъ ей желѣніе сатаниньскому игранію. Мужу же ея такоже ослабѣвшу и бываетъ сѣмо и овамо очима согляданіе и помизаніе. И кійждо мужъ чужей женѣ питіе даетъ съ лобзаніемъ и ту будетъ и рукамъ пріятіе и злотайнымъ речемъ сплѣтеніе и связь діяволя. Жена бо прежде единаго искуса срамъ имать, а егда искусится, уже срама не имать, и въ томъ обыкши блудница бываетъ, первіе бо всяко блудницѣ навѣтъ діяволь бываетъ въ

бесѣдахъ піяньственыхъ. Такоже и душегубьство во пьяньствѣ: преже бо пріидутъ на миръ (продолженіе см. выше стр. 139).

Замѣтимъ еще Слово о церковномъ строеніи, содержащее наставленіе священникамъ о порядкѣ, какой должно наблюдать въ храмѣ, сохраняя его чистоту и благолѣпіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Слово обличаетъ древній обычай сохранять въ храмахъ имущество частныхъ лицъ: «Не полагайте въ церкви ничтожъ домовнаго, ни питія, ни яденія, ни злата, ни сребреникъ, ни ризъ мірскихъ, развѣ книгъ, и свѣща и кутіи и фиміяна.... того ли ради церковь поставлена, ежъ домовныя потребы полагати. Аще бы не полагали въ церквахъ мирскаго имѣнія, никако бы злодѣе, татіе и разбойницы и ратницы и иновѣрцы не входили во церкви красти. Не церковныхъ бо ради вещей татіе крадутъ, но мирскаго ради богатства, полагаемаго въ церквахъ; съ тѣмижъ и церковныя вещи взимаютъ...»

ЗАМѢТКА О СТАРИННЫХЪ ПОВѢСТЯХЪ.

У насъ много издано и постоянно издается много древнихъ памятниковъ и разнаго рода историческихъ матеріаловъ; итогъ ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ и, несмотря на то, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе открывается, что мы еще далеко не знаемъ всего богатства нашей старой письменности. Ученые наши библіографы, то-есть тѣ люди, которымъ хорошо знакома старая письменность, которые, по-крайней-мѣрѣ, если не прочли, то пересмотрѣли сотни, тысячи рукописей, трудятся какъ-то уединенно, нисколько не слѣдя за общимъ ходомъ историческихъ изъисканій, не внимая вопросамъ, возникающимъ въ наукѣ, и даже считая всѣ новѣйшіе труды по русской исторіи за нѣчто такое, надъ чѣмъ не слѣдуетъ останавливать своихъ наблюденій. Излишній педантизмъ ставитъ ихъ внѣ круга общей дѣятельности и оттого труды ихъ не приносятъ наукѣ той пользы, какой она въ-правѣ требовать. Рукописи они описываютъ, какъ они сами же выражаются, порицая другъ друга, бо̀льшею-частью *по корешкамъ*, то-есть выписываютъ одни только заглавія рукописей и разныхъ мелкихъ статей, заглавія, по которымъ вообще очень трудно составить какое-либо понятіе о содержаніи книги. Поэтому изслѣдователь, при всемъ желаніи отъискать по такому каталогу что либо полезное и нужное для своихъ разъисканій, весьма-рѣдко достигаетъ цѣли: заглавія ничего ему не говорятъ, а самыя рукописи бо̀льшею частью недоступны. Но для кого жь и для чего жь издаются такіе каталоги? Опись переплетовъ важна только для хозяина библіотеки, а не для публи-

бесѣдахъ піяньственыхъ ...дующей ру
преже бо пріидутъ на ... Россійскихъ
Замѣтимъ еще Сл ... Отд. II. № 314
наставленіе священ ... Заглавный листъ
дать въ храмѣ, с ... XVII вѣка, на
съ тѣмъ Слово ... представленіе? Можетъ
махъ имущест ... извѣстнаго, славнаго д
ничтожъ дом ... и вовсе не важная в
бреникъ, н ... любопытная. Отчего жь
фиміяна.. ... Мы могли бы очень много пр
потребы ... но остановимся только на одно
имѣнія ... «Домострой» по «Обстоятельному
иновѣ ... еще съ 1825 года. Но кто же
ради ... Библіографы списали его заглавіе и о
гае ... признаки рукописи: «Книга глаголем
ма ... имѣетъ въ себѣ вещи зѣло полезны, поучені
... всякому православному христіянину мужу и
... и рабомъ и рабынямъ. Полууставная рукопис
... XVII вѣка, на 179 листахъ» — вотъ и все! Соде
... любопытной книги, благодаря «Обстоятельному
... оставалось тайною до 1850 года, когда рукопись с
... попалась въ руки любителей и тотчасъ же была
... какъ единственный и замѣчательнѣйшій памятникъ наш
...рины... Допустимъ даже, что въ 1825 году слово *об*
тельный, въ отношеніи описанія рукописей, имѣло
значеніе, не столь полное и широкое, какъ оно пони
теперь; это и оправдывало бы ученыхъ библіографовъ,
не было извѣстно, что рукописи точно такъ же описы
и въ 1845, и въ 1848, и даже очень недавно.

Единственнымъ образцомъ дѣльной и ученой библіо
остается до-сихъ поръ «Описаніе Рукописей Румянцо
Музея» г. *Востокова*. Зато какъ и благодарна наук

и добросовѣстному труду, изъ котораго из-
не перестаютъ черпать! Конечно, подобное опи-
вить нелегко, по крайней мѣрѣ несравненно труд-
кели прочесть одно только начало рукописи, не загля-
въ ея средину...

Мы коснулись этого предмета съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ указать одну изъ важнѣйшихъ причинъ, почему такъ мало знакома намъ старая наша письменность. Дѣйствительно, еслибъ съ 1825 года рукописи были описываемы въ точномъ смыслѣ обстоятельно, то какое богатство пріобрѣла бы наука въ этихъ описаніяхъ! сколько бы вопросовъ она уяснила, не говоря ужь о томъ, что наши свѣдѣнія о русской старинѣ были бы полнѣе, вѣрнѣе и не существовалъ бы цѣлый рядъ ошибочныхъ, поверхностныхъ толкованій и взглядовъ на нее. Старые ученые, особенно въ «Москвитянинѣ». не разъ упрекали и постоянно упрекаютъ молодыхъ въ незнаніи и непониманіи русской исторіи. Если это справедливо, то кто же виноватъ? Тотъ, кто, имѣя въ рукахъ полныя, богатыя средства, не подготовилъ надлежащимъ (то-есть ученымъ) образомъ той почвы, на которой выростаетъ теперь пустоцвѣтъ...

Въ числѣ памятниковъ нашей древней литературы есть много *повѣстей, исторій, прикладовъ, зѣло трепетныхъ* и *умильныхъ*, бо́льшею частью переводныхъ съ латинскаго и польскаго. Повѣсти эти и «приклады» составляли, такъ сказать, свѣтское чтеніе у нашихъ предковъ, весьма ими любимое, по сказочному, чудесному и нерѣдко до крайности *натуральному* характеру, который преобладалъ въ сочиненіяхъ этого рода. Читались они очень прилежно, чему свидѣтельствомъ могутъ служить самыя рукописи, носящія на себѣ всѣ признаки частаго употребленія. И вообще это была *отрада въ скукѣ*; вкусъ читателя, не слишкомъ развитый, вполнѣ удовлетворялся всѣмъ, что̀ предлагали ему

ки. Что можно, напримѣръ, заключить о слѣдующей рук
изъ «Обстоятельнаго Описанія Славяно-Россійскихъ Р
писей графа Толстаго» (М. 1825): «Отд. Ц. № 314.
тральное представленіе въ стихахъ. Заглавный листъ
ченъ. Скорописная рукопись [illegible] XVII вѣка, на 77
стахъ». Что это за театральное представленіе? Можетъ-
это переводъ какого-нибудь извѣстнаго, славнаго дра
ческаго сочиненія, можетъ-быть и вовсе не важная вещ
во всякомъ случаѣ рукопись любопытная. Отчего жь не
значить ея содержанія?.. Мы могли бы очень много при
подобныхъ примѣровъ, но остановимся только на одномъ
вѣстный теперь «Домострой» по «Обстоятельному О
нію» былъ извѣстенъ еще съ 1825 года. Но кто же
его содержаніе? Библіографы списали его заглавіе и оп
только наружные признаки рукописи: «Книга глаголема
мострой, имѣетъ въ себѣ вещи зѣло полезны, поученіе
«казаніе всякому православному христіянину мужу и же
«чадомъ и рабомъ и рабынямъ. Полууставная рукопись
«ца XVII вѣка, на 179 листахъ»—вотъ и все! Содер
этой любопытной книги, благодаря «Обстоятельному О
нію», оставалось тайною до 1850 года, когда рукопись сл
но попалась въ руки любителей и тотчасъ же была из
какъ единственный и замѣчательнѣйшій памятникъ нашей
ры... Допустимъ даже, что въ 1825 году слово *обст*
тельный, въ отношеніи описанія рукописей, имѣло д
значеніе, не столь полное и широкое, какъ оно понимм
теперь; это и оправдывало бы ученыхъ библіографовъ, е
не было извѣстно, что рукописи точно такъ же описыв
и въ 1845, и въ 1848, и даже очень недавно.

Единственнымъ образцомъ дѣльной и ученой библіог
остается до-сихъ поръ «Описаніе Рукописей Румянцов
Музея» г. *Востокова*. Зато какъ и благодарна наука

му почтенному и добросовѣстному труду, изъ котораго изслѣдователи не перестаютъ черпать! Конечно, подобное описаніе составить нелегко, по крайней мѣрѣ несравненно труднѣе, нежели прочесть одно только начало рукописи, не заглядывая въ ея средину...

Мы коснулись этого предмета съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ указать одну изъ важнѣйшихъ причинъ, почему такъ мало знакома намъ старая наша письменность. Дѣйствительно, еслибъ съ 1825 года рукописи были описываемы въ точномъ смыслѣ обстоятельно, то какое богатство пріобрѣла бы наука въ этихъ описаніяхъ! сколько бы вопросовъ она уяснила, не говоря ужь о томъ, что наши свѣдѣнія о русской старинѣ были бы полнѣе, вѣрнѣе и не существовалъ бы цѣлый рядъ ошибочныхъ, поверхностныхъ толкованій и взглядовъ на нее. Старые ученые, особенно въ «Москвитянинѣ». не разъ упрекали и постоянно упрекаютъ молодыхъ въ незнаніи и непониманіи русской исторіи. Если это справедливо, то кто же виноватъ? Тотъ, кто, имѣя въ рукахъ полныя, богатыя средства, не подготовилъ надлежащимъ (то-есть ученымъ) образомъ той почвы, на которой выростаетъ теперь пустоцвѣтъ...

Въ числѣ памятниковъ нашей древней литературы есть много *повѣстей, исторій, прикладовъ, зѣло трепетныхъ* и *умильныхъ*, бо́льшею частью переводныхъ съ латинскаго и польскаго. Повѣсти эти и «приклады» составляли, такъ сказать, свѣтское чтеніе у нашихъ предковъ, весьма ими любимое, по сказочному, чудесному и нерѣдко до крайности *натуральному* характеру, который преобладалъ въ сочиненіяхъ этого рода. Читались они очень прилежно, чему свидѣтельствомъ могутъ служить самыя рукописи, носящія на себѣ всѣ признаки частаго употребленія. И вообще это была *отрада въ скукѣ*; вкусъ читателя, не слишкомъ развитый, вполнѣ удовлетворялся всѣмъ, что̀ предлагали ему

тогдашніе переводчики. И не только въ XVII столѣтіи, и даже и въ первой половинѣ XVIII, эти повѣсти составляли почти единственное чтеніе въ тогдашнемъ обществѣ средне руки. Въ одномъ сборникѣ подобныхъ повѣстей конца XVI столѣтія, подъ названіемъ: *Исторія изъ Римскихъ Дѣяній*, находимъ любопытную отмѣтку женскимъ почеркомъ XVIII столѣтія: *сія книга въ скукѣ отрада, когда Василій Ѳедоровичъ въ судѣ, нескимъ времяразделитъ* (Рукописи И. Н. Царскаго № 313). Весьма любопытно также что въ числѣ переводныхъ статей, встрѣчаются сочиненія, бывшія въ большомъ ходу въ европейскомъ обществѣ въ средних вѣкахъ. Напримѣръ, *Стеванитъ и Ихнелатъ*, греческая передѣлка арабскаго подражанія *Калилы и Димны*, потомковъ извѣстнаго индійскаго творенія *Панча-Тантры*, также *Исторія о семи мудрецахъ*, *Варлаамъ и Іосафатъ* проч. Можно бы составить весьма любопытную монографію по этому предмету. Будемъ ожидать дѣятелей.

Между переводными повѣстями изрѣдка появляются и оригинальныя русскія, въ основѣ которыхъ почти всегда лежитъ какое нибудь истинное событіе, которое обыкновенно и разсказывается весьма просто, какъ было дѣло, безъ всякихъ прикрасъ и повѣствовательныхъ хитростей.

Одна изъ любопытнѣйшихъ русскихъ оригинальныхъ повѣстей—*Повѣсть страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивленія достойна* — относится къ временамъ царя Михаила Ѳеодоровича и разсказываетъ о любви и искушеніяхъ нѣкоего Саввы Грудцына. Не менѣе любопытна, хотя и въ другомъ родѣ, другая *Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ*

Исторія эта (см. «Москвитянинъ» 1853 г. № 1), безъ всякаго сомнѣнія, истинное происшествіе, которое первоначально ходило въ простомъ разсказѣ и потомъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія было записано со словъ разсказщика конце

лярскимъ слогомъ того времени. Самое происшествіе, по многимъ даннымъ, можетъ относиться къ концу XVII столѣтія. Но въ этой *запискѣ* оно, конечно, потеряло много характеристическихъ красокъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, «Исторія» эта была передѣлана и, можетъ быть, по другому разсказу, потому что въ этой передѣлкѣ находятся значительныя пополненія и даже перемѣны. Передѣлка любопытна не менѣе подлинника; въ ней сохранены многія черты стараго и притомъ московскаго быта, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ. Самый разсказъ несравненно болѣе оживленъ и очень выразительно характеризуетъ извѣстный разрядъ московскаго общества въ половинѣ XVIII столѣтія. Однакожь, имена дѣйствующихъ лицъ замѣнены другими: вмѣсто Фрола Скобѣева является Селуянъ Сальниковъ, вмѣсто Нардина-Нащокина — Кашкодавовъ, вмѣсто Аннушки — Грунюшка, вмѣсто Ловчикова — Собакинъ и проч. Впрочемъ, главныя событія и даже порядокъ повѣствованія остаются тѣ же. Передѣлка эта напечатана въ собраніи подобныхъ же оригинальныхъ и переводныхъ повѣстей, изданныхъ *Иваномъ Новиковымъ*, подъ заглавіемъ «Похожденіе Ивана Гостинаго Сына, и другія повѣсти» (2 ч. Спб. 1785—1786).

ДЛЯ БІОГРАФІИ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Извѣстно, что Семенъ Медвѣдевъ, въ монашествѣ Сильвестръ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей второй половины XVII ст., былъ сначала подъячимъ. Родился онъ въ Курскѣ, — но тамъ ли поступилъ въ это званіе или же подъяческая служба его началась въ Москвѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Современники его засвидѣтельствовали только, что «родомъ бѣ отъ града Курска и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій»; что служилъ онъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ (слѣдов. въ Москвѣ) вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Шакловитовымъ, въ одномъ чинѣ и имени. Но когда все это было, въ какихъ именно годахъ, современники не упоминаютъ, по простой и очень понятной причинѣ, потому что для ихъ цѣлей вовсе не были важны и даже нужны такія подробности. Имъ необходимо было только обличить его въ отступничествѣ отъ православія и въ еретичествѣ.

Позднѣйшіе описатели его жизни, затрудняясь скудостью свѣдѣній, вдавались по необходимости въ предположенія, невсегда вѣрныя. Митр. Евгеній говоритъ, что Медвѣдевъ сначала служилъ подъячимъ въ Курскѣ, а потомъ уже въ Москвѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Г. Сахаровъ свидѣтельствуетъ, что онъ «служилъ подъячимъ въ Губной избѣ, въ Курскѣ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ Приказа Тайныхъ Дѣлъ». Преосв. Филаретъ Харьковскій, Курскую и Московскую службу Медвѣдева совокупляетъ въ одно, говоря, что Медвѣдевъ

«вмѣстѣ съ извѣстнымъ Шакловитымъ былъ *Курскій подъячій* (?) въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ».

Изъ предположеній позднѣйшихъ біографовъ выясняется также и то, что Медвѣдевъ, весьма наклонный къ книжному ученію, чтобы свободнѣе заниматься книгами, перемѣнилъ мірское званіе подъячаго на монашество. Митр. Евгеній замѣчаетъ между прочимъ: «одаренъ будучи остротою ума и отъ природы даромъ краснорѣчія, притомъ начитавшись разныхъ книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монашество, а наконецъ былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря. Въ Москвѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ и былъ его въ словесности ученикомъ». Самый осторожный и внимательный изслѣдователь жизни Медвѣдева и первый цѣнитель его ученыхъ трудовъ, г. Унгольскій говоритъ: «Должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ—«устраниться міра и его молвы». Въ 1670 годахъ, еще бывши бѣльцомъ, Медвѣдевъ съ Молченскимъ игуменомъ Софроніемъ былъ въ Москвѣ, познакомился съ тамошними учеными и въ особенности съ Симеономъ Петровскимъ Ситіановичемъ Полоцкимъ». Вотъ тѣ соображенія, какія могли явиться сами собою при голомъ сказаніи о подъячествѣ Медвѣдева.

Для пополненія скудныхъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго и несчастнаго лица, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, случайно намъ встрѣтившихся при пересмотрѣ приходо-расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа. Свѣдѣнія эти оффиціальныя и потому несомнѣнныя. Открывается, что въ 1665 году Медвѣдевъ находился уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго Приказа и по случаю рожденья царевича Симеона Алексѣевича получилъ 5 апрѣля денежное награжденіе 12 рублей

вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими *). Необходимо замѣтить, что соотвѣтственно значенію этого Приказа, какъ собственной, кабинетной канцеляріи Государя, въ подъячіе въ эту канцелярію выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ,—его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ помимо опубликованія ихъ въ думѣ, какова напр. была его переписка съ воеводами, съ послами, Ординымъ-Нащокинымъ и другими близкими лицами, къ которымъ грамоты царя возили обыкновенно подъячіе этого Приказа. За тѣмъ на нихъ же возлагалось исполненіе разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ что они по необходимости становились ближайшими наблюдателями всѣхъ, такъ сказать, кабинетныхъ отношеній государя. Все это, разумуется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ Тайный Приказъ и если молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подъячихъ къ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство служитъ достаточнымъ удостовѣреніемъ, что если не особыя дарованія, то испытанный нравъ его вполнѣ оправдывалъ такой выборъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что и умственныя дарованія отличили его даже отъ товарищей.

Въ томъ же 1665 году онъ поступаетъ въ *школу, учиться по латинямъ и граматики*, въ школу, которая, можетъ быть, и основывается при мысли, что есть способные и даровитые ученики, готовые съ особенною охотою отдаться наукѣ.

---

*) Въ это время въ Приказѣ подъячими были: Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 16 руб; Григорій Ключаревъ, Артемій Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Петръ Кудрявцевъ—по 12 руб.; Иванъ Полянскій, Мариелъ Ваталинъ—по 10 р. Жены подъячихъ, вѣроятно бывшихъ въ посылкѣ, Кирилы Демидова, Перфирья Оловянникова, тогда же получили по 15 р.

Въ расходныхъ запискахъ Тайнаго Приказа за этотъ годъ находимъ слѣдующую любопытную статью расхода: 5 іюля подъячему Приказа Тайныхъ Дѣлъ Ѳедору Казанцу по указу государеву выдано изъ суммъ приказа *сто рублей* «къ хоромному строенію, что въ Спаскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) *учитца по латинямъ* подъячимъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ *Семену Медвѣдеву* да *дворцовымъ Семену* да *Ильѣ Казанцамъ*». 30 іюня выдано еще 70 рублей къ тому же хоромному строенію, при чемъ замѣчено, что *жить* въ этихъ хоромахъ *для наученья подьячему Приказа Тайныхъ Дѣлъ*, слѣдовательно тому же Медвѣдеву. Хоромы, безъ сомнѣнія, къ осени были построены и Медвѣдевъ поселился въ новой школѣ. Очень вѣроятно, что онъ же былъ и старостою въ новозаведенной школѣ, ибо съ того времени изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ ему выдавались постоянно деньги на отопленіе и освѣщеніе школы.

Такъ 7 декабря онъ получилъ *для ученья грамматики* на покупку сальныхъ свѣчь 20 алтынъ; декабря 19, *для грамматичнаго ученья* на покупку дровъ 2 рубля. Черезъ мѣсяцъ, 14 января 1666 года, онъ получилъ для того же *грамматичнаго* ученья на свѣчи полтину. 19 февраля выдано опять на покупку дровъ 2 рубля, 14 марта на свѣчи 20 алтынъ. Далѣе, въ 1667 г. октября 13, Медвѣдеву *въ школу* выдано на покупку дровъ и свѣчь 2 рубля съ полтиною. Въ 1668 г., января 21 снова выдано ему же *въ школу* на дрова и свѣчи 3 рубля 20 алтынъ.

За тѣмъ мы уже не встрѣчаемъ записокъ о подобныхъ выдачахъ. Онѣ могли прекратиться по случаю перенесенія этихъ расходовъ на другой какой либо источникъ или даже въ другое завѣдываніе. Между тѣмъ Медвѣдевъ все-таки числился подъячимъ Тайнаго Приказа, и слѣдов. оставался еще ученикомъ школы. 2 февраля 1670 года онъ находится еще въ

числѣ подъячихъ; въ это число ему выданъ былъ годовой окладъ жалованья на 178 годъ всего 22 рубли *).

Теперь о знакомствѣ Медвѣдева съ Полоцкимъ. Мы уже знаемъ, что по крайней мѣрѣ осенью 1665 г. онъ поступилъ въ школу учиться «по латинямъ и граматики», что школа была вновь построена въ Заиконоспасскомъ монастырѣ по царскому повелѣнію, на деньги Тайнаго Приказа, т. е. на собственныя кабинетныя деньги государя. Ктожь былъ учителемъ въ этой школѣ, латинской, какъ видно? Хотя и нѣтъ прямыхъ положительныхъ указаній на то, что учителемъ въ этой школѣ, былъ знаменитый Полоцкій, однако по нѣкоторымъ соображеніямъ почти нельзя въ томъ сомнѣваться. Полоцкій, по собственному его свидѣтельству, прибылъ въ Москву въ 1664 г., то есть не задолго до учрежденія школы. Онъ прибылъ, по всему вѣроятію, по вызову самого царя, узнавшаго его лично, еще во время своихъ бѣлорусскихъ походовъ. Много вѣроятнаго, что сначала онъ поступилъ учителемъ къ десятилѣтнему царевичу Алексѣю Алексѣевичу, котораго ученіе впервые въ Московскомъ дворцѣ было ведено по системѣ тогдашней школьной науки, именно путемъ *ученія граматичнаго*, какъ на славянскомъ, такъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Для *ученія по латинямъ*, можетъ быть, и избранъ къ царевичу іеромонахъ Симеонъ Полоцкій. По прибытіи въ Москву, Полоцкій поступаетъ прямо въ Верхъ, т. е. во Дворецъ и содержится съ своими челядинцами и даже съ собственными ло-

*) Въ 1666 г. онъ получилъ 20 р. Тогда въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 25 р.; Григорій Ключаревъ, Кирила Демидовъ, Артемій Степановъ, Симеонъ Медвѣдевъ, Артемій Аѳанасьевъ по 20 р.; Иванъ Полянскій, Порфирій Оловянниковъ, Петръ Кудрявцевъ по 15 р.; Маркелъ Ваталинъ 12 р.—Въ 1670 г. къ этимъ именамъ прибылъ Еремей Полянскій, самый младшій по порядку, поступившій вѣроятно на мѣсто выбывшаго Кирила Демидова, котораго въ спискѣ уже не значится.

мадьми на *дворцовый* счетъ. Вся остальная жизнь его въ Москвѣ проходитъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ ко Дворцу и къ царскому семейству. Можно сказать, что онъ былъ придворнымъ ученымъ и первымъ у насъ придворнымъ стихотворцемъ.

Вѣроятность же, что онъ былъ учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича, (а потомъ уже и Ѳедора) можетъ раскрываться въ слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Въ 1667 году царевичу Алексѣю исполнилось 13 лѣтъ. Онъ былъ всенародно и торжественно *объявленъ* наслѣдникомъ престола. Когда въ честь этого радостнаго всенароднаго событія царь давалъ во дворцѣ, 7 сентября, почетный торжественный столъ, то на обѣдѣ въ числѣ другихъ оффиціальныхъ лицъ находился и *учитель старецъ Симеонъ*, какъ отмѣчено въ современной запискѣ *), сидѣвшій даже *въ особомъ столѣ* въ близости отъ государя, по лѣвую сторону государева мѣста или трона. Этотъ старецъ Симеонъ былъ никто другой, какъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій; и можно догадываться, что потому онъ и удостоенъ былъ чести сидѣть на обѣдѣ объявляемаго всенародно царевича, за особымъ столомъ и притомъ съ именемъ *учителя*, что въ дѣйствительности былъ его учителемъ и призванъ былъ оффиціально торжествовать государственный праздникъ своего ученика. Послѣ стола Полоцкій говорилъ государю рѣчь, сочиненную, вѣроятно, на прославленіе и поучительное изъясненіе этого случая, за что 16 сентября получилъ въ награду атласную соболью шубу. Въ расходной книгѣ Казеннаго Приказа подъ этимъ числомъ 1667 года записано между прочимъ: «Учителю старцу Семіону Полотцкому 10 аршинъ атласу зеленаго по двадцати по шести алтынъ по 4 деньги аршинъ; да

*) Записка дневнику 176 года, въ Государственномъ архивѣ М. И. Д.

емужъ велѣно дать исподъ соболей въ 60 рублевъ, и ему данъ сорокъ соболей въ 60 рублевъ; а пожаловалъ государь его по своему государеву имянному указу для того: въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 7 день, былъ у великаго государя у стола въ Грановитой Полатѣ и великому государю говорилъ рѣчь» *). Награда въ 67 рублей за одну только рѣчь слишкомъ значительна по тому времени и по сравненію съ другими подобными наградами. Безъ сомнѣнія, сюда же входило и вознагражденіе за труды по учительству, по крайней мѣрѣ другіе учителя при началѣ или въ концѣ ученья получали всегда точно такія же награды.

Такъ, *учителю* царевича Ѳедора Алексѣевича *Аѳанасью Ѳедосѣеву* дано 3 мая 1667 года, когда царевичу было шесть лѣтъ и, вѣроятно, онъ только что выучился грамотѣ, а можетъ быть только еще садился учиться, сорокъ соболей въ 50 рублевъ да камки вишневой травной 10 аршинъ. Ему же въ 1669 году іюля 1, сорокъ соболей въ туже цѣну и 10 аршинъ камки таусинной хрущатой травы куфтерныя. Другому учителю царевича Ѳедора, Посольскаго Приказа подъячему Панфилу Тимоѳееву **) государь пожаловалъ въ 1670 г. ноября 21, *какъ царевича посадили учить писать* — сорокъ соболей въ 60 рублевъ да камку кармазинъ зеленой мѣрою 10 аршинъ.

Какъ бы то ни было, мы теперь знаемъ, что Полоцкій во Дворцѣ въ 1667 году носилъ титулъ *учителя*. — Царевичъ Ѳедоръ, какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ записокъ, имѣлъ уже учителя Аѳанасья Ѳедосѣева, учившаго его, вѣроятно, грамотѣ, такъ какъ другой учитель Панфилъ Бѣляни-

---

*) Въ Архивѣ Оруж. Палаты, № 384.

**) По фамиліи *Бѣляниновъ*. Исторіи Россіи, г. Соловьева, Т. XIII, стр. 187.

новъ училъ его только писать, для чего и взятъ былъ изъ Посольскаго Приказа, гдѣ старинная каллиграфія процвѣтала, какъ необходимая потребность службы въ этомъ Приказѣ. Притомъ, какъ мы замѣтили, въ 1667 г. царевичу Ѳедору было всего только шесть лѣтъ. Едва ли начальное ученіе грамотѣ могло быть поручено ученому старцу Симеону, который съ большею пользою могъ заниматься *по латинямъ* и другими науками съ старшимъ царевичемъ Алексѣемъ, разстроившимъ даже свое здоровье отъ прилежнаго ученья, такъ что самая смерть его, какъ думали лѣкаря, послѣдовала отъ сидячей жизни. Можетъ быть, Полоцкій поступилъ въ учителя къ царевичу Ѳедору по смерти царевича Алексѣя, въ 1670 году, когда Ѳедору исполнилось 9 лѣтъ — возрастъ, съ котораго грамматичное обученіе началось и для царевича Алексѣя.

По всему вѣроятію Полоцкому же принадлежитъ первая мысль завести латинскую школу для дворцовыхъ подъячихъ. Время устройства этой школы почти совпадаетъ со временемъ его пріѣзда въ Москву. Мы допускаемъ даже, что хоромы, выстроенныя для школы въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ какъ извѣстно жилъ и Полоцкій, строены были столько же и для ея учителя, т. е. для самого Полоцкаго. Патріархъ Іоакимъ въ своемъ поучительномъ словѣ свидѣтельствуетъ: «Симіона Полоцкаго ученикъ, его наслѣдникъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, прельстивыйся отъ книгъ и писаній и словесъ устаглаголанныхъ учителя своего, онаго Полоцкаго Симеона, *купно бо съ нимъ въ единой келліи живяше..* » Эта единая келлія и должна быть упомянутая *школа*, общая для учителя и учениковъ, и если не для всѣхъ, то для одного изъ нихъ подъячаго Приказа Тайныхъ Дѣлъ — Медвѣдева, какъ и отмѣчено въ современной запискѣ (см. выше). Что келлія достаточна была для такого именно помѣщенія, — въ этомъ можетъ удостовѣрить выданная на ея постройку сумма 170

Рублей, на которые по тогдашнимъ цѣнамъ можно было строить очень помѣстительные хоромы, какъ на самомъ д эта постройка и названа въ оффиціальныхъ запискахъ. О ваясь подъячимъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ Медвѣдевъ и въ школѣ съ своимъ учителемъ Полоцкимъ, получая своего же Приказа необходимую сумму на отопленіе и о щеніе школьныхъ хоромъ. Безъ сомнѣнія въ этой же шк или вообще при посредствѣ учителя впервые завязано бы близкое знакомство Медвѣдева съ другимъ ученикомъ По каго, царемъ Ѳедоромъ, который очень расположенъ к къ своему товарищу по наукѣ, какъ это видно изъ собст ныхъ его писемъ *).

Окончивъ ученіе, Медвѣдевъ тогда только и почувство необходимость перейдти въ монашество, ибо, какъ уми дальновидный человѣкъ, очень хорошо понималъ, что т удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе жетъ приблизить его къ тому независимому положенію мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и т вали его дарованія.

*) Что касается *Ѳедора Шакловитаго*, то онъ былъ взятъ въ по Тайнаго Приказа въ 1673 году, когда уже Медвѣдева тамъ не было. ячини въ этомъ году были: Герасимъ Бовыкинъ, Михаилъ Воинов темій Волковъ, Назаръ Шишкинъ, Андрей Озеровъ, Гаврила Дерс взяты вновь: Ѳедоръ *Шакловитой*, Гарасимъ Протасовъ, Иванъ жинъ, Григорій Гавриловъ. Въ томъ же 1673 году 4 октября го указалъ оклады имъ учинить, между прочимъ, Шакловитому: дену годъ 22 р., хлѣба 2? чети ржи, овса тожъ. Семенъ Медвѣдевъ, как ше замѣчено, получалъ тоже 22.; это ведетъ къ предположенію, н ступилъ ли Шакловитый на мѣсто выбывшаго тогда Медвѣдева, и и былъ верстанъ его же окладомъ?

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАИЛОВИЧЪ.

(Его письма и урядникъ охоты.)

Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича съ приложеніемъ Уложенія сокольничья пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова, съ портретомъ царя и снимками его почерка. Иждивеніемъ К. Т. Солдатенкова издалъ Петръ Бартеневъ, М. 1856 г.

Мысль собрать въ одно мѣсто письма царя Алексѣя Михайловича заслуживаетъ полной благодарности и отъ изслѣдователей и отъ любителей русской старины. «Письма царя Алексѣя Михайловича, какъ говоритъ издатель и съ чѣмъ мы совершенно согласны, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней русской письменности. Они исполнены живой занимательности, непосредственно вводятъ читателя въ кругъ понятій и дѣятельности стараго времени и лучше всѣхъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ изображаютъ лице и характеръ писавшаго». Впрочемъ, настоящее собраніе не есть полное собраніе всего, что́ писалъ когда либо Алексѣй Михайловичъ; сюда вошло только то, что́ случайно было открыто и напечатано въ разныхъ изданіяхъ. Издатель не безъ основанія предполагаетъ, что еще многое

въ этомъ родѣ можетъ храниться и у частныхъ лицъ и
сударственныхъ книгохранилищахъ. Такъ въ 1851 г., і
номъ рукописномъ сборникѣ, было найдено весьма за
тельное письмо царя къ князю Одоевскому. «Будем
дѣяться (говоритъ издатель), что, при возрастающей
къ старинѣ, счастливыя открытія, подобныя находки б
повторяться еще не разъ», и будемъ надѣяться, приб
мы, болѣе на трудолюбивыхъ изъискателей, чѣмъ на вл
цевъ этихъ, казалось бы, дорогихъ для каждаго заслуж
рода памятниковъ. Извѣстно, напримѣръ, что историк
тищевъ видѣлъ нѣсколько царскихъ своеручныхъ писе
именно такихъ только, которыя писаны были киновар
князя Дмитрія Михайловича Голицына письмо царя Мі
Ѳеодоровича къ Ѳедору Шереметеву, который Голицыну
дѣдъ по женѣ; у князя Алексѣя Михайловича Черкасска
или три письма царя Алексѣя Михайловича къ дядѣ
Ивану Борисовичу Черкасскому, который былъ двоюро
братомъ царя Михаила Ѳеодоровича *). Новиковъ, въ і
словіи къ изданной имъ «Исторіи о невинномъ заточем
ярина Матвѣева» (М. 1785), разсказываетъ, что «царь
сей Михайловичъ писывалъ къ нему (Матвѣеву) обыкн
въ письмахъ своихъ: *другъ мой Сергѣевичь!* что од
таковыхъ писемъ доказываетъ совершенно, сколь велик
къ нему любовь и довѣренность сего государя. Сіе в
писано было къ нему изъ Москвы подъ Смоленскъ, гдѣ
Артемонъ Сергіевичъ съ войсками находился; а въ немъ,
прочимъ, написано: *пріѣзжай къ намъ скорѣе:*
мои и я безъ тебя осиротѣли; за ними присмот
некому, а мнѣ посовѣтывать безъ тебя не съ

*) „Судебникъ царя Іоанна Васильевича", изд. 2, М. 1786, ст
Татищевъ неправильно обозначилъ, что онъ былъ женатъ на сестр
Михаила.

и пр. Таковыхъ писемъ (продолжаетъ Новиковъ) и другихъ извѣстій и собственныхъ Артемона Сергіевича записокъ и сына его Андрея Артемоновича, *весьма много* находится въ домѣ князей Мещерскихъ, о чемъ я самъ слышалъ отъ покойнаго его сіятельства князя Василія Ивановича Мещерскаго, и которыя онъ, разобравъ, обѣщалъ ко мнѣ прислать». Въ заключеніе Новиковъ выразилъ подобное же желаніе видѣть эти бумаги изданными и употребленными на историческое дѣло. Но гдѣ же эти бумаги, эти драгоцѣнныя письма? Гдѣ письмо царя Михаила Ѳеодоровича, котораго собственноручной ни одной строки, сколько помнится, никто еще не видывалъ?.. Все это погибло невозвратно или хранится въ такихъ, можетъ быть, рукахъ, которыя и сами не вѣдаютъ о своемъ сокровищѣ.

Память предковъ у насъ быстро унесена была потокомъ Петровскихъ преобразованій. Скинувъ старинные кафтаны, мы въ ихъ карманахъ оставили, забывши, и всѣ бумаги дѣдовъ, всѣ памятники ихъ прежней дѣятельности, ихъ прежняго значенія, ихъ домашнихъ и общественныхъ отношеній. Не прошло и полстолѣтія, какъ собственная же наша старина такъ удалилась отъ насъ во мракъ временъ, что мы потеряли всякій интересъ къ ея дѣламъ, и почитали ее болѣе за старину ассирійской или вавилонской монархіи, чѣмъ за родное время, отъ котораго въ сущности мы вовсе не были такъ далеки. Но такъ крутъ былъ поворотъ. Мы не успѣли оглянуться, какъ наше прошедшее скрылось отъ насъ уже навсегда. Предъ глазами явились новые предметы, замелькали новые образы; мы погрузились въ созерцаніе новаго пути и воспоминанію о добромъ старомъ времени не было уже мѣста. Въ фамильныхъ архивахъ письма предковъ, ихъ родословныя, разрядныя, по которымъ они когда-то считали и взвѣшивали свою службу, свое значеніе въ до-петровскомъ свѣтѣ, даже царскія къ нимъ

письма стали насъ мало интересовать. Перебирая м
тлѣющія курьёзности отжившаго времени, съ которы
разставшись навсегда, не хотѣли уже имѣть ничего с
мы выбрали для себя только болѣе существенныя б
это — такъ-называемыя *крѣпости*, акты, документы,
ждавшіе наше владѣніе населенными землями, домами
Великую важность этихъ бумагъ нельзя было не понят
обезпечивали за нами тѣ средства, на которыя пріобр
мы если не дѣйствительную образованность и просвѣ
то по крайней мѣрѣ ту внѣшность людей образованных
торая, на первый случай, должна была скрывать нашу ру
лѣнь и неохоту къ ученью. Вотъ почему почти всѣ ф
ные наши архивы наполнены большею частью докуме
только этого рода, то есть *крѣпостями* и вообще бум
которыя остались отъ этого крѣпостнаго дѣлопроизводс
вотъ почему всѣ исторически-дорогіе памятники, эти л
ніе клейноды, подвергались самой печальной участи.
напримѣръ, знаменитая граммата, данная въ 1613 год
скимъ совѣтомъ князю Дмитрію Тимоѳеевичу Трубецк
богатую область Вагу со всѣми волостьми, за труды,
сенные имъ при очищеніи Московскаго Государства от
ховъ, писанная на большомъ пергаментномъ листѣ, с
ственными подписями членовъ земской думы, хранила
Новиковѣ, издателѣ Древней Россійской Вивліоѳики, у
Петра Никитича Трубецкаго, а въ 1847 году находил
собственности у частнаго лица, вотчиннаго повѣре
г. Брагина, который и принесъ ее въ даръ Московско
ществу Исторіи и Древностей *). То же самое случи
съ письмами царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкин

*) „Древн. Росс. Вивл.“ XV, стр. 211. — „Чтенія“, годъ 3, №
токолъ засѣданія 1847 г. сентября 27.

ходили, ходили по рукамъ и наконецъ куплены были г. Масловымъ, который передалъ ихъ графу С. С. Уварову.

Въ изданной теперь книгѣ эти письма, числомъ 25, занимаютъ первое мѣсто; за ними слѣдуетъ «Урядникъ сокольничья пути»; потомъ четыре письма къ Никону, два письма къ князю Одоевскому и одно къ семейству, всего 32 письма. Собраніе скудное, но тѣмъ больше мы должны дорожить имъ. Несмотря на случайность, которая имѣла силу въ сохраненіи этихъ именно писемъ, представивъ не то, что́ мы желали бы выбрать изъ переписки царя, а только то, что́ прихотливый случай спасъ отъ безвѣстности или отъ гибели, собраніе это все-таки въ высшей степени важно и служитъ дѣйствительно однимъ изъ существеннѣйшихъ матеріаловъ для знакомства съ характеромъ Алексѣя Михайловича.

Большая часть писемъ и самыя замѣчательныя изъ нихъ писаны въ первую пору юности царя, отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ, слѣдовательно интересъ ихъ становится еще значительнѣе. Эпоха первой юности, по многимъ отношеніямъ, принадлежитъ къ лучшимъ днямъ человѣка. При неиспорченной природѣ въ это время въ человѣкѣ живы и стремительны всѣ впечатлѣнія правды и добра; сердце раскрыто и мало еще стѣсняется существующими условіями, хотя и благоразумныхъ, но церемонныхъ границъ. Человѣкъ въ это время всегда выскажетъ болѣе, чѣмъ требуетъ опытность мужа, искусившагося въ жизненныхъ отношеніяхъ. Однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ этому служатъ и письма Алексѣя Михайловича. Чтобъ яснѣе видѣть, что́ это былъ за человѣкъ и какія высокія душевныя качества украшали эту живую, любящую натуру, нужно прямо обратиться къ его же собственному слову, къ его рѣчи необыкновенно выразительной, простосердечной, въ высшей степени безпритворной, если можно такъ сказать,

письма стали насъ [illegible] *II* въ самомъ дѣ.
тлѣющія курьёзное [illegible] лечься ихъ необыкн
разставшись навс[illegible] ...шо, прямодушно высказ
мы выбрали дл[illegible] ...трогчайшія движенія чувст
это — такъ-наз[illegible] ...ерти патріарха Іосифа: пок
ждавшіе наше [illegible] государь приходитъ проститься
Великую ваш[illegible] ...ыхъ *сидѣльцевъ*, кот
обезпечива[illegible] ...ежурить у гроба. «Надъ нимъ (п
мы если [illegible] ...ъ говоритъ псалтырь, и тот
то по кр[illegible] ...ю голову кричитъ; а двери всѣ отворилъ; и
торая, н[illegible] ...: для чего ты не по подобію говоришь?»
лѣнь и [illegible] государь, страхъ нашелъ великой, а во утро
ные [illegible] у него святителя безмѣрно шумѣло больно гр
толы [illegible] то-то де меня и страхъ взялъ; часы
котс [illegible] вдругъ взнесло животъ у него государя и ли
вот [illegible] почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взя
ніе [illegible] ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣ
н [illegible] ...». — «И меня, прости, владыко святой, отъ его рѣ
с [illegible] такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и п
[illegible] ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть
живого; да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ врага: побі
не ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ; а насъ толи
я ы священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я г
перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать
не учѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идет
чего боятися?...» Человѣкъ, такъ искренно, чистосерде
раскрывающій себя, не могъ принадлежать къ числу люд
которые скрываютъ дѣйствительное, живое лице. Впроче
нужно и то сказать, что въ его время рѣдки были подобн
явленія; тогда большею-частью всякій выражалъ самого с
простодушно и беззастѣнчиво, ибо тогдашнія условія жизн
человѣкъ отличались еще первобытною простото

которою грубостью и вовсе не были изощрены
чностью цивилизованнаго обхожденія.

, то ни было, но открытая ясная природа служитъ
ѣрнымъ залогомъ добрыхъ качествъ души. Тѣ же
а раскрываютъ намъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣжнаго
га, способнаго на самую горячую привязанность; умная и
въ высокой степени правдивая природа царя тотчасъ же могла
отличить среди толпы человѣка, сколько даровитаго, столько
же исполненнаго и твердыхъ нравственныхъ достоинствъ;
родственное себѣ она узнавала издалека и сердечно протягивала ему руку... Извѣстно, кто были эти люди, пользовавшіеся особенною любовью или особеннымъ уваженіемъ государя. Это былъ *собинный другъ* Никонъ, мужъ строгой правды и строгихъ правилъ, это былъ *другъ Сергѣевичъ,* Матвѣевъ, это былъ Ординъ-Нащокинъ... И этихъ трехъ именъ достаточно для того, чтобъ уяснить, чего именно искалъ, что́ высоко цѣнилъ въ людяхъ государь и на что́ отвѣчалъ онъ глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Въ 1658 году онъ пожаловалъ мелкаго и небогатаго дворянина Ординa-Нащокина въ Думу, въ думные дворяне. «Пожаловали мы тебя Аѳонасья (пишетъ государь въ жалованной грамматѣ) за твои къ намъ великому государю *многія службы* и радѣніе, что ты, помня Бога и его святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и наше великаго государя крестное цѣлованіе исполняешь, намъ великому государю служишь, о нашихъ великаго государя дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ свейскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ...» Здѣсь нравственнымъ достоинствамъ человѣка, нравственной его дѣятельности дано важ-

не упоминая извѣстнаго иноземнаго слова. И въ самомъ д
перечитывая эти письма, нельзя не увлечься ихъ необы
венною искренностью, которая свободно, прямодушно выск
ваетъ и объясняетъ даже самыя тончайшія движенія чув
Онъ пишетъ къ Никону о смерти патріарха Іосифа: по
наго вынесли въ церковь; государь приходитъ простить
не застаетъ никого такъ-называемыхъ *сидѣльцевъ*, к
рымъ назначено было дежурить у гроба. «Надъ нимъ
шетъ царь) одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и т
говоритъ, во всю голову кричитъ; а двери всѣ отворилъ;
почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь?
«Прости де, государь, страхъ нашелъ великой, а во ут
де, государь, у него святителя безмѣрно шумѣло больно
жа до тебя государя, то-то де меня и страхъ взялъ; часа
въ отдачу; вдругъ взнесло животъ у него государя и
въ тужъ пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ вз
я де чаялъ ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хот
бѣжать». — «И меня, прости, владыко святой, отъ его р
страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и
мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ ест
живого; да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ врага: поб
де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ; а насъ тол
я да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я
рекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловат
во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю иде
чего боятися?...» Человѣкъ, такъ искренно, чистосерде
раскрывающій себя, не могъ принадлежать къ числу лю
которые скрываютъ дѣйствительное, живое лице. Впроче
нужно и то сказать, что въ его время рѣдки были подоб
явленія; тогда большею-частью всякій выражалъ самого с
простодушно и беззастѣнчиво, ибо тогдашнія условія жизн
ныхъ отношеній отличались еще первобытною простото

стало быть и нѣкоторою грубостью и вовсе не были изощрены тонкою политичностью цивилизованнаго обхожденія.

Какъ бы то ни было, но открытая ясная природа служитъ всегда вѣрнымъ залогомъ добрыхъ качествъ души. Тѣ же письма раскрываютъ намъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣжнаго друга, способнаго на самую горячую привязанность; умная и въ высокой степени правдивая природа царя тотчасъ же могла отличить среди толпы человѣка, сколько даровитаго, столько же исполненнаго и твердыхъ нравственныхъ достоинствъ; родственное себѣ она узнавала издалека и сердечно протягивала ему руку... Извѣстно, кто были эти люди, пользовавшіеся особенною любовью или особеннымъ уваженіемъ государя. Это былъ *собинный другъ* Никонъ, мужъ строгой правды и строгихъ правилъ, это былъ *другъ Сергѣевичь*, Матвѣевъ, это былъ Ординъ-Нащокинъ... И этихъ трехъ именъ достаточно для того, чтобъ уяснить, чего именно искалъ, что высоко цѣнилъ въ людяхъ государь и на что отвѣчалъ онъ глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Въ 1658 году онъ пожаловалъ мелкаго и небогатаго дворянина Ордина-Нащокина въ Думу, въ думные дворяне. «Пожаловали мы тебя Аѳонасья (пишетъ государь въ жалованной грамматѣ) за твои къ намъ великому государю *многія службы* и радѣніе, что ты, помня Бога и его святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и наше великаго государя крестное цѣлованіе исполняешь, намъ великому государю служишь, о нашихъ великаго государя дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ свейскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ...» Здѣсь нравственнымъ достоинствамъ человѣка, нравственной его дѣятельности дано важ-

[illegible] Вы знаете, что [illegible], то-есть поселенія [illegible] приближение къ себѣ [illegible] собственно не за [illegible] служебныя [illegible], не за [illegible] официальныя, но [illegible], которыя хотя и бываютъ большею частью полезны [illegible], но не всегда соотвѣтствуютъ чистотѣ нравственныхъ побужденій, и [illegible] поощреніе за службы и [illegible] такъ сказать [illegible], которыхъ не знаетъ, да и не требуетъ официальный свѣтъ, но въ которыхъ всегда обнаруживается благородная сущность добрыхъ направленій души человѣка. Отличительно благородная сущность вообще человѣка. Словомъ, въ Бранденъ-Наполеонъ царь прежде всего цѣнитъ человѣка, а за тѣмъ уже — вѣрнаго и радѣтельнаго слугу.

Но для того, чтобъ можно было съ любовью останавливаться именно на этой, самой существенной, сторонѣ достоинствъ человѣка, чтобъ можно было, среди общей угодливости и раболѣпнаго ласкательства, вѣрно оцѣнить только нравственную высоту, истинный обликъ человѣка, необходимо самому обладать тѣми же высокими дарами нравственнаго характера. Письма царя и здѣсь послужатъ краснорѣчивыми свидѣтелями его свѣтлой, въ высокой степени человѣчной природы. Посланникъ Потемкинъ, въ разговорѣ съ испанскими дипломатами, выразилъ, что «Всемогущій Богъ украсилъ царя дородствомъ, разумомъ, красотою лица, милосердымъ нравомъ; что своею милостію онъ всѣхъ призираетъ; что никто же видя его царское лицо, печаленъ отходитъ»... Дѣйствительно, милосердіе было едва-ли не преобладающею чертою въ характерѣ царя Алексѣя Михайловича. «Мы всѣмъ безпомощнымъ и бѣднымъ по Бозѣ помощники (писалъ онъ къ князю Одоевскому); на то насъ Богъ уставилъ, чтобъ безпомощнымъ помогать». Въ домашнемъ быту почти каждый день государя сопровождался дѣлами милости. Особенно любилъ онъ

нищую братію. На царскомъ дворѣ каждый праздникъ нищимъ давались *кормы* — обѣды; весьма часто столы на нищую братію давались и въ собственныхъ комнатахъ царя, гдѣ онъ изъ своихъ рукъ одѣлялъ всѣхъ деньгами. Извѣстно также, что подлѣ его хоромъ жили такъ называемые *верховые нищіе, верховые богомольцы* — столѣтніе старики, чтимые за ихъ праведную жизнь; кромѣ-того, царь любилъ и особенно чтилъ *странныхъ, юродивыхъ* Христа ради. Съ однимъ изъ такихъ странныхъ, Васильемъ Уродивымъ, онъ даже былъ въ перепискѣ и въ письмахъ къ Никону о немъ называлъ его *братомъ, страннымъ братомъ*. Въ большіе праздники и по случаю важныхъ семейныхъ событій онъ обходилъ, обыкновенно въ ночное время, всѣ тюрьмы въ Москвѣ, освобождалъ заключенныхъ и раздавалъ имъ щедрую милостыню. Мы не говоримъ уже о дѣлахъ милосердія, обращенныхъ собственно на церковный чинъ и на благолѣпіе Божіихъ храмовъ. Въ отношеніи внѣшнихъ дѣйствій религіозности царь стоялъ, можетъ быть, выше всѣхъ изъ своихъ современниковъ. Но въ этихъ благочестивыхъ знакахъ милости еще неполнѣ выражается милосердый нравъ, и тѣмъ болѣе, что дѣла милосердія возникали въ то время болѣе изъ обычая, изъ тѣхъ понятій о жизни, которыя полагали въ раздачѣ милостыни всю сущность добра, на какое призванъ человѣкъ. Милостыня служила почти единственнымъ практическимъ удовлетвореніемъ сердечной потребности дѣлать добро; почти на ней одной только сосредоточивалась вся практическая сторона добродѣтели. Это было ходячее правило доброй жизни, установленное общественною мыслью, которая признавала въ этомъ высшую степень дѣятельнаго добра. Оттого въ древнемъ обществѣ нищій занималъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ; онъ былъ необходимымъ, существенно нужнымъ звеномъ въ тогдашней общественной цѣпи; безъ него мало представлялось

возможности удовлетворить такимъ стремленіямъ до
сердца. Отсюда, разумѣется, и множество было расхо
жено въ всенощной стоянии. Такимъ образомъ одна, ч
внѣшняя дѣятельность милости еще не можетъ досто
опредѣлить внутреннихъ, сердечныхъ движеній милосе
рдія. Милосердый нравъ Алексѣя Михайловича менѣе и
нѣе выражается въ томъ человѣколюбіи и милости
сострадѣніи къ людямъ, которое являлось вездѣ, гдѣ т
видѣло дѣйствительную нужду въ помощи, которое обн
и самыя отношенія царя къ людямъ въ чувство дружели
родственности. Такимъ чувствомъ проникнуто, напри
все письмо къ князю Одоевскому о смерти его сына, гдѣ
подробно описываетъ всѣ обстоятельства, сопровождавш
печальное для старика событіе. Кто, какъ не близкій ро
какъ не человѣкъ глубоко почувствовавшій чужое горе,
написать эти строки, исполненные горячаго участія: «И
боярину нашему, и слугѣ, и дѣтемъ твоимъ черезмѣр
скорбить (пишетъ государь, заключая подробности собы
а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и пр
зиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога напраче не пр
вать; и уподобитца бъ тебѣ Іеву праведному» и пр.

Когда Никонъ, бывъ еще митрополитомъ, въ поѣздкѣ
за мощами св. Филиппа, сталъ требовать отъ сопутст
нихъ ему свѣтскихъ лицъ строгаго исполненія ежедне
церковныхъ службъ и правилъ, налагаемыхъ только об
монашества; когда, по этому случаю, возникъ ропотъ,
ственное схожденіе царя явилось тотчасъ же примирит
тамъ, гдѣ менѣе всего нужно было насиліе, строгое по
деніе... «Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь Ивановых
мотокъ Хованскаго (пишетъ царь къ Никону), что будт
пропалъ, а пропасть свою пишетъ, что будто ты его за
ливаешь съ собою правила ежедень; да и насъ перешепт

на меня: николи же такого безчестья не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ; и нетомъ и я тебя, владыко святый, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставливай у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному возлие ему есть... Да Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лучи бы де намъ на Новой Землѣ за Сибирью съ князь Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ провесть, нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ; какъ де такъ, что *силою заставливаетъ любить, никого де силою не заставитъ Богу вѣровать...*» Прося Никона сохранить и скрыть это письмо въ тайнѣ, царь послалъ къ нему вмѣстѣ съ княземъ Хованскимъ оффиціальную грамату, въ которой приказывалъ Никону заставить служилыхъ людей только говѣть въ Петровъ или Госпожинъ посты и наказывалъ боярину унимать ихъ отъ всякаго дурна и чтобъ ѣхали съ благочиніемъ, а не спѣхомъ: «зане же и къ намъ, земному царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаетъ ѣхать къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ».

«Милосердіе (говоритъ Рейтенфельсъ) составляетъ вѣнецъ высокихъ добродѣтелей царя, и имъ такъ преисполнено его доброе сердце, что и отъ другихъ требуетъ онъ того же настоятельно. Однажды грузинскій князь (Николай Давидовичъ), изгнанный изъ своего отечества и жившій съ матерью въ Москвѣ, приказалъ обрѣзать носъ и уши своимъ людямъ за нѣкоторые непристойные поступки: когда дошло это до свѣдѣнія царя, то онъ послалъ сказать князю, что «если и впередъ намѣренъ поступить такъ же, то можетъ отправиться въ свою Грузію или куда угодно, а въ Москвѣ подобныхъ жестокостей не терпятъ».

Когда одинъ иностранецъ (говоритъ Коллинсъ) предложилъ государю назначать смертную казнь всякому, кто оставитъ

[illegible] Богъ [illegible] времени [illegible] изъ [illegible] изъ [illegible] изъ [illegible] выдержалъ [illegible] в храбрый воеводы Матвей Шереметевъ, [illegible] [illegible], бывъ [illegible] въ [illegible]. Царя не [illegible] [illegible] о томъ, что наши побѣжали, ему въ мысль не приходило, что этотъ воеводъ могутъ [illegible] [illegible] преступленіе; онъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; но, [illegible], [illegible] при настоящемъ [illegible], что *люди цѣлы*, и онъ [illegible] этой [illegible] писалъ Матвѣеву: «Брать! будь тебѣ вѣдомо: у Матвея Шереметева былъ бой съ нѣмецкими людьми и воровскими [illegible]: и побѣжали всѣ, а Матвей остался въ отъѣздѣ и сорвалъ нѣмецкихъ людей: да на встрѣчу ему пришли роты, а Матвей напустилъ и на тѣхъ съ небольшими людьми, да лошадь [illegible], такъ его и взяли; а людей нашихъ всякихъ чиновъ пятьдесятъ одинъ человѣкъ убитъ, а ранено тридцать пять человѣкъ; и то благодаря Бога, что отъ трехъ тысячъ столько побито, а то всѣ цѣли, потому что побѣжали, а сами плачутъ, что такъ прямъ учинился... А съ нѣмцы бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было двѣ тысячи, нашихъ и болѣе было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвѣѣ не тужи: будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести; *радуйся, что люди цѣлы*, а Матвей будетъ впередъ».

Но милосердый нравъ царя не переступалъ, однакожь, границъ той мягкости и слабосердія, которыя хотя и почитаются иногда за добродѣтель, но въ сущности происходятъ скорѣе отъ душевной лѣни, чѣмъ отъ истинно добрыхъ качествъ сердца. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ *любителенъ* и *грозенъ*, былъ милостивъ и строгъ, строгъ особенно тамъ, гдѣ требовалось исполненіе обязанностей, исполненіе долга.

Время частыхъ выѣздовъ своихъ изъ Москвы онъ очень

заботился о безопасности сокольничьих, о бережении ихъ, въ которомъ, по обыкновенію, для стороны на лѣстницахъ и у всѣхъ входовъ имѣли и почитали дѣти боярскія. Отъ этому поводу писалъ онъ къ Матюшкину: «И ты прикажи дяку Петру Арбеневу моимъ словомъ про дѣтей боярскихъ, по сколку у нихъ нарежаютъ человѣкъ на лѣстницу, и имъ бы отнюдь не отходили, развѣ для нужды: да и то молъ (молвь) Петру, чтобъ самъ почасту ихъ имянъ и вечери смотрѣлъ, тамъ ль всѣ тутъ, да и самъ ты смотри ихъ почасту: да прикажи и то ему: а которова не будетъ, и онъ бы на смерть сѣкъ батоги; да и истомничимъ молъ, чтобы и у нихъ бережно было и пьяныхъ бы не было, а за пьянство бы на смерть били...» Поручивъ свою любимую потѣху — соколовъ — Матюшкину и Голохвастову, своимъ сверстникамъ по воспитанію, и зная, что успѣхъ каждаго дѣла зависитъ отъ совѣта и любви между исполнителями, а, можетъ быть, подозрѣвая и вражду между ними, онъ пишетъ къ нимъ: «да одолжнюе бъ вамъ съ Васильемъ для Бога и для меня быть въ совѣтѣ и въ любви; а будетъ вы Бога и меня не послушаете, и вы да будете проклятии въ сей вѣкъ и въ будущій... И сокольничьимъ приказать, чтобъ онѣ такъ же были въ совѣтѣ межъ себя и въ дружбѣ и раздору бъ межъ ихъ не было никакова».

Въ томъ же письмѣ, давая подробныя наставленія, какъ лучше промышлять соколами, то есть какъ ухаживать за ними, беречь ихъ и учить, выдерживать, царь заключаетъ: «Я теперь кладуся на васъ во всемъ, какъ лутче, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адарь или Муратъ (имена птицъ), или Булатъ, или Стрелай или Лихачь или Салтанъ умрутъ: и вы меня и не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю кнутомъ перепороть, а естьли уберегете, и васъ милостиво пожалую, а сокольниковъ также пожалую». Какъ бы ни казались грозными эти повелѣнія, мы все-таки должны

повторять, что строгость царя не были слѣдствіемъ жестокаго нрава, котораго онъ не имѣлъ; она вытекала изъ его понятій о правдѣ и порядкѣ, которыхъ онъ искалъ всюду, и въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ, во всякой вещи, желая, чтобъ никакой вещи безъ благочинія и устроенія не было.

Въ 1632 году въ Москву принесены были изъ Соловецкаго монастыря мощи св. Филиппа митрополита, который, какъ извѣстно, погубленъ былъ въ крамолахъ Опричины, при Грозномъ, какъ защитникъ и начальникъ безвинныхъ жертвъ. Описывая Одоевскому это перенесеніе, разсказывая подробно о чудотвореніяхъ святаго, царь останавливается на самомъ событіи: оно имѣетъ ему глубокій смыслъ. «А какъ его свѣтовы мощи поставили на Лобномъ мѣстѣ — всѣ прослезилися: пастырь, гонимый понапрасньству, возвращается вспять и грядетъ на свой престолъ!» Вспомнивъ высокій подвигъ святаго страдальца правды, изгнаннаго съ престола ради правды, царь въ его нетлѣнномъ возвращеніи созерцаетъ торжество правды, нѣкогда отверженной и злобно поруганной. «А какъ принесли его свѣта въ соборную и апостольскую церковь (продолжаетъ государь) и поставили на престолѣ его прежебывшемъ, кто не подивится сему, кто не прославитъ, и кто не прослезится, изгонимаго вспять возвращающася и зѣло съ честію пріемлема? Гдѣ гонимый и гдѣ ложный совѣтъ (восклицаетъ царь)? Гдѣ обавники (клеветники), гдѣ соблазнители, гдѣ издоослѣпленныя очи, гдѣ хотящіи власти воспріяти гонимаго ради? Не всѣ ли злѣ погибоша? не всѣ ли изчезоша во вѣки? не всѣ ли здѣсь месть воспріяли отъ прадѣда моего царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росіи, и тамо месть вѣчную пріимутъ, аще не покаялися?» Увлеченный высокимъ смысломъ событія, исполненный глубокаго чувства торжествующей правды, государь торжественно высказываетъ любимому боярину свое сознаніе правды, свой

взглядъ на сущность царскаго помазанія. Трудно было избрать случай болѣе торжественный и болѣе назидательный для обнаруженія благородныхъ стремленій. Гдѣ жь, какъ не предъ ликомъ погибшаго за правду, возвѣщать величіе правды, величіе страданій за правду!

«О блаженные заповѣди Христовы! о блаженна истина нелицемѣрная (восклицаетъ царь)! О блаженъ воистину и треблаженъ, кто исполнилъ заповѣди Христовы и за истину отъ своихъ пострадалъ? Ей, не избраша лутче того, что́ веселитися и радоватися во истинѣ и правдѣ, и за нее пострадати, и люди Божія разсуждати въ правдѣ! А *мы* великій государь ежедневно просимъ у Создателя и Всещедраго Бога нашего, и у Пречистой Его Богоматери, и у всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ, прошенія ради Матери Своея Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ ради молитвъ, даровалъ намъ великому государю и вамъ бояромъ съ нами единодушно люди Его Свѣтовы разсудити въ правду, *всѣмъ равно;* писано бо есть: судъ Божій николи кривъ не живетъ, развѣ безхитростные прямые статьи (то-есть прямо безхитростной статьи), то и Богъ не взыщетъ. И о всѣхъ христіанскихъ душахъ поболѣніе мы имѣемъ, и въ вѣрѣ крѣпкимъ бы и въ правдѣ и во истинѣ, яко же столпомъ стояти твердо, и за нее страдати до смерти, во вѣки и на вѣки». Это рѣчь не заученная, не выбранная изъ книгъ: здѣсь слышится глубокое убѣжденіе человѣка, который, сознавая, что судъ Божій — правда, николи кривъ не живетъ или не бываетъ и не долженъ быть, желая въ правдѣ и въ истинѣ стояти твердо, яко же столпомъ, сознаетъ въ то же время, что онъ можетъ иногда и не понять правды, безхитростно поступить противъ нея — словомъ, сознаетъ, что онъ, по ограниченности человѣческой, можетъ ошибиться. Это-то сознаніе и указываетъ, что онъ былъ практическимъ органомъ правды, покрайней-мѣрѣ въ

не упоминая извѣстнаго иноземнаго слова. И въ самомъ дѣлѣ, перечитывая эти письма, нельзя не увлечься ихъ необыкновенною искренностью, которая свободно, прямодушно высказываетъ и объясняетъ даже самыя тончайшія движенія чувства. Онъ пишетъ къ Никону о смерти патріарха Іосифа: покойнаго вынесли въ церковь; государь приходитъ проститься и не застаетъ никого такъ-называемыхъ *сидѣльцевъ*, которымъ назначено было дежурить у гроба. «Надъ нимъ (пишетъ царь) одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и тотъ, говоритъ, во всю голову кричитъ; а двери всѣ отворилъ; и я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь?»— «Прости де, государь, страхъ нашелъ великой, а во утробѣ де, государь, у него святителя безмѣрно шумѣло больно грыжа до тебя государя, то-то де меня и страхъ взялъ; часы де въ отдачу; вдругъ взнесло животъ у него государя и лицо въ тужъ пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ, я де чаялъ ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать». — «И меня, прости, владыко святой, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живого; да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ; а насъ только я да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего боятися?...» Человѣкъ, такъ искренно, чистосердечно раскрывающій себя, не могъ принадлежать къ числу людей, которые скрываютъ дѣйствительное, живое лице. Впрочемъ, нужно и то сказать, что въ его время рѣдки были подобныя явленія; тогда большею-частью всякій выражалъ самого себя простодушно и беззастѣнчиво, ибо тогдашнія условія жизненныхъ отношеній отличались еще первобытною простотою,

стало быть и нѣкоторою грубостью и вовсе не были изощрены тонкою политичностью цивилизованнаго обхожденія.

Какъ бы то ни было, но открытая ясная природа служитъ всегда вѣрнымъ залогомъ добрыхъ качествъ души. Тѣ же письма раскрываютъ намъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ нѣжнаго друга, способнаго на самую горячую привязанность; умная и въ высокой степени правдивая природа царя тотчасъ же могла отличить среди толпы человѣка, сколько даровитаго, столько же исполненнаго и твердыхъ нравственныхъ достоинствъ; родственное себѣ она узнавала издалека и сердечно протягивала ему руку... Извѣстно, кто были эти люди, пользовавшіеся особенною любовью или особеннымъ уваженіемъ государя. Это былъ *собинный другъ* Никонъ, мужъ строгой правды и строгихъ правилъ, это былъ *другъ Сергѣевичъ*, Матвѣевъ, это былъ Ординъ-Нащокинъ... И этихъ трехъ именъ достаточно для того, чтобъ уяснить, чего именно искалъ, что́ высоко цѣнилъ въ людяхъ государь и на что́ отвѣчалъ онъ глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Въ 1658 году онъ пожаловалъ мелкаго и небогатаго дворянина Ордина-Нащокина въ Думу, въ думные дворяне. «Пожаловали мы тебя Аѳонасья (пишетъ государь въ жалованной грамматѣ) за твои къ намъ великому государю *многія службы* и радѣніе, что ты, помня Бога и его святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь, и наше великаго государя крестное цѣлованіе исполняешь, намъ великому государю служишь, о нашихъ великаго государя дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спущаешь, и противъ свейскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ...» Здѣсь нравственнымъ достоинствамъ человѣка, нравственной его дѣятельности дано важ-

нѣйшее мѣсто. Вы видите, что пожалованіе, то-есть введені въ Думу, приближеніе къ себѣ сдѣлано собственно не з внѣшнія служебныя дѣла, не за дѣянія оффиціальныя, по на наченію, которыя хотя и бываютъ большею частью полезн государству, но не всегда соотвѣтствуютъ чистотѣ нра ственныхъ побужденій, а сдѣлано пожалованіе за службы радѣнье такъ сказать домашнія, которыхъ не видитъ, да и требуетъ оффиціальный свѣтъ, но въ которыхъ ясно обнар живается благородная сущность добрыхъ направленій души сердца, слѣдовательно благородная сущность вообще чел вѣка. Словомъ, въ Ординѣ-Нащокинѣ царь прежде всего п нитъ человѣка, а за тѣмъ уже — вѣрнаго и радѣтельна слугу.

Но для того, чтобъ можно было съ любовью останав ваться именно на этой, самой существенной, сторонѣ з стоинствъ человѣка, чтобъ можно было, среди общей угод вости и раболѣпнаго ласкательства, вѣрно оцѣнить толь нравственную высоту, истинный обликъ человѣка, необходи самому обладать тѣми же высокими дарами нравственнаго з рактера. Письма царя и здѣсь послужатъ краснорѣчивы свидѣтелями его свѣтлой, въ высокой степени человѣчн природы. Посланникъ Потемкинъ, въ разговорѣ съ испански дипломатами, выразилъ, что «Всемогущій Богъ украсилъ ц дородствомъ, разумомъ, красотою лица, милосердымъ н номъ; что своею милостію онъ всѣхъ призираетъ; что ни же видя его царское лицо, печаленъ отходитъ»... Дѣйст тельно, милосердіе было едва-ли не преобладающею черт въ характерѣ царя Алексѣя Михайловича. «Мы всѣмъ без мощнымъ и бѣднымъ по Бозѣ помощники (писалъ онъ къ к зю Одоевскому); на то насъ Богъ уставилъ, чтобъ безпомо нымъ помогать». Въ домашнемъ быту почти каждый день царя сопровождался дѣлами милости. Особенно любилъ о

нищую братію. На царскомъ дворѣ каждый праздникъ нищимъ давались *кормы* — обѣды; весьма часто столы на нищую братію давались и въ собственныхъ комнатахъ царя, гдѣ онъ изъ своихъ рукъ одѣлялъ всѣхъ деньгами. Извѣстно также, что подлѣ его хоромъ жили такъ называемые *верховые нищіе, верховые богомольцы* — столѣтніе старики, чтимые за ихъ праведную жизнь; кромѣ-того, царь любилъ и особенно чтилъ *странныхъ, юродивыхъ* Христа ради. Съ однимъ изъ такихъ странныхъ, Васильемъ Уродивымъ, онъ даже былъ въ перепискѣ и въ письмахъ къ Никону о немъ называлъ его *братомъ, страннымъ братомъ*. Въ большіе праздники и по случаю важныхъ семейныхъ событій онъ обходилъ, обыкновенно въ ночное время, всѣ тюрьмы въ Москвѣ, освобождалъ заключенныхъ и раздавалъ имъ щедрую милостыню. Мы не говоримъ уже о дѣлахъ милосердія, обращенныхъ собственно на церковный чинъ и на благолѣпіе Божіихъ храмовъ. Въ отношеніи внѣшнихъ дѣйствій религіозности царь стоялъ, можетъ быть, выше всѣхъ изъ своихъ современниковъ. Но въ этихъ благочестивыхъ знакахъ милости еще неполнѣ выражается милосердый нравъ, и тѣмъ болѣе, что дѣла милосердія возникали въ то время болѣе изъ обычая, изъ тѣхъ понятій о жизни, которыя полагали въ раздачѣ милостыни всю сущность добра, на какое призванъ человѣкъ. Милостыня служила почти единственнымъ практическимъ удовлетвореніемъ сердечной потребности дѣлать добро; почти на ней одной только сосредоточивалась вся практическая сторона добродѣтели. Это было ходячее правило доброй жизни, установленное общественною мыслью, которая признавала въ этомъ высшую степень дѣятельнаго добра. Оттого въ древнемъ обществѣ нищій занималъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ; онъ былъ необходимымъ, существенно нужнымъ звеномъ въ тогдашней общественной цѣпи; безъ него мало представлялось

возможности удовлетворить законнымъ стремленіямъ добраго сердца. Оттого, разумѣется, и нищенство было распространено въ неимовѣрной степени. Такимъ образомъ одна, чисто-внѣшняя дѣятельность милости еще не можетъ достовѣрно опредѣлить внутреннихъ, сердечныхъ движеній милосердаго нрава. Милосердый нравъ Алексѣя Михайловича яснѣе и прямѣе выражается въ томъ человѣколюбіи и *милостивомъ схожденіи* къ людямъ, которое являлось вездѣ, гдѣ только видѣло дѣйствительную нужду въ помощи, которое облекало и самыя отношенія царя къ людямъ въ чувство дружелюбія и родственности. Такимъ чувствомъ проникнуто, напримѣръ, все письмо къ князю Одоевскому о смерти его сына, гдѣ царь подробно описываетъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія это печальное для старика событіе. Кто, какъ не близкій родной, какъ не человѣкъ глубоко почувствовавшій чужое горе, могъ написать эти строки, исполненныя горячаго участія: «И тебѣ боярину нашему, и слугѣ, и дѣтемъ твоимъ черезмѣру не скорбить (пишетъ государь, заключая подробности событія), а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать; и уподобитца бъ тебѣ Іеву праведному» и пр.

Когда Никонъ, бывъ еще митрополитомъ, въ поѣздкѣ своей за мощами св. Филиппа, сталъ требовать отъ сопутствовавшихъ ему свѣтскихъ лицъ строгаго исполненія ежедневныхъ церковныхъ службъ и правилъ, налагаемыхъ только обѣтомъ монашества; когда, по этому случаю, возникъ ропотъ, милостивое схожденіе царя явилось тотчасъ же примирителемъ тамъ, гдѣ менѣе всего нужно было насиліе, строгое понужденіе... «Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь Ивановыхъ грамотокъ Хованскаго (пишетъ царь къ Никону), что будто онъ пропалъ, а пропасть свою пишетъ, что будто ты его заставливаешь съ собою правила ежедень; да и насъ перешептывали

на меня: николи де такого безчестья не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ; и потомъ и я тебя, владыко святый, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставливай у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному мозоліе ему есть... Да Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лутчи бы де намъ на Новой Землѣ за Сибирью съ князь Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ; какъ де такъ, что *силою заставливаетъ говѣть, никого де силою не заставитъ Богу вѣровать...*» Прося Никона сохранить и скрыть это письмо въ тайнѣ, царь послалъ къ нему вмѣстѣ съ княземъ Хованскимъ оффиціальную граммату, въ которой приказывалъ Никону заставить служилыхъ людей только говѣть въ Петровъ или Госпожинъ посты и наказывалъ боярину унимать ихъ отъ всякаго дурна и чтобъ ѣхали съ благочиніемъ, а не смѣхомъ: «зане же и къ намъ, земному царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаетъ ѣхать къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ».

«Милосердіе (говоритъ Рейтенфельсъ) составляетъ вѣнецъ высокихъ добродѣтелей царя, и имъ такъ преисполнено его доброе сердце, что и отъ другихъ требуетъ онъ того же настоятельно. Однажды грузинскій князь (Николай Давидовичъ), изгнанный изъ своего отечества и жившій съ матерью въ Москвѣ, приказалъ обрѣзать носъ и уши своимъ людямъ за нѣкоторые непристойные поступки: когда дошло это до свѣдѣнія царя, то онъ послалъ сказать князю, что «если и впередъ намѣренъ поступить такъ же, то можетъ отправиться въ свою Грузію или куда угодно, а въ Москвѣ подобныхъ жестокостей не терпятъ».

Когда одинъ иностранецъ (говоритъ Коллинсъ) предложилъ государю назначать смертную казнь всякому, кто оставитъ

его знамена, онъ отвѣчалъ, что «это было бы жестоко: Богъ не всѣмъ даровалъ равную храбрость». Въ 1657 году, во время войны со Шведами, одинъ изъ нашихъ отрядовъ потерпѣлъ пораженіе и храбрый воевода Матвей Шереметевъ, израненный, былъ взятъ въ плѣнъ. Царя не смутило извѣстіе о томъ, что наши побѣжали; ему въ мысль не приходило, что этотъ поступокъ могутъ разсматривать какъ преступленіе; онъ неразумную храбрость называлъ прямо *безпутною дерзостью;* онъ, напротивъ, искренно радовался при настоящемъ событіи, что *люди цѣлы,* и подъ впечатлѣніемъ этой радости писалъ Матюшкину: «Братъ! буди тебѣ вѣдомо: у Матвея Шереметева былъ бой съ нѣмецкими людми и дворяне издрогали (дрогнули) и побѣжали всѣ, а Матвей остался въ отводѣ и сорвалъ нѣмецкихъ людей; да на встрѣчу иные пришли роты, и Матвей напустилъ и на тѣхъ съ небольшими людми, да лошадь повалилась, такъ его и взяли; а людей нашихъ всякихъ чиновъ пятдесятъ одинъ человѣкъ убитъ, да ранено тридцать пять человѣкъ; и то благодарю Бога, что отъ трехъ тысечъ столько побито, а то всѣ цѣлы, потому-что побѣжали, а сами плачутъ, что такъ грѣхъ учинился... А съ кѣмъ бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было двѣ тысячи, нашихъ и болши было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвеѣ не тужи: будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести; *радуйся, что люди цѣлы,* а Матвей будетъ попрежнему».

Но милосердый нравъ царя не переступалъ, однакожь, границъ той мягкости и слабосердія, которыя хотя и почитаются иногда за добродѣтель, но въ сущности происходятъ скорѣе отъ душевной лѣни, чѣмъ отъ истинно добрыхъ качествъ сердца. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ *любителенъ* и *грозенъ,* былъ милостивъ и строгъ, строгъ особенно тамъ, гдѣ требовалось исполненіе обязанностей, исполненіе долга. Во время частыхъ выѣздовъ своихъ изъ Москвы онъ очень

заботился о безопасности семейства, о береженіи дворца, въ которомъ, по обыкновенію, для сторожи на лѣстницахъ и у всѣхъ входовъ дневали и ночевали дѣти боярскія. Однажды по этому поводу писалъ онъ къ Матюшкину: «И ты прикажи діаку Петру Арбеневу моимъ словомъ про дѣтей боярскихъ, по сколку у нихъ наряжаютъ человѣкъ на лѣстницу, и онѣ бъ отнюдь не отходили, развѣ для нужды; да и то молъ (молвь) Петру, чтобъ самъ почасту ихъ днемъ и ночью смотрѣлъ, таки ль всѣ тутъ, да и самъ ты смотри ихъ почасту; да прикажи и то ему: а которова не будетъ, и онъ бы на смерть сѣкъ батоги; да и истопничимъ молъ, чтобы и у нихъ бережно было и пьяныхъ бы не было, а за пьянство бы на смерть били...» Поручивъ свою любимую потѣху — соколовъ — Матюшкину и Голохвастову, своимъ сверстникамъ по воспитанію, и зная, что успѣхъ каждаго дѣла зависитъ отъ совѣта и любви между исполнителями, а, можетъ быть, подозрѣвая и вражду между ними, онъ пишетъ къ нимъ: «да однолишно бъ вамъ съ Васильемъ для Бога и для меня быть въ совѣтѣ и въ любви; а будетъ вы Бога и меня не послушаете, и вы да будете прокляти въ сей вѣкъ и въ будущій... И сокольникомъ приказать, чтобъ онѣ такъ же были въ совѣтѣ межъ себя и въ дружбѣ и раздору бъ межъ ихъ не было никакова».

Въ томъ же письмѣ, давая подробныя наставленія, ка́къ лучше промышлять соколами, то есть ка́къ ухаживать за ними, беречь ихъ и учить, выдерживать, царь заключаетъ: «Я теперь кладуся на васъ во всемъ, какъ лутче, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адарь или Муратъ (имена птицъ), или Булатъ, или Стреляй или Лихачь или Салтанъ умрутъ: и вы меня и не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю кнутомъ перепороть, а естьли убережете, и васъ милостиво пожалую, а сокольниковъ также пожалую». Какъ бы ни казались грозными эти повелѣнія, мы все-таки должны

повторять, что строгость царя не была слѣдствіемъ жестокаго нрава, котораго онъ не имѣлъ; она вытекала изъ его понятій о правдѣ и порядкѣ, которыхъ онъ искалъ всюду, и въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ, во всякой вещи, желая, чтобъ никакой вещи безъ благочинія и устроенія не было.

Въ 1652 году въ Москву принесены были изъ Соловецкаго монастыря мощи св. Филиппа митрополита, который, какъ извѣстно, погубленъ былъ въ крамолахъ Опричины, при Грозномъ, какъ защитникъ и печальникъ безвинныхъ жертвъ. Описывая Одоевскому это перенесеніе, разсказывая подробно о чудотвореніяхъ святаго, царь останавливается на самомъ событіи: оно являетъ ему глубокій смыслъ. «А какъ его свѣтовы мощи поставили на Лобномъ мѣстѣ — всѣ прослезилися: пастырь, гонимый понапрасньству, возвращается вспять и грядетъ на свой престолъ!» Вспомнивъ высокій подвигъ святаго страдальца правды, изгнаннаго съ престола ради правды, царь въ его нетлѣнномъ возвращеніи созерцаетъ торжество правды, нѣкогда отверженной и злобно поруганной. «А какъ принесли его свѣта въ соборную и апостольскую церковь (продолжаетъ государь) и поставили на престолѣ его прежебывшемъ, кто не подивится сему, кто не прославитъ, и кто не прослезится, изгонимаго вспять возвращающася и зѣло съ честію пріемлема? Гдѣ гонимый и гдѣ ложный совѣтъ (восклицаетъ царь)? Гдѣ обавники (клеветники), гдѣ соблазнители, гдѣ мздоослѣпленныя очи, гдѣ хотящіи власти воспріяти гонимаго ради? Не всѣ ли злѣ погибоша? не всѣ ли изчезоша во вѣки? не всѣ ли здѣсь месть воспріяли отъ прадѣда моего царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росіи, и тамо месть вѣчную пріимутъ, аще не покаялися?» Увлеченный высокимъ смысломъ событія, исполненный глубокаго чувства торжествующей правды, государь торжественно высказываетъ любимому боярину свое сознаніе правды, свой

взглядъ на сущность царскаго помазанія. Трудно было избрать случай болѣе торжественный и болѣе назидательный для обнаруженія благородныхъ стремленій. Гдѣ жь, какъ не предъ ликомъ погибшаго за правду, возвѣщать величіе правды, величіе страданій за правду!

«О блаженные заповѣди Христовы! о блаженна истина нелицемѣрная (восклицаетъ царь)! О блаженъ воистину и треблаженъ, кто исполнилъ заповѣди Христовы и за истину отъ своихъ пострадалъ? Ей, не избраша лутче того, что́ веселитися и радоватися во истинѣ и правдѣ, и за нее пострадати, и людей Божія разсуждати въ правдѣ! А *мы* великій государь ежедневно просимъ у Создателя и Всещедраго Бога нашего, и у Пречистой Его Богоматери, и у всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ, прошенія ради Матери Своея Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ ради молитвъ, даровалъ намъ великому государю и вамъ бояромъ съ нами единодушно люди Его Свѣтовы разсудити въ правду, *всѣмъ равно;* писано бо есть: судъ Божій николи кривъ не живетъ, развѣ безхитростные прямые статьи (то-есть прямо безхитростной статьи), то и Богъ не взыщетъ. И о всѣхъ христіанскихъ душахъ поболѣніе мы имѣемъ, и въ вѣрѣ крѣпкимъ бы и въ правдѣ и во истинѣ, яко же столпомъ стояти твердо, и за нее страдати до смерти, во вѣки и на вѣки». Это рѣчь не заученная, не выбранная изъ книгъ: здѣсь слышится глубокое убѣжденіе человѣка, который, сознавая, что судъ Божій — правда, николи кривъ не живетъ или не бываетъ и не долженъ быть, желая въ правдѣ и въ истинѣ стояти твердо, яко же столпомъ, сознаетъ въ то же время, что онъ можетъ иногда и не понять правды, безхитростно поступить противъ нея — словомъ, сознаетъ, что онъ, по ограниченности человѣческой, можетъ ошибиться. Это-то сознаніе и указываетъ, что онъ былъ практическимъ органомъ правды, покрайней-мѣрѣ въ

той ея исторической одежде, въ какой правда ходил
время. Высказанное здѣсь свое понимание правды
вилъ задачею жизни: «а прежде того вы жаловали,
писали, *какъ жить мнѣ государю и самъ б*
говоритъ онъ объ этихъ замѣчательныхъ строкахъ,
тонъ письмѣ къ Одоевскому, который въ отвѣтъ пис
мало понялъ эти рѣчи царя, «прочесть не разумѣлъ»
именно онѣ кланятся. Такъ покойнѣй-мѣрѣ мо
ясить это мѣсто въ его отвѣтномъ письмѣ *).

Что правда царя не была умѣренною только,
въ высшей степени дѣятельною, практическою, на эт
жемъ найти много доказательствъ и въ его госуд
ныхъ и въ домашнихъ дѣлахъ. Можетъ быть, въ мо
ступкахъ правда человѣка еще больше узнается, в
скрывается, нежели въ большихъ.

Такъ мы видимъ Алексѣя Михайловича душеприк
умершаго патріарха Іоасафа. Онъ, по древнему вы
строгой душу покойнаго, кладетъ самолично по
робности его домашнихъ дѣлъ и самъ перепечатыв
тонъ переписываетъ, распродаетъ и раздаетъ на по
лейную казну, собственное имущество умершаго.
торы велѣли, ежелеть, я самъ ходилъ (пишетъ онъ
ну)... а то кабы я самъ не ходилъ да велѣлъ пере
по прежнему, и меня прости, владыко святый, ни
половины бы не почему сыскать, потому-что запис
не осталось бы ничего, все бъ раскрали; рѣдкая т
что записано, а то все безъ записки... А со иноз
ные казны (у переписи и продажи) были бояринъ Б
турлинъ, да думной дворянинъ Ѳ. К. Елизаровъ, д

*) „Москвитянинъ", 1851 г., № 14-й. Весьма жаль, что г.
пренебрегъ отвѣтными письмами къ царю и не внесъ ихъ въ
ніе, которое отъ этого вообще много выиграло.

дьякъ Михаило Волошениновъ... Да и въ томъ меня, владыко святый, прости: не много и я не покусился инымъ судамъ (серебр. посуда), да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыко святый, ни маленкому ничему не точенъ; было бы, владыко святый, и меня столко, что и вчетверо цѣну ту дать, да не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно; а се какой я буду прикащикъ, самому мнѣ имать, а денги мнѣ платить себѣ жъ? А топере неиѣрно радъ, что ничему не точенъ, ни патріарховыхъ, ни князь Юрьевскихъ (Сулешова) животовъ; ни товарищемъ своимъ, которые со мною переписывали, Василей (Бутурлинъ) съ товарищи, и имъ не далъ купить, толко лише продалъ я Василью на двадцать на семь рублевъ, и то изъ мелочи князь Юрьевскихъ, а болши того от(н)юдь ничего не далъ купить, а и то далъ купить, что никто не купилъ; а я для того себѣ не купилъ, что милостію Божіею, и отца своего благословеніемъ всего много, и того не изжить». Нельзя не остановиться здѣсь на этой необыкновенной строгости, чистотѣ въ пониманіи своего долга, въ пониманіи взятой на себя обязанности. Царь искушается: иныя вещи, можетъ быть, по достоинству своей работы и украшеній, по красотѣ своей, прельщаютъ его; онъ готовъ былъ дать вчетверо противъ ихъ настоящей цѣны, и этого было бы весьма достаточно для удобнаго оправданія своего поступка... притомъ здѣсь казалось и оправдываться не въ чемъ... Но строгая правда беретъ свое: «а се какой я буду прикащикъ, говоритъ царь, самому мнѣ имать (покупать), а деньги мнѣ платить себѣ жъ?» Если допустимъ даже, что поступки царя управлялись въ этомъ случаѣ одною только мыслью, что отъ людей будетъ зазорно, то все-таки должно сознаться, что и въ этой мысли выразился строгій судъ самому себѣ, ибо чѣмъ развитѣе, такъ-сказать, тоньше, нѣжнѣе пониманіе правды, чѣмъ внимательнѣе оно къ обще-

ственному суду, къ этому гласу народа — гласу Божью. Его современники, даже самые близкіе къ нему люди, иначе смотрѣли на свои обязанности и едвали когда-нибудь пускались въ такіе глубокіе и строгіе разборы своихъ поступковъ. Общій колоритъ тогдашнихъ нравовъ, тогдашнихъ понятій о долгѣ, обязанностяхъ, о значеніи службы и всякаго общественнаго дѣла, представляетъ рѣшительную противоположность высокимъ стремленіямъ царя. Корыстолюбіе было одною изъ главныхъ дѣйствующихъ силъ въ тогдашнихъ общественныхъ нравахъ. Личный интересъ ставился впереди всего, не потому, чтобъ общество, вслѣдствіе развращенія, утратило всякое сознаніе общественнаго долга, а потому именно, что, по молодости, неразвитости своей, оно еще и не пріобрѣло этого сознанія. Службою въ смыслѣ общественнаго дѣла оно почитало только службу военную на защиту земли, и въ этомъ понятіи мало расходилось со всѣми другими народами и племенами, стоящими на первой ступени гражданскаго развитія. Всякую дѣятельность другаго рода, собственно гражданскую, наше древнее общество принимало какъ средство, вознаграждающее за службу, то есть за заслуги на ратномъ полѣ. Само правительство, раздавая должности гражданскаго управленія, руководилось тою же мыслью, и эта мысль была господствующею въ тогдашнихъ служебныхъ понятіяхъ. Оттого и личный интересъ по необходимости являлся передовымъ, главнымъ двигателемъ каждаго лица, принимавшаго на себя какую-либо гражданскую должность; оттого и пользы государства, пользы общества наблюдались большею частью на столько, на сколько онѣ могли служить личнымъ цѣлямъ. Само собою разумѣется, что все это мало относится къ массѣ народа, котораго дѣятельность всегда болѣе или менѣе страдательная; она и называлась *страдою*. Масса — народъ — историческая почва. Мы говоримъ о той ея части, которой

выпадала завидная доля быть хозяевами этой почвы, дѣйствовать на нее, сѣять и пожинать. Здѣсь-то и раскрывается все неразуміе тогдашняго хозяйства. Дѣйствующія силы были направлены только на то, чтобъ собирать, какъ можно болѣе *дохода*, не тратя ни малѣйшихъ заботъ и стараній объ улучшеніи хозяйства, о благополучіи, благоденствіи почвы — народа. Почти все, что́ дѣйствительно было сдѣлано для общественнаго устройства, все это явилось не какъ забота улучшить, а какъ предупрежденіе явнаго и совершеннаго разстройства дѣлъ, было вызвано не попеченіемъ, а скорѣе самосохраненіемъ, стремленіемъ спасти дѣло отъ конечной погибели. Таковъ былъ общій характеръ служебной гражданской дѣятельности. Изъ этихъ чисто матеріальныхъ побужденій, изъ этой невѣжественной и неразумной среды выступали, конечно, личности, сознававшія свое призваніе въ идеѣ, сознававшія службу государству, какъ долгъ, а не какъ средство кормиться и наживать вотчины. Но что́ жь могли дѣлать эти утлые челны въ общемъ водоворотѣ? Они неминуемо гибли, увлекаемые, рано или поздно, общею силой вещей. Ординъ-Нащокинъ, Матвеевъ, Никонъ были рано унесены и разбиты этимъ теченіемъ... А водоворотъ выдвигалъ на сцену Милославскихъ, Траханіотовыхъ, Плещеевыхъ, дьяковъ Чистыхъ и т. п. Корыстолюбіе и взяточничество Ильи Даниловича Милославскаго, царскаго тестя и тестя Бориса Морозова, перваго тогда человѣка по вліянію, засвидѣтельствовано не только иностранцами, но и русскими, напримѣръ Котошихинымъ. Самый Борисъ Ивановичъ Морозовъ, любимѣйшій человѣкъ, котораго государь называлъ пріятелемъ и чтилъ вмѣсто отца роднаго, оставилъ по себѣ довольно смутную и едва-ли безгрѣшную память. Свидѣтельствомъ его не безкорыстныхъ дѣйствій по управленію дѣлами государства служатъ, во первыхъ, люди, которымъ онъ льготилъ и выдвигалъ ихъ, а потомъ

огромное богатство, оставленное имъ послѣ смерти. Нѣкоторые наслѣдователи оправдывать Морозова *). Но какъ кажется, что почтенное желаніе оправдать это лице какъ единственно только уваженіемъ къ достоинствамъ самого государя, у котораго Морозовъ былъ дядькою, кормильцем и воспитателемъ и, слѣдственно (такъ, вѣроятно, думали) долженъ имѣть также высокія качества души, какими славился воспитанникъ. Морозовъ могъ имѣть отличныя достоинства, какъ воспитатель, и именно такія достоинства, какія требовались для воспитателя по понятіямъ того времени: он былъ *честью* великъ (добродѣтенъ), тихъ и разуменъ. Тотъ же Морозовъ могъ имѣть совершенно другія достоинства, какъ дѣятель правительственный... Какъ бы то ни было, но, по нашему мнѣнію, трудно оправдать человѣка, главное — временщика и администратора, котораго осудил единодушный голосъ народа. Гласъ народа — гласъ Божій. Итакъ повторимъ: сознаніе долга явилось у Алексѣя Михайловича въ той строгой чистотѣ, въ той святости, которая высоко ставитъ царя надъ его современниками.

Дѣйствія правды, съ другой стороны, выражались у Алексѣя Михайловича и въ его стремленіи дать всякому дѣлу ст и порядокъ. Свои понятія объ этомъ онъ высказалъ по поводу составленія «Сокольничьяго Урядника». «По его государеву указу (говоритъ этотъ «Урядникъ» въ предисловіи), никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженаго и учительнаго (исполненнаго красоты) не было; и чтобы всякой вещи честь и чинъ и образецъ писаніемъ предложенъ бы; потому: хотя мала вещь, а будетъ по чину честна, и устройна, благочинна, никтоже зазритъ, никтоже похулитъ

*) *Царь Алексѣй Михаиловичъ*, статья г. Зорина, въ „Москвитянѣ" 1854 г. № 14-й.

всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ. А честь и чинъ и образецъ всякой вещи большой и малой учиненъ потому: честь укрѣпляетъ и утверждаетъ крѣпость; урядство же уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе; стройство же предлагаетъ дѣло; безъ чести же малится и не славится умъ; безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье... Что всякой вещи потреба? Мѣряніе, сличіе, составленіе, укрѣпленіе; потомъ въ ней, или около ея: благочиніе, устроеніе, уряженіе. Всякая же вещь безъ добрыя мѣры и иныхъ вышеписанныхъ вещей бездѣльна есть, и не можетъ составиться и укрѣпиться».

Царствованіе Алексѣя Михайловича представитъ много доказательствъ, что высказанныя здѣсь мысли о стройствѣ, порядкѣ, о важномъ его значеніи для всякаго дѣла, даже и для малой вещи, не были только теоретическими представленіями въ умѣ царя, но скорѣе всего были выводами практическаго примѣненія этихъ истинъ въ дѣйствительности. Кромѣ того, здѣсь открывается новая черта въ его характерѣ: онъ любитъ стройство-урядство не только потому, что это составляетъ, какъ говорятъ, душу дѣла, или, какъ онъ выразился, «стройство предлагаетъ дѣло», но и потому еще, что оно уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе. Слово *удивленіе* встарину означало тоже красоту, но, какъ кажется, высшую ея степень. Оно относится большею частью къ внѣшней обстановкѣ предмета и заключаетъ въ себѣ понятія благолѣпія, велелѣпія; удивленіе въ старинныхъ понятіяхъ и представленіяхъ имѣло то же значеніе, что́ у насъ изящество. И въ современномъ царю обществѣ, можетъ быть, не было человѣка, который бы болѣе любилъ красоту и удивленіе во всемъ, что́ касалось внѣшней обстановки тогдашняго

быта. А такъ какъ красоти и удивленіе заключались по преимуществу въ блескѣ, великолѣпіи, ослѣпите постротѣ золота, серебра, дорогихъ камней, яркихъ кра хитрыхъ узоровъ и т. п., то удивительный вкусъ ц этомъ отношеніи, далеко оставилъ за собою все, что въ же родѣ являлось у его предшественниковъ. Царскій д и дворъ получили при немъ совершенно иной видъ; иное цы неоднократно высказывали свое изумленіе при вид велелѣпія, какимъ окружалъ себя московскій государь. удовлетворенія потребностямъ царскаго вкуса призваны разнаго рода художества и ремесла, которыя, подъ влія и руководствомъ иностранныхъ мастеровъ, постоянно тавшихъ въ царскихъ мастерскихъ, были преобразованы лены и въ сохранившихся доселѣ памятникахъ служатъ красныхъ свидѣтельствомъ эстетическихъ стремленій Ал Михайловича, по крайней мѣрѣ, въ той степени и въ характерѣ, какъ это было возможно въ его время.

Самая страсть царя къ соколиной охотѣ служитъ т вѣрною характеристикою благородныхъ направленій его « «Соколиная охота (говоритъ г. Аксаковъ въ своей по тельной замѣткѣ къ «Урядннку») по преимуществу благ ная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ, не о числѣ за ленныхъ гусей или утокъ, тутъ охотники наслаждаются востью и красотою соколинаго полета или, лучше ска неимовѣрной быстротой его паденія изъ подъ облаковъ, « его удара». Красоту, поэзію этой охоты царь понималъ ли не лучше всѣхъ своихъ современниковъ, всѣхъ своих варищей-охотниковъ, да едва-ли не лучше ихъ онъ поня и другую сторону охоты, такъ сказать техническую, ма альную. То и другое ярко выступаютъ въ его письмах Матюшкину. Необыкновенная забота о птицахъ, дохо до самыхъ мелкихъ подробностей, точныя указанія какъ

нъ, учить и наблюдать, подробное описаніе ихъ *славныхъ* добычъ, совершенныхъ въ его присутствіи — вотъ что́ большею частью наполняетъ эти письма; и въ каждой строкѣ ихъ вы видите охотника, преданнаго своему дѣлу съ необыкновенною страстью, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. Есть мѣста, которыя, по своей безпритворной изобразительности, обращаютъ особенное вниманіе. Однажды царь поѣхалъ *отвѣдывать*, пробовать птицъ *на добычахъ*, и вотъ между Сущева и Напрудняго, то-есть въ мѣстахъ между Бутырскою и Троицкою Заставами, *наѣхалъ онъ прыскъ* *), то есть на тяженное, торное мѣсто, которое, по весеннему времени, было еще залито водою. «Отпустили сокола Мадина (пишетъ государь), и онъ хорошо полетѣлъ, да не слѣзъ **), а утки многіе свіязи и шилохвости и чирята; а въ длину вода та шесть саженъ, а поперегъ двѣ сажени, да тѣмъ хорошо, что некуда утечь, нѣтъ иныхъ водицъ близко... Отпустили сокола Семена Ширяева ***) дикомытъ: такъ безмѣрно каково хорошо летѣлъ, такъ погналъ, да осадилъ въ одномъ концѣ два гнѣзда шилохвостей, да полтретья гнѣзда чирятъ; такъ вдругорядь погналъ, такъ понеслось одно утя шилохвость и мило-

---

*) Г. Бартеневъ объясняетъ: „до сихъ поръ въ псовой охотѣ говорится: *ѣздить по прыску*, то-есть по такому мѣсту, гдѣ много налилось воды, и оттого при проѣздѣ вода *прыщетъ*". *Прыскъ*, не отъ прыскать, а отъ рыскать, значитъ собственно спорый, сильный бѣгъ; отсюда *зверь прискучій*, упоминаемый въ древнихъ пѣсняхъ. Кромѣ-того, *прыскъ* значитъ вообще *слѣдъ: прыскъ богатырскій, поприски богатырскіе*— слѣды богатырской ѣзды, богатырскаго бѣга, *нарыскъ* — лисій слѣдъ. „Ѣздилъ (сторожевой атаманъ) вверхъ Тору (рѣки) въ ночи и видѣлъ они многіе и отъ с ѣдъ лошадиныхъ *прыскъ* и ржанье великое..." Карам. IX, пр. 351.

**) *Не слѣзъ* — не спустился, не шелъ на добычу. *Лазить* — забираться вверхъ, *перелазить* — брать верхъ, отсюда и *перелазка*.

***) Семелы обозначались иногда именами сокольниковъ, ихъ носившихъ.

стію Божіею и твоими молитвами и счастіемъ, какъ ей
нетъ по шеѣ, такъ она десятью перекинулась да ушла
въ воду опять: такъ хотѣли по ней стрелять, нѐчаели,
худо заразилъ, а онъ ей такъ заразилъ, что кишки вонъ;
она поплавала немножко да побѣжала на берегъ, а сокол
и сѣлъ на ней»...

Очень понятенъ этотъ восторгъ, эта наивная радость с
стнаго охотника, который видитъ торжество своего люби
дѣла. Увлеченіе царя будетъ для насъ понятнѣе, если
вести здѣсь разсказъ г. Аксакова о томъ, кáкъ соверш
свои добычи копчикъ, безъ сомнѣнія, во многомъ уступа
соколу. «Если случится ѣхать лѣсистой дорогою, черезъ
леные перелѣски и душистыя поляны (говоритъ авто
только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ
чикъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкнов
сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, ил
надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небес
Онъ сторожитъ изумительно-зоркими своими глазами: не
летитъ ли какая нибудь маленькая птичка изъ-подъ ногъ
шади или человѣка. Съ быстротою молніи падаетъ онъ
поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣ
упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или ку
то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гн
къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычу
онъ взмоетъ вверхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ *сто*
и опять упадетъ внизъ, если снова поднимется та же пти
или будетъ вспугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черка
какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ... Нельзя б
пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на
строту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой х
ной птицы. Странно, но самому жалостливому человѣку ка
то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Т

рошъ, изященъ, увлекателенъ процесъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу».

Эту-то изящную сторону соколиной охоты Алексѣй Михайловичъ понималъ вполнѣ и прекрасно изобразилъ ее въ своемъ «Урядникѣ», вѣрно и живописно (слова г. Аксакова) вертивъ характеристику *добычи* каждой птицы. «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча (говоритъ восхищенный государь). Безмѣрно славна и чудна кречатья добыча. Удивительна же и утѣшительна и челига *) кречатья добыча. Угодительна, потѣшна дермлигою перелазка и добыча. Краснопосмотрителенъ же и радостенъ шеекова сокола летъ. Премудра же челига соколья добыча и летъ. Добровидна же и копцова добыча и летъ. По сихъ дорогутѣшна и привѣтлива правленыхъ ястребовъ и челиговъ ястребьихъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же доступніе... Будите охочи (обращается онъ къ охотникамъ), забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали мірскія». И, конечно, соколиная потѣха представляла живое и полное, да едва-ли и не единственное удовлетвореніе эстетическому вкусу царя.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ образованности царя, которая не могла же не отразиться въ его письмѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что старинная наша образованность заключалась собственно въ *книжности*, начитанности. Главнымъ основнымъ содержаніемъ ея было св. писаніе, книги церковно-историческія, догматическія, учительныя — словомъ, вѣроученіе во всей обширности. Сюда же присоединялись и отечественныя лѣтописи. Другія свѣдѣ-

*) Челигами назывались самцы этихъ птицъ.

ли явились въ нашей письменности или какъ дополненіе и объясненіе этой главной основы, напримѣръ общеисторическія въ хронографахъ и т. п. сборникахъ, или вызваны были новыми стремленіями и потребностями государства, напримѣръ географическія и политическія въ космографіяхъ, въ посольскихъ записяхъ и т. п. Европейскія сношенія заставили поневолѣ обратиться къ географіи, или описанію государствъ... Нужно же было хоть сколько нибудь знать, что́ за земли и что́ за народы существуютъ по ту и по сю сторону нашей широкой Московіи; нужно же было имѣть понятіе объ этихъ тридевяти царствахъ, тридесяти государствахъ, изъ которыхъ являлись къ намъ посланники, купцы, художники, солдаты и т. п. лица. Съ другой стороны, европейскія сношенія познакомили насъ, преимущественно чрезъ Польшу, и съ средневѣковой литературой, которая, между прочимъ, доставляла и легкое, увеселительное чтеніе, въ повѣстяхъ, исторіяхъ, прикладахъ, прилогахъ и т. п., хотя и здѣсь преобладалъ все-таки элементъ поучительный, душеполезный.

Начитанность пріобрѣталась не одною только любознательностью: благочестивое обыкновеніе, особенно въ царскомъ быту, начинать и даже нерѣдко оканчивать каждый день не только молитвою, но и чтеніемъ на каждый день духовныхъ словъ, поученій и житій святыхъ представляло одно изъ ближайшихъ средствъ пріобрѣтать самыя обширныя познанія въ вѣроученіи, обширное знакомство съ исторіею церкви. Такимъ образомъ книжность, начитанность приходила сама собою, естественнымъ путемъ исполненія обычныхъ правилъ благочестія. Для дѣйствія любознательности оставались уже другіе отдѣлы свѣдѣній, къ которымъ и обращались пытливые умы. По своей начитанности, Алексѣй Михайловичъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, и въ этомъ отношеніи, какъ можно полагать, онъ во многомъ былъ

обязанъ вліянію Никона, мужа строгой, крѣпкой правды, ясного, любознательнаго ума. Начитанность Алексѣя Михайловича особенно ярко выразилась въ его письмахъ къ Одоевскому, и именно во второмъ, гдѣ царь, утѣшая старика-боярина по случаю смерти сына его, припоминаетъ приличные событію примѣры изъ Ветхаго Завѣта объ Іовѣ, изъ Златоуста, изъ житія Варлаама Хутынскаго. Въ письмѣ къ Никону о смерти патріарха Іосифа раскрывается самое точное знаніе церковныхъ уставовъ, обрядовъ и пр. Все это, вмѣстѣ съ другими данными, разсѣянными въ письмахъ, достаточно свидѣтельствуетъ, что царь обладалъ вполнѣ старинною книжностью. Этою книжностью, ученостью того времени отзывается отчасти и предисловіе «Сокольничьяго Урядника», какъ справедливо замѣтилъ и г. Бѣсоновъ. Иностранецъ Рейтенфельсъ, какъ сейчасъ увидимъ, также свидѣтельствуетъ, что Алексѣй Михайловичъ посвящалъ немало времени на чтеніе книгъ и тѣмъ пріобрѣлъ основательныя познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Именемъ естественныхъ наукъ Рейтенфельсъ, вѣроятно, обозначаетъ вообще свѣдѣнія о разныхъ предметахъ гражданскаго быта, такъ сказать, практическія, опытныя. Свѣдѣнія о естественныхъ наукахъ у насъ тогда были скудны, отрывочны и составляли еще область чудесъ и басенъ.

Все изложенное служитъ только попыткою выяснить, при помощи изданныхъ, хотя и не новыхъ матеріаловъ, болѣе или менѣе существенныя черты характера царя Алексѣя Михайловича. На сколько мы справедливы въ нашихъ указаніяхъ— судить не можемъ, но думаемъ и доселѣ убѣждены въ томъ, что характеръ Алексѣя Михайловича носилъ въ себѣ преобразовательную основу, которая могла бы украсить и лучшее историческое время. Объ этомъ единогласно свидѣтельствовали и иностранцы, видѣвшіе царя, и въ своихъ сужденіяхъ о немъ

[illegible] [illegible] причины быть пристрастными. Мы от[illegible] [illegible] уже [illegible] свидѣтельствами, но отзывы их[illegible] [illegible] въ настоящемъ случаѣ, что мы должны при[illegible] [illegible] изъ нихъ съ большою полнотою.

«Царь Алексѣй Михаиловичъ (говоритъ Рейтенфе[illegible] [illegible] въ Москвѣ въ 1676 году) роста средняго, [illegible] [illegible] полное, нѣсколько продолговатое, тѣло довольно ту[illegible] [illegible] цвѣта средняго между чернымъ и рыжимъ, гла[illegible] [illegible], поступь величавую: на лицѣ его выражается стр[illegible] [illegible] съ милостью, взглядомъ внушаетъ каждому ува[illegible] [illegible] не возбуждаетъ страха. Нравъ его истинно ц[illegible] [illegible] онъ всегда важенъ, великодушенъ, милостивъ, благоче[illegible] [illegible] въ дѣлахъ государственныхъ свѣдущъ и весьма точно [illegible] [illegible] выгоды и желанія иностранцевъ. Посвящая немал[illegible] [illegible] на чтеніе книгъ, онъ пріобрѣлъ основательныя по[illegible] [illegible] въ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Большую [illegible] [illegible] употребляетъ онъ на дѣла государственныя, немал[illegible] [illegible] же занимается благочестивыми размышленіями, и даже [illegible] [illegible] ветаетъ славословить Господа пѣснопѣніями вѣнцеп[illegible] [illegible] Пророка; на охотѣ и въ лагерѣ бываетъ рѣдко *); [illegible] [illegible] установленные церковью, наблюдаетъ такъ строго, что [illegible] [illegible] долженіе сорока дней предъ Пасхою не пьетъ вина и не [illegible] [illegible] рыбы. Въ напиткахъ очень воздерженъ и имѣетъ такое [illegible] [illegible] обоняніе, что даже не можетъ подойдти къ тому, кто [illegible] [illegible] водку. Въ искусствѣ военномъ опытенъ и въ битвах[illegible] [illegible] устрашимъ; но, одержавъ побѣду, любитъ лучше ул[illegible] [illegible] своею милостью, нежели пользоваться правомъ сильнаг[illegible]

*) Царю въ это время было уже около тридцати лѣтъ, и [illegible] [illegible] безъ сомнѣнія, уже простыла страсть къ охотѣ, доставлявшей ем[illegible] [illegible] веселую утѣху въ первые годы царствованія. Около этого врем[illegible] [illegible] пристрастился, какъ извѣстно, къ сельскому хозяйству и завел[illegible] [illegible] [illegible] хозяйственный хуторъ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ.

[illegible] во время осады Рыльска. Благосклонность царя простирается до того, что [illegible] собираются ко дворцу и получаютъ деньги цѣлыми горстями, а въ праздникъ Рождества Христова преступники освобождаются изъ темницъ и, сверхъ того, еще получаютъ деньги. Когда иностранцы вступаютъ въ русскую службу, то царь даритъ имъ одежды, лошадей и прочее, какъ бы въ залогъ будущихъ милостей. Вообще иностранцы теперь живутъ въ Московіи гораздо свободнѣе, нежели прежде. *Алексѣй Михайловичъ* (заключаетъ Рейтенфельсъ) *такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ*». Почти то же говоритъ о немъ и Коллинсъ. «Наружность императора (пишетъ онъ) красива; онъ здоровъ сложеніемъ; волосы его свѣтлорусые; онъ не брѣетъ бороды, высокъ ростомъ и толстъ; его осанка величественна; онъ жестокъ во гнѣвѣ, но необыкновенно добръ, благодѣтеленъ, цѣломудренъ, очень привязанъ къ сестрамъ и дѣтямъ, одаренъ обширной памятью, точенъ въ исполненіи церковныхъ обрядовъ, большой покровитель вѣры; и еслибъ не окружало его густое облако доносчиковъ и бояръ, которые направляютъ ко злу его добрыя намѣренія, то его, безъ сомнѣнія, можно было бы поставить на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями» *). Лизекъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Нынѣшній царь одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями. Онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые столько же любятъ его, сколько и благоговѣютъ предъ нимъ. Его безпримѣрныя къ намъ милости достойны того, чтобъ нѣмецкіе писатели увѣковѣчили его имя хвалами». Мейербергъ точно такъ же восхваляетъ милосердый, чело-

*) „Чтенія И. О. И. и Д. Р.“ Годъ 1-й, № 1-й, стр. 13.

вѣчный нравъ царя, его приверженность къ вѣрѣ и благо-
стіе и присовокупляетъ: «Истинно достойно удивленія
что, облеченный высшею неограниченною властью надъ на
домъ, пріобыкшимъ безмолвно повиноваться волѣ своего в
дѣтеля и всякимъ дѣйствіямъ оной, царь сей никогда не н
волялъ себѣ оскорблять кого либо изъ своихъ подданны
какъ лично, такъ и въ имуществѣ или чести ихъ. Хотя,
добно всѣмъ великимъ людямъ съ живыми чувствами,
подверженъ иногда порывамъ гнѣва, но и тогда изъявле
онаго ограничивается нѣсколькими ударами или толчками
Но какъ бы ни были единодушны хвалы современниковъ,
нужно забывать, что Алексѣй Михайловичъ былъ сынъ в
мени, сынъ страны и учрежденій; благородныя черты зд
вой, человѣчной природы скрывались и даже заглушались
немъ чертами больнаго или искаженнаго вѣка, въ которо
онъ былъ дѣйствователемъ и который несравненно болѣе д
ствовалъ на него. Выйдти изъ грубыхъ, жестокосердыхъ
чалъ, господствовавшихъ въ его эпоху, онъ не могъ, по то
же самому, почему не могъ совершенно освободиться отъ н
и великій сынъ его, Петръ, приносившій, можетъ быть п
тивъ сознанія, свою дань ветхой старинѣ и имѣвшій пре
отцомъ несравненно болѣе выгодныхъ условій, особенно
отношенія обстоятельствъ своего воспитанія и образова
Такова, впрочемъ, участь каждаго историческаго дѣяте
даже каждаго изъ насъ... Какъ бы ни были здравы и че
вѣчны наши стремленія, сколько бы силъ мы ни употребл
для того, чтобъ очистить, просвѣтить себя въ отношеніи
средѣ, въ которой вращаемся, все-таки сила этой среды, с
вещей, явитъ и въ насъ своихъ послушныхъ и покорныхъ
ятелей, иногда безсознательныхъ, что случается чаще
иногда даже и сознательныхъ. Вотъ почему для насъ во
не кажется страннымъ слышать отъ царя, отличавшагося

лосердымъ нравомъ, ка́къ онъ грозитъ, напримѣръ, проклятіемъ Матюшкину и Голохвастову, если не будутъ они въ совѣтѣ и любви, ка́къ онъ грозитъ перепороть кнутомъ всѣхъ сокольниковъ, если умрутъ любимыя его птицы, порученныя ихъ береженью, и, наконецъ, ка́къ онъ купаетъ непоспѣвшихъ къ смотру стольниковъ. Съ этой же точки зрѣнія мы совершенно не понимаемъ и тѣхъ оправданій этого послѣдняго поступка, какія сдѣлалъ въ своихъ примѣчаніяхъ г. Бартеневъ.

Въ изученіи древности, въ разъясненіи старой жизни — вѣрный способъ найдти истину заключается, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ вести это изученіе съ полнымъ безпристрастіемъ, если отчасти и съ заготовленными положеніями и взглядами, что̀ миновать едва-ли возможно, то, главное дѣло, безъ фанатическаго упорства въ своихъ скороспѣшно и большею частью поверхностно составленныхъ выводахъ, теоріяхъ, системахъ. Намъ кажется, что достигнуть такого безпристрастія можно въ такомъ только случаѣ, когда въ изученіе древности, исторіи мы внесемъ взглядъ на дѣло и методъ естественныхъ наукъ, будемъ безстрастно, спокойно называть черное чернымъ, бѣлое бѣлымъ, такъ точно, какъ естествоиспытатель безстрастно дѣлаетъ свои изслѣдованія и заключенія при изученіи явленій, фактовъ природы. Въ области естествознанія нѣтъ мѣста легкомысленному глумленію надъ какимъ бы то ни было безобразіемъ. Для естествоиспытателя важенъ ходъ жизни, движеніе естественныхъ силъ. Формы, въ которыхъ являются эти силы, для него равно интересны и поучительны; восхищаясь красивою бабочкою, онъ нисколько не возмущается уродливостью другихъ насѣкомыхъ; а уродство, какъ болѣзнь, какъ видимое уклоненіе отъ нормы, во многихъ случаяхъ для него еще любопытнѣе; уклоненія яснѣе раскрываютъ сущность жизненныхъ силъ. Каждое безобразіе,

уклоненіе отъ нормы, и въ природѣ физической и въ природѣ нравственной, бываетъ результатомъ многихъ и многихъ условій. И тамъ и здѣсь мы должны пристально изучать пути, по какимъ дошелъ предметъ до своего искаженія, должны изучать законы, въ силу которыхъ явилось уклоненіе. Въ нравственной природѣ, которую обнимаетъ исторія, это дѣлается съ высокою цѣлью, именно для того, чтобъ, узнавъ ложный, уродливый путь жизни, предостеречь отъ опасности шествія по немъ современныя или и будущія поколѣнія. Вотъ ближайшая польза изслѣдованій. Но если непозволительно и даже противно легкомысленное глумленіе надъ искаженнымъ человѣческимъ образомъ, то несравненно противнѣе доказательства, что именно этотъ-то образъ и есть красота. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно, напримѣръ, оправдывать настоящій случай — купанье людей въ проруби (какъ говоритъ г. Бартеневъ), въ проруби, слѣдовательно зимою, въ морозъ. Хороша и награда за такой подвигъ: купальщиковъ кормили обѣдомъ; да хороши и стольники — будущіе бояре: они *нарокомъ* не поспѣвали на смотръ, имѣя въ виду изъ проруби прямо попасть на обѣдъ и ѣсть *вдоволь*. «Да извѣщаю тебѣ (пишетъ государь къ Матюшкину), што тѣмъ утѣшаюся, што стольниковъ безпрестани купаю ежеутръ въ прудѣ: іордань хорошо здѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю; да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, а иные говорятъ: «мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ, да и за столъ посадятъ; многіе нарокомъ не поспѣваютъ». Г. Бартеневъ объясняетъ все это слѣдующимъ образомъ: «Іордань, конечно, означаетъ здѣсь прорубь въ прудѣ. Ходить на іордань говорится доселѣ въ смыслѣ ходить на освященіе воды наканунѣ или въ день Богоявленія Господня, когда

совершается богослуженіе на рѣкѣ или на прудѣ. Простолюдины и доселѣ иногда въ жестокіе морозы купаются въ іорданѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это дѣлается даже по чувству благочестія. Слѣдовательно по этой забавѣ царя Алексѣя Михайловича никакъ нельзя заключать о жестокости и мнимой грубости тогдашнихъ нравовъ».

Простолюдины дѣйствительно и теперь иногда купаются въ крещенской іордани и всегда по чувству благочестія и къ тому же въ благочестивомъ чаяніи очистить себя отъ грѣховъ, принесенныхъ преимущественно святочными играми, переряживаньемъ и т. п., или получить здоровье. Такимъ образомъ это не забава, а дѣйствіе крѣпкой вѣры, и авторъ, конечно, согласится, что есть же какое нибудь различіе въ крещенскомъ купаньѣ, совершенномъ по убѣжденію, и въ крещенскомъ купаньѣ, совершенномъ недобровольно. Безсомнѣнія, находились многіе, готовые на всякій подвигъ изъ угожденія, но кому же прійдетъ въ голову оправдывать такія побужденія и дѣйствія подвигами, хотя и однородными во внѣшнемъ проявленіи, но вытекающими совершенно изъ другаго источника — чистаго и благороднаго въ своей сущности? Кому прійдетъ въ голову это утѣшительное *слѣдовательно*, въ настоящемъ случаѣ воспрещающее дѣлать заключенія о жестокости и грубости старинныхъ нравовъ? Нужно замѣтить при этомъ, что грубость и жестокость нравовъ ни въ чемъ такъ ярко не обнаруживается, какъ именно въ увеселеніяхъ, забавахъ, разнаго рода удовольствіяхъ, какія существуютъ въ извѣстномъ обществѣ въ извѣстное время. Это самые вѣрные, самые безпристрастные показатели общаго состоянія нравовъ, ихъ грубости или мягкости, бо́льшаго или мѐньшаго развитія народа. Такія, напримѣръ, общественныя удовольствія, увеселенія и зрѣлища, какъ кулачные бои, чахарда, медвѣжья травля, медвѣжій бой и т. п. служатъ яснымъ сви-

тельствомъ, что эстетическая сторона народныхъ нравовъ далеко еще не развита, что нравы вообще грубы и жестоки. Если человѣкъ находитъ въ танцахъ страшный грѣхъ, бѣсовское сказанье, въ музыкѣ, хотя бы и довольно еще грубой— бѣсовское гудѣнье, и вовсе не замѣчаетъ грѣха въ томъ, что на кулачномъ бою убьетъ до смерти или на-вѣкъ пуститъ калѣкой сопротивника, то что́ вы скажете о состояніи его эстетическаго развитія, о направленіи его вкусовъ? Было время, когда съ величайшимъ удовольствіемъ потѣшались шутами, дураками и другими такими же необходимыми лицами въ боярскихъ домахъ; помирали со смѣху надъ тѣмъ, ка́къ они таскали другъ друга за волосы, царапались до крови и т. п. Не уже ли все это свидѣтельствуетъ только о мнимой, а не о дѣйствительной грубости нравовъ? Да́, положа руку на сердце, мы по необходимости должны были бы съ этимъ согласиться, еслибъ все это дѣйствительно такъ было, какъ говоритъ г. Бартеневъ. Нужно зрѣніе г. Безсонова, которое, какъ онъ самъ всенародно засвидѣтельствовалъ, видитъ *чаще*, свѣтлѣе цѣлой половины нашихъ историковъ или изслѣдователей, пишущихъ въ настоящее время, нужна его собственная любовь къ русской жизни въ ея историческомъ развитіи, чтобъ открыть въ подобномъ фактѣ человѣчную сторону. Но успокоимся: потѣхи царя Алексѣя Михайловича, хотя и приносили дань вѣку, но никогда не выходили изъ границъ благодушія; не даромъ же его называли милосердымъ. Объясненіе г. Бартенева опирается главнымъ образомъ на словѣ іордань. Почему-то онъ заключилъ, что іордань значитъ прорубь... Но встарину называли, да и теперь называютъ іорданью, ерданью, плотъ съ перилами, или и безъ перилъ, устроенный для водоосвященія на рѣкѣ, или вообще на водѣ, которая въ этомъ случаѣ всегда прообразуетъ священную рѣку Іорданъ. На срединѣ плота оставляется свободное для

воды мѣсто, опредѣленное для погруженія св. креста *). Для торжественныхъ водоосвященій, какія совершались въ Москвѣ передъ Кремлемъ, у Тайницкихъ Воротъ, и при которыхъ почти всегда присутствовалъ и самъ государь, такой плотъ украшался великолѣпною *сѣнью*, навѣсомъ, балдахиномъ, по которой и самая іордань называлась нерѣдко *іорданною сѣнью*. Притомъ торжественное, всенародное освященіе воды совершалось два раза въ годъ: 6-го января, въ день Богоявленія, и 1-го августа, въ день Происхожденія Честныхъ Древъ Креста, когда, по обычаю, погружался въ іордань и самъ государь. Въ Москвѣ, въ XVII-мъ столѣтіи, это послѣднее водоосвященіе происходило обыкновенно подъ Симоновымъ монастыремъ. Такимъ образомъ купанье стольниковъ могло происходить и въ августѣ, и тогда дѣло принимаетъ иной видъ. Намъ кажется, что это обстоятельство было бы весьма важно для исключительныхъ любителей русской жизни въ ея историческомъ развитіи, еслибъ любители не ограничились однимъ только любленіемъ, а попристальнѣе всматривались бы въ любимый предметъ. Слѣпая любовь — любовь неразумная, а вглядѣвшись поближе въ любимый предметъ, можно иной разъ открыть и новыя красоты. Такія красоты представляетъ настоящій случай. Дѣло въ томъ, что письмо царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ потѣшеньи и въ которомъ не обозначено времени, когда оно писано, должно относиться къ 1653 году.

---

*) Этотъ водоемъ и назывался собственно *ерданью*. Московскій купчина-гость Котовъ, ходившій въ 1623 году въ Персидское царство, упоминаетъ, что въ Испагани видѣлъ ердани (водоемы) каменныя съ водою. Онъ же ерданью называетъ и фонтанъ: „прямо тѣхъ садовъ сдѣлана большая *ердань* каменная, стоитъ полна воды, а середь ердани поставлена труба мѣдная стоячая, и изъ той трубы вода бываетъ (бьетъ) въ верхъ изъ-подъ земли выше человѣка.“ Временникъ, Кн. 15.

Въ іюнѣ этого года царь дѣлалъ церемоніальные смотры стольникамъ, стряпчимъ и вообще своему *двору* со всею службою, на Дѣвичьемъ Полѣ, подъ Дѣвичьимъ Монастыремъ. Смотры эти начались 13-го іюня въ понедѣльникъ. Царь пишетъ къ Матюшкину, что онъ будетъ въ Москву въ воскресенье: «а то конче, что въ понедѣльникъ, часу въ четвертомъ дни». Такъ дѣйствительно и было. Въ книгѣ Царскихъ Выходовъ *), на которую не разъ ссылался г. Бартеневъ, отмѣчено, что 19-го іюня, въ воскресенье, государь на Дѣвичьѣ Полѣ не былъ; а въ понедѣльникъ, въ Золотой Палатѣ у него были Крымскіе посланники: вотъ и причина, почему онъ долженъ былъ возвратиться въ Москву. Смотры снова начались въ тотъ же день, въ понедѣльникъ, послѣ кушанья. Прудъ, на которомъ была іордань, то есть плотъ, сдѣланный, можетъ быть, нарочно для купанья, существуетъ и донынѣ, подлѣ монастыря. Недалеко отъ этого мѣста, между прудомъ и церковью Саввы Освященнаго, цари всегда останавливались въ шатрахъ, когда приходили въ монастырь на богомолье. Здѣсь же, безъ сомнѣнія, стояли шатры и царя Алексѣя Михайловича, въ которыхъ онъ кормилъ купальщиковъ обѣдомъ. Купаться въ іюнѣ — дѣло обыкновенное. Въ поступкѣ же царя, судя по времени, выразилось несравненно болѣе благодушія, нежели грубости и жестокости. Вмѣсто батоговъ, которые по справедливости слѣдовали неявившимся на смотръ, онъ ихъ купалъ, да и тутъ, чтобъ не остаться въ долгу, кормилъ купальщиковъ обѣдомъ. Такимъ образомъ строгость царь обратилъ на милость и сдѣлалъ изъ этого для себя забаву, потѣшенье. Вотъ почему и стольники такъ простодушно говорили: «мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ,

*) „Выходы Царей", стр. 288. См. также „Временникъ Истор. Общ." кн. 17, стр. 201.

да и за столъ посадятъ». Многіе дѣйствительно нарокомъ и не поспѣвали. Нужно притомъ замѣтить, что въ стольникахъ была боярская и дворянская молодёжь, начиная лѣтъ отъ четырнадцати.

Въ нашихъ соображеніяхъ и замѣткахъ о нѣкоторыхъ болѣе существенныхъ чертахъ характера Алексѣя Михайловича, мы старались показать высокій интересъ изданныхъ матеріаловъ, ихъ важное значеніе при объясненіи старины. Многаго мы не коснулись, да и не могли коснуться, потому что это повлекло бы насъ въ большія подробности, неумѣстныя въ настоящей статьѣ *).

---

*) Въ послѣдствіи, въ «Запискахъ отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Импер. Русскаго Археологическаго Общества» (томъ второй, Спб. 1861), было издано еще нѣсколько писемъ царя Алексѣя, хранившихся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Новыя письма не только не измѣняютъ нашихъ сужденій о характерѣ царя, но даютъ еще новыя краски, подтверждающія или пополняющія нашъ очеркъ. Въ нихъ милосердый нравъ его еще съ большею силою рисуется въ постоянныхъ напоминаніяхъ боярамъ (напр. кн. Лобанову-Ростовскому, кн. Ромодановскому), что они призваны вмѣстѣ съ государемъ «не на свое высокоуміе и вышеславіе полагаться, а *печаловаться и объ общемъ народѣ, о странахъ и селахъ;* любовь и всякое попеченіе и разсмотрѣніе и заступленіе имѣти о меньшей братіи Христовой, разсуждати людей Божіихъ въ правду, не разлѣняться, понеже судъ великій бываетъ на великихъ и сильныхъ. Меньшій прощенъ будетъ и достоинъ милованія; крѣпкихъ же и сильныхъ крѣпкое истязаніе ждетъ» и т. д. — Во время войны постоянно онъ также твердилъ воеводамъ, чтобъ въ полкахъ солдаты и стрѣльцы больные безъ призрѣнья не оставались, чтобъ своихъ ратныхъ людей отъ грабежу унимать, а будетъ которые отъ грабежу и отъ пожегу униматься не учнутъ и тѣхъ воровъ, пущихъ заводчиковъ, человѣка или двухъ казнить. И какъ онъ гнѣвался на бояръ—воеводъ, когда они своими оплошными или неразумными дѣйствіями напрасно губили людей ратныхъ въ битвахъ или не помогали имъ въ осадѣ. „Врагу Креста Христова и новому Ахитофелу князю Григорью Ромодановскому, писалъ царь этому воеводѣ, непослушному во-время полковъ на помощь, Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ прямую сатанинскую служ-

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію собственно издательскаго труда. Всѣ письма раздѣлены издателемъ на четыре отдѣла; къ каждому изъ трехъ первыхъ отдѣловъ предпослано особое введеніе, заключающее необходимыя историческія, біографическія и другія поясненія. Сверхъ того, послѣ каждаго письма отдѣльно слѣдуютъ примѣчанія и вообще объясненія памятниковъ. Издатель не придаетъ ученаго значенія этимъ объясненіямъ и назначаетъ ихъ преимущественно для большинства читателей, хотя въ трудѣ, вмѣстѣ съ издателемъ, участвовали г. профессоръ Бѣляевъ и г. Безсоновъ, первый нѣкоторыми указаніями, второй — филологическими замѣтками. Мы, впрочемъ, хорошо не поняли этой оговорки издателя, что онъ своимъ примѣчаніямъ не придаетъ ученаго значенія и

бу... Ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самаго Господь Богъ и жена и дѣтки твои узрятъ такія же слезы, какъ и тѣ плачютъ сироты, напрасно побитыя. И самъ ты треокаянный и безглавной ненавистникъ рода христіанскаго (для того, что людей не послалъ) и нашъ вѣрной измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ впадешь въ бездну преисподнюю, изъ нея же ни кто возвращался...“ И за тѣмъ напоминалъ ему Евангельское слово, какъ князи и судіи, отъ государей поставленные, должны милованіе, заступленіе и правду показывать нищимъ людямъ, печаловаться объ общемъ народѣ... Но ничѣмъ такъ не оскорблялось нравственное чувство Алексѣя Михайловича, какъ всякою похвальбою, самонадѣянностью, самоувѣренностью, самохвальствомъ. На эту черту, особенно въ поведеніи бояръ, онъ опалялся чрезмѣрно и писывалъ имъ цѣлыя проповѣди о томъ, чтобъ не уповали на свое *человѣчество* и *дородство*, чтобъ не полагали надежду на свое *высокоуміе* и *вышеславіе*, поучалъ всегда простоты, смиренію, надеждѣ только на Бога. Когда его тесть, бояринъ И. Д. Милославскій, похвалился предъ нимъ въ Думѣ, что лишь бы дали ему начальство надъ войскомъ, такъ онъ приведетъ Польскаго короля плѣнникомъ, — то царь вспылилъ неимовѣрно, разбранилъ стараго тестя страдникомъ, худымъ человѣчишкою, далъ ему пощечину, надралъ ему бороду, вытолкалъ пинками изъ комнаты и захлопнулъ двери. См. Исторію Россіи г. Соловьева, гдѣ также приведены неизданныя письма царя и обозначенъ его характеръ, т. XII, 336—347.

проч. Что лишь [illegible] [illegible] ученые? Если [illegible] [illegible] [illegible]

дѣтельствомъ, что эстетическая сторона народныхъ нравовъ далеко еще не развита, что нравы вообще грубы и жестоки. Если человѣкъ находитъ въ танцахъ страшный грѣхъ, бѣсовское скаканье, въ музыкѣ, хотя бы и довольно еще грубой— бѣсовское гудѣнье, и вовсе не замѣчаетъ грѣха въ томъ, что на кулачномъ бою убьетъ до смерти или на-вѣкъ пуститъ калѣкой сопротивника, то что́ вы скажете о состояніи его эстетическаго развитія, о направленіи его вкусовъ? Было время, когда съ величайшимъ удовольствіемъ потѣшались шутами, дураками и другими такими же необходимыми лицами въ боярскихъ домахъ; помирали со смѣху надъ тѣмъ, ка́къ они таскали другъ друга за волосы, царапались до крови и т. п. Не уже ли все это свидѣтельствуетъ только о мнимой, а не о дѣйствительной грубости нравовъ? Да́, положа руку на сердце, мы по необходимости должны были бы съ этимъ согласиться, еслибъ все это дѣйствительно такъ было, какъ говоритъ г. Бартеневъ. Нужно зрѣніе г. Безсонова, которое, какъ онъ самъ всенародно засвидѣтельствовалъ, видитъ *чище*, свѣтлѣе цѣлой половины нашихъ историковъ или изслѣдователей, пишущихъ въ настоящее время, нужна его собственная любовь къ русской жизни въ ея историческомъ развитіи, чтобъ открыть въ подобномъ фактѣ человѣчную сторону. Но успокоимся: потѣхи царя Алексѣя Михайловича, хотя и приносили дань вѣку, но никогда не выходили изъ границъ благодушія; не даромъ же его называли милосердымъ. Объясненіе г. Бартенева опирается главнымъ образомъ на словѣ іордань. Почему-то онъ заключилъ, что іордань значитъ прорубь... Но встарину называли, да и теперь называютъ іорданью, ерданью, плотъ съ перилами, или и безъ перилъ, устроенный для водоосвященія на рѣкѣ, или вообще на водѣ, которая въ этомъ случаѣ всегда прообразуетъ священную рѣку Іорданъ. На срединѣ плота оставляется свободное для

воды мѣсто, опредѣленное для погруженія св. креста *). Для торжественныхъ водоосвященій, какія совершались въ Москвѣ передъ Кремлемъ, у Тайницкихъ Воротъ, и при которыхъ почти всегда присутствовалъ и самъ государь, такой плотъ украшался великолѣпною *сѣнью*, навѣсомъ, балдахиномъ, по которой и самая іордань называлась нерѣдко *іорданною сѣнью*. Притомъ торжественное, всенародное освященіе воды совершалось два раза въ годъ: 6-го января, въ день Богоявленія, и 1-го августа, въ день Происхожденія Честныхъ Древъ Креста, когда, по обычаю, погружался въ іордань и самъ государь. Въ Москвѣ, въ XVII-мъ столѣтіи, это послѣднее водоосвященіе происходило обыкновенно подъ Симоновымъ монастыремъ. Такимъ образомъ купанье стольниковъ могло происходить и въ августѣ, и тогда дѣло принимаетъ иной видъ. Намъ кажется, что это обстоятельство было бы весьма важно для исключительныхъ любителей русской жизни въ ея историческомъ развитіи, еслибъ любители не ограничились однимъ только любленіемъ, а попристальнѣе всматривались бы въ любимый предметъ. Слѣпая любовь — любовь неразумная, а вглядѣвшись поближе въ любимый предметъ, можно иной разъ открыть и новыя красоты. Такія красоты представляетъ настоящій случай. Дѣло въ томъ, что письмо царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ потѣшеньи и въ которомъ не обозначено времени, когда оно писано, должно относиться къ 1653 году.

---

*) Этотъ водоемъ и назывался собственно *ерданью*. Московскій купчина-гость Котовъ, ходившій въ 1623 году въ Персидское царство, упоминаетъ, что въ Испагани видѣлъ ердани (водоемы) каменныя съ водою. Онъ же ерданью называетъ и фонтанъ: „промежъ тѣхъ садовъ сдѣлана большая *ердань* каменная, стоитъ полна воды, а середь ердани поставлена труба мѣдная стоячая, и изъ той трубы вода бываетъ (бьетъ) въ верхъ изъ-подъ земли выше человѣка.“ Временникъ, Кн. 15.

[illegible] смотры стольникамъ [illegible] и [illegible] [illegible] со всею службою, на [illegible] Полѣ, [illegible] Новодѣвичьемъ Монастырѣ. Смотры эти начались 12-го [illegible] въ понедѣльникъ. Царь пишетъ къ Матюшкину, что онъ будетъ въ Москвѣ въ воскресенье, а по [illegible], что въ понедѣльникъ, такъ въ четвертомъ лицѣ. Такъ [illegible] и было. Въ книгѣ Царскихъ Выходовъ *), на которую не разъ ссылался г. Бартеневъ, отмѣчено, что 19-го мая, въ воскресенье, смотръ на Дѣвичьемъ Полѣ не былъ, а въ понедѣльникъ, въ Золотой Палатѣ у него были Крымскіе посланники, вотъ и причина, почему онъ долженъ былъ возвратиться въ Москву. Смотры снова начались въ тотъ же день, въ понедѣльникъ, послѣ купанья. Прудъ, на которомъ было купанье, то есть плотъ, стѣленный, можетъ быть, нарочно для купанья, существуетъ и нынѣ, возлѣ монастыря. Недалеко отъ этого мѣста, между прудомъ и церковью Саввы Освященнаго, царя всегда останавливались въ шатрахъ, когда приходили въ монастырь на богомолье. Здѣсь же, безъ сомнѣнія, стояли шатры и царя Алексѣя Михайловича, въ которыхъ онъ кормилъ купальщиковъ обѣдомъ. Купаться въ іюнѣ — дѣло обыкновенное. Въ поступкѣ же царя, судя по времени, выразилось несравненно болѣе благодушія, нежели грубости и жестокости. Вмѣсто батоговъ, которые по справедливости слѣдовали неявившимся на смотръ, онъ ихъ купалъ, да и тутъ, чтобъ не остаться въ долгу, кормилъ купальщиковъ обѣдомъ. Такимъ образомъ строгость царь обратилъ на милость и сдѣлалъ изъ этого для себя забаву, потѣшенье. Вотъ почему и стольники такъ простодушно говорили: «мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ,

*) „Выходы Царей", стр. 288. См. также „Временникъ Истор. Общ." кн. 17, стр. 201.

да и за столъ посадятъ». Многіе дѣйствительно нарокомъ и не поспѣвали. Нужно притомъ замѣтить, что въ стольникахъ была боярская и дворянская молодёжь, начиная лѣтъ отъ четырнадцати.

Въ нашихъ соображеніяхъ и замѣткахъ о нѣкоторыхъ болѣе существенныхъ чертахъ характера Алексѣя Михайловича, мы старались показать высокій интересъ изданныхъ матеріаловъ, ихъ важное значеніе при объясненіи старины. Многаго мы не коснулись, да и не могли коснуться, потому что это повлекло бы насъ въ большія подробности, неумѣстныя въ настоящей статьѣ *).

---

*) Въ послѣдствіи, въ «Записяхъ отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Импер. Русскаго Археологическаго Общества» (томъ второй, Спб. 1861). было издано еще нѣсколько писемъ царя Алексѣя, хранившихся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Новыя письма не только не измѣняютъ нашихъ сужденій о характерѣ царя, но даютъ еще новыя краски, подтверждающія или пополняющія нашъ очеркъ. Въ нихъ милосердый нравъ его еще съ большею силою рисуется въ постоянныхъ напоминаніяхъ боярамъ (напр. кн. Лобанову-Ростовскому, кн. Ромодановскому), что они призваны вмѣстѣ съ государемъ «не на свое высокоуміе и вышеславіе полагаться, а *печаловаться и объ общемъ народѣ, о странахъ и селахъ;* любовь и всякое попеченіе и разсмотрѣніе и заступленіе имѣти о меньшей братіи Христовой, разсуждати людей Божіихъ въ правду, не разлѣниться, понеже судъ великій бываетъ на великихъ и сильныхъ. Меньшій прощенъ будетъ и достоинъ милованія; крѣпкихъ же и сильныхъ крѣпкое истязаніе ждетъ» и т. д. — Во время войны постоянно онъ также твердилъ воеводамъ, чтобъ въ полкахъ солдаты и стрѣльцы больные безъ призрѣнья не оставались, чтобъ своихъ ратныхъ людей отъ грабежу унимать, а будетъ которые отъ грабежу и отъ пожегу упиматься не учнутъ и тѣхъ воровъ, пущихъ заводчиковъ, человѣка или двухъ казнить. И какъ онъ гнѣвался на бояръ—воеводъ, когда они своими оплошными или неразумными дѣйствіями напрасно губили людей ратныхъ въ битвахъ или не помогали имъ въ осадѣ. „Врагу Креста Христова и новому Ахитофелу князю Григорью Ромодановскому, писалъ царь этому воеводѣ, непославшему во-время полковъ на помощь, Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ прямую сатанинскую служ-

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію собственно издательскаго труда. Всѣ письма раздѣлены издателемъ на четыре отдѣла; къ каждому изъ трехъ первыхъ отдѣловъ предпослано особое введеніе, заключающее необходимыя историческія, біографическія и другія поясненія. Сверхъ того, послѣ каждаго письма отдѣльно слѣдуютъ примѣчанія и вообще объясненія памятниковъ. Издатель не придаетъ ученаго значенія этимъ объясненіямъ и назначаетъ ихъ преимущественно для большинства читателей, хотя въ трудѣ, вмѣстѣ съ издателемъ, участвовали г. профессоръ Бѣляевъ и г. Безсоновъ, первый нѣкоторыми указаніями, второй — филологическими замѣтками. Мы, впрочемъ, хорошо не поняли этой оговорки издателя, что онъ своимъ примѣчаніямъ не придаетъ ученаго значенія и

бу... Ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самаго Господь Богъ и жена и дѣти твои узрятъ такія же слезы, какъ и тѣ плачутъ сироты, напрасно побитыя. И самъ ты треокаянный и безглавной ненавистникъ рода христіанскаго (для того, что людей не послалъ) и нашъ вѣрной измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ впадешь въ бездну преисподнюю, изъ нея же ни кто возвращался..." И за тѣмъ напоминалъ ему Евангельское слово, какъ нищи и судіи, отъ государей поставленные, должны милованіе, заступленіе и правду показывать нищимъ людямъ, печаловаться объ общемъ народѣ... Но ничѣмъ такъ не оскорблялось нравственное чувство Алексѣя Михайловича, какъ всякою похвальбою, самонадѣянностью, самоувѣренностью, самохвальствомъ. На эту черту, особенно въ поведеніи бояръ, онъ опалялся чрезмѣрно и писывалъ имъ цѣлыя проповѣди о томъ, чтобъ не уповали на свое *человѣчество* и *дородство*, чтобъ не полагали надежду на свое *высокоуміе* и *вышеславіе*, поучалъ всегда кротости, смиренію, надеждѣ только на Бога. Когда его тесть, бояринъ И. Д. Милославскій, похвалился предъ нимъ въ Думѣ, что лишь бы дали ему начальство надъ войскомъ, такъ онъ приведетъ Польскаго короля плѣнникомъ, — то царь вспылилъ неимовѣрно, разбранилъ стараго тестя страдникомъ, худымъ человѣчишкою, далъ ему пощечину, надралъ ему бороду, вытолкалъ нижнами изъ комнатъ и захлопнулъ двери. См. Исторію Россіи г. Соловьева, гдѣ также приведены неизданныя письма царя и обозначенъ его характеръ, т. XII, 16—347.

проч. Что́ здѣсь разумѣть подъ словомъ ученое? Если слишкомъ спеціальное, то оговорка противорѣчитъ истинѣ. Самая большая часть филологическихъ объясненій г. Безсонова для большинства нетолько слишкомъ спеціальна, но во многихъ мѣстахъ и весьма туманна, а иной разъ даже мало понятна и для искусившихся спеціалистовъ. Наконецъ, ка́къ понимать назначеніе примѣчаній для большинства читателей? Потому ли они назначаются для большинства, что составлены популярно, или потому что составлены поверхностно и, стало быть, неудовлетворительно въ ученомъ отношеніи, хотя, можетъ быть, весьма удовлетворительно для большинства? Должно полагать, да это ясно и изъ общаго характера объясненій, что послѣднее справедливѣе, что оговорка указываетъ именно на недостаточную научную обработку примѣчаній и объясненій, что они составлены, большею частью, подъ вліяніемъ случайности, не обнимаютъ объясняемаго предмета всецѣло, кругло, полно, а берутъ только то, что́ можно было растолковать, пользуясь средствами, случайно попавшими подъ руку, или случайно пришедшими на мысль. Иное, и весьма многое, осталось такимъ образомъ вовсе безъ объясненій и толкованій. Затѣмъ это же самое повлекло къ недосмотрамъ, неправильностямъ и т. п. Такому роду работы дѣйствительно трудно придавать ученыя достоинства, и потому легче всего предложить ее большинству, какъ такому отвлеченному лицу, на которое всегда можно ссылаться, не опасаясь строгихъ цѣнителей и судей. Но если мы лишаемся права предлагать издателю запросы отъ лица науки, то, во всякомъ случаѣ, можемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, имѣя въ виду большинство. Наше вниманіе останавливаютъ, прежде всего, нѣкоторыя толкованія г. Безсонова, того самаго г. Безсонова, который, выступая на поприще изъясненій русской старины, предпослалъ свой взглядъ, особаго рода воззрѣніе на современную

зрѣнія, выдается за истинную картину дѣйствительности... Сужденія о древней русской исторіи потому именно бываютъ такъ часто несправедливы, что ихъ не одушевляетъ искренняя любовь. Любить русскую исторію — значитъ у иныхъ образовать въ себѣ привычку читать древніе памятники и постоянно писать о нихъ и изъ нихъ на бумагѣ; но это любовь къ занятію, а заниматься можно самымъ ненавистнымъ, пустымъ и пошлымъ предметомъ; и точно, читая нынче нѣкоторыхъ писателей нашихъ, невольно думаешь: что за несчастная судьба толкнула ихъ и толкаетъ постоянно на предметъ, котораго терпѣть они не могутъ! Ихъ историческое сочиненіе — звѣринецъ, въ которомъ водятъ насъ, чтобъ показывать: вотъ верблюдъ, вотъ медвѣдь. Не достаетъ только вывѣски звѣринца: и для этого нѣкоторые подготовляютъ уже краски. Безпристрастіемъ называется у нихъ безсильная холодность; критикой умѣнье отдѣлить отъ хорошаго и выставить на-показъ дурное».

За тѣмъ г. Безсоновъ поучаетъ, ка́къ слѣдуетъ любить русскую исторію, и говоритъ, что «любовь къ русской исторіи есть любовь къ *русской жизни* въ ея историческомъ развитіи и любовь только къ тому, въ чемъ развивается *сущность русскаго народнаго духа*», и пр.

Ка́къ назвать, какое имя дать этому возглашенію? Для того, чтобъ можно было такъ рѣзко и рѣшительно обвинять цѣлую половину русскихъ историковъ въ нелюбви, въ ненависти къ русской исторіи, нужно имѣть достаточныя и твердыя основанія. Публика, какъ нелицепріятный судья въ этомъ и во всякомъ другомъ ученомъ и литературномъ дѣлѣ, не можетъ же удовлетвориться голословностью навѣта и потребуетъ ясныхъ, опредѣленныхъ подтвержденій и указаній. Выносите на свѣтъ ваши доказательства, укажите эти сочиненія, этихъ историковъ, обнаружьте ихъ несправедливость — всѣ

за это крѣпко вамъ будутъ благодарны, ибо всѣ желаютъ одного, любятъ одно — истину, да и самую русскую жизнь въ ея историческомъ развитіи любятъ на столько, на сколько раскрывается въ ней истина.

Впрочемъ, для нашей цѣли это вопросъ посторонній; мы вызвали его только на тотъ конецъ, чтобъ лучше познакомиться съ авторомъ по поводу его филологическихъ примѣчаній въ предлежащей книгѣ. Намъ кажется, что и приведенное возглашеніе и частью эти примѣчанія порождены разстроеннымъ суевѣрнымъ воображеніемъ.

Въ одномъ письмѣ Алексѣй Михайловичъ приказываетъ Матюшкину, чтобъ крестьяне его вѣдомства, то есть Конюшеннаго Приказа, набрали на Ивановъ день, 24-го іюня, разныхъ травъ и корней «цвѣту сераборинного, травъ инперикової и мятной съ цвѣтомъ, и дягилю и дягильнаго коренья по *пяти пудъ*...» Это обстоятельство дало поводъ г. Безсонову разсказать слѣдующее: «Царь велитъ набрать травъ: цвѣту сераборинного — вѣроятно звѣробой; травы инперикової, сличи съ латинскимъ hypericon, съ греческимъ ὑπέρικον, то есть звѣробой; итакъ царь употребляетъ одно названіе русское — сераборинного, а другое иностранное, знакомое ему, вѣроятно, отъ тогдашнихъ *дохтуровъ* и аптекарей, *не умѣя*, а можетъ быть, не желая различить ихъ и послѣднимъ объясняя только первое». Но почему же сераборинный значитъ звѣробой и почему сераборинный названіе русское? и откуда это видно, что царь не умѣлъ, или не желалъ, и почему не желалъ различить этихъ двухъ названій? Нѣтъ, г. Безсоновъ, царь очень хорошо зналъ и понималъ о чемъ писалъ; ему очень было извѣстно, что сераборинный вовсе не то, что́ инперикова трава, и онъ очень хорошо умѣлъ отличить шиповникъ отъ звѣробоя, ибо серебаринникомъ, своробаринникомъ, сербалиной назывался, да и теперь по мѣ-

стамъ называется шиповникъ. Но это между прочимъ, а главное: вниманіе автора останавливаютъ слѣдующія два обстоятельства: 1) «Охотники издревле умѣли гадать на травахъ, были знатоки полевыхъ травъ и, какъ чаровники, становятся въ отношеніе съ чародѣйскою ночью Ивановой; названіе многихъ травъ напоминаютъ охоту: *лисій хвостъ, волчій гласъ* (sic), *соколиный перелетъ*, самое *звѣро-бой;* подобными травами, уваривая ихъ, нѣмецкіе охотники встарину и заколдовывали свои выстрѣлы, равно какъ лили заколдованныя пули, примѣшивая сокъ подобныхъ травъ. 2) Царь велитъ набрать травъ на Ивановъ день (24-го іюня); въ эту ночь, какъ извѣстно, собирались и собираются травы, особенно чародѣйскія, и между прочимъ звѣробой (также лопухъ или репейникъ, медвѣжье ушко, богороцкая трава, душица или дрокъ, былица или быльникъ, и т. п.). И въ другомъ письмѣ, отъ 21-го іюня 1657 года, царь опять ставитъ охоту въ какое-то отношеніе къ Иванову дню». (точка!) Къ чему же ведутъ эти обстоятельства и что должны мы здѣсь разумѣть? Приказъ царя о набираніи травъ какое соотношеніе долженъ имѣть съ чародѣйскимъ значеніемъ этихъ травъ, самой охоты и Иванова дня? По простому пониманію, царь писалъ это письмо къ Матюшкину не какъ къ охотнику, къ начальнику охоты, а какъ къ начальнику Конюшеннаго Приказа. Поименованныя въ письмѣ травы были всегда нужны въ домовомъ обиходѣ царей. Изъ сераборинного цвѣта дѣлалась, напримѣръ, сераборинная или гуляфная водка, розовая вода, бывшая тогда въ большомъ употребленіи; другія травы и коренья требовались и для аптеки и для настоекъ, а мята употреблялась и въ квасъ. Чародѣйскаго и притомъ охотнически-чародѣйскаго мы въ этихъ травахъ ничего не примѣчаемъ... Да и всѣмъ извѣстно, что чародѣйскія травы хотя и собираются дѣйствительно на Ивановъ-день, но, однакожь, не цѣлою во-

лостью, а тайно, уединенно, чтобъ никто не зналъ; он
нтся только одному, да и то съ весьма трудными услов
Къ тому же невѣроятно, чтобъ нужно было для охотнич
чародѣяній этихъ травъ и кореньевъ по пяти пудовъ
сколько названія многихъ травъ, каковы лисій хвостъ, в
гласъ, или *глазъ* и т. п., напоминаютъ охоту — мы н
ремся рѣшить, потому что ничего не видимъ охотничьяг
только въ *хвостѣ*, или въ *гласѣ*, но даже и въ *сок*
комъ перелетѣ: это простыя сближенія представле
травахъ и животныхъ. На Ивановъ же день травы собир
также и потому, что большая ихъ часть къ этому вре
достигаютъ полной зрѣлости, или полнаго цвѣта. Что ж
сается того, что въ другомъ письмѣ царь велитъ пріѣха
себѣ въ Покровское всей своей птичьей охотѣ въ Ив
день, то что жь тутъ чародѣйскаго? это былъ празд
слѣдовательно время какъ-бы законное для увеселенія.
всѣ эти подробности мы вошли съ тою цѣлью, чтобъ по
можности уяснить себѣ, какимъ путемъ суевѣрное во
женіе создаетъ иногда изъ простой самой вещи что-то
ственное, чародѣйское, создаетъ не только чародѣевъ-
никовъ, но даже и чародѣевъ-историковъ, которыхъ д
чародѣйскій глазъ имѣетъ силу превращать все хороше
лое въ пошлость.

То же волшебство и чародѣйскій мракъ обнимаютъ
ставленное г. Безсоновымъ общее примѣчаніе къ «Со
ничьему Уряднику». Мы видѣли, что соколиная охота
самою любимою потѣхою, самымъ любимымъ увеселе
царя Алексѣя Михайловича. Въ 1656 году онъ возвыси
особымъ *чиномъ*, церемоніальными обрядами, по кото
происходило возведеніе простыхъ сокольниковъ въ начал
Въ то время церемонія представляла одно изъ важнѣй
условій жизни. Мысль, понятія вѣка почитали *чинъ* и

кость не только необходимою формою жизненныхъ отношеній, но и лучшимъ украшеніемъ быта. Оттого почти каждый шагъ и въ семейномъ и въ общественномъ быту облекался въ церемонію, совершался *по чину;* старина сохранила намъ множество *чиновъ* и *нарядовъ,* свидѣтельствующихъ объ особенномъ *чиколюбіи* того времени, направлявшихъ и уряжавшихъ каждое дѣйствіе предковъ. При господствѣ такихъ понятій неудивительно, что и потѣха могла принять также свой *чинъ, нарядъ, урядъ,* и получила особый урядникъ. Составляя такой урядникъ для соколиной охоты, Алексѣй Михайловичъ дѣйствовалъ, слѣдовательно, въ духѣ времени.

Сущность «Сокольничьяго Урядника» заключается, какъ мы замѣтили, въ обрядѣ возведенія сокольниковъ изъ простыхъ въ начальные, слѣдовательно это своего рода *чиновникъ, чинъ* поставленія въ должность. Для избираемаго устроивается соотвѣтственное торжественное *мѣсто,* на которомъ его обряжали въ знаки его новой обязанности, въ знаки новаго чина, въ который онъ вступалъ; здѣсь же онъ произносилъ рѣчь обѣщанія, послѣ чего ему вручали первый, важнѣйшій и существенный клейнодъ его чина, именно: начальному сокольнику — кречета. Торжество, какъ и всегда, оканчивалось церемоніальнымъ столомъ. Все это любопытно и заставляетъ насъ раскрыть по крайней мѣрѣ общія черты урядника.

Поставленіе въ начальные сокольники совершалось слѣдующимъ порядкомъ. Прежде всего наряжали, то есть убирали Переднюю Избу сокольничья пути, то есть сокольничьяго потѣшнаго дворца, въ которой на первомъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, вѣроятно, на лавкѣ, устроивали *мѣсто* для государя: постилали на лавку коверъ и на него клали сголовье, подушку изъ пуха дикихъ утокъ, для царскаго сѣдалища. Противъ царскаго мѣста среди избы устроивали *мѣсто* для

восшествія въ начальные сокольники. Оно называлось *поляково;* подразумѣвали подъ этимъ словомъ поле, главное поприще возводимаго.

Поле это учреждалось такимъ образомъ: клали на полъ сѣно и накрывали попоною; по угламъ ставили четыре стула для птицъ. На стулья сажали двухъ кречетовъ, самку и самца, и двухъ соколовъ, также самца и самку. Самцы, какъ мы уже говорили, назывались челигами. Позади этого мѣста — «поляково» уряжали столъ, на которомъ раскладывали нарядъ птицъ: клобучки, колокольцы, обнажцы, должики и нарядъ сокольника — *шапку* горностайную, *рукавицу* съ пригчами, *перевязь* (чрезъ плечо) съ небольшою бархатною сумкою, шитою золотомъ въ видѣ птицы райской *гамаюна* *), въ которой хранилось *письмо,* а въ немъ писано уставленіе, укрѣпленіе, обѣщаніе нововыборнаго; наконецъ *вабило, ващагу* **), *рогъ, полотенце.* Около стола стояли чинно рядовые

---

*) *Гамаюнъ* — птица райская. Старинная космографія свидѣтельствуетъ, что на Восточномъ Морѣ есть „островъ Макариддкій близъ блаженнаго рая, потому близъ глаголютъ, что залетаютъ оттуду птицы райскія гамаюнъ и оннинъ (оенинъ) и благоуханіе износятъ чудное". „Временникъ Истор. Общ.", кн. 16, стр. 9.

**) *Вабило* — въ соколиной охотѣ состояло изъ двухъ крылъ, преимущественно гусиныхъ, связанныхъ накоротко крестъ на-крестъ, шнуромъ, на которомъ и бросаютъ вобило вверхъ, когда манятъ птицу. Но въ описи охотничьихъ вещей, помѣщенной послѣ „Уридника", значится, что вабила кречатьи были *съ крюки и съ клянышы на вертлюгахъ* (шалнерахъ), слѣдовательно это уже былъ особый охотничій приборъ, который, какъ ниже увидимъ, составлялъ часть охотничьяго наряда. Въ той же описи упоминаются *тулунбасы и ващаги.* Тулунбасъ — небольшой барабанъ, родъ бубна или литавры, принадлежавшій къ прибору всадника. По тулунбасу били *ващагою* — родъ плетки или небольшой нагайки, которая также составляла принадлежность всадника. По тулунбасу били обыкновенно переловые всадники какого либо поѣзда; они употреблялись и въ царскихъ и въ боярскихъ выѣздахъ, и на охотѣ, составляя также принадлежность охотничьяго прибора или наряда; битьемъ по ту-

сокольники и держали птицъ; другіе стояли безъ птицъ подлѣ лавокъ; всѣ были одѣты въ лучшее платье. Урядя и устроя все по чину, одѣвали также и нововыборнаго въ новый цвѣтной кафтанъ, жалованный государемъ по случаю торжества, и въ желтые сапоги. Въ этомъ первоначальномъ нарядѣ онъ выходилъ до времени въ другую избу. Когда все было готово, государь входилъ въ избу и садился на своемъ государевомъ мѣстѣ. Мало повременя, подсокольничій *бережно* подступалъ къ государю и докладывалъ слѣдующими словами: «Время ли государь образцу и чину быть?» — «Время. Объявляй образецъ и чинъ», отвѣтствовалъ государь. Подсокольничій приказывалъ поднести къ себѣ челига и, мало поноровя, объявлялъ начальнымъ сокольникамъ: «Начальные! время наряду и часъ красотѣ». Тогда сокольники церемоніально наряжали птицу, клали на нее обнажцы и должикъ, колокольцы и клобучокъ; а затѣмъ наряжали въ большой нарядъ, по чину, и достальныхъ птицъ, которыя отдавались въ вѣдѣніе новаго начальнаго сокольника. Снова подсокольничій чинно подступалъ къ государю и докладывалъ: «Время ли, государь, пріимать и по нововыборнаго посылать и украшенія уставлять?» — «Время, отвѣтствовалъ государь; пріимай и посылай и уставляй». Возвратясь на свое мѣсто, подсокольничій требовалъ рукавицу, вздѣвалъ ее *тихо, стройно*. Потомъ, пооправся и поучиняся и перекрестя лицо свое, принималъ челига — *премудровато* и *образцовато;* подступалъ къ царю *благочинно, смирно, урядно;* становился поодаль *человѣчно, тихо, бережно, весело,* и кречета держалъ

лумбасу охотники спугивали съ воды утокъ, для травли соколомъ. Выраженіе *дать тулумбаса* могло произойдти отъ того, что всадники, при поѣздѣ, ударяли, можетъ быть, вящагою пѣшеходовъ, которые тѣснились на пути. Г. Бартеневъ объясняетъ тулумбасъ только слѣдующимъ замѣчаніемъ: въ народѣ говорятъ: *дать тулумбаса* — ударить кулакомъ.

честно, явно, опасно, стройно, подправ
подъявительно къ видѣнію человѣческому и
сотъ кречатьей. Постоявъ мало, онъ посылалъ
выборнаго съ обычною церемоніею зва; приходилъ н
ный также съ обычными церемоніями входа.

Соколенный подъячій являлъ (представлялъ) его
рѣчью. Нововыборный кланялся до земли. За тѣм
жественно возводили на поляново, между четырехъ
то же время сокольники брали со стола его нарядъ
на рукахъ до времени. Мало подождавъ, подсокольн
подступалъ къ государю и докладывалъ: «Время ли,
мѣрѣ и чести и укрѣпленію быть?» — «Время, у
молвитъ государь. Отходя на прежнее мѣсто, подс
возглашалъ: «Начальные, время мѣрѣ и чести и
быть». Сокольники подступали къ нововыборному и
его; одинъ, начиная съ младшаго, опоясывалъ
(родъ пояса), другой надѣвалъ *перевязь,* третій
съ притчами, а старшій, стоя у наряда, держалъ
указа. Потомъ подступали подначальные нововыбор
ряжали его въ остальной нарядъ, къ лѣвой сторон
ляли за кольцо *вабило,* на правой, также за кольцо
и затѣмъ серебряный *рогъ,* наконецъ привѣшивали
це. Мало обождавъ, подсокольничій кликалъ подъя
торый, подступя къ нововыборному и вынувъ изъ
маюна *письмо,* читалъ торжественно и громогла
Въ ней излагались причины пожалованія, обознача
рады, даруемыя выборному и, въ заключеніе, въ ви
объяснялось, какими добрыми качествами долженъ
пожалованный начальный сокольникъ и какъ долже
нять свои новыя обязанности. Здѣсь изображался и
мудраго, доброхвальнаго, достовѣрнаго охотника, в
обѣщаніе и послушаніе его доброе. Вслѣдъ за т

ставлялась и отрицательная сторона, *всякое дурно,* къ которому могъ уклониться человѣкъ и которое необходимо влекло за собою неумолимый судъ и казнь, такъ точно, какъ первое влекло царскую милость и жалованье. Но чтобъ нововыборный могъ нагляднѣе, живѣе представлять себѣ свой долгъ, свое обѣщаніе и ожидаемое, отъ хорошаго или дурнаго исполненія этого долга, *явное добро* или *явное зло* — это добро и зло было изображено *притчами* на рукавицѣ, на которую въ заключеніе рѣчи предлагалось ему смотрѣть. *Притчею, притчами* въ то время называлось вообще всякое изображеніе (картина, рисунокъ) назидательнаго, поучительнаго содержанія. На рукавицѣ такія притчи могли быть вышиты шелками или золотомъ и могли быть, что́ кажется вѣроятнѣе, записаны красками по тафтѣ или другой подобной матеріи *).

Вотъ что́ читалъ нововыборному соколенный подъячій: «И себѣ бы, видя нашу государеву такую премногую и прещедрую милость къ себѣ, во всемъ добра хотѣть отъ всея души своея, и служить и работать вѣрою и правдою, и тѣшить насъ, великаго государя, отъ всего сердца своего, до кончины живота своего, и во всемъ нашемъ государевѣ повелѣніи быть

---

*) Послѣ намъ встрѣтилась опись сокольничьяго и птичьяго нарядовъ, данныхъ по смерти царя Алексѣя въ 1676 г. апр. 17 изъ села Семеновскаго въ Оружейную Палату. Въ ней между прочимъ описаны: „*рукавица ставленая,* въ которой ставитъ въ начальные, бархатъ зеленой, шитье *писано,* бахрама золотная. Двѣ *завѣсочки* нѣмецкія, одна черная, другая дымчатая, что бываютъ на лицахъ отъ жару. *Шапка* горностайная *ставленая,* на ней плащъ (запана) низаной жемчугомъ; въ ней латъ кисейной. *Тесма* черная бархатная съ крушивомъ серебрянымъ, на ней *лакомецъ* бархатной низанъ жемчугомъ. *Лакомецъ* птичій тафтяной. *Кѣвило* съ крюкомъ серебрянымъ, поясокъ шелкъ съ золотомъ. *Кляпыш* рыбей щадровой. *Ващага* шита золотомъ. Четыре *шалычка* канитныхъ желтыхъ. *Списки* съ двухъ утокъ на александрѣйской бумагѣ двадцать листовъ. *Запястье писайое* отъ рукавицы. Платье нѣмецкое... Платье Кизылбашское... Плащь... Пляндры...“ Архивъ Оруж. Палаты.

готову съ радостью, и во всякой правдѣ быть постоянну и тверду и однословну и отъ всякаго дурна быть чисту, и за нашею государевою охотою ходить прилежно и безскучно, съ радостью и охотою, и подначальныхъ своихъ сокольниковъ любить какъ себя, и ото всякой дурости унимать ихъ безъ всякія хитрости, и имъ не потакать, и во всякомъ ихъ плутовствѣ и неистовомъ дѣлѣ не покрывать, и быть къ нимъ любительну и грозну и во всякомъ непослушаніи ихъ себѣ извѣщать на нихъ подсокольничему. И будетъ по сему нашему государеву указу вся сія исправиши съ радостью, и ты отъ насъ, великаго государя, наипаче пожалованъ будешь. А будетъ учнешь быти неохочь и нерадѣтеленъ, и во всякомъ нашемъ государевомъ дѣлѣ непослушливъ, лѣнивъ, пьянъ, дуренъ, безобразенъ, и къ подсокольничему и ко своей братьѣ къ начальнымъ сокольникамъ непокоренъ, злословенъ, злоязыченъ, клеветливъ, наносливъ, переговорчивъ и всякаго дурна исполненъ,—и тебѣ нетокмо связану быть путы желѣзными, или подписану за третью вину, безъ всякія пощады, быть сослану на Лену. И будетъ хочешь добра найти или зла, смотри на рукавицу и тамъ явнаго всякаго добра и зла насмотришься и радоватися начнешь и сумнѣватися станешь. И тебѣ бы, видя нашу государеву милость къ себѣ, намъ великому государю работать безъ всякаго збойства и лукавства: а милость наша государева съ тобою да умножится».

Нетрудно, какъ кажется, догадаться, какого рода, какого содержанія были притчи на этой рукавицѣ. Безсомнѣнія, здѣсь были изображены въ лицахъ не только болѣе существенные обряды пожалованія, но и самые предметы награды, напримѣръ кафтанъ и т. п. Это было явное, въ лицахъ изображенное добро, которое могъ получить новоизбранный за честное и вѣрное исполненіе своего долга. Точно такъ же здѣсь были изображены путы желѣзные и въ лицахъ тюрьма, ссылка на

Лену или казнь безпощадная — это зло, котораго могъ ожидать сокольникъ за дурное поведеніе и за дурныя качества.

Выслушавъ рѣчь и насмотрѣвшись на рукавицу съ притчами, нововыборный покланялся государю до земли одинъ разъ и за тѣмъ читалъ, противъ царской рѣчи, свою рѣчь, которую на письмѣ подносилъ ему подъячій.

«Готовъ тебѣ, великому государю, служить вѣрою и правдою (говорилъ онъ торжественно) и обѣщаю я во всякой правдѣ постояненъ и однословенъ быть и тебя великаго государя тѣшить, и ѣздить и радѣть и ходить за твоея государевою охотою до кончины живота своего, кромѣ всякія хитрости». Исправя рѣчь, нововыборный покланялся государю до земли *дважды*. Подъячій, свертѣвъ письмо, клалъ его опять въ сумку-гамаюнъ. Вслѣдъ за тѣмъ подсокольничій докладывалъ государю: *„Врели горь сотьло“*, то-есть: время ли, государь, совершать дѣло? — *„Сшай даръ“*, то-есть: совершай даръ, отвѣтствовалъ царь. Подсокольничій подходилъ къ новопожалованному *весело* и *дерзостно* и провозглашалъ: «Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ тебѣ свою государеву охоту отдать, челига кречатья и иныя птицы; и тебѣ бы ходить за его государевою охотою прилежно, съ радостью отъ всего сердца своего, и хранить его государеву охоту, яко зѣницу ока, безо всякія лѣности, со всякимъ опасеніемъ, и его государя тѣшить до конца живота своего безо всякія хитрости...» Съ послѣдними словами подсокольничій отдавалъ новопожалованному кречета. Тотъ принималъ кречета *образцовато, красовато, бережно;* держалъ *честно, смѣло, весело, подправительно, подъявительно, къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей;* стоялъ *урядно, радостно, уповательно, удивительно,* и, принявъ кречета, не кланялся, доколѣ

шапку положатъ, потому что шапкою вѣнчалось все дѣло. Мало спустя подсокольничій снова возглашалъ, обращаясь къ старшему начальному сокольнику: «Первый начальный (имя)! *закрѣпляй* государеву милость!» И первоначальный торжественно клалъ на нововыборнаго горностайную шапку. Нововыборный тотчасъ же снималъ ее, потому что начальный, надѣвая на него шапку, провозглашалъ слѣдующую рѣчь: «Бей челомъ государю, на его государской премногой милости, и памятуй его государеву такую неизреченную и преногую милость, до кончины живота своего, и *обѣщанія* не позабывай, и *послушанія* своего не отбывай, и нашего совѣта не отмѣтай». Выслушавъ рѣчь, новопожалованный покланялся государю въ землю *трижды*. Потомъ ему подносили поочереди остальныхъ трехъ птицъ, которыхъ онъ, мало подержавъ на рукѣ, возвращалъ поддатнямъ, своимъ подначальнымъ. Когда церемонія пріема птицъ оканчивалась, новопожалованный снова билъ челомъ государю. Тогда первоначальный сокольникъ бралъ его за руку и ставилъ на начальномъ мѣстѣ, возводилъ на пожалованную степень, то есть ставилъ на первое мѣсто въ ряду прочихъ сокольниковъ. Здѣсь новопожалованному здравствовали, поздравляли его въ государской милости, въ новой чести — подсокольничій и всѣ начальные и рядовые сокольники. Чинъ возведенія былъ конченъ. Мало повременя, соколенный подъячій, по государеву указу, звалъ всѣхъ участниковъ торжества къ столу. «Наслаждайтеся по нашей государской милости», присовокуплялъ государь и шествовалъ въ свои хоромы. Ударивъ челомъ на царской милости, сокольники провожали государя до самыхъ воротъ и на прощаньи снова били челомъ. Предъ обѣдомъ сокольники снимали съ птицъ большіе наряды и клали на нихъ меньшіе, перемѣняли сами платье и потомъ кормили соколовъ живымъ мясомъ, то есть голубями или другими птицами, какія

были на-лицо. Столъ накрывали въ той же избѣ. На столѣ, между прочимъ, клали меньшій кречатій нарядъ, также четыре *золотыхъ* (червонцы), восемь *ефимковъ* (серебряная иностранная монета) и три *идороги*, вѣроятно, *инороги*, *индроги* — можетъ быть фигуры или бляхи съ изображеніемъ единороговъ *). Вещи эти полагались на столъ для чина, какъ особый видъ царскаго жалованья. Государь повелѣвалъ положить ихъ на столъ, *жалуючи* нововыборнаго. Но какое значеніе имѣли эти вещи — неизвѣстно. Неизвѣстно также, съ какою цѣлію стояли у стола поддатни новопожалованнаго, одинъ съ *древомъ драгимъ*, другой съ *лясками* и съ *путы золотыми*, и что́ это были за вещи и что́ они значили **). Третій поддатень становился возлѣ новопожалованнаго съ полотенцемъ и служилъ ему. За столъ шли и садились съ извѣстными церемоніями и рѣчами, по чину. Кречетъ — честникъ также присутствовалъ за обѣдомъ; его держали противъ новопожалованнаго; въ началѣ обѣда на немъ перемѣняли

---

*) Въ текстѣ эти вещи упомянуты два раза: 1) да тебяжъ жалуючи, велѣли положить на столъ, для чина, *золотыя, ефимки, дороги;* 2) а на столѣ приказываетъ класть... *четыре золотыхъ, восемь ефимковъ, три идороги...*" Г. Безсоновъ объясняетъ: „*Дорогами*, можетъ-быть, назывались ткани, по которымъ ходилъ царь въ торжественныхъ случаяхъ и которыя потомъ раздавались въ видѣ подарковъ и жалованья". Дорогами дѣйствительно назывались шелковыя полосатыя ткани, какъ это объяснено издателемъ въ другомъ мѣстѣ; но съ остальнымъ согласиться нельзя, потому что его соображеніе ни на чемъ не основано, да и ни чѣмъ подтверждено быть не можетъ. Что же касается инороговъ, индроговъ, то изображенія ихъ, въ XVII-мъ столѣтіи, были въ большомъ употребленіи, потому что въ символизмѣ того времени единорогъ занималъ одно изъ важныхъ мѣстъ.

**) Драгое дерево не означаетъ ли символически мѣстообитаніе сокола, а *ляски* и *путы* — способы ловли этихъ птицъ, и способы ихъ *вынашиванія*, обученія. *Путы, опутенки* надѣвались на сокола, когда начинали его вынашивать; въ путахъ онъ выносился и на ловлю.

нарядъ также по чину, по статьямъ, и потомъ нововыборный самъ кормилъ его крыломъ голубя. Къ сожалѣнію, главы *о ѣствѣ и о рѣчахъ*, о церемоніяхъ во время обѣда въ подлинникѣ не было; сохранилось одно только ея заглавіе. Она могла бы пояснить многое и особенно значеніе помянутыхъ вещей.

Изложенные церемоніи и обряды «Сокольничьяго Урядника» въ общихъ чертахъ сходны, какъ мы замѣтили, съ церемоніями и обрядами другихъ чиновниковъ, существовавшихъ въ нашей старинѣ. Такъ, напримѣръ, *поляново* съ четырьмя стульями для птицъ соотвѣтствуетъ, по другимъ чиновникамъ, мѣсту съ *написаннымъ орломъ и градомъ*, около котораго стояли четыре огненника и предъ которымъ, также какъ и на поляновѣ, избранный читалъ рѣчь обѣщанія. Какъ написанный градъ въ одномъ случаѣ являлъ будущее поприще возводимаго въ чинъ, такъ и поляново символически изображало такое же поприще начальнаго сокольника, и т. д. *).

Г. Безсоновъ, разсматривая «Урядникъ», говоритъ, что, по его мнѣнію, онъ дѣлится на двѣ части: на *дѣятельную* и *умозрительную*. Первая заключается въ описаніи дѣйствій, обрядовъ, церемоній; вторая — въ высказанныхъ понятіяхъ о *красотѣ*. Читатели могутъ ожидать, что эта послѣдняя часть представляетъ вообще умозрительную сторону соколиной охоты. Совсѣмъ нѣтъ. «Урядникъ» попросту дѣлится на предисловіе или введеніе и описаніе обрядовъ. Въ предисловіи сначала довольно основательно оправдывается намѣреніе дать сокольничьему пути, вещи въ государственномъ порядкѣ малой, новый чинъ, образецъ, который ставилъ эту малую вещь въ рядъ вещей честныхъ, повышалъ ее отъ

*) Сравн. «Чинъ поставленія Митрополита Іоасафа» въ 1539 г. Акты Арх. Эксп. т. I, № 184 и др.

[illegible]

г. Безсоновъ [illegible] не о красотѣ, а о [illegible] слѣдовательно [illegible] и всей [illegible] [illegible] [illegible]

здѣсь кстати, что выраженіе: «дѣлу время и потѣхѣ часъ» понимается несовсѣмъ правильно. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и издатель настоящей книги, въ этомъ обозначеніи одного только времени находятъ еще и пространство, и для слова *время* отдѣляютъ большую часть, а для слова *часъ* — меньшую, перемѣняя вслѣдствіе того и самый оборотъ рѣчи: вмѣсто *и*, они ставятъ *а*: дѣлу время, а потѣхѣ часъ. Но царь не помышлялъ о томъ, чтобъ потѣхѣ изъ цѣлаго времени отдавать только часъ Въ этихъ словахъ выражена мысль, что всему свое время: и дѣлу и потѣхѣ. Въ томъ же «Урядникѣ» *часъ* обозначаетъ также и время: «время наряду и часъ красотѣ, время чести и части твоей быть и часъ приближился твоему веселію, время отдохновенія птицамъ — и часъ обѣда» и пр.

Переходимъ къ дѣятельной части «Урядника». Г. Безсоновъ говоритъ: «Основою чина и наряда охотничьяго были, конечно, извѣстные народные обычаи и обряды, совершавшіеся при извѣстныхъ случаяхъ разнообразнаго охотничьяго дѣла: на нихъ есть намеки и ссылки по мѣстамъ въ письмахъ царя. Это была сумма обрядовъ, обычаевъ, преданій, повѣрій, сохранившихся отъ старины; многіе изъ нихъ исчезли для насъ; нѣкоторые выбраны, устроены, приноровлены и разукрашены царемъ при частномъ случаѣ — выборѣ начальнаго сокольника, причемъ и описаны. Царь, конечно, не сочинялъ всѣхъ этихъ обычаевъ: они выбраны, дополнены, благоустроены, а главное — приняли извѣстную, опредѣленную, чиновную службу, государственную форму, вошедши въ разрядъ своего рода правительственныхъ распоряженій». Далѣе авторъ говоритъ, что «во времена Алексѣя Михайловича символы придумывать было поздно, что они составляютъ отличіе исконныхъ народныхъ обрядовъ», что, напримѣръ, при чтеніи письма объ обязанностяхъ охотника, эти обязанности «возвѣщаются

[illegible]

[illegible] *Ярымъ*. Фонъ [illegible] [illegible] быть, это былъ какой-нибудь [illegible] или [illegible], упоминаемый въ [illegible] и «Словѣ о полку Игоревѣ». Но, кромѣ того, слово [illegible] въ [illegible] бывшее, кромѣ божества *Ярило*, [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], вытѣснялись въ древности символы божества, жертвы, ему посвященныя и т. п. Оттого-то, можетъ быть, въ «Урядникѣ» представляется столь важнымъ изданіе этой рукописи.»

Все это было бы очень интересно, если бъ хоть сколько-нибудь походило на правду. Суевѣрный взглядъ, который обнаруженъ авторомъ, какъ мы видѣли въ другихъ случаяхъ, въ полной мѣрѣ преобладаетъ и здѣсь. Предъ нами опять встаютъ чародѣи-охотники, волшебная Иванова ночь съ своими травами и кореньями, и даже цѣлое язычество охоты, съ какимъ-то *Ярымъ*-богомъ охотниковъ, установившимъ охотничьи *приючи*, то есть разныя охотничьи примѣты и пр.

Что «Урядникъ» сочиненъ самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ или подъ его редакціею и сочиненъ *для чести и повышенія его государевы красныя и славныя потѣхи охоты* — это подтверждаетъ и его заглавіе, гдѣ онъ названъ «*Новымъ* Уложеніемъ», и первыя его строки, гдѣ прямо

говорится, что государь указалъ быть *новому* сему образцу и чину для чести и повышенія соколиной охоты. Но какимъ матеріаломъ пользовался составитель? Г. Безсоновъ говоритъ, какъ видѣли, что въ «Урядникъ» вошли какіе-то *исконные* народные обряды, обычаи, преданія, повѣрья, восходящіе даже къ баснословному времени. Въ подтвержденіе, что нѣкоторые дѣйствія и обряды исходили изъ народныхъ преданій, онъ указываетъ *выборъ* сокольника въ начальные, дѣлавшійся общимъ голосомъ подсокольничаго и начальныхъ сокольниковъ, слѣдовательно дѣлавшійся собственно начальствомъ, рѣшеніе котораго и утверждалъ, укрѣплялъ государь. Но что́ же здѣсь особеннаго? Это явленіе обыкновенное во всякой службѣ: начальники выберутъ, представятъ, а старшій утверждаетъ въ должности; въ данномъ случаѣ оно необыкновенно только потому, что царемъ составленъ, по поводу этого утвержденія, цѣлый *чинъ* — вотъ это любопытно. За тѣмъ далѣе г. Безсоновъ указываетъ на подушку съ пухомъ дикихъ утокъ, на «поляново» и на рукавицу съ притчами. Это дѣйствительно предметы символическіе, да и самый «Урядникъ» есть также символъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти символы заимствованы изъ исконныхъ народныхъ обрядовъ, преданій, повѣрій и пр. Несмотря на увѣренія автора, что во времена Алексѣя Михайловича символы придумывать было поздно, что они составляютъ отличіе только исконныхъ народныхъ обрядовъ, мы не имѣемъ возможности съ нимъ согласиться, ибо очень хорошо извѣстно, что подобные символы сочинялись не только во времена Алексѣя Михайловича, когда они были вообще въ большомъ ходу, но сочиняются даже и теперь. Припомнимъ забавы и потѣхи Петра Великаго, которыя далеко оставили за собой потѣхи его отца, и именно со стороны облеченія ихъ въ торжественные чины и многообразные символы.

Въ основѣ «Урядника» ничего нѣтъ народнаго, которое восходило бы къ такой отдаленной древности, какъ думаетъ г. Безсоновъ; нѣтъ даже и такого народнаго, которое указывало бы на заимствованія изъ современныхъ, но собственно народныхъ матеріаловъ. Есть въ немъ нѣсколько обыкновеній тогдашней ежедневной жизни; есть черты поведенія тогдашнихъ людей, но черты эти несущественныя для «Урядника», а только формы тогдашняго быта, ежедневные шаги, которыми опредѣлялись тогдашнія житейскія отношенія. «Урядникъ» въ своей основѣ и по мысли и по исполненію принадлежитъ къ той области формъ и учрежденій, которыя не были выработаны чисто народнымъ развитіемъ, а принесены къ намъ извнѣ, какъ матеріалъ уже готовый; таковы, напримѣръ, всѣ древніе церковные чины и церемоніи и т. п. Да и самая соколиная охота, забава князей, а не народа, забава благородныхъ, а не смердовъ, какъ благородные называли народъ, по всему вѣроятію, не туземнаго происхожденія. Не знаемъ, что́ было до Рюрика, но сильно подозрѣваемъ, что она явилась на Руси, по крайней мѣрѣ, какъ забава, а не промыслъ, вмѣстѣ съ появленіемъ благородныхъ, свѣтлыхъ князей, пришла къ намъ или съ Запада, или изъ Византіи. Г. Безсонову не полюбится указаніе на Западъ: онъ даже о предисловіи «Урядника» замѣчаетъ, что хотя рѣчь въ немъ въ иныхъ мѣстахъ несовсѣмъ будто бы русская, «но она не предполагаетъ заимствованія изъ западной науки, а скорѣе — переводъ съ греческаго». Мы готовы согласиться, что и соколиная охота переведена съ греческаго, если авторъ, не ограничиваясь одними только голыми словами, потрудится хоть сколько нибудь внести сюда дѣла, фактовъ, данныхъ, имѣющихъ разъяснить наше гаданіе.

Если *Сокольничій Путь* (вѣдомство) имѣлъ прежде ставленія «Урядника» какое нибудь чиноположеніе, бы

леченъ въ церемоніи и разные обряды, то все-таки это чиноположеніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть заимствовано изъ народной стихіи, изъ его обычаевъ, обрядовъ, повѣрій, преданій; ибо народъ скорѣе могъ добывать соколовъ, торговать, промышлять ими, а не забавляться: онъ доставлялъ только средства для этой, по преимуществу благородной, княжеской потѣхи. Нигдѣ, конечно, столько не говорится о соколѣ, нигдѣ не представляется онъ въ такой красотѣ, какъ въ «Пѣснѣ о полку Игоревомъ», одномъ изъ древнѣйшихъ нашихъ литературныхъ памятниковъ; но и тамъ дѣло не объясняется на столько, чтобъ можно было видѣть, что соколиная охота была народною забавою. Поэтому, составляя «Урядникъ», то-есть вообще *чинъ* возведенія въ начальные сокольники, Алексѣй Михайловичъ естественнымъ образомъ долженъ былъ обратиться не къ преданіямъ, повѣрьямъ, обычаямъ и обрядамъ народнымъ, а къ подобнымъ же чинамъ, тогда существовавшимъ, которые представляли обильный матеріалъ: стоило только дѣйствія этихъ другихъ чиновъ приноровить къ настоящему дѣлу, ихъ символы перенести на новую почву и дать имъ соотвѣтственные этой почвѣ образы и соотвѣтственное значеніе. Такъ и было въ дѣйствительности. Любознательный читатель можетъ убѣдиться въ этомъ, сравнивъ новый чинъ Сокольничья Пути съ другими, даже священными чинами, совершавшимися въ то время, о чемъ мы упомянули выше. Но, облекая въ такую торжественную одежду простую забаву, потѣху, царь, чтобъ не встрѣтить неразумныхъ толкователей, по необходимости долженъ былъ оправдать свое дѣйствіе, и вотъ почему Урядникъ говоритъ, что «по его государеву указу никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженаго и удивительнаго не было, и чтобы всякой вещи честь и чинъ и образецъ писаніемъ предложенъ былъ, потому — хотя мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна,

никто же зазрить, никто же похулить, всякій похвалить, всякій прославить и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образъ положенъ по мѣрѣ... Всякій же читателю почитай и разумѣвай и уразумѣй, а насъ слагателя похваляй, *а не осуждай*». Къ чему бы нужна была эта рѣчь, еслибъ составитель «Уранника» глядѣлъ на свое дѣло глазами г. Безсонова, находя повсюду миѳическую подкладку и суевѣрно возстановляя языческіе символы? Тогда не то бы нужно было оправдывать. Составитель считалъ необходимыми всѣ эти доказательства потому именно, что хорошо понималъ, что простой потѣхѣ онъ придаетъ формы, въ государственномъ быту ей несвойственныя, придаетъ ей значеніе дѣла въ то время, какъ она почиталась бездѣльемъ, увеселеніемъ, да еще отчасти и грѣховнымъ. Такъ по крайней мѣрѣ признавалъ всякую охоту Домострой и относилъ ее къ дѣйствіямъ неправоднаго житія.

Что же касается непонятнаго слова *Ярова*, въ которомъ г. Безсоновъ видитъ имя языческаго бога, то оно употреблено въ слѣдующей рѣчи: «И пріиметъ у него (нововыборнаго) кречета первый его подлатень Ѳедька Кошелевъ, и держитъ кречета до стола, во всемъ большомъ нарядѣ и въ рукицѣ съ притчами *ярова*...» Прежде всего здѣсь нужно съ точностью опредѣлить, къ какому слову относится это *ярова* и дѣйствительно ли оно должно относиться къ «притчамъ» рукавицы? Можно было бы это объяснить собственнымъ именемъ сокольника *Васьки Ярова*, о которомъ упоминаетъ Голохвастовъ въ отвѣтномъ письмѣ царю *). Но нужно знать, что встарину не было въ обычаѣ называть людей только по фамиліи; фамилія едва-ли когда употреблялась безъ личнаго имени; напротивъ, въ обозначеніи лицъ и въ издан-

*) «Чтенія Истор. Общ.» Годъ третій, № 5, стр. 91.

ныхъ матеріалахъ и во всѣхъ другихъ древнихъ оффиціальныхъ памятникахъ часто употребляется одно только имя, особенно въ отношеніи лицъ, занимавшихъ низшія должности. Въ нѣкоторомъ смыслѣ имя составляло честь лица, и потому назвать кого только по фамиліи значило нарушить эту честь, обезчестить. Такъ, напримѣръ, князья жаловались на безчестье, когда называли ихъ князьями безъ имени, а по одной только фамиліи, напримѣръ: князь Ромодановской, вмѣсто князь Иванъ Ромодановской. Имѣя это въ виду, нельзя допустить, чтобъ *ярова* значило фамилію Яровъ; всего скорѣе было бы отмѣчено: Васки Ярова, или просто: Васки. Слово это не есть ли такое же сокращеніе рѣчи, какъ и другія подобныя, встрѣчающіяся въ «Урядникѣ»? и тогда оно можетъ обозначать *Яр*ышкина Ивана Гаври*лова* то есть рукавицу нововыборнаго сокольника Ивана Гаврилова Ярышкина. Оно можетъ также обозначать самый способъ или качество держанья на рукѣ кречета. Во всякомъ случаѣ видѣть въ этомъ словѣ имя языческаго бога, или даже какой-либо намекъ на язычество, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній, между прочимъ и потому, что, при неоднократномъ упоминаніи рукавицы съ притчами, оно употреблено одинъ только разъ и къ тому же въ концѣ описанія обрядовъ. Еслибъ оно дѣйствительно относилось къ рукавицѣ, какъ обозначеніе происхожденія изображенныхъ на ней притчей, въ такомъ случаѣ составитель «Урядника» скорѣе употребилъ бы его въ началѣ и именно тогда, когда рукавица явилась въ обрядахъ, какъ необходимый клейнодъ при посвященіи сокольника.

Въ «Урядникѣ», какъ мы замѣтили, встрѣчается нѣсколько выраженій сокращенныхъ, на первый взглядъ совершенно непонятныхъ, отзывающихся тарабарщиною, напримѣръ: «Врели Горь сотьло» и пр. Г. Безсоновъ объяснилъ ихъ большею частью весьма основательно: вышло, что это сокращенныя

только рѣчи. Ключъ къ такому чтенію указанъ былъ еще прежде изданія этой книги, именно въ статьѣ г. К.: «Соколиная Охота» и пр., помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1856 года, № 65. Дѣло казалось бы и просто. Русской старинѣ оказана услуга, за которую она вполнѣ будетъ благодарна. Но суевѣрный глазъ автора и здѣсь видитъ исконные народные обряды, видитъ что-то чародѣйское. Г. Безсоновъ говоритъ, между прочимъ: «Многія выраженія, произносимыя при обрядѣ, весьма коротки, почти непонятны и носятъ всѣ свойства символическихъ выраженій, произносимыхъ при исконныхъ народныхъ обрядахъ. Сидѣнье бы ихъ выдумывать изрочно при Алексѣѣ Михайловичѣ: другое дѣло разукрашенныя и словообильныя рѣчи. Еще болѣе это ясно при выраженіяхъ: *ерели ворь сопало* и т. п. Можетъ быть, эти странныя выраженія объясняются такъ-называемою тарабарскою грамотою, которая употреблялась въ старину; выраженія «Урядника» отзываются языкомъ восточнымъ, и немудрено, ибо названія многихъ птицъ и даже снарядовъ — чисто восточныя: *Арслань, Ислан-бей*, и т. п. Такимъ образомъ обычаи народной охоты становятся въ связь съ нашими восточными, азіатскими сношеніями» (стр. 137). Такое предисловіе заставляетъ ожидать глубокихъ филологическихъ и миѳологическихъ разысканій; но, вмѣсто того, вамъ доказываютъ, что это простыя сокращенія словъ. Вы ожидаете по крайней мѣрѣ какихъ либо указаній, для чего сокращены эти рѣчи, эти чародѣйскія вѣщанія, отзывающіяся языкомъ восточнымъ и связывающія обычаи народной охоты съ нашими восточными, азіатскими сношеніями? Но дѣло покончено: это сокращенія обыкновенныхъ русскихъ выраженій — и больше ничего... Но позвольте же спросить: почему было *смѣшно* выдумывать эти сокращенія при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда извѣстно, что при немъ тайнописаніе было въ большомъ употреб

леніи, даже по дипломатической части. Большими любителями тайнописи были и старинные наши книжники. Чаще всего они употребляли тарабарскую грамоту, въ которую облекали свои приписки въ концѣ списанныхъ ими рукописей, обозначавшія время списанія и имя трудившагося. Весьма нерѣдко въ концѣ рукописи, вмѣсто *аминь*, они ставили тарабарское *аринь*. Отчего жь и здѣсь нельзя усматривать связи съ восточными сношеніями нашихъ предковъ? вѣдь слово *аринь* также отзывается языкомъ восточнымъ. Кромѣ того, въ предлежащей книгѣ мы находимъ извѣстіе, что въ числѣ царскихъ писемъ къ Матюшкину было и тайнописное тарабарское письмо; оно состояло почти исключительно изъ собственныхъ именъ, напримѣръ, Борисъ, Андрей, Родіонъ, Трофимъ, Камитъ, Андрей, Калистъ и т. д., и частью изъ односложныхъ словъ: азъ, ахъ и т. п. Первыя буквы всѣхъ этихъ словъ по прочтеніи составили слѣдующую рѣчь: *бартъ* (вм. братъ) *какъ тебя здѣсь не стало, то меня и хлѣбомъ съ закалою накормить некому* (Предисл. III). Непонятно, какъ г. Безсоновъ опустилъ безъ вниманія такой важный матеріалъ для своихъ туманныхъ соображеній о языческой основѣ «Урядника», о народныхъ исконныхъ обрядахъ, въ него вошедшихъ и восходящихъ къ баснословному происхожденію. Слово *закала* могло бы и здѣсь подать поводъ къ глубокомысленнымъ выводамъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что примѣчанія и толкованія къ изданнымъ памятникамъ во многихъ мѣстахъ обнаруживаютъ весьма поверхностное изученіе этихъ памятниковъ, малое знакомство вообще съ письменностью одного съ ними времени, безъ которой, при всемъ знаніи болгарскаго языка и разныхъ славянскихъ нарѣчій, нѣтъ возможности уразумѣть изданный матеріалъ, и наконецъ даже поверхностное знакомство съ учеными трудами и изданіями, которыми пользовался издатель въ своихъ объясненіяхъ.

Письма первоначально были напечатаны въ «Сборникѣ Муханова», въ «Актахъ Археографической Экспедиціи» и въ III томѣ «Дополненій» къ актамъ историческимъ. Въ послѣднемъ изданіи и въ «Сборникѣ Муханова», они напечатаны съ подлинниковъ. Несмотря на то, текстъ обоихъ изданій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнорѣчитъ. Кто правъ, кто виноватъ — судить трудно, не имѣя въ рукахъ подлинниковъ. Г. Бартеневъ взялъ текстъ «Сборника» Муханова, потому что тамъ соблюдено правописаніе оригинальныхъ писемъ. Это имѣетъ основаніе; но въ такомъ случаѣ необходимо сдѣлать *сличіе*, какъ выражается «Урядникъ», то есть сличить оба текста, показать какой изъ нихъ изданъ правильнѣе, въ совершенной близости къ подлинникамъ, даже въ отношеніи ошибокъ правописанія. Это, по нашему мнѣнію, составляло одно изъ главнѣйшихъ условій настоящаго изданія и неизбѣжную принадлежность сдѣланныхъ къ нему примѣчаній. Да и самимъ толкователямъ во многихъ случаяхъ было бы несравненно легче составлять свои объясненія, которыя у нихъ иной разъ доходили до глубокомысленныхъ разъисканій и соображеній въ то время, когда ларчикъ открывался просто: ошибка или даже и опечатка одного текста обнаруживалась въ другомъ.

Оба текста, какъ кажется, равно грѣшатъ противъ точности издательской. Въ текстѣ «Сборника» читаемъ, напримѣръ: кречетъ добывалъ птицу добрѣ добро и хотко (ходко), добрѣ *хотко*, а въ текстѣ Актовъ: *хотко, добрехотко*— явно, что послѣднее чтеніе неправильно. Съ другой стороны, въ текстѣ Сборника пишется *утековъ, гусековъ*, а въ текстѣ Актовъ *утенковъ, гусенковъ*, что́, разумѣется, правильнѣе, хотя и неизвѣстно такъ ли въ подлинникѣ *). Въ

*) Впрочемъ, г. Безсоновъ свидѣтельствуетъ, стр. 36, что «языкъ охотниковъ того времени, идущій изъ глубокой старины, любилъ въ названіи

текстѣ «Сборника» *конный писарь;* въ Актахъ *конный псарь* — вѣрнѣе, ибо слово писарь вообще рѣдко употреблялось въ старину, да и значило собственно землемѣра, межеваго описчика, межеваго писца. Писарь въ теперешнемъ значеніи назывался тогда подьячимъ, *писчикомъ;* конный же псарь — была обыкновенная охотничья должность; коннымъ псарь назывался въ отличіе отъ *пѣшаго* псаря. Г. Бартеневъ, не заглянувъ въ Акты, замѣчаетъ, что конный писарь находился, вѣроятно, въ Конюшенномъ Приказѣ, но тогда онъ и былъ бы названъ конюшеннымъ писаремъ. Въ «Сборникѣ»: «У насъ Великаго Государя кречеты добывали каршаковъ: Парфеньевы статьи (сокольника Парфенья), Бердяй 2. Оба *при нѣмъ, адинъ и при васъ*. Въ Актахъ — *оба при мнѣ, одинъ и при васъ*. Въ первомъ случаѣ, совершенно не зная о другомъ чтеніи, г. Бартеневъ дѣлаетъ замѣчаніе: при нѣмъ — то есть при (немъ), Парфеньи... *при васъ*, вѣроятно, описка, *при насъ* (то есть, при государѣ). Но прежде, чѣмъ дѣлать это толкованіе, слѣдовало справиться съ текстомъ Актовъ и доказать неправильность тамошняго чтенія, на основаніи котораго можно сдѣлать совершенно противоположное толкованіе: при *мнѣ*, то есть при государѣ, *при васъ*, то есть при Матюшкинѣ и другихъ охотникахъ, при всемъ *полку*, какъ царь выражается въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, мы не станемъ утомлять вниманіе читателей. Видно, что текстъ, напечатанный въ Актахъ, не былъ употребленъ въ дѣло, что́, конечно, весьма странно, и особенно тамъ, гдѣ все-таки видимы разнаго рода претензіи. Нельзя, однакожь, сказать, чтобъ г. Бартеневъ уже вовсе не пользовался текстомъ Актовъ: въ двухъ, а можетъ быть и въ трехъ мѣстахъ, повѣряя

итацъ окончаніе *акъ* и ближайшее къ нему *екъ*, окончанія очень древнія». Поэтому сюда относятся *зусекъ, утекъ* = *утякъ* и пр.

нъ свой текстъ, онъ называетъ его *другимъ спискомъ!* Мы уже сказали, что оба текста печатаны съ подлинниковъ. Что жь значитъ *другой списокъ?* Все это значитъ вообще, что издательская работа была ведена поверхностно и обнаруживаетъ недостаточное изученіе посредствующихъ источниковъ. То же самое обнаруживаютъ, какъ мы сказали, и примѣчанія толкователей. Не останавливаясь на многихъ мелкихъ неправильностяхъ и неточностяхъ, о которыхъ скучно было бы входить въ подробности, укажемъ, для примѣра, болѣе другихъ значительныя.

Въ одномъ письмѣ къ Матюшкину царь, описывая, какъ упалъ въ огонь сонный сокольникъ и чуть было не сгорѣлъ, тотчасъ продолжаетъ: «да *одноли́шно* бъ вамъ по вашему указу кречетами и челигами промышлять не оплошно за одно и выпускъ имъ давать и проч.» Г. Безсоновъ слово «одноли́шно» толкуетъ слѣдующимъ образомъ: «*Одноли́шно* по всему употребленію нашихъ старинныхъ актовъ (одноли́шно, одноли́чно), равно какъ по словопроизводству, значитъ: *въ одинъ ликъ*, одинаково, однообразно, также точно; значеніе *непремѣнно*, показанное въ Словарѣ Академіи, не оправдывается рѣшительно ни однимъ примѣромъ изъ лѣтописнаго языка нашего» (стр. 25). Эта бойкая, рѣшительная поспѣшность въ заключеніи указываетъ только на недостаточное знакомство съ памятниками, въ которыхъ употребляется слово одноли́чно. Мы, напротивъ, убѣдительно просимъ г. Безсонова привести хотя одинъ примѣръ, подтверждающій его словотолкованіе. Попробуйте въ приведенномъ случаѣ придать слову: одноли́чно—значеніе, возстановляемое г. Безсоновымъ: что́ выйдетъ? Вотъ еще примѣръ: царь пишетъ въ Кирилло-бѣлозерскій Монастырь: «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, какъ у васъ ярманка минуетця и онъ бы (Морозовъ) у васъ былъ въ монастырѣ попрежнему, до нашего указу; а

одноличнобы вамъ боярина нашего Бориса Ивановича оберечь отъ всякова дурна...» Вотъ примѣры изъ актовъ: «А ему Ивану того беречь накрѣпко, чтобъ они того питья не продавали и пилибъ смирно; а драки и зерни у нихъ *одноличнобъ* небыло, и велѣть имъ то питье пить въ указные дни. А *однолично* стрѣльцовъ отъ воровства и ото всякаго дурна унимать, чтобъ они никакого дурна не дѣлали, и никомубъ отъ стрѣльцовъ продажъ и насильства *однолично* не было... А многземцомъ тутъ пріѣзжать не для чего и торговать не съ кѣмъ, и онибъ шли назадъ; а *однолично* съ ними торговать не велѣть, а въ сибирскую сторону ихъ *однолично* не пропускать», и проч.

Такихъ примѣровъ множество: стòитъ только развернуть любой томъ актовъ, и вездѣ это слово носитъ въ себѣ смыслъ крѣпкаго подтвержденія, строгаго, неизмѣннаго исполненія дѣла и ставится большею частью въ концѣ рѣчи, какъ послѣднее слово, подтверждающее неотмѣнность приказа, наказа или просьбы. Такимъ образомъ естественнѣе это слово объяснить словомъ *непремѣнно*, нежели словомъ одинаково, однообразно и т. п. То же почти значеніе имѣетъ и слово *одноконечно*, объясненное неправильно другимъ толкователемъ, г. Бартеневымъ. По его объясненію *одноконечно* значитъ «на тотъ же конецъ, для той же цѣли и того же употребленія». Но вотъ текстъ: «да купить бы тебѣ иглицъ хвостовыхъ... да прислать ко мнѣ тотчасъ; да купить бы тебѣ *одноконечно* въ ряду коршака...» Въ другомъ мѣстѣ: «Вѣдомо намъ учинилось, что многіе... въ великій постъ не постились и не съ благочиніемъ ѣдутъ... и тебѣбъ *одноконечно* заставить въ Петровъ или Госпожинъ постъ говѣть...» (стр. 184). Здѣсь также нельзя приложить приведеннаго толкованія безъ нарушенія существеннаго смысла рѣчи.

«*Коньчяе* или *конче*, также и *конечно* въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича (говоритъ г. Бартеневъ) означаетъ: какъ видится, какъ кажется, вѣроятно». Но царь пишетъ: «А я буду поутру въ пятницу *коньчяе* къ Москвѣ», или: «я буду въ воскресенье, что будетъ, а то *конче*, что въ понедѣльникъ, часу въ четвертомъ дни» (стр. 78, 129). Ясно, что царь обозначаетъ здѣсь послѣдній, рѣшительный, конечный срокъ, слѣдовательно, кончяе — непремѣнно.

«*Быть однословну* (стр. 129) говоритъ г. Бартеневъ, поясняя одно мѣсто «Урядника», значитъ поступать согласно съ дѣломъ и приказаніями, не перечить и не возражать». Но въ текстѣ: «и во *всякой правдѣ* быть постоянну и тверду и *однословну*... обѣщаюся во всякой правдѣ постояненъ и *однословенъ* быть». Ясно, что однословенъ — синонимъ словамъ постояненъ, твердъ (въ словѣ, слѣдовательно въ дѣлѣ), ибо говорится это въ отношеніи *всякой правды*, а не въ отношеніи приказаній. *Собинный нашъ другъ* — какъ называлъ царь Никона, значитъ, по объясненію г. Бертенева (стр. 155) «*личный* нашъ другъ, другъ особы нашей». Что такое *личный другъ? Собинный* значитъ просто *особенный, особенно* любимый другъ. Это могутъ подтверждать и примѣры: *собенникъ, собенница, собина*, приведенные авторомъ. Царь называетъ охотниковъ *достовѣрными, достовѣрными и премудрыми*. Г. Безсоновъ говоритъ, что достовѣрный охотникъ значитъ «*довѣрчивый*, которому *достаточно* одной *вѣры*, а ненужно правилъ и знанія (!), который вѣруетъ въ свою удачу и на нее только полагается. Къ нему не относится «Урядникъ», излагающій искусство ловчаго дѣла». Далѣе: «Охотникъ по любви и страсти, *достовѣрный*, есть въ то же время *заклятый, присяжный, истый* охотникъ. Охота, говорятъ, пуще неволи. Истый, достовѣрный охотникъ, по описанію «Урядника», дѣлаетъ бо-

лѣе и пуще того, кто подчиненъ правиламъ, разсужденію, разбирательству. Любопытно, что царь Алексѣй именно окружалъ себя такими истыми и присяжными охотниками». Желали бы мы послушать, что скажутъ объ этомъ разсужденіи охотники, самые страстные, истые; желали бы мы послушать, что́ дѣлаютъ они на охотѣ съ *одною вѣрою*, безъ правилъ и знанія, безъ разсужденія и разбирательства? Можетъ быть, для извѣстнаго рода *заклятой, присяжной, истой* любви къ русской исторіи и къ русской жизни въ ея историческомъ развитіи и ненужно правилъ и знанія, разсужденія и разбирательства; можетъ быть, здѣсь *достаточно* и единой *вѣры*, на которую полагаясь, можно дѣлать болѣе и *пуще* того, кто подчиненъ правиламъ, разсужденію, разбирательству — но въ охотѣ, смѣемъ увѣрить отъ лица всѣхъ охотниковъ, недостаточно одной вѣры, страсти и любви: съ запасомъ этихъ прекрасныхъ качествъ, ка́къ бы ни были они сильны, не поймаешь и вороны. Всякое дѣло требуетъ знанія и опытности, которою пріобрѣтаются правила; употребленіе же правилъ требуетъ разсужденія и разбирательства. Охота — такое же дѣло, да еще помудренѣе какого либо другаго. Оттого царь и называетъ охотниковъ не только достовѣрными, но и премудрыми; онъ называетъ даже и птицъ въ ихъ добычахъ и ловлѣ — премудрыми.

Разсужденіе г. Безсонова возникло изъ слѣдующаго текста: «Начало же добычи и всякой ловлѣ — разсужденіе охотниковъ временамъ и порамъ; раздѣленіе же птицамъ въ добычахъ. Достовѣрному же охотнику нѣсть въ добычѣ и въ ловлѣ разсужденія временамъ и порамъ: всегда время и погодье въ полѣ». Отсюда одно только заключеніе можно вывесть о достовѣрномъ охотникѣ, именно: какъ охотникъ страстный, онъ не стѣсняет- и въ добычѣ и ловлѣ разсужденіями о временахъ и порахъ, » есть о томъ, способствуютъ ли охотѣ время и погода, вы-

ѣзжаетъ тѣшиться во всякое время и во всякую погоду. Кромѣ того, и въ отношеніи птицъ наблюдалась также своя пора, то есть готовы онѣ были для ловли или нѣтъ. Охотникъ не разсуждалъ объ этомъ и тѣшился только ихъ полётомъ. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ строкъ царскаго письма къ Матюшкину (стр. 70): «Мы поѣхали отвѣдовать (птицъ) на Васильевъ Прудъ: такъ на первомъ дни, летѣли высоко гораздо, да не слазятъ (не спускаются) къ уткамъ, *потому-что ещо не пора*, самъ ты вѣдаешь, что Ѳомина нынѣчя недѣля...» *Достовѣрный*, не значитъ имѣющій *достаточно-вѣры*, а *достойный вѣры*, такъ-какъ и достопамятный — достойный памяти, и т. п.

Въ письмахъ царя весьма часто упоминается *осорья* или *асорья*, болотный коршунъ, также *мышеловъ* и *зимолетъ*. Осорью употребляли для травли соколами; она служила *вабиломъ* — приманкою. Осорья охотникамъ извѣстна, да и печатныя свѣдѣнія о ней не подъ спудомъ лежатъ. Но г. Безсоновъ подступаетъ къ ней слѣдующими, глубоко обдуманными филологическими шагами (стр. 35): «Родительный единственнаго числа *осорьи*, винительный *осорью*, именительный множественнаго *осорьи*, родительный множественнаго *осорей*, слѣдовательно, именительный единственнаго *осорья* (а эта форма въ нарѣчіяхъ славянскихъ чередуется безпрестанно съ формой на *ье*)». Именительный падежъ, хотя и съ трудомъ, найденъ. Но вотъ задача: «По употребленію, впрочемъ весьма частому, неизвѣстно, что это такое» (продолжаетъ г. Безсоновъ). Но какъ же неизвѣстно? Въ письмахъ ясно указано, что́ это такое. Напримѣръ: «а поскольку пускать осорей и сколько коршака пускать и я вамъ о томъ самъ приказывалъ... всякому кречету пустить по четыре осорьи... да коршака по дважды всякому кречету... да купить бы тебѣ... коршяка, или осорью, или орлока живыхъ...» Мудрено, чтобъ авторъ

не понялъ, что́ именно обозначается здѣсь подъ словомъ *осорья;* но умыселъ другой тутъ былъ: нужно было показать *корни и формы.* Итакъ, по употребленію неизвѣстно, что́ это такое, «*но по корню и формѣ* (рѣшаетъ авторъ) *это должна быть птица,* и именно живущая близь воды, на водѣ; корень *ср,* во всѣхъ почти происшедшихъ отъ него словахъ, имѣетъ близкое отношеніе къ водѣ (откуда—изъ воды?—знаменитый гуляка по рѣкамъ и морямъ, «Волгской *сурѣ*» Салко); отъ корня должна быть форма *сора* или *сара;* предлогъ *о* (какъ и многіе другіе) производятъ окончанія *ья, ье* (*плечо—о-плечье,* и т. п.); *осорье, осорья;* форма *сара* или, какъ у насъ должно быть скорѣе, *сора,* отразилась въ сербскомъ словѣ *сарка* — дикая утка, нырокъ; не мѣшаетъ сравнить курское *сар-ыга* — родъ коршуна. Если же допустить заимствованіе, то *осорья* могло быть испорчено изъ польскаго gąsior (гонсёръ) — гусь, гусакъ». (точка.) Такія-то примѣчанія назначены издателемъ преимущественно для большинства читателей! Но что жь здѣсь пойметъ большинство? Что́ жь такое была осорья? Дикая утка, коршунъ или гусакъ? Подобнымъ же образомъ г. Безсоновъ объясняетъ *коршаковъ* и *орлаковъ,* и говоритъ, что они не могутъ означать особой породы *коршуновъ* и *орловъ,* ибо сіи послѣднія птицы хищныя, слѣдовательно на нихъ нельзя охотиться съ соколами и кречетами. По всему видно, что коршакомъ называлась какая нибудь мелкая, всюду водящаяся птица». *Коршакомъ* и до сихъ поръ на сѣверѣ Россіи называется коршунъ, а охота на нихъ съ кречетами и соколами была обыкновенна и представляла большое увеселеніе, потому что борьба съ коршуномъ труднѣе и мудренѣе, нежели съ другою птицею. Что жь касается *орлака,* то и онъ принадлежитъ къ породѣ орловъ, хотя и гораздо меньше ихъ, и называется также *болотнымъ орломъ.*

Далѣе: царь одно письмо къ Матюшкину начинаетъ выраженіемъ: *поздороволь*, то есть здоровъ ли? какъ поживаешь? по здорову ли живешь? Г. Безсоновъ, указывая это значеніе, присовокупляетъ: «Поздороволь значитъ собственно: *послѣ того, какъ скажу тебѣ здороволь*» (то-есть живешь). Что́ это такое?

Въ одномъ примѣчаніи (стр. 206), принадлежащемъ г. Бартеневу, читаемъ слѣдующее достолюбопытное объясненіе: «Церкви, часовни, пустыни и пр. обложены были извѣстными суммами, шедшими въ патріаршую казну; *въ случаѣ неплатежа, ихъ закрывали;* но ихъ можно было окупить взносомъ требуемой суммы. Такіе окупы производились по смерти патріарха Іосифа». Это сказано по поводу слова *окупъ*, которое употреблено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Срѣтенскому протопопу Петру на милостыню и на окупъ 2000 рублевъ... Корнилію митрополиту на окупъ *церковныхъ мѣстъ* 2000 рублевъ, а окуплено 15 престоловъ». Такимъ образомъ, по свидѣтельству г. Бартенева, встарину у насъ церкви, часовни, пустыни и *прочее* были на откупу — и у кого же? у патріаршей казны, которая, за неплатежъ оброчной суммы, *закрывала* ихъ, какъ закрываютъ обыкновенно торговыя заведенія. Что́ это такое? Церкви дѣйствительно были обложены данью, но не церкви собственно, а церковный причтъ. Дань эта была вообще незначительна. Конечно, иной причетникъ могъ и не доплачивать, оставаться въ долгу, но за неплатежъ не церковь отвѣчала, а причтъ, который въ такомъ случаѣ и окупался благочестивыми и доброхотными дателями; окупался, то есть выкупался изъ долговъ. Но, кромѣ того, церкви имѣли свои земли, имѣли *церковныя мѣста*, съ которыхъ взималась поземельная подать на нужды государства. Здѣсь также могли случаться недоимки, но церквей за это не закрывали, а доправляли недоимку съ людей, которые завѣ-

дывали или временно владѣли этими землями. Являли
богобоязненные люди и вносили окупъ, выкупали
мѣсто изъ долговъ. А что касается выраженія: оку
престоловъ, то этимъ обозначено только, что выкупл
церковныхъ мѣстъ у пятнадцати церквей. Во всяком
предметъ этотъ требовалъ осторожнаго обсужденія
жащихъ справокъ, а не отважной увѣренности въ не
мость своихъ соображеній. Маленькій этотъ фактъ ос
наше вниманіе еще и по тому обстоятельству, что о
теризуетъ отчасти абсолютныхъ любителей русско
и русской жизни въ ея историческомъ развитіи,
которыхъ видимо принадлежитъ и авторъ, съ таким
емъ доказывающій, что по забавѣ купать людей в
никакъ нельзя заключать о жестокости и *мнимой*
старинныхъ нравовъ. Взявъ на себя обязанность
стражѣ чистоты и безпорочности русской исторіи и
жизни въ ея историческомъ развитіи, абсолютные л
въ слѣпотѣ любовной, придаютъ любимому предм
качества, которыхъ, изъ ненависти, не осмѣлится
и чародѣй-историкъ, даже при помощи «дурнаго гла
вращающаго, какъ извѣстно, все хорошее былое въ
Да полно любовь ли это? Нѣтъ ли здѣсь других
чувствъ и побужденій, которыя такъ ярко драпир
чувство любви; ибо кто жь любящій кричитъ во всеу
что онъ любитъ, что онъ одинъ только понимаетъ,
любовь къ русской исторіи. Любовь является въ дѣл
она мѣдь звенящая, тимпанъ брящающій. Вы жалуе
піете, что русскую исторію не любятъ, ненавидятъ;
хорошее былое превращаютъ въ пошлость; что хор
роны старой жизни съ намѣреніемъ обходятъ и выс
на показъ только дурное; что историческія сочине
явины нашихъ историковъ — звѣринецъ, въ кот

казываютъ верблюдовъ и медвѣдей: да покажите, ради Бога, хоть разъ, тѣхъ райскихъ птицъ нашего минувшаго, которыми такъ полно ваше воображеніе. До сихъ поръ въ вашихъ возглашеніяхъ мы видѣли только обезображенные, искаженные факты, отважную самоувѣренность и ограниченное знакомство съ предметомъ, любовью къ которому, исключительнымъ пониманіемъ котораго вы такъ рисуетесь передъ публикою, расхаживаете по сценѣ, «какъ разрумяненный трагическій актёръ, махающій мечомъ картоннымъ...»

Вотъ хотя бы и въ настоящемъ случаѣ: вы взяли драгоцѣннѣйшій матеріалъ нашей старины, совокупными трудами г. Бартенева, г. Безсонова, г. Бѣляева вы протолковали его, объяснили публикѣ, большинству читателей — и чтожь вы дали этому большинству? какія понятія о старинѣ вы, исключительные любители русской исторіи, разнесли въ средѣ этого большинства? Что царь Алексѣй Михайловичъ утѣшался купаньемъ стольниковъ въ проруби; что патріаршая казна закрывала церкви за неплатежъ долговъ, оброка? Но вѣдь и этого вы ничѣмъ не подтвердили, а высказали въ голыхъ словахъ... Теперь, видите ли, нужно дѣло; эпоха словъ и праздныхъ разглагольствій прошла, да едва-ли когда и воротится. Мы повторимъ еще: если вы убѣждены, что половина трудовъ по русской исторіи стоитъ на ложномъ пути, даже намѣренно искажаетъ дѣло, такъ чтожь васъ удерживаетъ? укажите прямой, правдивый путь, обнаружьте зло; но обнаружьте все это не на словахъ, а на дѣлѣ, то есть на фактахъ; ибо развѣ вы не видите, что противники ваши, какъ вы ихъ признаете, выставляютъ впереди всего дѣло, факты, всѣмъ открытые, всѣмъ доступные... А если не находите нужнымъ вдаваться въ полемику, такъ представьте свои начала, положенія, выводы, изслѣдованія въ параллель тѣмъ, о которыхъ вы отозвались съ такою самоувѣренностью: тогда и самоувѣ-

ренность эта, равняющаяся почти хвастовству, получитъ основаніе и смыслъ. Да притомъ, что́ важнѣе всего, уясните намъ сначала, что́ вы разумѣете въ исторіи подъ именемъ «хорошихъ сторонъ», подъ именемъ «былаго хорошаго» и что́ такое, по вашему умозрѣнію, дурное? Отчего вы, любители этого хорошаго, нисколько не возмутившись прорубью и закрытіемъ церквей, возмущаетесь верблюдомъ и медвѣдемъ, и именно верблюдомъ, который хотя и не красота, однако съ такою покорностью, терпѣніемъ и, можно сказать, признательностью несетъ свое иго, доставляетъ столько пользъ такъ называемому господину природы. Намъ даже кажется, что верблюдъ — извините — въ дѣлѣ цивилизаціи полезнѣе райской птицы, а въ исторіи человѣчества занимаетъ такую страницу, которой могли бы позавидовать иныя племена и народы, угасшіе безъ шума и слѣда... Въ добавокъ, верблюжья добродѣтель — терпѣнье — нѣкоторый историкъ ставилъ даже добродѣтелью нѣкоего народа... Но мы почти увѣрены, что отъ абсолютныхъ любителей старины мы ничего не дождемся, кромѣ словъ, словъ и словъ; ибо не разъ уже имѣли случай убѣдиться, что въ разговорахъ о томъ, ка́къ слѣдуетъ любить старину и ка́къ ее не любятъ, всегда слышится несравненно болѣе любви къ собственнымъ идеаламъ, нежели къ предмету разговора, болѣе самоуслажденія и довольства собственными соображеніями, чѣмъ стремленія открыть правду. Извѣстно, что человѣкъ, довольный собою, доволенъ цѣлымъ міромъ. Правда же достается трудомъ, безпокойствомъ, недовольствомъ; достиженіе ея идетъ путемъ борьбы дѣятельной, неумолкаемой... но борьбы не съ противными только убѣжденіями, а прежде всего съ собственными стремленіями къ покою, съ стремленіями сильными и свойственными всякому человѣку. «Мудріе мужіе (говоритъ Духовный Регламентъ Петра) сіе между собою утвердили пословіе: *Мудраго чело-*

вѣка свойство есть отмѣнять мнѣніе, то есть переходить на новую ступень въ познаніи истины, если ступень эта будетъ открыта и основательно очищена отъ прежняго заблужденія. Напротивъ, «привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіи человѣцы (свидѣтельствуетъ «Регламентъ»), хуждшіи бываютъ отъ неученыхъ, ибо весьма темни сущи, мнятъ себя быти совершенныхъ и помышляя, что все, чтолибо знать мощно, познали: не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учитися». Дѣйствительно, люди, успокоившіеся на двухъ-трехъ тенденціяхъ, какъ на подушкахъ, не любятъ шума и движенія, съ которыми пріобрѣтается истина, все равно, гдѣ бы это ни было, въ наукѣ ли, въ жизни ли. Каждый новый вопросъ, новый шагъ въ наукѣ, дуновеніе свѣжихъ, чистыхъ понятій, тревожитъ ихъ сонъ; они вскакиваютъ, вперяютъ на новые предметы неподвижные, немыслящіе глаза, и въ озлобленіи, что нарушенъ сладкій сонъ, произносятъ нескладныя рѣчи, начинаютъ толковать о нападкахъ на древнюю Русь, о ненависти къ русской исторіи современныхъ писателей, о превращеніи въ пошлость всего хорошаго былаго, о своей искренней любви... «Въ нашей исторической литературѣ (кричатъ они) много уже перебывало разныхъ отрицателей и порицателей всего, относящагося до древней Россіи: сперва были ратоборцы противъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, а теперь попадаются охотники ратовать *противъ смысла древней русской жизни*, противъ исторіи; но имъ не погубить исторіи, истина всегда останется истиною» *). Все это было бы смѣшно и не стоило бы разговора, еслибъ эти громкіе голоса не находили отзыва въ томъ лѣсу отсталыхъ, застоявшихся понятій, который еще по раз-

*) „Русская Бесѣда", т. II, Критика. Статья г. Бѣляева: „Еще о сельской общинѣ", стр. 141.

[illegible] лучшіе результаты, к
[illegible] которыми такъ
чи убаюкивали свое самолюбіе, и которые, съ ра
науки — увы! съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣ
ваются несостоятельными. Крики, слѣдовательно,
не безъ основанія. Здѣсь громко говоритъ чувство
храненія: иной вѣдь любилъ, любилъ русскую исторію
валъ, толковалъ и вкривь и вкось объ опасностяхъ и
ляхъ, ей грозящихъ, а на дѣлѣ вдругъ и обнаруживае
именно русскую-то исторію, смыслъ-то древней русск
онъ менѣе всего и понимаетъ. А почему тутъ зам
русская исторія, смыслъ древней русской жизни,
потому, что никакая узенькая тенденція сама собо
ствовать не можетъ; она, инстинктивно чувствуя св
бость, всегда избираетъ себѣ щитъ и девизъ изъ той
гдѣ спора не бываетъ, или гдѣ споръ затрудненъ уже
именемъ девиза. Попробуйте-ка серьёзно поднять коп
абсолютный любитель русской старины, выглядывая
смысла древней русской жизни, крикнетъ вамъ,
тите погубить исторію.

ОХОТНИЧІЙ ДНЕВНИКЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

1657 года.

Исторія русской охоты должна памятовать царя Алексѣя Михайловича, какъ одного изъ *премудрыхъ* (говоря его же словами), *доброродныхъ* и *доброхвальныхъ* охотниковъ. Ни одинъ изъ государей московскаго періода не былъ преданъ охотѣ съ такимъ горячимъ увлеченіемъ, съ такою страстію. Онъ во многомъ напоминаетъ нашихъ первыхъ князей, славныхъ охотниковъ нашей древности, для которыхъ охота представляла не одно только развлеченіе, увеселеніе, но вмѣстѣ съ войною была стихіею ихъ жизни, достойнымъ поприщемъ для ихъ богатырскихъ подвиговъ.

Извѣстны охотничьи *труды* и подвиги Владиміра Мономаха, одного изъ самыхъ типичныхъ героевъ древней Руси, котораго любовь къ охотѣ простиралась до того, что онъ не отдѣлялъ заботъ объ ея *нарядѣ* или устройствѣ отъ обыкновенныхъ заботъ и обязанностей князя, какъ главнаго вождя и судьи въ Русской землѣ, который «на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, самъ творилъ, что было надобѣ, — и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ держалъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ». Съ тѣми же отчасти чертами является и охотникъ-царь; онъ также неуто-

[illegible] въ самыхъ [illegible] въ первое время царствованія, когда [illegible] еще принималъ участія въ [illegible] управленія. Сначала онъ занимался *на зверя*, особенно [illegible], [illegible], но потомъ особенно полюбилъ [illegible] и за ней сосредоточилъ всю свою горячность къ охотѣ. Въ [illegible] вѣрные и краснорѣчивые свидѣтели этой горячности. Въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, [illegible] и товарищамъ по охотѣ и сверстникамъ по воспитанію, къ Матюшкину и Голохвастову, государь, съ необыкновенною выразительностію самъ раскрываетъ свою горячую привязанность къ этой *славной и красной птичьей потѣхѣ*, которой весь кругъ, всѣ мелкія подробности были для него предметомъ самыхъ внимательныхъ и попечительныхъ заботъ. Онъ подобно Мономаху самъ держалъ нарядъ «о соколѣхъ и о ястребѣхъ» — весь нарядъ соколиной потѣхи, самъ входилъ во всѣ мелочи, указывая какъ ходить за птицами, какъ ихъ беречь и выпаживать, съ нѣжною заботливостію наблюдая за ихъ здоровьемъ, съ грозою требуя этихъ наблюденій отъ своихъ помощниковъ и съ восхищеніемъ описывая чудный полетъ любимыхъ птицъ и славныя, премудрыя ихъ добычи. Наконецъ для чести и повышенія красныя и славныя птичья охоты сокольничья чина, онъ даетъ ей особый *урядникъ* — новое уложеніе и устроеніе ея обрядной части, въ которомъ еще виднѣе раскрывается дорогое значеніе для царя этой потѣхи.

Предлагаемый *дневникъ* служитъ также любопытнымъ памятникомъ царскихъ заботъ и распоряженій по любимому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствомъ неутомимыхъ «полевыхъ» походовъ государя. Въ маѣ (25 числа) 1650 года царь писалъ между прочимъ къ обоимъ своимъ совѣтникамъ и помощникамъ, Матюшкину и Голохвастову, которые завѣдывали охотою, чтобъ они записывали — «въ который день и кото-

раго числа дождь будетъ». Наблюденіе за состояніемъ погоды принадлежитъ къ необходимымъ условіямъ охоты и само собою разумѣется, что повелѣніе царя вызвано было какими либо потребностями или соображеніями, возникшими среди его неутомимыхъ птичьихъ потѣхъ. Въ Урядникѣ сокольничья чина онъ говоритъ, что «начало добычи и всякой ловлѣ (есть) разсужденія охотниковъ временамъ и порамъ, раздѣленіе птицамъ въ добычахъ», то есть разсужденіе о состояніи погоды, благопріятствуетъ ли она охотѣ или нѣтъ. Впрочемъ царь далѣе замѣчаетъ, что «достовѣрному (горячему, страстному) охотнику нѣсть въ добычѣ и въ ловлѣ разсужденія временамъ и порамъ: всегда время и погодье въ полѣ». Но во всякомъ случаѣ, приказывая вести записки о погодѣ, государь можетъ быть желалъ собрать вѣрныя наблюденія о томъ, на сколько зависятъ отъ погоды премудрыя добычи ловчихъ птицъ, ихъ красносмотрительный, высокій летъ. Матюшкинъ и Голохвастовъ отвѣчали на письмо царя, что будутъ записывать и Матюшкинъ въ тотъ же день донесъ, что «на Москвѣ былъ дождь въ обѣдъ и послѣ обѣда невеликъ» *). Вѣроятно съ того времени при дворцѣ стали вести дневникъ, въ которомъ, день изо дня, дѣлали отмѣтки о всѣхъ перемѣнахъ погоды, включая сюда же извѣстія о томъ, какой изъ стрѣлецкихъ приказовъ (полковъ) стоялъ на дворцѣ и около дворца на караулѣ, куда выходилъ или выѣзжалъ самъ государь, кого принималъ у себя и т. п. Безъ сомнѣнія стрѣлецкій же караулъ и велъ этотъ дневникъ, находясь всегда на мѣстѣ и потому имѣя полную возможность дѣлать постоянныя наблюденія надъ погодою. Къ сожалѣнію, любопытныя эти записки дошли до насъ въ небольшомъ отрывкѣ: сохранился только дневникъ 7165

*) Ихъ письма, сообщены нами въ Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн., годъ третій, № 5.

(1657) года, да и то не вполнѣ, ибо начало его утрачено и записки продолжаются только съ 29 генваря *). Но тѣмъ еще бо́льшую цѣну долженъ имѣть этотъ отрывокъ, какъ единственный памятникъ, знакомящій насъ, хотя и въ сухомъ перечнѣ, съ охотничьими поѣздками царя въ теченіе всего лѣта. — Время отъ времени, иногда по нѣскольку дней сряду, записки обозначаютъ, когда ходилъ Государь *тѣшиться* на поле и въ какихъ именно поляхъ тѣшился. Мы сдѣлали сводъ или выборку такихъ отмѣтокъ изъ цѣлаго года и представляемъ ихъ здѣсь въ видѣ охотничьяго дневника. Само собою разумѣется, что интересъ этихъ замѣтокъ чисто археологическій; собственно для исторіи охотничьяго дѣла онѣ мало имѣютъ значенія, представляя только перечень царскихъ охотничьихъ выѣздовъ. Но перечень этотъ получаетъ совершенно другой смыслъ, когда мы приведемъ на память извѣстную переписку Царя съ Матюшкинымъ, изъ которой большая часть царскихъ писемъ относится къ обозначеннымъ въ этомъ дневникѣ выѣздамъ. Царь входитъ въ самыя мелкія подробности и съ такою любовію, такъ изобразительно описываетъ чудный летъ и славныя добычи своихъ дорогихъ птицъ, что сухой дневникъ, оживленный этими разсказами, пріобрѣтаетъ интересъ охотничьихъ мемуаровъ, которымъ что либо подобное рѣдко можно встрѣтить даже и въ наше время, ибо охотники рѣдко берутся за перо, а тѣмъ рѣже за составленіе дневника своихъ походовъ и наблюденій. Чтобы придать сказанный интересъ голому перечню царскихъ поѣздокъ въ поле, мы при-

---

*) Дневникъ писанъ столбцомъ и хранится въ Архивѣ Моск. Дворцовой Конторы. Послѣ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ встрѣтились намъ такіе же Дневники, писанные въ книгахъ, въ листъ, съ заглавіемъ: *Записка дневанью, Записка дневальная*, 1170, 171, 174, 175, 176 и 181 годовъ. Заглавіе очень ясно обозначаетъ, что это были собственно Записки караульныя.

лагаемъ въ концѣ его два письма, особенно любопытныя по своимъ подробностямъ, дающимъ полное понятіе о царскихъ птичьихъ потѣхахъ. До сихъ поръ не было извѣстно къ какому времени, то есть году, относятся эти письма; одно обозначено только мѣсяцемъ и числомъ, апрѣля 11, а другое *нынѣшнимъ днемъ* *). Дневникъ весьма положительно опредѣляетъ годъ писемъ, 7165, и указываетъ даже къ какому мѣсяцу и числу можно пріурочить этотъ неизвѣстный «нынѣшній день».

ДНЕВНИКЪ.

7165 (1657).

Февраля въ 16 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь въ походъ, въ свое государево село, въ Семеновское, на потѣшной дворъ; съ Москвы пошелъ въ 8 часу дня, а къ Москвѣ пришелъ полчаса ночи **). И въ тотъ день и въ ночи былъ морозъ.

Апрѣля во 2 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь въ село Измайлово, да въ село Покровское и на потѣшной дворъ въ Семеновское; божественныя литургіи слушалъ Государь въ селѣ Измайловѣ; а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ. А пошелъ Государь въ село Измайлово въ часъ дни, а пришелъ во 2 часу ночи. И въ тотъ день было холодно

---

*) Первое напечатано въ Сборникѣ Муханова № 162 и въ Актахъ Арх. Эксп. т. IV, № 100, второе — въ Сборникѣ Муханова № 164 и въ Дополн. къ Актамъ Истор. т. III, № 71, XII.

**) Часы въ то время дѣлились на *денные*, съ восхожденія солнца и *ночные*, съ заката. 18 февраля было 11 ч. дня и 13 ч. ночи; 7 апрѣля было 14 ч. дня и 10 ч. ночи; мая 9 было 16 ч. дня и 8 ч. ночи; 25 мая — 17 ч. дня и 7 ч. ночи. За тѣмъ шло на убыль, съ 12 іюня.

и вѣтрено, а въ ночи холодно жъ. — Апрѣля въ 4 день, въ суботу, ходилъ Государь послѣ столоваго кушанья на потѣшной дворъ въ Семеновское, а пришелъ въ « » часу ночи. А въ тотъ день было холодно и вѣтрено, а снѣгъ шелъ съ перемѣшкою, а въ ночи было то жъ. — Апрѣля въ 7 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Семеновское на потѣшной дворъ, а къ Москвѣ пришелъ въ послѣднемъ часу дни. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Апрѣля въ 9 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Покровское, и въ томъ селѣ тѣшился; а къ Москвѣ пришелъ въ шестомъ часу дни, и столовое кушанье было на Москвѣ. И въ тотъ день до осмаго часа дни было холодно и вѣтрено, а съ того часа былъ дождь до одиннадцатаго часа, а съ одиннадцатаго часа шелъ снѣгъ съ дождемъ до вечера, а въ ночи былъ морозъ. — Апрѣля въ 14 день, во вторникъ... ходилъ Государь въ село Покровское. Съ Москвы пошелъ въ третьемъ часу дни, къ Москвѣ пришелъ на первомъ часу ночи. И тотъ день былъ пасмаренъ и теплъ, а въ ночи было тепло жъ. — Апрѣля въ 21 день, во вторникъ, ходилъ Государь въ походъ въ село Семеновское. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Апрѣля въ 25 день, въ суботу, послѣ ранняго кушанья, ходилъ Государь въ походъ на Тверскіе поля *) тѣшитца, а къ Москвѣ пришелъ на послѣднемъ часу дни. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а съ четвертого часу и до вечера шелъ дождь съ перемѣшкою. — Апрѣля въ 27 день ходилъ Государь въ Семеновское и на полѣ тѣшился птицами. И въ тотъ день до вечеренъ было ведрено, а послѣ того былъ дождь, а въ ночи шелъ дождь же. — Апрѣля въ 28 день, во вторникъ, на 1 часу дни, ходилъ Государь

*) Тверскія поля, безъ сомнѣнія, такъ называемая теперь Ходынка съ окрестными мѣстами по Тверской (Петербургской) дорогѣ.

тѣшитца на поле, а пришелъ къ Москвѣ въ отдачю часовъ денныхъ. И въ тотъ день съ утра часу до пятаго было ненасливо и накрапывалъ дождикъ, а съ пятого часу было ведрено и тепло, а въ ночи было тепло жъ. — Апрѣля въ 30 день былъ день ведренъ, а ввечеру шелъ дождикъ маленкой не много; и въ тотъ день изволилъ Государь быть въ походѣ въ селѣ Голенищевѣ *).

Маія въ 3 день, въ недѣлю, ходилъ Государь въ село Семеновское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло.— Маія въ 8 день, въ пятокъ, слушалъ Государь всеношного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, что у него Государя на сѣнѣхъ; празновали Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову; а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь празновать чюдотворцу Николѣ въ Угрѣшской монастырь. И дорогою идучи, на Коломенскихъ поляхъ тѣшился. Въ монастырь пришелъ въ 13 часу дни, а стоялъ Государь за монастыремъ въ своихъ царскихъ шатрахъ, и слушалъ малые вечерни у себя Государя въ шатрахъ. И въ тотъ день послѣ обѣда и до вечера шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а въ ночи было холодно. — Маія въ 9 день, въ суботу, на празникъ принесенія мощей, иже во святыхъ отца нашего Николы, слушалъ Государь всеношного бдѣнія и божественныя литургіи въ Угрѣшскомъ монастырѣ въ церкви Николы Чюдотворца; и на всеношномъ бдѣніи облачался и служилъ божественную литургію Великій Государь Никонъ, Архіепископъ царствующаго великаго града Москвы, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Патріархъ, съ пестрыми и черными властми и со всѣмъ своимъ освященнымъ соборомъ. Того жъ дни у Великаго Государя, Его Царскаго Величества

*) Троицкое Голенищево, за Воробьевыми горами, въ 5 верстахъ отъ Дорогомиловской заставы.

былъ столъ въ селѣ Островѣ *) по комнатѣ, ѣлъ Великій Государь Никонъ Патріархъ и власти; и были у стола бояре и околничіе да голова стрѣлецкой Яковъ Соловцовъ. И въ тотъ день до кушанья было ведрено и красно, а послѣ кушанья и до вечера было пасмарно и вѣтрено, а въ ночи былъ морозъ. Того жъ дни послѣ кушанья передъ вечернею ходилъ Государь на Островскіе поля тѣшитца. — Маія въ 12 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день до полденъ было ведрено и вѣтрено, а послѣ полденъ шелъ дождикъ съ перемѣшкою часы съ два или болши, а въ ночи былъ морозъ. — Маія въ 14 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле до кушанья и послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи съ вечера громъ и вѣтръ и дождь, и было тепло. — Маія въ 16 день, въ суботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Семеновскіе поля. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ Рубцовѣ. Малыя вечерни слушалъ Государь у себя Государя въ хоромѣхъ. И тотъ день былъ пасмаренъ и вѣтренъ до обѣда, а послѣ обѣда часа за 2 до вечера шелъ дождикъ невеликъ, а въ ночи было тепло. — Маія въ 21 день, въ четвертокъ, слушалъ Государь завтрени у себя Государя въ хоромѣхъ, а божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (въ Покровскомъ), а празновали Богородицѣ Стрѣтенія Владимірской иконы. А послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Покровскія поля. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Маія въ 22 день, въ пятокъ, ходилъ Государь тѣшитца **) до столоваго кушанья и послѣ кушанья, и Государыня Царица.

---

*) 20 верстъ отъ Москвы.

**) *Зачеркнуто:* въ Тверскія поля до столоваго кушанья, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рощу Собакину.

А въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Маія въ 23 день, въ суботу, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Введенскомъ въ церкви *) (пробѣлъ). А послѣ обѣдни до кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами, а кушанье было въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день до обѣда былъ ведренъ, а послѣ обѣда пасмаренъ, а въ ночи тепло. — Маія въ 24 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, а всенощное пѣли вспѣваки, а литургію Государевы пѣвчіе дьяки. Послѣ столоваго кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами. И тотъ день до кушанья былъ ведренъ, а послѣ кушанья до вечера былъ день пасмаренъ и шелъ дождикъ невеликъ, а съ вечера и во всю ночь шелъ дождь великъ. — Маія въ 25 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятей Богородицы (въ Покровскомъ), празновали обрѣтенію честныя главы Іоанна Предтечи. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; а послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дни шелъ дождь, а съ пятого часу и до вечера было ведрено и красно, а въ ночи было тепло, а съ полуночи накраповалъ дождикъ невеликъ. — Маія въ 26 день, во вторникъ, ходилъ Государь на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дни шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а потомъ было и до вечера пасмарно и вѣтрено. — Маія въ 28 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскія поля до столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Маія въ 29 день, въ пятокъ, слушалъ Государь божественныя (литургіи) у Покрова Пресвятыя Богородицы, и послѣ божественныя литургіи ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе

*) Мѣстоположеніе этого села указываетъ урочище *Введенскія горы*.

поля. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло.— Маія въ 30 день, въ суботу, слушалъ Государь божественныя литургіи у Покрова Пресвятыя Богородицы; а до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе поля, а пришелъ за полчаса до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Маія въ 31 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. Послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рощу, что зовомомъ Собакино. И тотъ день съ утра былъ ведренъ, а въ кушанье гремѣлъ громъ и молнія блистала и шелъ дождь великъ, а послѣ того и до вечера было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было тепло.

Іюня въ 1 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Тонинское *). Столовое кушанье въ селѣ Медвѣдковѣ **), и послѣ столоваго кушанья тѣшился жъ. И въ тотъ день шелъ дождь часа съ два, а въ ночи было холодно. — Іюня въ 4 день, въ четвертокъ, былъ дождь часа за два до вечера и шелъ съ полчаса. И въ тотъ день ходилъ въ село Коломенское послѣ столоваго кушанья. А въ ночи было тепло. — Іюня въ 6 день, въ суботу, ходилъ Государь тѣшитца на поле, въ Семеновское. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно. Того жъ дни пришелъ въ село Покровское святѣйшій Никонъ Патріархъ за три часа до вечера. — Іюня въ 10 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Красномъ и ходилъ въ Измайлово, а послѣ столоваго кушанья ходилъ въ Тверскія поля. И въ тотъ день было красно, а въ 9 часу былъ громъ велми великъ и блистала молнія и шелъ дождь великъ съ полчаса,

*) 12 верстъ отъ Троицкой заставы.

**) 7 верстъ отъ Троицкой заставы.

и потомъ шелъ невеликъ, а въ ночи было тепло. — Іюня въ 11 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенскія поля. Кушанье было въ Тюхаляхъ *), а вечернее кушанье было въ селѣ Покровскомъ, а пришелъ въ село Покровское въ 2 часу ночи. И въ тотъ день съ утра было пасмарно и тихо, а съ 6 часу и до вечера шелъ дождь съ перемѣшкою, а въ ночи дождь былъ же съ полуночи съ часъ и было тепло. — Іюня въ 13 день, въ суботу, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Черкизовѣ, отъ села Покровскаго 3 версты, и ходилъ на поле до кушанья и послѣ кушанья. И тотъ день былъ красенъ и тихъ, а въ полдни шелъ дождь немногое время, а въ ночи было тепло жъ. — Іюня въ 15 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведренъ. И въ тотъ день до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле; а въ ночи было тепло. — Іюня въ 16 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья въ Тверскихъ поляхъ, а столовое кушанье было на Воробьевѣ. И тотъ день съ утра былъ пасмаренъ, а послѣ полденъ и до вечера шелъ дождь, а въ ночи было тепло. — Іюня въ 20 день, въ суботу, ходилъ Государь на поле тѣшитца до кушанья и послѣ кушанья; и въ тотъ день до кушанья былъ громъ и шелъ дождь добрѣ великъ, а послѣ кушанья шелъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло. — Іюня въ 22 день, въ понедѣльникъ, тѣшился Государь на Покровскихъ и на Коломенскихъ поляхъ; столовое кушанье было въ Тюхаляхъ, а вечернее кушанье въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день былъ пасмаренъ, а въ ночи было тепло. — Іюня въ 25 день, въ четвертокъ, до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло. — Іюня въ 26 день, въ пятокъ, слушалъ Госу-

*) Тюфелева роща въ двухъ верстахъ отъ Симонова монастыря.

дарь божественныя литургіи въ церкви Покрова Пречистыя Богородицы. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было холодно. Того жъ дни ходилъ Государь на Покровскія поля въ рощу и ночевалъ Государь въ селѣ Коломенскомъ. — Іюня въ 30 день, во вторникъ, ходилъ Государь до кушанья и послѣ кушанья на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 7 часу дни шелъ дождь съ перемѣшкою, а съ 7 часу было ведрено, а въ ночи было тепло.

Іюля въ 2 день, въ четвертокъ, до кушанья ходилъ Государь на поле тѣшитца. И тотъ день до обѣда былъ ведренъ и тихъ, а послѣ обѣда красенъ да вѣтренъ. — Іюля въ 4 день, въ суботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, и послѣ столоваго кушанья за два часа до ночи пошелъ Государь въ село Коломенское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло. — Іюля въ 6 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было пасмарно и вѣтръ великъ, а въ ночи тепло. — Іюля въ 7 день, во вторникъ, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; и послѣ столоваго кушанья пошелъ Государь тѣшитца на поле, а Государыня Царица пошла изъ села Покровскаго къ Москвѣ за 3 часы до ночи. А Государь пришелъ къ Москвѣ за часъ до ночи. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи тепло. — Іюля въ 12 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, а съ Москвы пошелъ Государь въ село Коломенское въ 13 часу дни. И въ тотъ день шелъ дождь часу до девятого, а съ девятого до одиннадцатого часу было пасмарно, а съ одиннадцатаго часу шелъ дождь невеликъ, а до вечера, и въ ночи было тепло. — Іюля въ 13 день, въ понедѣльникъ, пошла Государыня Царица съ Москвы въ село Коломенское въ 6 часу

дня, въ началѣ; а въ Коломенское пришла въ 11 часу дня. А до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло. — Іюля въ 14 день, во вторникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а послѣ полденъ шелъ дождь съ часъ, а въ ночи съ вечера дождь шелъ и до свѣта, съ перемѣшкою.— Іюля въ 16 день былъ день ведренъ и вѣтренъ. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья; а въ ночи было тепло. — Іюля въ 18 день, въ суботу, былъ день ведренъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день послѣ столоваго кушанья пришелъ Государь въ село Коломенское и тѣшился въ Коломенскихъ поляхъ. — Іюля въ 20 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь всеношного бдѣнія и божественныя литургіи у Вознесенія Господня (въ Коломенскомъ), а празновалъ Государь Пророку Ильѣ. И въ тотъ день было ведрено, а въ вечеру былъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья. — Іюля въ 21 день, во вторникъ, до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло. — Іюля въ 22 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургіи у Всемилостиваго Спаса въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ литургіи до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до 3 былъ туманъ, а въ ночи было тепло. — Іюля въ 23 день, въ четвертокъ, до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до третьяго былъ туманъ, а въ ночи было тепло. — Іюля въ 24 день, въ пятокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Островскіе поля, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ пятомъ часу ночи, а Государы-

ня Царица пришла къ Москвѣ въ тотъ же день въ девятомъ часу дни. И въ тотъ день было ведрено, а за часъ до вечера былъ дождь. — Іюля въ 29 день, въ среду, съ утра часу въ другомъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Коломенское, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ другомъ часу ночи. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло. — Іюля въ 31 день, въ пятокъ... послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ походъ въ свое село Коломенское. И тотъ день былъ ведренъ и красенъ, а въ ночи было тепло.

Августа въ 9 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за полчаса до свѣта, а пришелъ за часъ до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи былъ дождь невеликъ. — Августа въ 13 день, въ четвергъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за два часа до вечера. — Августа въ 20 день, въ четвертокъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было вѣтрено. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенское. — Августа въ 22 день, въ суботу, ходилъ Государь въ Семеновское тѣшитца, а пошелъ за 3 часа до ночи. И въ тотъ день было ведрено, а какъ Государь былъ на полѣ и въ тѣ поры шелъ дождь невеликъ съ полчаса, а въ ночи было холодно. — Августа въ 24 день, въ понедѣльникъ, послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь на Дѣвичье поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а послѣ полденъ вѣтрено, а въ ночи холодно. — Августа въ 25 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле, а кушанье было въ селѣ Коломенскомъ. А съ Москвы пошелъ Государь въ 2 часу дни, а къ Москвѣ пришелъ часы въ отдачу. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи холодно. — Августа въ 27 день, въ четвертокъ, до кушанья, ходилъ Государь тѣшитца на поле,

а къ столовому кушанью пришелъ къ Москвѣ. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно. — Августа въ 30 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, что у него Государя на сѣнѣхъ, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было холодно. — Августа въ 31 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведренъ и вѣтренъ, а въ ночи было тепло. Того дни ходилъ Государь за два часа до вечера на Дѣвичьи поля тѣшитца.»

ПИСЬМА.

I.

Суббота, 11 апрѣля, 1657 года.

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи стольнику нашему Аѳонасью Ивановичу Мотюшкину. Писалъ я къ тебѣ напредъ сево, што буду я къ Москвѣ въ понедѣльникъ (6 апрѣля), и я къ тебѣ писалъ, не спрошався съ собою, потому что соколовъ не было, да и не вѣдалъ, что боярин Борисъ Ивановичь (Морозовъ) послалъ къ себѣ по соколы; а привели ихъ въ четвергъ (9 апрѣля) поутру, двухъ: Ширяеву дикомытъ да Модину дикомытъ; только ихъ у себя онѣ вабили съ вервью, а безъ верви отнудь у нихъ не летавали, ни поворачивали; такъ мы поѣхали отвѣдавать на Васильевъ прудъ — такъ на первомъ дни, въ которой ихъ привели, летѣли высоко гораздо, да не слазятъ къ уткамъ, потому что еще не пора, самъ ты вѣдаешь, что Ѳомина нынѣчя неѣля. А на другой день, въ *пятницу* (апрѣля 10), *вчерась* поутру, летѣли хорошо, да не слазятъ; такъ я поѣхалъ къ

[illegible]

*) Порфиновъ Ирмѣ, Анѣ, Татьянѣ Михаиловнѣ.

**) 12 и 13 апрѣля въ записяхъ выходовъ не обозначено, гдѣ въ эти дни Государь былъ въ Тушинѣ; 14, по вторникамъ ходилъ на богомолье по монастырямъ, въ Вознесенскій и др., а Тушино онъ возвратился не въ пятницу, какъ предполагалъ, раньше, во вторникъ.

и въ вабаю и вешны: гдѣ нибудь добудь черныхъ да пришли, да и самъ пріѣдь ко мнѣ съ голубьми тѣми на день на другой; а отъ меня тебѣ: будь здоровъ во вѣки аминь. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Покровскомъ, апреля въ 11 день (въ субботу). Купи да пришли хорошихъ на челига соколья колокольнымъ, а деньги изъ двора» *).

II.

Пятница, 12 іюня, 1657 года.

«Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца стольнику нашему и Московскому ловчему Офонасью Ивановичу Матюшкину, отъ насъ великого государя милостивое слово. Да жалуючи тебя, даемъ вѣдать, и соколниковъ скажи начальнымъ и всѣмъ: по твоего пріѣзду къ намъ великому государю добылъ Свертяй кармака, и о томъ къ тебѣ писано; а къ намъ великому государю пріѣзжалъ ты прошлые недѣли въ пятницу (іюня 5), а въ четвергъ (іюня 4) той же недѣли добылъ красной кречетъ Ганаемъ одного кармака безъ насъ великаго государя, и то мы сами тебѣ сказывали; а ты поѣхалъ отъ насъ великого государя того жъ дня въ пятницу, а на утрее въ субботу (іюня 6) пошли мы тѣшитца съ челигами, а съ кречеты посылали въ Тверскіе поля соколниковъ Пароенья Тоболина съ товарыщи,

*) Это письмо, отъ 11 апрѣля, писано, какъ свидѣтельствуетъ самъ Государь, на Ѳоминой недѣлѣ въ субботу, ибо о пятницѣ говорится какъ о вчерашнемъ днѣ. Въ 1657 году Святая была 29 марта, слѣдовательно суббота Ѳоминой приходилась 11 апрѣля. Правописаніе царя, приближающееся вообще къ выговору, не вездѣ соблюдено въ точности, по этому мы придерживаемся и мы полной точности, передавая письма для чтенія, и оставляемъ только нѣкоторыя черты тогдашняго выговора.

и въ Тверскихъ поляхъ Пароеньевы статьи кречетъ Нечай добылъ каршака; а въ вечеру тогожъ дня суботы (іюня 6) тѣшились мы великій государь старымъ челигомъ, добылъ двѣ совки въ великомъ верху за Введенскимъ *); съ одною совкою было съ 15 ставокъ, и росшибъ ее въ верху такъ, что упала безъ вѣдома, а съ другою съ 20 ставокъ, и тое вырвалъ. А съ кречетомъ Свертяемъ Ивановы статьи Ярышкина посылали мы подъ Красное село, и тотъ кречетъ добылъ каршака, а поутру тоежъ суботы *при насъ* великомъ государѣ добылъ ворона, а въ понедѣлникъ (іюня 8) нынѣшніе недѣли *при насъ* великомъ государѣ и при всемъ полку добылъ красной кречетъ Гамаюнъ каршакажъ подъ Краснымъ селомъ, а ставокъ было 26, а въ седмой вырвалъ, а такъ розбилъ, что пятью или шестью даромъ слѣзъ, а то всего какъ есть ножами и кроилъ и сбилъ его къ земли, а вырвалъ сажени за двѣ отъ земли; да тогожъ дня въ вечеръ Леонтьевы статьи Григорова кречетъ Бумаръ добылъ ворона, добре добро, ставокъ было съ 20; да назавтрее, во вторникъ (іюня 9) нынѣшнія жъ недѣли, за Стрѣтенскими вороты, *при насъ* же великомъ государѣ, Пароеньевы статьи кречетъ Бердяй добылъ каршака, а ставокъ было съ 15, и добывалъ добре добро и хотко; да нынѣшней же недѣли въ пятницу (12 іюня), изъ утра въ 3 часу, безъ насъ великого государя, добылъ красной кречетъ Гамаюнъ каршака промежъ Сущова и рощи, что къ Нашрудному, при столникѣ нашемъ Князь Юрьѣ Рамадановскомъ, и добывалъ въ великомъ верху долгое время и сбилъ съ верху и каршакъ побѣжалъ на утекъ къ рощѣ и хотѣлъ увалитца отъ славной Гамаюна кречета добычи, и не допуская до рощи добылъ его съ верхней ставки, а въ добычѣ ставокъ было съ

*) Государь выѣзжалъ тѣшиться подъ Введенскимъ также въ субботу, по 23 мая.

30. Тогожъ дня, изъ утра въ 4 часу дни, Ивановы статьи Ярышкина кречетъ Сибирской молодикъ Свертяй добылъ каршака подъ Майковымъ болотомъ, а напустили его середи самыхъ Тверскихъ поль, и добывалъ версты съ полторы великимъ верхомъ и розбивъ, добылъ подъ Майковымъ, при столникѣ жъ нашемъ Князь Юрьѣ Ромадановскомъ; а въ добычѣ ставокъ было съ 70, а добывалъ добро опасно и памятно, и ставки были крутые. И всего у насъ великого государя кречеты въ 2 статьяхъ добыли каршаковъ: Пароеньевы статьи Красной — 3, Бердяй — 2, оба при мнѣ, одинъ и при васъ, Нечай — 1; Ивановы статьи Ярышкина Свертяй — 3, у тебя Михѣевы статьи Дурасъ добылъ 1, да у Князь Ѳедора Ромадановскаго Терентьевы статьи Тулубьева, вчера, въ четвергъ (11 іюня), Сибирскій кречетъ Ширяй добылъ каршака; и всего 7 кречетовъ добыли 11 каршаковъ, а старей челигъ 7 совокъ, на день по двѣ и по три добываетъ; а челиги всѣ по силѣ своей добываютъ, какъ кто сможетъ. Да послали мы великій государь къ тебѣ челига Хорьяка, изыманъ на Резани, привезъ во вторникъ въ вечеру нынѣшнія недѣли сынъ боярской, весь цѣлъ и здоровъ: вы теряете, а мы сыскиваемъ. А потомъ здравствуй да добывай кречетами, а добывъ кречетами по росписи, какова тебѣ дана, кому что добывать, — да пора къ намъ, а кречетовъ не справя, не ѣзди. Да потомъ ты паки буди здравъ. А соколникомъ всѣмъ, началнымъ и рядовымъ, наше милостивое слово. Писано въ селѣ Покровскомъ, нынѣшняго дня (12 іюня, въ пятницу).»

Письмо это Государь начинаетъ увѣдомленіемъ Матюшкина, что Свертяй (кречетъ) добылъ коршака до его пріѣзда, и о томъ, говоритъ, къ тебѣ писано... Дѣйствительно въ другомъ письмѣ отъ 4 іюня *) Государь объявляетъ Матюшкину,

*) Доп. къ Актамъ Истор. III, № 71—V.

что «сибирский претекстъ вмѣстѣ Свирскій побѣдилъ карпина лишка въ Тверитѣ болѣхъ великою крови и разбилъ, побѣдилъ славною претатьею побѣдою въ великомъ нерду...» Въ томъ же письмѣ онъ спрашиваетъ о приближеніи претитьемъ велитъ, который потомъ отъѣхалъ изъ Рязани и которого теперь Государь посылаетъ къ Матюшкину съ замѣчаніемъ: «вы теряете, а мы выигрываемъ». Все это служитъ подтвержденіемъ, что настоящее письмо писано послѣ 4 іюня, а упоминаніе, что Матюшкинъ пріѣхалъ къ Царю прошлые вѣсти въ пятницу, на другой день послѣ описанной побѣды Свирскаго, ибо 4 іюня было въ четвергъ, и потомъ описаніе потѣхъ нынѣшнія вѣсти, о четвергѣ которой сказано: вчера въ четвергъ, — заставляютъ полагать, что *нынѣшній день*, отмѣченный Царемъ въ концѣ письма, принадлежитъ пятницѣ, 12 іюня.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Писано въ 1862 г.)

Разработка исторіи, ходъ и характеръ ея повѣствованія и изслѣдовательности всегда неразрывно связаны съ общимъ движеніемъ и направленіемъ современныхъ идей, которыя волею-неволею подчиняютъ себѣ, направляютъ къ своимъ цѣлямъ почти каждый ученый трудъ, какъ бы онъ спеціаленъ ни былъ. Не говоримъ о журнальныхъ и фельетонныхъ разсужденіяхъ и приговорахъ, гдѣ современныя, а большею частію модныя идеи распоряжаются историческимъ матеріаломъ съ беззастѣнчивостью знаменитаго Ивана Александровича Хлестакова. Говоря вообще, наука исторіи въ большинствѣ случаевъ всегда служитъ для современности какъ средство, какъ необходимый матеріалъ для всевозможныхъ доказательствъ, оправданій, порицаній и отрицаній, для крѣпкихъ подпоръ въ одномъ мѣстѣ и для ослабленія или совершеннаго разложенія такихъ подпоръ въ другихъ мѣстахъ; однимъ словомъ, разработка историческаго матеріала всегда совершается подъ прямымъ и неотразимымъ вліяніемъ руководящихъ идей и потребностей времени. Поэтому говорить о направленіяхъ и взглядахъ, какіе руководили въ послѣднее время обработкою и изученіемъ

нашей исторіи, значитъ почти тоже, что говорить о современныхъ направленіяхъ и стремленіяхъ общественной мысли.

Общество, какъ бы оно ни было молодо или дряхло отъ своей неподвижности, во всякое время испытываетъ на себѣ господство той или другой идеи, съ тою разницею, что общество молодое, полное жизненныхъ силъ, переживаетъ и такъ сказать изнашиваетъ такія идеи съ быстротою, подвижностью и увлеченіями, свойственными всякой молодости, въ то время, какъ общество одряхлѣвшее въ застоѣ, переживаетъ иную идею цѣлыя столѣтія и даже тысячелѣтія. Вліяніе общественной идеи неотразимо; оно распространяется, можно сказать, въ воздухѣ, проникаетъ въ самые непроницаемые умы и убѣжденія, покоряетъ своимъ цѣлямъ самые устойчивые характеры, которые, хотя и противъ сознанія, хотя иной разъ и отрицательно, но всегда неуклонно исполняютъ всѣ велѣнія современной потребности и усердно служатъ въ пользу той же господствующей идеи.

Всякая общественная идея въ своемъ жизненномъ развитіи, въ своемъ неотразимомъ вліяніи на умы и дѣла современниковъ сопровождается въ высшей степени любопытнымъ и знаменательнымъ явленіемъ, именно тѣмъ живымъ воплощеніемъ ея силъ и требованій, которое современники называютъ обыкновенно хаосомъ, броженіемъ общественной мысли, умственною и нравственною неурядицею и разладицею. Не знаемъ, насколько справедливо такое обозначеніе и какая именно точка зрѣнія даетъ вѣрное и твердое основаніе такъ относиться къ этому явленію, ибо понятіе о неурядицѣ возникаетъ изъ понятія о порядкѣ, а какой же нормальный порядокъ долженъ служить мѣриломъ при опредѣленіи безпорядка общественной мысли? Не беремъ ли мы для обозначенія этого явленія безпорядкомъ только одно сонное, апатичное, почему либо молчаливое состояніе общества, когда раздается два-три моно-

польныхъ голоса, а остальное все молчитъ? Или не беремъ ли мы въ этомъ случаѣ только то понятіе о порядкѣ, какое выработано нашимъ собственнымъ единичнымъ убѣжденіемъ, забывая, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣркою понятія о порядкѣ мысли цѣлаго общества, ибо общественная мысль, нисколько не уклоняясь отъ обыкновенной жизненной человѣческой логики, въ своихъ дѣйствіяхъ и подробностяхъ слѣдуетъ всегда собственнымъ независимымъ путемъ, по законамъ собственнаго развитія, которые еще далеко не выяснены и не узнаны, а главное не могутъ быть вполнѣ измѣрены законами развитія единичнаго. Тѣ признаки, по которымъ опредѣляютъ у насъ хаосъ и разладицу общественной мысли, всегда были и будутъ во всякомъ свободномъ или оживленномъ свободою обществѣ. Такой хаосъ есть неизмѣнное свойство болѣе или менѣе освобожденной общественной жизни; такого хаоса не бываетъ только въ обществѣ порабощенномъ, гдѣ замкнуты уста и мысль насильственно выровнена, какъ деревья въ садовыхъ шпалерахъ.

Очень понятно, что слишкомъ личное и такъ сказать *мѣстное* или партейное воззрѣніе на подобный актъ общественнаго развитія почти всегда приводитъ къ такому именно заключенію о хаосѣ. Для единичнаго ума, особенно, если онъ слишкомъ наклонился въ какую либо одну сторону мышленія, или привыкъ вращаться только около собственной своей оси, становится очень тяжело и невыносимо тѣсно въ этомъ неисчислимомъ разнообразіи пробужденныхъ къ дѣятельности понятій, взглядовъ, сужденій, поступковъ; и тѣмъ хуже онъ себя чувствуетъ, чѣмъ сильнѣе его привычка къ собственному застою, т. е. къ тому образу воззрѣній и убѣжденій, какой до тѣхъ поръ онъ почиталъ исключительно истиннымъ и въ сознаніи котораго признавалъ себя дѣйствительно умнымъ и способнымъ давать рѣшительные отвѣты и опредѣленія на всевозможные

вопросы современности. Усвоивши, по началамъ собственнаго развитія, извѣстный взглядъ на вещи, болѣе или менѣе опредѣленный и построенный довольно логично, установивши точку воззрѣнія твердо и самостоятельно, единичный умъ очень часто такъ и умираетъ въ ясномъ и спокойномъ созерцаніи своей силы и правды. Это всегда случается въ эпохи стоячей жизни, когда въ житейскомъ морѣ, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, настаетъ штиль, тишь и гладь. Но въ эпохи поворотныя, когда все теряетъ свои прежнія мѣста, трудненько сохранить это спокойствіе убѣжденія въ собственной единичной правдѣ. Такія эпохи тѣмъ особенно и отличаются, что прежняя иная правда вдругъ оказывается ложью. Долгая и морозная зима вдругъ оказывается весною и возбуждаетъ совсѣмъ иныя представленія о божьемъ мірѣ. Силу и основаніе этихъ-то свѣжихъ, оживленныхъ представленій и не бываетъ способенъ выразумѣть единичный умъ, крѣпко и плотно завернувшійся въ тотъ или другой кокончикъ пониманія правды. Они кажутся для него дики, безобразны, нелѣпы, именно потому, что не подходятъ подъ его умственную и нравственную мѣрку, которую онъ всегда считалъ самою вѣрною и правильною. Онъ теряется, путается и особенно тяготится тѣмъ, что не можетъ ничего понять и разобрать въ этомъ живомъ движеніи современныхъ идей и дѣйствій. Попросту сказать, единичный умъ оказывается глупымъ, когда приходится опредѣлять и выяснять новыя и ему непривычныя положенія и отношенія жизненныхъ идей. По необходимости онъ характеризуетъ современность хаосомъ, броженіемъ, анархіею, неурядицею, или начинаетъ пѣть іереміады о погибели нравственности и вѣры, о распаденіи и развратѣ общественной мысли, о растлѣніи и развратѣ молодыхъ умовъ, какъ будто эти молодые умы только вчера растлились и развратились, какъ будто все дѣло разъяснилось, а зло излечилось, какъ

скоро произносится подобные суждения. Но, разумеется, все это очень естественно, ибо по свойству человѣческаго ума гораздо легче или чѣмъ любить объяснить себѣ сомнительный фактъ, а чѣмъ же легче объяснить его, какъ не общимъ мѣстомъ, которое всегда заключаетъ въ себѣ столько кажущейся истины.

Между тѣмъ, съ научно-исторической точки зрѣнія, общественный хаосъ и брожение, вся эта внешняя путаница и разладица, весь этотъ мутный софосфоромъ представляетъ только живое воплощение руководящей идеи вѣка, представляетъ правильный и послѣдовательный ходъ раскрытія этой идеи въ жизни, и обнаруживаетъ даже извѣстный порядокъ и стройность во всѣхъ подробностяхъ ея проявленія. Дѣло въ томъ, что жизненная идея, какъ и всякая нравственная и общественная, слѣдовательно живая и движущаяся истина никогда не понимается и не принимается людьми вполнѣ одинаково и вполнѣ уравнительно. Какъ разнообразны свойства, нравы и умы людей, такъ разнообразно и пониманіе такой истины. Точная истина положительныхъ знаній не находитъ разногласія. Какъ скоро она доказана, всѣ ее принимаютъ съ одинаковымъ убѣжденіемъ въ ея справедливости. Напротивъ того, всякая нравственная истина возбуждаетъ самые разнообразные толки, является въ каждомъ умѣ со всѣми особенностями личныхъ стремленій, а оттого каждымъ и понимается различно, по свойству собственнаго развитія, по качеству и количеству свѣдѣній, какими каждый пользуется или успѣлъ воспользоваться.

Такимъ образомъ кажущійся хаосъ общественной мысли въ сущности есть только многообразіе формъ, въ которыхъ проявляется та или другая жизненная идея, различно понимаемая и воспринимаемая. Какъ скоро такая идея становится живою силою въ развитіи общества, исходнымъ пунктомъ всѣхъ

что «сибирской кречетъ молодикъ Свертяй добывалъ каршака дикова въ Тверскихъ поляхъ великое время и розбивъ, добылъ славною кречатьею добычею въ великомъ верху...» Въ томъ же письмѣ онъ спрашиваетъ о пропавшемъ кречатьемъ челигѣ, который потомъ отысканъ на Рязани и котораго теперь Государь посылаетъ къ Матюшкину съ замѣчаніемъ: «вы теряете, а мы сыскиваемъ». Все это служитъ подтвержденіемъ, что настоящее письмо писано послѣ 4 іюня, а упоминаніе, что Матюшкинъ пріѣхалъ къ Царю *прошлые* недѣли въ пятницу, на другой день послѣ описанной добычи Свертяя, ибо 4 іюня было въ четвергъ, и потомъ описаніе потѣхъ нынѣшнія недѣли, о четвергѣ которой сказано: вчера въ четвергъ, — заставляютъ полагать, что *нынѣшній день*, отмѣченный Царемъ въ концѣ письма, принадлежитъ пятницѣ, 12 іюня.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Писано въ 1862 г.)

Разработка исторіи, ходъ и характеръ ея повѣствованія и изслѣдовательности всегда неразрывно связаны съ общимъ движеніемъ и направленіемъ современныхъ идей, которыя волею-неволею подчиняютъ себѣ, направляютъ къ своимъ цѣлямъ почти каждый ученый трудъ, какъ бы онъ спеціаленъ ни былъ. Не говоримъ о журнальныхъ и фельетонныхъ разсужденіяхъ и приговорахъ, гдѣ современныя, а большею частію модныя идеи распоряжаются историческимъ матеріаломъ съ беззастѣнчивостью знаменитаго Ивана Александровича Хлестакова. Говоря вообще, наука исторіи въ большинствѣ случаевъ всегда служитъ для современности какъ средство, какъ необходимый матеріалъ для всевозможныхъ доказательствъ, оправданій, порицаній и отрицаній, для крѣпкихъ подпоръ въ одномъ мѣстѣ и для ослабленія или совершеннаго разложенія такихъ подпоръ въ другихъ мѣстахъ; однимъ словомъ, разработка историческаго матеріала всегда совершается подъ прямымъ и неотразимымъ вліяніемъ руководящихъ идей и потребностей времени. Поэтому говорить о направленіяхъ и взглядахъ, какіе руководили въ послѣднее время обработкою и изученіемъ

нашей исторіи, значитъ почти тоже, что говорить о современныхъ направленіяхъ и стремленіяхъ общественной мысли.

Общество, какъ бы оно ни было молодо или дряхло отъ своей неподвижности, во всякое время испытываетъ на себѣ господство той или другой идеи, съ тою разницею, что общество молодое, полное жизненныхъ силъ, переживаетъ и такъ сказать изнашиваетъ такія идеи съ быстротою, подвижностью и увлеченіями, свойственными всякой молодости, въ то время, какъ общество одряхлѣвшее въ застоѣ, переживаетъ иную идею цѣлыя столѣтія и даже тысячелѣтія. Вліяніе общественной идеи неотразимо; оно распространяется, можно сказать, въ воздухѣ, проникаетъ въ самые непроницаемые умы и убѣжденія, покоряетъ своимъ цѣлямъ самые устойчивые характеры, которые, хотя и противъ сознанія, хотя иной разъ и отрицательно, но всегда неуклонно исполняютъ всѣ велѣнія современной потребности и усердно служатъ въ пользу той же господствующей идеи.

Всякая общественная идея въ своемъ жизненномъ развитіи, въ своемъ неотразимомъ вліяніи на умы и дѣла современниковъ сопровождается въ высшей степени любопытнымъ и знаменательнымъ явленіемъ, именно тѣмъ живымъ воплощеніемъ ея силъ и требованій, которое современники называютъ обыкновенно хаосомъ, броженіемъ общественной мысли, умственною и нравственною неурядицею и разладицею. Не знаемъ, насколько справедливо такое обозначеніе и какая именно точка зрѣнія даетъ вѣрное и твердое основаніе такъ относиться къ этому явленію, ибо понятіе о неурядицѣ возникаетъ изъ понятія о порядкѣ, а какой же нормальный порядокъ долженъ служить мѣриломъ при опредѣленіи безпорядка общественной мысли? Не беремъ ли мы для обозначенія этого явленія безпорядкомъ только одно сонное, апатичное, почему либо молчаливое состояніе общества, когда раздается два-три моно-

нольныхъ голоса, а остальное все молчитъ? Или не берешь ли мы въ этомъ случаѣ только то понятіе о порядкѣ, какое выработано нашимъ собственнымъ единичнымъ убѣжденіемъ, забывая, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣркою понятія о порядкѣ мысли цѣлаго общества, ибо общественная мысль, нисколько не уклоняясь отъ обыкновенной низшей человѣческой логики, въ своихъ дѣйствіяхъ и подробностяхъ слѣдуетъ всегда собственнымъ независимымъ путемъ, по законамъ собственнаго развитія, которые еще далеко не выяснены и не узнаны, а главное не могутъ быть вполнѣ измѣрены законами развитія единичнаго. Тѣ признаки, по которымъ опредѣляютъ у насъ хаосъ и разладицу общественной мысли, всегда были и будутъ во всякомъ свободномъ или оживленномъ свободою обществѣ. Такой хаосъ есть неизмѣнное свойство болѣе или менѣе освобожденной общественной жизни; такого хаоса не бываетъ только въ обществѣ порабощенномъ, гдѣ замкнуты уста и мысль насильственно выровнена, какъ деревья въ садовыхъ шпалерахъ.

Очень понятно, что слишкомъ личное и такъ сказать мѣстное или партейное воззрѣніе на подобный актъ общественнаго развитія почти всегда приводитъ къ такому именно заключенію о хаосѣ. Для единичнаго ума, особенно, если онъ слишкомъ наклонился въ какую либо одну сторону мышленія, или привыкъ вращаться только около собственной своей оси, становится очень тяжело и невыносимо тѣсно въ этомъ неисчислимомъ разнообразіи пробужденныхъ къ дѣятельности понятій, взглядовъ, сужденій, поступковъ; и тѣмъ хуже онъ себя чувствуетъ, чѣмъ сильнѣе его привычка къ собственному застою, т. е. къ тому образу воззрѣній и убѣжденій, какой до тѣхъ поръ онъ почиталъ исключительно истиннымъ и въ сознаніи котораго признавалъ себя дѣйствительно умнымъ и способнымъ давать рѣшительные отвѣты и опредѣленія на всевозможные

вопросы современности. Усвоивши, по началамъ собственнаго развитія, извѣстный взглядъ на вещи, болѣе или менѣе опредѣленный и построенный довольно логично, установивши точку воззрѣнія твердо и самостоятельно, единичный умъ очень часто такъ и умираетъ въ ясномъ и спокойномъ созерцаніи своей силы и правды. Это всегда случается въ эпохи стоячей жизни, когда въ житейскомъ морѣ, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, настаетъ штиль, тишь и гладь. Но въ эпохи поворотныя, когда все теряетъ свои прежнія мѣста, трудненько сохранить это спокойствіе убѣжденія въ собственной единичной правдѣ. Такія эпохи тѣмъ особенно и отличаются, что прежняя иная правда вдругъ оказывается ложью. Долгая и морозная зима вдругъ оказывается весною и возбуждаетъ совсѣмъ иныя представленія о божьемъ мірѣ. Силу и основаніе этихъ-то свѣжихъ, оживленныхъ представленій и не бываетъ способенъ выразумѣть единичный умъ, крѣпко и плотно завернувшійся въ тотъ или другой кокончикъ пониманія правды. Они кажутся для него дики, безобразны, нелѣпы, именно потому, что не подходятъ подъ его умственную и нравственную мѣрку, которую онъ всегда считалъ самою вѣрною и правильною. Онъ теряется, путается и особенно тяготится тѣмъ, что не можетъ ничего понять и разобрать въ этомъ живомъ движеніи современныхъ идей и дѣйствій. Попросту сказать, единичный умъ оказывается глупымъ, когда приходится опредѣлять и выяснять новыя и ему непривычныя положенія и отношенія жизненныхъ идей. По необходимости онъ характеризуетъ современность хаосомъ, броженіемъ, анархіею, неурядицею, или начинаетъ пѣть іереміады о погибели нравственности и вѣры, о распаденіи и развратѣ общественной мысли, о растлѣніи и развратѣ молодыхъ умовъ, какъ будто эти молодые умы только вчера растлились и развратились, какъ будто все дѣло разъяснилось, а зло излечилось, какъ

скоро произнесены подобные укоры. Но, разумѣется, все это очень естественно, ибо по свойству человѣческаго ума непремѣнно надо же чѣмъ нибудь объяснить себѣ непонятный фактъ, а чѣмъ же легче объяснить его, какъ не общимъ мѣстомъ, которое всегда заключаетъ въ себѣ столько кажущейся истины.

Между тѣмъ, съ научно-исторической точки зрѣнія, общественный хаосъ и броженіе, вся эта видимая неурядица и разладица, весь этотъ *мутный водоворотъ* представитъ только живое воплощеніе руководящей идеи вѣка, представитъ правильный и послѣдовательный ходъ раскрытія этой идеи въ жизни, и обнаружитъ даже извѣстный порядокъ и стройность во всѣхъ подробностяхъ ея проявленія. Дѣло въ томъ, что жизненная идея, какъ и всякая нравственная и общественная, слѣдовательно живая и движущаяся истина никогда не понимается и не принимается людьми вполнѣ одинаково и вполнѣ уравнительно. Какъ разнообразны свойства, нравы и умы людей, такъ разнообразно и пониманіе такой истины. Точная истина положительныхъ знаній не находитъ разногласія. Какъ скоро она доказана, всѣ ее принимаютъ съ одинаковымъ убѣжденіемъ въ ея справедливости. Напротивъ того, всякая нравственная истина возбуждаетъ самые разнообразные толки, является въ каждомъ умѣ со всѣми особенностями личныхъ стремленій, а оттого каждымъ и понимается различно, по свойству собственнаго развитія, по качеству и количеству свѣдѣній, какими каждый пользуется или успѣлъ воспользоваться.

Такимъ образомъ кажущійся хаосъ общественной мысли въ сущности есть только многообразіе формъ, въ которыхъ проявляется та или другая жизненная идея, различно понимаемая и воспринимаемая. Какъ скоро такая идея становится живою силою въ развитіи общества, исходнымъ пунктомъ всѣхъ

общественныхъ и даже домашнихъ отношеній и явленій
сейчасъ же и возникаетъ хаосъ мысли, броженіе и разлад
т. е. собственно творчество, созидательность формъ и
ній общественной мысли, которыя сами собою рождаются
воздѣйствія руководящей идеи на умы, понятія, нравы, и
убѣжденія извѣстнаго общества. Видимый хаосъ образ
изъ того, что каждый понимаетъ дѣло по-своему; по-с
сочувствуетъ ему или отрицаетъ его; по-своему провод
водворяетъ идею вѣка въ жизни, а главное никто не мол
а всѣ говорятъ и спорятъ, спѣшатъ заявить свою умств
работу надъ современными вопросами. Одна и та же сущ
является въ безчисленныхъ видахъ пониманія и толко
Очень естественно, что въ этомъ случаѣ высказывается
го заблужденій; но торжество этихъ заблужденій не бы
продолжительно, и за погибель истины и разумности н
опасаться. Онѣ восторжествуютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ
леннѣе и съ бо́льшими увлеченіями выскажутся заблуж

Застарѣлые фрунтовики мысли гнѣваются, когда нас
подобный хаосъ и даже ругаются, почитая себя все-таки
общаго жизненнаго движенія и вовсе не замѣчая, что въ
движеніи обнаруживается очень здоровая сторона общ
которое, въ это время несмотря на неизбѣжныя заблуж
шире и многообразнѣе, чѣмъ прежде, раскрываетъ
знательныя силы. Конечно, очень трудно и даже невоз
для каждаго сколько нибудь мыслящаго человѣка остав
совершенно въ сторонѣ, т. е. относиться съ совершен
безпристрастіемъ къ этому живому движенію общ
ныхъ идей и стремленій. Нельзя устоять противъ
сенняго быстраго разлива общественной мысли. Всякій
обходимости захватывается тою или другою волною
теченія, и по необходимости становится одно
лѣе или менѣе пристрастнымъ судьею всего того, что

дить изъ круга его привычныхъ созерцаній. Но во всякомъ случаѣ, для наблюдателя-натуралиста такая поворотная эпоха представляетъ чрезвычайно много интереснаго и поучительнаго. Онъ знаетъ ей цѣну и дорожитъ ею тѣмъ болѣе, что такія эпохи не часто переживаются. Вмѣсто того, чтобы относиться къ ней съ высокомѣрнымъ презрѣньемъ и ругательствами, онъ внимательно и пристально изучаетъ и наблюдаетъ ее со всевозможныхъ пунктовъ, подобно тому какъ наблюдаютъ затменіе солнца или другое какое естественное явленіе. Онъ убѣжденъ, что такая эпоха есть лучшее и способнѣйшее время для изслѣдованій надъ законами человѣческаго развитія.

Въ это бойкое время все выходитъ наружу. Жизнь общества раскрываетъ себя безъ всякой застѣнчивости, раскрываетъ всю подноготную, даже противъ собственной воли и желанія. Всѣ нравственныя и умственныя стихіи, которыми существуетъ общество, громогласно заявляютъ свои стремленія, свои свойства, свой жизненный обликъ. Поворотное время особенно тѣмъ и отличается, что подъ видомъ хаоса и броженія, т. е. всякой неопредѣленности и неустановленности, оно съ неумолимою строгостію опредѣляетъ и установляетъ все, что прежде дѣйствительно не было опредѣлено и скрывалось подъ какою либо общею и уже ветхою личиною, или прикрывалось какимъ либо общимъ и уже изношеннымъ символомъ. Кто ты и что ты? — вотъ суровые вопросы, съ которыми оно обращается ко всякому общественному дѣятелю и требуетъ категорическаго, прямаго отвѣта, устраняя въ этомъ отвѣтѣ всякія виляньяя, двуличность и двусмысленность. Эти-то вопросы и смущаютъ людей, которые вовсе не готовились, вовсе не желали бы отвѣчать на нихъ, по той причинѣ, что прямой отвѣтъ, прямо всегда и обнаруживаетъ настоящую закваску того или другаго убѣжденія, носившаго до того времени со-

всѣмъ иную личину. «Печально жить въ это время и нужно много нравственнаго мужества, чтобы спасать себя отъ этого мутнаго водоворота...» замѣчаютъ иные мыслители. Дѣйствительно требуется не малое мужество, чтобы во всеуслышаніе объявить не только истинный смыслъ, но просто какой либо смыслъ своихъ стремленій; чтобъ вмѣсто словъ, словъ и словъ заявить себя какимъ либо дѣйствительнымъ дѣломъ, поступкомъ. Оттого намъ и кажется, что все замѣшалось и забродило, все стало мутнымъ водоворотомъ; а въ сущности замѣшались и запутались мы сами и не знаемъ какъ быть, какъ поступать въ данномъ случаѣ. Въ нерѣшительности, мы, какъ говорится, чертополосимъ, да и думаемъ, что поэтому все на свѣтѣ чертополоситъ. Вообще въ такую любопытную эпоху шашки переставляются и ходы измѣняются: люди скидаютъ личины и являются тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Вчерашніе друзья становятся врагами, вчерашніе либералы и прогрессисты дѣлаются крайними консерваторами, а крайніе консерваторы страшными либералами, вчерашніе западники провозглашаютъ себя славянофилами и т. д. Все опредѣляется и выясняется соотвѣтственно своей сущности и своему коренному смыслу.

Мысленная *рознь*, которою всегда характеризуются подобныя эпохи, усложняется еще болѣе отъ свойствъ и направленія общественной образованности. Чѣмъ менѣе въ этой образованности научныхъ основаній, тѣмъ легче она поддается всякому умствованію, какое способно возникнуть лишь на школьной скамейкѣ, не изъ ученыхъ, а изъ *учебныхъ* только средствъ знанія. Почти каждое громкое слово, а тѣмъ болѣе каждая громкая фраза въ этомъ направленіи принимается за научный или жизненный выводъ, на которомъ основываютъ заключенія и рѣшительныя опредѣленія по всѣмъ современнымъ научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Если кто изъ

насъ приносятъ школьные собственные свои жаркіе и ложные споры, толки, разсужденія о разныхъ предметахъ науки, искусства, общественности, политики, тому очень понятны будутъ весьма многія явленія въ нашихъ теперешнихъ литературныхъ и даже ученыхъ спорахъ и разсужденіяхъ. Гдѣ не существуетъ ученой литературы, хотя бы и переводной, тамъ невозможно и требовать отъ общественнаго ума основательности, зрѣлости, твердости, цѣльности — этихъ неразлучныхъ спутниковъ положительнаго знанія, какое почерпается не изъ учебниковъ только и даже не изъ профессорскихъ только лекцій, а изъ свободнаго и самостоятельнаго обслѣдованія научнаго или общественнаго вопроса въ непосредственныхъ и прямыхъ источникахъ его обработки.

Гдѣ, напротивъ того, образованность является только результатомъ цѣлой системы учебниковъ и изъ нихъ только почерпаетъ свои силы, тамъ не удивительно встрѣтить вмѣсто дѣйствительнаго образованія одну только выучку или умственную дрессировку, по самому существу своему всегда бойкую, заносчивую и самоувѣренную.

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что характеръ нашей теперешней образованности именно таковъ, что онъ даетъ сильную обильную пищу нашей мысленной розни. И въ самомъ дѣлѣ: прислушайтесь къ голосамъ и толкамъ, вникните хорошенько въ сужденія и разсужденія, вы сейчасъ замѣтите въ чемъ наша сила. Мы славно умствуемъ и очень мало знаемъ— вотъ сила нашей образованности, а въ то время, какъ, напримѣръ, у Англичанина или Нѣмца, ученаго или публициста, научный или соціальный выводъ, такъ сказать, самъ выростаетъ изъ фактовъ, изъ массы умно и здраво переработанныхъ свѣдѣній, — у насъ торжествуетъ ловкое, изворотливое умствованіе надъ фактами, надувающее факты, какъ пыльные пузыри, такъ что собственно научныхъ выводовъ у

насъ и не бываетъ; ихъ замѣняютъ бродячія въ обществѣ модныя идеи и идейки, къ которымъ и пришиваются историческіе и всякіе другіе факты, какъ пуговицы къ кафтану. Конечно, не мы, теперешніе люди, виноваты въ такомъ направленіи нашей образованности. Вина въ этомъ позади насъ. Намъ по стеченію обстоятельствъ выпала только горестная доля обнаружить, вынести на Божій свѣтъ все то, чѣмъ мы прежде жили, заявить исторіи подробный отчетъ въ томъ, чему и какъ мы научились, что думали, что дѣлали .. Мы теперь переживаемъ критическую эпоху и волею-неволею, сознательно и безсознательно выносимъ на общій судъ и осужденіе все, что имѣемъ за душою. Задорно обличая старое время, обличая весь современный нашъ бытъ, обличая другихъ, мы въ то же время обличаемъ и уже достаточно успѣли обличить и самихъ себя.

Возможно ли требовать отъ насъ умственнаго мужества, спокойствія, безпристрастія и основательности въ дѣлѣ мысли, когда уму нечѣмъ было питаться, когда не было возможно ни издать, ни перевести ни одной дѣльной ученой книги, ни одной дѣльной статьи, особенно по отдѣлу тѣхъ именно наукъ, въ основательномъ знаніи которыхъ чувствуется теперь такая необходимость, именно наукъ общественныхъ и историческихъ? когда умная книга, какъ и умный человѣкъ почитались чѣмъ-то въ родѣ ереси и заботливо удалялись отъ насъ, какъ отъ дѣтей опасныя игрушки? Если умъ и знаніе въ дѣйствительности имѣли мало цѣны, признавались какою-то напастью, а не существенною потребностію развитія, то чегожь можно было ожидать отъ общественной мысли, отъ литературы, отъ самой науки, когда вдругъ настала минута высказаться, когда вдругъ понадобилось дѣльно и основательно обсудить самые жизненные вопросы современности? Явились заблужденія, увлеченія, скудная мѣра познаній и совершенная непривычка послѣдова-

тельно и основательно мыслить — явился, однимъ словомъ, во всей наготѣ результатъ ограниченія и пониженія нашего ума, какъ неумолимый и ничѣмъ неустранимый выводъ жизненной логики. Съ этой только минуты мы и стали серьозно думать о томъ, какъ бы лучше и основательнѣе укрѣпить свой умъ. Помимо правительственнаго почина, съ которымъ мы такъ привыкли начинать всякое дѣло, въ самомъ обществѣ тотчасъ же возникла самая здравая потребность пересадить на русскую почву по крайней мѣрѣ наиболѣе доступные труды западныхъ ученыхъ и, конечно, въ послѣднія пять лѣтъ въ этомъ отношеніи сдѣлано несравненно болѣе, чѣмъ въ предшествовавшія тридцать лѣтъ. Этотъ фактъ очень положительно свидѣтельствуетъ не о болѣзненности, а о здравости теперешняго поворота нашей образованности. Не получивъ отъ отцовъ хорошаго умственнаго наслѣдства, мы сами заботимся, работаемъ и спѣшимъ устранить этотъ печальный недостатокъ нашего образованія, ибо очень хорошо сознаемъ, что пока не перескажемъ по-русски, не выразимъ русскимъ словомъ всего богатства западной науки, до тѣхъ поръ не будемъ имѣть и своей самостоятельности въ наукѣ, до тѣхъ поръ не выработаемъ своей собственной мысли, до тѣхъ поръ не воспользуемся *самостоятельно* и всѣми добрыми плодами общечеловѣческаго развитія, а напротивъ всегда останемся только прихвостнями и недорослями и западнаго образованія и западной общественности.

Такимъ образомъ понятно, отчего происходитъ наша теперешняя мысленная разноголосица. Не презирать и не обвинять мы ее должны, а стараться всѣми силами устранять тѣ причины, какія ее породили. Къ тому же, она не въ такой степени печальное явленіе, какъ думаютъ иные публицисты и мыслители. Въ сущности тутъ печалиться не о чемъ, ибо безполезно печалиться о томъ, что не такъ мы воспитались и

выучились, какъ бы слѣдовало по теперешнимъ требова
Лучше пользоваться и употреблять въ дѣло то, что есть.
таки теперешнее оживленіе общества, выразившееся в
мысленной резни, въ высшей степени отрадно. Она-то
мысленная резнь, и обозначаетъ наше пробужденіе, с
его и характеризуетъ. Одному тому уже можно радов
что и умственные и общественные наши интересы раз
лись теперь въ значительной степени, и мы ежеминут
даемъ себѣ задачи, ставимъ вопросы и работаемъ надъ
кто какъ умѣетъ; къ сожалѣнію, только не въ одномъ
не по одному направленію, какъ бы инымъ желалось.
дитъ страшное разнорѣчіе и противорѣчіе во взглядахъ
ниманіи каждаго вопроса и каждой общественной задач
это-то и важно для раскрытія истины. Чѣмъ подробнѣе,
бы и съ заблужденіями, осмотрѣно будетъ дѣло, тѣмъ в
и прямѣе мы дойдемъ до цѣли, равно всѣми желаемой
мой. Повторимъ опять, что за погибель истины и разу
опасаться нечего. Общественная истина самимъ общес
и возстановится, какъ скоро общество переживетъ и,
сказать, износитъ естественное послѣдствіе своихъ пре
началъ жизни.

Наше теперешнее время по многимъ признакамъ оче
хоже на время, наставшее передъ реформою Петра.
умственное движеніе общества выразилось въ религіоз
церковныхъ вопросахъ, сомнѣніяхъ и смущеніяхъ, не то
чинѣ, что церковность представляла въ то время перве
ющую основу всего быта, заключала въ себѣ все тогд
знаніе, всю ученость, вмѣщала въ себѣ всю область т
няго мышленія, которое утверждалось и питалось поч
ключительно только вѣроученіемъ. Церковная книжнос
того времени была источникомъ не одной только прав
ности, но и всей науки, источникомъ даже обществе

понятій и представленій. Когда прежнія начала, прежніе идеалы жизни, окаменѣвшіе отъ долгаго застоя, были поколеблены стремленіемъ внести въ нихъ разумность, и сдѣланы были нѣкоторыя, самыя неизбѣжныя церковныя и гражданскія реформы, данъ былъ, слѣдовательно, толчокъ общественной мысли, нарушившій сладкій покой умственной и нравственной неподвижности, тогда понятія общества засуетились, переплелись и перепутались; настала минута, въ которую необходимо было высказаться, кто какъ и во что вѣрилъ. Обнаружилось, что прежніе одномысленники не узнали другъ друга; прежде ясныя и понятныя для всѣхъ слова вдругъ получили нѣсколько смысловъ... А почему? Потому что пробудился умъ, потребовавшій отчета во всемъ, что онъ признавалъ за истину, потому что шире, чѣмъ прежде, раздвинулся и распространился умственный горизонтъ. Совершенное же отсутствіе образованія собственно умственнаго, чѣмъ особенно отличалось то время, направило шаги проснувшейся мысли и завело ее въ непроходимыя дебри умственной и нравственной розни, раскола, распаденія и паденія. Пробужденіе общественной мысли, почувствовавшей несостоятельность всѣхъ идеаловъ и всѣхъ положеній современнаго ей быта, естественнымъ путемъ привело одну сторону общества къ коренной реформѣ, а другую къ расколу въ общемъ и обыкновенномъ его значеніи. Всѣ печальныя послѣдствія этого общественнаго пробужденія, всѣ дурные плоды, какіе были выращены на той и на другой дорогѣ развитія, были уже непосредственнымъ продуктомъ круглаго невѣжества, которое составляло коренную основу нашей до-петровской жизни. Теперь, конечно, наше умственное образованіе несравненно выше тогдашняго. У насъ есть наука, уже не въ смыслѣ церковной книжности, а въ смыслѣ дѣйствительнаго знанія... Нашъ умственный горизонтъ неизмѣримо шире, чѣмъ два вѣка назадъ; наши жиз-

ненные вопросы и задачи стали несравненно сложнѣе, многообразнѣе и многостороннѣе... Тѣмъ не менѣе характеристика настоящаго умственнаго пробужденія носитъ много общаго съ до-петровскимъ пробужденіемъ.

Вслѣдствіе толчка, даннаго нынѣшнимъ царствованіемъ и ходомъ самой исторіи, мысль наша точно также *пошла розно;* точно также мы съ трудомъ стали узнавать другъ друга, и слова, до того времени всѣмъ ясныя и понятныя, вдругъ пріобрѣли нѣсколько смысловъ. Однакожь, сущность этой розни, сущность всѣхъ желаній, стремленій, надеждъ, упованій, понимаемыхъ и толкуемыхъ каждымъ по своему — одна, даже та же самая, какая двигала умами два вѣка назадъ. Ее можно очень вѣрно обозначить тѣмъ же старымъ словомъ, которое служило символомъ и для тогдашнихъ убѣжденій. И теперь, какъ тогда, мы ищемъ *спасенія,* мы желаемъ *спастись.* Только современное образованіе совершенно измѣнило, или, вѣрнѣе сказать, неимовѣрно распространило наши понятія объ этомъ спасеніи. Всѣ уже достаточно убѣдились, что религіозное, нравственное спасеніе общества, которымъ исключительно была занята мысль нашихъ предковъ, нераздѣльно съ спасеніемъ политическимъ, т. е. вполнѣ зависитъ отъ наиболѣе правильнаго и разумнаго домашняго и общественнаго устройства жизни, ибо спастись во всѣхъ смыслахъ, значитъ разумно устроить свою жизнь, основать ее на высшихъ нравственныхъ, истинно человѣческихъ началахъ. Такимъ образомъ смыслъ нашего спасенія обнимаетъ уже не церковную, исключительно религіозную сферу, но столько же и еще болѣе сферу гражданскую, мірскую, въ человѣчномъ устройствѣ которой мы и полагаемъ крайній смыслъ своего спасенія. Кромѣ того, мы теперь уже не бѣжимъ въ лѣса и пустыни искать завѣтнаго спасенія, и въ этомъ великое превосходство нашего времени передъ прежнимъ. Теперь завое-

ваніями просвѣщенія и гражданскаго развитія устранена уже значительная доля причинъ, которыя побуждали къ подобному бѣгству; теперь, и особенно съ настоящаго царствованія, мы можемъ нѣсколько свободнѣе, а потому спокойнѣе разсуждать о нашемъ спасеніи, спокойнѣе обдумывать пути и средства, необходимыя для достиженія общей благой цѣли. Теперь понемногу стали сознавать, что страшныя и вполнѣ невѣжественныя гоненія возбужденной мысли, какія, напримѣръ, имѣли мѣсто въ до-петровскую и послѣ петровскую эпоху, ведутъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ; что ничто такъ не противится внѣшнему стѣсненію, какъ мысль, свободнѣйшее изъ существъ, и ничто не приноситъ обществу такого неисчислимаго вреда, какъ порабощенная, загнанная мысль, что управлять ею, отклонять ее отъ криваго пути, разлагать и упразднять ея заносчивость, молодой порывъ, увлеченія и заблужденія можно только ея же собственною здравою силою.

Пути общественнаго спасенія разнообразны и каждое время, каждое общество, какъ и каждый даже человѣкъ глядитъ на это по своему. Отсюда и выходитъ рознь между людьми, которая и образуетъ различные *толки* и *согласія*, т. е. различныя группы ищущихъ спасенія. Но какая бы рознь ни выходила въ пониманіи и толкованіи этихъ путей, каждое время указываетъ всегда довольно опредѣленно свой собственный путь. Каждое время отличается собственнымъ, ему только свойственнымъ, пониманіемъ спасенія и выражаетъ этимъ извѣстную степень общечеловѣческаго или частнаго народнаго развитія.

Какой же это путь спасенія, по которому хочетъ идти теперешнее время? Какая идея-руководительница господствуетъ въ теперешнихъ умахъ?

Вникая въ смыслъ современныхъ событій, тутошнихъ и заграничныхъ, политическихъ и даже уличныхъ; разбирая кор-

на выступкахъ и всякихъ дѣйствій, возникающихъ теперь въ семействѣ, въ школѣ, на службѣ или, какъ говорятъ, въ общественной дѣятельности не только со стороны молодежи, но даже со стороны солидныхъ и степенныхъ мужей; слѣди за извращеніемъ здравыхъ понятій, мечтаній, разныхъ идеализацій; прислушивайся даже къ словамъ, которыя чаще другихъ употребляются, очень легко усмотрѣть, что во всемъ, въ большомъ и маломъ, въ крупномъ и мелочномъ, обнаруживается какъ-бъ неотразимое, поступательное движеніе одной основной мысли, одного основнаго и всеобщаго требованія, которое чаще всего обозначается словомъ *самостоятельность*. Да, всѣ мы въ настоящую минуту болѣзненно одержимы мыслью о самостоятельности... Она носится передъ нами какъ лучшій нашъ идеалъ, не даетъ намъ покоя, наполняетъ наши мысли, распоряжаетъ нашими поступками. Всюду мы требуемъ и отыскиваемъ самостоятельности; на каждомъ шагу желаемъ заявить свою самостоятельность; намъ бываетъ стыдно, если мы подчасъ оказываемся несамостоятельными. По новости дѣла, преисполненные идеею самостоятельности, мы иногда не туда попадаемъ и, разумѣется, подвергаемся всей тяжести послѣдствій, какія возникаютъ изъ нашего ошибочнаго пониманія самостоятельности и которыя усложняются еще въ большей степени при воздѣйствіи съ противоположной стороны устарѣвшихъ воззрѣній на этотъ предметъ.

Идея самостоятельности, идея очень старая, но ни въ одно время она не являлась съ такою очертательностью, такъ положительно, а главное, такъ обобщенною. Передъ ея свѣтомъ, тихимъ и спокойнымъ, угасли всѣ, такъ-называемыя, вулканическія стихіи общественныхъ стремленій. Она вноситъ миръ, тишину и разумность во всякій подвигъ, подъятый въ ея пользу. Враги ея очень часто смѣшиваютъ ее съ идеей революціи; но это застарѣлая привычка запугивать добрыхъ

людей страшилищемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ теперешнею идеею. Самостоятельность — идея чисто консервативная и существо ея противится всякому революціонному элементу и всегда стремится упразднить его силу и вліяніе. Она вовсе не виновата въ томъ, если появляется иногда въ старыхъ и уже изношенныхъ костюмахъ: такъ одѣваютъ ее люди, преслѣдующіе свои эгоистическія цѣли и вовсе не сочувствующіе всей послѣдовательности ея требованій. Однимъ словомъ, идея самостоятельности не есть что либо мечтательное, утопическое, преходящее, она есть корень, сущность человѣческаго развитія, и общественнаго и личнаго, корень и сущность самой жизни, потому что въ идеѣ самостоятельности главнымъ образомъ заключено стремленіе къ естественности, къ натуральности, стремленіе жить по собственной природѣ, сообразно съ собственными, а не какими либо чуждыми, заимствованными законами развитія. Въ этомъ смыслѣ ей неизмѣнно принадлежитъ будущее и полная побѣда именно надъ всѣми мечтательными и утопическими путями жизни.

У насъ идея самостоятельности съ особеннымъ оживленіемъ пробудилась со времени послѣдней войны, которая, какъ благодатная гроза, очистила воздухъ нашей умственной и нравственной опеки, выяснила всѣ предметы, намъ стало легче. Прежде всего, мы выразумѣли, что сила наша, которую почти всѣ мы заключали въ нашей государственности, оказалась несостоятельною, измѣнила нашимъ надеждамъ, а что важнѣе всего — поколебала нашу самоувѣренность. Вдругъ оказалось, что мы стоимъ непрочно, и вовсе не самостоятельно. Первое побужденіе сдѣлаться самостоятельными, по естественной причинѣ выразилось въ неисчислимыхъ протестахъ и обличеніяхъ. Мы тотчасъ пустились въ самый безпощадный анализъ нашей государственности, начали обличать ее на всѣхъ пунктахъ, во всѣхъ формахъ, въ какія она успѣла

было такъ крѣпко замкнуться. Она оказалась во всемъ виноватою. Было въ этомъ и нѣкоторое преувеличеніе, но по сущности дѣла, мы обвиняли справедливо, потому что государственность наша многое на себя брала, даже почти все взяла на свою отвѣтственность, а въ такомъ случаѣ за все и про все и должна была отвѣчать. Мы ей приписывали всю вину во всѣхъ даже собственныхъ ошибкахъ. Идя дальше назадъ въ своемъ анализѣ и въ своихъ суровыхъ обличеніяхъ, мы какъ разъ убѣдились, что государство-то собственно и служитъ помѣхою нашему развитію; да и не то, что теперь только мѣшаетъ намъ, а всегда намъ мѣшало, въ теченіе всей нашей исторіи, и не будь этой помѣхи, мы были бы великій самостоятельный и счастливый народъ. Надо же было найдти какую либо причину, чтобъ оправдать свою несамостоятельность, свалить грѣхъ на что либо постороннее, умыть руки въ своей винѣ.

Это была первая тема нашихъ историческихъ мечтаній, изученій, изслѣдованій, повѣствованій и разныхъ утопій, которая не замедлила произвести на свѣтъ множество обличительныхъ изслѣдованій, обличительныхъ критикъ, обличительныхъ рецензій и фельетоновъ, обличительныхъ статей и статеекъ и даже простыхъ возгласовъ и провѣщаній, въ которыхъ историческій матеріалъ, историческія знакомыя имена, слова и факты повертывались какъ камешки въ калейдоскопѣ и изображали различныя *фигуры*, болѣе или менѣе замысловатыя и хитрыя. Мы не станемъ поименовывать здѣсь всѣхъ статей и статеекъ — онѣ всѣмъ еще очень памятны, а для другихъ вдобавокъ онѣ представляютъ новый шагъ, новый поворотъ, новую дорогу въ разработкѣ и изученіи историческаго матеріала.

Само собою разумѣется, что отрицая государство и государственность со всѣми ихъ чады и домочадцами, мы должны

были за что нибудь держаться, на чемъ нибудь твердо стоять: точка опоры необходима при всякомъ дѣйствіи, а тѣмъ болѣе въ критикахъ, обличеніяхъ и отрицаніяхъ. Конечно, мы держались идеею самостоятельности, но эта идея слишкомъ обширна, слишкомъ неопредѣленна и потому слишкомъ воздушна. На ней одной трудно удержаться. Ея сущность необходимо почувствовать въ какомъ либо видимомъ, болѣе близкомъ, для всѣхъ понятномъ и наиболѣе осязательномъ образѣ. Въ государственности мы не нашли своей самостоятельности, не нашли своего спасенія, хотя предки наши въ этомъ именно искали и находили свое спасеніе и свою самостоятельность; насъ этотъ образъ самостоятельности не удовлетворилъ. Негодность устарѣвшихъ и старомодныхъ формъ мы возвели въ негодность самого начала. Но точка опоры была готова. Нельзя было долго размышлять. Самое дѣло показывало, что формы— дѣло преходящее, а главное и неизмѣнное то, что мы *народъ*, и что самостоятельность наша въ нашей народности. Дѣло прошлое, а необходимо признаться, что для многихъ это старое открытіе было похоже на открытіе новаго свѣта. Такъ стало быть сильно было вліяніе государственности съ ея опекою, что мы въ крайній восторгъ пришли, найдя твердую опору для нашихъ обличеній, отрицаній и всевозможныхъ протестацій. Другіе обрадовались еще и потому, что это давало самую легкую возможность заявить *свое направленіе*, такъ какъ своего-то именно ничего и не оказывалось въ наличности, а между тѣмъ идея самостоятельности нудила и требовала, во что бы ни стало, быть или казаться самостоятельнымъ. Впрочемъ, особую силу и оживленіе понятіямъ о народности придало упраздненіе крѣпостнаго права, крестьянское дѣло, въ которомъ такъ или иначе мы всѣ поголовно были замѣшаны, а потому и не могли оставаться равнодушными къ

той средѣ, къ которой это дѣло относилось непосредственно, т. е. собственно къ народу.

Какъ люди сколько нибудь мыслящіе, всѣ мы старались, кто какъ умѣетъ, выяснить себѣ этотъ туманный ликъ. Начались толки, споры, разсужденія и разговоры о народѣ и народности, о томъ, въ чемъ именно сила русской народности и каковы существенныя черты ея характера, что изъ нея выйдетъ и чего не выйдетъ, что она въ силахъ сдѣлать и чего не въ силахъ сдѣлать, чѣмъ она здорова и чѣмъ больна, какія имѣетъ добродѣтели, которыя необходимо развивать, и какіе пороки, которые необходимо истреблять, уничтожать. Всякій съ умиленіемъ припоминалъ подробности крестьянскаго быта, разсказывалъ свои и чужіе анекдоты по поводу столкновеній съ православными мужичками, силясь выяснить какую либо общую черту, характеристику народности, подтвердить, доказать то или другое мнѣніе, сложившееся уже о народности. А сколько давно накипѣвшей и ржавой горечи примѣшивалось въ эти толки и разсужденія, какъ скоро вопросъ касался отношеніяхъ народности къ государственности, или государственности къ народности. Съ того времени идея народности, какъ самая ближайшая и такъ сказать наглядная форма самостоятельности, заполонила всѣ умы. Разговоръ такъ шелъ громко и напряженно, что невозможно было вставить въ него другаго слова. Только и слышалось: народъ, народность! Государственники, т. е. люди, выражавшіе сомнѣніе въ абсолютномъ значеніи народа, признавались чуть не еретиками. По свойству нашихъ ходячихъ нравственныхъ понятій и представленій, имъ всегда приписывали даже недостойныя цѣли и стремленія — это и естественно, ибо трудно еще намъ допустить свободное и независимое отношеніе къ предмету, когда очень многіе даже либеральничаютъ изъ раболѣпства, или передъ модою, или передъ лицами.

Литература, какъ выраженіе общественной мысли, какъ выраженіе идей бродящихъ въ обществѣ, приливающихъ и отливающихъ, подобно волнамъ, обнаружила чрезвычайную суетливость въ стремленіи на народную почву. Газеты и журналы, другъ передъ другомъ, наперерывъ, спѣшили заявить въ своихъ программахъ, что они исключительно посвящаютъ свое вниманіе, свои усилія и дѣятельность на разъясненіе *коренныхъ* основъ народности, *коренныхъ* народныхъ свойствъ, положившихъ основаніе нашему общественному быту. «Народное» сдѣлалось общею мыслію, даже общимъ мѣстомъ всѣхъ литературныхъ произведеній, для которыхъ уже не существовало эстетической, чисто художественной оцѣнки, какъ было прежде, а существовала одна только оцѣнка, одна мѣра — это ихъ народность или то, на сколько они раскрываютъ народныя стихіи, народные характеры. Повѣсти, драматическія пьесы, разсказы, путевыя записки, стихи, ученыя изслѣдованія, даже сборники матеріаловъ — рѣшительно все, всякая литературная форма и всякая спеціальность стремились стать въ уровень съ возникшею и постоянно возраставшею потребностью знать народъ. Всякая форма стремилась дать болѣе или менѣе вѣрное и живое изображеніе народнаго быта, обычаевъ, нравовъ и т. д. Выбранные литераторы предпринимали поѣздки на сѣверъ, на востокъ, на югъ, съ цѣлью изучать народность. Въ театрѣ рукоплескали народнымъ сценамъ, народнымъ характерамъ, не вникая, можетъ быть, отъ увлеченія, въ самомъ ли дѣлѣ они народны, или только простонародны, въ самомъ ли дѣлѣ это народный складъ ума, характера, нрава, или это обыкновенное балагурство, простонародное кривлянье. Какъ бы ни было, а самые даже народные литераторы съ большимъ сожалѣніемъ отзывались о томъ горестномъ обстоятельствѣ, что какъ они ни стараются, что ни пишутъ, а все-таки не попадаютъ, какъ говорится, въ жилу,

т. е. въ народность, что народъ-то собственно все-таки мало ихъ понимаетъ и даже вовсе не читаетъ. Въ ученой средѣ, въ средѣ отвлеченной, народность наконецъ выдѣляется изъ всѣхъ понятій, которыя прежде ее опредѣляли, изъ всѣхъ понятій, которыя опредѣляли вообще наше историческое развитіе. Историки торопливо заявили, что они намѣрены разработывать «исторію народа», а не исторію государства, и всѣ въ восторгъ пришли отъ этой мысли, фельетонисты даже вскрикнули отъ радости, и убѣдили всѣхъ, что съ этой только минуты мы будемъ имѣть настоящую исторію. Провинціальная публицистика съ горестію дѣлала упреки гимназистамъ, что они, гимназисты, равнодушны *къ народу*. Говоря объ одной воскресной провинціальной школѣ, гдѣ, вѣроятно, по случайнымъ обстоятельствамъ, занялись ученьемъ семинаристы, а не гимназисты, тамошній публицистъ въ негодованіи восклицаетъ: «Неужели семинаристы опередили въ сочувствіи къ народу гимназистовъ?» Словомъ сказать, съ тѣхъ поръ идея народности стала краеугольнымъ камнемъ нашего общественнаго сознанія. Всякую нашу мысль, всякій трудъ, всякій подвигъ она направляла въ свою сторону. Она сдѣлалась нашею спасительницею и путеуказательницею и совершенно вытѣснила изъ нашихъ понятій тотчасъ же состарѣвшуюся, но прежде очень любимую, европейскую идею прогресса, въ которую мы точно также безусловно вѣровали и которая, какъ оказалось, обманула насъ или покрайней мѣрѣ измѣнила тѣмъ понятіямъ, какія мы о ней составили.

Вмѣстѣ съ «прогрессомъ» потеряла для насъ особенное значеніе и европейская цивилизація и, по мѣрѣ того, сколько теряла въ нашихъ глазахъ Европа, наша мысль о народности пріобрѣтала новыя силы. Мы все больше убѣждались въ своихъ собственныхъ достоинствахъ, въ своей самостоятельности, самобытности, своеобразіи. Всѣ въ одинъ голосъ и теперь

повторяютъ, что «мы не Европа», что иноземныя формы и мѣрки жизни, ея теорія и практика неспособны опредѣлить или выразить сущность и свойства нашей народности, какъ неспособно иной разъ слово выразить новорожденную мысль во всей ея силѣ, со всѣми оттѣнками понятія. Мы хотимъ быть сами собою. Эта мысль преслѣдуетъ насъ всюду, и какъ прежде боялись мы казаться не европейцами, такъ теперь боимся казаться не русскими. Журналы и газеты къ своимъ именамъ спѣшатъ присоединить завѣтное качество—*русскій*, и поминутно упрекаютъ другъ друга въ одностороннихъ увлеченіяхъ западными идеями, теоріями и т. д. Каждый отыскиваетъ точку зрѣнія *русскую;* каждый думаетъ, что стоитъ уже на этой точкѣ, намекая при этомъ, что другіе еще далеки въ своихъ исканіяхъ. То же стремленіе породило множество новыхъ журналовъ и газетъ, потому что каждому хотѣлось сказать обществу *свое* самостоятельное *русское слово,* провести самостоятельную русскую мысль, повести *русскую бесѣду, русскую рѣчь.*

Не желая оставаться подражателями Запада, не желая даже сколько нибудь походить на него, мы, по логическому ходу мысли, стали враждебно, едва не съ ненавистью относиться и къ реформѣ Петра, какъ къ такому началу, которое стерло, исказило живыя силы нашей народности, онѣмечило, обезличило насъ. Отзываясь, по необходимости, съ снисходительною холодностью объ этомъ печальномъ явленіи въ нашей исторіи, мы ставили въ противоположность ему народность, какъ другое болѣе разумное и самое жизненное начало, вполнѣ способное вывести насъ, какъ древнихъ Израильтянъ, изъ этого нѣмецкаго или вообще европейскаго вавилонскаго плѣна. Народъ постепенно выросталъ въ нашихъ мысляхъ сказочнымъ великаномъ, и чѣмъ больше мы сознавали себя Нѣмцами, вообще подражателями Запада, тѣмъ громаднѣе являлся въ на-

ших глазах этотъ великій образъ всего чисто-ру самобытнаго, самодѣятельнаго, самостоятельнаго. Ту сность самобытной народной силы, потребность лично дѣятельности и самостоятельности, которая занимаетъ всѣ умы, мы воплощаемъ въ этомъ дорогомъ образѣ и лѣтея, украшаемъ его всѣми качествами, свойств стоинствами, какимъ желаемъ себѣ, по характеру стремленій и желаній. Мы открывали такія *коренныя* русской жизни, коренныя народныя свойства, которы ли въ тушкѣ всякаго сколько нибудь здравомыслящ вѣка. А къ тому же всѣ эти основы и свойства по части составляли только отрицаніе положительныхъ с западныхъ народностей, нѣмецкихъ, французскихъ, скихъ, или, вѣрнѣе сказать, отрицаніе вѣками выраб началъ западной цивилизаціи, которыхъ въ наличност не оказывалось, и въ параллель которымъ, по стр стать въ уровень съ Европою, мы должны были натяну самобытные корни и свойства.

Все это, какъ стремленіе, въ извѣстномъ смысл похвально; самая идея народности въ своей сущнос также великая и доброплодная идея, которая во всяко чаѣ принесетъ въ своемъ развитіи и распространеніи слимую пользу, ибо въ ней лежитъ глубокая общече ская основа и естественное неизмѣнное требованіе ж ласно законамъ собственнаго природнаго развитія, то общо жить свободно и независимо отъ чуждыхъ человѣч слѣдовательно, народной природѣ стѣсненій. Идея нар какъ и родоначальница ея, болѣе общая идея самосто сти есть собственно идея естественности развитія, и боды и независимости отъ всего искусственнаго, въ дрессированнаго и потому уродливаго и искаженнаго. не порадуется водворенію и распространенію этой

'жизни. Но нельзя не сознаться, что постановка вопроса и проведеніе идеи у насъ сопровождается непомѣрнымъ кривляньемъ, напыщенностью, вообще какою-то театральностью, какими-то претензіями на франтовство, на модный туалетъ или на модный покрой платья, такъ что весь этотъ кличъ о народности походитъ больше на фразу, чѣмъ на дѣйствительную потребность сознанную умомъ, почувствованную сердцемъ, а не занесенную какимъ либо бродячимъ вѣтромъ литературныхъ, историческихъ или политическихъ мечтаній. Въ проведеніи идеи высказывается столько репетиловщины и хлестаковщины, что какъ-то не вѣрится, чтобы вышелъ большой толкъ изъ всѣхъ заявленій, какія были сдѣланы въ ея пользу; по крайней мѣрѣ многое и въ литературѣ и въ наукѣ такъ и остановилось на однихъ этихъ заявленіяхъ. Потомъ, несмотря на многочисленность и непрерывность заявленій, идея до сихъ поръ не явила въ себѣ ничего положительнаго и служитъ, повсюду, только протестомъ противъ государственности, или вообще противъ опеки, отрицаніемъ тѣхъ формъ и силъ, которыя управляли нашимъ развитіемъ въ послѣднія столѣтія, то есть, выражаясь попросту, отрицаніемъ всей петровщины въ нашемъ развитіи.

Къ этому еще присоединяется то печальное обстоятельство, что въ протестѣ нашемъ чувствуется больше всего какая-то пассивность невинной жертвы, и вовсе не чувствуется того собственно народнаго достоинства, какое неотъемлемо принадлежитъ всякой исторической народности, и настоящее пониманіе котораго ни въ какомъ случаѣ не допуститъ представлять народъ чуть не игрушкою разныхъ случайностей. Почти каждая статья исторической изслѣдовательности или критики, трактующая о судьбахъ народа и народности, въ концѣ концовъ представляетъ ликъ народа какою-то угнетенною невинностью, жертвою, самою несчастною и до слезъ жал-

кою жертвою. Это также одна изъ любимѣйшихъ темъ н
теперешнихъ историческихъ и общественныхъ созерцаніі
мы очень привыкли сваливать грѣхи на внѣшнюю как
силу, это коренная основа даже народныхъ нашихъ убѣж
и потому всѣ мы, начиная съ Любима Торцова, очень л
выставлять себя жертвою враждебныхъ силъ и обстоятел
драпироваться въ костюмъ героевъ-страдальцевъ. На
условіяхъ нашего сознанія и нашей общественности су
вуютъ основательныя причины и это явленіе вполнѣ е
венно въ силу тѣхъ же причинъ. Но въ приложеніи к
ченію родной исторіи и народности такое воззрѣніе сл
большою помѣхою.

Оно-то, противъ даже нашего сознанія, и заставляет
совать нашу народность плачевною жертвою всевозмож
и самыхъ жестокихъ случайностей, отъ которыхъ собст
и неудалось намъ развиться какъ слѣдуетъ. Весьма пон
что здѣсь важную роль играетъ знаменитое слово *ес*
какъ самая твердая и ничѣмъ непобѣдимая основа сужд
разсужденій; на немъ одномъ почти строится самая бо
часть выводовъ и заключеній теперешней изслѣдователь
которая въ иныхъ случаяхъ прямо начинаетъ этимъ сл
а въ другихъ такъ располагаетъ повѣствованіе, что оне
выскакиваетъ, какъ необходимое заключеніе, и чит
остается только прибавить; «да, еслибъ!..» Еслибъ не Ме
то удѣльновѣчевой бытъ развился бы у насъ великолѣп
въ немъ великіе задатки лежали... Еслибъ не Петръ,
теперь процвѣтали бы во всѣхъ чисто-русскихъ самостоя
ныхъ и самобытныхъ началахъ и основахъ жизни. Если
централизація, то мы были бы совсѣмъ не тѣ; у насъ ни
бы не было ни крѣпостнаго права, ни нѣмецкой бюрок
и т. д.; мы были бы совершенно свободны и жили бы ц
[illegible], а главное — были бы [illegible]

оригинальны, какъ всѣ великія народности Запада. Да, еслибъ «на горохъ да не морозъ, то-бъ горохъ черезъ тынъ перерось», можетъ справедливо сказать всякій дѣйствительно русскій человѣкъ съ русскимъ складомъ мысли, выслушавши всѣ эти *еслибы*. Тѣмъ не менѣе они, эти еслибъ, очень заманчивы для читающей и слушающей публики, заманчивы потому, что при ихъ помощи всякій становится безъ затрудненій солиднымъ и компетентнымъ судьею всей нашей цивилизаціи. Вопросы, задачи, надъ которыми иной Нѣмецъ или Англичанинъ просидѣлъ бы десять, двадцать лѣтъ, рѣшаются этимъ способомъ очень скоро и легко, и главное вполнѣ удовлетворительно. Дальше идти некуда и размышлять не объ чемъ, что особенно и нравится публикѣ, всегда очень занятой собственными дѣлами. Изслѣдованіями ей некогда заниматься. Она за тѣмъ только и обращается къ исторіи, чтобъ услышать поскорѣй послѣднее рѣшительное слово. А тутъ рѣшительное слово готово и, что важнѣе всего, это готовое слово какъ разъ бьетъ въ жилу, въ то общее настроеніе нравовъ и понятій, о которомъ мы только-что говорили. Публика въ восторгѣ и съ искреннимъ сочувствіемъ и даже съ рукоплесканіями принимаетъ историческій выводъ, который закрѣпляетъ ея давнишнія созерцанія, что она — невинная ни въ чемъ жертва. Чѣмъ же лучше, какъ не такимъ именно выводомъ можно оправдать и узаконить все то, что накопилось въ насъ съ теченіемъ столѣтій дряблаго, лѣниваго, апатичнаго, всю эту обломовщину, репетиловщину, хлестаковщину, ноздревщину, печоринщину и т. д., все то, что такъ путаетъ насъ и мѣшаетъ намъ сдѣлаться въ дѣйствительномъ смыслѣ самостоятельными. Нельзя сомнѣваться, что и по этому пути объяснится много историческихъ фактовъ, раскроются новыя стороны нашего прошлаго и старый даже матеріалъ, равно какъ и прежніе выводы мы тщательнѣе пересмотримъ, под-

крѣпнимъ слабыя мѣста новыми доказательствами, или же совсѣмъ устранимъ преждевременныя и слишкомъ односторонніе заключенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подобными представленіями о нашемъ прошедшемъ мы распространимъ значительную долю заблужденій, загромоздимъ свободный путь науки извращенными понятіями, которыя всегда съ такимъ трудомъ возвращаются на прямую и истинную дорогу.

Въ этомъ направленіи общественной мысли и литературы къ завѣтнымъ началамъ собственной народности, въ сущности, нѣтъ ничего новаго. Ново, пожалуй, только то, что направленіе сдѣлалось такъ сказать всеобщимъ. Со времени реформы мы не одинъ разъ становились народниками и руссофилами, хотя и не въ такихъ размѣрахъ и не съ такими тенденціями, что условливалось степенью, силами и свойствами нашего прежняго образованія и существомъ самыхъ вопросовъ, которые заставляли насъ искать спасенія въ своей національности, или обращали къ ней наши стремленія. Такъ, тотчасъ послѣ смерти Петра, мы заявили свой протестъ противъ иностраннаго вліянія и гнета, и хотѣли-было устроиться по-своему, независимо отъ Нѣмцевъ, но отъ нашей же розни попали еще въ горшую нѣмецкую бѣду. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы мы также вздохнули отъ дѣйствительнаго, прямаго и непосредственнаго нѣмецкаго ига и съ радостью привѣтствовали возвращеніе къ русскому и національному, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что съ этого времени русскими интересами стали заниматься русскіе же люди, которые естественно желали своей землѣ больше добра, чѣмъ иноземцы, и дѣйствительно принесли это добро однимъ уже тѣмъ, что основали, напр., русскій университетъ.

Съ распространеніемъ образованія распространялось и еще больше укрѣплялось и наше руссофильство, какъ особое на-

правленіе общественной мысли, мечтавшей о самостоятельности и самобытности.

При Екатеринѣ руссофильское направленіе обозначилось еще яснѣе и положительнѣе, чему очень способствовала возникшая въ это время литература и журналистика. Тогда яснѣе, чѣмъ прежде, обозначились, «дожившіе и до нашего времени, два сопротивные и оба вредные предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо». Теперь обыкновенно называютъ эти предразсудки западничествомъ и славянофильствомъ. Точно такъ-же, какъ теперь, и тогда были люди средніе, которые не творили особаго поклоненія передъ стариною и не восторгались западными модами, т. е. смотрѣли больше на сущность дѣла, а не на покрой того кафтана, въ которомъ это дѣло представлялось. Новорожденная литература слѣдовала по преимуществу этому среднему направленію и жестоко обличала обоихъ сопротивниковъ. Но время отъ времени въ ней раздавались и крайніе голоса, не подъ видомъ сатирическаго опредѣленія этихъ крайностей, а въ видѣ положительныхъ, прямыхъ заявленій. Тогда еще не разсуждали ни о политической экономіи, ни объ общественномъ устройствѣ; поэтому руссофильское направленіе отстаивало больше русскіе дѣдовскіе домашніе обыкновенія и обычаи и даже привычки. Оно защищало старинный русскій костюмъ, старинный столъ, старинные нравы и т. п., и защищало это съ наивностью человѣка, который въ дѣйствительности сохранялъ еще въ своихъ воззрѣніяхъ и привычкахъ родную старину. Тогдашній Люборусъ разсуждалъ такимъ образомъ: «люблю я русскихъ, потому что происхожу отъ русскихъ людей; люблю русскіе столы, ибо, кажется мнѣ, что у-нѣмцовъ для русскихъ желудковъ оные голодноваты. Люблю русскихъ по причинѣ того, что имѣютъ они, въ раз-

сжаленія писателей, французскую остроту и нѣмецкую терпѣливость. Любя по русски угощать, ибо не вѣрю я тому, чтобъ возвратился отъ желудка, а полагаю, что тѣ, которые не угощаютъ, стараются больше сберечь деньги, нежели въ здоровье. Щи, ватрушки, солянка, рубцы, ветчина, говядина, вареныя птицы и прочія русскія кушанья чрезвычайно мнѣ пріятны; а суповъ, фрикасеевъ, рагу, дичи, бифстексовъ, клюквы съ сметаной, сыру съ червями и прочихъ иностранныхъ вкусныхъ выдумокъ — хотя бы для меня и на свѣтѣ не было... Почитаю русскую одежду для того, что она проста и свободна, не такъ, какъ иностранная, которая изобильна ненужными многочисленными прорѣзами. Кажется мнѣ, что и уборъ волосъ, происходящій отъ нихъ же, господъ иностранцевъ, безпокоенъ да и смѣшонъ; ибо не безпокойно ли то, чтобъ сидѣть 3 часа передъ зеркаломъ для того, чтобъ навертѣть изъ волосъ шубы? и не смѣшно ли, чтобъ насыпать голову свою мукою и сдѣлаться прежде времени сѣдымъ? Говорю я порусски, а другихъ языковъ, хотя нѣсколько и разумѣю, но говорить на оныхъ не умѣю, да и не хочу, ибо кажется мнѣ, будто бы они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно, а въ доказательство тому приложу здѣсь только одинъ примѣръ: у насъ, русскихъ, если человѣкъ говоритъ другому человѣку, то употребляетъ второе лице, *ты*, какъ то и быть должно: французы же, напротивъ того (а по милости ихъ и мы), прилагаютъ хотя и второе лице, но уже множественнаго числа, *вы*, а о нѣмцахъ и говорить нечего...»

Такія и подобныя разсужденія и философствованія не прерывались и въ послѣдующее время, а въ эпоху 12 года они точно также сдѣлались всеобщими, потому что всѣ тогда поголовно стали руссофилами и патріотами. Причина была очень понятна и слишкомъ велика, чтобъ не воодушевиться самою

горячею любовью ко всему русскому-родному. Любовь къ отечеству стала тогда руководящимъ чувствомъ, руководящею мыслью даже и въ обработкѣ и изученіи историческаго матеріала, не говоря уже о публицистикѣ. Тогда римскія патріотическія добродѣтели свободно и легко натягивались на героевъ собственной исторіи, въ которой даже и не оставалось уже обыкновенныхъ людей, а всѣ дѣлались или великими патріотами, или низкими злодѣями — средины не было. На то была великая и необыкновенная причина, — какъ мы упомянули.

Но вообще руссофильство пробуждалось всегда тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неудовлетворительнѣе оказывалось современное устройство, чѣмъ настоятельнѣе являлась потребность перемѣнъ и улучшеній, чѣмъ, слѣд., живѣе чувствовалась необходимость отыскать прямой и вѣрный путь общественнаго спасенія. Такъ было передъ реформою и во время реформы Петра; такъ, хотя и въ меньшей силѣ, было во время Екатерининскихъ и Александровскихъ реформъ. То же дѣйствіе этого закона въ нашемъ развитіи мы переживаемъ и теперь. Мы теперь, безъ исключенія всѣ, въ большей или меньшей степени, сдѣлались руссофилами, народниками. Такимъ образомъ свѣточь руссофильства, какъ можно видѣть изъ нашихъ словъ, ни разу не угасалъ. Онъ горѣлъ сильнѣе, какъ скоро жизнь дѣлала болѣе или менѣе сильный поворотъ къ собственному обновленію. Онъ свѣтилъ упорно, когда даже было очень свѣтло отъ господства другихъ, ему сопротивныхъ идей. Въ прошедшее царствованіе, подъ видомъ славянофильства и подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, онъ образовалъ нѣчто въ родѣ какого-то догматическаго ученія, нѣчто въ родѣ какой-то ученой системы, особой исторической школы, которая затронула и поставила на видъ тѣ именно общественные и историческіе вопросы, какими исполнены наши умы въ настоящую

минуту. И дѣйствительно, теперешніе выводы, заявленія, заключенія, громкіе и рѣзкіе приговоры въ большинствѣ случаевъ есть только взрывы изношенныхъ славянофильскихъ идей, которыя или проведены дальше, послѣдовательнѣе, или только жиже разведены современнымъ резонерствомъ. Но, разумѣется, во старой памяти, почитая славянофильство предразсудкомъ, никто не хочетъ сознаться въ томъ, что онъ послѣдователь этого ученія. Да и нельзя сознаться; а *инициатива* направленія, та инициатива, на которой въ одно, и недалекое еще время мы было тоже совсѣмъ помѣшались. Въ нѣкоторыхъ органахъ было нераз заявлено, что теперь ни славянофиловъ, ни западниковъ не существуетъ, а существуемъ *мы* — народофилы. Каждый органъ разумѣлъ подъ этимъ *мы* исключительно только одного самого себя.

Въ этомъ-то и сказалась наша любезная инициатива — т. е. стремленіе становиться впередъ, стремленіе стоять въ позѣ руководящихъ, передовыхъ людей и исключительно обладать и завѣдывать истиною, или моднымъ направленіемъ.

Можно присвоивать себѣ пальму первенства въ изобрѣтеніи какой угодно новой идеи, особенно когда существуетъ такая страшная потребность на модныя новости въ этомъ родѣ; время и здравый разборъ дѣла однакожь раскроютъ прямые и непосредственные источники этихъ новостей. — Осмотритесь внимательно кругомъ: о чемъ проповѣдуетъ наше слово и въ какую сторону направляется наше дѣло? О чемъ восторженные клики, какого свойства героизмъ особенно требуется общественною мыслью; кто таковъ герой нашей минуты? Самостоятельность — вотъ наша проповѣдь, нашъ героизмъ, и самостоятельный человѣкъ — нашъ герой. Мы отъ всей души, отъ всего сердца и отъ всѣхъ помышленій желаемъ стоять на собственныхъ ногахъ. Неотразимая и ничѣмъ побѣдимая идея вѣка работаетъ повсюду и является во вся-

кихъ, даже ежедневныхъ мелочахъ, а тѣмъ больше въ представленіяхъ о нашемъ прошедшемъ. Теперь мы всѣ поголовно ищемъ самостоятельности и безъ-умолку говоримъ о ней; а такъ какъ мало кто изъ насъ вникаетъ, въ чемъ собственно должна заключаться самостоятельность вообще, то, по готовому уже слѣду, мы ищемъ и требуемъ самостоятельности чисто-русской или свято-русской, самой народной, безъ всякой примѣси чего либо иноземнаго, особенно такъ называемыхъ западныхъ теорій. Но припомните, кто-жъ, въ прежнее время, больше всего говорилъ о народной самостоятельности, кто настойчивѣе и безъ устали требовалъ самостоятельности, и именно русской самостоятельности, самой чистѣйшей русской самобытности, въ противоположность даже той, которая носила слишкомъ просторное названіе общечеловѣческой или вообще человѣчной. Кто хотѣлъ, чтобъ Русь была сама собою, чтобы она была нетолько самостоятельна, но даже и оригинальна, своеобразна, какъ всѣ великія историческія народности; чтобъ русскій человѣкъ походилъ на самого себя, а не на нѣмца, въ котораго старался передѣлать его Петръ, принимавшій и понимавшій тогдашняго нѣмца какъ настоящаго человѣка. Всего этого давно хотѣли, обо всемъ этомъ давно и много и очень хорошо говорили славянофилы. Мы теперь въ своихъ историческихъ и разныхъ другихъ мечтаніяхъ о народѣ и народности пережевываемъ лишь то, что гораздо основательнѣе и несравненно талантливѣе было не одинъ разъ заявляемо въ славянофильскихъ органахъ. Очень понятно, почему коренные славянофилы не вѣрятъ намъ, отрекаются отъ нашего славянофильничанья и признаютъ весь этотъ шумъ о народности ложнымъ видоизмѣненіемъ самаго вертляваго западничества.

Какъ бы то ни было, но славянофильство восторжествовало, и должно было восторжествовать, потому что оно ставило

вопросъ о самостоятельности [illegible], такъ сказать практичнѣе и потому понятнѣе для большинства. Передъ космополитическимъ образомъ самостоятельности, въ общечеловѣческомъ смыслѣ, оно стаило родной и всѣмъ всякій образъ самостоятельности въ народномъ, исключительно русскомъ смыслѣ. Оно побѣдило, ибо вся сила вещей оказалась на его сторонѣ. Самые ярые нѣкогда западники теперь похвалятся даже тѣмъ, что они первые обратились въ славянофильство.

Но если дѣйствительно всѣ теперь славянофильничаютъ, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что западники и западничество исчезли какъ дымъ, что будто теперь и въ самомъ дѣлѣ существуетъ другая особая идея, которая, какъ химическій реагентъ, разложила прежнія направленія въ самое себя, то есть въ нѣчто такое, чего прежде не существовало и что явилось какъ совокупленіе, жизненная связь прежнихъ направленій. Это можетъ такъ показываться только со стороны господствующей идеи вѣка, то есть въ томъ смыслѣ, что всѣ теперь требуютъ одного и говорятъ объ одномъ.

Но требовать самостоятельности и говорить о ней, о ея формахъ и видахъ, о ея разнообразныхъ началахъ, не значитъ еще славянофильничать, и не въ этомъ торжество славянофильства. Весь толкъ въ томъ, кто какой самостоятельности ищетъ. По отвѣту на этотъ вопросъ вы всегда и можете узнать кореннаго славянофила или не славянофила и чистаго западника.

Всѣ мы ищемъ самостоятельности и самобытности, но почти каждый понимаетъ ее по своему, по существу своихъ настроеній, личныхъ вкусовъ, личныхъ стремленій и идеаловъ. Лучше всѣхъ ее понимаютъ, конечно, простые практическіе люди, не зараженные никакими литературными ученіями и тенденціями. Они не мечтаютъ о самостоятельности, а въ

самой дѣйствительности дѣлаются самостоятельными, отыскивая себѣ точку опоры въ текущихъ жизненныхъ явленіяхъ, въ томъ, что теперь находится подъ ногами, а не въ томъ, что когда-то было, да не съумѣло устоять противъ такъ называемыхъ историческихъ случайностей. Напротивъ того, литературные фразеры и мечтатели проводятъ время только въ томъ, что спорятъ и разсуждаютъ, какая должна быть самостоятельность, и вмѣсто того, чтобъ пользоваться каждымъ шагомъ развитія въ смыслѣ самостоятельности, они, наоборотъ, заподозриваютъ своими толками, игнорируютъ почти каждый такой шагъ; иной разъ даже только потому, что не отъ нихъ идетъ инициатива этого шага, то есть не по ихъ умозначертанію вчинается и располагается дѣло.

Въ идеѣ народности, которая теперь у всѣхъ въ умѣ и на языкѣ, заключается и главное понятіе о свойствахъ искомой нами самостоятельности. Мы хотимъ самостоятельности народной, то есть самой чистѣйшей, русской самостоятельности, основанной на коренныхъ русскихъ свойствахъ и началахъ, слѣдовательно, со всѣми тѣми подробностями, какія опредѣляютъ или опредѣляли эти русскія коренныя основы. Другихъ формъ самостоятельности мы не признаемъ и никакихъ другихъ, особенно иноземныхъ, основъ жизни не примемъ. Западныя теоріи отжили у насъ свое время. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждаютъ всѣ разсуждающіе объ этомъ вопросѣ. Но вѣдь должно сознаться, что все это есть общее мѣсто, которое ничего не показываетъ и ничего не доказываетъ. Что такое *русская* самостоятельность, какія это коренныя основы нашей жизни? До сихъ поръ это не больше какъ іероглифы, символы, амулеты, которые непремѣнно нужно же когда либо отчетливо и подробно растолковать, очертательно выяснить, чтобъ они всѣмъ были понятны. А-то, при словѣ народность, коренная основа народности, всякій Богъ знаетъ о

[illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

мость привить къ нему нѣчто такое, что болѣе намъ теперь потребно и свойственно нашему теперешнему развитію, поставитъ, слѣдовательно, въ необходимость вырощать совсѣмъ другіе плоды на этомъ корнѣ, совсѣмъ не тѣ плоды, какіе онъ выращалъ по собственной волѣ и желанію; словомъ сказать, поставитъ въ необходимость измѣнить его коренную народность.

Да, если мы не праздно, не всуе произносимъ дорогія намъ слова: народъ, народность, русская самобытность, то мы должны для общей пользы ясно и опредѣленно отнестись къ этому вопросу, спеціально и подробно обработать тѣ задачи, какія почитаемъ особенно важными въ разъясненіи этого дѣла, должны опредѣленно выразумѣть, чего именно мы хотимъ и какъ именно желаемъ сдѣлаться народными, чисто-русскими. А при этомъ необходимо имѣть въ виду, что народность, какъ цѣльное органическое совокупленіе извѣстныхъ жизненныхъ началъ и ихъ формъ, никакъ нельзя дѣлить на части съ тѣмъ, чтобъ отбросить иныя въ сторону какъ ветхій хламъ, а иныя по выбору взять себѣ въ пользованіе. Народность — живое цѣлое и механически дѣлить ее невозможно. Берите все, въ чемъ заключается ея жизненная самобытность и оригинальность, тогда вы и будете народными, самобытными и оригинальными, вполнѣ русскими, если вы еще въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что вы не русскіе. Но вѣдь никто изъ самыхъ крайнихъ народниковъ не согласится промѣнять свой теперешній *петровскій* комфортъ, просторъ, прохладу и удобства жизни на старинный до-петровскій комфортъ и тогдашній просторъ и прохладу; никто вѣдь не рѣшится теперь научать дѣтей писанію по часослову и псалтырю, никто не захочетъ подчинить себя, свою семью и всѣхъ домашнихъ правиламъ, наставленіямъ и наказаніямъ Домостроя, который былъ зеркаломъ и зерцаломъ старой нашей народности и вовсе не

относится къ одному только XVI столѣтію, заподозрѣваемому въ татарщинѣ, а есть произведеніе или сокровищница, гдѣ сложено и совокуплено все нравственное богатство, накопленное предшествующими вѣками. На этотъ счетъ дѣло народности можетъ быть покойно. Ея проповѣдники и глашатаи не измѣнятъ себѣ, не измѣнятъ своего быта и порядка жизни по народному идеалу, по завѣтнымъ и кореннымъ народнымъ преданіямъ и началамъ жизни, которые они такъ восхваляютъ, никогда не измѣнятъ тому комфорту, среди котораго такъ шумно разсуждаютъ объ этихъ началахъ, и ни за что не промѣняютъ свой просторъ на уютную, простую, но столько же удобную для человѣка народную обстановку жизни. Пожалуй, они надѣнутъ народный костюмъ, народную шапку, но надѣнутъ шелкъ, а не армячину, надѣнутъ не *крестьянскую* шапку, а шапку *боярскую*, соболью; не прочь они выстроить русскую избу, но избу чуть не кипарисную, и во всякомъ случаѣ тоже боярскую съ златоверхимъ теремомъ.

Такимъ образомъ, должно сознаться, что звонкая проповѣдь о народности, стремленіе къ ея кореннымъ основамъ нейдетъ дальше какихъ либо модныхъ затѣй. Нельзя конечно отрицать, что и въ этихъ модныхъ затѣяхъ, какъ во всякой мелочи, обнаруживается нѣкоторая доля общей теперешней потребности и движущей всѣхъ идеи стоять на собственныхъ самобытныхъ ногахъ, и если не въ самомъ дѣлѣ стоять, такъ по крайней мѣрѣ казаться стоящимъ твердо и прочно. Дальше этого нейдутъ и такъ-называемыя народныя литературныя направленія. Это тоже своего рода боярскія шапки, въ которыхъ такъ важно и степенно расхаживаютъ иные литературные органы.

Въ этомъ-то горестномъ обстоятельствѣ и заключается та истина, что наше западничество есть такая же живая общественная сила, какъ и наше стремленіе къ народности, что мы

ему никогда не измѣннимъ и измѣнить не въ силахъ, и оно будетъ здравствовать у насъ до нескончаемыхъ вѣковъ. И славянофильство, или руссофильство, и западничество, во всѣхъ новыхъ своихъ явленіяхъ, во всѣхъ фазахъ своего развитія, въ сущности не какія либо литературныя только партіи, которыя можно легко упразднить постановкою новаго литературнаго направленія. И славянофильство и западничество — только двѣ стороны болѣе или менѣе сознательнаго пониманія дѣйствительности, двѣ жизненныя идеи, которыя во многихъ случаяхъ управляютъ развитіемъ общества. Ихъ исторія начинается очень давно, гораздо раньше Петра, съ тѣхъ поръ, какъ мы стали сознавать, что дѣло безъ Европы не обойдется, что Европа въ дѣйствительности очень намъ нужна. Съ развитіемъ общества онѣ, этѣ идеи, только видоизмѣнялись, принимали на себя новые образы, выставляли новые *ясаки* или символы, которые всегда и служили предметомъ разногласія, разномыслія и даже вражды. Въ извѣстные моменты нашего развитія и по разнымъ внѣшнимъ причинамъ, то одна изъ этихъ идей торжествовала, то другая. Въ настоящее время оба направленія нѣсколько какъ бы спутались, растерялись, потому что совершающійся поворотъ жизни выбилъ ихъ изъ привычной колеи ихъ умствованій и разсужденій, перенесъ ихъ точки зрѣнія на другія мѣста. Оттого инымъ и показалось, что они уже вовсе угасли. Нѣтъ, отчаяваться нельзя. Ихъ основы, ихъ начала кроются несравненно глубже, чѣмъ можно предполагать. Онѣ лежатъ въ нравственной природѣ общества и именно въ томъ недовольствѣ настоящимъ ходомъ вещей и устройствомъ жизни, которое всегда вызываетъ мыслящихъ и размышляющихъ людей искать спасенія въ идеалахъ прошлаго, или въ идеалахъ будущаго. Такъ и различіе славянофильства, или руссофильства, отъ западничества, какъ давно уже замѣчено, заклю-

чается въ томъ, что первое смотритъ «въ даль прошедшаго», призывая на спасеніе современности угасшіе образы древней жизни, поклоняясь благоговѣйно предъ этими образами, какъ предъ кивотомъ завѣта; другое, напротивъ, смотритъ «въ даль будущаго» и по естественной причинѣ считаетъ каждый новый шагъ развитія болѣе близкимъ къ цѣли, т. е. вѣруетъ въ прогрессъ, какъ въ живую силу исторической жизни народа. Оттого, напримѣръ, для перваго государственная дѣятельность Петра представляется какимъ-то чудовищнымъ разгромомъ всѣхъ основаній старой жизни, совершеннымъ искаженіемъ общественной русской природы, гибелью всѣхъ чисто-русскихъ историческихъ началъ развитія, въ то время какъ для другаго Петръ есть представитель высшаго сознанія этихъ началъ. Само собою разумѣется, что ни то, ни другое никогда не согласятся въ своихъ представленіяхъ, потому именно, что смотрятъ въ разныя стороны, видятъ совершенно разные предметы, хотя и носящіе одинакія названія. Государство, община, личность, даже право и т. п., вслѣдствіе различныхъ точекъ зрѣнія, понимаются каждымъ направленіемъ совершенно различно.

Славянофильство не безъ сочувствія отдаетъ напр. должную справедливость государственной дѣятельности Ивана Грознаго, созвавшаго первый земскій соборъ, общее государственное народное вѣче, возстановившаго отчасти самостоятельность земства. Это потому, что въ первомъ русскомъ царѣ выразилось тоже отношеніе къ современной ему дѣйствительности. Первый царь, въ своемъ недовольствѣ этою дѣйствительностью и въ своихъ стремленіяхъ дать государству лучшій строй и порядокъ, смотрѣлъ, какъ и славянофильство, въ даль прошлаго и оттуда вызывалъ спасающія силы. Но того новаго вина, которое заготовлено было московскимъ ходомъ исторіи, нельзя уже было вливать въ мѣхи ста-

рые. Послѣдующее время очень хорошо показало, какъ безуспѣшны были подобныя попытки; волею-неволею нужно было идти впередъ. Это и былъ единственный путь спасенія. По этому пути смѣлѣе своихъ предшественниковъ прошелъ послѣдній изъ царей — Петръ, всегда смотрѣвшій только въ будущее и оттуда ожидавшій всякаго добра и блага. Великая или печальная сущность его реформы въ томъ и заключается, что онъ навсегда разорвалъ связь съ преданіемъ. Можно объ этомъ много горевать и даже гнѣваться на это, но этого уже не воротишь. По милости реформы, мы такъ крѣпко забыли свою старину, что въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи не чувствуемъ и не находимъ никакой связи съ нею. Это горько, но это неотразимый историческій и жизненный фактъ. Даже боярскія шапки, разные кафтаны и зипуны, то есть вообще внѣшность, наиболѣе доступную для изученія и пониманія, мы все-таки не умѣемъ возстановить съ археологическою точностью и щеголяемъ въ какихъ-то театральныхъ костюмахъ, столько же похожихъ на наши старинные, сколько и мы сами похожи на старинныхъ людей!

Однимъ словомъ, мы совсѣмъ выбиты изъ колеи нашихъ завѣтныхъ преданій и теперь можемъ только *подражать* нашей древности, какъ напр. въ болѣе отдаленную эпоху подражали византійцамъ, какъ въ XVII столѣтіи подражали полякамъ, а съ Петра голландцамъ, нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ, надѣвая ихъ кафтаны и заимствуя ихъ образъ жизни. Наше теперешнее обращеніе къ народности есть только новый видъ нашей подражательности и новый фазисъ развитія той стороны нашихъ общественныхъ идей, которую обыкновенно обозначаютъ славянофильствомъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, какъ уже и говорили, и напротивъ глубоко вѣруемъ, что по этому пути мы несравненно ближе ознакомимся съ непосредственными коренными основами нашего

быта во всѣхъ отношеніяхъ, что глубже вникнемъ въ загадочный смыслъ нашей нравственной, умственной и общественной самобытности, подробнѣе осмотримъ всѣ уголки нашей крестьянской избы, съ цѣлію открыть что либо поучительное, назидательное и *наказательное* для нашего общественнаго устройства. Что будетъ дальше — неизвѣстно, ибо неизвѣстно, какъ долго продолжится господство новаго направленія и не встрѣтитъ ли оно какого нибудь еще новѣйшаго сопротивника. Можно однакожь быть увѣрену, что отъ возстановленія нашей старины, когда дойдетъ до дѣла, одумавшись и узнавши ее получше, мы сами откажемся, ибо приладить ее къ нашимъ теперешнимъ общественнымъ, нравственнымъ и умственнымъ требованіямъ даже невозможно. Слишкомъ она наивна и простодушна, слишкомъ молода для нашего огорченнаго ума и нрава. Если мы когда либо побесѣдуемъ съ нею подольше, поразсмотримъ ее попристальнѣе, то легко увидимъ, что она была опекунша по призванію, ничуть не хуже, если еще не лучше нашихъ нѣмецкихъ опекуновъ и попечителей.

Отыскивая всюду, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, свѣтлыхъ точекъ самостоятельности, мы съ особенною любовью останавливаемся на нѣкоторыхъ *именахъ* самостоятельности, самоуправленія, саморазвитія свободныхъ и независимыхъ отношеній и положеній старой жизни; мы очень рады, что исканіе нашей самостоятельности имѣетъ историческую основу, имѣетъ корни; по легкости, съ какою мы и въ дѣйствительности относимся къ своей самостоятельности, мы удовлетворяемся одними этими *именами* и нетолько не вникаемъ, какъ слѣдуетъ, во всѣ обстоятельства дѣла, но даже не позволяемъ напоминать объ этихъ обстоятельствахъ и тотчасъ готовы объяснять такое напоминаніе вовсе не научными а какими либо другими цѣлями. По свойству нашей исторической изслѣдовательности, каждый историческій фактъ,

[illegible] что [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] отъ его историческій [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] безтѣнорнить, и [illegible] [illegible] [illegible]

дурно, можно оцѣнить по достоинству только въ такомъ случаѣ, если узнаемъ каково жить среди этого устройства отдѣльному лицу, малому и большому, а особенно маленькому. Намъ кажется, что въ этомъ вся задача, когда мы разсуждаемъ о какихъ бы то нибыло преимуществахъ одной эпохи передъ другою, или одного народнаго устройства передъ другимъ. Между тѣмъ этого-то базиса въ подобныхъ разсужденіяхъ никогда и не примѣчаютъ и отдѣлываются обыкновенно общими мѣстами разныхъ восхваленій или порицаній только одной внѣшней, кажущейся стороны устройства. Мы уже достаточно искусились въ томъ, что внѣшній порядокъ нисколько не обозначаетъ, что таковъ же порядокъ и внутри, такъ какъ и всякая внѣшняя форма свободы нисколько не обнаруживаетъ какова эта свобода внутри. Притомъ всегда надо различать *степную* свободу отъ свободы *гражданской*, свободу толпы, цѣлаго стада, отъ свободы лица, каждой единицы. Такъ и у насъ въ исторіи, напр. старое наше вѣче было свободно, неизмѣримо свободнѣе земскаго собора, но такъ же ли было свободно тогда лице, каждое лице, которое такъ свободно кричало и шумѣло на вѣчахъ? Не было ли еще сильнѣйшей опеки надъ его дѣйствіями, мыслями, понятіями? Въ этомъ весь вопросъ. Единичному лицу рѣшительно все равно, кто бы его ни преслѣдовалъ своею опекою, народная ли шумная толпа вѣча, которая кидаетъ его въ Волховъ за то, что она иначе вѣруетъ или понимаетъ вещи, или полицейское ежеминутное вмѣшательство въ его дѣла, слова, мысли, опекунскій надсмотръ или надзоръ за его поведеніемъ. Оно чувствуетъ только, что ему тѣсно, горько, больно. А если оно этого не чувствуетъ, то-есть сознательно не примѣчаетъ, какъ и было въ нашей древности, то еще хуже: значитъ, его развитіе еще покоится въ пеленкахъ первобытной стадности. Если оно молчитъ и безсмысленно посматриваетъ на все про-

исходящее вокругъ его, уступая на каждомъ шагу не только крупному, но даже и всякому мелкому насилію, если оно не умѣетъ даже отъ собственнаго лица протестовать противъ такого насилія или стойко защищать себя, а ожидаетъ, когда подымется все стадо, то какъ же не замѣтить въ немъ преобладающихъ началъ стадности и совершенное отсутствіе началъ общественности, гражданственности? Сознающая себя личность никогда не позволитъ себѣ равнодушно относиться даже къ чужому насилію, а всегда, не дожидаясь помощи стада, тотчасъ заявитъ свое негодованіе по этому случаю. Она стойко и безъ малѣйшихъ сдѣлокъ и уступокъ противится всему тому, что стѣсняетъ существованіе и съ тою же стойкостью охраняетъ то устройство, которое сколько нибудь защищаетъ ея права и требованія. Стадо стóитъ разогнать— и дѣлу конецъ, ибо сила стадности не въ отдѣльныхъ единицахъ, а исключительно только въ ихъ совокупности. Сила гражданскаго человѣческаго общества не въ толпѣ, а въ стойкости каждаго отдѣльнаго лица. Оно исключительно сильно одною силою, силою и могуществомъ развитія человѣческой личности. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія иная свободная форма жизни, если будетъ хорошо разслѣдована, обнаружитъ только дѣйствіе первобытныхъ стадныхъ началъ жизни, а вовсе не движеніе и не развитіе гражданской свободы.

Мы замѣтили, что различіе славянофильства отъ западничества состоитъ въ томъ, что одно смотритъ въ прошедшее, другое въ будущее. Западничество полагаетъ цѣлью общественнаго и государственнаго развитія не какую либо народную форму, а человѣческую личность, полную и всестороннюю ея свободу, свободу умственную, нравственную, матеріальную или экономическую. Оно убѣждено, что форма общественнаго устройства есть вещь преходящая, изнашивающаяся, вѣчно измѣняющаяся, что сущность слѣд. не въ формѣ, или нарядѣ.

По его мнѣнію, нарядъ долженъ доставлять только удобство, не стѣснять свободныхъ движеній, защищать отъ непогодъ. Для него все равно, тотъ или другой нарядъ будетъ господствовать въ обществѣ, лишь бы онъ сохранялъ существенное свое условіе, то есть былъ бы свободенъ, способствовалъ здоровому и свободному развитію каждаго изъ его членовъ. Разумная и здоровая свобода личности — вотъ существенная и прямая его цѣль, предъ которою меркнетъ особенное значеніе формы и сохраняется только прикладное, наиболѣе практическое ея значеніе. Оттого западничество мало дорожитъ прошлымъ. Оно ничего тамъ не ищетъ, ибо смотритъ на него какъ на старый дѣдовскій гардеробъ, въ которомъ ничего не выберешь пригоднаго для современной нужды и потребности, но на столько однакожь цѣнитъ дѣдовскія археологическія достопамятности, что не осмѣливается перешивать и перекраивать ихъ для собственнаго употребленія, вполнѣ сознавая, что современность не такъ бѣдна, и не въ такой еще нуждѣ, чтобъ была необходимость прибѣгать къ такимъ заимствованіямъ.

Западничество, — и въ томъ коренное его различіе отъ славянофильства, — несравненно больше вѣритъ въ собственное богатство, въ собственную способность добыть и нажить еще больше, чѣмъ оставили ему дѣды. Оно вовсе не считаетъ себя такимъ наслѣдникомъ, который только и достоинъ тѣмъ, что происходитъ отъ великихъ чѣмъ либо предковъ, который неспособенъ и нравственно и матеріально увеличить отцовское наслѣдство, а способенъ проживать и переживать только то, что нашелъ или еще найдетъ въ отцовскихъ сундукахъ. Такая мысль отравляетъ его существованіе. Оно хочетъ быть самостоятельнымъ и имѣть независимое положеніе не богатствами, значеніемъ и существовавшимъ когда-то независимымъ положеніемъ отца, а собственными достоинствами развитія и пріобрѣтенныхъ талантовъ. Оно хочетъ стоять на

собственныхъ интересъ, свѣтить собственнымъ свѣтомъ, въ чемъ и душа его найдетъ удовлетворительность, нисколько не отличаясь ее въ нашей либо своеобразности отличныхъ обычаевъ и выдающихъ желаній. Въ этомъ смыслѣ можно понимать и такъ называемый консервативный индивидуализмъ, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ и который отыскивъ въ почвѣ сопротивленіе.

Какъ мы говорили, оно, бывшее своимъ вновь и чужой ставитъ развитіе и освобожденіе личности по законамъ развитія общечеловѣческаго, а не мѣстнаго и временнаго, принадлежащаго извѣстной исторіи и извѣстнымъ сочетаніямъ обстоятельствъ, которое поэтому никогда не въ силахъ удовлетворительно отвѣтить на такія требованія. Отсюда и вытекаетъ его стремленіе опредѣлить общую форму развитія, его сочувствіе ко всему тому, что бьется ему съ этой точки хорошимъ и пригоднымъ, гдѣ бы оно ни появлялось, хотя бы у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенное равнодушіе къ тому родному, въ которомъ съ той же точки зрѣнія не видно ничего пригоднаго для главной цѣли. Понятно, послѣ этого, почему и всѣ мы (внутри больше или меньше все-таки западники), больше интересовались судьбою міра, чѣмъ собственною судьбою, отъ души радовались движенію общечеловѣческихъ идей и печалились, какъ скоро эти идеи были тормазимы противоборствующими элементами. Нельзя не сознаться, что въ нашихъ понятіяхъ и представленіяхъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, наша собственная судьба, по милости той же петровской реформы, такъ сплелась съ общею судьбою граждански-развитаго и образованнаго человѣчества, что намъ, еслибъ мы того и желали, теперь ужь нельзя оторваться отъ общаго потока. Мы осуждены давно уже и задолго до Петра жить такъ, какъ живетъ Европа, а не такъ, какъ жили наши предки. Можетъ

быть, и даже навѣрное, намъ придется перенести еще много неудобствъ на этомъ пути, но чтожъ мы станемъ дѣлать, какимъ способомъ разовьемъ свои родныя коренныя начала при этомъ напорѣ европейскихъ идей и жизненныхъ положеній, которыя не замедлятъ измѣнить и постоянно уже измѣняютъ наши стародавніе обычаи даже и тамъ, гдѣ, казалось, всего святѣе они должны были сохраняться. Вообще западничество ищетъ самостоятельности и свободы единственно только въ плодахъ общечеловѣческаго развитія и точкою опоры ставитъ независимую личность, освобожденную отъ всякихъ историческихъ мозолей. Въ этомъ отношеніи оно влечется направленіемъ, которое вызвано къ жизненной дѣятельности Петромъ, самымъ жестокимъ и безпощаднымъ западникомъ.

Славянофильство, нисколько не оспоривая великаго значенія общечеловѣческихъ элементовъ развитія, ограничиваетъ это значеніе сопоставленіемъ тѣмъ элементамъ въ параллель нашихъ самобытныхъ началъ жизни, которыя по его представленіямъ не менѣе, если еще не болѣе велики и плодотворны. Оно точкою опоры ставитъ самобытность или оригинальность, своеобразность развитія, и потому въ западничествѣ почти ничего болѣе не видитъ, какъ страсть подражательности, грѣхъ безпутнаго заимствованія. Не безъ нѣкотораго тщеславія оно указываетъ, хотя и недостаточно ясно раскрываетъ, наши родныя самобытныя начала общественнаго устройства и самобытныя силы индивидуальнаго существованія. Такъ какъ мѣриломъ величія этихъ началъ и силъ служитъ все-таки западное развитіе, какъ мы уже говорили, то славянофильство въ своей параллели русской жизни съ западною ничего не хочетъ опустить, не хочетъ оставить ни одного пробѣла. Очевидно, что въ иныхъ случаяхъ оно по необходимости становится на ходули и приходитъ къ такимъ выводамъ и заключеніямъ, въ которыхъ крѣпко усомнится не только

[illegible] заваличнъ, но и вообще [illegible] [illegible] тѣмъ болѣе, что [illegible] [illegible] [illegible]

Таковы, если мы не ошибаемся, въ главныхъ чертахъ свойства двухъ взглядовъ на нашу старину и на современный бытъ, которые руководятъ теперешнею публицистикою и обработкою нашего историческаго матеріала. Они во многомъ видоизмѣняются, образуютъ различные *толки* и *согласія*, но зиждительная сила каждаго остается одна. Одинъ лучшіе свои идеалы полагаетъ въ общественныхъ и нравственныхъ образахъ нашего прошедшаго, единственно въ русскихъ или вообще въ славянскихъ началахъ жизни, которые вездѣ искажаются только чуждымъ вліяніемъ и которые слѣдуетъ возстановить, чтобы доказать міру великій смыслъ славянскихъ элементовъ и для общечеловѣческаго развитія. Другой тѣ же идеалы ставитъ въ будущемъ и точно также убѣжденъ, что они вездѣ искажаются враждебными исторически-нажитыми вліяніями, которыя слѣдуетъ разлагать силою общечеловѣческихъ идей. Несмотря на то, оба направленія по существу своихъ стремленій сходны, ибо желаютъ одного — самостоятельныхъ и независимыхъ началъ и для личнаго и для общественнаго устройства, исходятъ изъ одной и той же самостоятельной идеи вѣка. Въ крайностяхъ, конечно, и то и другое всегда доходятъ до нелѣпаго. Въ такихъ случаяхъ одно утверждаетъ, что во всемъ *русскомъ* все худо, безобразно, дико и т. д.; другое настаиваетъ, что все русское—красота, широта, высота.

Выше мы указали причины, почему въ настоящую минуту, частію въ публицистикѣ, а главнымъ образомъ въ изученіи и обработкѣ роднаго историческаго матеріала, преобладаетъ народное или славянофильствующее направленіе. Такъ какъ каждая идея работаетъ въ обществѣ двумя путями, путемъ отрицанія и путемъ положенія, и такъ какъ первый путь, особенно въ началѣ дѣла, всегда арче и чувствительнѣе обозначаетъ движеніе идеи, то и народная идея въ своихъ проявленіяхъ вначалѣ подчиняется этому неизмѣнному естественному

закону своего жизненнаго вліянія. Работая отрицаніемъ, она выразилась въ особенномъ сочувствіи къ тѣмъ фактамъ, событіямъ и личностямъ минувшаго, въ которыхъ находила ту же родственную себѣ силу отрицанія. Все отрицавшее и протестовавшее когда либо стало приниматься съ необыкновеннымъ любопытствомъ и сердечнымъ одобреніемъ и подверглось самой внимательной и подробной изслѣдовательности. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и его дѣло, старообрядство и расколъ, Арсеній Мацѣевичъ съ своими дѣлами и т. д. сдѣлались чуть не самыми насущными вопросами изслѣдовательности. Личность Петра, во всемъ виноватая съ этой точки зрѣнія, была обличена самымъ старательнымъ и желчнымъ образомъ. И, Боже мой! въ чемъ его не обличали! На-ряду съ справедливыми обличеніями, его обвиняли даже въ томъ, что онъ не имѣлъ теперешнихъ свѣтскихъ приличій, или въ томъ, что, запретивши монахамъ, которые распространяли въ народѣ словомъ и письмомъ проповѣдь о явленіи въ его лицѣ антихриста, что запретивши по этому поводу монахамъ держать въ кельяхъ чернила и перья, онъ будто бы парализовалъ просвѣтительное вліяніе духовенства на народъ, и т. п. И это говорилъ уже не простой присяжный обличитель и обвинитель, а одинъ изъ уважаемыхъ духовныхъ журналовъ. Такъ велика сила современныхъ ходячихъ понятій и представленій о томъ, что мы были когда-то очень самостоятельны и что единственный виновникъ во всей, теперь раскрывающейся, нашей несостоятельности — Петръ. Вообще протестующая самостоятельная идея привлекала особенное вниманіе розысканій къ каждому памятнику, въ которомъ встрѣчала сколько нибудь самостоятельный, независимый голосъ или самостоятельное отношеніе жизни. Даже ученые сборники матеріаловъ наполняются именно такими памятниками, въ-ущербъ тѣмъ, какъ требовались бы положительными стремленіями науки.

По его мнѣнію, нарядъ долженъ доставлять только удобство, не стѣснять свободныхъ движеній, защищать отъ непогодъ. Для него все равно, тотъ или другой нарядъ будетъ господствовать въ обществѣ, лишь бы онъ сохранялъ существенное свое условіе, то есть былъ бы свободенъ, способствовалъ здоровому и свободному развитію каждаго изъ его членовъ. Разумная и здоровая свобода личности — вотъ существенная и прямая его цѣль, предъ которою меркнетъ особенное значеніе формы и сохраняется только прикладное, наиболѣе практическое ея значеніе. Оттого западничество мало дорожитъ прошлымъ. Оно ничего тамъ не ищетъ, ибо смотритъ на него какъ на старый дѣдовскій гардеробъ, въ которомъ ничего не выберешь пригоднаго для современной нужды и потребности, но на столько однакожъ цѣнитъ дѣдовскія археологическія достопамятности, что не осмѣливается перешивать и перекраивать ихъ для собственнаго употребленія, вполнѣ сознавая, что современность не такъ бѣдна, и не въ такой еще нуждѣ, чтобъ была необходимость прибѣгать къ такимъ заимствованіямъ.

Западничество, — и въ томъ коренное его различіе отъ славянофильства, — несравненно больше вѣритъ въ собственное богатство, въ собственную способность добыть и нажить еще больше, чѣмъ оставили ему дѣды. Оно вовсе не считаетъ себя такимъ наслѣдникомъ, который только и достоинъ тѣмъ, что происходитъ отъ великихъ чѣмъ либо предковъ, который неспособенъ и нравственно и матеріально увеличить отцовское наслѣдство, а способенъ проживать и переживать только то, что нашелъ или еще найдетъ въ отцовскихъ сундукахъ. Такая мысль отравляетъ его существованіе. Оно хочетъ быть самостоятельнымъ и имѣть независимое положеніе не богатствами, значеніемъ и существовавшимъ когда-то независимымъ положеніемъ отца, а собственными достоинствами развитія и пріобрѣтенныхъ талантовъ. Оно хочетъ стоять на

собственныхъ ногахъ, свѣтить собственнымъ свѣтомъ, въ чемъ и думаетъ найдти самостоятельность, нисколько не отыскивая ее въ какой либо своеобразности отцовскихъ обычаевъ и жизненныхъ положеній. Въ этомъ смыслѣ должно понимать и такъ называемый космополитизмъ западничества, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ и который отысканъ въ немъ сопротивниками.

Какъ мы говорили, оно, базисомъ своихъ надеждъ и чаяній ставитъ развитіе и освобожденіе личности по законамъ развитія общечеловѣческаго, а не мѣстнаго и временнаго, принадлежащаго извѣстной исторіи и извѣстнымъ сочетаніямъ обстоятельствъ, которое поэтому никогда не въ силахъ удовлетворительно отвѣтить на такія требованія. Отсюда и вытекаетъ его стремленіе опредѣлить общую норму развитія, его сочувствіе ко всему тому, что кажется ему съ этой точки хорошимъ и пригоднымъ, гдѣ бы оно ни появлялось, хотя бы у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенное равнодушіе къ тому родному, въ которомъ съ той же точки зрѣнія не видно ничего пригоднаго для главной цѣли. Понятно, послѣ этого, почему и всѣ мы (внутри больше или меньше все-таки западники), больше интересовались судьбою міра, чѣмъ собственною судьбою, отъ души радовались движенію общечеловѣческихъ идей и печалились, какъ скоро эти идеи были тормазимы противоборствующими элементами. Нельзя не сознаться, что въ нашихъ понятіяхъ и представленіяхъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, наша собственная судьба, по милости той же петровской реформы, такъ сплелась съ общею судьбою граждански-развитаго и образованнаго человѣчества, что намъ, еслибъ мы того и желали, теперь ужь нельзя оторваться отъ общаго потока. Мы осуждены давно уже и задолго до Петра жить такъ, какъ живетъ Европа, а не такъ, какъ жили наши предки. Можетъ

быть, и даже навѣрное, намъ придется перенести еще много неудобствъ на этомъ пути, но чтожъ мы станемъ дѣлать, какимъ способомъ разовьемъ свои родныя коренныя начала при этомъ напорѣ европейскихъ идей и жизненныхъ положеній, которыя не замедлятъ измѣнить и постоянно уже измѣняютъ наши стародавніе обычаи даже и тамъ, гдѣ, казалось, всего святѣе они должны были сохраняться. Вообще западничество ищетъ самостоятельности и свободы единственно только въ плодахъ общечеловѣческаго развитія и точкою опоры ставитъ независимую личность, освобожденную отъ всякихъ историческихъ мозолей. Въ этомъ отношеніи оно влечется направленіемъ, которое вызвано къ жизненной дѣятельности Петромъ, самымъ жестокимъ и безпощаднымъ западникомъ.

Славянофильство, нисколько не оспоривая великаго значенія общечеловѣческихъ элементовъ развитія, ограничиваетъ это значеніе сопоставленіемъ тѣмъ элементамъ въ параллель нашихъ самобытныхъ началъ жизни, которыя по его представленіямъ не менѣе, если еще не болѣе велики и плодотворны. Оно точкою опоры ставитъ самобытность или оригинальность, своеобразность развитія, и потому въ западничествѣ почти ничего болѣе не видитъ, какъ страсть подражательности, грѣхъ безпутнаго заимствованія. Не безъ нѣкотораго тщеславія оно указываетъ, хотя и недостаточно ясно раскрываетъ, наши родныя самобытныя начала общественнаго устройства и самобытныя силы индивидуальнаго существованія. Такъ какъ мѣриломъ величія этихъ началъ и силъ служитъ все-таки западное развитіе, какъ мы уже говорили, то славянофильство въ своей параллели русской жизни съ западною ничего не хочетъ опустить, не хочетъ оставить ни одного пробѣла. Очевидно, что въ иныхъ случаяхъ оно по необходимости становится на ходули и приходитъ къ такимъ выводамъ и заключеніямъ, въ которыхъ крѣпко усомнится не только

западникъ, но и всякій здравомыслящій человѣкъ, тѣмъ болѣе, что такія заключенія рѣдко подтверждаются фактическимъ матеріаломъ и носятъ характеръ какихъ-то аксіомъ, которыхъ нѣтъ надобности и подтверждать матеріальными доказательствами.

Исторія, какъ самое эластическое вещество, служитъ въ такихъ случаяхъ только подтвержденіемъ готовыхъ идей, предвзятыхъ или возникшихъ изъ проводимой параллели западнаго съ русскимъ или, вѣрнѣе сказать, изъ отрицанія достоинствъ запада въ пользу достоинствъ русскихъ. Оно иначе и быть не можетъ, потому что сущность славянофильства заключается въ исканіи именно такой самостоятельности и самобытности, которая должна непремѣнно превзойдти западную. На западѣ, напр., есть право—слѣдовательно внѣшняя правда; у насъ внутренняя правда—любовь; тамъ демократизмъ, у насъ тоже любовь и братство и т. д., такъ что въ концѣ концовъ въ его воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ есть одни только чисто-религіозныя, православныя представленія, которыя, разумѣется, всегда были и будутъ истинными. Это дѣйствительные и самые важнѣйшіе корни нашего развитія, но въ какой мѣрѣ ими можно объяснять юридическія и общественныя основы русской жизни, этого ясно и опредѣленно до сихъ поръ славянофильство еще не высказало.

Славянофильство убѣждено, что только западничество, разумѣется, въ общемъ смыслѣ, только одно западничество и служитъ помѣхою нашему чисто-народному русскому развитію. Снимите съ насъ это ярмо — и дѣло пойдетъ какъ по маслу. Напирая такимъ образомъ на одинъ этотъ пунктъ, оно вовсе не примѣчаетъ, что служитъ само однимъ только отрицаніемъ западничества. Тѣмъ въ дѣйствительности оно и является, приписывая исключительно одному западничеству весь грѣхъ современной неправды и современнаго неустройства.

Таковы, если мы не ошибаемся, въ главныхъ чертахъ свойства двухъ взглядовъ на нашу старину и на современный бытъ, которые руководятъ теперешнею публицистикою и обработкою нашего историческаго матеріала. Они во многомъ видоизмѣняются, образуютъ различные *толки* и *согласія*, но зиждительная сила каждаго остается одна. Одинъ лучшіе свои идеалы полагаетъ въ общественныхъ и нравственныхъ образахъ нашего прошедшаго, единственно въ русскихъ или вообще въ славянскихъ началахъ жизни, которые вездѣ искажаются только чуждымъ вліяніемъ и которые слѣдуетъ возстановить, чтобы доказать міру великій смыслъ славянскихъ элементовъ и для общечеловѣческаго развитія. Другой тѣ же идеалы ставитъ въ будущемъ и точно также убѣжденъ, что они вездѣ искажаются враждебными исторически-нажитыми вліяніями, которыя слѣдуетъ разлагать силою общечеловѣческихъ идей. Несмотря на то, оба направленія по существу своихъ стремленій сходны, ибо желаютъ одного — самостоятельныхъ и независимыхъ началъ и для личнаго и для общественнаго устройства, исходятъ изъ одной и той же самостоятельной идеи вѣка. Въ крайностяхъ, конечно, и то и другое всегда доходятъ до нелѣпаго. Въ такихъ случаяхъ одно утверждаетъ, что во всемъ *русскомъ* все худо, безобразно, дико и т. д.; другое настаиваетъ, что все русское—красота, широта, высота.

Выше мы указали причины, почему въ настоящую минуту, частію въ публицистикѣ, а главнымъ образомъ въ изученіи и обработкѣ роднаго историческаго матеріала, преобладаетъ народное или славянофильствующее направленіе. Такъ какъ каждая идея работаетъ въ обществѣ двумя путями, путемъ отрицанія и путемъ положенія, и такъ какъ первый путь, особенно въ началѣ дѣла, всегда ярче и чувствительнѣе обозначаетъ движеніе идеи, то и народная идея въ своихъ проявленіяхъ вполнѣ подчиняется этому неизмѣнному естественному

закону своего жизненного влияния. Работа отрицанія, она выразилась въ особенномъ сочувствіи къ тѣмъ фактамъ, событіямъ и личностямъ минувшаго, въ которыхъ находила ту же родственную себѣ силу отрицанія. Все отрицавшее и протестовавшее когда либо стало привлекаться съ необыкновеннымъ любопытствомъ и сердечнымъ одобреніемъ и подвергалось самой внимательной и подробной изслѣдовательности. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и его дѣло, старообрядство и расколъ, Арсеній Мацѣевичъ съ своими дѣлами и т. д. сдѣлались чуть не самыми насущными вопросами изслѣдовательности. Личность Петра, во всемъ виноватая съ этой точки зрѣнія, была обличена самымъ старательнымъ и желчнымъ образомъ. И, Боже мой! въ чемъ его не обличали! На-ряду съ справедливыми обличеніями, его обвиняли даже въ томъ, что онъ не имѣлъ теперешнихъ свѣтскихъ приличій, или въ томъ, что, запретивши монахамъ, которые распространяли въ народѣ словомъ и письмомъ проповѣдь о явленіи въ его лицѣ антихриста, что запретивши по этому поводу монахамъ держать въ кельяхъ чернила и перья, онъ будто бы парализовалъ просвѣтительное вліяніе духовенства на народъ, и т. п. И это говорилъ уже не простой присяжный обличитель и обвинитель, а одинъ изъ уважаемыхъ духовныхъ журналовъ. Такъ велика сила современныхъ ходячихъ понятій и представленій о томъ, что мы были когда-то очень самостоятельны и что единственный виновникъ во всей, теперь раскрывающейся, нашей несостоятельности — Петръ. Вообще протестующая самостоятельная идея привлекала особенное вниманіе розысканій къ каждому памятнику, въ которомъ встрѣчала сколько нибудь самостоятельный, независимый голосъ или самостоятельное отношеніе жизни. Даже ученые сборники матеріаловъ наполняются именно такими памятниками, въ-ущербъ тѣмъ, какіе требовались бы положительными стремленіями науки.

Главная и несомнительная заслуга этого протестолюбиваго направленія заключается въ томъ, что его розыскательностію вынесено изъ архивной таинственности очень много въ высшей степени интересныхъ и важныхъ матеріаловъ, объ изданіи которыхъ нашимъ предшественникамъ позволялось только мечтать. Издаваемые, въ иныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ только модной потребности, они, конечно, далеко не вполнѣ удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ. Вслѣдствіе поспѣшности, торопливости, небрежности, а можетъ быть и малаго знакомства съ условіями подобной работы, нѣкоторые изъ нихъ изданы съ значительными погрѣшностями, даже въ простомъ чтеніи текста, такъ что современемъ все-таки необходимо будетъ свѣрить ихъ съ оригиналами. Но все это искупается однимъ уже появленіемъ ихъ въ свѣтъ. Надо радоваться и этому одному обстоятельству, ибо неизвѣстно, когда мы дождемся хорошаго систематическаго и вполнѣ научнаго изданія подобныхъ матеріаловъ. Будемъ благодарны и за то, чѣмъ по крайней мѣрѣ безъ архивныхъ затрудненій можемъ пользоваться. Радость наша не будетъ напрасна еще и въ томъ смыслѣ, что до сихъ поръ есть многіе умы, которые не выносятъ еще свѣта исторіи, свѣта исторической правды и робѣютъ предъ каждою рѣзкою по ихъ понятіямъ фразою такихъ матеріаловъ или предъ рѣзкимъ и яркимъ обличительнымъ свидѣтельствомъ старины, думая, что отъ этого потрясутся всѣ основанія общественной нравственности и благочестія. Это-то старческое заблужденіе и удерживало до сихъ поръ подъ спудомъ всякій исторически-важный, но сколько нибудь рѣзкій документъ, и тѣмъ самымъ распространяло въ обществѣ самыя вздорныя и нелѣпыя представленія и понятія и о событіяхъ, и о личностяхъ нашей исторіи, понятія, которыя всегда почти видѣли въ худомъ свѣтѣ то, что въ сущности никакъ не было худымъ, и что, разоблачившись, дѣйствитель-

[illegible]

Действительно положительною стороною идеи народности является на первый планъ изученіе народнаго быта во всѣхъ его явленіяхъ и положеніяхъ, изученіе так-называемой культуры, разъясненіе которой особенно много и даже больше всего способствуютъ современныя историко-литературныя и филологическіе труды, открывшіе и объяснившіе столько любопытныхъ и ценныхъ памятниковъ народной старины. Въ этихъ трудахъ собственно идея народности пріобрѣтаетъ свой положительный смыслъ и свое истинное значеніе, и въ нихъ же лежитъ основаніе вполнѣ критической и вполнѣ вѣрной обработки исторіи нашей народности. Конечно, въ иныхъ случаяхъ и здѣсь протестолюбивая и отрицающая сторона идеи являетъ также свою силу; но односторонное дѣйствіе этой силы здѣсь вполнѣ выкупается строгостью и основательностью метода, который всегда довольно рѣзко отдѣляетъ мимохожую модную мысль отъ положеній и заключеній самой науки.

Напротивъ того, разработка исторіи юридическаго и экономическаго народнаго быта страдаетъ именно совершеннымъ отсутствіемъ такого метода, вслѣдствіе чего этотъ отдѣлъ исторіи народности подчиняется всѣмъ вѣтрамъ теперешней публицистики, и доставляетъ только болѣе или менѣе эластическій матеріалъ, который вытягивается и натягивается какъ кому угодно. Въ самомъ дѣлѣ, при теперешнемъ оживленномъ

интересѣ къ крестьянскому быту, при неумолкаемыхъ исканіяхъ и восхваленіяхъ коренныхъ, чисто-русскихъ началъ общественнаго развитія, казалось бы, можно ожидать самыхъ внимательныхъ и подробныхъ, а главное, критическихъ изслѣдованій напр., о древнихъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ крестьянскаго быта, въ которыхъ всегда покоятся эти корни-начала.

Взамѣнъ того мы получаемъ утопіи о круговой порукѣ, о стародавней полноправности крестьянъ, объ общинномъ или вѣчевомъ устройствѣ, объ общинномъ владѣніи, о самостоятельной федераціи земель и т. д., которыя являются не съ цѣлію раскрыть дѣйствительныя и положительныя общественныя силы нашей древности со всею полнотою ихъ жизненнаго проявленія, а главнымъ образомъ съ цѣлію доказать, что во всемъ виновата Москва съ ея централизаціею, такъ что наибольшая часть такихъ трудовъ представляетъ въ сущности изслѣдовательность протестующую, а не испытующую, принадлежитъ больше къ сферѣ публицистики, чѣмъ къ сферѣ ученыхъ изысканій и наблюденій, за которыя большею частью выдается. Оттого эта изслѣдовательность ни до чего положительнаго еще не договорилась, и въ то время, какъ историко-филологическая школа прямо и положительно указываетъ намъ, *что именно было* въ древнѣйшихъ стихіяхъ нашей народности, историко-публицистическая школа результатъ своихъ сказаній, напр. о до-московскомъ нашемъ федеративномъ или удѣльновѣчевомъ устройствѣ, сводитъ почти къ слѣдующему положенію: «*что-то* хотѣло выйдти и не вышло; *что-то* готовилось и не додѣлалось!» какъ весьма характеристично опредѣляютъ удѣльно-вѣчевую эпоху ея же изслѣдователи. Такимъ образомъ съ этой стороны мы, какъ и прежде, остаемся при одномъ только заманчивомъ *что-то, что-то* было!

МАТЕМАТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ИСТОРІИ.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи М. Погодина. Томъ V. Періодъ удѣльный. Москва, 1857 г.

Пятый томъ «Изслѣдованій» г. Погодина, вмѣстѣ съ IV, VI и VII-мъ, которые вышли прежде, заключаетъ въ себѣ разработку одного только удѣльнаго періода. Авторъ намѣревается выдать еще два тома о томъ же періодѣ, и представить такимъ образомъ вниманію ученыхъ *основаніе* его *древней Русской Исторіи*, которая явится вслѣдъ за «Изслѣдованіями». Всѣ конечно съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ будутъ ожидать этой исторіи, какъ результата долголѣтнихъ, почтенныхъ трудовъ, наконецъ какъ новаго и твердаго слова, которое изобразитъ намъ наше прошедшее во всей его истинѣ, безъ увлеченій въ ту или другую сторону, безъ умствованій и высшихъ взглядовъ, которые до сихъ поръ, по убѣжденію автора, только искажаютъ истинный ликъ нашихъ предковъ. Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ, и тѣмъ временемъ будемъ изучать заготовляемыя авторомъ основанія его Исторіи, то-есть его Изслѣдованія, пятый томъ которыхъ передъ нами. Само собою разумѣется, что подобные, основные труды являются не съ тою цѣлью, чтобы доставить занимательное

чтеніе для публики. Такіе труды почти всегда носятъ на себѣ яркій отпечатокъ черновой работы, неизбѣжную шероховатость и угловатость и вообще всѣ невыгодныя качества только что начатаго дѣла. Спеціалистъ, мастеръ, оцѣнитъ съ полнымъ уваженіемъ и участіемъ искусство и прочность заготовленнаго, тотчасъ увидитъ его достоинства и недостатки, приметъ съ восторгомъ даже грубыя, какъ говорятъ, неотесанныя формы, сознавая, что онѣ послужатъ еще къ большей прочности и красотѣ цѣлаго. Но большинство, разумѣется, потребуетъ (и съ своей стороны справедливо) вещей оконченныхъ и потому пройдетъ черновой трудъ безъ всякаго вниманія и пониманія, безъ малѣйшаго участія. Кто призванъ дѣйствительно дать основаніе наукѣ, поставить краеугольные ея камни, для того конечно судъ большинства не будетъ имѣть никакого значенія. Онъ спокойно будетъ встрѣчать и ту холодность, съ какою принимаетъ большинство его собственные труды, и тотъ незаслуженный восторгъ, съ какимъ это, не рѣдко легковѣрное и легкомысленное большинство принимаетъ вещи слегка, поверхностно оконченныя. Спокойствіе, какъ извѣстно, всегда служитъ самымъ очевиднымъ признакомъ сознающей себя силы; а сознаніе собственной силы, сознаніе того, что я дѣлаю прочное дѣло, что я кладу тѣ неуклюжіе, но твердые камни, которые, хотя и будутъ скрыты глубоко въ землѣ, но составятъ основаніе будущему зданію, — такое только сознаніе и можетъ двигать человѣка на упорный, медленный и неблагодарный, черновой первичный трудъ, настоящая, истинная оцѣнка котораго большею частію лежитъ въ будущемъ, когда выстроится все зданіе. Современное большинство не признаетъ черноваго труда; самыя достоинства его, сокрытыя по естественной необходимости въ грубыхъ формахъ, кажутся весьма часто недостатками, а чужіе недостатки всегда и вездѣ давали и даютъ толпѣ широкій просторъ

разсуждать и исследовать [illegible]
можно [illegible] и [illegible] [illegible]
Да прибавить, что [illegible] [illegible] [illegible]
стороны, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
народного [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
осуждения [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] все-таки [illegible]? [illegible] [illegible] [illegible]
искренно, не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
готовый [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], такой [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] и [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]

Впрочемъ съ такимъ вопросомъ можно зайдти очень далеко. Мы говоримъ только о грустномъ по всей справедливости и неотразимомъ фактѣ, что черновые труды, кротовыя работы не видитъ, не замѣчаетъ и не хочетъ замѣчать современный свѣтъ, что черновые труды предпринимаются и ведутся только людьми, для которыхъ цѣль не увлеченіе за собою современной толпы, а прочность и выгоды будущаго, что сознаніе этой цѣли служитъ для изслѣдователя тѣмъ свѣтозарнымъ библейскимъ облакомъ, которое и указываетъ путь среди унылой пустыни непризнаннаго труда и воодушевляетъ на новые подвиги.

Говорить о важномъ значеніи для науки «Изслѣдованій» г. Погодина значитъ повторять за другими то, что̀ давно уже сказано, и что̀ признано самою наукой. Общія мѣста, въ которыхъ обыкновенно выражаются гуловыя похвалы, не имѣютъ цѣны ни для науки, ни въ глазахъ ученаго, серьёзно смотрящаго на свой трудъ. Онъ скорѣе предпочтетъ указаніе недостатковъ, если бы оно выразилось даже и пристрастно, ибо всегда съумѣетъ найдти въ такомъ указаніи дѣльное, хотя бы и рѣзкое слово, исправляющее его трудъ, и отбросить безъ вниманія все негодное въ этомъ отношеніи. «Найдти истину какую бы то ни было, пріятно, говоритъ г. Погодинъ, — но увидѣть свою ошибку и получить возможность исправить ее, — едва ли не есть пріятнѣе для ученаго, который любитъ искренно свою науку, особенно такую, какъ Отечественная Исторія, и желаетъ ей успѣха болѣе всего.» Кромѣ многихъ другихъ достоинствъ, «Изслѣдованія» г. Погодина имѣютъ то неотъемлемое и полновѣсное достоинство, что они всегда останутся превосходнымъ посредствующимъ источникомъ для изыскателей и въ весьма значительной степени будутъ облегчать разработку источниковъ непосредственныхъ. Къ тому же авторъ въ своихъ розысканіяхъ постоянно стремится дать

изслѣдуемымъ предметамъ новое освѣщеніе, указать новый путь, выѣхать на свѣжую дорогу изъ пробитой колеи, въ которой наука всегда вязнетъ и тѣмъ замедляетъ свое движеніе впередъ. Своротить съ пробитой колеи, хотя бы и на худшую дорогу, все-таки нужна смѣлость, рѣшимость, которая, какъ опытъ найти ближайшій, вѣрный путь, достойна всякаго уваженія. Но важныя ученыя достоинства труда г. Погодина слишкомъ часто затмѣваются излишнею его строгостью и крайнимъ нерасположеніемъ къ другимъ новымъ же попыткамъ найти правильную дорогу, къ попыткамъ, которыя только потому ему и не нравятся, что предпринимаются другими дѣятелями по другую сторону пробитой колеи. Попросту сказать, онъ страшно негодуетъ на всякій опытъ отыскать въ нашей исторической жизни общее начало, ею управлявшее, освѣтить массу фактовъ общею мыслію, однимъ словомъ, найти физіологическіе законы нашего историческаго развитія. Постоянно, и въ предисловіяхъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ среди своихъ розысканій, почтенный авторъ прославляетъ только свой методъ или путь, по которому ведетъ свои «Изслѣдованія», называя его *строгимъ путемъ отчетности, путемъ математическимъ*, единственнымъ, ведущимъ прямо къ цѣли. Это бы еще ничего; но дѣло въ томъ, что методъ этотъ противополагается теоріямъ, системамъ, высшимъ взглядамъ, всегда къ ихъ невыгодѣ и даже въ совершенное ихъ отрицаніе.

Какой же это методъ? «Методъ, употребленный мною, говоритъ г. Погодинъ въ предисловіи къ I т. «Изслѣдованій», стр. 11, смѣю почитать сообразнѣйшимъ съ цѣлію; еще болѣе — думаю, что *только посредствомъ его и можно достигать до заключеній вѣрныхъ и положительныхъ*. Прежде всѣхъ разсужденій, толкованій и высшихъ взглядовъ, должно, по моему мнѣнію, собирать *всѣ мѣста*

изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ, объ извѣстномъ предметѣ, и потомъ уже, имѣя ихъ передъ глазами, дѣлать выводы объ его значеніи и отношеніи, въ какомъ онъ находится къ другимъ смежнымъ предметамъ и вообще ко всей Исторіи, повѣряя свои выводы прочими свѣдѣніями. Работа трудная и кнѣстѣ легкая, за которую можетъ приниматься всякій юноша, *не имѣя даже нужды въ особливыхъ способностяхъ...*» «Методѣ я слѣдую постоянно одной, повторяетъ авторъ въ предисловіи къ IV тому, собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія, сличать ихъ между собою, объяснять, и потомъ уже выводить, *сколько можно математически*, заключеніе объ его сущности и значеніи.» «Никакая теорія, даже самая блистательная, восклицаетъ авторъ въ предисловіи къ VII тому, никакая система даже самая остроумная, непрочны, повторю въ сотый разъ, прежде нежели соберутся, очистятся, провѣрятся, утвердятся *быти, дѣи*.»

Совершенно справедливо. Въ этой истинѣ теперь уже никто не сомнѣвается. Всѣ теперь очень хорошо знаютъ и хорошо понимаютъ, что изъ худокачественнаго матеріала нельзя построить прочнаго зданія, что первое дѣло — заготовить хорошій матеріалъ, собрать, очистить, провѣрить, утвердить *быти, дѣи*. Ктожь теперь въ своихъ изслѣдованіяхъ, сколько-нибудь веденныхъ научно, поступаетъ вопреки этой истинѣ; ктожь при разрѣшеніи своей задачи, не собираетъ, не очищаетъ, не провѣряетъ *бытей, дѣй?* Русская историческая наука, благодаря Шлёцеру, давно уже вышла изъ пеленокъ, какими повивалъ ее напримѣръ отецъ Иннокентій Гизель и К°. Однимъ словомъ, теперь каждый знаетъ, что для разборки и разработки источниковъ необходима критика, высшая и малая, какъ раздѣлялъ ее Шлёцеръ, критика дѣлъ и критика словъ. Впрочемъ г. Погодинъ, главнымъ образомъ, прославляетъ

собственно не критику, а свой методъ, основное положеніе котораго заключается въ томъ, что нужно прежде *собирать всѣ мѣста* изъ источниковъ, собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія и потомъ уже *выводить* заключенія, сколько можно *математически*. «Чѣмъ далѣе я иду по своему пути, говоритъ авторъ, чѣмъ имѣю чаще случаи разсматривать плоды, собираемые на другихъ путяхъ, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что *этотъ путь есть единственный, ведущій прямо къ цѣли*, а прочіе увлекаютъ въ сторону, назадъ, или по крайней мѣрѣ замедляютъ успѣхъ.» Въ томъ-то и весь вопросъ — ведетъ ли этотъ единственный путь прямо къ цѣли? Единственнымъ онъ можетъ называться только потому, что онъ обыкновенный путь, по которому восходятъ вообще къ познанію чего-либо, данъ намъ самою природою и составляетъ естественный и потому неизбѣжный пріемъ ума разсуждающаго, ищущаго истины. По этому пути искони добывалось и добывается всякое знаніе, и слѣдовательно созидаются всѣ теоріи, системы, высшіе взгляды, какъ результаты знанія. Что̀ хотятъ узнать— собираютъ о томъ свидѣтельства, опыты, факты, и по свойству или характеру всей суммы этихъ свидѣтельствъ составляютъ заключеніе, выводъ; сводятъ, однимъ словомъ, частности къ общему, то-есть добываютъ теоретическое, отвлеченное положеніе. Вы пожелали написать о какомъ-либо предметѣ изслѣдованіе, диссертацію — что̀ можетъ быть естественнѣе, обыкновеннѣе, когда вы прежде всего обратитесь къ матеріаламъ, къ изученію источниковъ, и что можетъ быть естественнѣе, обыкновеннѣе, когда изъ груды матеріаловъ, источниковъ вы станете извлекать только то, что именно требуется для разъясненія вашей задачи, вашего предмета? Перечитывая и перебирая источники, вы конечно останавливаетесь съ особымъ вниманіемъ только на тѣхъ мѣстахъ,

которыя прямо или косвенно выясняютъ и обрисовываютъ предметъ вашего изслѣдованія, — вы дѣлаете выписки, внося въ свои тетради, разумѣется, главнѣйшіе, болѣе яркіе факты, мѣста, указанія, и пропуская для облегченія работы множество фактовъ мѣстъ и указаній однородныхъ по содержанію, по качеству. Собранныя такимъ образомъ въ достаточномъ количествѣ данныя по большой части сами собою готовятъ выводъ, подсказываютъ вамъ его, и вамъ остается только выставить его подъ слагаемыми. Вотъ самый обычный и единственный процессъ предварительныхъ работъ по какому-либо изслѣдованію, единственный не потому, что онъ ведетъ будто-бы *прямо* къ цѣли, а потому, что онъ самый естественный, такой, котораго иначе и придумать человѣку невозможно. И вотъ почему всѣ краснорѣчивыя доказательства, всѣ сильныя убѣжденія и толки о необходимости слѣдовать этому пути кажутся совершенно излишними, и тѣмъ еще болѣе, когда этотъ пресловутый путь выдвигаютъ на такое видное мѣсто при разработкѣ источниковъ, что всѣ остальные пріемы изслѣдовательности выставляются какъ-будто никуда негодными и даже вредными, потому-де, что увлекаютъ въ сторону и даже назадъ, и во всякомъ случаѣ замедляютъ успѣхъ науки.

Собираніе фактовъ, заготовка матеріала, какъ дѣло чисто механическое, есть только внѣшняя, матеріальная сторона изслѣдовательныхъ работъ. Человѣкъ не машина, и хотя для собиранія фактовъ *не нужно имѣть особливыхъ способностей*, какъ думаетъ г. Погодинъ, и достаточно одной только механической сноровки, — все-таки мысль возьметъ свое. Механическая работа собиранія все-таки каждую минуту будетъ находиться подъ контролемъ мысли, приводящей частности въ общее, въ единство, безпорядокъ — въ порядокъ... Мысль — вольная птица, свободнѣйшее изъ свободнѣйшихъ существъ на землѣ; она вѣчно въ движеніи, вѣчно торопится,

спѣшитъ дальше и дальше, впередъ и впередъ — вотъ девизъ ея дѣятельности. Мысль не въ силахъ долго ждать и сидѣть подлѣ васъ, сложа руки, пока вы будете копаться въ матеріялахъ, черпать по наперстку изъ вашихъ источниковъ, собирать тамъ и сямъ по крупицѣ. Какъ только вы собрали малую толику, мысль тотчасъ же стремится осмыслить эту малую толику, претворить собранный грубый матеріялъ въ самое себя — въ мысль. И вотъ вы, не успѣвъ еще порядочно освоиться съ матеріяломъ, не успѣвъ набрать требуемое *математическимъ методомъ* достаточное количество *бытей, дѣй,* — пріобрѣтаете уже систему, высшій взглядъ, однимъ словомъ пріобрѣтаете мысль, которая вдругъ выводитъ васъ на Божій свѣтъ, озаряетъ вамъ тяжкій путь исканій и розысканій. И какъ освѣжительно бываетъ это первое, какъ бы весеннее вѣяніе мысли среди черной, скучной, копотливой, безотрадной работы, среди читанья, перечитыванья, выписыванья, сличенья и т. д.; волею неволею вы подчиняетесь этому первому сверкнувшему вамъ лучу, радуетесь ему, какъ ребенокъ, желаете освѣтить этимъ лучомъ всю массу собранныхъ вами фактовъ и даже начинаете при его свѣтѣ новый пересмотръ источниковъ, перевѣрку того, что̀ уже было заготовлено. Но увы! весьма часто такой свѣтъ оказывается недостаточнымъ или, какъ говорятъ, ложнымъ; мало-по-малу онъ гаснетъ, и вы остаетесь еще въ большей темнотѣ среди своихъ матеріяловъ и продолжаете тяжелый трудъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не осмыслится, снова не освѣтится мыслію болѣе свѣтлою, сильною, болѣе, слѣдовательно, вѣрною, истинною. Вотъ какимъ путемъ возникаютъ теоріи, системы, высшіе взгляды; то-есть они возникаютъ, рождаются въ одно время съ разработкою матеріяла, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ механическое подбираніе фактовъ.— Однакожъ приведенныя нами слова г. Погодина можно пожа-

лу растолковать и такъ, что иные изслѣдователи дѣлаютъ прежде выводъ, а потомъ уже подбираютъ подъ него факты. Къ такому толкованію приводятъ усильные совѣты и доказательства, что прежде нужно собирать свидѣтельства, а послѣ уже выводить заключеніе. Само собою разумѣется, что не въ началѣ естества явиться прежде фактовъ выводу; безъ фактовъ, свидѣтельствъ, опытовъ въ наукѣ ничего не добудешь; да и вообще только факты (въ обширномъ значеніи) способствуютъ образованію мыслей, понятій и всяческихъ заключеній. Какъ бы ни былъ ложенъ и нелѣпъ иной выводъ, а все-таки онъ на чемъ же нибудь да основывается, и слѣдовательно всѣ теоріи, системы, и высшіе взгляды всегда также имѣютъ какое-либо основаніе. Здѣсь рѣчь можетъ быть только о томъ, какого это основаніе и откуда оно явилось? Явилась ли теорія изъ полнаго и по возможности всесторонняго, критически проведеннаго изученія матеріяловъ и вообще изслѣдуемаго предмета, или она возникла какъ мечта по поводу двухъ-трехъ фактовъ, особенно полюбившихся изслѣдователю и подтверждающихъ его задушевныя вѣрованія, однимъ словомъ, возникла ли теорія на той же самой матеріальной почвѣ, которую она силится осмыслить, или она принесена извнѣ, изъ другой области, которая иной разъ не представляетъ даже ничего общаго съ наукою? Бѣда не велика, если въ первомъ случаѣ выводы будутъ преждевременны, поспѣшны; отъ этого даже трудно и уберечься, ибо мысль, какъ мы замѣтили, неудержимо рвется осмыслить изучаемое дѣло и тѣмъ способствуетъ торопливости, а слѣдовательно и ошибочности выводовъ: но за то, при дальнѣйшемъ изученіи предмета, ихъ скоро можно оставить, легко съ ними разстаться, убѣдившись въ ихъ ложности и преждевременности. Легко, по крайней мѣрѣ несравнено легче разрушить то, что самъ же создалъ... Настоящая бѣда въ наукѣ бываетъ отъ такихъ готовыхъ вы-

водовъ и теорій, которые возникаютъ не на ея почвѣ, а принимаются, ростутъ и усиливаются съ младенчества, подъ сѣнью родительскихъ и школьныхъ истинъ, передаваемыхъ обыкновенно не иначе, какъ подъ видомъ аксіомъ. Вотъ такіе-то готовые выводы и теоріи больше всего путаютъ науку. Но если трудно и почти невозможно уберечься отъ поспѣшныхъ выводовъ, на которые такъ-сказать наталкиваетъ самая разработка матеріаловъ, то еще менѣе возможно оградить себя отъ вліянія выводовъ готовыхъ, пріобрѣтаемыхъ съ младенчества и составляющихъ силу личнаго воззрѣнія у каждаго. Г. Погодинъ повидимому не допускаетъ такого вліянія и вообще не допускаетъ никакого участія мысли при разработкѣ матеріаловъ. Его требованія можно выяснить такимъ образомъ: приходи къ изученію и разработкѣ источниковъ и матеріаловъ безъ всякой, не только задней, но вообще безъ всякой мысли, даже безъ знанія другихъ какихъ-либо источниковъ, кромѣ тѣхъ, которые ты намѣренъ разобрать *); собери

*) Г. Погодинъ проводитъ свои изслѣдованія только по древнѣйшимъ спискамъ лѣтописей, не обращая почти никакого вниманія на послѣдующіе и даже другіе побочные источники. „Изслѣдованія свои я дѣлаю *по періодамъ и по лѣтописямъ;* этого никакъ не хотятъ и не могутъ понять мои безъименные рецензенты“, говоритъ онъ, утверждая тѣмъ, что до другихъ источниковъ и послѣдующаго хода исторіи ему дѣла нѣтъ. Нѣтъ, рецензенты это понимаютъ; ихъ только смущаетъ одно обстоятельство: изучая минувшую жизнь по двумъ-тремъ, хотя бы и древнѣйшимъ, документамъ, получаемъ ли мы разумное основаніе дѣлать общія заключенія объ этой жизни, общіе выводы, которые въ добавокъ почитаемъ еще почти непогрѣшимыми? Періоды времени вѣдь только съ цифирной точки зрѣнія совершенно раздѣлены, и въ исторіи каждый изъ нихъ составляетъ неотъемлемую часть общаго организма. Если о XII вѣкѣ не находимъ свидѣтельствъ въ современныхъ ему памятникахъ, то это не значитъ, что уже все кончено и дѣло сдано въ архивъ: и въ позднѣйшихъ памятникахъ мы непремѣнно найдемъ эти свидѣтельства, ибо жизнь народа не обрывается, какъ нитка, на извѣстномъ періодѣ, а какъ организмъ растетъ въ ту или другую сторону, развивается, выводитъ изъ извѣстныхъ причинъ

тщательно свои наблюденія, свидѣтельства источниковъ, факты — они-то тебѣ и дадутъ мысль, и эта мысль и этотъ выводъ представятъ истину въ такой чистотѣ, какая только и можетъ добываться изъ перегонки однихъ только чистыхъ фактовъ, безъ всякой подмѣси теоретическаго умствованія, систематическихъ мудрованій.

Дѣйствительно въ этомъ, кажется, и заключается основное направленіе трудовъ г. Погодина; по этому-то пути онъ старается вести свои изслѣдованія и приглашаетъ всѣхъ другихъ трудиться подобнымъ же образомъ. Но не мечта ли это, не та ли же эта теорія, вызванная добрымъ, повидимому весьма здоровымъ стремленіемъ найдти истину, а на дѣлѣ совершенно неисполнимая? И въ самомъ дѣлѣ — какъ ухитримся мы подойдти къ какой бы то ни было работѣ безъ всякой мысли, когда мы исполнены мыслей самыхъ разнородныхъ, самыхъ разнообразныхъ и главное готовыхъ, добытыхъ предками, предшественниками, вообще людьми работавшими и мыслившими прежде насъ, когда еще мы и на свѣтъ не являлись. Теперь готовыя мысли, понятія, идеи носятся въ воздухѣ, мы ими дышемъ; теперь каждый юноша можетъ свободно и легко достигнуть такой маститой силы въ знаніи, до которой въ былыя времена добирались только старцы.

Для чего существуютъ самыя школы, университеты, какъ не для того, чтобъ *обогатить* насъ познаніями, то-есть снабдить насъ на всю жизнь готовыми мыслями, выводами, теоріями, системами; для чего трудятся ученые изслѣдователи, какъ не для того, чтобъ отыскивать истину, то-есть *заготовлять* на будущее время выводы, теоріи и пр.? А воспи-

---

извѣстныя слѣдствія. Для многихъ теперь ясно, что и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX столѣтія, можно еще подмѣчать старину XII вѣка и слѣд. находить свидѣтельства, рисующія тогдашнее житье-бытье, то-есть объясняющія исторію того вѣка.

таніе, которое въ наше время по преимуществу такъ и ведется, чтобъ наполнить насъ какъ можно полнѣе готовыми мыслями, понятіями, теоріями, лишая вовсе самодѣятельности, то-есть добыванія истины, знанія собственнымъ опытомъ, такъ-сказать собственными руками. Итакъ, мы только что не родимся съ готовыми теоріями. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ мы пріобрѣтаемъ уже извѣстныя понятія, становимся на извѣстную точку, съ которой и осматриваемъ не только нравственный міръ— человѣка, но даже и физическій міръ — природу. А каждая точка даетъ предметамъ свое освѣщеніе, болѣе или менѣе свѣтлое или темное, болѣе или менѣе истинное или ложное. Исполненные такимъ образомъ готовыхъ мыслей, мы вступаемъ въ свѣтъ и съ ними приступаемъ ко всякому дѣлу. *Предразсужденія, пред-убѣжденія*—вотъ изъ чего состоитъ наше умственное богатство, когда мы начинаемъ дѣйствовать, какъ говорятъ, самостоятельно, то есть когда начинаемъ примѣнять, прилагать къ дѣлу, повѣрять на дѣлѣ, на практикѣ, пріобрѣтенныя готовыя понятія и теоріи. Съ этой-то минуты и начинается та закулисная, ни кѣмъ не примѣчаемая борьба готовыхъ теорій съ неумолимыми положеніями дѣйствительности, самой жизни, борьба, изъ которой очень немногіе выходятъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти. По большей части она оканчивается недостойными сдѣлками съ тою или другою стороной. Наука, какъ и весь остальной человѣческій міръ, много терпитъ отъ непріятельскихъ вторженій, особенно она терпитъ со стороны «Нравоученія», со стороны разнаго рода «Домостроевъ». Весьма часто какое-нибудь начало, выработанное этими «Домостроями», руководя нравами общества и потому принимаемое въ этой сферѣ какъ аксіома, вторгается какъ аксіома и въ область умственной дѣятельности человѣка и тотчасъ же налагаетъ цѣпи на все, что̀ только проявляетъ движенье, жизнь ума. Бѣда, если какое-нибудь «Домостройное»

начало вторгнется напр. въ область исторіи. Всякой наукѣ бѣда отъ такого нашествія, но злѣе зла, которому подвергнется въ такомъ случаѣ исторія, трудно вообразить. Исторія есть умершая дѣйствительность, такъ же неимовѣрно разнообразная и разнородная въ своихъ проявленіяхъ, какъ и дѣйствительность живущая. Многообразіе и многоразличіе фактовъ исторіи, перешедшихъ въ вѣчность и потому превратившихся въ какія-то отвлеченности, даютъ самую легкую возможность, даютъ всѣ способы употреблять эти факты какъ душѣ угодно. Историческими фактами при извѣстномъ, весьма впрочемъ употребительномъ методѣ можно доказать и опровергнуть любую истину, такъ какъ и любую ложь. Слѣдовательно и всякому положенію нравоученія, когда оно вторгнется въ историческія работы — своя воля. А къ этому присоедините еще силу готовыхъ понятій, большая часть которыхъ передается или принимается обыкновенно также изъ области «Домостроевъ». Вотъ и пойдетъ работа надъ исторіей.

Наслышавшись напримѣръ отъ разнаго рода нянекъ, дома и даже въ самой школѣ, что прежніе старые годы были лучше, люди жили тогда мудрые, всѣ порядки ихъ были разумные, что *коренныя* основы русской жизни были тогда чище, сильнѣе, плодотворнѣе, что теперь все потеряно, все искажено и продолжаетъ искажаться, наслышавшись всего этого, а иногда и начитавшись извѣстнаго рода патріотическихъ книгъ и статей, мы хотя-нехотя располагаемъ по этой канвѣ и свое еще неопытное молодое воззрѣніе. Естественное чувство сыновней любви и уваженія къ отцу, къ дѣду и вообще къ старшимъ, вообще къ авторитету семейнаго начала, мы мало-по-малу распространяемъ и на время, въ которое жили наши отцы и дѣды, и на весь порядокъ той жизни. Мы въ восхищеніи отъ древне-русскихъ патріархальныхъ добродѣтелей, которыя повсюду представляютъ намъ трогательнѣйшія черты, умиляющія

до слезъ. Начиная съ умилительной преданности и вѣрности старинныхъ слугъ и оканчивая не менѣе умилительною покорностью старинныхъ женъ, которыя, «оскорбленныя во всѣхъ правахъ своихъ, позволяли себѣ только одну тихую жалобу, кроткую покорность судьбѣ», — мы всѣмъ умиляемся; сквозь слезы такого умиленія намъ умилителенъ и трогателенъ показался даже и самый *правежъ*. Мы въ восторгѣ вообще отъ того, что жилось въ то время какъ-то свободнѣе, привольнѣе (и, сказать между нами, своевольнѣе), что отъ этого и солнце было какъ-будто теплѣе и свѣтлѣе и во всемъ довольства было больше. Особенно насъ привлекаетъ это широкое гостепріимство и хлѣбосольство, — это широкое кормленіе, которое, разумѣется, безъ помощи чужихъ рукъ, чужихъ потовыхъ трудовъ не могло быть и такъ широко и такъ идиллически патріархально, и которое слѣдовательно кого-нибудь да оставляло же голоднымъ. — А «древне-русская образованность! лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая особенный складъ русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленія и создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянно памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному...» Даже и самъ г. Погодинъ говоритъ, что еще «до Татаръ грамотность повсемѣстно была распространена, и весь *народъ стоялъ на значительной степени нравственнаго и умственнаго образованія*.» (Т. VII, 400, 402). Все это и многое другое, при извѣстномъ, болѣе нравственномъ нежели ученомъ воззрѣніи на исторію, возникаетъ само-собою, легко и свободно, какъ возникаютъ обыкновенно всякія мечты. Все это особенно укрѣпляется еще и тѣмъ, что льститъ нашему самолюбивому патріотизму, льститъ тому чувству собственнаго достоинства, которое еще не на столько развито въ насъ,

чтобы сознавать и признавать за собою недостатки. Мы, однимъ словомъ, создаемъ себѣ въ прошломъ какой-то рай, золотой вѣкъ, который при умственной нашей неразвитости и лѣни, а вслѣдствіе того при полномъ разгулѣ легковѣрія и суевѣрія, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все новыя и лучшія краски. И вотъ если съ такою-то закваскою придемъ мы на разработку отечественной исторіи, — какъ намъ тогда уберечься отъ «Домостройныхъ» золотыхъ нашихъ представленій и пред-убѣжденій. Не будемъ ли мы тогда, даже противъ нашей воли, отыскивать въ источникахъ только родственную себѣ струю, только подтвержденій, доказательствъ и оправданій своимъ золотымъ мечтамъ, тѣмъ готовымъ понятіямъ, которыми мы успѣли уже запастись, не входя еще въ храмъ науки? Основное направленіе нашей мысли, образовавшееся подъ вліяніемъ теплыхъ умиленій отъ старинныхъ «Домостроевъ», всегда возьметъ свое и постоянно будетъ присутствовать въ нашихъ изысканіяхъ и заключеніяхъ.

Мы не думаемъ утверждать, что сила готовыхъ понятій способствуетъ образованію только этого одного, здѣсь представленнаго направленія мыслей. Мы привели для примѣра то лишь направленіе, которое больше другихъ распространено, и потому именно распространено, что сильнѣе другихъ льститъ нашимъ личнымъ себялюбивымъ вкусамъ и несравненно легче другихъ подчиняетъ себѣ умъ, вообще недостаточно развитый знаніемъ, умъ спящій. Мы думаемъ только, что отъ готовыхъ понятій, теорій, системъ, намъ спрятаться некуда, что каждый изъ насъ, больше или меньше, всегда исполненъ предразсужденій и пред-убѣжденій, и всякое дѣло способенъ толковать и понимать только подъ угломъ своего личнаго воззрѣнія, то-есть такъ, какъ это дѣло согласуется или совпадаетъ съ упомянутыми пред-разсужденіями и пред-убѣжденіями.

Личныя-то системы и теоріи и служатъ самою главною и важнѣйшею причиной, почему истина добывается такъ медленно, съ такими неимовѣрными усиліями, упорными трудами, берется съ бою шагъ за шагомъ; — широкое, всесильное господство этихъ системъ было бы крайнимъ бѣдствіемъ для науки, еслибъ не существовало другой разумной силы, которою только и движется наука. Мы говоримъ о критикѣ, первый шагъ которой, самый простой видъ ея, выражается обыкновенно въ сомнѣніи, въ недовѣріи къ авторитету готовыхъ положеній и вообще въ недовѣріи ко всему тому, что̀ не можетъ быть оправдано собственнымъ ли реальнымъ опытомъ или основными, общими законами изыскивающаго и разсуждающаго ума. Въ дѣлѣ науки сомнѣніе, даже въ своихъ крайностяхъ, неизмѣримо выше легковѣрія и суевѣрія; на сомнѣніи утверждается и самая изслѣдовательная способность ума, и потому вредъ даже отъ крайностей такого направленія ничтоженъ, а польза неизмѣрима. Такъ напр. что̀, какъ не крайности такъ-называемой скептической школы, возбудили изслѣдовательную энергію г. Погодина, заставили его такъ прекрасно, подробно, всесторонне осмотрѣть достовѣрность первоначальныхъ источниковъ нашей исторіи и вообще весь варяжскій періодъ; кто, какъ не скептическая школа, указала г. Погодину всѣ слабыя, шаткія стороны этого дѣла, которыя онъ такъ достославно укрѣпилъ и утвердилъ? До сихъ поръ не простылъ еще этотъ жаръ, съ которымъ онъ поражалъ нѣкогда своихъ противниковъ; до сихъ поръ онъ какъ-будто еще воюетъ съ скептическою школой, и все еще время отъ времени слышатся энергическіе размахи, направленные впрочемъ уже противъ другой школы, не имѣющей ничего общаго съ скептической.

Скептики, если и не вносятъ въ науку ничего осязательно положительнаго, въ чемъ обыкновенно упрекаютъ ихъ легко-

[illegible] отличаются [illegible] отрицать науку (свою, или вообще въ ряду другихъ) отъ [illegible] легковѣрія и суевѣрія. — А это разве не [illegible]? Сомнѣніе есть только отрицаніе легковѣрія и суевѣрія и служитъ [illegible] и новой вѣрности и единственнымъ средствомъ для достиженія истины, вѣрнаго и тѣмъ самымъ прочнаго знанія отъ всего сему чуждаго и враждебнаго. Тѣмъ собственно отличается изслѣдовательный методъ Шлёцера, нашего восточнаго учителя, какъ не строгимъ, безпощаднымъ недовѣріемъ къ авторитету, какъ бы онъ ни былъ, какъ не строгою до суровости критикою источниковъ. Онъ говорилъ: «не надобно совершенно на кого утверждаться, а испытывать и доказывать...» Онъ говорилъ, что «хуже повредила любовь къ отечеству позволяетъ всякое критическое и безпристрастное обработываніе исторіи» — что «легковѣрный, вѣрующій безъ основанія, и суевѣрный, вѣрующій противъ основанія, походитъ на старую бабу, которая вѣритъ только тому, чему вѣрятъ другіе, которая не *можетъ* разсматривать, *не хочетъ* изслѣдовать, и только что бранится, если нарушатъ спокойную ея вѣру». — Самый методъ г. Погодина, по прямой линіи происходящій отъ Шлёцеровскаго, отличается именно тѣмъ почтеннымъ качествомъ, что не вѣритъ на-слово, не вѣритъ въ чужіе выводы и теоріи и стремится собственнымъ опытомъ достигнуть правды.

Но какъ ни важна, какъ ни разумна въ ученомъ дѣлѣ сила сомнѣнія, сила критики, все-таки господство готовыхъ понятій, личныхъ пред-убѣжденій и пред-разсужденій рѣдко даетъ ей полную свободу. Можно усвоить себѣ строгій изслѣдовательный методъ, и въ то же время, посредствомъ того же строгаго метода, доказывать и оправдывать шаткую, ложную теорію или ложное положеніе, льстящее почему-либо нашимъ лич-

нымъ вкусамъ или родственное основному направленію нашихъ мыслей. Однимъ словомъ, никакой методъ не въ состояніи спасти насъ отъ вліянія готовыхъ теорій и системъ, особенно если эти теоріи приносятся изъ другихъ сферъ, чуждыхъ наукѣ, и даже по сущности своей ей противоположныхъ.

Никто конечно изъ нашихъ изслѣдователей не усвоилъ въ такой степени экзегетическихъ пріемовъ Шлёцера, какъ г. Погодинъ, по крайней мѣрѣ никто такъ близко не держится дороги, указанной «въ незабвенномъ» Несторѣ, какъ г. Погодинъ. Но намъ кажется, что многое онъ отдалъ только формальной, внѣшней сторонѣ этихъ пріемовъ, ибо, не смотря на строгій повидимому пересмотръ фактовъ, иные выводы автора грѣшатъ замѣтною даже для простаго глаза поспѣшностью или свидѣтельствуютъ о томъ, чего въ собранныхъ *бытяхъ* совсѣмъ не обнаруживается. Вообще, не смотря на строгіе критическіе пріемы, все-таки время отъ времени мы встрѣчаемся съ разными пред-убѣжденіями автора, съ вѣрою въ извѣстные авторитеты, съ особеннымъ, крайнимъ увлеченіемъ одною мыслію, съ особеннымъ также крайнимъ гоненіемъ другой мысли, не принадлежащей къ нашему приходу. Все это, разумѣется, волею и неволею подчиняетъ себѣ правильность, основательность и здравость выводимыхъ результатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ весьма очевиднымъ доказательствомъ, что никакой методъ не въ силахъ устоять противъ предуготовленныхъ воззрѣній и любимыхъ положеній. Къ тому же никакой методъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ не способствуетъ столько господству этихъ воззрѣній, какъ такъ-называемый методъ математическій.— Слагаемые и сумма — что̀ можетъ быть проще, легче и вѣрнѣе этого ариѳметическаго дѣйствія? соберемъ факты, сложимъ ихъ, и *выйдетъ*—сумма. Положимъ, что историческіе факты суть числа не простыя, а именованныя — чтожь? Сто̀итъ только распо-

ложить ихъ *по именамъ*, по рубрикамъ, и характеръ ариѳметическаго дѣйствія нисколько не измѣнится. Мы уже замѣтили, что такой способъ ученыхъ работъ принадлежитъ къ самымъ неизбѣжнымъ и такъ-сказать азбучнымъ пріемамъ розыскивающаго и разсуждающаго ума. Ариѳметическое дѣйствіе выражаетъ здѣсь только неизмѣнный законъ, по которому добывается вообще знаніе. Но если, увлеченные разумностію и необычайною простотою этого закона, мы будемъ настаивать и доказывать, что онъ представляетъ единственный, исключительно вѣрный путь при изысканіи истины и притомъ въ такихъ, напримѣръ, изысканіяхъ, каковы историческія, то естественно, что мы свернемъ съ настоящаго пути. Съ математическимъ взглядомъ на исторію, мы поневолѣ каждый историческій жизненный фактъ, явленіе чисто физіологическое — будемъ разсматривать какъ цыфру, какъ мертвую форму и вовсе не увидимъ въ немъ той исторической плоти, которая одна только и даетъ возможность почувствовать истину минувшей дѣйствительности. Собирая, или вѣрнѣе, подбирая слагаемые съ извѣстнымъ именемъ для произведенія суммы того же разумѣется имени, мы волею и неволею теряемъ изъ виду то обстоятельство, что этимъ путемъ строгой, какъ говорятъ, отчетности вопросъ рѣшается большею частію только со стороны *количества;* вѣрность выводовъ опирается большею частію только на количествѣ фактовъ. Самыя слова — *слагаемыя, сумма,* которыя мы употребляемъ съ цѣлію обратить вниманіе на нашу строгую отчетность въ изслѣдованіяхъ — самыя эти слова, выражая только формы количества, совершенно скрываютъ отъ насъ сторону жизненнаго, физіологическаго качества, которое лежитъ въ каждомъ историческомъ фактѣ, какъ его сущность. Само собою разумѣется, что какъ скоро ариѳметическое количество будетъ принято за основу изслѣдовательныхъ работъ, то неза-

нѣтно явится полнѣйшая возможность производить надъ этимъ количествомъ всѣ дѣйствія — явится возможность не только складывать, но даже и помножать.

Напримѣръ, вотъ хоть въ отношеніи грамотности и образованія въ Удѣльный періодъ. Г. Погодинъ въ VII томѣ своихъ Изслѣдованій пишетъ слѣдующее: «Грамотность и образованіе были у насъ распространены значительно до Татаръ. Доказательствомъ служитъ *множество* письменныхъ произведеній, до насъ дошедшихъ, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ званій и чиновъ... о предметахъ *самыхъ разнообразныхъ*, обнимающихъ жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ лѣтописи, сказанія, законы, церковные уставы, грамоты княжескія, монашескія, мирные договоры, торговые договоры, поучительныя слова, разсужденія, житія, посланія, странствованія, вопросы и отвѣты, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобіографіи — это такое *обиліе сокровищъ*, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя довольно благодарить судьбу. *Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго*. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ ими самими написанныхъ, вѣрно, живо и обстоятельно.» Вслѣдъ за тѣмъ начинается разстановка слагаемыхъ, которыя помѣщенныя въ совокупности и должны произвести новое значительное впечатлѣніе, «лучше всякихъ *другихъ* отвлеченныхъ доказательствъ и разсужденій», и которыя поэтому заключаются новымъ восклицаніемъ: «вотъ сколько осталось намъ памятниковъ Удѣльнаго періода до Татаръ.» — Вотъ сколько! А сколько же въ самомъ дѣлѣ?

Лѣтописи: собственно одна, Несторова, которую потомъ продолжали въ разныхъ княжествахъ и далеко не во всѣхъ: именно въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Волыни, въ Суздалѣ, частію можетъ-быть и въ другихъ городахъ. Къ лѣтописнымъ же

трудамъ принадлежатъ и сказанія, которыхъ г. Погодинъ насчитываетъ до 10.

Законы: — Правда Ярославова, измѣненная и распространенная его сыновьями и внуками. — Коричая книга, переведенная съ греческаго, два-три церковные устава; сюда же относятся и вопросы и отвѣты о церковныхъ предметахъ.

Юридическіе акты: 4 грамоты отъ князей, 5 грамотъ отъ монаховъ. (Грамотъ было много, но онѣ пропали, замѣчаетъ авторъ.) Два торговыхъ договора.

Два частныхъ письма. (Письма были въ общемъ употребленіи, замѣчаетъ авторъ.)

Десятокъ духовныхъ *посланій.*

Положимъ — нѣсколько десятковъ *поучительныхъ словъ,* включая сюда же *разсужденія* и *молитвы.*

Житій около десятка.

Одно хожденіе или описаніе путешествія въ Іерусалимъ, и одна *поэма* или Слово о полку Игоревѣ.

Вотъ все *обиліе сокровищъ,* перечисленное г. Погодинымъ.

Положимъ, что и этого слишкомъ много для двухъ сотъ лѣтъ Удѣльнаго періода, когда и грамотность и извѣстнаго рода образованіе стали еще только водворяться, приниматься на новой для нихъ почвѣ. Положимъ, что этотъ все-таки очень скудный списокъ можетъ со временемъ, при новыхъ открытіяхъ, увеличиться вдвое, втрое, вчетверо... Но будемъ ли мы даже и въ такомъ случаѣ имѣть основательную, здравую возможность это *множество* рукописей, это *обиліе сокровищъ* ставить *неоспоримымъ доказательствомъ повсемѣстнаго распространенія грамотности до Татаръ* и смѣло рѣшать, что «*весь народъ* (тогда) *стоялъ на значительной степени нравственнаго и умственнаго образованія.*» Г. Погодинъ считаетъ это аксіомой!

(Т. VII, 400, 402.) Вотъ какъ легко, при посредствѣ математическаго метода, не только складывать, но и помножать.

Весь народъ стоялъ на значительной степени нравственнаго и даже *умственнаго* образованія!! И доказательства на это — *множество* рукописей. Не говоримъ уже о томъ, какое это множество.

Въ настоящую минуту мы можемъ съ большею смѣлостью рѣшить, что грамотность у насъ распространена повсемѣстно, что *весь народъ* стоитъ на значительной степени умственнаго образованія — но будетъ ли это правда, особенно послѣ недавнихъ споровъ даже о томъ, нужна ли вообще грамотность для народа. А между тѣмъ въ настоящую минуту ходятъ по рукамъ не десятки или, по большей мѣрѣ, сотни рукописей, лѣтописнаго, церковнаго или юридическаго, канцелярскаго содержанія, — а тысячи, десятки тысячъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, о которыхъ и не снилось далекимъ и добрымъ нашимъ предкамъ. А сколько писателей, духовныхъ витій, ученыхъ даже, коихъ вовсе не имѣлъ Удѣльный да и послѣдующіе періоды. — Мы не указываемъ уже на *количество* экземпляровъ, хотя въ этомъ случаѣ *множество* будетъ уже не мечтою, а громадною, милліонною дѣйствительностію, и мы имѣли бы полное право на такое указаніе, ибо г. Погодинъ, приводя свое *множество* рукописей безъ сомнѣнія разумѣлъ и количество экземпляровъ или редакцій одной и той же рукописи.

Впрочемъ что̀ говорить обо *всемъ* народѣ. Извѣстно напримѣръ, что философія у насъ даже преподается въ иныхъ заведеніяхъ, что когда-то былъ составленъ цѣлый курсъ философіи даже для гимназій, что философскихъ книгъ и статей на русскомъ языкѣ, старыхъ и новыхъ, можно насчитать пожалуй до тысячи, что кромѣ того ихъ, то-есть книгъ и статей по философіи, несравненно болѣе на иностранныхъ язы-

* * *

какъ и мы можемъ свободно ими пользоваться, ибо знаніе иностранныхъ языковъ распространено у насъ повсемѣстно, какъ можно доказать путемъ строгой отчетности: все это очень хорошо извѣстно. Но кто же тотъ смѣльчакъ, который скажетъ, основываясь на такихъ полновѣсныхъ новидимому данныхъ, что философія у насъ повсемѣстно распространена между образованными людьми, что образованная, или хоть уже одна ученая часть нашего общества, стоитъ на значительной степени философскаго образованія? Сложеніе здѣсь можно сдѣлать отличное и сумма будетъ удовлетворительная, а дѣйствительной правды все-таки не будетъ; здравое же, не математическое, а физіологическое пониманіе дѣла укажетъ намъ, что идеальная, философская сторона нашего образованія еще покуда въ самомъ плачевномъ состояніи, что вездѣ у насъ преобладаетъ еще страшный, пошлый реализмъ, который на всякую идею смотритъ какъ на контрабанду и путемъ строгой отчетности преслѣдуетъ сплошь всѣ теоріи и высшіе взгляды, посмѣваясь надъ ними, какъ надъ ребяческими шалостями.

Дѣло въ томъ, что и малую и значительную степень умственнаго образованія въ народѣ должно наблюдать не по переплетамъ рукописей или книгъ, не по количеству писаной или печатной бумаги, а по содержанію и характеру литературной производительности народа. Очертите характеристику умственныхъ занятій и работъ народа въ данную эпоху, укажите вопросы или задачи, около которыхъ двигалась умственная жизнь общества, которые пробуждали, вызывали народный умъ къ дѣятельности, представьте наконецъ хоть въ короткомъ перечнѣ массу не заглавій, а массу знаній, свѣдѣній, какія были въ ходу, въ оборотѣ въ извѣстный періодъ времени, и тогда смѣло указывайте, назначайте степень умственнаго развитія народа. Канцелярскія бумаги, граматы, договоры,

частные акты, церковные уставы ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить правильнымъ мѣриломъ умственнаго образованія въ народѣ; а то пожалуй ужасающія горы писаной бумаги, изготовляемыя въ настоящее время каждый день, могутъ привести къ такому громадному выводу о значительной степени умственнаго образованія въ народѣ, что мы рѣшительно потеряемся въ его безконечной величинѣ. Кромѣ того никакой историческій вопросъ, историческій фактъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ разсматривать какъ цыфру, совершенно отдѣльно отъ той среды, гдѣ онъ имѣлъ жизнь, существованіе и слѣдовательно подвергался вліянію самыхъ разнообразныхъ условій и въ то же время съ своей стороны имѣлъ вліяніе на все его окружающее.

Грамотность, образованіе не каменная глыба, которую можно изучать безъ всякаго отношенія къ окружающимъ ее предметамъ: напротивъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ членовъ, двигающихъ народнымъ организмомъ, тѣсно, физіологически связанный со всѣмъ остальнымъ, чѣмъ только живетъ и дышитъ народное тѣло. Если мы докажемъ, что въ извѣстную эпоху, народъ стоялъ на значительной степени нравственнаго и умственнаго образованія, то это будетъ служить доказательствомъ, что и другія стороны народнаго развитія стоятъ на той же «значительной» степени. Да притомъ значительная степень нравственнаго и умственнаго образованія въ народѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться, напримѣръ, безъ значительной же степени гражданскаго устройства этого народа: нравственное и умственное образованіе такіе плоды, для произрастенія которыхъ необходима очень хорошо воздѣланная почва въ отношеніи гражданской свободы и общаго благосостоянія. Конечно они изрѣдка попадаются и въ дикомъ состояніи, но такое состояніе все же и называется дикимъ, а не состояніемъ образованности.

Вообще намъ кажется, что такъ-называемый г. Погодинымъ математическій методъ, при несомнѣнныхъ и весьма важныхъ своихъ достоинствахъ, если будетъ ставиться единственнымъ, исключительно прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ, — можетъ несравненно болѣе вредить движенію науки, чѣмъ приносить ей ожидаемую пользу. Молодой другъ исторіи, которому преимущественно совѣтуютъ слѣдовать этому пути, можетъ весьма легко потерять здѣсь изъ виду главнаго и необходимаго своего спутника, свѣточа исторіи, именно историческое пониманіе, то, если можно выразиться, историческое чутье, которое пріобрѣтается не ариѳметическимъ изученіемъ лѣтописей, граматъ и другихъ источниковъ, а живымъ пониманіемъ ихъ содержанія, не механическими выписками по извѣстнымъ рубрикамъ, а вникаціемъ въ жизненный смыслъ фактовъ, способностію читать и понимать не однѣ только строки, но еще и то, что̀ содержится между строкъ и чего не добудешь никакими ариѳметическими вычисленіями, какъ бы вѣрны и отчетливы они ни были. При математическомъ методѣ, все равно, что при составленіи какого-нибудь отчета, мы достигаемъ только *цыфирной правды* и вовсе лишаемся правды дѣйствительной, физіологической. Факты подобраны по сортамъ, цыфры сведены и размѣщены въ пристойныхъ графахъ или линейкахъ; все, кажется, на лицо; однимъ взглядомъ можно окинуть и повѣрить весь составленный такимъ образомъ механизмъ по извѣстному вопросу; но правда, которую мы найдемъ въ этомъ механизмѣ, будетъ только оптическимъ обманомъ, отводомъ глазъ. Ее не откроетъ и тотъ, кто внимательно станетъ разсматривать механику, ее потеряетъ даже и тотъ, кто самъ былъ механикомъ и крѣпко трудился надъ составленіемъ строгой отчетности. Погруженный въ добываніе по извѣстнымъ рубрикамъ слагаемыхъ цыфръ, и потому разсматривая каж-

дый фактъ, какъ мертвую форму, изслѣдователь неизбѣжно утратитъ возможность почуять то вѣяніе дѣйствительности, самой жизни, которое носится надъ каждымъ историческимъ фактомъ и которое тогда только чувствуется, когда мы принимаемъ историческій фактъ какъ явленіе физіологическое, а не какъ цыфру. Сверхъ того, фактъ, лишенный своей жизненной почвы, лишенный смысла той дѣйствительности, о которой онъ долженъ свидѣтельствовать, и претворенный такимъ образомъ въ цыфру, въ безжизненную форму, доставляетъ, какъ мы уже замѣтили, полнѣйшую возможность поступать съ нимъ какъ съ цыфрою, то-есть употреблять его для произведенія какихъ угодно вычисленій, для добыванія какихъ угодно результатовъ. Подтвержденія этому въ математическомъ методѣ встрѣчаются очень часто. Такова напримѣръ и вся первая глава V-го тома Изслѣдованій г. Погодина «О междоусобныхъ войнахъ».

Междоусобныя войны князей, по сознанію самихъ современниковъ, были страшнымъ бѣдствіемъ для Русской земли. Само собою разумѣется, что такъ же смотрѣли на нихъ и наши историки, съ тою только разницею, что одинъ обозначалъ, описывалъ это бѣдствіе болѣе сильными, яркими красками, другой выражался умѣреннѣе. Въ частныхъ случаяхъ и то, и другое было справедливо, да и общая картина выходила все-таки картиною истиннаго бѣдствія для народа. Вотъ напр. какъ описывалъ междоусобія г. Погодинъ въ изданномъ имъ учебникѣ Русской исторіи: «Съ этого-то времени (послѣ смерти Ярослава) начинаются *безпрерывныя* междоусобныя войны, наполненныя злодѣяніями всякаго рода, — кои впрочемъ не считались злодѣяніями, — грабежами, убійствами, опустошеніями, клятвопреступленіями: сынъ шелъ на отца, братъ на брата, дядя на племянника... Каждый хотѣлъ распространить свое владѣніе на счетъ другаго, хотя и не думалъ о на-

слѣдственной поземельной собственности... Вооруженныя толпы ходили за добычею съ мѣста на мѣсто, и города переходили изъ рукъ въ руки. Самые жители принимали дѣятельное участіе въ сихъ войнахъ и часто возбуждали къ нимъ своихъ князей» *). Конечно съ той поры, когда все это было говорено, много воды утекло и взгляды на событія и эпохи нашей исторіи значительно таки поизмѣнились. Новыя Изслѣдованія г. Погодина также совершенно измѣняютъ наши понятія о междоусобныхъ войнахъ, которыя онъ «*подвергъ строгому, подробному химическому анализу или разложенію*— велъ изслѣдованіе путемъ строгимъ, *математическимъ*». Но намъ кажется, что нигдѣ съ такою ясностью и не обнаружились всѣ недостатки математическаго метода, какъ именно въ этомъ изслѣдованіи, въ этомъ химическомъ разложеніи или превращеніи историческихъ фактовъ въ цыфры. Планъ этого разложенія слѣдующій: авторъ сначала предлагаетъ описаніе междоусобій собственными словами лѣтописей, то-есть дѣлаетъ сокращенныя выписки погодно; потомъ выписываетъ *одни бранные года*, то-есть однѣ цыфры обозначающія эти года; далѣе тѣ же цыфры бранныхъ годовъ ставитъ въ ряду съ годами мира; распредѣляетъ ихъ *по мѣсту*, гдѣ велись или возникали войны; мѣста съ годами распредѣляетъ по княжествамъ и составляетъ такимъ образомъ *отвлеченныя таблицы* (стр. 45); затѣмъ обращается къ *содержанію* междоусобій, разсматривая, изъ чего они состояли и кому и какой вредъ приносили. Заключеніе, которое добыто посредствомъ такой операціи свидѣтельствуетъ, что 1) междоусобныя войны были у насъ не безпрерывныя, а съ большими промежутками; 2) онѣ были не повсемѣстныя, а ограничивались по большей части малыми пространствами; 3) состояли *часто*

*) Начертаніе Русской исторіи для гимназій. Москва, 1837.

[illegible] «Междуусобныя войны не имѣли, [illegible] характеръ безпрерывности: это были часто усобицы, [illegible], если можно такъ выразиться, [illegible] съ оружіемъ въ рукахъ, какъ Богъ разсудитъ, то-есть чья возьметъ, а иногда эти столкновенія кончались, и не обнаружа [illegible] отношеніи къ прежнему, а по прежнему оставались [illegible] — князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа, они, по большей части, хотѣли взять тѣхъ городовъ, на кои нападали, слѣдственно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. (Князья съ вами сами по себѣ, а воеводы сами по себѣ.)» Стр. 112—114.

Все это рѣшительно противорѣчитъ установившимся понятіямъ о княжескихъ междоусобіяхъ, и потому весьма будетъ интересно раскрыть дѣйствительныя основанія, на которыхъ утверждался авторъ. Математическая отчетность, химическій анализъ должны по крайней мѣрѣ служить ручательствомъ за прочность помянутыхъ основаній.

Строгій путь отчетности показываетъ однакожъ слѣдующее: Изо 186 лѣтъ удѣльнаго періода (1055—1240) *восемьдесятъ три* года были бранные, слѣдовательно цѣлая половина періода проведена въ браняхъ, особенно если повести счетъ съ 1064 г., когда начались собственно междоусобія, и окончить годомъ 1235, когда они въ теченіи этого періода окон-

чились. Конечно нѣтъ здѣсь безпрерывности математической, но вѣдь исторія не математика, и точность историческая имѣетъ свои условія, которыя даютъ историку полное право назвать междоусобныя войны безпрерывными, безпрестанными, если онѣ въ теченіи двухъ вѣковъ *постоянно* возобновляются черезъ годъ, черезъ два, черезъ 11 лѣтъ, продолжаясь сряду также по два, по три года, по пяти, по семи и одинъ разъ 17 лѣтъ (1146 —1162), если даже въ общей сложности на одинъ годъ съ четвертью мира приходится одинъ годъ брани, войны. Къ тому же ужь если пошло на точность, то и въ самомъ словѣ «безпрерывно» не заключается еще того смысла, чтобъ войны велись сплошь каждую минуту; всякое періодически повторяющееся явленіе весьма справедливо и точно можетъ обозначаться словомъ безпрерывно, безпрестанно. Имѣя все это въ виду, Карамзинъ, а за нимъ и другіе весьма справедливо думаютъ и выражаются, что «въ теченіи двухъ столѣтій отечество наше было *безпрестанно* терзаемо войнами междоусобными». — Годъ мира и годъ войны, восемь лѣтъ войны 1094—1101 и семь лѣтъ мира (1187—1193), одиннадцать лѣтъ мира (1105—1115) и семнадцать лѣтъ войны (1146—1162). Или: изъ 33 лѣтъ мирныхъ (1101—1135) семь лѣтъ брани и изъ 47 лѣтъ брани (1135—1181) восемь лѣтъ мира. Однимъ словомъ, какъ ни вычисляй, все-таки на одинъ годъ съ четвертью мира приходится годъ войны. Чего же болѣе? И что же можетъ быть краснорѣчивѣе такого свидѣтельства?

Что же касается до утвержденія автора, что войны не были *повсемѣстны*, то въ этомъ никогда никто и не сомнѣвался, ибо что такое повсемѣстность? Представить себѣ нельзя войны по всѣмъ мѣстамъ земли, по всѣмъ селамъ, городамъ. Древняя Русь сосредоточивалась около Кіева, туда тянули всѣ тогдашніе интересы: около Кіева стало быть по преиму-

ществу и воевали князья. Но какъ бы то ни было, не смотря на очевидныя, ясныя свидѣтельства, которыя не могъ совершенно скрыть даже и математическій методъ, автору во что бы ни стало хочется доказать, что междоусобныя войны были такъ-себѣ, побранки, полюбовныя стычки, вообще почти безвредныя. Съ этою цѣлію онъ разлагаетъ даже «на составныя части» ихъ содержаніе. Выходитъ, что походовъ было 53, набѣговъ 9, осадъ 50, въ томъ числѣ успѣшныхъ 26, безуспѣшныхъ 24, сраженій, кромѣ осадныхъ, большихъ и малыхъ 41. Цыфры эти не совсѣмъ вѣрны, да дѣло не въ томъ.— Собравъ 64 случая походовъ и набѣговъ, авторъ заключаетъ: «Вотъ сколько *войнъ*, которыя состояли изъ однихъ походовъ, *безъ малѣйшаго кровопролитія!*» Дѣйствительно иныя брани, ссоры оканчивались безъ кровопролитія, бѣгствомъ съ одной стороны и свободнымъ занятіемъ города или волости съ другой. Но такими были далеко не всѣ исчисленныя авторомъ; нѣкоторые походы и набѣги принадлежали только къ частнымъ движеніямъ во время войны, другіе служили только началомъ, зачиномъ дѣйствій — все это не даетъ возможности называть подобныя движенія *войнами*, и фраза «*вотъ сколько войнъ*» была бы точнѣе, еслибъ эти войны прямо были названы походами, движеніями. Но фраза явилась не безъ причины. Она явилась подъ вліяніемъ заготовленной уже теоріи, подъ вліяніемъ пред-разсужденія съ цѣлію представить междоусобныя войны полюбовными схватками. И вотъ одно изъ доказательствъ, что никакой методъ, даже и математическій, не въ силахъ остановить своеволія предразсужденій и готовыхъ теорій, взятыхъ не изъ самаго дѣла, а такъ-сказать съ вѣтру. О другихъ войнахъ безъ малѣйшаго кровопролитія лѣтописецъ выражается часто однимъ словомъ *зая, взя, вына*. Но здѣсь-то именно и требовалось бы съ математическою отчетностью опредѣлить значеніе этихъ словъ:

дѣйствительно ли *зая, взя,* означаетъ мирное занятіе, безъ малѣйшаго кровопролитія, ибо лѣтописи въ короткомъ разсказѣ о событіи употребляли всегда и короткія слова. Такъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи видно, что *зая, взя* значило именно насильственное занятіе, съ грабежемъ, плѣномъ и слѣдственно разореніемъ. Мудрено, чтобъ все это обходилось безъ малѣйшаго кровопролитія.

Въ обозначеніи своихъ войнъ безъ малѣйшаго кровопролитія, г. Погодинъ подъ 1066 годомъ пишетъ: «Всеславъ Полоцкій *занялъ* Новгородъ». — Новгородская I лѣтопись описываетъ это занятіе слѣдующими короткими словами: «Приде Всеславъ и *взя* Новгородъ, съ женами и съ дѣтьми; и колоколы съима у святыя Софіѣ. О велика бяше бѣда въ часъ тый! и панекадила съима». Подъ 1094 г. авторъ пишетъ. «Олегъ *занялъ* Черниговъ». Въ Лѣтописи: «Олегъ съ Половци приде Чернигову... Володимеръ затворился въ градѣ — Олегъ приде къ граду и пожже около града и монастырѣ пожже... Володимеръ иде изъ града... Половци же начаша воевати около Чернигова, Ольгови не взбранящу, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати». Самъ же Владиміръ (Мономахъ) въ своемъ поученьи свидѣтельствуетъ объ этомъ событіи: «Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову и бишася дружина моя съ нимъ 8 дній о малу греблю (ровъ) и не вдадуче имъ въ острогъ. Съжаливъси хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ и монастырь — и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ Переяславлю... Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую — присовокупляетъ лѣтописецъ: его же грѣха дабы й Богъ простилъ, *занеже много хрестьянъ изгублено бысть, а друзіи полонени и расточени по землямъ...*» *) Вотъ что̀ означаетъ употребленное авторомъ слово *занялъ*.

---

*) П. С. Р. Л. I, 96, 103.

Далѣе авторъ говоритъ: 1116 г. «Мономахъ изъ Кіева *слиреалъ* Глѣба Минскаго». Въ это время *взяты* Рѣша, Копысъ и *взятъ на щитъ* Дрьютескъ (то-есть взятъ приступомъ и плѣненъ). 1128 г. «Всеволодъ Ольговичь *выгналъ* Ярослава дядю изъ Чернигова». Въ Лѣтописи: «Ольговичь Всеволодъ ѝ (взялъ) стрыя своего Ярослава (въ) Черниговѣ, изъѣхавъ ѝ (то-есть внезапно), *а дружину его изсече и разграби*». Вотъ что скрыто подъ словомъ *выгналъ*. Здѣсь въ добавокъ авторъ не точно и употребилъ это слово, ибо ѝ не значитъ выгнать, а взять.

1141 г. «Всеволодъ Черниговскій *занялъ* города Юрьевы».—Лѣтопись: «Поиша Всеволодъ городы Гюргевы конѣ, скотъ, овцѣ и гдѣ что чюя товаръ».

1159 г. «Юрій Ярославичь изъ Турова *ходилъ* къ Путивлю, Вырю, Зарытову». Въ Лѣтописи сказано *воевалъ*, а это слово всегда означало дѣйствительную войну съ опустошеніями, пожарами, плѣномъ, грабежемъ.

1207 г. «Всеволодъ Черный изъ Чернигова *занялъ* Кіевъ, Бѣлгородъ, Торческъ». Въ Лѣтописи: «Всеволодъ Черный пришедъ сѣде въ Кыевѣ, *много зла* створивъ землѣ Рустѣй»; а въ чемъ это зло заключалось, свидѣтельствуетъ тотъ же лѣтописецъ: «устремишася на Бѣлгородъ и оступиша ѝ, и бысть брань люта, люди же изнемогахуся въ градѣ... придоша къ Торъцьскому—оступиша ѝ, и поганыя (Половцевъ) *распустиша воевать*, они же много зла створиша по земли, *ялнующе, сѣкуще и села жгуще*...»

Вотъ каковы войны, состоявшія изъ однихъ походовъ, безъ малѣйшаго кровопролитія! Подобная же *математическая отчетность* является и въ общемъ обозначеніи этихъ войнъ, которое сдѣлалъ авторъ, сказавъ въ заглавіи: «слѣдующія войны окончились походомъ и набѣгомъ». Мы уже замѣтили, что часто такіе походы, набѣги служили только началомъ

войны. Напримѣръ авторъ говоритъ: 1156 г. «Мстиславъ занялъ изъѣздомъ (внезапно) Володиміръ». Точка. Между тѣмъ этотъ изъѣздъ былъ только началомъ кровопролитія, ибо Юрій пришелъ на Мстислава, стоялъ у Владиміра 10 дней, «обсѣдшимъ въ городѣ и многы крови проливахуться межи ими, друзіи же уязвляеми умираху», и Юрій «сжалися о погыбели людьстей — възворотися въ Кіевъ, а Мстиславъ иде по немъ до Дорогобужа, воюя и жга села, и много зла створи».

Вообще необходимо замѣтить, что если и можно было собрать нѣсколько случаевъ походовъ, набѣговъ и занятій городовъ, совершившихся безъ кровавой драки, то все же нельзя было называть эти походы громкимъ именемъ *войнъ* и тѣмъ доказывать, что междоусобія вообще не отличались кровопролитіемъ. Приведенные примѣры могутъ служить весьма достаточнымъ указаніемъ, что эти войны не были или по крайней мѣрѣ далеко не всѣ были такими, какими желалъ представить ихъ авторъ, и что слѣдовательно, не смотря на строгій, математическій путь отчетности, авторъ все-таки подвергся сильному вліянію системы, теоріи и склонилъ факты, *быти, дѣи* подъ воззрѣніе, которое не могло возникнуть изъ *ближайшаго* разсмотрѣнія источниковъ, а явилось уже готовымъ можетъ-быть даже изъ того только, чтобы сказать что-либо новое, оригинальное, противорѣчащее прежнимъ положеніямъ, или изъ благодушнаго желанія отыскивать въ нашей древней исторіи одну только *добродѣтель*, нравственныя и всякія совершенства, вовсе забывая, что цѣль науки есть *правда*, а не относительная историческая нравственность.

Повидимому, авторъ именно и задалъ себѣ эту задачу, чтобъ сдѣлать нашихъ предковъ Удѣльнаго періода добродѣтельными, тихими, кроткими, терпѣливыми, однимъ словомъ, аркадскими пастушками. Послѣ упомянутаго заключенія о

войнахъ; состоявшихъ будто бы изъ однихъ походовъ безъ малѣйшаго кровопролитія, авторъ продолжаетъ: «замѣтимъ, что *всего* было не много: жители путей должны были, *разумѣется*, доставлять имъ продовольствіе, котораго было вездѣ въ изобиліи (!!), — а болѣе взять съ нихъ, говоря вообще, было нечего; жившіе по сторонамъ могли быть спокойными». Далѣе: «Вредъ отъ междоусобныхъ войнъ испытывали по большей части князья... Народъ страдалъ меньше... Князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа; они, по большей части, хотѣли владѣть тѣми городами, на кои нападали, слѣдственно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. (Князья съ воями сами по себѣ, а поселяне сами по себѣ.)» Эта мысль проводится авторомъ и въ другихъ его изслѣдованіяхъ, напр. о городахъ и ихъ обитателяхъ (томъ VII), о волостяхъ, гдѣ онъ не одинъ разъ повторяетъ, что — «война была дѣломъ княжимъ, а до поселянъ она не касалась. *Приходилось* (поселянамъ) *терпѣть* во время походовъ и войнъ междоусобныхъ *изрѣдка*, и то по большимъ дорогамъ». Положимъ, что воевъ было не много, что это были толпы, кои удобно могли ходить по дорогамъ не раздѣляясь и не затрудняясь нисколько въ продовольствіи (т. VII, 179); но вѣдь толпы эти все-таки ходили по дорогамъ, воевали не въ воздухѣ, какъ привидѣнія, а на землѣ, на которой жили въ селахъ и деревняхъ смерды или вообще *крестіане*, какъ постепенно все чаще и чаще стали обзывать ихъ князья. Какъ бы мала ни была толпа воиновъ, но въ отношеніи къ смердамъ, которые, по утвержденію автора, не принимая никакого участія въ войнахъ, *спокойно* продолжали воздѣлывать землю, *спокойно* оставались дома и отдавали для походовъ только лошадей (VII, 184), — въ отношеніи къ такимъ мирнымъ обитателямъ земли, толпа воиновъ была все-таки явленіемъ не безопаснымъ и даже страшнымъ, осо-

бенно, если мы приведемъ на память существенный характеръ древнихъ войнъ, по коему опустошенія, разоренія непріятельской земли, плѣненіе жителей, почитались единственнымъ условіемъ и главнѣйшимъ средствомъ для достиженія военныхъ цѣлей. Малая толпа, десятки ли тысячъ вооруженныхъ, привыкшихъ къ военному дѣлу людей, были одинаково страшны для смерда, ибо никогда не щадили его на непріятельской землѣ. Грабежъ, опустошеніе, пожаръ, плѣнъ — вотъ что видѣлось смерду въ этихъ малыхъ толпахъ. *Рать* въ смыслѣ войны всегда почиталась Божьимъ наказаніемъ, казнью, насылаемою отъ Бога за грѣхи, и народъ очень хорошо зналъ свойства и характеръ этой казни. Такъ лѣтописецъ, описывая однажды страшную бурю, не находитъ лучшаго подобія для изображенія опустошеній и бѣдствій, произведенныхъ ею, какъ сравнивая ее съ нашествіемъ рати. «Бысть буря велика, ака же не была николи же, около Котелничѣ, говоритъ онъ, — и разноси хоромы и товаръ и клѣти и жито изъ гуменъ, и *просто рещи, яко рать взяла*, и не остася у клѣтехъ ничтоже...» Что̀ можетъ быть краснорѣчивѣе этой простой и короткой характеристики тогдашнихъ войнъ, которую вполнѣ подтверждаютъ и всѣ свидѣтельства лѣтописей вообще о междоусобныхъ и другихъ войнахъ. Такая характеристика лежала въ сознаніи народа, и выраженіе лѣтописца вовсе не реторическая фраза. Что за ратью слѣдовали опустошенія, въ этомъ народъ былъ крѣпко убѣжденъ. Въ 1186 г. Смолняне и Новгородцы пошли на Полочанъ — «и слыша Полочане и слумаша рекуще: не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смолняномъ; аще попустимъ ихъ въ землю свою, *аще и миръ сотворимъ съ ними, а много ты зла створять, попустять ны землю, идучи до насъ;* пойдемъ къ нимъ на сумежье. И собрашася вси, и идоша къ нимъ, и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и съ честью, и даша дары

гы и уладишася, и разидошася въ страны своя кождо ихъ».
ое убѣжденіе Полочанъ не могло основываться на одномъ
ько частномъ случаѣ, на походѣ Смолнянъ и Новгородцевъ;
выразило общее, ходячее мнѣніе, что походъ ратный всег-
и вездѣ сопровождается опустошеніемъ земли, то-есть ра-
еніемъ, грабежемъ селъ, волостей. Въ то время таково
ю право войны. Впрочемъ сильнѣйшія доказательства тому,
ъ несправедливо г. Погодинъ объясняетъ характеръ меж-
собій, мы находимъ въ его же химическомъ ихъ разложе-
. Составныя части, добытыя при посредствѣ этого разло-
ія, никакъ не составляютъ того цѣлаго, которое желалъ
бразить авторъ. Доказывая напримѣръ, что вредъ отъ
здоусобныхъ войнъ испытывали *по большей части* князья,
слѣ князей терпѣли ихъ бояре и дружина, онъ въ под-
рожденіе приводитъ 19 случаевъ подъ 16 годами. За тѣмъ
должаетъ: «много доставалось городамъ» и приводитъ 24
чая подъ 20 годами, къ которымъ должно присоединить
же и 56 случаевъ осадъ. — Надо замѣтить, что по утв-
жденію г. Погодина, въ городахъ жили все еще *Варяги*,
есть потомки пришедшихъ Варяговъ, которые составили
ное сословіе или собственно городское. Древніе города,
убѣжденію автора, были только военными крѣпостями,
рогами. Но если въ городахъ жили только одни воины, то
лѣ городовъ въ посадахъ жили безъ сомнѣнія посадскіе—
одъ, и посадъ всегда составлялъ часть города. Осады
жде всего и вредили этимъ посадамъ; ихъ жгли не только
ріятели, но весьма часто и осаждаемые. Такимъ образомъ
ъ этомъ случаѣ все-таки народъ страдалъ больше. Но
ъ — *„народъ страдалъ меньше“*, заключаетъ г. По-
инъ, и въ подтвержденіе указываетъ сорокъ случаевъ подъ
годами, дѣлая послѣ 1148 г. такое замѣчаніе въ скоб-
ъ: слѣдующіе (послѣ этого года) *безпрестанные* походы

разумѣется причиняли вредъ населенію. Итакъ къ 40 случаямъ могутъ еще прибавиться хоть 10 *), и вся сумма въ соединеніи съ случаями опустошеній и осадъ городовъ представитъ довольно значительную цыфру.

Вообще по разсчету автора на 83 года междоусобныхъ войнъ приходится 16 годовъ (19 случаевъ), въ которые терпѣли вредъ князья и ихъ дружина; 20 годовъ (24 случая), въ которые терпѣли вредъ города, кромѣ осадъ (56 случаевъ); и наконецъ 30 годовъ (40 случаевъ), въ которые страдалъ народъ, не включая сюда годовъ съ 1148 по 1156, памятныхъ *безпрестанными походами* и о которыхъ можно судить по выраженіямъ лѣтописей, напр. въ 1153 году: «Бысть плачъ великъ по всей земли Галичьстѣй...» На 83 года междоусобій болѣе 40 случаевъ опустошенія земли! Чего же больше и какъ же еще больше страдать народу? А разоренія, сожженія и осады городовъ? — Авторъ никакъ не докажетъ, что разоренія и осады городовъ не наносили вреда народу. Мы уже замѣтили, что около городовъ и подъ городами жили мирные земледѣльцы, смерды, пахавшіе землю, сѣявшіе жито. Въ посадахъ жили положимъ ремесленники, торговцы. И осаждающіе, и осаждаемые жгли прежде всего *передгородье*, какъ называетъ это населеніе лѣтопись, и травили, пасли конями весь хлѣбъ въ окружности. Справедливо, что князья воевали между собою, сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе здѣсь исполнялась на дѣлѣ та извѣстная истина,

---

*) Сверхъ того въ представленномъ авторомъ исчисленіи случаевъ народнаго бѣдствія мы случайно замѣтили пропуски: напр. въ 1142 г. Игорь Ольговичъ подъ Переяславлемъ, въ которомъ сидѣлъ Вячеславъ, много пакости сотвориша, *села пожгоша* и *жита потасоша;* въ 1145 г. ходиша вся русьска земля на Галичь и *много попустиша области ихъ*... Это даетъ поводъ думать, что списокъ этотъ не полонъ, и легко можетъ быть увеличенъ.

что въ лѣсу рубятъ, а въ міръ щепы летятъ, что весь вредъ, вся тяжесть бѣдствія отъ междоусобій падали главнымъ образомъ на долю земства, народа. Князья ссорились, мирились, отнимали другъ у друга города, дружину, имѣнье, а за все и про все расплачивалась земля, и за ихъ миры и за ихъ брани. Князья даже сами очень хорошо сознавали, вопреки г. Погодину, что Русская земля гибла отъ ихъ усобицъ, и потому, стараясь иной разъ затушить возникшую ссору въ началѣ, предупредить усобицу, они — «не хотяче губити Руской земли и крестьяньской крови проливати» — постоянно твердятъ: «не пролейте крови хрестьяньскы, ни погубите Рускы земле» — «Рускыя дѣля земля и хрестьянъ дѣля не пролейвѣ крови хрестьяньскы», — и умирялися — хрестьянъ дѣля и всее Руской земли. — Точно такъ же смотрѣло на княжескія междоусобія и духовенство, которое иногда принимало на себя даже грѣхъ клятвопреступленія, убѣждая, что — «пролити кровь хрестьянину есть лжее, чѣмъ преступити крестоцѣлованіе», что оно (духовенство) приставлено въ Руской землѣ отъ Бога «застатити князей отъ кровопролитья». А народъ кромѣ того пѣлъ въ своихъ эпическихъ пѣсняхъ, что отъ княжескихъ усобицъ «погибаше жизнь», что «въ княжихъ крамолахъ вѣщи человѣкомъ сократишася».

А если и духовенство, и князья, и народъ — все современное общество сознавало, крѣпко было убѣждено, что междоусобія вели къ кровопролитію и разоренію, погубленію земли, что такъ было и на самомъ дѣлѣ, что земля вообще страдала, гибла, — то какъ же мы сумѣемъ доказать, что было-де совершенно наоборотъ, что терпѣли только князья да одно военное сословіе, которое собственно и воевало, что земство благоденствовало, спокойно воздѣлывая земли и терпя только *нарѣдки* во время походовъ, да и то по большимъ дорогамъ?

Развѣ только одинъ математическій путь, посредствомъ котораго такъ легко и удобно изъ историческихъ жизненныхъ фактовъ составлять *отвлеченныя таблицы*, то-есть обращать эти факты въ цыфры и потомъ поступать съ ними какъ требуютъ ариѳметическія дѣйствія, — развѣ только одинъ этотъ методъ, который такъ высоко ставится г. Погодинымъ, способствуетъ изъ всякой истины выгнуть какую-угодно ложь и доказать, что междоусобныя войны не только не были кровопролитны и походили на полюбовныя схватки, но даже очень много способствовали народному благосостоянію и вообще благоденствію общества. Мы уже замѣтили, что нигдѣ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина прославляемый имъ «путь строгой отчетности» не обнаружился въ такой крайности, какъ именно въ изслѣдованіи о междоусобіяхъ. Вотъ почему мы и желали сказать нѣсколько словъ противъ этого увлеченія теоріею математическаго пути, которая, при теперешнемъ по преимуществу физіологическомъ воззрѣніи на историческія *быти, дѣи*, можетъ положительно вредить изслѣдователямъ и особенно «молодымъ друзьямъ исторіи», только что приступающимъ къ чтенію лѣтописей и другихъ источниковъ. Идя математическимъ путемъ, изслѣдователь никогда не встрѣтитъ на немъ живой души; всюду будутъ являться передъ нимъ однѣ безжизненныя формы, факты, подъ видомъ цыфръ слагаемыхъ, — и не смотря на неимовѣрное множество этихъ слагаемыхъ, изслѣдователь, руководимый цыфирною отчетностью, не въ состояніи будетъ подмѣтить въ нихъ жизненной, органической связи и раскрыть такимъ образомъ правду минувшей дѣйствительности.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРИКРАСЫ ВЪ ИСТОРІИ.

Правленіе царевны Софіи, соч. г. Щебальскаго. Русскій Вѣстникъ 1856 г.

Статья г. Щебальскаго: *Правленіе царевны Софіи*, вызвала общія похвалы, общее одобреніе; всѣ прочли ее съ особеннымъ интересомъ, съ тѣмъ интересомъ, какой рѣдко и очень рѣдко выпадаетъ на долю историческихъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не отдать полной справедливости талантливому, необыкновенно живому, текучему изложенію; нельзя было не увлечься этимъ бойкимъ разсказомъ, исполненнымъ *драматизма*, этою яркою изобразительностью, съ какою авторъ представлялъ многія стороны, многія положенія и отношенія избранной имъ эпохи. Все это вполнѣ оправдывало пріемъ, сдѣланный новому таланту, такъ блистательно выступающему на трудное поприще историческаго дѣла. Вполнѣ заслуженный успѣхъ сочиненія г. Щебальскаго обязываетъ и насъ поговорить подробнѣе о его достоинствахъ и значенія въ ряду другихъ произведеній русской исторической науки.

Нельзя сказать, чтобъ сочиненіе отличалось новымъ взглядомъ на эпоху, или новымъ, неожиданнымъ освѣщеніемъ тѣхъ или другихъ ея сторонъ, бывшихъ доселѣ неразработанными или невѣрно объясненными. Кто сколько нибудь знакомъ съ

русскою исторіею, тотъ этого не встрѣтитъ въ статьѣ г. Щебальскаго, не встрѣтитъ даже новыхъ подробностей, которыя придавали бы сочиненію свѣжесть труда, самостоятельно разработаннаго по источникамъ, малоизвѣстнымъ публикѣ. Если этой любопытной эпохѣ не было до сихъ поръ посвящено отдѣльнаго изслѣдованія, то все-таки ея событія, факты, подробности и сдѣланныя заключенія о причинахъ и слѣдствіяхъ, болѣе или менѣе вѣрныя, давно были извѣстны и всегда составляли введеніе къ исторіи Петра, вступительныя главы этой исторіи. Предшествовавшіе писатели говорили объ этой эпохѣ одинъ подробнѣе, другой короче, смотря по цѣли своихъ сочиненій. Болѣе подробный обзоръ находится у Голикова въ его весьма почтенномъ, по времени, трудѣ: «Дѣянія Петра Великаго». Въ учебникѣ г. Устрялова посвящена этому времени особая статья съ заглавіемъ «Царевна Софія», гдѣ нельзя сказать, чтобъ о семи годахъ правленія Софьи упоминалось только вскользь, мимоходомъ; напротивъ, эта статья представляетъ хотя и сжатый, но весьма удовлетворительный и полный очеркъ этихъ семи годовъ. Само собою разумѣется, что, при теперешнихъ успѣхахъ въ разработкѣ русской исторіи и отечественныхъ древностей, настоитъ потребность посвятить этому времени, какъ и многимъ другимъ, отдѣльное изученіе, настоитъ потребность въ монографіи полной съ отчетливымъ, *критическимъ* изслѣдованіемъ и событій и самыхъ источниковъ.

Вопреки г. Щебальскому, до сихъ поръ не одна эта эпоха образуетъ *пробѣлъ* въ нашей исторической литературѣ и историческихъ понятіяхъ: все XVII столѣтіе есть такой пробѣлъ; а между тѣмъ, что̀ можетъ быть интереснѣе эпохи самозванцевъ и эпохи стрѣльцовъ? «Тутъ есть все, что̀ привлекаетъ вниманіе любопытнаго наблюдателя минувшихъ временъ: *драматическое* движеніе, игра страстей, борьба

партій»... Но еще важнѣе: XVII столѣтіе есть то время, когда Московская Русь развилась и выразилась вполнѣ; всѣ начала, которыя она выработала и которыми жила, были въ это время въ полномъ ростѣ и въ полномъ цвѣту, такъ что къ концу столѣтія стало весьма сильно обозначаться ихъ совершенное отцвѣтаніе — стали показываться, съ одной стороны, усилія чѣмъ бы ни было поддержать цвѣтеніе, а съ другой, такія же усилія расчистить землю, взодрать, и насадить новое сѣмя. Въ столкновеніи этихъ усилій, въ столкновеніи историческихъ началъ заключается еще болѣе драматическаго движенія, нежели въ борьбѣ партій, игрѣ страстей, поднятыхъ единственно изъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Конечно, и въ борьбѣ личныхъ цѣлей выражалась борьба началъ, но это надо открыть, замѣтить... здѣсь нуженъ микроскопъ и телескопъ, нужны необыкновенное вниманіе, мелочные, копотливые труды, на которые охотниковъ вообще мало... Да! Напримѣръ, хоть эпоха стрѣльцовъ, эпоха Софіи — сколько потребуетъ она трудолюбія, сколько работъ и изслѣдованій, мелкихъ и вовсе неказистыхъ! И для чего? — иной разъ только для того, чтобъ найдти истинную средину между двумя совершенно противорѣчащими свидѣтельствами. А сколько нужно прочесть, просмотрѣть!... Эпоха царевны Софіи необыкновенно богата самыми разнообразными матеріалами; здѣсь есть даже *записки* русскихъ современниковъ и самовидцевъ, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе и важнѣе для изслѣдователя, что писаны людьми совершенно противоположныхъ партій; записки иностранцевъ, очевидцевъ дѣла, смотрѣвшихъ на него тоже съ своей точки зрѣнія, слѣдственно представляющихъ какъ-бы новую партію, постороннюю, не принадлежащую къ дѣйствовавшимъ; множество обнародованныхъ уже актовъ, офиціальныхъ записокъ и замѣтокъ; множество памятниковъ литературныхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отразились

интересы, понятія и даже событія времени. Это только матеріалы, относящіеся прямо ко времени, о которомъ мы говоримъ. Но вѣдь это время — слѣдствіе, результатъ предшествовавшихъ царствованій: тò, чтò жило и дѣйствовало въ эту эпоху, началось, по-крайней-мѣрѣ, хоть за тридцать лѣтъ раньше... Такимъ-образомъ необходимо вникнуть въ исторію царей Ѳедора и Алексѣя, и это тѣмъ болѣе необходимо, что на долю Софьи досталось только *продолжать, оканчивать* тò, чтò было начато при ея отцѣ и братѣ; такова, напримѣръ, вся дѣятельность касательно внутренняго государственнаго устройства; такова же и во внѣшней политикѣ. Новаго она ничего не начинала. Ея правленіе развивало только старыя начала во всемъ — и въ жизни, и въ государственномъ устройствѣ, и во внѣшнихъ сношеніяхъ; ея правленіе, по характеру своему — продолженіе правленія ея брата Ѳедора и отца.

И вотъ такое-то богатство и разнообразіе матеріаловъ, такіе-то труды предстоятъ изслѣдователю этой въ высшей степени интересной эпохи. Нельзя при этомъ не замѣтить, что если недостатокъ, скудость матеріаловъ ставитъ всегда изслѣдователя въ самое затруднительное положеніе, то и богатство ихъ приноситъ неимовѣрно много хлопотъ и не менѣе затрудняетъ. Здѣсь требуется необыкновенная осмотрительность, здравость пониманія, критическая оцѣнка данныхъ — однимъ словомъ, и *малая* и *высшая* критика, какъ говорилъ Шлёцеръ, отецъ русской исторической критики, требуется вообще *мало искусства* и *много труда*... Но все это, конечно, требуется тамъ, гдѣ намѣрены изобразить эпоху во всей ея исторической истинѣ. Разумѣется, не всѣ изслѣдователи ставятъ себѣ цѣлью такое изображеніе: иные увлекаются исключительно только *драматическимъ* ходомъ, *драматическою* красотою событій, а впечатлѣніе красоты вездѣ вызываетъ самую живую потребность выразиться, изо-

бразить то̀, что̀ особенно поразило... Такимъ образомъ историческая эпоха, исполненная драматизма, возбуждаетъ желаніе передать этотъ драматизмъ, изобразить эпоху только съ этой стороны. Здѣсь уже другія требованія, другой, болѣе свободный и легкій взглядъ на матеріалы и, слѣдственно, другіе результаты труда. Сочиненія, написанныя подъ вліяніемъ этой задачи, заключая въ себѣ, по самому характеру труда, болѣе литературныхъ, художественныхъ, нежели ученыхъ достоинствъ, всегда особенно нравятся публикѣ. Мы думаемъ, что и заслуженый интересъ, съ какимъ принята статья г. Щебальскаго, условливается именно этими достоинствами... *Драматическое движеніе*, драматизированіе лицъ и событій и, какъ необходимое слѣдствіе этого, оживленное, бойкое изложеніе, текучій, быстрый разсказъ — все это такія достоинства, которыя для большинства во многихъ случаяхъ совершенно могутъ заслонить собою историческую правду, фактическую достовѣрность. Публика здѣсь рѣшительно права, потому что сочиненіе главнымъ своимъ характеромъ вполнѣ удовлетворяетъ ея требованіямъ. Публика — вообще человѣкъ страшно занятой: ей нѐкогда останавливаться на вашихъ многотрудныхъ, добросовѣстныхъ и обширныхъ изслѣдованіяхъ; она не находитъ удовольствія слѣдовать за вами по пути критическихъ изысканій — словомъ, по тому тернистому, пустынному, тяжелому пути, по которому идутъ обыкновенно къ истинѣ; ей нужна цѣль пути, результатъ вашихъ трудовъ; она съ удовольствіемъ купитъ у васъ картину, часы, но вы ее не принудите выслушать скучный разсказъ о томъ, ка̀къ писалась картина, ка̀къ дѣлался механизмъ часовъ, ка̀къ постепенно изъ частей возникало цѣлое: процессъ вашего труда не интересуетъ ея. Вотъ почему въ ученыхъ сочиненіяхъ она не любитъ примѣчать черновой работы, то есть, не любитъ скучныхъ фактическихъ объясне-

ній, посредствомъ которыхъ вы подходите къ истинѣ; она предпочитаетъ только тѣ труды, въ которыхъ и событія, и лица являются и слѣдуютъ одно за другимъ въ *движеніи драматическомъ*, въ оживленной, драматизированной связи, безъ тяжелаго обоза эрудиціи, изслѣдовательности и критическихъ замѣчаній; а это такія качества, которыя въ историческихъ сочиненіяхъ даются только послѣ самой полной, всесторонней разработки предмета или эпохи.

Что жь мы скажемъ въ настоящемъ случаѣ? Отвѣтъ будетъ неутѣшительный. Кому хорошо извѣстна степень разработки русской исторіи, и особенно исторіи XVII столѣтія, тотъ пойметъ, что на эти весьма справедливыя требованія со стороны большинства русскіе ученые отвѣчать не могутъ, что еще не настало то время, когда возможны живыя, драматизированныя картины нашего прошедшаго. Если и много у насъ издано матеріаловъ, то они до сихъ поръ еще почти не разобраны и не оцѣнены критически, до сихъ поръ не предпринималось даже первоначальной ихъ разработки, и ученый, приступающій къ изображенію данной эпохи, еще въ началѣ своего труда долженъ рѣшительно потеряться въ предварительныхъ мелочныхъ работахъ... Тамъ, гдѣ для европейскаго ученаго достаточно заглянуть въ какую либо монографію, чтобъ найдти нужное подтвержденіе своимъ выводамъ, нашъ ученый принужденъ пересматривать десятки книгъ и теряться въ ихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ. Трудъ можетъ еще больше увеличиться, если къ нему присоединится мелочная точность и добросовѣстность изслѣдователя — качества, весьма почтенныя и всѣми уважаемыя, но совершенно невыгодныя для внѣшней красоты сочиненія, для тѣхъ достоинствъ, которыми такъ увлекается большинство. Слишкомъ добросовѣстный взглядъ на дѣло при сказанныхъ неудобствахъ и разнаго рода трудностяхъ можетъ даже остановить это дѣло въ самомъ началѣ.

И точно, какъ взяться за изслѣдованіе, когда помимо чувствуешь, что и то и это, должно быть, невѣрно, что нужно еще справиться, порыться, чтобъ дознать наконецъ истину; что, напримѣръ, такой-то фактъ и весьма бы шелъ для картинности изложенія, да что-то онъ сомнителенъ, какъ-то противорѣчитъ той дѣйствительности, которую онъ долженъ рельефно обрисовывать... И задумается изслѣдователь, и пойдетъ справляться — и вотъ передъ нимъ далекая перспектива утомительнаго «мелочнаго труда, въ которомъ теряется половина времени, *скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе*... тягостная жертва, приносимая *достовѣрности!*» какъ говоритъ Карамзинъ. Но замѣтимъ снова, что такія жертвы приносятся только тѣми авторами, тружениками науки, которые, можетъ быть, ужь слишкомъ глубоко сознаютъ строгія требованія истины исторической, слишкомъ исключительно ставятъ вопросъ.

Карамзинъ говорилъ, что «есть *три* рода исторіи: *первая* современная, напримѣръ, Ѳукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; *вторая*, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; *третья* извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша... Въ *первой* и *второй* блистаетъ умъ, воображеніе дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда *творитъ*, не боясь обличенія; скажетъ: *я такъ видѣлъ, такъ слышалъ*, и безмолвная критика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. *Третій* родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному, нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали — или справедливая критика заградитъ уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что со-

хранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ». Не смотря на то, что для нашего времени существуетъ одинъ только третій родъ исторіи — родъ весьма ограниченный для таланта, мы встрѣчаемся нерѣдко и съ такими произведеніями, которыя отчасти напоминаютъ первые два рода, то-есть, исторію древнихъ. А «греки и римляне (какъ говорилъ покойный Т. Н. Грановскій) смотрѣли на исторію совершенно другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе *искусствомъ*, чѣмъ *наукою*...» Разумѣется, воззрѣніе ихъ на историческое дѣло «вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія; съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ» *). Въ наше время, конечно, не существуетъ такого воззрѣнія, но за-то сохраняется самый способъ писанія исторіи, какъ болѣе удобный и легкій для таланта, для свободы пера; вопросъ берется нѣсколько легче, и историческое дѣло является *искусствомъ* въ смыслѣ описаннаго Карамзинымъ свободнаго украшенія событій и лицъ, согласно легковѣрному, диллеттантскому взгляду на историческую науку, какъ на способный матеріалъ для всякаго рода разсказовъ и повѣствованій, съ проведеніемъ какой угодно заданной мысли.

Все это мы считали необходимымъ сказать, чтобъ яснѣе опредѣлить значеніе и сущность статьи г. Щебальскаго. Нельзя не замѣтить на первыхъ же страницахъ, что задача автора большею частью состояла именно въ томъ *искусствѣ*, о которомъ мы сейчасъ говорили.

---

*) Сочиненія Т. Н. Грановскаго, 1, 5.

Имѣя въ виду *драматическое движеніе* эпохи, авторъ, разумѣется, останавливалъ свое вниманіе на такихъ только матеріалахъ, которые способствовали достиженію главной его цѣли, которые, если и не придавали иногда драматическаго движенія, за-то доставляли сочиненію необходимыя краски, вообще *картинность*, изобразительность. Съ этою цѣлію, напримѣръ, въ разсказѣ объ избраніи Петра въ цари, онъ дѣлаетъ какую-то смѣсь изъ показаній офиціальныхъ и записокъ Крекшина, слѣдуя послѣднимъ, какъ представляющимъ болѣе драматизма. По одной офиціальной запискѣ избраніе совершилось слѣдующимъ образомъ: патріархъ съ духовенствомъ, высшіе сановники, дворяне и посадскіе, безъ сомнѣнія, выборные, били челомъ обоимъ царевичамъ, Іоанну и Петру, чтобъ они изволили самодержавный скипетръ воспріяти, кто изъ нихъ государей изволитъ. Іоаннъ отказался, говоря, что пристойно быть Петру, потому что у него *здравствуетъ мать его, царица Наталія Кирилловна*, а онъ царствомъ поступается. «И тако на престолѣ учинился царь Петръ Алексѣевичъ и крестъ ему цаловали». По другой, разрядной запискѣ это происходило такъ: духовенство и высшіе чины собрались въ Передней *) для совѣщанія, кому вру-

*) Въ одной изъ комнатъ донынѣ существующаго въ Кремлѣ царскаго терема. Передъ крыльцомъ этого терема, на *верхнемъ каменномъ дворѣ* или на площадкѣ между теремомъ и церковью Спаса за Золотою рѣшеткою собраны были и низшіе чины дворянства, гости и посадскіе. Особенно *густой*, то есть многонародной толпы, какъ говоритъ авторъ, здѣсь помѣститься не могло; поэтому мы полагаемъ, какъ и должно быть въ дѣйствительности, что этотъ *дворъ*, площадку, наполняли только *выборные* изъ посадскихъ и другіе, а не вообще народъ. Не всякій имѣлъ даже и право входить въ это внутреннее отдѣленіе царскаго дворца. Съ теремнаго крыльца патріархъ говорилъ рѣчь этому *выборному* народу. Но вѣдь авторъ пишетъ, что это было на *Красномъ Крыльцѣ*, передъ которымъ дѣйствительно могла собраться весьма густая толпа народа.

чить царство, и рѣшили, что *избранію быть общимъ согласіемъ всѣхъ людей* Московскаго Государства. Младшее дворянство, также выборные отъ народа, были призваны и поставлены на площадкѣ передъ теремнымъ крыльцомъ. Патріархъ съ духовенствомъ и боярами вышелъ на крыльцо и сказалъ рѣчь, изложивъ обстоятельно, въ чемъ дѣло. Рѣчь заключилась вопросомъ: кому изъ двухъ братьевъ быть преемникомъ Ѳеодора? Единодушный и единогласный отвѣтъ былъ, что быть Петру. Патріархъ съ такимъ же вопросомъ обратился къ боярству, и получилъ такой же отвѣтъ. Послѣ того патріархъ, въ сопровожденіи духовенства и сановниковъ, пошелъ къ царевичу и благословилъ его на царство. Тотчасъ же послѣдовала и общая всенародная присяга. — Крекшинъ разсказываетъ это событіе иначе и съ украшеніями, которыя у него имѣютъ свою цѣль. По его словамъ, патріархъ съ духовенствомъ и бояре съ прочими сановниками предъ избраніемъ разошлись по особымъ палатамъ. Здѣсь-то, въ собраніи одного только духовенства, патріархъ сказалъ рѣчь, которую приводитъ авторъ, присовокупляя, что она сказана въ общемъ собраніи сановниковъ (Ст. I, 20). Духовенство отвѣчало: «да будетъ царемъ Петръ, а Іоаннъ, скорбенъ и слабости ради тѣлесной, не можетъ править царствомъ». Послѣдовало цѣлованіе креста. Въ то же время и боярство, въ особой палатѣ, само по себѣ «согласно утвердило быть на престолѣ Петру» и, войдя къ патріарху, возвѣстило ему свое намѣреніе. «Посемъ *патріархъ объявилъ всѣмъ, чтобъ вопросить всѣхъ чиновъ Московскаго Государства*. И того ради съ духовенствомъ и сановниками вышелъ на крыльцо, что̀ передъ Переднею» (а не на Красное, какъ говоритъ г. Щебальскій) и сказалъ народу рѣчь, которую заключилъ вопросомъ: «Кто изъ сихъ преемникъ будетъ, *или оба обще царствуютъ?*» Всѣ отвѣчали: «да будетъ единъ Петръ».

Святитель, благословивъ народъ, повторилъ вопросъ царскому синклиту: «одному или обще царствовать?» Съ тѣмъ же вопросомъ онъ обратился еще къ лику святительскому; отвѣтъ былъ тотъ же: «да будетъ *единъ* Петръ». Послѣ этого всенароднаго рѣшенія патріархъ, въ сопровожденіи духовенства и боярства, пришелъ въ комнаты Петра, благословилъ царевича и потомъ, *ставъ на колѣни со всѣмъ ликомъ пришедшимъ, употребилъ глаголъ къ Великому Государю. Глаголъ* этотъ заключался въ просьбѣ принять царство. Петръ, десятилѣтній отрокъ, поднялъ патріарха и отказался отъ предложенія, предоставляя царство брату Іоанну. Патріархъ повторилъ *прошеніе*. Петръ повторилъ отказъ. Патріархъ указалъ на слабое здоровье Іоанна «и, приступивши всѣ къ Великому Государю и къ ногамъ Его Величества себѣ повергоша, *слезное моленіе творяше*, да не презритъ ихъ моленія, яко вѣрныхъ рабовъ его и уповающихъ на него... Государь-Царевичъ! не презри моленія рабовъ твоихъ (говорилъ патріархъ) и, сотворя обыкновенное моленіе (молитву), нарекъ царевича на престолъ всероссійскій, и вземъ животворящій крестъ, осѣнилъ царское величество». Послѣдовалъ возгласъ архидіакона, многолѣтіе и поздравленія. Читатель легко замѣтитъ, что разсказъ Крекшина принадлежитъ къ тому роду исторіи, который Карамзинъ приписывалъ грекамъ и римлянамъ. Какъ словоохотливый старинъ, какъ партизанъ Петра, Крекшинъ употребилъ всѣ средства, чтобъ выставить дѣло въ такомъ свѣтѣ, который оправдывалъ бы и выборъ Петра на царство и самого Петра, принявшаго царство какъ-бы неохотно, и служилъ бы такимъ образомъ еще бо̀льшимъ обвиненіемъ противной стороны. Съ этою цѣлью у Крекшина патріархъ спрашиваетъ боярство и народъ: одному царствовать или обоимъ? и нѣсколько разъ повторяетъ этотъ вопросъ; съ этою цѣлью патріархъ становится на колѣни и молитъ *де-*

пятилѣтняго отрока о принятіи престола; съ этою цѣлью отрокъ отказывается, не рѣшается принять и т. д. Чтобъ одною чертою опредѣлить характеръ «Записокъ» Крекшина, слѣдуетъ привести разговоръ Петра съ царевною Софьею, пришедшею съ сестрами поздравить его:

«Царевна Софія, желая вѣдать, какой глаголъ отъ Великаго Государя воспослѣдуетъ, особливо же яко бы привѣтствуя Царскому Величеству, рекла: «Въ законѣ тя благочестиваго Государя Богъ да утвердитъ». Великій Царь отвѣтствовалъ: «Во исполненіи закона спасеніе наше есть; всѣмъ долгъ же есть послѣдовать закону; симъ покорность свою вѣнчаетъ прежде, нежели онъ достойную получитъ мзду. Законы предустановленія Божія суть; непреложно должны имъ повиноваться; противность же безполезна; повиновеніе всегда угодность есть Богу, какъ жертва, которая пристойна есть къ его самовластной силѣ, понеже мы раждаемся для исполненія законовъ. Промыслъ Божій всѣми вещами и верховною властію управляетъ; и нѣтъ больше власти, какъ обладать самимъ собою и страстями своими. Послушаніе же наше о принятіи престола родительскаго, покорная наша есть воля, и самое лучшее приношеніе, которое бы мы могли принесть его человѣколюбію. Благодарныя сердца своевольно повинуются; одни только своевольные, слѣпые не признаютъ предвѣдѣнія и промысла Божія; понеже оной чрезъ столько дѣлъ показывается, сколько вещей есть въ естествѣ. Тажъ большую о себѣ славу, неже животъ свой любити хощу; понеже безъ великія славы безщастна есть жизнь». Царевна Софія Алексѣевна глаголъ сей приличествовала своей персонѣ, признавъ, яко извѣстенъ Государь о ея намѣреніи, учиня поклоненіе, изыде отъ Великаго Государя въ покои свои.»

Вотъ какъ *отрокъ* Петръ, еще при началѣ драмы, проникалъ въ замыслы Софіи! Со стороны изслѣдователя, чтобъ

воспользоваться такимъ источникомъ, требовалось здраваго соображенія, тщательной повѣрки этихъ свидѣтельствъ другими, болѣе достовѣрными; но такъ-какъ дѣло состояло въ драматическомъ движеніи, въ картинности разсказа, то выборъ между разнородными и разнохарактерными свидѣтельствами былъ тотчасъ же рѣшенъ... Мы ужь замѣтили, что о рѣчи, которую патріархъ сказалъ въ собраніи только духовенства, напоминая тому, кто изречетъ рѣшеніе по страсти, жребій измѣнника Іуды, авторъ говоритъ, что она произнесена собравшимся вокругъ патріарха сановникамъ, что потомъ, вышедъ на *Красное* Крыльцо, патріархъ обратился за рѣшеніемъ къ народу, стоявшему здѣсь густою толпою. Вопросъ, обращенный къ народу, представилъ автору случай дать дѣлу *драматическое движеніе*. Онъ говоритъ:

«Не взирая на увѣщаніе и угрозу первосвятителя, позволительно думать, что страсти въ эту минуту не дремали: для той и другой партіи рѣшался вопросъ *быть или не быть*. Поэтому мы не можемъ допустить, чтобъ рѣшеніе этого собранія было произнесено такъ единодушно и спокойно, какъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ, большею частію офиціальные документы. Большинство присутствующихъ было расположено къ Петру, ибо состояло почти изъ вельможъ и духовенства, и потому весьма понятно, что младшій Царевичъ восторжествовалъ въ этомъ собраніи. Но зачѣмъ рѣшеніе перваго собранія было потомъ предложено на утвержденіе народу? Какъ извѣстно, обычай совѣщаній народныхъ давно исчезъ въ Россіи *). Кто же могъ сдѣлать подобное предло-

*) Обычай совѣщаній народныхъ, обычай собирать вѣче—дѣйствительно уже давно исчезъ въ это время; но еще не исчезалъ обычай въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ обращаться къ народу, требовать его мнѣнія. Если дѣло касалось общихъ интересовъ, интересовъ всего государства, бывалъ земскій соборъ; въ частныхъ вопросахъ, напр. объ от-

женіе? (Патріархъ, какъ видѣли выше изъ разсказа Крекшина). Очевидно, приверженцы Софіи, которые опираясь на расположеніе нѣкоторой части стрѣльцовъ, могли ожидать въ приговорѣ массы народной болѣе благопріятнаго для себя рѣшенія. *Заключеніе наше не опирается, правда, ни на одномъ словѣ ни въ офиціальныхъ документахъ, ни даже въ частныхъ извѣстіяхъ* (которымъ притомъ противорѣчитъ); но тогда ни въ Россіи, ни въ другихъ государствахъ не существовало обычая обнародывать самыя пренія, а объявлялся только результатъ ихъ: такъ дѣлало правительство въ своихъ офиціальныхъ актахъ, того же обычая держались и частные люди (всегда ли?), когда вели свои записки. Много любопытнѣйшихъ подробностей погибло такимъ образомъ для насъ безъ всякаго слѣда. Но мы ничѣмъ иначе не можемъ объяснить намѣренія собранія подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе, какъ вліяніемъ партизановъ Софіи (слѣдовательно, патріархъ принадлежалъ къ такимъ партизанамъ). Отважившись на это, патріархъ вышелъ на *Красное* крыльцо, у котораго *густою* толпою стоялъ народъ. При видѣ Святителя, сопровождаемаго важнѣйшими сановниками духовнаго и свѣтскаго чина, смолкнулъ смутный говоръ толпы, головы обнажились и посреди глубокаго безмолвія патріархъ произнесъ (слѣдуетъ рѣчь: кому быть царемъ всея Россіи?). Не безъ надежды и не безъ тревоги ожидали обѣ партіи народнаго приговора. Но еще Софія не успѣла преклонить на свою сторону большинства; тщетно нѣкоторыя ея агенты,

---

ставкѣ мѣстничества и др., собирали выборныхъ изъ тѣхъ сословій, до которыхъ касался вопросъ. Сколько намъ извѣстно, послѣдній земскій соборъ, служилаго и торговаго сословія, былъ 1653 года 1 октября „о Литовскомъ и Черкасскомъ дѣлѣ.“ Соборное дѣянье только между служилымъ сословіемъ объ отставкѣ мѣстничества происходило въ теремныхъ покояхъ, 1681 года 24 ноября.

набранные изъ буйной сволочи (!), которою обильны всегда большіе города, *пытались* провозгласить Іоанна; изъ всей этой густой толпы возвысился одинъ голосъ, одинъ приговоръ: да будетъ царемъ Петръ! Патріархъ благословилъ народъ и произнесъ: «ему единому или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?» и *шумный* голосъ народа еще разъ отвѣтствовалъ ему: да будетъ Царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи».

Здѣсь мы видимъ, какъ постепенно собственныя соображенія автора, не опирающіяся, какъ онъ самъ замѣтилъ, ни на одномъ словѣ офиціальныхъ документовъ и частныхъ извѣстій, переходятъ уже въ драматизированныя картины, какъ изъ соображеній возникаютъ событія...

«Съ этимъ рѣшеніемъ (продолжаетъ авторъ), патріархъ возвратился въ палаты царскія, чтобъ волею народа наречь на царство Петра. Благословивъ его, *онъ сталъ на колѣна* и сказалъ: «Престолъ Всероссійскій вдовствуетъ по кончинѣ государя Ѳеодора Алексѣевича. Отъ имени всего народа православнаго молю тебя, пріими скиптръ прародителей твоихъ и благоволи быть нашимъ царемъ!» Петръ *поднялъ* престарѣлаго святителя, говорилъ, что чувствуетъ себя еще слишкомъ юнымъ для управленія царствомъ, и просилъ предоставить престолъ старшему брату. (Замѣтьте: все это исполняетъ десятилѣтній отрокъ!) Но патріархъ, поддерживаемый присутствующими, повторилъ, что таково желаніе народа, и упомянулъ объ умственныхъ и физическихъ несовершенствахъ Іоанна. «Государь, говорилъ онъ, не презри моленія рабовъ твоихъ!» И, *не ожидая отвѣта, осѣнилъ его крестомъ* и нарекъ царемъ всея Россіи, а архидіаконъ возгласилъ ему многолѣтіе...»

Трудно понять эту картину, трудно и рѣшительно невозможно представить себѣ патріарха, главу церкви, на колѣнахъ

предъ отрокомъ Петромъ; трудно въ настоящемъ случаѣ представить себѣ патріарха, высшее духовенство и боярство такими стоящими на колѣняхъ, умоляющими отрока Петра принять праздный тронъ. Трудно сообразить, что это, даже слезное, какъ говоритъ Крекшинъ, моленіе вело къ тому, чтобъ, потомъ, не ожидая отвѣта, осѣнить Петра крестомъ и нарочъ его на царство силою *).

Но *драматическое* движеніе въ изложеніи событій, въ обрисовкѣ лицъ, слѣдуетъ у автора почти непрерывно и, разумѣется, очень часто въ ущербъ исторической истинѣ. Такъ въ началѣ своей статьи, говоря о Морозовѣ, о его вліяніи на тогдашнія дѣла, г. Щебальскій заключаетъ:

«Такимъ образомъ могущество Морозова казалось надолго упроченнымъ; по крайней мѣрѣ для этого были приняты всѣ позволительныя и непозволительныя мѣры. *Тѣмъ не менѣе онъ палъ* (!). Мѣсто его занялъ другой родственникъ царицы, Иванъ Михаиловичъ Милославскій. Человѣкъ этотъ игралъ одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ эпоху, къ которой приближаемся; незнатный по своему происхожденію, онъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность къ Морозову во время его могущества, былъ преданнымъ ему человѣкомъ и много работалъ за него. Бракъ же государя съ его родственницею возвысилъ его до той степени, на которой уже не страшны удары временщиковъ. Милославскій, прочно утвердившись при Дворѣ, не страшился болѣе гнѣва, какъ и не искалъ покровительства Морозова, и когда тотъ *палъ*, онъ заступилъ его мѣсто» (стр. 7).

---

*) Въ началѣ своего разсказа объ избраніи Петра авторъ замѣтилъ въ выноскѣ, что принимаетъ въ руководство разсказъ Крекшина, какъ болѣе прочихъ подробный, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ противорѣчитъ офиціальнымъ документамъ. Но мы видѣли, что, наоборотъ, авторъ мало слѣдуетъ Крекшину и беретъ у него именно тѣ только мѣста, которыя противорѣчатъ офиціальнымъ документамъ.

Къ величайшему сожалѣнію, мы должны замѣтить талантливому автору, что здѣсь ни въ одномъ словѣ нѣтъ правды. Въ драматическомъ движеніи, конечно, неизбѣжны весьма частыя *паденія* не того, такъ другаго лица... Но когда же *палъ* Морозовъ, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, дядька и своякъ царю Алексѣю? Если это случилось послѣ извѣстнаго событія 1648 года, когда онъ посланъ былъ даже въ Кирилловскій монастырь, такъ должно замѣтить, что здѣсь онъ сильно палъ въ народномъ только мнѣніи, нисколько не утративъ своей силы и своего значенія при Дворѣ, и, можетъ быть, нигдѣ такъ не выразилась эта сила и это значеніе, какъ именно въ посылкѣ его въ Кирилловскій монастырь. Вы помните, съ какимъ наказомъ отъ государя онъ былъ отправленъ туда. Добрый государь собственноручно писалъ къ тамошнему игумену: «И вамъ бы сей грамотѣ вѣрить, и здѣлать бы, и уберечь ото всякого дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнюдь бы никто не вѣдалъ, хотя и выѣдетъ куды; а если свѣдаютъ, и я свѣдаю, и вамъ быть кажненымъ; а если убережете его такъ какъ и мнѣ добра ему здѣлаете, и я васъ пожалую такъ, чего отъ зачала свѣта такой милости не видали; а грамотку сію покажите ему пріятелю моему». Посылка эта была непродолжительна. Съ возвращеніемъ въ Москву возвратилось и вліяніе и могущество Морозова, которое и угасло только вмѣстѣ съ его смертью, въ 1661 году. Мѣсто его, хотя и невполнѣ, еще при его жизни, занялъ дѣйствительно Милославскій, но не Иванъ Михайловичъ, а Илья Даниловичъ, тесть государевъ и тесть Морозова. Вліяніе и сила Ильи Даниловича послѣ смерти Морозова была неограниченна и равнялась той же силѣ первенствующаго временщика. Но въ 1665—1668 гг. Милославскій, разбитый параличомъ, а затѣмъ умершій, уступаетъ эту силу другимъ любимцамъ государя. Она мало по малу распадается между разными ли-

цами — Богданомъ Хитрово, Ординымъ-Нащокинымъ, Матвѣевымъ. Матвѣевъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми по вступленіи Алексѣя Михайловича въ новый бракъ съ Нарышкиною. Иванъ же Михайловичъ Милославскій занимаетъ видную роль только съ воцаренія Ѳедора Алексѣевича. При Морозовѣ онъ былъ стольникомъ и пожалованъ прямо въ окольничіе въ 1660 году, слѣдственно, только за годъ до смерти Морозова. Въ 1668 году, то есть шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Морозова и въ годъ смерти Ильи Милославскаго онъ сталъ управлять только Аптекарскимъ Приказомъ. Въ 1678 году, чрезъ три года по вступленіи на престолъ Ѳедора, онъ пожалованъ въ бояре и съ этого года завѣдуетъ дѣлами многихъ весьма важныхъ вѣдомствъ, что̀ продолжалось до самой смерти его, въ 1685 году.

Авторъ, впрочемъ, и Милославскому приписываетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, паденіе и возставаніе. Онъ говоритъ, что Милославскій съ избраніемъ Петра удалился отъ дѣлъ, а послѣ стрѣлецкаго дѣла, когда Милославскіе взяли верхъ, онъ получилъ Приказъ Большой Казны, то есть завѣдывалъ всѣми доходами государства, слѣдственно, опять сдѣлался членомъ правительства. Замѣтимъ, что это удаленіе и возвращеніе произошло въ теченіе двухъ съ половиною недѣль. Ужь одна быстрота такихъ перемѣнъ весьма сомнительна. Намъ кажется, все это только *драматическія краски*, для которыхъ, къ сожалѣнію, авторъ весьма часто жертвуетъ фактическою правдою. Приказъ Большой Казны Милославскій получилъ въ управленіе вмѣстѣ съ другими приказами, въ 1678 году, за четыре года до смерти Ѳедора и событій, послѣдовавшихъ за нею *).

*) Милославскій съ 1678 по 1685 годъ управлялъ Приказами: Большой Казны, Большаго Прихода, Володимерской, Галицкой, Новгородской и Новой Четвертей, Иноземскимъ и Рейтарскимъ.

«Достигши высокой степени значенія при Дворѣ и могущества, Милославскій могъ надѣяться долго на ней удержаться, потому что Марья Ильинишна даровала царю многихъ царевенъ и царевичей. Но въ 1669 году Марья Ильинишна скончалась; царь, еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, могъ пожелать вступить во вторичный бракъ и положеніе Милославскаго, мало любимаго и уважаемаго царедворцами (за что?), сдѣлалось нѣсколько шаткимъ. Оно сдѣлалось еще болѣе сомнительнымъ, когда сталъ быстро возвышаться въ милости царской Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ» (стр. 8).

Мы уже знаемъ, что Милославскій не игралъ важной роли въ описанное здѣсь время, не стоялъ на высокой степени значенія и могущества, да и при Ѳедорѣ онъ не могъ достигнуть этой степени могущества и значенія, хотя авторъ и говоритъ (стр. 10), что онъ занялъ въ это время *первое мѣсто у престола, сдѣлался всесильнымъ*... Были тогда Хитрово и Языковъ, которые одинъ съ другимъ употребляли всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать особенному значенію и могуществу Милославскаго. Припомнимъ, что̀ по этому случаю пишетъ Татищевъ: «Какъ Царь Ѳеодоръ престолъ принялъ, дядька его Богданъ Матвѣевичъ прозваніемъ Хитрой, а умомъ и совѣстію простой и доброй человѣкъ, вѣдая, что Государь дядю Ивана Милославскаго, человѣка коварнаго и злостнаго возьметъ, опасался, чтобъ не усилился (слѣдственно, до-сего силенъ не былъ) и ему вреда не нанесъ, оное открылъ пріятелю своему изъ незнатныхъ дворянъ Ивану Языкову, человѣку остраго ума и разсужденіями хитрыми недостатокъ онаго министра достаточно награждающему. Сей Языковъ присовѣтовалъ Милославскаго дѣлами отяготить, дабы ему для оныхъ удобность часто при Дворѣ быть отнять, — положили на него труднѣйшіе восмь приказовъ. Товарищей въ оные Милославской по своей совѣсти выбралъ, въ чемъ ему умышленно со-

изволили, дабы жалобами на оныхъ Милославскаго изъ милости у Государя отбить, *что и удалося*».

Милославскій потому и поднималъ интриги противъ своихъ соперниковъ Нарышкиныхъ, и особенно противъ Матвѣева, что ему все не удавалось достигнуть высокой степени значенія и могущества. Такъ онъ и умеръ, не сдѣлавшись временщикомъ. Стрѣлецкая трагедія, какъ называлъ ее сынъ Матвѣева, была сочинена и поставлена на сцену все изъ тѣхъ же побужденій. Въ теченіе долгаго времени, съ неутомимостью, съ необыкновенною энергіею и постоянствомъ, онъ успѣлъ привести между стрѣльцами въ такую ненависть имя Нарышкиныхъ, что стрѣльцы во всякое время, при всякомъ сколько нибудь удобномъ случаѣ, готовы были идти на новую трагедію. Вотъ почему такъ легко поднималась эта буря и такъ легко было управлять ею. Это было *сѣмя Ивана Михайловича* — такъ выразился Ромодановскій въ письмѣ къ Петру о послѣднихъ бунтахъ стрѣльцовъ, увѣдомляя, что *сѣмя Ивана Михайловича ростетъ*... Но хитрость, тонкое умѣнье пользоваться обстоятельствами были такъ велики у этого человѣка, что о его продѣлкахъ узнали только спустя тринадцать лѣтъ послѣ его смерти. Извѣстно возмездіе, какое получилъ онъ за свои дѣла и послѣ смерти: гробъ его, вырытый изъ могилы, привезенъ былъ въ Преображенское на свиньяхъ, поставленъ у плахъ измѣнничьихъ «и какъ головы имъ сѣкли, и руду (кровь) точили въ гробъ на него Ивана Милославскаго»; а послѣ останки его были разсѣчены палачами на части и «во всѣхъ застѣнкахъ въ Москвѣ подъ дыбами закопаны на вѣчную его Милославскаго кровопролитную память».

Вообще мы принуждены замѣтить, что авторъ освѣтилъ Милославскаго не съ надлежащей точки, и оттого фигура

потеряла свою правильность и удалилась отъ истины исторической.

Нельзя также согласиться съ авторомъ въ опредѣленіи состава и силы партій Нарышкинской и Милославскихъ. Онъ говоритъ:

«Приверженцы Петра *считали въ рядахъ своихъ* лучшія имена тогдашней аристократіи, каковы были: Одоевскіе, Голицыны, Долгорукіе, Черкасскіе, Троекуровы, Ромодановскіе, Куракины, Лыковы, Урусовы, Репнины, Шереметевы и многіе другіе. Въ старой Россіи, гдѣ такъ строго соблюдались разграниченія, гдѣ простолюдины кланялись до земли всякому боярину, много значило имѣть на своей сторонѣ бо́льшую часть родовой и служебной аристократіи; духовенство и во главѣ его патріархъ, было также расположено къ Петру, сыну щедрой къ церквамъ, набожной Наталіи Кириловны; къ нему же наконецъ, какъ уже сказано, было обращено и народное сочувствіе. Но многіе изъ партизановъ Петра и его матери не любили Нарышкиныхъ, и отъ того партія эта не имѣла цѣлости; народъ, напримѣръ, преданный молодому царевичу и царицѣ, не любилъ ихъ родню, непривѣтливую и надменную (неужели только за это не любилъ народъ, кланявшійся въ землю каждому боярину? — вѣдь такими качествами отличалось въ отношеніи къ низшимъ все старинное боярство). То же самое должны были чувствовать весьма многіе мелкіе, которые не безъ основанія считали себя выше Нарышкиныхъ, какъ по происхожденію, такъ и по заслугамъ и живо сохранившимся еще расчетамъ мѣстничества. Наконецъ главнымъ несчастіемъ партіи было то, что она не имѣла руководителя. Петръ былъ еще почти младенцемъ, дѣлъ же и дѣла его, какъ лица слишкомъ несовершенные, не могли стать во главѣ партіи, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ того времени. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, на-

дежды партіи обратились на Артамона Сергѣевича Матвѣева, котораго и по опытности его въ дѣлахъ, и по любви къ нему народной и по близкимъ отношеніямъ къ Наталіи Кириловнѣ всѣ признавали единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять интересами и силами приверженцевъ Петра.»

Изъ этого же объясненія уже видно, что, несмотря на аристократію, партія Нарышкиныхъ была очень слаба. Аристократія была расположена къ Петру по той же причинѣ, по какой расположено было и духовенство, и питалъ сочувствіе народъ: въ Петрѣ видѣли всѣ данныя, какія нужны для будущаго государя и какихъ не видали въ больномъ и слабомъ отъ рожденія братѣ его Іоаннѣ. Это было общее мнѣніе, и потому ни духовенство, ни аристократія, ни народъ не составляли партіи и не стояли въ рядахъ ея. Царскіе родственники, Нарышкины, повидиму были люди безцвѣтные, и вся партія, можно сказать, заключалась въ одномъ лицѣ — Матвѣевѣ, котораго Милославскіе, какъ сильнѣйшіе, и постаралися вовремя удалить отъ двора. Припомнимъ, что и двое братьевъ царицы, Иванъ и Аѳанасій Нарышкины, при Ѳедорѣ были также сосланы.

Увеличивъ такимъ образомъ силу и значеніе партіи Нарышкиныхъ, г. Щебальскій продолжаетъ:

«Совсѣмъ другое зрѣлище представляла противная партія. Въ ней насчитывалось мало именъ: сама Царевна Софія, Иванъ Милославскій, племянникъ его Александръ, да двое другихъ его родственниковъ, Толстыхъ, — и только. (А Голицынъ, *великій* Голицынъ?) Но эта партія имѣла на своей сторонѣ то важное преимущество, что она была сильно связана единствомъ цѣли и воли. Притомъ она опиралась на вооруженную и организованную массу стрѣльцовъ.»

Нѣтъ, и кромѣ стрѣльцовъ, партія Милославскихъ была сама по себѣ несравненно сильнѣе Нарышкинской. Нужно за-

мѣтить, что Милославскихъ вывелъ въ люди еще Морозовъ; съ 1648 года Милославскіе получили ходъ, и съ того времени, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ сила ихъ увеличивалась съ каждымъ годомъ. Въ ряды ихъ постепенно и непрерывно прибывали новые родственники и друзья, которые, разумѣется, и прибывали для того, чтобъ занять тамъ или здѣсь, то или другое мѣсто. Тѣми же правами и средствами Нарышкины пользовались только пять лѣтъ: въ пять лѣтъ нельзя было такъ распространиться и укорениться, какъ въ двадцать слишкомъ. Вотъ почему, когда, съ новымъ бракомъ царя, въ 1671 году, явились на сцену Нарышкины, хотя дѣйствія партіи Милославскихъ и значительно были ослаблены, но сама партія, то-есть, масса людей, связанныхъ одними интересами, не могла пасть слишкомъ низко, такъ, какъ пала, наоборотъ, партія Нарышкиныхъ, когда, по смерти Алексѣя, вступилъ на царство Ѳедоръ, не могла пасть низко, потому что почти все семейство царя Алексѣя было рождено царицею Маріею Ильиничною, и на Наталью Кириллову все семейство смотрѣло какъ на мачиху. Въ царствованіе Ѳедора Милославскіе опять стали твердою ногою и на своихъ прежнихъ и на новыхъ мѣстахъ. Было все сдѣлано, чтобъ удалить далѣйшее вліяніе Нарышкиныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, болѣе опасные, братья царицы, Иванъ и Аѳанасій, и др. были сосланы. Братья царицы были обвинены въ намѣреніи лишить жизни царя Ѳедора. Матвѣевъ еще прежде былъ сосланъ; а сначала намѣревались даже удалить изъ Кремля и царицу Наталью Кириллову съ Петромъ. Отчего жь, если въ рядахъ партіи Нарышкиныхъ стояла почти вся аристократія, отчего жь эта аристократія допустила ссылку, напр. Матвѣева, лучшаго и сильнѣйшаго человѣка партіи? Можно возразить, что это было еще при Ѳедорѣ, когда партіи еще рѣзко не могли обозначиться; но можно также сказать, что

партіи не создаются въ одни сутки, или даже въ нѣсколько часовъ. Избраніе Петра послѣдовало въ день смерти Ѳедора, а въ это время, по описанію автора, ужь дѣйствовали партіи, и партія Нарышкиныхъ была несравненно сильнѣе, хоть по числу лицъ: къ ней ужь принадлежала почти вся аристократія... И почему такъ поздно надежды партіи обратились на Матвѣева, когда партія, по своей аристократической силѣ, и при Ѳедорѣ могла отстоять Матвѣева и воспрепятствовать по крайней мѣрѣ его ссылкѣ?

Но, придавъ небывалую силу партіи Нарышкиныхъ и увидѣвъ совершенное ея бездѣйствіе въ роковую минуту, авторъ поневолѣ долженъ былъ обвинить ее. Обвиненіе Нарышкиныхъ и обвиненіе Матвѣева изложено съ тою же живостью и драматичностью разсказа; оно занимаетъ полныя три страницы. Авторъ обвиняетъ *правленіе Нарышкиныхъ* (замѣтимъ, правленіе семнадцатидневное) въ безпрерывныхъ ошибкахъ... Эти ошибки заключались въ томъ, что со стороны Нарышкиныхъ, по случаю мятежа стрѣльцовъ, не было выказано ни малѣйшаго брагоразумія, ни малѣйшей энергіи... Никакихъ, совершенно никакихъ мѣръ не было принято для предотвращенія бури... Не было собрано войско... *) Никто не подумалъ препятствовать сношеніямъ Милославскаго съ стрѣльцами (а кто зналъ эти сношенія?)... Онъ не былъ заключенъ или хоть высланъ изъ Москвы, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлаться слишкомъ опаснымъ и неприкосновеннымъ... Далѣе:

«Матвѣевъ былъ рѣшительно ниже роли, которую ему указывали надежды его друзей и важность настоящихъ обстоятельствъ... Въ минуту столкновенія партій при неспровер-

*) Въ послѣдней своей статьѣ авторъ указываетъ, какъ скоро можно было собрать войско.

женія порядка, предводительствовать одною изъ этихъ партій онъ былъ не въ состояніи... Для начальника партіи нужно болѣе быстроты и энергіи, чѣмъ спокойной мудрости, болѣе смѣлости, чѣмъ правоты чувства, а этихъ именно свойствъ ему и недоставало. Человѣкъ, рожденный для дѣйствованія посреди политическихъ бурь, не сталъ бы дожидаться приказанія ѣхать въ Москву. Узнавши отъ гонцовъ, разосланныхъ послѣ кончины Ѳеодора, о воцареніи Петра, Матвѣевъ *могъ бы* тотчасъ же пуститься въ путь, *поспѣть на Москву 1 или 2 мая* и, принявши рѣшительныя мѣры, вѣроятно *успѣлъ бы* еще предупредить мятежъ. Но онъ, какъ видно, *не очень торопился пріѣздомъ. Тутъ онъ останавливался, чтобъ принять приготовленный для него обѣдъ, тамъ, чтобъ отслушать обѣдню или отдохнуть на дорогѣ*... Такъ ли должно ему было спѣшить?... Знаемъ, что ни *хорошихъ дорогъ*, ни *исправныхъ почтъ не было* тогда въ Россіи, знаемъ, что Матвѣевъ былъ не молодъ и очень истощенъ лишеніями и страданіями послѣднихъ годовъ, но если не было почтъ, то были ямы, ѣхать было нужно безостановочно, а энергія нуждается бодрость и крѣпкаго тѣла! Такимъ образомъ бояринъ [illegible], на которыхъ [illegible] надежды всѣ партіи, прибылъ въ Москву только 12 мая, когда мятежъ готовъ былъ вспыхнуть. Но и тогда нельзя сказать, чтобъ [illegible] ничего нельзя было сдѣлать, чтобъ обезпечить за какой нибудь [illegible]? Мы знаемъ, какое [illegible] бодрое, во большей части [illegible] Петру, были тогда въ Москвѣ; число ихъ [illegible] превосходило [illegible] тотчасъ же собраны и [illegible] что боярство не [illegible] Петра. Матвѣевъ [illegible] тогда быть [illegible] Мы знаемъ, что Петру [illegible] были почти всѣ [illegible]

ки; большинство народа тоже было на его сторонѣ, это доказано избраніемъ, — какимъ же образомъ могла побѣдить противная партія? Въ чемъ заключалась ея сила? Въ безпрерывныхъ ошибкахъ, ознаменовавшихъ правленіе Нарышкиныхъ. Нѣтъ, какъ ни расположены мы сочувствовать несчастіямъ Нарышкиныхъ, добродѣтелямъ Матвѣева — мы не можемъ не высказать ихъ ошибокъ, также какъ не можемъ повторить столь часто произносимыхъ проклятій (для историка проклятій не должно существовать: это принадлежитъ только партизанамъ дѣла) противъ честолюбія царевны и интригъ Милославскаго, не отдавши справедливой дани искусству и твердости, съ которыми стремились они къ своей конечно преступной цѣли. Нѣтъ, противъ этихъ двухъ борцовъ, *тайно*, но сильно поддерживаемыхъ Голицынымъ, Матвѣеву устоять было трудно, хотя люди даже противной партіи говорятъ, что онъ былъ «остръ въ разумѣ и гражданскимъ дѣламъ искусенъ зѣло» (стр. 35—36).

Много нужно было бы говорить, чтобъ раскрыть полную несправедливость этихъ обвиненій, эту необыкновенную легкость, съ какою авторъ подчиняетъ и, такъ-сказать, нагибаетъ къ своей цѣли историческую истину... Ограничимся нѣсколькими замѣтками. Выше мы указали, что Нарышкины, какъ партія, слишкомъ были слабы, чтобъ предупредить бурю; и это тѣмъ было невозможнѣе, что почти всѣ части управленія находилась въ рукахъ или приверженцевъ Милославскихъ, или людей нейтральныхъ, хотя и склонявшихся на сторону Петра, но еще не видѣвшихъ, чѣмъ можетъ кончиться возникавшая борьба. Какъ было распоряжаться Нарышкинымъ, когда они всюду встрѣчали себѣ недоброжелателей, или людей сомнительной преданности; да, въ добавокъ, и когда все это было дѣлать? Съ того времени, какъ они возвысились избраніемъ Петра, и до мятежа 15 мая протекло только 17-ть дней;

въ это время еще нужно было возвратить ссыльныхъ. Но, главное, объ этой бурѣ Нарышкины, какъ и большинство боярства, не могли имѣть надлежащаго понятія. Мы видѣли, что продѣлки Милославскаго, его сношенія съ стрѣльцами и возбужденіе ихъ къ мятежу оставались тайною даже нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти — такъ осторожно велъ себя этотъ замѣчательный хитрецъ! Въ самый день мятежа онъ притворился больнымъ и не явился на дѣло, гдѣ легко могли разоблачиться его замыслы и скрытныя дѣйствія. Какъ же можно было предупредить все это, сослать перваго заводчика дѣлу?

Обвиненіе Матвѣеву существенно заключается въ томъ, что онъ опоздалъ вернуться изъ ссылки: зачѣмъ онъ не явился въ Москву по собственной волѣ къ *1 или 2 мая?* Но разберите дѣло. Городъ Лухъ, по календарю, отстоитъ отъ Москвы на 476 верстъ. Царь Ѳедоръ скончался 27 апрѣля къ вечеру; въ этотъ же день послѣдовалъ выборъ Петра, продолжавшійся, конечно, нѣсколько часовъ; затѣмъ нужно было заготовить бумаги о вступленіи на престолъ новаго государя для разсылки съ гонцами... Положимъ, что рано утромъ 28 апрѣля гонецъ поскакалъ въ Лухъ; когда онъ могъ туда пріѣхать? И какъ бы успѣлъ Матвѣевъ черезъ четыре и пять дней съ отправленія къ нему гонца, явиться въ Москву, проѣхавъ 476 верстъ? — это нѣсколько мудрено. Мы уже не говоримъ о весеннемъ времени, вообще о дорогахъ и о прочемъ тому подобномъ. Матвѣевъ, напротивъ, пріѣхалъ весьма скоро, такъ скоро, какъ только можно было пріѣхать, не имѣя притомъ понятія о приближавшейся бурѣ. Напрасно авторъ упрекаетъ его, что онъ промѣнялъ свое первенство на чечевицу — на обѣды и отдыхи; онъ, дѣйствительно, не очень торопился, когда, въ мартѣ этого же года, ѣхалъ съ Мезени въ Лухъ: торопиться было совершенно нѐ къ чему, ибо тогда царствовалъ еще Ѳедоръ... Эту-то неспѣшную поѣздку Матвѣева и

принялъ авторъ за поѣздку его въ Москву, сославшись даже на источникъ. Но источникъ — «Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева», свидѣтельствуетъ, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля Матвѣева увѣдомили о кончинѣ Ѳедора, а въ *первыхъ числахъ мая* послали за нимъ въ Лухъ стольника Алмазова съ повелительнымъ указомъ, чтобъ бояринъ и съ сыномъ *неукоснительно съ поспѣшеніемъ ѣхали въ Москву*. Согласно съ царскимъ указомъ они и ѣхали *спѣшно, не останавливаясь нигдѣ*, и вечеромъ 12 мая прибыли въ Москву. Неизвѣстно, какого именно числа отправился въ Лухъ Алмазовъ, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь не утрачено ни одного дня, чтобъ проѣхать взадъ и впередъ 476 верстъ не гонцомъ, а въ повозкѣ, да еще и не по шоссе. Буря же, о которой и большинство и Нарышкины не имѣли яснаго понятія, была даже пріостановлена, чтобъ дождаться Матвѣева *). На третьи сутки послѣ его пріѣзда она и разразилась.

Съ большимъ сожалѣніемъ мы должны снова замѣтить автору, что поднятыя имъ обвиненія на Нарышкиныхъ и Матвѣева не имѣютъ прочныхъ и вѣрныхъ основаній. Съ такимъ же талантливымъ изображеніемъ дѣла можно было бы легко обвинить и партію Милославскихъ, почему она такъ неосмотрительно, такъ беззаботно, безъ всякой энергіи и быстроты въ дѣйствіяхъ, допустила единодушный и единогласный выборъ на престолъ *одного* только Петра, когда и патріархъ, стоявшій на сторонѣ Петра, спокойно предлагалъ вопросъ: одному или обоимъ царствовать? Почему Милославскіе допустили это? Или имъ нужно было кровопролитіе, нужна была смерть Нарышкиныхъ, Матвѣева и другихъ? На эту тэму можно также было бы написать самыя интересныя, оживленныя варьяціи.

---

*) „Исторія о невинномъ заточеніи", 420.

Да́! Въ такой прекрасной статьѣ, какъ «Правленіе Царевны Софіи» мы вовсе не желали бы встрѣчаться съ слишкомъ поспѣшными и до крайности рѣшительными приговорами историческимъ лицамъ. Талантливая статья, возбудившая большой интересъ въ публикѣ, можетъ принести въ этомъ отношеніи много вреда историческому дѣлу. Какъ живой посредникъ, проводникъ между наукою и публикою, она можетъ разлить въ обществѣ, внести въ общій оборотъ знанія ложныя положенія, ложныя изображенія событій и лицъ. Публика воспитывается подобными статьями. Каждый ей сообщаемый фактъ она принимаетъ безъ повѣрки. Если вы скажете, напримѣръ, «что при Дворѣ древнихъ царей *всѣ должности, отъ дворецкихъ до истопника включительно* были исправляемы людьми болѣе или менѣе *родовитыми*» (III, 535), публика вполнѣ будетъ вѣрить этому, потому что съ источниками она вообще мало знакома и потому у ней нѣтъ средствъ открыть истину. Съ такою же вѣрою она приметъ, что въ семейные праздники царя, которые были праздниками общественными, *богатымъ и бѣднымъ* (слѣдовательно, всему народу, хочетъ сказать авторъ) *раздавались именинные калачи*, что «царь, вслѣдствіе полувосточныхъ нравовъ старинной Россіи, *рѣдко позволялъ себѣ раздѣлять трапезу съ супругою своею, съ дочерьми же почти никогда того не случалось* (!!)». Все это выраженія повидимому незначительныя; но сообразите, какую тѣнь они могутъ наложить на нашу старину. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ могутъ повѣрить, что и низшія служебныя придворныя должности занимались фамиліями аристократическими, людьми *родовитыми;* что царь, дѣлая свои семейные праздники праздниками общественными, и въ самомъ дѣлѣ рѣдко обѣдывалъ въ семействѣ, то есть съ супругою, а съ дочерьми почти никогда не обѣдывалъ... Однакожь предѣлы нашихъ замѣтокъ не по-

зволяютъ долго останавливаться на этомъ сочиненіи, хотя можно было бы и многое сказать по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ его, мало соотвѣтствующихъ здравой критикѣ и вообще требованіямъ историческаго дѣла. Не можемъ только пропустить безъ замѣтки второй статьи, которая посвящена движенію раскола въ описанную эпоху и замысламъ Хованскаго. Авторъ смотритъ на расколъ слишкомъ односторонне; взглядъ его чисто полемическій и вовсе не историческій. Какъ историческое явленіе, расколъ имѣетъ несравненно болѣе сторонъ своего развитія, нежели сколько представилъ ихъ авторъ.

Въ заключеніе своего труда, г. Щебальскій дѣлаетъ какъ-бы небольшую параллель между описанною имъ эпохою и временемъ Петра, и становится, хотя и не очень рѣшительнымъ, но тѣмъ не менѣе усерднымъ партизаномъ правленія царевны Софіи. Онъ говоритъ:

«О семи годахъ правленія царевны Софіи упоминалось только вскользь, мимоходомъ, въ учебникахъ; отдѣльнаго же изученія ихъ никто не предпринималъ до сего времени. Это образовало *пробѣлъ* въ нашей исторической литературѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. Царствованіе Петра представляется намъ безъ всякой почти связи съ предшествующими; мы *слишкомъ буквально* пріучились понимать слова: *Петръ создалъ Россію.* Петръ произвелъ въ ней огромную реформу — переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный (а этого развѣ мало для того, чтобъ сказать: Петръ создалъ Россію?); но въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ, и при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петрова, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая такъ называемую древнюю, до-петровскую Русь съ Россіей новою, европейскою. Укажемъ, напримѣръ, на мѣстничество, истреб-

ленное за нѣсколько лѣтъ до воцаренія Петра: не было ли *соборное дѣяніе* царя Ѳеодора явнымъ переходомъ отъ понятій о старшинствѣ родовъ къ понятію о старшинствѣ чиновъ, отъ заслуги рода къ заслугѣ лица... Петръ, говорятъ, первый открылъ доступъ иностранцамъ; мы думаемъ, что онъ только шире своихъ предшественниковъ открылъ иностранцамъ двери въ Россію, настойчивѣе вызывалъ ихъ, но мы видѣли выше, что и прежнія правительства не были имъ враждебны, а *царевна имъ покровительствовала даже въ отношеніи къ ихъ вѣроисповѣданіямъ*... Мы не думаемъ отвергать мысли, что Петръ *далеко опередилъ* (будто только?) *своихъ* предшественниковъ; мы только говоримъ, что онъ *во многомъ нашелъ болѣе или менѣе явные начатки нововведеній*».

«Неменѣе ощутительна связь древней Россіи съ новою и въ отношеніи къ внѣшней политикѣ. И царь Іоаннъ IV и Годуновъ стремились къ Балтійскому Морю, къ стариннымъ вотчинамъ своимъ: Юрьеву, Копорью, Ижерской землѣ. Царь Алексѣй, не успѣвъ въ войнѣ со Шведами, *сдѣлалъ первый шагъ* къ югу *пріобрѣтеніемъ* Украйны (извѣстно, что Украйна сама присоединилась къ государству). Царевна укрѣпила за собою Запорожье, то есть устья Днѣпра, и привела Россію въ соприкосновеніе съ Чернымъ Моремъ, къ которому она и *устремилась*, какъ мы видѣли, всѣми силами (!?). Преобладаніе Россіи надъ Польшею началось Андрусовскимъ миромъ и сильно утвердилось договоромъ 1686 года. Наконецъ первая наша наступательная война противъ Турціи, также какъ первый обширный Европейскій союзъ, суть явленія, относящіяся къ эпохѣ правленія Софіи. Конечно Петръ *въ долгое* царствованіе свое далеко оставилъ за собою слабыя и часто неуспѣшныя попытки прежнихъ правленій, но эти попытки были: вотъ на что стараемся мы указать, не думая

мѣрную для цѣлой Европы *терпимость* въ отношеніи къ религіи:

«Въ то самое время, какъ Лудовикъ XIV, глава образованнѣйшаго народа, объявилъ жестокое религіозное гоненіе, когда послѣдовало отмѣненіе Нантскаго Эдикта, когда толпы преслѣдуемыхъ протестантовъ принуждены были оставлять Францію, Россія объявила, что она готова дать пріютъ этимъ несчастнымъ изгнанникамъ. Какъ имъ, такъ и другимъ иновѣрцамъ, находившимся въ Россіи, разрѣшено было свободное отправленіе ихъ богослуженій; духовенству строго было воспрещено обращать ихъ *силою* въ православіе; также [illegible] съ другой стороны, объявлено было иновѣрцамъ, что [illegible]щеніе не спасетъ ихъ отъ наказанія за совершенныя ими преступленія; и что люди, пользующіеся покровительствомъ русскихъ законовъ, совершенно равны передъ ними, будутъ ли то православные, католики или протестанты; идея слѣдовательно столько же справедливая, сколько свѣтлая, мудрая, просвѣщенная и далеко опережавшая духъ современнаго общества *). За то не мало протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, переселилось въ Москву, въ Нѣмецкую Слободу, принеся съ собою *много просвѣщенія, правда, неуспѣвшаго разцвѣсть при Софіи (!), но которымъ безъ сомнѣнія воспользовался нашъ великій преобразователь.* Къ концу правленія царевны въ Москвѣ было пять иновѣрческихъ церквей, въ числѣ которыхъ одна каменная: явное доказа-

*) Распоряженіе, на которомъ авторъ преимущественно и основываетъ свое объясненіе небывалой дотолѣ религіозной терпимости, относится къ 1689 году, то есть къ послѣднему году правленія Софьи. Весьма любопытно, что въ охранной грамматѣ, о дозволеніи пріѣзжать въ Россію французскимъ изгнанникамъ, нѣтъ имени Софьи — обстоятельство, по нашему мнѣнію, весьма важное: оно заставляетъ насъ сильно сомнѣваться въ участіи здѣсь Софьи; вѣроятнѣе, это идетъ отъ Петра, которому было тогда уже 17 лѣтъ и который въ томъ же году рѣшилъ судьбу Софьи.

тельство покровительства иновѣрцамъ со стороны правительства» (III, 544).

Такое покровительство иновѣрцамъ, приписываемое авторомъ почти одной Софьѣ, принадлежитъ исконному обычаю нашихъ государей. Въ отношеніи къ религіи и къ гражданской жизни иностранцы всегда пользовались у насъ свободою, за исключеніемъ католиковъ, которые и при Софьѣ не получили главнаго, то есть не пріобрѣли позволенія публично, въ своихъ церквахъ, отправлять богослуженіе. Въѣздъ же иностранцевъ, художниковъ, ремесленниковъ и военныхъ, заселившихъ въ послѣдствіи Нѣмецкую Слободу, не прекращался со временъ Іоанна III и особенно былъ силенъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳедорѣ. Значительное разселеніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ Москвы вызвало даже устройство особой слободы, въ которую ихъ всѣхъ и переселили. Пять нѣмецкихъ церквей существовали уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1670 году, въ томъ числѣ въ Нѣмецкой Слободѣ было четыре церкви и нѣмецкая школа. Кромѣ того, по самому своему положенію, по своимъ отношеніямъ, принужденная всегда видѣть опору въ стрѣльцахъ, ненавидѣвшихъ Нѣмецкую Слободу, Софья не могла особенно усердно, по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ ея предшественники, покровительствовать иностранцамъ, и Нѣмецкая Слобода всегда составляла надежную партію Петра, какъ послѣ и оказалось.

Начатки нововведеній, попытки нововведеній, конечно, были; но что они значили и въ силу чего являлись? Они, можно сказать, служили только домашними средствами для организма страшно больнаго, уже разлагавшагося, для котораго, слѣдственно, требовалось радикальное леченье. Эти начатки и попытки не представляютъ ни малѣйшей органической связи съ великимъ дѣломъ Петра, никакимъ образомъ не порождаютъ этого дѣла, и внимательное, добросовѣстное, безпри-

въ это Московское государство. Онъ первый изъ русскихъ людей понялъ и глубоко созналъ цѣль и сущность государственнаго организма. Эпохи, предшествовавшія даже и въ этомъ отношеніи, обнаруживали только попытки и начатки. Съ народомъ онъ сталъ лицомъ къ лицу, прямо и непосредственно, первымъ работникомъ для него и самымъ дѣятельнымъ и дальновиднымъ до мелочей хозяиномъ. Не изъ Приказовъ и не черезъ Боярскую Думу онъ узнавалъ о нуждахъ и потребностяхъ народа: лично, на мѣстѣ, входя во всѣ малѣйшія подробности, изучалъ онъ не только важнѣйшія части управленія, но даже и то, какъ выгоднѣе и лучше плести лапти. При немъ, однимъ словомъ, на первое мѣсто поставлено было дѣло, а не лице, не церемонія и чинопоклоненіе, что все вмѣстѣ и прежде и послѣ Петра управляло всѣми отношеніями и совершенно разобщало правительство отъ страны.

страстное изученіе докажетъ, напротивъ, не связь, а совершенный, всесторонній разрывъ Руси европейской съ Русью азіатскою. Дѣло Петра породили полное, ясное сознаніе общественной несостоятельности и живая потребность выйдти на иной путь. Съ этой только стороны реформа и имѣетъ связь съ до-петровскою Русью. Что Петръ создалъ Россію — *не повѣрье*, а глубокая, непоколебимая *вѣра* всякаго образованнаго русскаго, который знакомъ съ своею исторіею. Различіе между эпохою Петра и эпохою предшествовавшею (авторъ разумѣетъ правленіе Софьи) *слишкомъ рѣзко* не потому, что женщина введена была въ жизнь общественную, что явились европейскій костюмъ, европейская наружная обстановка общественной жизни — нѣтъ, женщина постепенно могла быть введена въ общественную жизнь и Софьею, показавшею яркій примѣръ этого на самой себѣ; но не тò бы изъ этого вышло. Здѣсь важно не одно только: *ввести*, но еще важнѣе: *кàкъ* ввести, такъ же точно, какъ и въ отношеніи всѣхъ вообще преобразованій, важно не одно только, чтобъ сдѣлать полезную реформу, но еще важнѣе, кàкъ ее сдѣлать, какую основу, какую силу дать ей... Дѣло Петра потому слишкомъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ попытокъ и не имѣетъ съ ними ни малѣйшей родственности, что великій преобразователь внесъ въ нашу жизнь совершенно новыя и дотолѣ небывалыя начала жизни. Не даромъ онъ промѣнялъ пышную, богатую, блистательную царскую одежду на одежду корабельнаго плотника: это была только внѣшняя форма глубокой и великой сущности, форма такой же перемѣны, произведенной имъ и въ общественномъ и въ нравственномъ быту — однимъ словомъ, повсюду. Московское государство носило еще въ себѣ глубокіе слѣды *вотчиннаго* характера, который былъ основою развитія, которому *все служило*, которымъ *все управлялось*. Петръ вдохнулъ иную жизнь

въ это Московское государство. Онъ первый изъ русскихъ людей понялъ и глубоко созналъ цѣль и сущность государственнаго организма. Эпохи, предшествовавшія даже и въ этомъ отношеніи, обнаруживали только попытки и начатки. Съ народомъ онъ сталъ лицомъ къ лицу, прямо и непосредственно, первымъ работникомъ для него и самымъ дѣятельнымъ и дальновиднымъ до мелочей хозяиномъ. Не изъ Приказовъ и не черезъ Боярскую Думу онъ узнавалъ о нуждахъ и потребностяхъ народа: лично, на мѣстѣ, входя во всѣ малѣйшія подробности, изучалъ онъ не только важнѣйшія части управленія, но даже и то, ка́къ выгоднѣе и лучше плести лапти. При немъ, однимъ словомъ, на первое мѣсто поставлено было дѣло, а не лице, не церемонія и чинопоклоненіе, что̀ все вмѣстѣ и прежде и послѣ Петра управляло всѣми отношеніями и совершенно разобщало правительство отъ страны.

ФЕЛЬЕТОНИЗМЪ ВЪ КРИТИКѢ.

(Нѣсколько словъ о мнѣніяхъ «Современника» касательно новѣйшихъ трудовъ по русской исторіи 1854 г.)

Съ нѣкотораго времени «Современникъ» началъ довольно часто разсуждать о полезности и безполезности извѣстныхъ отдѣловъ науки, извѣстныхъ ученыхъ трудовъ, примѣривая тѣ и другіе къ какой-то связи съ настоящимъ, къ какой-то примѣнимости къ настоящему, приложимости къ жизни... Что̀ такое настоящее, что̀ такое жизнь, и что̀ такое наука, какъ прилагаемое къ настоящему и жизни, «Современникъ» этого не объясняетъ; но сужденія его о нѣкоторыхъ наукахъ и о нѣкоторыхъ ученыхъ трудахъ смѣлы и оригинальны... Это бы еще ничего: въ пользѣ и приложимости наукъ до сихъ поръ еще не всѣ согласны, и не одинъ «Современникъ» смотритъ на этотъ предметъ только съ *насущной* точки зрѣнія, съ точки зрѣнія самыхъ первыхъ, ближайшихъ потребностей... Важно то, что въ ученыхъ сужденіяхъ этого журнала являются иногда приговоры, недостойные науки, недостойные журнала, какъ важнѣйшаго посредника между наукою и публикою, какъ одного изъ самыхъ живыхъ органовъ науки и просвѣщенія: таково по крайней мѣрѣ истинное значеніе журнала...

По поводу «Архива Историко-Юридическихъ Свѣдѣній» г. Калачова и «Историческаго Обозрѣнія царствованія Алексѣя Михайловича» г. Медовикова, рецензентъ «Современника» (№ IX и X, годъ 1854) высказалъ совершенно неожиданное *воззрѣніе* на современную нашу ученую дѣятельность. — Если хотите — воззрѣніе это не ново: оно давно ужь и съ бо̀льшею энергіею высказывалось «Москвитяниномъ», но оно ново и совершенно неожиданно въ «Современникѣ», который нѣкогда, въ цвѣтущее свое время, самъ ратовалъ (и ка̀къ ратовалъ!) по этому поводу съ «Москвитяниномъ»... Ка̀къ все измѣнчиво на бѣломъ свѣтѣ!... Кто могъ предвидѣть, что «Современникъ» дойдетъ до того, что сдѣлается послѣдователемъ «Москвитянина»? Воззрѣніе, о которомъ мы говоримъ, въ «Москвитянинѣ» было у мѣста, оно тамъ было до̀ма, поэтому никто ему и не удивлялся. Всѣ очень хорошо понимали, въ чемъ дѣло... Но, высказанное въ «Современникѣ», оно удивило многихъ.. Неужели и здѣсь тѣ же побужденія и тѣ же причины?...

Разборъ «Архива» г. Калачова написанъ по тому методу, весьма обыкновенному въ нѣкоторыхъ журналахъ, по которому можно разбирать любую книгу, хотя бы рецензентъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія не только о ея содержаніи, но и о предметѣ, о которомъ она трактуетъ. Эти журналы, за недочетомъ спеціальныхъ знаній, необходимыхъ при разборѣ спеціальныхъ книгъ, чтобъ поправить дѣло и не остаться въ долгу у публики, стали доказывать, что спеціальные разборы книгъ безполезны, скучны; что «литературному журналу» нужна только *легкость*, легкость въ самомъ обширномъ приложеніи. Съ *легкостью* мы беззастѣнчиво можемъ болтать не только объ «Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній», но даже о значеніи трудовъ Гримма, о безполезности такъ на-

зываемой исторической филологіи, о недобросовѣстности молодыхъ русскихъ ученыхъ, и т. д.

Задача не въ томъ, чтобъ выяснить читателямъ существенное значеніе разбираемой книги — это *тяжело*, серьёзно, мрачно; для этого необходимо знать предметъ и по крайней мѣрѣ прочесть книгу; а кто же изъ порядочныхъ фёльетонистовъ станетъ читать такія, напримѣръ, тяжелыя, серьёзныя статьи, какъ статья г. Буслаева въ «Архивѣ»? Да притомъ это и безполезно. Статья филологическая — а филологія въ лицѣ Гримма и всѣхъ его учениковъ и послѣдователей доказываетъ только то, что ужь давно было всѣмъ извѣстно... Такимъ образомъ поболтаемъ лучше о безполезности филологическихъ знаній — это будетъ легко и занимательно и не обременитъ порядочной головы ни одною здравою мыслью, ни однимъ *тяжелымъ*, серьёзнымъ знаніемъ, отъ которыхъ иногда прійдется, пожалуй, потерѣть себѣ лобъ и разстроить гладкую прическу своихъ мыслей и понятій.

Извѣстное дѣло, труды нашихъ молодыхъ изслѣдователей о древнѣйшемъ нашемъ бытѣ основываются преимущественно на изъисканіяхъ Гримма. А что такое Гриммъ? Какое значеніе имѣютъ его труды? Боже мой, да вы ничего не понимаете!... Во первыхъ, *для филологическихъ изслѣдователей, во главѣ которыхъ стоитъ Гриммъ, старина важна потому, что она старина... Что такое въ сущности узнали мы отъ Гримма? То, что нѣмцы жили въ глубокой древности, почти совершенно такъ же, какъ и всѣ кочующіе народы, имѣли всѣ отличительныя черты ихъ характера, всѣ ихъ семейные и общественные обычаи...* Да что жь это за новость? Стоило ли доказывать, что *дикари — дикари?...* Гриммъ подтвердилъ только фактами *общія соображенія*, задолго до него всѣмъ извѣстныя — вотъ его существенная заслуга.

Притомъ и «открытія, сдѣланныя Гриммомъ, не имѣютъ почти никакой связи съ настоящимъ... Они только объясняютъ нѣкоторые обычаи, потерявшіе серьёзное значеніе въ народной жизни, нисшедшіе на степень простой забавы или пустой привычки, напримѣръ, зажиганіе огней и скаканіе черезъ нихъ, игры дѣтей и молодыхъ людей, свадебные обряды, имѣющіе просто значеніе церемоній, и т. д. Все это перестало имѣть смыслъ и важность въ дѣйствительной жизни, и кажется драгоцѣннымъ для науки только какъ остатокъ древности. А наука должна быть служительницею человѣка. Чѣмъ болѣе можетъ она имѣть вліянія на жизнь, тѣмъ она важнѣе. Неприложимая къ жизни наука, достойна занимать собою только схоластиковъ». Вотъ хоть въ отношеніи къ нашей исторіи: *въ чемъ живая органическая связь между дохристіанскимъ бытомъ и нынѣшними нравами и учрежденіями? Она ограничивается лишенными теперь серьёзнаго значенія суевѣріями и церемоніями... Ясно теперь, какое научное значеніе должны имѣть труды русскихъ ученыхъ, занимающихся историческою филологіею* (Соврем. 1854 г. № IX).

Поговоря такимъ образомъ о Гриммѣ и о «матерьяхъ важныхъ», мы, для того, чтобы представить отчетъ о самой книгѣ, можемъ выписать ея оглавленіе: этого совершенно достаточно для читателей.

Разбирая по этому методу «Архивъ» г. Калачова, «Современникъ» высказываетъ слѣдующее:

«Важнѣйшій по объему трудъ въ этой книгѣ — «Русскія пословицы и поговорки» г. Буслаева. Имѣя подъ руками довольно большое количество сборниковъ пословицъ, почтенный ученый вздумалъ воспользоваться ими для дополненія книги г. Снегирева «Русскія народныя пословицы и притчи» и напечаталъ теперь въ «Архивѣ» собраніе пословицъ, занимаю-

щее около девяноста страницъ сжатой печати въ два столбца. Трудъ прекрасный и полезный; можно было бы не одобрить только того, что г. Буслаевъ вступаетъ въ мелочную полемику противъ своего предшественника, подробно исчисляя всѣ неточности, какія могъ отыскать въ его текстѣ. Что собраніе столь обширное, какъ сборникъ г. Снегирева, по необходимости должно заключать въ себѣ *нѣсколько* ошибокъ, само собою разумѣется; и неужели мы должны съ нѣкоторымъ самодовольствомъ выставлять на видъ, что намъ удалось исправить *пять* или *шесть* изъ нихъ, прибавляя «вотъ какъ я исправляю текстъ: посмотрите, какъ мой текстъ хорошъ, и какъ дуренъ текстъ моего предшественника! Мой предшественникъ не умѣлъ пользоваться матеріалами» и т. д. — все это читатель найдетъ на 64 и слѣдующихъ страницахъ статьи г. Буслаева. Не знаемъ, должно ли наше послѣдующее замѣчаніе относиться и къ г. Буслаеву, но оно относится къ довольно многимъ изъ молодыхъ изслѣдователей нашей старины. Гордые своимъ знакомствомъ съ Гриммомъ, гордые аппаратомъ «высшихъ филологическихъ соображеній», тѣмъ, что они стоятъ наравнѣ съ современнымъ положеніемъ филологіи, они слишкомъ много придаютъ цѣны тѣмъ ученымъ тонкостямъ, которыми превосходятъ предшествовавшихъ имъ собирателей, не получившихъ спеціально филологическаго образованія, но трудившихся съ такою любовію, съ такимъ неутомимымъ усердіемъ, какое рѣдко можно найдти и въ спеціальныхъ ученыхъ; многіе нынѣ изъ-за мелочныхъ недостатковъ забываютъ о достоинствахъ изданій гг. Сахарова и Снегирева, которые оказали гораздо болѣе услугъ изученію русской народности, нежели люди, такъ свысока трактующіе о нихъ. Мы рады успѣхамъ, которые дѣлаетъ наука, и не сомнѣваемся, что эти успѣхи очень велики; но съ тѣмъ вмѣстѣ мы думаемъ, что ученый, дѣйствительно далеко ушедшій впередъ, не

долженъ слишкомъ выставлять впередъ мелочныхъ улучшеній, которыя удалось ему сдѣлать въ предшествующихъ трудахъ: знающій дѣло читатель (а для такой публики, если не ошибаемся, издается «Архивъ») не нуждается въ полемическихъ указаніяхъ, чтобы замѣтить улучшенія. Будемъ снисходительны къ мелочнымъ, извинительнымъ въ людяхъ, непретендующихъ на знаніе Ведъ и Ульфилы, ошибкамъ; только тогда мы можемъ требовать, чтобы наши, можетъ быть, болѣе крупныя ошибки были намъ извинены» (стр. 10—11).

Вы называете трудъ г. Буслаева прекраснымъ и полезнымъ и тутъ же обвиняете его въ мелочной полемикѣ противъ г. Снегирева, приписываете автору нѣкоторое самодовольство, съ которымъ онъ будто-бы выставляетъ на видъ мелочныя улучшенія въ текстѣ пословицъ г. Снегирева, прибавляя: «вотъ какъ я исправляю текстъ», и т. д. Однимъ словомъ, говорите, что молодые изслѣдователи изъ за мелочныхъ недостатковъ забываютъ о достоинствѣ изданій гг. Сахарова и Снегирева... Тутъ что нибудь не такъ: или вы совсѣмъ не читали статьи г. Буслаева и вовсе незнакомы ни съ изданіями гг. Сахарова и Снегирева, ни съ трудами молодыхъ изслѣдователей и въ особенности съ трудами г. Буслаева; или намѣренно унижаете новый трудъ предъ старымъ. Въ первомъ случаѣ негодится дѣлать рѣшительный приговоръ тамъ, гдѣ ничего не знаешь; во второмъ — болѣе нежели негодится, извративъ намѣренно простое и ясное дѣло, вводить въ заблужденіе неопытныхъ читателей.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ числѣ памятниковъ русскаго народнаго быта существуютъ, между-прочимъ, и пословицы. Любители очень давно обратили на нихъ вниманіе и стали записывать, собирать. Нѣсколько такихъ сборниковъ *рукописныхъ* составлены еще въ XVII столѣтіи. Великій Петръ

также заботился о собиранiи русскихъ пословицъ и предполагалъ ихъ издать. Но *первый* печатный сборникъ пословицъ, сколько извѣстно, появился въ 1770 году, подъ заглавiемъ: *Собранiе 4291 древнихъ россiйскихъ пословицъ* (М. въ 12). Съ тѣхъ поръ сборники пословицъ весьма различнаго объема и достоинства появлялись въ разныхъ изданiяхъ и перепечатывались. Такъ Д. Княжевичъ въ 1822 году перепечаталъ въ своемъ *полномъ* изданiи пословицъ упомянутое «Собранiе», а г. Снегиревъ въ 1848 г. въ своемъ *полномъ* изданiи взялъ за *основанiе* текстъ Княжевича. Само собою разумѣется, что каждый издатель потому и называлъ свое изданiе *полнымъ*, что старался собрать все, что̀ только могъ собрать въ данное время. Слѣдовательно, сборникъ пословицъ — не какое либо ученое изъисканiе, ученый трудъ, а просто-на-просто *матерiалъ*, который тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ вѣрнѣе и добросовѣстнѣе изданъ. Издать сборникъ пословицъ — то же, что̀ издать простой алфавитный книгопродавческiй каталогъ. Ка̀къ великъ трудъ собрать нѣсколько рукописныхъ сборниковъ, нѣсколько печатныхъ сборниковъ, списать оттуда пословицы, сдѣлать имъ алфавитный сводъ, попросить знакомыхъ о доставленiи пословицъ, записывать пословицы самому при каждомъ удобномъ случаѣ — ка̀къ великъ, *достоинъ* и *драгоцѣненъ* этотъ механическiй трудъ? И нужно ли на это посвящать *три десятилѣтiя*, какъ свидѣтельствуетъ г. Снегиревъ? (Предисл. стр. IV.) Другое дѣло, если издатель собиралъ пословицы не изъ *готовыхъ* сборниковъ, а прямо изъ устъ народа, какъ то̀ дѣлалъ, напримѣръ, г. Даль; тогда, не говоря уже о другихъ достоинствахъ, одинъ только трудъ *собиранiя* становится несравненно выше простаго *списыванiя* да *выписыванiя*. Мы знаемъ, напримѣръ, что г. Даль, если не собственно для этой цѣли, то всегда имѣя въ виду эту цѣль, побывалъ не

въ одномъ краю обширнаго нашего отечества, проѣхалъ вдоль и поперегъ русскую землю, внимательно изучая русскую народность, внимательно прислушиваясь къ народной рѣчи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это совсѣмъ иное дѣло! Можно быть увѣрену, что собраніе пословицъ г. Даля — единственное по своимъ достоинствамъ.

Въ чемъ же заключается *достоинство* и *драгоцѣнность* изданія г. Снегирева? Въ томъ, что онъ собралъ и издалъ *все*, что̀ встрѣтилось ему *печатнаго* и *записаннаго* въ разное время и разными лицами, такъ точно, какъ издалъ свой сборникъ Княжевичъ, какъ издавали другіе. Но въ такомъ случаѣ достоинство сборника г. Снегирева ограничивается только полнотою его. Что жь за особенная заслуга сдѣлать то, что̀ необходимо было сдѣлать, чего нельзя было не сдѣлать? Г. Снегиревъ никакъ не могъ издать *не полнѣе* своихъ предшественниковъ, ибо онъ издавалъ пословицы, которыя накопляются съ каждымъ днемъ, которыя, по его же свидѣтельству, *живущи*, *плодущи* и *неисчерпаемы*. Доказательствомъ служитъ его же сборникъ, который, на другой день по выходѣ въ свѣтъ, оказался уже неполнымъ. Да притомъ и число лицъ, участвовавшихъ въ собраніи пословицъ г. Снегирева, какъ видно изъ предисловія къ его книгѣ, ни въ какомъ случаѣ не могло допустить прежней неполноты. Впрочемъ, кромѣ полноты, въ изданіи подобныхъ матеріаловъ важно то, *какъ* они изданы, потому что поспѣшное, на скорую руку изготовленное изданіе, съ ошибками, описками, неправильнымъ чтеніемъ стариннаго текста и т. п., всегда уменьшаетъ цѣну самыхъ памятниковъ. Г. Снегиревъ самъ выставляетъ достоинства своего сборника въ этомъ отношеніи. Онъ говоритъ:

«Хотя бы въ моемъ изданіи не восполнены были *всѣ недостатки* и *не исправлены всѣ ошибки предшествен-*

никовъ (замѣтьте), хотя бы и самъ я не избѣжалъ погрѣшностей; но, *безъ всякаго притязанія*, могу сказать, что *текстъ у меня исправнѣе и отчетливѣе прежнихъ изданій*, полнѣе нѣсколькими тысячами, потому что въ Спб. изданіи Р. П. 1828 (т. е. 1822 г. въ изданіи Княжевича) на первую букву 28 пословицъ и поговорокъ, у меня однѣхъ пословицъ 128» (Предисл. VIII).

Внимайте, г. рецензентъ «Современника»! Припомните слова, сказанныя вами г. Буслаеву: «*Неужели мы должны съ нѣкоторымъ самодовольствомъ выставлять на видъ*» и проч., да сверхъ того узнайте, что такъ называемое вами самодовольство г. Буслаева основывается на прямыхъ, фактическихъ выводахъ, а самодовольство г. Снегирева погрѣшаетъ въ свою пользу. Авторъ свидѣтельствуетъ, что у него на первую букву *однѣхъ* пословицъ 128, для того, разумѣется, чтобы выставить свою полноту противъ 28, чтобы усилить выраженіе: «текстъ мой полнѣе нѣсколькими тысячами». Между тѣмъ на лице оказывается не 128, а 106, и не *однѣхъ* только пословицъ, но и поговорокъ вмѣстѣ, и даже разныхъ апоѳегмъ и библейскихъ изреченій. Вообще въ изданіи г. Снегирева счетъ пословицъ весьма невѣренъ; собиратель пересчитываетъ иногда даже и *строчки*, отчего и выходятъ неправильные итоги; напримѣръ, кромѣ приведеннаго недосмотра, на букву Б, у издателя 519 пословицъ, а въ дѣйствительности ихъ только 480. Такъ сочтены и нѣкоторыя другія буквы. Сборникъ г. Снегирева полнѣе сборника Д. Княжевича 4000 пословицъ или около того: прибавленіе значительное, но оно легко могло быть увеличено еще двумя-тремя тысячами изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ дополнялъ собиратель. Сборникъ Княжевича, изданіе весьма добросовѣстное и умное, заключаетъ въ себѣ 5365 пословицъ.

Въ другомъ мѣстѣ г. Снегиревъ говоритъ:

«Чѣмъ болѣе я вникалъ въ этотъ, столь разносторонній и столь многосложный предметъ, обнимающій внѣшнюю и внутреннюю жизнь народа, тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости *возможно полнаго собранія* и *отчетливаго изданія* текста русскихъ пословицъ и притчей; потому что напечатанныя гг. Кургановымъ, Новиковымъ, Богдановичемъ и Д. К. (Княжевичемъ) *неполны, невѣрны, смѣшаны съ поговорками и стихами, нерѣдко переиначены такъ, что изглаженъ первобытный ихъ пошибъ*».

Каково г. Снегиревъ отзывается о своихъ предшественникахъ! Что̀ вы скажете, гг. рецензенты «Современника?» Что̀ выражаетъ такое опредѣленіе дѣятельности предшественниковъ? «Непризнательность, неуваженіе къ предшественникамъ, или преувеличеніе важности собственныхъ открытій?» Все это и по такому же поводу вы приписали молодымъ нашимъ ученымъ... (Соврем. № X). Но, что̀ бы ни выражалъ этотъ приговоръ г. Снегирева о трудахъ его предшественниковъ, онъ все-таки высказанъ голословно, бездоказательно, какъ обыкновенно высказываютъ свои приговоры гг. Снегиревъ и Сахаровъ. Этимъ ихъ приговоры и отличаются отъ приговоровъ ученыхъ, которые каждый свой выводъ всегда подтверждаютъ фактами, очевидными доказательствами. Такъ, напримѣръ, и самъ «Современникъ» въ 1849 году доказалъ съ большою основательностью, хотя и съ одностороннимъ взглядомъ на значеніе пословицъ, что сборникъ г. Снегирева, *какъ и предыдущія собранія народныхъ русскихъ пословицъ, неполонъ, невѣренъ, смѣшанъ съ поговорками и стихами, нерѣдко искаженными такъ, что не доберешься смысла, однимъ словомъ не казистъ и не блестящъ, хотя и не излишенъ*. На все это «Современ-

никъ» 1849 года представилъ осязательныя доказательства (См. т. XV. Отд. III, стр. 36).

Изъ предъидущаго можно отчасти видѣть отношеніе книги г. Снегирева къ трудамъ, ей предшествовавшимъ. Теперь нужно знать, какое отношеніе къ сборнику г. Снегирева имѣетъ новый трудъ г. Буслаева. Это отношеніе раскрываетъ самъ авторъ, молодой ученый, высказавшій несравненно бо́льшее уваженіе къ труду г. Снегирева, нежели неловкій защитникъ его, не представившій ни одного доказательства не только въ пользу своего отзыва о трудахъ г. Буслаева, но даже и въ пользу своего знакомства съ книгою г. Снегирева. Отношеніе своего труда къ книгѣ г. Снегирева г. Буслаевъ объяснилъ на первой же страницѣ своего изслѣдованія:

«Предлагаемое читателямъ сочиненіе обязано своимъ происхожденіемъ внимательному изученію книги г. Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи». Чтобы дать себѣ ясный отчетъ о собранныхъ въ этомъ изданіи матеріалахъ, *мы должны были обратиться къ источникамъ*, откуда были они взяты, а также къ современному употребленію пословицъ въ устахъ народа. Такимъ образомъ составилось у насъ значительное собраніе поговорокъ и пословицъ, изъ которыхъ иныя казались намъ замѣчательными по содержанію и выраженію, иныя же предлагали весьма любопытные варіанты и поправки напечатанному г. Снегиревымъ. *Такъ какъ правильность и точность текста при изданіи пословицъ самое существенное дѣло; то мы надѣялись и читателямъ и издателю „Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей“ оказать нѣкоторую услугу исправленіемъ того, что, по крайнему разумѣнію, нашли неточнымъ и неправильнымъ въ этомъ изданіи.* Такая—какъ всякій видитъ — утомительная критика не могла обнять всего собранія г. Снегирева, потому что мы не могли имѣть подъ

рукою всѣхъ источниковъ, которыми пользовался этотъ почтенный ученый, болѣе двадцати лѣтъ извѣстный въ нашей литературѣ собираніемъ и объясненіемъ пословицъ. По крайней мѣрѣ *предлагаемъ читателямъ столько исправленій и дополненій къ книгѣ г. Снегирева, сколько могли мы сдѣлать, руководимые надеждою, что и малое оцѣнится по достоинству* въ настоящее время, когда со всѣхъ концовъ Россіи сносятся богатства роднаго слова въ Русское Географическое Общество, когда Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издаетъ превосходный «Словарь областныхъ реченій» и когда такой глубокій знатокъ народной рѣчи, какъ Даль, предпринимаетъ въ обширныхъ размѣрахъ трудъ надъ русскими пословицами. Собраніе народныхъ изреченій есть дѣло столь трудное, что его не выполнить никогда одному человѣку: чѣмъ больше рукъ работаетъ надъ нимъ, тѣмъ успѣшнѣе будетъ оно подвигаться впередъ. Потому мы вполнѣ увѣрены, что въ нашихъ исправленіяхъ изданія г. Снегирева разсудительный читатель увидитъ только желаніе общей пользы и внимательное изученіе, какого заслуживаетъ эта книга. Мы увѣрены также, что изъ немногаго нами собраннаго вновь, не все окажется годнымъ, и кое что, въ свою очередь, подвергнется исправленіямъ».

Мы вполнѣ увѣрены, что этой страницы да и всей статьи г. Буслаева рецензентъ «Современника» не читалъ; въ противномъ случаѣ, онъ не сказалъ бы, что *„имѣя подъ руками довольно большое количество сборниковъ пословицъ,* г. Буслаевъ *воспользовался ими для дополненія книги г. Снегирева“*. Мы видѣли, что г. Буслаевъ, изучая книгу г. Снегирева, повѣрялъ ее съ ея же источниками и съ устнымъ употребленіемъ пословицъ въ народѣ: дополненіе вышло, какъ результатъ такого изученія. Не понявъ въ чемъ дѣло, рецензентъ «Современника» извратилъ

значеніе труда г. Буслаева и отношеніе его къ труду г. Снегирева. Важнымъ слѣдствіемъ такого неправильнаго объясненія сущности дѣла было то, что рецензентъ «Современника» поступилъ еще опрометчивѣе, упрекнувъ г. Буслаева въ мелочныхъ будто-бы придиркахъ къ сборнику г. Снегирева и поднявъ затѣмъ бездоказательное обвиненіе не только на г. Буслаева, но и на всѣхъ молодыхъ ученыхъ въ какомъ-то неуваженіи къ предшествовавшимъ имъ трудамъ. Не нужно имѣть большой учености, чтобъ понять, что вся сущность труда г. Буслаева, о чемъ онъ и самъ свидѣтельствуетъ, заключается именно въ этихъ *мелочныхъ* замѣчаніяхъ и исправленіяхъ, которыя есть конечный результатъ внимательнаго, добросовѣстнаго изученія книги г. Снегирева, не унижающій ея, а придающій ей новое достоинство, какого она не имѣла, достоинство—вѣрно, тщательно изданныхъ матеріаловъ, такъ что, послѣ изслѣдованій и дополненій г. Буслаева, сборникъ г. Снегирева становится несравненно важнѣе для науки, нежели какъ онъ былъ прежде, ибо только критически-очищенный, вѣрно изданный матеріалъ можетъ служить прочною основою для ея разъисканій и изслѣдованій.

Чтобы дать себѣ ясный отчетъ о матеріалахъ, напечатанныхъ въ сборникѣ г. Снегирева, г. Буслаевъ обратился къ тѣмъ же источникамъ, которыми пользовался и г. Снегиревъ. При внимательномъ изученіи этихъ источниковъ и, рядомъ съ ними, книги г. Снегирева, тотчасъ же открылось, что г. Снегиревъ, хотя и пользовался, напримѣръ, архивскимъ рукописнымъ сборникомъ пословицъ XVII-го столѣтія, *но далеко не исчерпалъ всего собранія,* такъ что г. Буслаевъ въ своемъ дополненіи напечаталъ *болѣе семисотъ* пословицъ изъ этого сборника, *не вошедшихъ въ изданіе г. Снегирева,* кромѣ исправленій; причемъ на одну первую букву оказалось такихъ 55 пословицъ! Та же участь пала и

на другіе сборники, какъ рукописные, такъ и печатные, и невниманіе г. Снегирева къ полнотѣ собранія простерлось до того, что дало г. Буслаеву возможность внести въ свое дополненіе нѣсколько пословицъ, не только изъ письмовника Курганова (не говоря уже о сборникѣ Княжевича), но даже— что̀ еще страннѣе — изъ сочиненія того же г. Снегирева, изданнаго только гораздо раньше, именно изъ книги «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Г. Снегиревъ въ изданіи *полнаго* текста пословицъ не всѣмъ воспользовался изъ этого собранія, которое имѣло совершенно другую цѣль и было по необходимости неполно. Кромѣ того, многія пословицы выписаны г. Снегиревымъ изъ этихъ сборниковъ съ такими *измѣненіями*, какъ скромно замѣтилъ г. Буслаевъ, то есть съ такими ошибками, которыя не только измѣняютъ, но даже и совсѣмъ затемняютъ смыслъ. Такихъ пословицъ оказалось не пятьшесть, какъ говоритъ рецензентъ «Современника», и ошибки въ нихъ оказались нельзя сказать чтобъ мелкія; все это можно осязательно видѣть на 64-й и слѣдующихъ страницахъ изслѣдованія г. Буслаева. Вотъ примѣры: у г. Снегирева. «жена пряди рубашки, а мужъ вези гужъ»; въ Архивскомъ Сборникѣ — «*вей* гужъ»; у г. Снегирева, «за скудость ума, *искать* будетъ сума»; въ Архив. «*таскать* будетъ сума»; у г. Снегир. «завидливый, что песъ обидливый»; въ Архив. «завидливый что песъ, обидливый что бѣсъ»; у г. Снегир. «мошна не квашня, какъ въ нее прибываетъ, такъ ее *принимаютъ*»; въ Архив. «такъ ея *прикисаетъ*»; у г. Снегир. «не дорога *людьня*, дорога обида»; въ Архив. «не дорога *лодыга*»; у г. Снегир. «*пошла боля* на хлѣбы да соль своротила»; въ Архив. «пошло было на хлѣбы»; у г. Снегир. «радъ скомрахъ о своихъ *добрахъ*»; въ Архив. «*домрахъ*», что̀ понятно, ибо *домрами* назывался старинный музыкальный инструментъ; у г. Снегир. «рѣдко *спать* легко вѣять»;

въ Архив. «рѣдко *сѣять*»; у г. Снегир. «истребца *бають* не поголовкѣ гладятъ»; въ Архив. «истреба *вабятъ*» и пр. Печатное собраніе Княжевича, взятое г. Снегиревымъ за основу, хотя онъ нигдѣ объ этомъ и не упоминалъ, подверглось въ рукахъ новаго собирателя нѣкоторымъ передѣлкамъ. Г. Снегиревъ выпускалъ слова, урѣзывалъ цѣлыя половины пословицъ — глубокія по смыслу и изящныя по выраженію; напримѣръ, у г. Снегирева пословица говоритъ: *малая искра города пожигаетъ;* у Княжевича та же пословица продолжаетъ: *а сама прежде всѣхъ погибаетъ*. У г. Снегирева «*чужіе хлѣбы пріѣдчивы;* у Княжевича продолжаетъ: *люди хоть кормятъ да смѣтчивы, даромъ дадутъ ломоть да заставятъ недѣлю молоть*. Тѣмъ непонятнѣе такіе выпуски, что въ изданіи г. Снегирева иногда цѣлыя страницы перепечатаны изъ сборника Княжевича. Иныя пословицы г. Снегиревъ повидимому намѣренно передѣлывалъ. Такъ, напримѣръ, пословицу, заимствованную изъ сборника г. Погодина: «кушанье познавается по вкусу, а мастерство по искусству», онъ неудачно подновилъ замѣненіемъ слова *мастерство* словомъ *искательство*.

Еслибъ и дѣйствительно всѣ такія извращенія первоначальнаго текста произошли *только* отъ описокъ, опечатокъ, то и въ этомъ случаѣ сборникъ г. Снегирева теряетъ всю цѣну хорошо изданнаго матеріала Изъ многихъ исправленій г. Буслаева, видно даже, что нѣкоторыя ошибки могли произойти только отъ незнакомства съ старинною грамотою. Во всякомъ случаѣ, какъ уже мы отчасти и видѣли, трудъ г. Снегирева обличаетъ чрезвычайную поспѣшность, совершенное отсутствіе ученаго вниманія и точности издательской; между тѣмъ правильность и точность текста при изданіи такого матеріала, какъ пословицы, составляютъ самое существенное дѣло. Очень естественно, что наука въ лицѣ г. Буслаева никакъ

не могла допустить подобныхъ недостатковъ въ изданномъ матеріалѣ, ибо непреложный законъ науки, ея вѣчное стремленіе заключается въ томъ, чтобъ всюду отъискивать, возстановлять истину, вскрывать ее изъ-подъ груды ошибокъ. Въ своихъ неутомимыхъ поискахъ истины она съ бо̀льшимъ вниманіемъ останавливается на десяткѣ исправленныхъ мельчайшихъ ошибокъ, нежели на сотнѣ полновѣсныхъ книгъ, гдѣ количество извращенныхъ, изуродованныхъ фактовъ поселяетъ недовѣріе и къ тѣмъ, которые остались неприкосновенными въ первоначальной ихъ чистотѣ. Возстановляя истину въ десяткѣ мелкихъ фактовъ, наука движется, пріобрѣтаетъ новыя силы, идетъ впередъ, ка̀къ бы ни былъ незначителенъ шагъ ея въ этомъ случаѣ; но, преклоняясь предъ грудою ложныхъ, невѣрныхъ данныхъ, она останавливается, зарастаетъ пустоцвѣтомъ.

Прежніе издатели матеріаловъ имѣли, а иные и до сихъ поръ имѣютъ свой особенный взглядъ на дѣло изданія, или, вѣрнѣе, не имѣютъ никакого взгляда и руководствуются разными случайными соображеніями, изобличающими вообще малое знакомство съ смысломъ и значеніемъ памятниковъ. Благодаря ихъ трудолюбію, наука пріобрѣла многое въ изданныхъ ими матеріалахъ; но, благодаря также ихъ малому знакомству съ дѣломъ, она приняла въ себя столько ошибокъ, ложныхъ положеній, что и въ настоящее время, чѣмъ бы идти впередъ, разработывать новые источники, она по необходимости должна задерживать свой ходъ очищеніемъ старыхъ ошибокъ, надѣланныхъ трудолюбивыми, но неприготовленными и поспѣшными издателями. Примѣровъ въ доказательство можно привести великое множество. Ограничимся малымъ. Припомнимъ сначала, ка̀къ издавались въ прошломъ столѣтіи наши лѣтописи, въ которыхъ изъ выраженій *утячьими ловцы* дѣлали географическія названія *утече* и *Ми-*

ловцы; заячьими ловцы — поле заечь и *Миловцы*, изъ арганнаго игреца — Арганнагоя греца, то есть Грека по прозванію Арганнагоя, и проч. Тогдашній издатель Львовъ пошелъ еще далѣе. Въ предисловіи къ изданной имъ «Лѣтописи» *) онъ добродушно разсказываетъ, что дѣло его при изданіи заключалось, между прочимъ, въ томъ, чтобъ *вычернить нѣкоторыя нелѣпости*, и вотъ въ древнемъ текстѣ лѣтописи подъ 1149 годомъ мы читаемъ, что обѣ *арміи* (полки князей Юрья и Изяслава) начали битися... что Ростиславъ (1160 г.), *арестовавъ* новгородцевъ, велѣлъ сослать по городамъ, что в. к. Іоаннъ III-й въ Новгородѣ велѣлъ *арестовать* Ивана Афанасова и проч., что Шуйскому государь (Іоаннъ III-й) приказалъ себѣ *репортовать*, что Іоаннъ велѣлъ *посадить подъ карауль* Аристотеля, и пр. Кромѣ того, въ томъ же текстѣ можно встрѣтить *фундаментъ* при описаніи закладки Успенскаго Собора, *апортаментъ* вмѣсто подклѣта и т. д., не говоря ужь о совершенномъ и полномъ искаженіи всего текста.

Конечно, это изданіе лѣтописи перещеголяло всѣ другія, и своею крайностью вполнѣ себя обличило: каждому легко было оцѣнить его по достоинству. Но ошибки другихъ текстовъ, менѣе потерпѣвшихъ, оставались долго ошибками и для позднѣйшихъ изслѣдователей, такъ что въ иныхъ случаяхъ нужно было ожидать *счастливаго открытія*, чтобъ возстановить истину. Не такъ давно *открытіе*, сдѣланное княземъ Оболенскимъ, дало совершенно иной смыслъ весьма любопытному лѣтописному извѣстію, которое дотолѣ повторялось безъ дальнихъ справокъ всѣми, кто только касался этого предмета, начиная съ Карамзина. Въ одномъ изъ ста-

*) „Лѣтописецъ русской отъ пришествія Рюрика“ и пр. Спб. 1792. пять частей.

рыхъ изданій лѣтописи записанъ подъ 1490 годомъ выѣздъ въ Москву художниковъ по вызову Іоанна: и приведоша мастеровъ стѣнныхъ... пушечнаго... серебряныхъ... и между прочимъ каплана бѣлыхъ черицовъ августинова закона Ивана Спасителя, Арганнагой греца (Карамзинъ: грека Арганнагоя) безъ означенія ихъ занятій, такъ что изслѣдователи не знали, куда ихъ причислить, къ какому разряду художниковъ. Князь Оболенскій доказалъ, что здѣсь слѣдуетъ читать вмѣсто *арганнагоя греца — арганнаго игреца*. Такимъ образомъ изъ двухъ лицъ дѣлается одно — арганный игрецъ, и наука въ этомъ исправленіи пріобрѣтаетъ новый любопытный фактъ для исторіи внутренняго быта Россіи. Г. Снегиревъ, описывая памятники московской древности, нашелъ, что, при совершеніи въ XVII-мъ столѣтіи *дѣйства страшнаго суда*, у Успенскаго Собора въ Москвѣ, предъ патріаршимъ мѣстомъ, поставляемъ былъ деревянный *козелъ*, обитый краснымъ сукномъ — вѣроятно, говоритъ авторъ, въ *поучительное напоминаніе части шуіихъ* *). Свѣдѣніе любопытное; но что жь вышло? Г. Забѣлинъ, писавшій о томъ же предметѣ въ «Москвитянинѣ» 1850 г. (№ 5-й), замѣтилъ, что въ «Древней Вивліоѳикѣ», откуда г. Снегиревъ заимствовалъ свѣдѣніе о козлѣ, козломъ названъ собственно рундукъ, подмостки, или, какъ говорятъ и теперь — *козлы*. Понять нельзя, для чего должно было обивать именно краснымъ сукномъ козла, который служилъ такимъ напоминаніемъ!

Но еслибъ мы стали продолжать эту анекдотическую исторію ученыхъ изысканій и издательскихъ промаховъ, то ей не было бы конца. Да и эти факты мы привели къ тому только, чтобъ спросить рецензентовъ «Современника» что̀ должно дѣлать съ ошибками предшественниковъ, не исправляя

*) „Памятники Московской Древности" М. 1842—1845, стр. 53.

* * *

ихъ и слѣдовательно не вступая въ мелочную полемику, что, по понятіямъ «Современника», какъ видѣли мы, одно и то же.

Издателя лѣтописи Львова напоминаетъ издатель древнихъ русскихъ словарей, г. Сахаровъ. И тотъ и другой въ основѣ одинаково смотрѣли на издаваемые ими памятники, хотя, разумѣется, послѣдній отдаляется отъ перваго слишкомъ на пятьдесятъ лѣтъ и, стало быть, пользуется несравненно бо̀льшимъ развитіемъ науки. Но посмотрите, ка̀къ г. Сахаровъ взглянулъ на древніе русскіе словари. Вмѣсто того, чтобъ объяснить ихъ истинное значеніе, онъ критикуетъ ихъ, говоритъ почти то же, что̀ говорилъ Львовъ, издавая древнюю лѣтопись, что *за словъ отвѣчать не можетъ!*

«Великорусскіе словари, говоритъ г. Сахаровъ, составляютъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Кромѣ лексикографіи, они вмѣщаютъ въ себѣ другія разнородныя свѣдѣнія. Изъ состава ихъ мы видимъ, что наши предки *желали изучать знанія и художества,* что они любопытствовали знать о бѣломъ свѣтѣ не по однимъ разсказамъ паломниковъ. Всѣ географическія ихъ свѣдѣнія состоятъ изъ описанія городовъ, горъ, рѣкъ и земель... Этнографическая часть, исполненная баснословныхъ сказаній, заимствована изъ сочиненія Козьмы Индикоплова, изъ хожденія Александра царя Македонскаго и хронографовъ. Вина въ этомъ (въ чемъ?) не нашихъ предковъ, но самыхъ писателей, съ которыми они знакомились. Невѣроятность такихъ сказаній изумительна и превосходитъ всякое ожиданіе... Изъ естественной исторіи наши предки любопытствовали знать о звѣряхъ, птицахъ и камняхъ. Сказанія объ этихъ предметахъ наполнены баснословными преданіями... Замѣчательна здѣсь миѳологическая часть; но и это все (что?) представлено въ смѣшномъ (!) и уродливомъ (!!) видѣ» и т. д. *).

*) „Сказанія Русскаго Народа" т. II, предисл. XVI.

Все это объясненіе нисколько не объясняетъ истиннаго значенія словарей, а, напротивъ, даетъ самое превратное понятіе о ихъ составѣ, приписывая имъ то, чего по цѣли и сущности своей они никогда не имѣли въ виду. Изъ словъ г. Сахарова можно заключить, что азбуковники суть наши древнія энциклопедіи, удовлетворявшія *желаніе* нашихъ предковъ *изучать знанія и художества*, что, кромѣ того, иные предметы, напримѣръ, миѳологическіе, представлены въ нихъ въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ!

Древніе наши словари и азбуковники, какъ они сами свидѣтельствуютъ въ своихъ предисловіяхъ, составлены съ тою единственною цѣлью, чтобъ объяснить чужеземныя слова, вошедшія въ церковныя книги. Объясненіе этихъ словъ, особенно историческихъ, этнографическихъ, миѳологическихъ и т. п. заимствовано большею частью изъ тѣхъ же источниковъ, откуда взяты и самыя слова. Вмѣстѣ съ словомъ въ азбуковники вносилось и цѣлое сказаніе о предметѣ, который обозначало слово. Составъ азбуковника въ этомъ отношеніи подвергался чистѣйшей случайности; все зависѣло отъ источника; сколько подробностей встрѣчалъ тамъ редакторъ, на столько расширялъ онъ и объясненіе слова. При этомъ азбуковники весьма тщательно и точно обозначаютъ на поляхъ свои источники. Весьма понятно, какъ важны, драгоцѣнны для науки эти обозначенія источниковъ. «Для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о старинныхъ азбуковникахъ и словаряхъ (говоритъ г. Буслаевъ въ первомъ томѣ «Архива историческихъ свѣдѣній»), необходимо объяснять ихъ въ связи съ тѣми произведеніями, откуда брались въ нихъ цитаты, потому что всякій историческій фактъ тогда только можетъ быть основательно понятъ, когда намъ извѣстны всѣ обстоятельства, при которыхъ онъ возникъ: а обстоятель-

ства, окружающія словарь — его литературные и ученые источники».

Но что жь сдѣлалъ съ этими указаніями литературныхъ и ученыхъ источниковъ г. Сахаровъ? Онъ ихъ *выкинулъ* всѣ безъ исключенія! И на какомъ же основаніи? На томъ, что *всѣ* эти ссылки *явно показываютъ, что составитель Словаря имѣлъ подъ рукою рукописныя книги, и чтобы повѣрять его по рукописямъ XVI-го вѣка, какія онъ имѣлъ тогда, въ наше время есть дѣло невозможное*... Почему? — Г. Сахаровъ объясняетъ это въ коротенькомъ предисловіи къ словарю Берынды: «Въ объясненіи нѣкоторыхъ словъ (говоритъ онъ) Берында ссылался на рукописи и современныя ему печатныя книги. Перепечатывать такія ссылки *я* почиталъ ненужнымъ. Старопечатныя книги нынѣ не всѣмъ доступны: самые библіоманы не могутъ доселѣ хвалиться полными собраніями; о рукописяхъ и говорить нечего. Послѣ сего, *не имѣя старопечатныхъ книгъ и рукописей, кому принесутъ пользу перепечатанныя ссылки?*» Вотъ ученое воззрѣніе прежнихъ издателей! вотъ ихъ понятія о значеніи памятниковъ, ихъ уваженіе къ старинѣ, о которой они такъ много говорятъ въ своихъ предисловіяхъ и которую такъ часто искажаютъ! Можно сдѣлать вопросъ г. Сахарову: для чего онъ перепечатывалъ и самые словари и азбуковники, потому-что, *не имѣя* старопечатныхъ книгъ и рукописей, изъ которыхъ и для которыхъ они составлены, *кому принесутъ* пользу эти перепечатанныя старинныя слова?

Какъ бы то ни было, древніе наши словари въ изданіи г. Сахарова явились безъ указаній источниковъ, безъ опредѣленій, къ какому языку предки наши относили то или другое слово, наконецъ съ весьма значительными сокращеніями въ толкованіи словъ и даже произвольными перемѣнами. При-

томъ, хотя г. Сахаровъ и говоритъ, что, напримѣръ, текстъ азбуковника онъ издалъ *по шести* спискамъ, но этого на самомъ дѣлѣ рѣшительно нигдѣ не видно, не указано ни одного варіанта, чего при шести спискахъ не быть не могло. Видно только, что выбранный г. Сахаровымъ для изданія списокъ не принадлежитъ къ особенно полнымъ и особенно важнымъ, въ отношеніи къ другимъ. Издавая старопечатный словарь Памвы Берынды, г. Сахаровъ печаталъ текстъ его только по первому изданію, между тѣмъ, какъ есть второе, представляющее нѣкоторые, весьма значительные варіанты. Все это можетъ служить яснымъ указаніемъ того, какое именно достоинство имѣютъ изданія г. Сахарова. Мы говорили объ однихъ словаряхъ для примѣра; но то же самое должно сказать и о всѣхъ другихъ матеріалахъ, напечатанныхъ г. Сахаровымъ. Послушайте, что̀ говоритъ, напримѣръ, «Москвитянинъ» (1854, № 15-й) о пѣсняхъ, изданныхъ г. Сахаровымъ:

«Г. Сахаровъ началъ съ того, что въ своемъ предисловіи *уничтожилъ* всѣ прежніе сборники пѣсенъ (замѣтьте это, г. рецензентъ «Современника!»), обвинивши ихъ, отчасти и справедливо, въ искаженіяхъ, поправкахъ, однимъ словомъ въ измѣненіяхъ чисто народнаго и въ маломъ уваженіи къ чисто народному; но спрашивается: какъ же самъ г. Сахаровъ относится къ этому чисто народному? Всякаго, кто знакомъ съ русскими пѣснями, не по печатнымъ только источникамъ, всякаго, кто хотя сколько нибудь ихъ слышалъ въ народѣ, чье ухо хоть сколько нибудь привыкло къ ихъ музыкально гармоническому складу, и въ чье сердце, хотя сколько нибудь проникло ихъ содержаніе, сборникъ г. Сахарова удивляетъ едва ли не болѣе, чѣмъ «Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ», содержащій въ себѣ собраніе отборныхъ и всѣ доселѣ извѣстныхъ употребительныхъ и новѣйшихъ всякаго рода пѣсенъ — раздѣленныхъ на нѣжныя, любовныя, при

народныя, пастушескія, военныя, патріотическія, хороводныя, святочныя, подблюдныя, свадебныя, малороссійскія, театральныя, *издѣвочныя, выговорныя, критическія,* веселыя и печальныя, плясовыя, цыганскія и проч., изданный въ Спб. 1818 г. Г. Сахаровъ, какъ собиратель новый и притомъ *съ притязаніями, сообщивъ своему собранію значеніе научное,* конечно, не далъ своему сборнику этого пышнаго заглавія, выписаннаго нами съ буквальною точностію, не ввелъ такихъ категорій раздѣленія, какъ пѣсни *издѣвочныя, выговорныя, критическія,* не напечаталъ чувствительныхъ романсовъ въ родѣ «Стонетъ сизый голубочикъ» ò бокъ съ народными пѣснями, но за то: 1) ввелъ свои, не такъ смѣшныя, но за то болѣе исполненныя претензій категорія; 2) не напечаталъ многаго множества настоящихъ народныхъ и всякому русскому человѣку знакомыхъ изъ дѣтства пѣсенъ; 3) искажалъ во имя условнаго размѣра многія пѣсни, не лучше кн. Цертелева, только на новый манеръ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое значатъ у г. Сахарова категоріи пѣсенъ: семейныя, разгульныя, сатирическія? какое различіе разгульныхъ отъ плясовыхъ? Почему въ сборникѣ народныхъ русскихъ пѣсенъ не встрѣчается множества пѣсенъ, которыя услышишь, какъ только подойдешь, гдѣ нибудь въ отдаленныхъ городскихъ переулкахъ, къ поющей толпѣ, и которыя не встрѣчаются въ сборникѣ г. Сахарова? Или однѣ рѣдкости только собиралъ г. Сахаровъ? — Но у него безпрестанно попадаются пѣсни вовсе не рѣдкія, сто разъ печатанныя, даже въ тѣхъ несчастныхъ собраніяхъ, которыя онѣ уничтожаетъ безъ малѣйшаго милосердія. Г. Сахаровъ сѣтуетъ на искаженія, которыя пѣсни потерпѣли въ Чулковскомъ, Новиковскомъ, Цертелевскомъ, Кашинскомъ и другихъ сборникахъ, но у него: 1) очень часто въ записанныхъ пѣсняхъ народныхъ попадаются стихи *дѣланные* и вставочные, и 2) размѣръ пѣсенъ

большею частію не понятъ и весьма часто искаженъ, подведенъ подъ условное ярмо...»

Все это «Москвитянинъ» подтвердилъ самыми очевидными, убѣдительными доказательствами.

Послѣ этого да позволено будетъ спросить г. рецензента «Современника: возможно ли непогрѣшительно пользоваться изданіями г. Сахарова? Должны или нѣтъ позднѣйшіе изслѣдователи раскрыть и указать въ подобныхъ изданіяхъ всѣ намѣренныя и ненамѣренныя перемѣны, неточности, мелкія ошибки, мелкіе недостатки и проч. и проч.; должны ли, однимъ словомъ, критически оцѣнить эти и подобные имъ сборники, раскрыть ихъ *истинное достоинство?*

Какъ вы думаете, что̀ говорятъ по этому поводу рецензенты «Современника?» Въ X-мъ нумерѣ этого журнала прошлаго года они разбираютъ книгу г. Медовикова «Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича». Само собою разумѣется, что книга г. Медовикова — дѣло постороннее; главное — размышленія по поводу этой книги, а размышляютъ рецензенты «Современника» слѣдующимъ образомъ:

«Сочиненіе г. Медовикова не отличается ни *полнотою*, ни особенными достоинствами изложенія; оно не уясняетъ ни одного вопроса. Что давно было извѣстно всякому, хотя нѣсколько занимавшемуся русскою исторіею, только то и повторилъ авторъ въ своей книгѣ; *новаго не сказалъ онъ ничего;* факты изложены въ такомъ объемѣ, что нѣкоторые отдѣлы, главы о царствованіи Алексѣя Михаиловича въ «Руководствѣ» г. Устрялова полнѣе соотвѣтствующихъ отдѣловъ книги г. Медовикова; другія событія разсказаны полнѣе въ такихъ общеизвѣстныхъ сочиненіяхъ, какъ «Исторія Россійской Церкви». *Поэтому* казалось бы, что не можетъ быть основаній считать сочиненіе г. Медовикова заслуживающимъ большой похвалы. *Правда* (!), написано оно добросовѣстно;

авторъ пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшія изданія, въ которыхъ могъ найдти что нибудь нужное для себя; ему хорошо извѣстны не только отдѣльныя сочиненія, но и статьи періодическихъ изданій, касающіяся его предмета... (Слѣдовательно сочиненіе, вопреки прежнему опредѣленію, должно отличаться полнотою, ибо г. Медовиковъ пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшія изданія и даже журнальныя статьи, чтобы извлечь изъ нихъ нужное для себя?). Но не это одно достоинство (добросовѣстность труда, при которой, повторимъ еще, не можетъ быть неполноты) мы находимъ въ трудѣ Медовикова; *есть въ немъ качества болѣе рѣдкія*—отсутствіе ученаго самолюбія и опрометчивыхъ претензій на то, чтобы «выставить предметъ въ новомъ свѣтѣ; открыть въ немъ новыя стороны, поднять новые вопросы, показать неосновательность, односторонность прежнихъ объясненій», однимъ словомъ — придумать какое нибудь «новое воззрѣніе на предметъ».

Сочиненіе не заслуживаетъ похвалы, потому что авторъ *новаго* не сказалъ ничего, а что̀ сказалъ, то̀ *неполно*. Но сочиненіе имѣетъ достоинство труда добросовѣстнаго (слѣдовательно, полнаго), слѣдовательно заслуживаетъ похвалу, и тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что заключаетъ въ себѣ болѣе рѣдкія качества — отсутствіе новаго воззрѣнія на предметъ, или, прежними словами, потому заслуживаетъ похвалу, что авторъ *новаго не сказалъ ничего*...

Что-то будетъ думать г. Медовиковъ о такой оригинальной оцѣнкѣ своего труда? Впрочемъ, «умыселъ другой тутъ былъ»: дѣло было не въ книгѣ г. Медовикова, а въ тѣхъ *рѣдкихъ качествахъ*, по поводу которыхъ необходимо было распространиться.

«Эти качества дѣйствительно довольно рѣдки! (восклицаетъ рецензентъ «Современника»). Сколько есть ученыхъ, несправедливыхъ къ своимъ предшественникамъ! Недавно мы

указали одинъ подобный случай, говоря о мелочныхъ критическихъ замѣчаніяхъ на *дразнящій трудъ* г. Снегирева. А такихъ примѣровъ сотни. Одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ считаетъ нужнымъ аналитически разбирать «Исторію Государства Россійскаго», отыскивая, не взялъ ли Карамзинъ у Щербатова или Хилкова мысль о томъ, что «просвѣщеніе смягчаетъ нравы», не заимствовалъ ли онъ у Татищева или Болтина понятія о томъ, что Святославъ былъ отважный воитель, а Олегъ привелъ въ трепетъ Византійцевъ. *Зачѣмъ онъ тратитъ время на подобныя сближенія?* (?!) Что «Исторія Государства Россійскаго» имѣетъ свои недостатки, было уже доказываемо двадцать лѣтъ назадъ Арцыбашевымъ и Полевымъ; *а теперь напрасно и говорить объ этомъ;* что Карамзинъ пользовался трудами своихъ предшественниковъ, также вещь извѣстная всякому, и столь же естественная, какъ и то, что ученые, занимающіеся нынѣ русскою исторіею, пользуются трудами Карамзина и, напримѣръ, Эверса, который уже давно говорилъ о развитіи государственнаго быта изъ племеннаго (тонкій намекъ, что мысль о *родовомъ* бытѣ заимствована новыми изслѣдователями у Эверса!). Наконецъ, что Карамзинъ занялъ у Щербатова мысль о благодѣтельномъ вліяніи просвѣщенія на нравы, столь же очевидно, какъ и то, что новѣйшіе математики заняли у Магницкаго правила сложенія и вычитанія. Неужели нужно анализировать исторію Карамзина для того, чтобы наши читатели лучше могли постичь превосходство нашихъ собственныхъ трудовъ? Уже одно опасеніе, что читатели наши могутъ придти къ такой мысли (никогда и никому въ голову не прійдетъ такая мысль, кромѣ рецензентовъ «Современника»), надѣемся, несправедливой — относительно нашихъ чувствъ, должно было бы удержать насъ отъ безполезнаго труда, ставящаго насъ въ самое неловкое положеніе» (!!).

Затѣмъ приводится *другой примѣръ*—именно монографіи по части исторіи русской литературы, въ которыхъ «Современникъ» слышитъ увѣренность авторовъ, что до нихъ ничего, ровно ничего не было сдѣлано, что они дѣлаютъ что-то небывалое... однимъ словомъ, слышитъ какое-то неуваженіе къ трудамъ предшествовавшимъ...

«Отчего проистекаетъ эта *придирчивость*, это стремленіе показать, что заслуги нашихъ предшественниковъ были не такъ велики, какъ воображаютъ неспеціалисты? Мы никакъ не думаемъ, чтобъ это происходило отъ какихъ нибудь сознательныхъ побужденій, и рѣшительно отвергаемъ всякіе толки о *неблагодарности, непризнательности, неуваженіи*, будучи твердо убѣждены, что подобныя чувства очень рѣдко совмѣщаются съ характеромъ ученаго человѣка, по самой натурѣ своей чистымъ; гораздо основательнѣе объяснять дѣло мелочнымъ преувеличеніемъ важности собственныхъ открытій, и эту мелочность приписывать преимущественно чистосердечному, но слишкомъ восторженному увлеченію; а причиною увлеченія мелочами надобно, разумѣется, считать то, что увлекающіеся мало успѣли еще сдѣлать истинно важнаго. Свое каждому дорого; и кому принадлежитъ еще одно только не слишкомъ важное, тотъ почти всегда поставляетъ въ этомъ неважномъ чрезвычайную важность».

Итакъ въ дѣятельности нашихъ новѣйшихъ ученыхъ «Современникъ» прежде всего видитъ только *придирчивость*, стремленіе показать, что заслуги предшественниковъ были не такъ велики, мелочное преувеличеніе важности собственныхъ открытій, анатомическій разборъ предшествовавшихъ трудовъ для того, чтобъ читатели лучше могли постичь превосходство трудовъ, принадлежащихъ новѣйшимъ ученымъ, между-тѣмъ, какъ эти молодые ученые мало успѣли еще сдѣлать истинно-важнаго, и въ своемъ неважномъ поставляютъ

чрезвычайную важность, стараясь поколебать довѣріе къ предшествовавшимъ трудамъ, чтобъ контрастомъ возвысить достоинство собственныхъ трудовъ?... Ко всему этому присовокупленъ тонкій намекъ на неблагодарность, непризнательность, неуваженіе... Такъ «Современникъ» понимаетъ нашу настоящую ученую дѣятельность!

Читатели могли замѣтить, что факты, приведенные рецензентомъ «Современника» въ подтвержденіе его *размышленій*, говорятъ только, что вся несправедливость со стороны новѣйшихъ ученыхъ къ трудамъ предшественниковъ заключается единственно въ томъ, что эти ученые посягнули на разборъ, на критическую оцѣнку всего, что до нихъ было сдѣлано. Стремленіе привести все въ ясность, разобрать, подвести по возможности вѣрные итоги ко всей предшествовавшей ученой дѣятельности вызвано самымъ развитіемъ у насъ науки, и молодые ученые, въ этомъ случаѣ, служатъ ей только орудіемъ. Люди, вникающіе въ дѣло, слѣдящіе за ходомъ науки, видятъ въ этомъ стремленіи огромный шагъ впередъ, шагъ, который служитъ вѣрнымъ ручательствомъ за богатую будущность. Люди неопытные въ дѣлѣ науки видятъ въ немъ только пустую, безполезную придирчивость, которую ложно и несовсѣмъ прилично объясняютъ какими-то личными цѣлями, намѣреніемъ унизить предшествовавшій трудъ съ тѣмъ, чтобъ возвысить свой собственный... Они не въ силахъ понять, что *анатомическій разборъ, анатомическое изученіе, изслѣдовательность*, характеризующіе настоящую ученую дѣятельность, выражаютъ только естественный ходъ и ростъ науки; анатомическое изученіе, изслѣдовательность — такая же неотъемлемая сущность науки, какъ неотъемлема способность мыслить у человѣка. Наука же — результатъ человѣческой мысли, результатъ умственной жизни человѣка. Человѣкъ мыслитъ, разсуждаетъ, слѣ-

довательно разбираетъ что̀ хорошо, что̀ худо, что̀ истина, что̀ ложь... Само собою разумѣется, что анатомическій разборъ, анатомическое изученіе, какъ и всякое дѣло, имѣетъ свои недостатки, напримѣръ, излишнее увлеченіе въ достоинствѣ и значеніи открываемыхъ истинъ. Но сущность науки— истина. Открывая истину, гдѣ бы ни было, человѣкъ всегда, можетъ быть, съ излишкомъ увлекается ею. Раскрытая правда радуетъ его, какъ ребенка, и въ этомъ заключается его высшее наслажденіе, всегда присущее его духу. Въ такой же силѣ все ложное оскорбляетъ его, и снисхожденіе ко лжи для него тяжело, невыносимо... Близорукіе видятъ въ этомъ ученое самолюбіе, опрометчивыя претензіи, придирчивость и т. п., между тѣмъ, какъ въ этомъ выражается только существенное и животворное свойство умственной дѣятельности человѣка во всѣхъ сферахъ. Поэтому въ анатомическомъ разборѣ, въ придирчивости нельзя обвинять исключительно извѣстное поколѣніе ученыхъ: придирчивость и разборъ являются вездѣ, гдѣ только дѣло идетъ объ истинѣ.

Такъ, напримѣръ, великая заслуга Шлёцера чѣмъ характеризуется, какъ не тѣмъ, что онъ внесъ въ разработку русской исторіи всестороннюю, до мелочей подробную *придирчивость*, которая дала надлежащій ходъ, самое здравое направленіе нашимъ историческимъ трудамъ и воспитала нѣсколькихъ полезныхъ дѣятелей, идущихъ по тому же пути до сихъ поръ? Но когда анатомическій разборъ или, что̀ одно и то же, критическій разборъ становится главнымъ, существеннымъ направленіемъ ученой дѣятельности, это значитъ, что наука входитъ въ свои силы, что возникаетъ *научная* обработка предмета, которой прежде или совсѣмъ не было, или которая являлась только одиноко, уединенно, составляла исключительную принадлежность только немногихъ трудовъ. Теперь, благодаря критическому (шлёцеровскому) направле-

нію, этой неутомимой придирчивости, едва-ли кто изъ ученыхъ въ состояніи издать матеріалы и древніе памятники такъ, какъ издавались они прежде...

Кто хорошо знакомъ съ разработкою русской исторіи и исторіи русской литературы, тому весьма будетъ ясно отношеніе настоящихъ ученыхъ трудовъ къ предшествовавшимъ. Онъ увидитъ, съ какою постепенностью и какъ медленно водворялись тѣ научныя условія въ обработкѣ предмета, которыя въ настоящее время требуются уже отъ каждаго ученаго труда... Какъ легко было прежде составить себѣ извѣстное имя, авторитетецъ! Требованій со стороны публики не было никакихъ; да и что можно было требовать, когда публикѣ нужно было еще только первоначальное, элементарное, собственно фактическое знаніе?... Вотъ почему публика съ благодарностью принимала все ей предлагаемое, не разбирая, какъ и въ какомъ видѣ оно было предложено. Ей еще нужны были только факты, *опыты*, простыя данныя...

Издавъ двѣ-три книги, нѣкоторые сочинители тотчасъ же пріобрѣтали наименованіе «извѣстныхъ ученыхъ». Публика была права, принимая съ такимъ вниманіемъ труды этихъ дѣятелей, ибо запасъ ея свѣдѣній былъ такъ незначителенъ, что она не могла *научнымъ образомъ* оцѣнить ихъ. При общемъ, ощутительномъ недостаткѣ фактическихъ знаній въ то время, каждая лёгонькая журнальная статейка представляла научный интересъ и доставляла автору болѣе или менѣе громкое имя... Но постоянные лестные отзывы, такъ легко пріобрѣтаемые, вредно дѣйствовали на авторовъ: авторы, обольщенные этими отзывами, слишкомъ поспѣшно убѣждались въ своей *учености*, въ высокомъ достоинствѣ своихъ трудовъ и бо́льшею частью останавливались на первыхъ шагахъ, въ полной увѣренности, что дальше идти незачѣмъ... Первые, еще нескладные опыты они принимали за оконче-

ный трудъ; въ первыхъ, еще слабыхъ попыткахъ научной обработки видѣли уже полный, удовлетворительный ученый методъ. Самодовольство ихъ росло съ каждымъ днемъ. Они все болѣе и болѣе углублялись въ сознаніе своихъ относительныхъ, временныхъ только, достоинствъ, и не замѣчали, что наука, отчасти даже на основаніи ихъ же собственныхъ трудовъ, идетъ впередъ, удаляется отъ нихъ.

Такое отношеніе публики къ авторамъ, а авторовъ къ своимъ трудамъ породило весьма любопытное явленіе въ нашей ученой дѣятельности — именно отсутствіе всякой живой, непосредственной связи, всякаго живаго, непосредственнаго преемства между учеными. *Извѣстные* ученые, скоро и легко составившіе себѣ авторитетъ, оставшись среди поля, въ то время, когда все неслось мимо нихъ къ завѣтной цѣли, перестали подъ-конецъ узнавать «своихъ» въ новыхъ толпахъ, стремящихся по ихъ слѣдамъ туда же, куда была направлена и ихъ дѣятельность; они стали видѣть какую-то враждебность, встрѣтили ихъ непріязненно, не какъ послѣдователей, а какъ противниковъ. Неподвижность, происшедшая отъ самодовольнаго сознанія своихъ заслугъ, оторвала ихъ отъ общаго хода дѣлъ. Усвоивъ себѣ разъ навсегда извѣстное историческое пониманіе, извѣстный образъ сужденія, извѣстный взглядъ на предметы, эти ученые не могли уже оцѣнить ни новыхъ изслѣдованій, ни новыхъ вопросовъ, возникавшихъ въ наукѣ. Очень естественно, что каждый новый трудъ, чѣмъ онъ былъ самостоятельнѣе, тѣмъ болѣе затруднялъ остановившихся на ученомъ пути, тѣмъ болѣе удалялъ ихъ отъ общаго теченія ученыхъ работъ... Намъ ненужно приводить здѣсь доказательствъ этому: кто со вниманіемъ слѣдитъ за успѣхами русской науки, тому очень хорошо извѣстенъ ходъ ея и подробности развитія.

Наука уважаетъ авторитетъ, какъ массу оказанныхъ ей заслугъ; но она никогда не признавала его за самую истину, никогда не допускала, чтобы во имя заслугъ уважались и оставались неисправленными ошибки авторитета, свойственныя всѣмъ, кто только что нибудь дѣлаетъ. Въ лицѣ своихъ истинныхъ друзей, истинныхъ служителей, или, какъ говорятъ обыкновенно, спеціалистовъ, она очень хорошо знаетъ и понимаетъ *истинныя* достоинства всякаго авторитета и убѣждена, что, исправляя ошибки, уклоненія отъ истины, она никогда не можетъ уронить никакой дѣйствительно заслуженный авторитетъ. Такими исправленіями она возвышаетъ только цѣну всякаго дѣльнаго труда, очищая его отъ всего, что̀ препятствуетъ ему занять достойное мѣсто въ ряду ея положительныхъ пріобрѣтеній. Въ этомъ отношеніи для науки каждый авторитетъ есть также предметъ изученія. Она стремится опредѣлить, что̀ именно пріобрѣла трудами извѣстнаго авторитета. Съ этою цѣлью, безъ-сомнѣнія, предпринято и сочиненіе г. Соловьева: «Критическій обзоръ Исторіи Государства Россійскаго», печатаемый въ «Отечественныхъ Запискахъ». Всѣмъ извѣстно, что авторитетъ Карамзина заслонилъ собою всю предшествовавшую дѣятельность. Это было такое свѣтило, въ лучахъ котораго скрылись всѣ заслуги, всѣ достоинства прежнихъ дѣятелей. Жаръ увлеченія и общій восторгъ поддерживались и тѣмъ еще, что Карамзинъ стоялъ непомѣрно высоко надъ всѣмъ, что̀ было тогда ученаго и талантливаго. Кто тогда въ силахъ былъ критически и достойнымъ образомъ оцѣнить его трудъ? Восторгъ былъ полный и справедливый. Такъ дѣлаютъ поколѣнія, но не такъ дѣлаетъ наука: она никого не забываетъ, кто хоть малую лепту внесъ въ ея сокровищницу. Кто же будетъ думать о предшественникахъ Карамзина, что они не сдѣлали ничего важнаго, что труды ихъ не имѣютъ никакого значенія? Въ

настоящее время общее стремленіе узнать, что̀ дѣлали предшественники, не могло не остановиться и на трудахъ Карамзина — и въ обзорѣ г. Соловьева заслуги Карамзина предстаютъ намъ во всей ихъ истинѣ, со всею ихъ обстановкою, со всѣми ихъ корнями, о которыхъ до сихъ поръ вообще мало думали. Кромѣ того, этотъ обзоръ познакомитъ будущее поколѣніе съ историческимъ взглядомъ, историческимъ пониманіемъ не только Карамзина и его предшественниковъ, но и съ пониманіемъ нашего времени. Говорить, что это трудъ *безполезный*, ставящій самого автора въ какое-то неловкое положеніе, предпринятый для того, чтобъ читатели лучше могли постичь превосходство его собственныхъ трудовъ — говорить это можно только при фельетонномъ воззрѣніи на науку...

Другое дѣло авторитеты, возникшіе случайно, среди фельетонистовъ и дилеттантовъ, за совершеннымъ отсутствіемъ спеціалистовъ, которые могли бы во̀ время оцѣнить ихъ по достоинству: такіе авторитеты не любятъ критикъ и разборовъ; всякое дѣльное замѣчаніе принимается ими какъ личное оскорбленіе... Фельетонисты, незнакомые непосредственно съ источниками и вообще съ самымъ дѣломъ, стоятъ поэтому всегда ниже такихъ авторитетовъ, хвалятъ ихъ сплошь, хвалятъ съ чужаго голоса, по привычкѣ съ-издѣтства думать и говорить затверженные зады, наконецъ потому, что нельзя же хулить того, чего не знаешь и не понимаешь. На такихъ-то условіяхъ и утверждаются сказанные авторитеты. Когда же настаетъ время добросовѣстнаго, спеціальнаго изученія ихъ, время разбора и опредѣленія, въ чемъ именно состоитъ заслуга каждаго, когда дѣйствительно являются *мелочныя критическія замѣчанія*, тогда авторитеты, и еще болѣе фельетонисты возвышаютъ голосъ и, не имѣя возможности добросовѣстно доказывать, что дважды-два — пять, прибѣга-

вть къ другимъ доказательствамъ, толкуютъ о неблагодарности, неуваженіи, придирчивости и проч. и проч. Весьма понятно, почему иные авторитеты прибѣгаютъ къ подобнымъ доказательствамъ; но иные фельетонисты толкуютъ такъ совершенно безкорыстно, какъ мы сказали, по привычкѣ думать и говорить затверженное одно и то же, съ чужаго голоса, при совершенномъ незнаніи предмета, о которомъ идетъ рѣчь...

РАЗРЯДНЫЯ КНИГИ.

Дворцовые Разряды. Томъ первый. 1612—1628 г. С.-Петербургъ 1850 г.

«Государю Императору, во время послѣдняго пребыванія въ Москвѣ, какъ говоритъ предисловіе къ этому изданію (стр. XIII), благоугодно было повелѣть, всѣ дошедшія до насъ, какъ оффиціальныя, такъ и принадлежавшія частнымъ лицамъ, но въ послѣдствіи дошедшія до правительства рукописи Разрядовъ, привести въ точную извѣстность, сличить ихъ, повѣрить однѣ другими и издать при Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи». Такимъ образомъ «Дворцовыми Разрядами» полагается начало полному изданію Разрядныхъ Книгъ. Начинаясь съ государствованія Іоанна III, Разрядныя Книги, какъ записки служебнаго распорядка мѣстъ, почти безпрерывно продолжаются до новыхъ установленій Петра Великаго и составляютъ лѣтопись правительственной и служебной дѣятельности въ Россіи во все продолженіе московскаго періода нашей исторіи. Всѣ доселѣ извѣстныя рукописи Разрядныхъ Книгъ, какъ по мѣсту храненія, такъ особенно по самому ихъ составу, должны быть раздѣлены на два рода: 1) оффиціальныя, сохранившіяся въ дѣлахъ Разряднаго Приказа въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ при московскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената

(книгъ Архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), и 2) неоффиціальныя, принадлежащія частнымъ лицамъ; сверхъ этихъ неоффиціальныхъ книгъ хранящихся въ разныхъ казенныхъ и частныхъ библіотекахъ. Значеніе и объемъ сохраненныхъ разрядныхъ неоффиціальныхъ, въ многомъ отношеніи, какъ по своему происхожденію, такъ и по составу «Дворцовые Разряды» — весьма хорошо опредѣлены Д. Валуевымъ въ вступленіи къ изданной имъ Разрядной въ «Сборникѣ» (М. 1844).

«Разрядныя книги (говоритъ г. Валуевъ), еслибъ онѣ и всѣ были найдены, отъ начала единодержавія до уничтоженія мѣстничества царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, не открыли бы, вѣроятно, ни одного важнаго событія, но снятъ покровъ неизвѣстнаго въ нашей исторіи, не объяснили бы нами многое. Ведены онѣ были въ разрядныхъ приказахъ преимущественно для того, чтобъ опредѣлять въ роды родовъ чиноначаліе военной и отчасти придворной и гражданской службы и потомственнаго по службѣ старѣйшинства военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ сановниковъ, а потому въ эти разряды, отъ начала и до конца, постоянно вписывались всѣ походы, всѣ пріѣзды иностранныхъ пословъ, всѣ назначенія военныхъ начальниковъ на мѣста пограничной стражи, и какія мѣста занимали во всѣхъ этихъ случаяхъ какія именно лица; а иногда записывались придворныя церемоніи, царскіе столы, производства придворныхъ чиновниковъ и т. д. Слѣдовательно разряды для исторіи могутъ часто служить повѣркою годовъ, чиселъ и княжескихъ, боярскихъ и дворянскихъ родословій — обширнымъ повременнымъ и потомственнымъ послужнымъ спискомъ всѣхъ чиновъ, важнымъ для исторіи объясненіемъ военнаго и частію гражданскаго и придворнаго чиноначалія и самой службы и, наконецъ, любопытнымъ исчисленіемъ существовавшихъ тогда городовъ и указаніемъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ были пограничныя стражи для защиты государства

вершенно отличное отъ того, которое въ главныхъ спискахъ, что особенно замѣчается при рѣшеніяхъ по дѣламъ о мѣстничествѣ, тогда мы оставляемъ въ нашемъ текстѣ описаніе главныхъ списковъ, но отличное отъ онаго изъ списковъ сокращенныхъ вносимъ въ примѣчаніе. Также въ видѣ примѣчаній, но въ концѣ годовъ, помѣщены изъ сокращенныхъ списковъ извѣстія, коихъ вовсе нѣтъ въ спискахъ главныхъ, когда нельзя опредѣлить съ достовѣрностію къ какому мѣсяцу и числу принадлежатъ означенныя въ нихъ происшествія». Такимъ образомъ въ этомъ превосходномъ изданіи мы получаемъ самый полный сводъ Разрядовъ начала XVII столѣтія. Вообще сличеніе рукописей, несмотря на чрезвычайныя затрудненія, съ которыми сопряжены всѣ подобныя работы, исполнено превосходно, съ особенною тщательностью и добросовѣстностью. Въ предисловіи, какъ мы уже отчасти видѣли, весьма подробно изложены всѣ правила, которыми руководствовалась редакція, какъ въ сличеніи списковъ, такъ и въ изданіи свѣреннаго текста — описанъ, такъ-сказать, весь процессъ труда, что̀, по нашему мнѣнію, въ высшей степени важно и необходимо при всѣхъ подобныхъ изданіяхъ.

Въ исторической части предисловія весьма основательно опровергается господствовавшее до сихъ поръ мнѣніе, будтобы всѣ Разрядныя Книги были сожжены при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, во время уничтоженія мѣстничества. Изъ соборнаго акта по этому дѣлу дѣйствительно видно, между прочимъ, что сожжены были *прошенія о случаяхъ и записки о мѣстахъ*. Самый актъ названъ «соборнымъ дѣяніемъ объ отставкѣ отеческихъ случаевъ и мѣстничества». Несмотря на то, все еще неясно, какого именно рода документы преданы огню въ царскомъ дворцѣ, въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, особо для того назначенныхъ. Разрѣшить это недоразумѣніе можно только въ такомъ случаѣ, когда допу-

стимъ, что или мѣстническіе акты сожжены были не всѣ, или всѣ истребленные документы были особаго рода. Но если въ первомъ случаѣ можно указать на *дѣла по мѣстничеству*, изданныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, какъ на *прошенія о случаяхъ*, а на всѣ извѣстныя до сихъ поръ Разрядныя — какъ на *записки о мѣстахъ*, то во всякомъ случаѣ мудрено допустить, чтобы такое оффиціальное, даже торжественное сожженіе важнѣйшихъ по тому времени государственныхъ документовъ могло совершиться для одной формы, и чтобы сожжена была въ это время только часть актовъ, случайно попавшаяся подъ руки. Это необходимо наводитъ на предположеніе, что сожженные документы непремѣнно были документы особаго рода, и что всѣ сохранившіеся доселѣ разряды и мѣстническія дѣла, можетъ быть, только источники сожженныхъ актовъ. Во всякомъ случаѣ мы рѣшаемся предполагать, что въ Разрядномъ Приказѣ между прочимъ велись особыя книги, главнымъ предметомъ которыхъ было собственно мѣстничество, и въ которыхъ, поэтому, записывался каждый распорядокъ мѣстъ, касался ли онъ военнаго похода, размѣщенія воеводъ по городамъ, царскаго выхода, *стола съ чинами* (въ отличіе отъ стола приватнаго, безъ чиновъ) и даже царской свадьбы. Сюда заносились и всѣ прошенія о мѣстахъ, мѣстническіе счеты, царскіе указы и боярскіе приговоры по этому предмету. Эти-то самыя книги вѣроятно и были сожжены. Полное о нихъ понятіе мы получаемъ изъ разрядныхъ книгъ неоффиціальныхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и именно изъ изданныхъ теперь «Дворцовыхъ Разрядовъ». Предположеніе наше мы основываемъ на слѣдующемъ: такъ-называемыя оффиціальныя разрядныя книги, сохранившіяся въ Разрядномъ Архивѣ, сколько можно судить о нихъ по изданнымъ тремъ книгамъ во «Временникѣ» Мо-

сковскаго Общества Исторіи и Древностей (№№ 1, 2 и 3), суть не что иное, какъ оффиціальные журналы Разряднаго Приказа, въ которыхъ съ чрезвычайною подробностью излагаются всѣ *общія* правительственныя распоряженія касательно службы, какъ военной, такъ и гражданской. Въ нихъ находимъ подробные наказы чиновникамъ, царскія грамматы, отписки и донесенія воеводъ, подробныя расчисленія военныхъ силъ и т. п. Это ихъ *существенное* содержаніе. Записки же по мѣстничеству входили въ составъ этихъ книгъ *иногда*, и то бо́льшею частію въ краткомъ изложеніи, безъ подлинныхъ прошеній и документовъ, и вообще какъ *случайное дополненіе* къ существенному ихъ содержанію. Слѣдовательно, мѣстничество въ этихъ оффиціальныхъ книгахъ было предметомъ постороннимъ или, вѣрнѣе, побочнымъ, относилось какъ часть къ цѣлому. Вотъ почему и истреблять эти книги не было никакой нужды, такъ точно, какъ не было нужды истреблять и всѣ дѣла Разряднаго Приказа, которыя по своему содержанію, конечно, были всегдашнимъ источникомъ мѣстническихъ счетовъ. По той же самой причинѣ и составленіе этихъ книгъ продолжалось въ Разрядномъ Приказѣ и послѣ 1682 года, то есть по уничтоженіи мѣстничества. Но составляя такимъ образомъ подробныя оффиціальныя записки или журналы всѣмъ *общимъ* распоряженіямъ правительства по службѣ, Приказъ необходимо долженъ былъ вести *записки частныя по одному только мѣстничеству*, которое, какъ извѣстно, принадлежало также его вѣдомству. Эти-то записки и составляли собственно *разрядныя книги мѣстничества*, гдѣ главнѣйшимъ предметомъ было *мѣсто*, а не служба вообще, распорядокъ мѣстъ, мѣстническіе случаи съ подлинными прошеніями и другими документами, а не подробности чисто-служебныхъ назначеній и дѣйствій. Такія книги были необходимы при разрѣшеніи всѣхъ споровъ,

счетовъ и недоразумѣній мѣстничества, слѣдовательно, были необходимы и для Приказа, который завѣдывалъ мѣстническими дѣлами. Существованіе такихъ книгъ вполнѣ подтверждается тѣмъ же соборнымъ актомъ объ уничтоженіи мѣстничества. На соборѣ, когда всѣ чины согласились *разрядные случаи* отставить и совершенно искоренить, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, «призирая милостиво на своихъ государевыхъ бояръ и окольничихъ и думныхъ выборныхъ людей, исполняя свое государское о Бозѣ намѣреніе, указалъ боярину князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову, да думному дьяку Василью Григорьевичу сыну Семенову, принести къ себѣ, Великому Государю, *всѣ разрядныя книги, въ которыхъ писаны бывшіе случаи съ мѣсты,* при прежнихъ Вел. Государяхъ Царяхъ и Вел. Князѣхъ Россійскихъ и при его Вел. Государя державѣ. И по тому его Великаго Государя указу книги принесены». Здѣсь, кажется, весьма положительно говорится о *книгахъ,* въ которыхъ главнымъ предметомъ было мѣстничество. Государь, повелѣвая эти книги, какъ основу мѣстничества, предать огню, «чтобъ та злоба и нелюбовь совершенно погибла, и впредь непамятна была, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ», наименовалъ въ своей рѣчи только одно ихъ содержаніе: *„прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки“,* какъ главный предметъ, о которомъ шло дѣло. «И того жъ числа (сказано въ актѣ) тѣ книги преданы огню въ предныхъ сѣняхъ. А при томъ стояли: отъ Государя бояринъ князь Михайло Юрьевичъ Долгоруковъ, да думный дьякъ. А отъ Патріарха — всѣ преосвященные митрополиты и архіепископы, до тѣхъ мѣстъ, какъ тѣ книги совершенно сожгли».

Такимъ образомъ всѣ оффиціальные документы мѣстничества, которыми оно, такъ-сказать, жило, погибли навсегда, и мы не имѣли бы о нихъ никакого понятія, еслибъ такъ же

* * *

скоро было уничтожено и самое мѣстничество. Но оно на самомъ дѣлѣ, въ жизни, оставалось еще долго и хотя не имѣло уже законныхъ основаній для своихъ счетовъ, зато бо́льшею частію *отбаливалось* отъ своихъ потерь: это можно видѣть изъ нѣсколькихъ случаевъ по мѣстничеству, бывшихъ послѣ его уничтоженія. Къ тому же бояре мѣстничались даже въ коллегіяхъ, при Петрѣ Великомъ. Такимъ образомъ не легко было истребить и разрядныя книги мѣстничества, находившіяся въ частныхъ рукахъ. Эти книги составлялись, разумѣется, изъ оффиціальныхъ посредствомъ выписокъ и даже полныхъ копій, которыя или оффиціально выдавались изъ Разряднаго Приказа, или просто списками покупались у подъячихъ. Каждому боярину и вообще каждому лицу, не желавшему имѣть мѣстнической *потерки*, такая книга была необходима. Ею руководствовались въ спорахъ, почерпали доказательства правъ на то или другое мѣсто. Само собою разумѣется, что эти *домашнія* книги составлялись иногда сокращенно, имѣя въ виду службу и мѣста только того боярскаго рода, къ которому принадлежало лице, составлявшее для себя книгу. Весьма хорошее понятіе о характерѣ домашнихъ разрядныхъ книгъ мѣстничества даетъ намъ одна такая книга, хранящаяся въ библіотекѣ г. Царскаго *). Особенно важны и любопытны въ ней слѣдующія приписки. На первомъ листѣ рукописи: «Сія книга окольничего Ѳедора Васильевича Бутурлина, и сына его Ивана Ѳедоровича, и внука его Ивана Ивановича, Бутурлиныхъ; а списана сія книга съ Мелентьевой книги Клементьевича Квашнина, а Мелентьева книга Ѳоминская книга Ивановича Квашнина *не зѣло справчива, много и затеекъ написано: писалъ затейки много Ѳома Ивановичъ Квашнинъ, чего въ Государевыхъ разря-*

*) „Рукописи Славянскія и Россійскія". Москва, 1848 г., № 715.

дахъ и не бывало, своими прилоги, для своего Квашнина роду; а ідѣ его затейки писаны и тутъ справлено подъ тѣми статьями, что онъ неправдою писалъ своею затейкою». По листамъ внизу: «Сія книга окольничего Ѳедора Васильевича Бутурлина и сына его стольника Ивана Ѳедоровича, и внука его стольника Ивана Ивановича Бутурлина, а писана сія книга съ Ѳоминской книги Квашнина; а прочитать сію книгу самому государю (то-есть владѣльцу), у кого въ дому сія книга будетъ, съ разумомъ великимъ, а чего самъ въ сей книгѣ не разумѣетъ, ино умѣющаго разумного человѣка спросить не стыдно о разумѣ сія книги, что̀ въ ней писано. И сія книга отдана брату своему, Петру Ивановичу Бутурлину, ее переписать и переписавши опять ее отдать мнѣ, Ивану Ѳедоровичу Бутурлину, и сыну моему Ивану; *а сію книгу разрядную никоему ея не отдавать и не показывать, потому что въ сей книгѣ писано про всѣ многіе роды, потому никому не кажи, вѣдай самъ себѣ*. А подписалъ сію книгу я, Иванъ, своею рукою. *А которыя статьи надобно про себя, и ты себѣ тетрадку сдѣлай особую и выписывай себѣ именно, которого іоду и кто съ кѣмъ бывалъ безсловно»*. Вообще эта разрядная книга, наполненная поправками, дополненіями и отмѣтками рукою самого владѣльца, представляетъ въ высшей степени любопытный образчикъ книгъ домашнихъ, *родовыхъ*.

Несмотря на строгое запрещеніе соборнаго дѣянія: *держать у себя въ дому* такія книги и вообще записки, относившіяся къ прежде бывшимъ отеческимъ случаямъ — боярамъ, запоздалымъ представителямъ мѣстничества, все-таки тяжело было разстаться съ своими домашними разрядами, и они берегли ихъ, какъ единственные признаки своей прежней родовой самостоятельности. Такимъ образомъ до насъ дошло

весьма много домашнихъ разрядныхъ книгъ мѣстничества, которыхъ образца, оригинала доселѣ не найдено въ дѣлахъ бывшаго Разряда, по той, разумѣется, достовѣрной причинѣ, что всѣ оффиціальные оригиналы этихъ книгъ сожжены на соборѣ. Нося на себѣ одинъ общій характеръ, домашніе разряды различаются только въ отношеніи объема времени. Нѣкоторые изъ нихъ начинаются княженіемъ Димитрія Донскаго и оканчиваются временемъ царя Іоанна Васильевича; другіе содержатъ въ себѣ разряды царствованія Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михаиловича; бо̀льшая же часть суть отрывки и заключаютъ въ себѣ разряды разныхъ царствованій.

Дворцовые Разряды, по своему происхожденію, принадлежатъ также къ домашнимъ разряднымъ книгамъ. Внимательное ихъ разсмотрѣніе вполнѣ убѣждаетъ, что это списки съ тѣхъ именно оффиціальныхъ сожженныхъ книгъ, существеннымъ содержаніемъ которыхъ, какъ мы уже говорили, было одно только мѣстничество. Это подтверждаетъ почти каждая страница разрядовъ. Здѣсь главную роль играетъ *мѣсто* во всѣхъ его распредѣленіяхъ: поэтому и всѣ записки о государственныхъ событіяхъ и вообще о правительственныхъ распоряженіяхъ сокращены и, повидимому, внесены только для объясненія того или другаго распорядка мѣстъ и возникшихъ, вслѣдствіе этого, мѣстническихъ случаевъ. Лучше всего это можно видѣть изъ сравненія Дворцовыхъ Разрядовъ съ напечатанными во «Временникѣ» Московскаго Историческаго Общества оффиціальными Разрядными Книгами, содержащими въ себѣ преимущественно одни общія распоряженія правительства. Кромѣ того, въ Дворцовыхъ Разрядахъ, какъ въ Разрядныхъ Книгахъ мѣстничества, всѣ событія, вызывавшія распредѣленіе мѣстъ и мѣстническіе случаи, записаны въ хронологическомъ порядкѣ, что̀ и придаетъ этимъ Разрядамъ

актеръ оффиціальнаго журнала, протокола. Въ оффиціаль-

ныхъ же книгахъ мѣстническіе случаи записывались частію между общими распоряженіями и преимущественно въ концѣ, какъ дополненіе — не всегда, однакожь, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка, который строго сохранялся только въ отношеніи къ главному содержанію этихъ книгъ, то есть къ общимъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ по службѣ.

Дворцовыми же разсматриваемые нами Разряды называются единственно потому, что бо̀льшая половина ихъ заключаетъ въ себѣ распорядокъ мѣстъ по службѣ придворной, то есть содержитъ въ себѣ записки о царскихъ выходахъ и походахъ, о столахъ *съ чинами*, о посольскихъ пріѣздахъ и вообще о всѣхъ церемоніалахъ, совершавшихся при Дворѣ. Такой особенный характеръ этихъ Разрядовъ подалъ поводъ къ заключенію, что они составлялись собственно по Двору и въ Приказѣ Большаго Дворца, и что въ нихъ означалось *почти все* происходившее при царскомъ Дворѣ *). Заключеніе это, сколько мы знаемъ, не подтверждается ни однимъ положительнымъ указаніемъ и тѣмъ болѣе сомнительно, что нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, что̀ именно изъ общаго содержанія этихъ разрядовъ должно отнести къ запискамъ Приказа Большаго Дворца. «Многое въ нихъ» (какъ весьма основательно замѣчено въ Предисловіи) «заимствовано и изъ книгъ Приказа Разряднаго, т. е., изъ разрядовъ военныхъ и гражданскихъ, а можетъ быть и изъ записныхъ книгъ. Таковы, напримѣръ, ежегодныя назначенія воеводъ по городамъ, и бояръ и окольничихъ по приказамъ». Сверхъ того, извѣстія о придворной службѣ, которыя могли бы относиться къ запискамъ по дворцу, встрѣчаются также въ разрядныхъ и особенно въ записныхъ книгахъ Разряднаго же Приказа и встрѣчаются не случайно, а какъ оффиціальныя дѣла этого При-

*) «Временникъ», № 1-й.

пала по его Московскому Столу. Но самымъ положительнымъ и полнымъ опроверженіемъ этого заключенія служитъ указъ царя Алексѣя Михаиловича (1669), въ которомъ распредѣлены занятія подъячихъ Разряднаго Приказа. Этимъ указомъ велѣно, между прочимъ: «Въ Разрядѣ вѣдать подъячимъ Московскаго Стола: Семену Данилово» (вѣроятно, Даниилово) *списокъ боярскій и полковая росписъ, и дѣлать разрядная книга*... Агафонику Пимнову записывать въ *городовую* (?) книгу Великаго Государя *выходы, изъ Москвы походы*, и *столы съ чинами*, и изъ окрестныхъ *государствъ посольскіе пріѣзды*». Послѣднія слова вполнѣ подтверждаютъ, что даже и черновая записная книга 7183 года *), въ которой дѣйствительно есть много извѣстій собственно по дворцу и которая, поэтому, служитъ основнымъ подтвержденіемъ упомянутому заключенію, составлена также въ Разрядномъ Приказѣ, а не въ Приказѣ Большаго Дворца. Въ этой книгѣ, рядомъ съ извѣстіями о придворныхъ событіяхъ, находится весьма много такихъ записокъ, которыя, по своему содержанію, непосредственно относятся къ занятіямъ Приказа Разряднаго. Въ ней, напримѣръ, записаны назначенія воеводъ въ города, извѣстія о воеводскихъ отпискахъ и даже статейный списокъ о привозѣ въ Москву и о казни самозванца, называвшагося царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ **), и т. п. Приказъ же Большаго Дворца былъ чисто-хозяйственнымъ вѣдомствомъ и ни въ какомъ случаѣ не касался разрядовъ, распорядковъ *общей* службы. Вообще не видно цѣли, для чего именно нужно было вести разрядныя росписи или записки въ этомъ Приказѣ. Если для того, чтобы записывать всѣ

---

*) Хранящаяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

**) „Акты Историческіе", т. IV.

дѣйствія при Дворѣ лицъ, подвѣдомственныхъ этому Приказу, и всю придворную службу, то необходимо припомнить, что всѣ лица, состоявшія въ этомъ вѣдомствѣ, принадлежали къ низшему разряду служилыхъ людей, для которыхъ мѣстничество, слѣдовательно, и разрядныя записки были предметомъ посторонним. Предположить же, что Приказъ Большаго Дворца велъ *лѣтопись* придворныхъ событій, также нельзя, ибо это опровергается самымъ содержаніемъ дворцовыхъ разрядовъ и записокъ. Какія именно придворныя событія внесены въ нихъ? Посольскіе пріѣзды, царскіе выходы и выѣзды, свадьбы и, особенно, часто, столы съ чинами. Не ясно ли, что всѣ эти событія сопряжены были съ распредѣленіемъ *мѣстъ*, слѣдовательно, съ мѣстничествомъ, и потому неизбѣжно должны были записываться въ разрядную книгу мѣстничества, которая могла носить особое спеціальное названіе «Городовой» въ томъ смыслѣ, что *мѣста* по ней распредѣлялись лишь въ *городѣ*, въ Москвѣ, столицѣ государства, въ противоположность *мѣстамъ* по разрядамъ или распорядкамъ внѣгороднымъ, по украйнамъ государства, напр. на случай войны и всякой обороны.

Если же Приказъ Большаго Дворца и велъ *записныя* книги, то эти книги были особаго рода. Въ нихъ отмѣчались только расходы, напримѣръ, кушанью и боярскимъ такъ называемымъ подачамъ, и вообще хозяйственныя дѣйствія Приказа; а если входили въ составъ этихъ книгъ записки о церемоніяхъ, о царскихъ столахъ и пр., то это дѣлалось по необходимости объяснить причину расхода и вообще причину того или другаго дѣйствія Приказа. Такъ, напримѣръ, *Выходныя Книги*, есть собственно записка царской Мастерской Палаты (гардероба) о томъ, когда и какое платье подавалось государю — а между тѣмъ въ нихъ записаны всѣ царскіе *выходы*, для которыхъ подавалось платье и отъ которыхъ книги

получили даже свое названіе. Вообще, за совершеннымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, едва-ли можно допустить, чтобы въ Приказѣ Большаго Дворца составлялись когда либо разрядныя книги и записки.

Но почему же въ Дворцовые Разряды вошло такъ много извѣстій о придворныхъ церемоніалахъ? Потому именно, что эти Разряды, какъ мы уже старались доказать—не что иное, какъ копіи оффиціальныхъ протоколовъ мѣстничества, веденныхъ въ Разрядномъ Приказѣ. Поэтому и записки о придворныхъ церемоніалахъ, особенно же о столахъ съ чинами, какъ собственно *записки о мѣстахъ*, составляли главнѣйшій и существеннѣйшій предметъ этихъ протоколовъ. Это, такъ сказать, мѣстническое значеніе придворныхъ обрядовъ и церемоній яснѣе всего раскрыто въ сочиненіи г. Валуева о «Мѣстничествѣ». «Ничѣмъ не было такъ вызываемо мѣстничество ко всей строгости своихъ распредѣленій и требованій (говоритъ г. Валуевъ), какъ ежедневной постоянно представлявшеюся необходимостью (какъ въ быту семейномъ, такъ и при дворѣ, или на службѣ) нѣсколькимъ лицамъ *сидѣть* вмѣстѣ, *по мѣстамъ;* такъ, напримѣръ, за столомъ или въ приказной избѣ и т. д. Всѣ *мѣста* за столомъ или на лавкѣ были необходимо цѣлою единицею одно почетнѣе другаго, тогда какъ стоять или ходить вмѣстѣ легко можно было и *безмѣстно;* и даже въ придворныхъ церемоніяхъ, въ крестныхъ ходахъ и т. д. нельзя предполагать той рѣзкой, представлявшейся *нумерическою единицею* опредѣленности взаимныхъ отношеній почета, ибо нельзя представлять себѣ эти церемоніи и пр. какъ фронтовую службу, шагъ въ шагъ и рядъ въ рядъ, которая одна бы могла допустить такую опредѣленность чести въ мѣстѣ каждаго. Сверхъ того, напримѣръ, правая сторона могла быть, въ извѣстной степени, честнѣе или безчестнѣе лѣвой, но однакожь не цѣлымъ *мѣстомъ*, не

цѣлою единицею... Вспомнимъ при этомъ, что самое *мѣстничество* имѣетъ свой корень отъ *мѣста*. *Мѣстомъ* же назывался въ старину всякій городъ, также какъ доселѣ зовется всякая служба, и наконецъ, всякое мѣсто за столомъ, на лавкѣ и пр. — и только въ этихъ-то трехъ значеніяхъ *мѣста* находило мѣстничество свои точныя, опредѣленныя единицы, образуя изъ этихъ мѣстъ (во всѣхъ трехъ значеніяхъ его) нумерическія (другъ другу соотвѣтствующія) лѣствицы, въ коихъ каждое звено или *мѣсто* являлось для своего предшествующаго и послѣдующаго нумерическою вычитаемою или прилагаемою единицей. И потому очень естественно, что когда судъ и разбирательство мѣстническихъ споровъ перешли изъ непосредственнаго родоваго и семейнаго круга въ область государства и сдѣлались одною изъ принадлежностей его судебной власти, то вмѣстѣ съ тѣмъ, одною изъ обязанностей этого суда, при всякомъ нѣсколько сложномъ и объемистомъ отношеніи, было опредѣлить съ точностью *мѣсто* каждаго, *кому за кѣмъ сидѣть*, ибо *такое сидѣніе* по мѣстамъ было самымъ обыкновеннымъ, ежедневнымъ обстоятельствомъ, которымъ вызываемо было мѣстничество въ жизнь и дѣйствительность; а потому и самое мѣстничество принимало его какъ-бы за норму всѣхъ своихъ прочихъ служебныхъ и другихъ отношеній» *).

Вотъ достаточныя причины, почему дворцовые разряды содержатъ въ себѣ такъ много извѣстій о службѣ придворной, въ ея древнемъ значеніи, и почему мы предполагаемъ, что эти разряды суть копіи, списки оффиціальныхъ разрядныхъ книгъ или протоколовъ мѣстничества, на которыхъ оно утверждалось, и которые оно, въ лицѣ своихъ запоздалыхъ представителей, заботливо сохранило до нашего времени.

---

*) „Сибирскій Сборникъ“, Москва. 1845, стр. 53.

Дворцовые Разряды, какъ протоколы мѣстничества, содержатъ въ себѣ весьма много мѣстническихъ случаевъ, просьбъ и рѣшеній по этому предмету и представляютъ богатѣйшіе матеріалы для всѣхъ изслѣдованій и разысканій о мѣстничествѣ. Многіе запутанные, темные вопросы этого замѣчательнаго явленія нашей древней жизни найдутъ въ нихъ удовлетворительное объясненіе и разрѣшеніе. Вообще, что̀ касается историческаго хода и развитія мѣстничества — эти разряды составляютъ замѣчательнѣйшее пріобрѣтеніе для науки. Не входя въ подробное ихъ разсмотрѣніе, мы замѣтимъ только, что изъ множества *случаевъ*, въ нихъ записанныхъ, есть особенно важные и любопытные въ томъ отношеніи, что указываютъ, ка̀къ легко возникали мѣстническіе счеты даже у людей не родословныхъ на людей родословныхъ и великихъ въ отеческихъ случаяхъ, и ка̀къ до̀рого сто̀ялъ каждый такой счетъ тому лицу, которое начинало его безъ всякихъ основаній. Особенно часто подобные случаи возникали между рындъ—чиновниковъ, стоявшихъ, какъ извѣстно, у царскаго трона во время посольскихъ аудіенцій. Въ рынды выбирали обыкновенно людей молодыхъ и красивыхъ; слѣдовательно, выборъ не всегда падалъ на людей родословныхъ. Весьма часто рындами бывали люди *молодые* и въ родовомъ мѣстническомъ значеніи. Несмотря на это, они также мѣстничались и бо̀льшею частію безъ всякихъ основаній.

Вотъ примѣръ: «1628 года, генваря въ 19-й день былъ у государя посланникъ Свиской, и государь былъ въ царскомъ платьѣ. А рындамъ указалъ государь быть въ бѣломъ платьѣ: Ивану Васильевичу сыну Морозову, князю Юрью княжъ Андрееву сыну Сицкому, князь Офонасью княжъ Григорьеву сыну Шеховскому да Ивану Петрову сыну Чихачеву. И Иванъ Чихачовъ въ городъ не поѣхалъ, а сказался болѣнъ. И бояре, по государеву указу, по Ивана послали, а велѣли его поста-

вить передъ собою. И Иванъ пришелъ къ боярамъ, въ Золотую полату, о дву посохахъ. И бояре его спросили: для ты чего въ городъ не выѣхалъ, а сказано тебѣ, велѣно быть въ бѣломъ платьѣ? И онъ сказалъ, что лошадь ногу изломила, какъ государь тѣшился за лосми, за тѣмъ де и въ городъ не поѣхалъ. И думной розрядной дьякъ Томило Луговской говорилъ ему: болшое де, *отбаливаешься* отъ князь Офонасья Шеховскаго, за тѣмъ и въ городъ не хотѣлъ ѣхать. И Иванъ бояромъ билъ челомъ, а сказалъ, что де билъ челомъ государю на князь Офонасья и впредь стану бить челомъ и милости просить у государя, чтобы государь пожаловалъ, въ отечествѣ велѣлъ дать мнѣ на князь Офонасья судъ, и менши его мнѣ быть невмѣстно. И бояре сказали: мочно де тебѣ быть менши князь Офонасья, и приговорили было Ивана Чихачова, за князь Офонасьево безчестье, велѣли бить кнутомъ. И думной дьякъ Томило Луговской сказалъ бояромъ: долго де того ждать, да, взявъ у него посохъ, и сталъ его бить по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичь другимъ посохомъ билъ по спинѣ и по ногамъ же, а говорили: не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру и, бивъ его, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ, по прежней сказкѣ».

Дворцовые Разряды. Томъ второй. Съ 1628 по 1645 годъ. С.-Петербургъ. 1851.

При обзорѣ перваго тома «Дворцовыхъ Разрядовъ» мы старались опредѣлить существенное значеніе этого интереснаго памятника, какъ копіи съ тѣхъ именно мѣстническихъ книгъ, на которыхъ основывались родовые счеты и которыя, поэтому, при уничтоженіи мѣстничества, оффиціально сожжены были на соборѣ, во дворцѣ государя. Второй томъ «Дворцо-

[illegible] Разрядъ», по характеру содержанія, ничѣмъ не отличается отъ первыхъ. Поэтому, не повторяя сказанного нами выше о содержаніи Разрядовъ и о важности матеріаловъ, которые они представляютъ для изслѣдователя, ограничимся въ настоящемъ случаѣ указаніемъ тѣхъ событій и случаевъ, которые вызывали вновь къ извѣстному распорядку мѣстъ и, слѣдовательно, къ обыкновеннымъ счетамъ и спорамъ за мѣста. Это послужитъ вступленіемъ къ предшествующему нашему обзору «Разрядовъ».

Чаще всего въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» встрѣчаются столы съ чашами, то есть обѣды церемоніальные, обѣды съ извѣстными обрядами. Въ отношеніи другихъ случаевъ, этотъ распорядокъ мѣстъ, то есть кому за кѣмъ сидѣть за столомъ, представлялся почти ежедневно, «былъ самымъ «обыкновеннымъ, ежедневнымъ обстоятельствомъ, которымъ «выражено было мѣстничество въ жизни и дѣйствитель«ность». Оттого въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» записки о столахъ встрѣчаются почти на каждой страницѣ. Но это же самое противорѣчитъ общему и всегда обыкновенному опредѣленію разрядовъ, какъ записокъ о правительственной служебной дѣятельности, о всѣхъ распоряженіяхъ по государственной службѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никакъ нельзя, напримѣръ, думать, чтобы приглашеніе къ царскому обѣду, сидѣнье за царскимъ столомъ составляло для бояръ службу, хоть бы и придворную; напротивъ, это была почесть, оказываемая государемъ людямъ болѣе или менѣе родовымъ, *разрядным*, людямъ *старой чести*, или, изконенъ, людямъ, совершившимъ дѣйствительныя заслуги. А такъ какъ всякая почесть въ древней Руси соразмѣрялась всегда съ родовою честью, съ родовымъ старшинствомъ, то, слѣдовательно, необходимо было съ точностью опредѣлять мѣсто каждаго и такимъ образомъ постоянно вести записки о распорядкѣ мѣстъ не въ

отношенія службы и служебной дѣятельности, а въ отношеніи почета.

Мы упоминали уже, что столы давались весьма часто. Каждый годовой праздникъ, церковный или царскій, семейный (именины, родины, крестины, свадьба и проч.), каждое особенное торжество, какъ напримѣръ, поставленіе патріарха или митрополита, каждый пріѣздъ иностраннаго посла не проходилъ безъ *почетнаго столованія*. Царскій столъ съ чинами накрывался всегда одинаково; противъ государева мѣста, которое большею частію, находилось въ переднемъ углу палаты и на которомъ за особымъ столомъ садился самъ государь, ставили такъ называемый *большой столъ*, примыкавшій къ лавкамъ у стѣны; съ другой его стороны тянулись скамьи. Потомъ въ углу палаты располагался *кривой столъ*, въ видѣ глаголя. Первыя мѣста въ большомъ столѣ начинались отъ государева мѣста; слѣдственно, сидѣть въ большомъ столѣ, то есть ближе къ государю, безъ сомнѣнія было почетнѣе, нежели въ кривомъ. Потомъ сидѣть на *лавкѣ* за большимъ столомъ, то есть у стѣны въ переднемъ углу палаты, считалось также почетнѣе, нежели сидѣть *въ скамьѣ* съ другой стороны стола; то же самое должно замѣтить и о *кривомъ* столѣ. Вообще лавка во всякомъ случаѣ была почетнѣе скамьи, и всѣ бояре, приглашаемые къ столу, всегда сидѣли въ лавкѣ, а всѣ окольничіе въ скамьѣ (сравн. стр. 435, 620). Къ столу приглашались обыкновенно бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки, постельничій, ясельничій, ловчій, человѣкъ 30 дворянъ, дьяки приказные, стрѣлецкіе головы съ дворцовыхъ карауловъ и гости (купцы). Число бояръ, обѣдавшихъ у государя, ограничивалось, впрочемъ, двумя-тремя лицами; изъ окольничихъ же приглашался большею частію только одинъ и весьма рѣдко двое. Объ остальныхъ лицахъ, указанныхъ нами выше «Дворцовые Разряды» не говорятъ ни слова, вовсе не

упоминая ихъ. Это также весьма любопытно, потому что вполнѣ подтверждаетъ чисто-мѣстническій характеръ «Дворцовыхъ Разрядовъ». Въ самомъ дѣлѣ: какія именно лица могли быть записаны въ журналѣ мѣстничества? Конечно, люди *старой чести*, люди родословные, имѣвшіе полное право, по своему родовому старшинству, занять то или другое мѣсто. Поэтому въ запискахъ о столахъ изъ всѣхъ обѣдавшихъ у государя мы находимъ записанными только однихъ бояръ и окольничихъ; объ остальныхъ же ни слова. Всѣ остальные, люди неродословные, не имѣвшіе никакого права *считаться* не только съ родословными людьми, но даже и между собою, никогда и не могли быть вписываемы въ книгу мѣстничества и внесены въ текстъ издаваемыхъ разрядовъ изъ особыхъ не разрядныхъ записокъ о государевыхъ столахъ, такъ что, безъ помощи этихъ записокъ, по однимъ только Дворцовымъ Разрядамъ, мы никогда не узнали бы о присутствіи за царскимъ столомъ, напримѣръ, постельничаго, ясельничаго, извѣстнаго числа дворянъ, дьяковъ и прочихъ.

Укажемъ теперь на придворную службу за царскимъ столомъ. У стола, на которомъ кушалъ самъ государь, стояли обыкновенно крайчій и стольникъ, принимая и подавая кушанье и вина. *Въ столы смотрѣли* и *сказывали* также стольники. «Смотрѣть въ столъ» значило вообще распоряжаться угощеньемъ. Обязанность стольниковъ, которые *сказывали въ столъ*, заключалась въ томъ, что они, отъ имени государя, угощали гостей при слѣдующемъ обрядѣ: подавая гостю кубокъ съ виномъ, или хлѣбъ, посылаемый самимъ государемъ, они обращались къ нему съ обычною рѣчью, напримѣръ: «Иванъ, князь Иванъ! великой государь жалуетъ тебѣ хлѣбъ, или жалуетъ тебя чашею». Гость, выпивъ чашу, билъ челомъ, то есть низко кланялся, а стольникъ докладывалъ государю, [illegible]ванъ, выпивъ чашу, челомъ бьетъ». Татищевъ присо-

вокупляетъ къ этому, что при обращеніи къ знатнымъ лицамъ, стольникъ произносилъ ихъ имена съ особыми приставками; такъ напримѣръ, кто познатнѣе, того онъ называлъ *Иванъ-ста*, менѣе знатнаго — *Иванъ-су*, а ко всемъ прочимъ обращался безъ этихъ почетныхъ частицъ и называлъ просто Иваномъ.

Вообще всѣ должности при столѣ занимали стольники. Они носили кушанье и подавали вина; одинъ изъ нихъ попочетнѣе, *наряжалъ вина* то есть приготовлялъ къ столу и вообще распоряжался винами, другой — *пить наливалъ*. Съ бо̀льшимъ великолѣпіемъ и обрядностью царскіе столы давались иноземнымъ посламъ: тогда въ сѣняхъ устроивалось нѣсколько поставцовъ (государевъ, боярскій, посольскій) съ винами и ѣствами. Число стольниковъ и дворянъ, которые *передъ юстей пить носили* и *ѣсть ставили*, доходило иногда до сотни и болѣе.

Послѣ царскихъ столовъ справлялась всегда *государева чаша*, то есть пили государево здоровье, причемъ царь самъ подавалъ боярамъ чашу, къ которой они и подходили по порядку родоваго старшинства, то есть такъ какъ сидѣли за столомъ.

Важное мѣсто въ отношеніи церемоніальныхъ должностей и вообще обрядности московскаго двора, занимаютъ также посольскіе *пріѣзды* и *отпуски*, подававшіе всегда множество случаевъ къ мѣстническимъ счетамъ.

На посла смотрѣли у насъ какъ на дорогаго гостя; а такъ какъ по древнему русскому обычаю, одною изъ первыхъ почестей для гостя была *встрѣча*, то и посольскій пріѣздъ сопровождался всегда болѣе или менѣе почетными встрѣчами, смотря по значенію державы, откуда шелъ посолъ. Сначала встрѣчать посла выѣзжалъ царскій приставъ почти на границу или по крайней мѣрѣ, въ самый ближайшій къ границѣ городъ.

Затѣмъ, по мѣрѣ приближенія посла къ столицѣ, къ нему высылали иногда новыхъ приставовъ для встрѣчи, изъ которыхъ одинъ встрѣчалъ посла ужь у самаго города. При въѣздѣ посла въ Москву, встрѣча сопровождалась особенною пышностью и блескомъ. По дорогѣ, откуда былъ въѣздъ, выстраивали всѣхъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ, жильцовъ, даже подъячихъ изъ приказовъ, одѣтыхъ въ *цвѣтномъ лучшемъ платьѣ;* «а многіе были на аргамакахъ и на конѣхъ добрыхъ, въ чюгахъ въ золотыхъ и въ бархатныхъ, и въ шапкахъ въ горлатныхъ; а на иныхъ были сабли оправныя и полаши, а на лошадяхъ наряды конскіе большіе: чѣпи гремячія и поводныя, и кутазы, и наузы и всякіе конскіе наряды». Всѣхъ чиновниковъ на выѣздѣ бывало около тысячи человѣкъ. Для бо́льшей пышности и великолѣпія и вообще для того, чтобъ было людно и многонародно, на выѣздахъ были также дворовые люди бояръ, окольничихъ и вообще богатыхъ людей, обязанныхъ на этотъ случай выставить извѣстное число всадниковъ хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ. Пользуясь въ настоящемъ случаѣ только изданными Разрядами, мы не приводимъ свидѣтельствъ иностранцевъ, которые всегда съ изумленіемъ описываютъ великолѣпіе этихъ посольскихъ въѣздовъ, имѣвшее въ ихъ глазахъ характеръ восточный. Съ тою же пышностью было и представленіе посла государю. Отъ посольскаго двора и до крыльца царскихъ палатъ по обѣ стороны стояли стрѣльцы съ пищалями, а иногда и упомянутые выше даточные люди съ боярскихъ дворовъ, въ цвѣтномъ платьѣ. По лѣстницѣ и по крыльцу до сѣней пріемной залы стояли дворяне и приказные люди, тоже въ цвѣтномъ платьѣ. Въ сѣняхъ кругомъ по лавкамъ сидѣли дворяне, дѣти боярскіе и гости *въ золотѣ,* то есть въ золотыхъ кафтанахъ и въ горлатныхъ шапкахъ. Во дворцѣ послу также дѣлали *встрѣчи* на лѣстницѣ, въ сѣняхъ и у порога пріемной палаты. Для

встрѣчниковъ, то есть для лицъ, которыхъ посылали встрѣчать, все это были мѣсті, одно честнѣе другаго.

Встрѣчать посла въ сѣняхъ было честнѣе, нежели на крыльцѣ, а встрѣчать у порога палаты—честнѣе, нежели въ сѣняхъ. Вообще значеніе и честь мѣста условливались бо̀льшею или меньшею близостью къ царю. То же самое замѣчаемъ, напримѣръ, и между рындъ, которые во время представленія посла стояли по обѣ стороны царскаго трона, въ бѣлыхъ одеждахъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ, съ золотыми цѣпями на груди и съ топорами въ рукахъ. Довольно часто и они мѣстничались, потому что стоять по правую руку и ближе къ государю было, разумѣется, почетнѣе, нежели стоять по лѣвую и вторымъ отъ государя. Но когда по родовому счету оказывалось, что мѣстничавшіеся по родству были ровны, то ихъ дѣлали *мѣстниками*, то есть, ровными, и они стояли у трона, *мѣшаясь*, то есть перемѣняясь мѣстами (стр. 175).

Въ залѣ, гдѣ былъ пріемъ посла, по всѣмъ лавкамъ сидѣли бояре и окольничіе въ богатѣйшихъ золотныхъ кафтанахъ и высокихъ горлатныхъ шапкахъ. Посла *объявлялъ* или *обвѣщалъ*, то есть представлялъ государю окольничій. Рѣчь послу говорилъ думный дьякъ. По окончаніи аудіенціи, посла провожали изъ пріемной палаты тѣ же встрѣчники и до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали. Посольскій столъ шелъ по тѣмъ же обрядамъ, какъ и всѣ прочіе *чиновные* государевы столы. Нерѣдко государь посылалъ обѣдъ къ послу на̀ домъ. Въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» сохранился довольно подробный наказъ, объ одномъ подобномъ случаѣ.

«Лѣта 7142 году генваря въ 12 день государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Руссіи велѣлъ стольнику Никифору Сергѣевичу Собакину: ѣхать ему къ Якову Руселю (нѣмчину короля шведскаго Густава) съ своимъ го-

сударевымъ жалованьемъ съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ. И стольнику Никифору Сергѣевичу, пріѣхавъ къ Якову на дворъ, вытти изъ саней у лестницы и итти къ Якову въ хоромы, а за собою велѣть несть скатерть и судки (солонку, уксусницу и перешницу) и ѣству и питье. А пришедъ въ хоромы, молвить рѣчь толмачамъ: «Божіею милостію великій государь царь и великій князь Михаило Ѳедоровичь, всеа Руссіи Самодержецъ и многихъ государствъ обладатель, тебя Якова жалуя, прислалъ къ тебѣ своего государскаго стола ѣству и питье». Да велѣть на столъ скатерть послать и судки поставить и вина и ѣству и питье велѣть подать по росписи. А подавъ вина и поставя ѣству на столъ по росписи, взявъ ковшъ питья, молвить: «Чаша великаго государя и великаго князя Михаила Ѳедоровича и многихъ государствъ государя и обладателя, дай Господи, великій государь нашъ царь и великій князь Михаило Ѳедоровичь всеа Руссіи Самодержецъ, здоровъ былъ». Да ковшъ выпить напередъ, да поднести Якову и приставу Ѳедору Рагозину, и дворяномъ, которые съ Яковомъ Руселемъ, подати. А послѣ того пить чашу про царевичевы здоровья, а молвить: «Чаша великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи Самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его царскаго величества дѣтей, государя царевича князя Алексѣя Михайловича и государя царевича Ивана Михайловича, дай Господи, они государи здравы были на многія лѣта». А выпивъ, Якову и приставу и дворянамъ подать. И будетъ Яковъ Русель учнетъ говорить, чтобъ онъ (Собакинъ) съ ними вмѣстѣ сѣлъ за столъ и государево жалованье ѣлъ и пилъ, и стольнику Никифору Собакину за столъ сѣсти, по конецъ стола, и подносить послу вино и меды, и ѣству ве-[illegible] ставить по росписи. А будетъ Яковъ напередъ станетъ чашу великаго государя царя и великаго князя Михаила

ровича всеа Русіи, и ему подати, а подавъ чашу, ѣхать государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа и. А будетъ Яковъ учнетъ его чѣмъ дарити, и ему по- и принять. А о чемъ съ нимъ Яковъ поговоритъ и ему имъ противъ его спросу говорить, что будетъ пригоже, ъ къ государеву имени къ чести и къ повышенію и Мос- кому Государству къ добру. А пріѣхавъ, сказати про то дарю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа и».

есьма важны для мѣстничества были также царскіе бого- ные походы и выѣзды въ подмосковныя села на потѣху. , какъ и другіе подобные случаи, всегда вызывали новый орядокъ мѣстъ и, слѣдовательно, новыя мѣстническія шенія. Отправляясь изъ Москвы въ дальній или ближній стырь, или въ подмосковное село на охоту, государь по- лъ оберегать Москву двумъ боярамъ, одному или двумъ ьничимъ и двумъ думнымъ дьякамъ. Это былъ особый нительственный комитетъ, который завѣдывалъ всѣми дѣ- въ отсутствіе царя и который назначался даже и тогда, а царь выходилъ въ Успенскій Соборъ или въ какую либо левскую церковь на богомолье. Чаще всего, то есть огодно, а иногда и раза два-три въ годъ, государь путе- говалъ въ Троицкій Монастырь. Во всѣ дальніе походы ень до отъѣзда посылался впередъ для приготовленія *ковъ* окольничій, или дворяне, *въ окольничаго мѣсто*. этомъ выраженіи Миллеръ въ своемъ «Извѣстіи о дворя- ь россійскихъ» основывалъ объясненіе и самаго слова и юначальной должности окольничаго, которая состояла въ ь, чтобъ приготовлять и оберегать путь для государя, мая *около* дороги мѣста для становъ. Несмотря на то, это объясненіе Миллеръ выдавалъ, какъ болѣе вѣроят- догадку, оно дѣйствительно вѣрно, хотя и требуетъ бо-

лѣе подробныхъ разъисканій. Почти во всѣхъ походахъ государя сопровождали постельничій, стряпчій съ ключомъ, стряпчій у крюка въ комнатѣ, стряпчій у крюка въ передней, матерничій, ловчій. Одинъ изъ стольниковъ назначался также за государемъ въ *рынды* и везъ царскій *саадакъ*, то есть лукъ и колчанъ со стрѣлами. Изъ стольниковъ же были *возница* и *ухабничій*. Первый собственно былъ кучеромъ и сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, запряженныхъ въ царскій возокъ; другой *стоялъ на ухабѣ*, то есть на запяткахъ, отчего и назывался ухабничимъ.

Любопытны также нѣкоторыя подробности относительно родинъ и крестинъ въ царскомъ быту. Въ 1629 году у царя Михаила Ѳеодоровича родился сынъ Алексѣй Михайловичъ; въ тотъ же день «Государь указалъ послать съ вѣстью жильцовъ къ боярамъ, и окольничимъ и къ думнымъ дворянамъ; а велѣлъ имъ сказать свою государскую радость, что ему государю Богъ далъ сына царевича князя Алексѣя Михайловича». «Крестили царевича, по обыкновенію, въ Чудовѣ Монастырѣ, у Алексѣя чудотворца, въ трапезѣ. А государь царь и святѣйшій государь Патріархъ были тутъ же; а воспріемникъ Троицы Сергіева Монастыря келарь старецъ Александръ Булатниковъ, а воспріемница Ирина Никитична (тётка царя); а крестилъ благовѣщенскій протопопъ Максимъ Максимовъ, государевъ царевъ духовникъ». Когда везли царевича въ церковь, священникъ впереди окроплялъ путь святою водою. У каптаны царевича (родъ кареты) шелъ бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, да отецъ царицы, Лукьянъ Степановичъ Стрешневъ, и 50 человѣкъ дворянъ большихъ, то есть старшихъ. «А изъ каптаны къ крещенью и отъ крещенья къ каптанѣ царевича несла Ирина Никитична (крестная мать), да съ нею два боярина, а за ними боярынь съ 30». При рожденьи Мароы Михайловны описанъ обрядъ поздравленія и при-

носа даровъ: на третій день государь торжественно шествовалъ въ Золотую Палату, куда приходилъ и патріархъ съ духовенствомъ; потомъ вмѣстѣ, въ сопровожденіи духовныхъ властей и бояръ, они шли въ Золотую Палату царицы. «И царицѣ и великой княгинѣ Евдокѣѣ Лукьяновнѣ *здравствовали*, и образы благословлялъ святѣйшій Патріархъ и всѣ власти». Затѣмъ бояре, окольничіе и всѣ думные люди также ходили къ царицѣ здраствовать и *дары носили*: кубки, и соболи, и атласы золотые и камки». «И царица и великая княгиня даровъ у нихъ принимать не велѣла, а пожаловала дарами ихъ, кто что приносилъ; и жаловала бояръ и окольничихъ и думныхъ людей *зваромъ* и ковришками и романеею». Сверхъ того, въ такіе торжественные дни всегда давался столъ въ Грановитой или въ Золотой Палатѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ такія подробности встрѣчались часто въ издаваемыхъ «Разрядахъ». Какъ записки собственно о мѣстахъ, эти разряды ограничиваются обозначеніемъ только мѣстъ и лицъ, занимавшихъ эти мѣста; постороннія же подробности они вносятъ единственно только для объясненія причины извѣстнаго распорядка мѣстъ.

Въ этомъ обзорѣ мы указали только на тѣ разряды мѣстъ, которые случались чаще другихъ и которые поэтому составили самую бо̀льшую половину всего содержанія издаваемыхъ нынѣ «Разрядовъ». Другіе разряды, какъ, напримѣръ, назначеніе воеводъ по городамъ или начальниками по приказамъ, также объѣзжими головами по разнымъ частямъ Москвы для береженья отъ пожара—дѣлались только одинъ разъ въ годъ. Иные, какъ, напримѣръ, распредѣленіе воеводъ по полкамъ въ военное время, бывали еще рѣже, такъ что существеннымъ содержаніемъ «Дворцовыхъ Разрядовъ» дѣйствительно становится одна придворная служба, въ той, однакожь, мѣрѣ,

въ какой она соприкасалась съ мѣстничествомъ, по случаю назначенія и распредѣленія церемоніальныхъ должностей.

Въ приложеніяхъ къ этому тому помѣщена весьма любопытная записка о принесеніи изъ Персіи въ Москву ризы Христа Спасителя и о послѣдовавшихъ отъ нея чудесахъ и исцѣленіяхъ. Святая риза прислана была персидскимъ шахомъ Аббасомъ съ посломъ Русамбекомъ въ 1625 году. «Какъ ни знаменательно и ни отрадно было пріобрѣтеніе такой святыни для Церкви Русской, но отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ, основываясь на которыхъ можно было бы положительно признать сію ризу истинною, и нахожденіе оной въ рукахъ невѣрныхъ — все сіе заставило Патріарха Филарета дѣйствовать осторожно. Знаніе духа вѣры и осторожность— два качества, которыми постоянно отличалась дѣятельность Патріарха во всѣхъ дѣлахъ церкви, были имъ вполнѣ обнаружены и при семъ случаѣ. Получивъ святыню, Патріархъ говорилъ сыну своему, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, что прислалъ къ нему Великому Государю Персидскій Аббасъ Шахъ ковчегъ золотъ, а въ немъ, посолъ его сказалъ, срачица Господа нашего Іисуса Христа, и по досмотру въ томъ самомъ ковчежцѣ часть нѣкая полотняная, а отъ давныхъ лѣтъ кабы видомъ красновата, кабы на мели (родъ матеріи) походила; а подъ нею писаны распятіе и иныя страсти Спасовы Латинскимъ письмомъ; а Латыне еретики, а та святыня, что называютъ Христовою срачицею, прислана отъ иновѣрнаго царя Аббаса Шаха, и безъ истиннаго свидѣтельства тое святыни за истину пріяти опасно, и тоебъ святыню свидѣтельствовати чудесы и пѣти молебны, и ходити съ нею къ болящимъ, и полагати на нихъ и просити Всещедраго Человѣколюбца Бога, чтобъ Милосердый Богъ тое святыню увѣрилъ, а вѣсть святая Его воля, понеже истиннаго свидѣтель-

ства о той святыни нѣсть, а невѣрныхъ слово безъ испытанія во свидѣтельство не пріемлется. И уложили для того великій государь святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичь московскій и всеа Русіи, ему государю, и митрополиту, и архіепископу, и архимандритомъ, и игуменомъ и въ монастырехъ старцомъ поститися недѣлю цѣлую; а протопопомъ и попомъ служити литургіи Божіи и молитися, чтобъ Господь Богъ о той святыни проявилъ имъ святую Свою волю, а святыню повелѣ носити и пѣти молебны, и воду святити и полагати на недужныхъ и болящихъ»... Послѣдовавшія за симъ отъ ризы чудеса и исцѣленія убѣдили, что она дѣйствительно риза Господня. Вмѣстѣ съ этимъ признаніемъ, патріархъ, установивъ празднованіе ризѣ, поручилъ крутицкому митрополиту Кипріану составить особую службу. Риза сохраняется и донынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Дворцовые Разряды. Томъ третій (съ 1645 по 1676 г.). С. Петербургъ. 1852.

Третій томъ «Дворцовыхъ Разрядовъ» заключаетъ въ себѣ періодъ времени, обнимающій все государствованіе царя Алексѣя Михаиловича, со дня вступленія его на престолъ, 12 іюля 1645 года, и до кончины государя, 30 января 1676 года. По содержанію, этотъ томъ несравненно любопытнѣе двухъ предъидущихъ. Весьма многія записки о придворныхъ событіяхъ и церемоніяхъ составлены здѣсь гораздо подробнѣе, можетъ быть, по той причинѣ, что и самые обряды съ этого времени принимаютъ болѣе *чинности*, отправляются съ бо́льшею торжественностью и великолѣпіемъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ любилъ даватъ всему *урядъ* и *чинъ*, любилъ блестящую, пышную обстановку и церемоніалъ, потому что все это

было необходимо, какъ самое наглядное выраженіе царскаго сана и того величія, которымъ окружали себя древніе цари. Особенно въ этомъ отношеніи достопамятны записки о посольскихъ пріемахъ и церемоніальныхъ встрѣчахъ 1654, 1658, 1664 и 1666 годовъ и потомъ записки цѣлаго 7183 (1674—1675) года, въ которыя, кромѣ того, занесено весьма много важныхъ и въ высшей степени любопытныхъ извѣстій.

Несмотря на то, мы остаемся въ прежнемъ нашемъ убѣжденіи, что эти разряды и записки составлялись не въ Приказѣ Большаго Дворца, а въ самомъ Разрядѣ, т. е. въ Приказѣ Разрядномъ. Въ этомъ третьемъ томѣ встрѣчаются новыя и весьма ясныя подтвержденія нашимъ словамъ, сказаннымъ при обзорѣ перваго и втораго томовъ «Дворцовыхъ Разрядовъ».

Такъ подъ 7174 (1665) годомъ (стр. 596) записано, между прочимъ: «Октября въ 23 день, *въ разрядѣ къ дьякомъ*: къ думному Дементью Башмакову, да къ Ѳедору Грибоѣдову, да къ Василью Семенову (пришелъ) стольникъ Ѳедоръ Львовъ сынъ Плещеевъ и говорилъ: нынѣ де Октября въ 23 день Великому Государю, билъ челомъ онъ, Ѳедоръ, чтобъ Великій Государь пожаловалъ, велѣлъ его отпустить въ деревню. И великій де государь его пожаловалъ, велѣлъ его отпустить въ деревню до зимы. А докладывалъ де объ немъ Великому Гусударю крайчей князь Петръ Семеновичъ Урусовъ». Для какого другаго приказа могло быть важно это свѣдѣніе, какъ не для Разряднаго? и въ какомъ другомъ приказѣ могло быть оно занесено въ книгу или въ столбецъ, какъ не въ Разрядномъ, въ этомъ Инспекторскомъ Департаментѣ того времени, прямою обязанностью котораго было— слѣдить за каждымъ служащимъ лицомъ, дѣлать назначеніе ъ на службу, а слѣдственно и имѣть въ виду ихъ отпуски?

ie (стр. 855): «177 (1669) году іюля въ 2 день, въ 15

часу дни, приходилъ въ Разрядъ блаженныя памяти великіе государыни царицы и великія княгини Марьи Ильичны стольникъ Тимоѳей Ивановъ сынъ Ржевской, а сказалъ: прислалъ де его бояринъ князь Юрьи Алексѣевичъ Долгоруково, а велѣлъ сказать въ Разрядѣ: Великій де Государь указалъ быть у гроба блаженныя памяти благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи, іюля въ 3 числѣ, ему боярину князь Юрью Алексѣевичу и окольничему и дьяку, и стольникомъ прежнимъ, которые были съ нимъ бояриномъ у гроба іюля 19 числа».

Къ подобнымъ же указаніямъ могутъ относиться и записки о посылкѣ изъ Разряда грамматъ (стр. 597, 600 и др.). Даже вся книга 7183 года, безъ-сомнѣнія, черновая и потому весьма-любопытная, составлена также въ Разрядѣ, а не въ Приказѣ Большаго Дворца, о чемъ мы уже имѣли случай говорить при обзорѣ перваго тома. Изъ нея положительно видимъ, что назначенія о придворныхъ церемоніяхъ выходили изъ Разряда, а не изъ Приказа Большаго Дворца, какъ бы слѣдовало ожидать, еслибъ она составлялась въ этомъ послѣднемъ приказѣ. Напримѣръ, февраля 13, въ субботу на масляницѣ, т. е. въ *прощеный день*, записано слѣдующее: «Сказалъ думной дьякъ *разрядной* Герасимъ Семеновъ сынъ Дохтуровъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ дворяномъ и комнатнымъ и думнымъ дьякомъ и стольникомъ и стряпчимъ и дворяномъ Московскимъ, и жильцамъ и головамъ и полуголовамъ и иныхъ разныхъ чиновъ всякимъ людямъ, быть въ городъ, въ третьемъ часу дни и готовымъ всѣмъ къ рукѣ Великаго Государя (для прощенія). И того числа у великаго государя у руки не было».

Вообще въ этой книгѣ свѣдѣнія о событіяхъ двора и о придворной службѣ, т. е. собственно о мѣстахъ и размѣщеніи

* * *

служебныхъ чиновъ, идутъ рядомъ съ самыми разнообразными свѣдѣніями не только по общей администраціи, но и о всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ событіяхъ того времени, разумѣется, попреимуществу московскихъ, городовыхъ. Притомъ сюда внесены записки и распоряженія по разнымъ приказамъ почти въ равномъ объемѣ, напр., кромѣ Разряднаго, по Посольскому, Стрѣлецкому и др., такъ что на долю Приказа Большаго Дворца остаются одни только распоряженія объ угощеніяхъ и вообще о жалованіи столомъ, чѣмъ собственно и завѣдывалъ этотъ приказъ. Соображая все это, можно скорѣе предполагать, что разсматриваемая нами книга составлялась въ Посольскомъ Приказѣ, еслибъ неизвѣстно было, что именно въ томъ же характерѣ составлялись книги собственно въ Разрядномъ Приказѣ. Это-то насъ и убѣждаетъ въ справедливости нашего положенія, высказаннаго въ предъидущихъ обзорахъ.

Обращаемся къ тѣмъ любопытнымъ свѣдѣніямъ, которыя ярко выступаютъ изъ общаго, почти утомительнаго однообразія собственно разрядныхъ записокъ. Въ этомъ случаѣ Дворцовые Разряды принимаютъ характеръ обыкновенной лѣтописи. Разрядному дьяку или подъячему, который вносилъ оффиціальныя извѣстія на-черно, любопытнымъ показалось, напр., и слѣдующее событіе: «Тогожъ году, Іюня въ 14 день, изволѣніемъ Божіимъ были громы великіе и молніи большія. И того числа ѣхалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской изъ подмосковной своей вотчины изъ села Выхина, и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило; да у него жъ дву рабятъ верховыхъ, которые съ нимъ сидѣли въ каретѣ, оглушиложъ, и привезли къ Москвѣ чуть живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти. Да у него жъ боярина убило дву человѣкъ служивыхъ людей до смерти, а человѣкъ съ десять оглушиложъ и молніею обожгло; да у негожъ боярина убило

громомъ въ каретѣ дву возниковъ (лошадей) до смерти. Тогожъ году Іюня въ 15 день былъ громъ великой и молніи большіи, и отъ того грому убило сокольника до смерти, да трехъ человѣкъ за Москвою рѣкою посадцкихъ, да на Устрѣтинской улицѣ и за Покровскими вороты и за Яузскими побило всякихъ розныхъ чиновъ людей громомъ 20 человѣкъ, да отъ молнія многіе башни и дворы загоралися» (стр 1464).

Любопытны записки о пожарахъ, объясняющія тогдашніе полицейскіе порядки и способы тушенія. «Тогожъ году (1675) Іюня въ 12 день былъ пожаръ большой за Пречистенскими вороты, а погорѣли отъ того пожару многіе дворы всякихъ чиновъ; а загорѣлось въ 4 часу ночи въ полы и горѣло до самаго до свѣту. А на пожарѣ были: Окольничій Князь Иванъ Петровичъ Барятинскій, да думный дворянинъ Иванъ Афонасьевичъ Прончищевъ, да думной стрѣлецкой дьякъ Ларивонъ Ивановъ; да на пожарѣ жъ былъ стольникъ Андрей Прокофьевичъ Елизаровъ, да съ нимъ земскіе дьяки его жъ приказу и прикащики земскіе. Да на пожарѣ жъ были: головы и полуголовы московскихъ стрѣльцовъ, да сотники стрѣлецкіе со всѣми своими приказы, да земскаго приказу рѣшеточные прикащики съ земскими ярышки съ трубами и съ парусы и съ крюки и съ щиты» (стр. 1458).

При общихъ недостаткахъ устройства городской и земской полиціи встарину въ Москвѣ и подъ Москвою нерѣдко случались грабежи и разбои. Въ разрядныхъ запискахъ мы находимъ весьма любопытныя извѣстія по этому предмету.

«Тогожъ числа (1675 г. Апрѣля 13) взяты люди въ земской приказъ, по указу великаго государя, въ буйственныхъ дѣлахъ, окольничаго Родивона Матвѣевича Стрѣшнева 2 человѣка, да князь Ивана Андреевича Голицына 2 человѣка жъ, да стольника князь Степана княжъ Иванова сына Татева человѣкъ, въ томъ, что чинится у нихъ на Дмитров-

ской улицѣ убійство великое, и дурно всякое, и всякимъ людямъ отъ ихъ воровства нѣтъ ни проходу ни проѣзду въ день вечернею порою; да трижъ человѣка взято побитыхъ и мертвыхъ ограбленныхъ людей подъ дворомъ окольничаго Родивона Матвѣевича Стрѣшнева...» (стр. 1138).—«Тогожъ году посланъ по указу Великаго Государя въ посылку за разбойники по Коломенской дорогѣ съ Воробьевой горы голова московскихъ стрѣльцовъ Степанъ Ивановъ сынъ Яновъ, да съ нимъ сотникъ его жъ приказу, да 300 человѣкъ стрѣльцовъ, да подъячей стрѣлецкаго приказу Старой...» (стр. 1514).—«Тогожъ году по указу великаго государя изъ Розряду, отъ думнаго дьяка отъ Герасима Дохтурова съ товарыщи, посланы дворяне по всѣмъ дорогамъ чистить дороги для розбойныхъ пристанищъ и всякихъ воровскихъ людей, чтобъ около Москвы разбоевъ и душегубства большаго не было. А велѣно, по указу великаго государя, чистить отъ Москвы длиннику 50 верстъ, а по берегу (вѣроятно, ошибка: поперегъ) по 100 сажень уѣздными людьми государевыми дворцовыми и боярскими и княженетцкими и митрополичьи и архіепископли и епископли и всякихъ чиновъ людьми...» (стр. 1522).

Чистить дороги такимъ образомъ было необходимо, потому-что Москва была окружена почти непроходимыми лѣсами, остатки которыхъ еще теперь на памяти у московскихъ старожиловъ. Лѣса, а главное—недостатки гражданскаго устройства давали много средствъ нарушать общую безопасность всѣмъ празднымъ людямъ, каковы, напримѣръ, были дворовые разныхъ боярскихъ домовъ, гдѣ, по свидѣтельству Кошихина, тунеядствовало иногда отъ 100 до 1000 человѣкъ. Дворовые не только грабили въ Москвѣ, какъ мы видѣли выше, но выѣзжали даже и за Москву, особенно къ урочищу Красной Соснѣ, по ярославской дорогѣ, какъ самой многолюдной и торговой (См. объ этомъ у Желябужскаго). Кромѣ розъ-

исковъ по разбойнымъ дѣламъ, въ этихъ разрядахъ записаны и другія слѣдствія, напримѣръ о какой-то *вѣдомой ворихѣ и ворожеѣ дѣвкѣ Ѳенкѣ Слѣпой*, жившей у боярина князя Ѳ. Ѳ. Куракина и ѣздившей по боярскимъ дворамъ, безъ-сомнѣнія, для ворожбы (стр. 1428 и слѣд.)

«Тогожъ году (1675) извѣщалъ Святѣйшему Іоакиму Патріарху московскому и всеа Росіи, отецъ духовной на Григорья Касагова и подалъ извѣтную челобитную въ еретичествѣ, что онъ Григорей живетъ не по правилу святыхъ отецъ и держитъ у себя еретическія книги» (стр. 1288).

Любопытна записка о постройкѣ на Вологдѣ *обтекарскаго двора*: «Тогожъ году Іюля въ 21 день по указу Великаго Государя указано построить Вологотцкому гостю на Вологдѣжъ Гаврилу Тимофееву сыну Евстифѣеву обтекарской дворъ также, что и на Москвѣ; да велѣно ему же взять по указу Великаго Государя на Вологдѣ у воеводы выбрать съ собою головъ вѣрныхъ, и цѣловальниковъ добрыхъ посадцкихъ полныхъ и богатыхъ людей и подьячихъ стараго да двухъ молодыхъ... Да съ нимъ же Гавриломъ указалъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ (Матвѣевъ) отпустить всякіе вотки и лекарства для образца; да съ нимъ же указано послать дохтуровъ и лекарей... А что станетъ съ той обтеки казны денежной Великаго Государя сбираться и тое казну указано ему присылать къ Великому Государю къ Москвѣ въ Посольской Приказъ...» (стр. 1544).

Изъ этой же разрядной книги заимствованы Миллеромъ (*) первыя извѣстія о театральныхъ представленіяхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

«Тогожъ году (записано послѣ 8 декабря) была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедія и тѣшили

(*) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія ч. 4 стр. 108. М. 1778.

[illegible] Государя [illegible] Анисьи [illegible] и на органах играли... [illegible] Артемона Сергѣевича Матвѣева. А за ними великими государями были въ комедіи бояре и окольничіе и думные дворяне и думные дьяки и ближние люди всѣ, и стольники и стряпчіе и дворяне... не было въ комедіи (то-есть въ Преображенскомъ) и въ нихъ посланы были... порочно [illegible] стряпчіе...

«Тогожъ году была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ другая комедія, и съ нимъ в. государемъ была государыня царица, государи царевичи и государыни царевны. И тѣшили в. государя Нѣмцы жъ из люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева: какъ Артаксерксъ великъ повѣсить Аману въ царицыну чембиты и по Марциеину изученью; и въ органы играли, и на фіолахъ и въ страменты и танцовали. А за нимъ в. государемъ въ комедіи были бояре и окольничіе и думные дворяне и думные дьяки и ближние люди и стольники и великих чиновъ люди. Тогожъ году въ томъ же селѣ въ Преображенскомъ была у в. государя потѣха на заговенье, а тѣшили его в. государя иноземцы Нѣмцы из люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева на органахъ и на фіолахъ и на страментахъ и танцовали и великими потѣхами разными.» (стр. 1131).

«Тогожъ году и числа (февраля 11) была у в. государя комедія въ 5 часу ночи, а тѣшали его в. государя иноземцы да люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева великими разными играми. И отошла комедія у великаго государя до свѣту за три часа.» По нашему счету эта комедія началась въ 10 часу вечера, и кончилась въ 4 часа утра; слѣдовательно, продолжалась 6 часовъ.

О другихъ старинныхъ и обыкновенныхъ царскихъ увеселеніяхъ мы находимъ здѣсь, между прочимъ, записку, что

1 іюля 1675 года «тѣшился великій государь подъ Дѣвичьимъ монастыремъ (въ Москвѣ), въ лугахъ и на водахъ съ соколами и съ кречетами и съ ястребы, и съ государынею царицею и съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ и съ государемъ царевичемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, въ каретахъ». (стр. 1501.) Но особенно любопытна записка о царскомъ пирѣ, данномъ 21 октября 1675 года всѣмъ боярамъ и двумъ думнымъ дьякамъ:

«Тогожъ году, Октября въ 21 день, было у великаго государя вечернее кушанье (ужинъ) въ Потѣшныхъ Хоромахъ (въ Кремлевскомъ Потѣшномъ Дворцѣ). Да у негожъ великаго государя ѣли бояре всѣ безъ мѣстъ, да думные дьяки (разрядный) Герасимъ Дохтуровъ да (стрѣлецкаго приказа) Ларивонъ Ивановъ. У стола стоялъ крайчей Князь Петръ Семеновичъ Урусовъ да съ нимъ стольникъ Дмитрій Никитинъ сынъ Наумовъ. За поставцомъ великаго государя сидѣлъ бояринъ и Оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, да съ нимъ дворцовые дьяки да клюшники степенные со всѣхъ дворцовъ. А чашничали передъ великаго государя и ѣсть ставили ближніе люди. Да у кушанья жь былъ у великаго государя благовѣщенской протопопъ, духовникъ великаго государя, Андрей Савиновичъ. А передъ духовника и передъ бояръ ѣсть ставили и питье носили стольники жъ и ближніе люди. А послѣ кушанья изволилъ великій государь себя тѣшить всякими игры. И его великаго государя тѣшили, и въ арганы играли, а игралъ въ арганы Нѣмчинъ, и въ сурну и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ билижъ во всѣ. Да великій же государь жаловалъ протопопа своего, великаго государя духовника, и бояръ и дьяковъ думныхъ, которые были у кушанья вечерняго, водками, ренскимъ и романеею и всякими разными питіи, и по-

жаловалъ ихъ своею государевою милостью, напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ. А послѣ стола жаловалъ тожъ поилъ всякими разными питьями своихъ государевыхъ стольниковъ и ближнихъ людей. А кушанье у великаго государя отошло вечернее и бояре поѣхали изъ города и ближніе люди въ 12 часу ночи (то-есть, потеперешнему счету, въ 4 часу утра)» (стр. 1080).

Приведенныя выписки могутъ служить весьма достаточнымъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, что третій томъ «Дворцовыхъ Разрядовъ» несравненно любопытнѣе двухъ предъидущихъ. Правда и то, что болѣе интересныя записки теряются во множествѣ другихъ, не столько любопытныхъ, но зато онѣ вполнѣ выкупаютъ трудъ внимательнаго чтенія.

Что касается собственно изданія, то замѣтимъ слѣдующій недосмотръ: въ запискахъ 1675 года о царскихъ выходахъ на Святой Недѣлѣ (стр. 1320) встрѣчается перерывъ: *Того жь году, апрѣля въ 8 день, былъ великому....* затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ: *А за нею государынею были* и пр. Въ подстрочной выноскѣ объяснено, что *здѣсь въ подлинникѣ не достаетъ нѣсколькихъ листковъ*. Однакожь, при внимательномъ чтеніи слѣдующихъ страницъ, оказывается, что листки всѣ цѣлы и, по всему вѣроятію, были только въ подлинникѣ перемѣшаны. Послѣ словъ на стр. 1320: *Того жь году апрѣля въ 8 день былъ великому...* слѣдуетъ читать продолженіе на страницѣ 1350: *Великому государю былъ выходъ по московскимъ монастырямъ* и т. д. до страницы 1355, гдѣ записки оканчиваются 11 числомъ апрѣля: «Того жь году апрѣля въ 11 день ходила государыня «царица и великая княгиня Наталья Кириловна въ загородные «монастыри: въ Новодѣвичей монастырь, въ Зачатейской мо«настырь, къ Пречистой Богородицѣ въ Страстной монастырь «*съ государемъ царевичемъ и съ государыни царевны...*» Отсюда нужно снова обратиться къ 1320 страницѣ, къ мѣсту

перерыва, и продолжать. *А за нею государынею были и ѣхали* и т. д. Послѣ записокъ о выходахъ начинаются записки о разныхъ другихъ событіяхъ, также почти съ начала апрѣля; и продолжаются на 1355 страницѣ съ 26 апрѣля.

Книги разрядныя, по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ. Томъ первый. С. Петербургъ. 1853.

Въ этихъ Разрядныхъ Книгахъ, по офиціальнымъ спискамъ, заключаются *разряды* собственно такъ называемые, Разряды въ первоначальномъ ихъ значеніи. Это не что иное, какъ офиціальный журналъ, въ которомъ записывались поводъ и порядокъ употребленія въ данныхъ случаяхъ военныхъ силъ государства, то есть вообще распредѣленіе, размѣщеніе *служилыхъ* людей соотвѣтственно тѣмъ обстоятельствамъ, которыя требовали *службы*. Службою же въ собственномъ смыслѣ называлась только служба военная, служба на защиту отечества, почему и служилые люди по преимуществу носили это названіе въ то время, когда находились на службѣ, то есть когда сидѣли на конѣ или пѣшіе выходили въ поле на врага. Однимъ словомъ, «идти на *службу*» значило идти на войну, такъ какъ въ противоположность этому «быть *на приказѣ*»» значило исполнять всякую другую службу гражданскую, *приказную*.

Службою въ собственномъ значеніи, или вообще ратнымъ дѣломъ и завѣдывалъ *Разрядъ*, *Разрядный Приказъ*. Само собою разумѣется, что въ его непосредственномъ вѣдомствѣ было и все служилое сословіе, то есть все *дворянство*, пользовавшееся за службу помѣстьями и вообще правомъ владѣть поземельною собственностью.

Всѣ правительственныя распоряженія и назначенія по службѣ записывались въ журналѣ Разряднаго Приказа — въ разрядныхъ книгахъ, одно за другимъ, хронологически. Въ началѣ записывали случай, или обстоятельство, которое вызывало службу, слѣдовательно и извѣстный распорядокъ служебныхъ лицъ, а также и всѣ распоряженія касательно этой службы, до подробностей. Важнѣйшіе государственные вопросы обсуживались иногда на соборѣ; здѣсь обыкновенно подробно излагалась причина предпринимаемаго дѣла... Общій единодушный голосъ рѣшалъ: «за православную крестьянскую вѣру и за святые Божіи церкви и за государя царя и в. к. всея Русіи и за свою *природу* стоять крѣпко и мужественно, биться съ врагами, не щадя головъ своихъ». На основаніи соборнаго приговора, или царскаго рѣшенья, Разрядъ начиналъ свои распоряженія. Прежде всего онъ посылалъ по городамъ царскія грамматы, въ которыхъ излагалось подробно соборное опредѣленіе и объявлялась *служба*, чтобъ на службу были готовы. Такъ, напримѣръ, по случаю войны съ Польшею въ 1621 году въ такихъ грамматахъ писали:

«Вѣдомо всѣмъ людямъ Московскаго Государства, что издавна литовскаго короля и пановъ сенатарей къ Московскому Государству многіе неправды и крестопреступленіе (исчисленіе неправдъ и всякихъ *задоровъ*). И мы великій государь, не истерпя такихъ многихъ грубостей и неправдъ и нашимъ украинымъ городомъ обидъ и насильствъ, совѣтовавъ о томъ съ отцомъ своимъ, съ великимъ государемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всеа Русіи, и говоря съ бояры своими, учиня соборъ и призвавъ къ себѣ на соборъ митрополитовъ и архіепископовъ и весь освященный соборъ, и бояръ, и всѣхъ думныхъ людей и дворянъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и изъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и всѣхъ чиновъ людей Московскаго Государства, и

литовскаго короля и пановъ радъ неправды и задоры и нашему царскому величеству укорительные слова, такъ же и боярамъ нашимъ позоръ и всѣхъ людей Московскаго Государства отъ нихъ лаю и безчестье, и что владѣли и нынѣ владѣютъ нашими землями послѣ мирнаго договору, и всякіе ихъ неправды и задоры и насильства всѣмъ людямъ объявили и говорили о томъ на соборѣ: толко они въ своихъ неправдахъ передъ нами не исправятца и учнутъ тожъ дѣлати; и мы великій государь, прося у Бога милости, за ихъ многія неправды хотимъ за святые Божія церкви и за нашу православную хрестьянскую вѣру и за свою честь и за всѣхъ людей Московскаго Государства неправды мстити, сколко намъ милосердый Богъ помочи подастъ, а за нашу правду и терпѣнье чаемъ Бога поспѣшествующа намъ...»

Граммату повелѣвалось прочесть всѣмъ людямъ въ слухъ, «чтобъ наше терпѣнье и правда, а польскаго короля и пановъ радъ неправда и крестопреступленье всѣмъ людямъ было вѣдомо... А дворяномъ бы есте и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людемъ нашу *службу* сказать, чтобъ они на нашу службу были готовы, лошади кормили и запасъ себѣ всякой пасли, а ожидалибъ нашихъ грамотъ, какъ имъ велимъ быти на нашей службѣ». Въ то же время Разрядъ посылалъ въ города для *разбору* служилыхъ людей, *сборщиковъ*, бояръ, дворянъ и дьяковъ, снабдивъ ихъ *наказами*, въ которыхъ назначались слѣдующія распоряженія: боярину, пріѣхавъ въ городъ, который служилъ центромъ, сборнымъ мѣстомъ, тотчасъ разослати по дворянъ и по дѣтей боярскихъ, чтобъ они явились немедленно. Пріѣздъ ихъ назначался однакожъ не вдругъ всѣмъ, со всѣхъ окружныхъ городовъ, но порознь, «которому городу напередъ податно пріѣхати въ главный городъ». Которые были ближе, тѣ ѣхали напередъ, а которые подалѣ, тѣ съѣзжались къ *разбору*

послѣ, чтобъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, пріѣхавъ изъ городовъ всѣмъ вдругъ, лишняго житья въ главномъ городѣ не было. Дворяне и дѣти боярскія, какъ извѣстно, составляли нашу военную силу; они служили съ помѣстій и были приписаны къ тѣмъ городамъ, въ уѣздахъ которыхъ находились ихъ помѣстья.

Какъ только сбирались служилые люди извѣстнаго города, то бояринъ пересматривалъ ихъ по списку всѣхъ на-лицо, а пересмотря, говорилъ имъ рѣчь, какъ она прописывалась въ наказѣ. Объяснивъ государственныя причины настоящей службы, соборное и царское рѣшеніе по этому предмету, бояринъ предлагалъ имъ выбрать изъ себя добрыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ *окладчики*, а выбирати *городомъ*, то есть всѣми лицами, причисленными къ извѣстному городу. *Окладчикъ* цѣловалъ крестъ, присягалъ на томъ, что онъ про дворянъ и про дѣтей боярскихъ скажетъ правду, *какъ кто государеву службу служитъ, кто каковъ службою* и каково за кѣмъ помѣстье и вотчина и какъ кому мочно государева служба служить и сколько у кого дѣтей и сколь велики и пр. Вотъ въ чемъ заключалась обязанность окладчика: онъ долженъ былъ раскрыть правительству отношенія службы каждаго лица къ его помѣстью и вотчинѣ, съ которыхъ была несена эта служба. Каждый помѣщикъ обязанъ былъ, какъ помѣщикъ, на государеву службу ѣздить *конекъ*, *людекъ* и *достѣшенъ*, противъ своего помѣстья и вотчины, соотвѣтственно количеству земли и денежному окладу. Поэтому, если при разборѣ оказывалось, что кто-либо тянетъ службу не вполнѣ, не противъ помѣстья, о томъ дѣлали подробный розыскъ, почему онъ не могъ служить, или почему *избываетъ* службы.

Худыхъ, то есть малопомѣстныхъ, *сподобляли*, то есть равняли съ хорошими въ этомъ отношеніи, прибавляли по-

мѣстной земли; вмѣсто старыхъ и увѣчныхъ, верстали помѣстьями ихъ дѣтей, а не было дѣтей—племянниковъ и другихъ родственниковъ, чтобъ помѣстье службою не пустовало. Въ томъ случаѣ, когда сами помѣщики были *худы* и въ службу ихъ не ставало и не было у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ, тогда брали у нихъ даточныхъ людей натурою, или за люди деньгами. Если же кто избывалъ службы воровствомъ, то есть укрывательствомъ, у того совсѣмъ отнимали помѣстье, отписывали на государя и потомъ отдавали другимъ. Вообще этотъ *разборъ* заключался въ самомъ подробномъ и строгомъ изслѣдованіи количества и достоинства помѣстій и вотчинъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ также подробно и строго опредѣлить самую службу, то есть число лицъ со всѣми ихъ служебными средствами. Все узнанное и опредѣленное въ этомъ случаѣ вносилось въ особыя росписки, изъ которыхъ составлялись *десятни* (списки по десяткамъ) и всѣ другіе акты, подробно и точно обозначавшіе и число людей, и средства, съ которыми каждый обязанъ былъ явиться по назначенію.

Затѣмъ Разрядъ назначалъ главные военные пункты, то есть города для сбора полковъ, для каждаго полка особый городъ, важный въ стратегическомъ отношеніи и въ общей системѣ полковъ Большаго, Передоваго, Правой и Лѣвой Руки и Сторожеваго. Въ эти-то города и должно было собираться къ назначенному сроку войско, по тому расчисленію, росписямъ и десятнямъ, какія составлялись въ Разрядѣ.

Въ воеводскихъ наказахъ подробно обозначались всѣ передвиженія полковъ въ извѣстныхъ случаяхъ, всѣ распоряженія, какія только предполагались въ данныхъ обстоятельствахъ; впрочемъ, въ концѣ всегда присовокуплялись выраженія дѣйствовать, *смотря по тамошнему дѣлу, сколько Богъ помочи подастъ, какъ Богъ вразумитъ* и т. п.

Характеръ нашего древняго ратнаго дѣла былъ по преимуществу оборонительный; война велась по преимуществу изъ городовъ, которые, слѣдовательно, всѣ болѣе или менѣе были укрѣплены, были крѣпостями; да и не одни города были крѣпостями: многіе изъ монастырей своими сильными укрѣпленіями превосходили даже и города. Поэтому въ воеводскихъ наказахъ находимъ весьма подробныя назначенія о защитѣ и укрѣпленіи городовъ. Такъ въ 1617 году, по случаю защиты Новгорода отъ Шведовъ и Литвы предписывалось слѣдующее: «Боярину и воеводамъ—пересмотрѣти на городѣ (на стѣнахъ) наряду, пушекъ и пищалей, и зелья (пороху) и ядеръ, и всего пушечнаго запасу, и всякихъ городовыхъ крѣпостей, да гдѣ пригоже какой нарядъ поставити, и имъ въ тѣхъ мѣстѣхъ таковъ нарядъ изставити, и пушкарей росписати и всякихъ людей дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ, и изставити и росписати, какъ которымъ быти въ осадное время, и которымъ людемъ быти для вылазки съ головами, чтобъ всякой свое мѣсто вѣдалъ; и ворота боярину и воеводамъ вѣдати, кому которые пригоже, и головъ съ дѣтми боярскими по воротамъ изставити, по колку гдѣ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу; а въ городничіе имъ выбрати дворянъ дву человѣкъ добрыхъ и велѣти имъ всякой хлѣбъ и городовое всякое береженье и у наряду у всѣхъ воротъ вѣдать во всемъ, и въ городѣ ворота замыкати и отмыкати велѣть городничимъ же, а ключи городовыхъ воротъ велѣть приносити боярину и воеводѣ къ себѣ въ каменной городъ... А какъ городъ замыкати и отмыкати, и тому учинити колоколъ; а ратной вѣстовой держать иной колоколъ... По дорогамъ, гдѣ пригоже, *подъѣзды* посылать частые и вѣстей велѣть провѣдывать, да и лазутчиковъ, куды пригоже, приведчи ко кресту, посылати, и вѣстей потомужъ велѣти провѣдывать, чтобъ всякія вѣсти у нихъ были вѣдомы, чтобъ безвѣстно къ горо-

ду Литовскіе и Нѣмецкіе люди не пришли и дурна какова не учинили... А будетъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди учнутъ приходить войною на новгородскіе мѣста и для береженья посылати тѣхъ мѣстъ оберегати головъ съ сотнями съ дворяны и съ дѣтми боярскими и съ стрѣльцы и со всякими ратными людьми, смотря по тамошнему дѣлу; а будетъ почаять подлинно Нѣмецкихъ и Литовскихъ людей приходу къ Новугороду и имъ тотчасъ разослати отъ себя въ уѣздъ дѣтей боярскихъ, а велѣти всякимъ людемъ съ женами и съ дѣтьми и съ людми и съ хлѣбомъ и со всѣми животы ѣхати тотчасъ въ осаду въ Новгородъ, чтобъ ихъ воинскіе люди не повоевали и въ полонъ не поимали. А будетъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди учнутъ у города стояти, и боярину и воеводамъ — дѣломъ государевымъ, стрѣлбою пушечною, съ города надъ Нѣмецкими и надъ Литовскими людьми промышляти, какъ ихъ Богъ вразумитъ, чтобъ далъ Богъ, тѣ люди городу и государевымъ людемъ которые порухи не учинили.. А на вылазкѣ быть, и гдѣ пригоже, посылать головъ и приказывати имъ накрѣпко, чтобъ они ходили бережно и усторожливо, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ ихъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди отъ города не отошли; а о всякихъ вѣстехъ писать ко Государю почасту, чтобъ Государю было вѣдомо, и Государь пришлетъ въ помочь людей многихъ; да и въ городы, куда пригоже, отъ себя къ воеводамъ о вѣстехъ и о помочи писатижъ... А о которыхъ дѣлехъ въ наказѣ не писано, и тѣми дѣлы промышляти и строити, какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу и какъ Богъ вразумитъ, чтобъ его Царскому Величеству къ славѣ и къ повышенью, а государству къ разширенью и къ прибавленью во всемъ...»

Изъ распоряженій о защитѣ Москвы отъ польскихъ людей въ 1618 году узнаемъ, что въ Бѣломъ Каменномъ Городѣ было крѣпостныхъ *боевъ* верхнихъ, то есть по стѣнамъ межъ

зубцовъ, 4,192; въ самыхъ стѣнахъ, среднихъ и подошвенныхъ 948; при нихъ людей приставлено въ верхнихъ у двухъ оконъ по человѣку, а въ нижнихъ у окна по человѣку, всего 4,381 человѣкъ. Города съ деревянными стѣнами отбивались также *катками*, *кольями*, *каменьемъ*, что̀ и составляло, ихъ осадныя орудія.

Совсѣмъ другой характеръ имѣло ратное дѣло на Южной Украйнѣ съ Крымскими Татарами. Тамъ оборона, кромѣ городовъ, состояла изъ *засѣкъ* и *сторо̀жъ*; поэтому и условія службы были совершенно другія. Условія эти раскрываются также въ воеводскихъ наказахъ. Сторожевая станичная служба начиналась раннею весною съ благовѣщеньева дня и кончалась глубокою осенью, въ заморозы. Главная цѣль этой службы заключалась въ наблюденіяхъ о движеніи на Русь Татаръ и воровъ-черкасъ (малорусскихъ и запорожскихъ казаковъ), которые дѣлали набѣги и грабили ближнія мѣста. Для такихъ наблюденій устроена была сторожевая линія изъ засѣкъ и разныхъ другихъ укрѣпленій. Въ извѣстныхъ мѣстахъ на этой линіи должны были стоять сторожи «безпрестанно въ день и въ ночь, крѣпко и усторожливо»; межъ сторо̀жъ дѣлались частые проѣзды, или разъѣзды, чтобъ про Татаръ вѣстей провѣдывать накрѣпко, чтобъ они на украинные городы безвѣстно не пришли и не извоевали.

Кромѣ того, особыя станицы дѣлали безпрестанные разъѣзды къ извѣстнымъ урочищамъ, которыя вдавались въ степь, переѣзжали дороги и *сакмы*, то есть слѣды татарскаго похода, разсматривали и объѣзжали эти сакмы, смекали, какіе воинскіе люди и сколько ихъ и куда чаять походу ихъ, разъискивали по этимъ слѣдамъ все подробно и тотчасъ посылали увѣдомленіе въ главный городъ. Каждая станица состояла изъ боярскаго сына, атамана, шести человѣкъ ѣздоковъ и двухъ *вожей*; каждый станичникъ имѣлъ во время похода по два коня.

Къ службѣ принадлежало также *воеводство* по городамъ; поэтому въ разрядныхъ книгахъ находимъ каждогодныя росписи бояръ и воеводъ и приказныхъ людей по всѣмъ городамъ, иногда съ подробнымъ обозначеніемъ состава и числа собственно городскихъ служилыхъ людей — дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, воротниковъ, розсыльщиковъ, пушкарей, затинщиковъ, казенныхъ кузнецовъ, плотниковъ, ямскихъ охотниковъ и посадскихъ людей съ пищалями, съ рогатины, съ саадаки, обязанныхъ въ случаѣ нужды защищать городскія укрѣпленія.

Сверхъ того въ Разрядныхъ Книгахъ записывались каждогодно объѣзжіе головы въ Москвѣ для береженья отъ огня и отъ всякаго воровства. Съ ними въ объѣздѣ было пять человѣкъ рѣшеточныхъ прикащиковъ, да тамъ, гдѣ они ѣздили, сторожей съ пяти или десяти дворовъ по человѣку. Это была оборона полицейская.

Разрядная книга каждаго года заключалась *запискою о счетныхъ дѣлахъ*. Но по всему видно, что записки эти не составляли существеннаго, неизбѣжнаго дополненія къ общимъ разрядамъ, а вносились случайно, безъ опредѣленной цѣли, можетъ быть, только потому что подьячій, вносившій въ книгу общіе разряды и составляя иногда, по случайному порученію, записку о счетныхъ дѣлахъ, вносилъ въ свой журналъ въ концѣ и эту записку. При иныхъ годахъ такихъ записокъ вовсе нѣтъ, а въ концѣ другихъ счетныя записки обозначаютъ только нѣсколько мѣстническихъ случаевъ, между тѣмъ какъ въ дворцовыхъ разрядахъ ихъ встрѣчается несравненно болѣе и, можетъ быть, тамъ они записаны всѣ сполна. Вообще отношеніе изданныхъ теперь оффиціальныхъ Разрядныхъ Книгъ къ Дворцовымъ Разрядамъ таково, что первыя составляютъ только часть послѣднихъ, часть, которая обнимаетъ только распоряженія и назначенія по военному

дѣлу и отличается отъ цѣлаго, то есть отъ Дворцовыхъ Разрядовъ, или собственно *записокъ о мѣстахъ*, только тѣмъ, что содержитъ въ себѣ *исходящія* бумаги по означеннымъ распоряженіямъ. Чтожь касается до случаевъ и обстоятельствъ, которые вызывали эти распоряженія, то они почти слово въ слово всѣ записаны и въ Дворцовыхъ Разрядахъ. Такимъ образомъ Разрядныя Книги есть *исходящій журналъ* Разряднаго Приказа, записка оффиціальныхъ *отпусковъ* только по военному дѣлу; слѣдовательно, онѣ никакъ не могутъ быть тѣми Разрядными Книгами, на которыхъ исключительно утверждалось мѣстничество, и излишне опровергать мнѣніе, что при уничтоженіи мѣстничества онѣ были сожжены: онѣ не были сожжены, а сожжены были другія книги, въ которыхъ писаны *случаи съ мѣсты*.

БОЯРСКІЯ КНИГИ.

Алфавитный Указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I-мъ Отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ обозначеніемъ служебной дѣятельности каждаго лица и годовъ состоянія въ занимаемыхъ должностяхъ. Составленъ П. И. Ивановымъ. М. 1853.

Изданіе полезное, впрочемъ, относительно, то есть въ томъ только отношеніи, что, при теперешнемъ направленіи трудовъ по русской исторіи, всякій матеріалъ, какъ бы онъ ни былъ изданъ, всегда найдетъ какое либо примѣненіе и, слѣдовательно, будетъ полезенъ. Труды г. Иванова извѣстны: всѣ они безъ исключенія полезны, но въ то же время, къ сожалѣнію, лишены ученой критической обработки и представляютъ одни только не совсѣмъ толковыя извлеченія. Составить и издать, напримѣръ, «Обозрѣніе Писцовыхъ Книгъ» (М. 1840 г.) можно было бы и ученымъ образомъ, какъ, напримѣръ, изданно изслѣдованіе о «Пятинахъ и Погостахъ Новгородскихъ» г. Неволина; можно и такъ, что о существенномъ содержаніи писцовыхъ книгъ не сказать почти ни слова, и выписать изъ нихъ только фамиліи землевладѣльцевъ да имена владѣній, и думать, что составлено обстоятельное обозрѣніе... Такъ составленъ и «Алфавитный Указатель», въ который, однакожь,

внесено, какъ мы видѣли изъ записки, обозначеніе служебной дѣятельности каждаго лица.

Авторъ, вслѣдъ за Д. Языковымъ, полагаетъ, что боярскія книги, изъ которыхъ составленъ этотъ алфавитъ, завелись при Іоаннѣ III, потому-же что «быстрое распространеніе Московскаго Государства присоединеніемъ къ нему владѣній Князей Удѣльныхъ, увеличеніе пышности и блеска двора великокняжескаго, согласное съ достоинствомъ Государя новой, но ужь могучей державы, наконецъ бракъ Іоанна III съ Греческою Царевною и введеніе многихъ византійскихъ придворныхъ обычаевъ, все это необходимо требовало значительнаго увеличенія числа чиновъ и должностей. Но таковое увеличеніе, вмѣстѣ съ введеніемъ точнѣйшаго разграниченія служебныхъ отношеній и обязанностей, а въ особенности система помѣстныхъ окладовъ и споры по мѣстничеству заставляли правительство постоянно имѣть въ виду всѣхъ служащихъ лицъ и строго слѣдить за ихъ служебною дѣятельностію; поэтому и заведены были всѣмъ этимъ лицамъ особые списки, получившіе названіе боярскихъ книгъ». Все это такъ; но еще правильнѣе думать, что списки бояръ въ книгахъ, или столбцахъ, начались съ того времени, съ котораго бояре стали служить у великихъ князей и пользоваться за свою службу окладами содержанія денежнаго и помѣстнаго, слѣдовательно, за-долго до Іоанна III. Самъ авторъ указываетъ на подобный списокъ, относящійся къ 1462 году, году вступленія на великокняженіе Іоанна III (*); слѣдовательно, списки существовали и при отцѣ Іоанна; по крайней мѣрѣ совершенно неизвѣстно, чтобъ Іоаннъ первый и именно въ этомъ году завелъ такой порядокъ.

(*) Этотъ списокъ, или, вѣрнѣе, сводъ боярскихъ списковъ съ 1462 года до Петра I-го, былъ сначала напечатанъ въ *Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія* и перепечатанъ потомъ въ *Древней Россійской Вивліоѳикѣ*, изд 2, т. XX.

Боярскихъ книгъ сохранилось только *двѣнадцать*, съ 7135 г. по 7200 годъ, съ промежутками годовъ въ срединѣ. Всѣ ли здѣсь книги, или нѣкоторыя изъ нихъ утрачены—опредѣлить съ точностью весьма трудно, потому что книги составлялись по видимому не каждый годъ: въ нихъ находятся отмѣтки о перемѣнахъ и за всѣ промежуточные годы. Въ отношеніи книгъ, это предположеніе весьма вѣроятно, и потому г. Ивановъ напрасно опровергаетъ (стр. 11) Д. Языкова, который говорилъ, что боярскіе списки (замѣтьте: списки, а не книги) составлялись каждый годъ (*), что̀, вопреки г. Иванову, не только вѣроятно, но даже и положительно вѣрно. Такой списокъ для служебнаго порядка былъ необходимъ, да и составлялся онъ весьма легко—выписывались одни только имена по разрядамъ должностей.

«Въ Боярскихъ Книгахъ (продолжаетъ авторъ) означались не только чины и должности служащихъ, но и получаемые ими оклады, помѣстные и денежные, а также всѣ перемѣны, происходившія въ ихъ служебной дѣятельности (повышеніе въ чины, прибавка окладовъ, отставка и проч.). При нѣкоторыхъ лицахъ дѣлались даже особыя біографическія отмѣтки, заключавшія извѣстія о какомъ нибудь особенно важномъ случаѣ ихъ жизни (о постигавшемъ ихъ тяжкомъ недугѣ и болѣзни, о плѣненіи ихъ непріятелями, объ ихъ опалѣ, казни, поступленіи въ монастырь и проч.)». Такимъ образомъ (говоритъ авторъ далѣе) понятно значеніе, которое Боярскія Книги должны имѣть въ ряду историческихъ памятниковъ. Раскрывая намъ *полную картину служебной дѣятельности* въ Россіи за извѣстное время, сообщая драгоцѣнныя и досихъ поръ неизвѣстныя біографическія свѣдѣнія о разныхъ историческихъ лицахъ, книги эти представляютъ богатые матеріалы

(*) „Энциклопедическій Лексиконъ„, т. VI, ст. *Боярскій Списокъ*.

для внимательнаго изслѣдователя. Изъ нихъ можно получить понятіе объ устройствѣ придворной службы и о великолѣпіи двора государей московскихъ, которые, по мѣрѣ увеличенія своего могущества, постепенно умножали число и разнообразили должности окружавшихъ ихъ чиновниковъ. Но особо важное значеніе имѣютъ эти книги, какъ документы оффиціальные, при розысканіи о происхожденіи древнихъ родовъ дворянскихъ и при доказательствахъ дворянскаго происхожденія: въ нихъ дворянинъ найдетъ не только имена своихъ предковъ, но узнаетъ, какія должности занимали они, *какое участіе принимали въ историческихъ событіяхъ своего времени*, какія услуги оказали царю и отечеству.»

Все это, въ извѣстной степени справедливо, хотя съ нѣкоторыми положеніями совсѣмъ нельзя согласиться. Съ содержаніемъ боярскихъ книгъ мы знакомы изъ сочиненія его же, г. Иванова: «Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива» (М. 1842 г.), гдѣ приведены на нѣсколькихъ страничкахъ выписки изъ нихъ—впрочемъ, въ такомъ объемѣ, что мы вообще можемъ судить о характерѣ и значеніи этого памятника. Имѣя въ виду эти выписки, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобъ боярскія книги *раскрывали полную картину служебной дѣятельности* въ Россіи за извѣстное время и давали *понятіе о великолѣпіи московскаго двора*. Это заимствовано изъ упомянутой выше статьи г. Языкова, который сказалъ, что изъ боярскаго списка можно составить себѣ вѣрное понятіе о постепенномъ умноженіи великолѣпія московскаго двора. Но все это должно разумѣть въ отношеніи только учрежденія новыхъ чиновъ, которые даютъ понятіе только объ устройствѣ двора, а не о великолѣпіи его. *Множество* чиновниковъ никакъ не можетъ составить великолѣпія, а можетъ представить только большую *чинность*, въ древнемъ значеніи этого слова. Для *великолѣпія* требуется

совсѣмъ другое, о чемъ понятіе получается не изъ боярскихъ книгъ, или списковъ, а, напримѣръ, изъ дворцовыхъ разрядовъ, царскихъ выходныхъ книгъ, статейныхъ списковъ и другихъ подобныхъ памятниковъ. Что жь касается до картины служебной дѣятельности, то картину эту весьма трудно раскрыть изъ отмѣтокъ, что, напримѣръ, окольничему Ѳ. Л. Бутурлину за *волуйскую розмѣну* придано къ 300 р. еще 50 р., или боярину Ѳедору Иванову Шереметеву за литовскія за два посольства придано 200 р. Здѣсь картина не обозначаетъ даже, какія это были посольства, и что это за «волуйская розмѣна», трудно объяснимая даже для знакомыхъ не съ однѣми боярскими книгами. Такими же отмѣтками описывается и участіе бояръ въ историческихъ событіяхъ того времени.

Какъ бы то ни было, познакомить публику съ боярскими книгами, какъ говоритъ авторъ, полезно и даже необходимо.

«Всякій, знакомый съ трудами подобнаго рода, легко пойметъ всѣ препятствія, какія должно преодолѣть при составленіи Алфавита, въ которомъ помѣщено въ должномъ порядкѣ и въ строгой хронологической послѣдовательности десятки тысячъ лицъ и болѣе чѣмъ вдвое разныхъ при нихъ отмѣтокъ. Особенно представлялись затрудненія при размѣщеніи отмѣтокъ: требовалось безпрерывныхъ справокъ и соображеній для удостовѣренія, дѣйствительно ли то лицо, противъ котораго дѣлается отмѣтка, находится въ слѣдующемъ спискѣ. Но несмотря на всѣ старанія сообщить въ Алфавитѣ съ возможною точностію и ясностію всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ боярскихъ Книгахъ, представились однако при этомъ нѣкоторыя недоразумѣнія: такъ въ спискахъ встрѣчаются лица, сначала въ высшихъ чинахъ, а впослѣдствіи въ нисшихъ. Отъ чего происходитъ такая непослѣдовательность—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что самыя книги, даже темными намеками, не

разрѣшаютъ этого вопроса; можетъ быть то были два разныя лица—однофамильцы и соименники, а можетъ быть и одно, разжалованное почему либо Государемъ.»

Составленіе какого бы то ни было алфавита—трудъ тяжелый и скучный. Главная задача въ подобныхъ трудахъ—всевозможная точность, пунктуальность въ отношеніи сообщаемыхъ извѣстій. Посмотримъ, успѣшно ли авторъ преодолѣлъ представляемыя имъ затрудненія, на сколько дѣйствительны эти самыя затрудненія, и вѣрно ли, точно ли все передано? Работа заключалась въ томъ, чтобъ сдѣлать сводъ именъ, записанныхъ въ 12 боярскихъ книгахъ съ обозначеніемъ должности или чина при каждомъ имени, и года, подъ которымъ записано извѣстное лицо или въ который сдѣлано производство этого лица въ извѣстный чинъ или должность. Слѣдственно, стоило только взять первую, то есть древнѣйшую книгу, выписать по алфавиту изъ нея всѣ имена съ ихъ чинами, и потомъ изъ слѣдующихъ 11 книгъ дополнять алфавитъ новыми именами, которыя будутъ встрѣчаться, и отмѣчать перемѣны въ чинахъ и должностяхъ прежнихъ, ужь обозначенныхъ именъ. Важнѣйшія затрудненія при этой работѣ могли представиться только тамъ, гдѣ встрѣчались одинакія имена и фамиліи въ разныхъ книгахъ и подъ разными годами. Должно было опредѣлить: одно это лицо или два, бывшія только однофамильцами и соименниками? При внимательной работѣ, это опредѣлить нетрудно. Напримѣръ: Хрущовъ, Иванъ Лукинъ, въ 7135 году показанъ московскимъ дворяниномъ, а въ 7137 году—стряпчимъ. Весьма ясно, что это одно и то же лицо, и нечего раздѣлять его на два, какъ то дѣлаетъ г. Ивановъ. Нельзя также раздѣлять и Стрѣшневыхъ Леонтья Афанасьева и Степана Ѳедорова. Даже Стрѣшневъ Никита Нехорошево, показанный съ 7135 по 7185 г. московскимъ дворяниномъ и стольникомъ, одно лицо съ Стрѣшневымъ Ники-

тою Константиновымъ, который съ 7187 по 7200 г. показанъ окольничимъ и бояриномъ, безъ извѣстія о предъидущей службѣ. Отчество *Нехорошево*—только прозвище. Къ той же категоріи относятся Пушкины Никита Астафьевъ, Петръ Петровъ, Ѳедоръ Ивановъ и такъ далѣе... Въ книгѣ г. Иванова такихъ примѣровъ множество. Обстоятельство немаловажное для алфавита, и на первый разъ весьма ясно показывающее, что безпрерывныя справки и соображенія хотя и требовались, но не были дѣйствительно употреблены. Подобный безпорядокъ можетъ произойдти въ такомъ только случаѣ, когда сводъ именъ дѣлается разными лицами, безъ общаго соображенія и руководства. Одинъ, напримѣръ, возьметъ для составленія афавита одну книгу, другой—другую и т. д. Оттого одно и то же лицо, записанное въ двухъ книгахъ, по способу работы, является вдвойнѣ. Впрочемъ, для тѣхъ, которые будутъ пользоваться книгою, указанныя неточности не слишкомъ важны: каждый можетъ съ перваго же взгляда узнать въ чемъ дѣло — итакъ, пойдемъ далѣе:

Пушкинъ, Григорій Гавриловичъ показанъ стольникомъ въ 7135, 7137, 7144, 7148 годахъ, и потомъ окольничимъ въ 7135 году, то есть въ первомъ году его стольничества. Что это такое? Извѣстно, впрочемъ, что Григорій Гавриловичъ Пушкинъ былъ еще прежде окольничества думнымъ дворяниномъ, а послѣ окольничества—бояриномъ и оружейничимъ. Гдѣ жь въ алфавитѣ извѣстія объ этомъ?... По дворцовымъ разрядамъ, Пушкинъ пожалованъ въ думные дворяне въ 7152 году въ февралѣ (Т. II. стр. 731), изъ думныхъ дворянъ въ окольничіе, въ 7153 г. ноября 27, (Т. II, стр. 743), а изъ окольничихъ въ бояре въ 7154 г. августа 15 (Дв. Разр., т. III. стр. 42). Всѣхъ этихъ свѣдѣній въ «Алфавитѣ» не имѣется: мудрено согласиться, чтобъ ихъ не было и въ боярскихъ книгахъ. Во всякомъ случаѣ, окольничимъ въ 7135 г. Пуш-

* * *

кинъ быть не могъ. *Морозовъ*, Борисъ Ивановичъ, извѣстнѣйшее лицо, въ «Алфавитѣ» показанъ стольникомъ въ 7135 г. и бояриномъ въ 7137 году. Между тѣмъ извѣстно, что онъ пожалованъ въ бояре при назначеніи его въ *дядьки* къ царевичу Алексѣю Михайловичу въ 7142 (1634) г. января 6. (Дв. Разр. т. II. 354). *Морозовъ* Иванъ Васильевичъ показанъ бояриномъ съ 7148 года, а дѣйствительно былъ пожалованъ въ 7142 году (Дв. Разр. т. II. 365). *Куракинъ* Ѳедоръ Семеновичъ показанъ бояриномъ съ 7148 года, а дѣйствительно пожалованъ въ 7154 г. сентября 30 (ibid. т. III. стр. 19). *Стрѣшневъ* Василій Ивановичъ показанъ окольничимъ съ 7144 г., а дѣйствительно пожалованъ въ 7142 г. января 6 (ibid. II. 354). *Стрѣшневъ* Ѳедоръ Степановичъ окольничимъ съ 7144 г., а пожалованъ въ 7142 г. февраля 2 (ibid. II. 360). *Стрѣшневъ*, Лукьянъ Степановичъ, показанъ въ 7135, 7137 г. московскимъ дворяниномъ, а съ 7148 года бояриномъ, между тѣмъ въ 7142 году марта 1 онъ пожалованъ изъ *окольничихъ* въ бояре (ibid. II. 365), и такъ далѣе.

Для новаго соображенія возмемъ «Выписку изъ Боярской Книги» 7137 года, помѣщенную г. Ивановымъ въ «Описаніи Разряднаго Архива» (стр. 5—12) и свѣримъ ее съ «Алфавитомъ». Напримѣръ, въ «Выпискѣ» значится, что въ 143 г. (сравн. Дв. Разр. II. 467) государь пожаловалъ въ бояре князя Петра Александровича Репнина. Кажется, ясно? Въ «Алфавитѣ» же отмѣчено, что онъ былъ въ 7137 г. московскимъ дворяниномъ, а съ того же года—бояриномъ, а 7144 стряпчимъ и потомъ 7148 г. снова бояриномъ. Какъ сообразить эти показанія? За Репнинымъ слѣдуетъ въ «Выпискѣ», какъ бояринъ, вновь внесенный въ книгу Иванъ Петровичъ Шереметевъ, показанный въ «Алфавитѣ» бояриномъ съ 7137 г., между тѣмъ, какъ онъ пожалованъ въ бояре въ 7142 г. (Дв.

Ис. II. 360). Далѣе въ «Выпискѣ» означено: 147 (должно быть 146), мая 15 князь Юрій Андреевичъ Сицкой (то-есть пожалованъ въ бояре, что можно видѣть и во II т. Дв. Р. стр. 574); въ «Алфавитѣ» же указано, что онъ бояриномъ съ 7137 года. Почему здѣсь всѣ указанія о боярствѣ отнесены, вопреки истинѣ, къ 7137 году? Потому что книга принадлежитъ къ 7137 году. Составитель не утруждалъ себя—не то чтобы безпрерывными справками, а простыми соображеніями, напримѣръ, что въ книгѣ 7137 года могутъ быть, и дѣйствительно есть, какъ онъ самъ выше удостовѣряетъ, отмѣтки и записки позднѣйшихъ годовъ. Ясно, что онъ не останавливалъ своего вниманія на этихъ отмѣткахъ, а вносилъ въ «Алфавитъ» имена и обозначалъ ихъ чины годомъ книги, 7137, не обращая вниманія на то, что въ эту же книгу вписывались производства и 7142, и 7143, и 7147 годовъ!

Далѣе: Аничковъ Иванъ Михайловичъ показанъ въ «Алфавитѣ» стряпчимъ—съ ключомъ, 7137 и 7144 г., постельничимъ 7148 г. и наконецъ (разжалованнымъ) московскимъ дворяниномъ въ 7166 г. Въ «Выпискѣ» же изъ «Боярской Книги», изъ которой составлялся «Алфавитъ», сказано, что въ 7144 г. онъ пожалованъ только въ стряпчіе съ ключомъ. (Въ этомъ случаѣ сохраненъ годъ и книги—7137, и производства—7144!). По Дворцовымъ же Разрядамъ, въ постельничіе онъ пожалованъ не въ 7148, а въ 7154 г. сентября 8 (т. III. стр. 13), изъ постельничихъ же въ думные дворяне въ 7155 г. сентября 1 (ibid. III. стр. 47). Этого послѣдняго производства въ «Алфавитѣ» совсѣмъ нѣтъ.—Дьякъ Иванъ Грязевъ по «Выпискѣ» пожалованъ въ думные дьяки въ 7140 году, а по «Алфавиту» въ 7137, потому что книга, гдѣ записано это производство, относится къ 7137 году. Думный дьякъ Михайло Волошениновъ, по «Алфавиту», въ этомъ чинѣ съ 7148 года, а пожалованъ дѣйствительно въ 7153 году

(Дв. Разр. II. 743)... Но остановимся. Судя аналогически, *дальнѣйшее* насъ устрашаетъ! При всемъ томъ должно замѣтить, что мы не рылись кротами въ «Алфавитѣ» г. Иванова, а развернули только II и III томы «Дворцовыхъ Разрядовъ», и какія пожалованія (производства) встрѣчались намъ на первый разъ, тѣ и свѣрялись съ «Алфавитомъ», не указывая даже на то, что во многихъ случаяхъ, по разрядамъ эти производства указывались раньше годомъ. Это мы объяснили себѣ тѣмъ, что самое количество боярскихъ книгъ не полно, и такимъ образомъ хронологической послѣдовательности отъискивать въ нихъ нельзя; впрочемъ г. Ивановъ утверждаетъ противное, сказавъ что «всѣ эти книги содержатъ въ себѣ отмѣтки о служебной дѣятельности лицъ и за промежуточные года» (стр. 111)..(*)

(*) На этотъ краткій обзоръ „Алфавита" послѣдовалъ отвѣтъ автора въ Сѣверной Пчелѣ 1854, № 124 на который наши замѣчанія см. въ Отеч. Запискахъ 1854 г., августъ.

РОДОСЛОВНЫЯ КНИГИ.

Россійская Родословная Книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Спб. 1854—1856.

Начало своему обширному труду кн. Долгоруковъ положилъ еще въ изданіи «Россійскаго Родословнаго Сборника», въ составъ котораго предполагалось внести всѣ *нынѣ существующіе* роды: а) россійско-княжескіе, б) внесенные въ Бархатную Книгу, в) боярскіе XVII вѣка, въ бархатную Книгу не внесенные, и г) россійско-графскіе. Неутомимый изъискатель и собиратель русскихъ родословій не удовлетворился, однакожь, этимъ первоначальнымъ планомъ, и теперь передъ нами начало новаго труда, болѣе полнаго и обширнаго— начало цѣлой «Россійской Родословной Книги». Но и здѣсь предположенный планъ былъ несравненно обширнѣе, нежели назначенное выполненіе:

«Первоначальною мыслію моею, при составленіи Россійской Родословной книги (говоритъ кн. Долгоруковъ), было помѣщеніе въ ней всѣхъ дворянскихъ фамилій и древнихъ и новыхъ, и существующихъ и угасшихъ, изо всѣхъ областей, вошедшихъ въ составъ Россійской Имперіи. Но, приступая къ исполненію, я увидѣлъ ясно, что подобная программа выходитъ изъ размѣра предѣловъ, доступныхъ труду одного человѣка, и по необходимости, долженъ былъ ограничится помѣ-

щеніемъ въ Россійскую Родословную книгу фамилій, нынѣ существующихъ, по слѣдующимъ главамъ: Глава I, Россійскіе Князья. 2, Россійскіе Графы. 3, Россійскіе Бароны. 4, Фамиліи, имѣющія титулы Князей. Графовъ и Бароновъ иностранныхъ. 5, дворянскія Фамиліи, отъ Великаго князя Рюрика произшедшія. 6, Фамиліи, внесенныя въ бархатную книгу. 7, Фамиліи, существовавшія въ Россіи прежде 1600 года. 8, Фамиліи, существовавшія въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи въ эпоху Ливонскаго Ордена. 9, Фамиліи, существовавшія въ Польшѣ и въ Литвѣ прежде 1600 года. 10, Фамиліи, иностранныя, существовавшія въ своемъ отечествѣ прежде 1600 года, а нынѣ состоящія въ русскомъ подданствѣ. 11, Фамиліи, члены коихъ находились, въ семнадцатомъ вѣкѣ въ званіи бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. 12, Фамиліи Малороссійскія, члены коихъ находились въ числѣ генеральной старшины и полковниковъ войска Малороссійскаго до 1764 года. 13, Фамиліи, члены коихъ служили, со времени Петра Великаго и до нашихъ дней въ первыхъ двухъ классахъ государственной службы. 14, Въ ней помѣщены будутъ родословныя самыхъ извѣстнѣйшихъ изъ русскихъ угасшихъ фамилій».

Характеръ источниковъ для нашихъ древнихъ родословій вполнѣ обусловливается характеромъ тѣхъ началъ, на которыхъ созидалась *честь* родовъ. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ ходомъ русской исторіи, тому весьма легко замѣтить, что основаніемъ родовой чести, основаніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ дворянскаго сословія въ древней Россіи, или того, что мы теперь разумѣемъ подъ именемъ дворянства—была *служба*. Службою же въ древнее время называлась исключительно одна только служба военная, на защиту Русской Земли отъ враговъ. Даже первыя поколѣнія князей нашихъ, призванныхъ сѣверными племенами владѣть и править Русскою Землею,

вначалѣ иначе и не понимали своихъ отношеній къ славянскому земству, какъ подъ видомъ службы. «Стоять на стражѣ Русской Земли», «утирать потъ за Русскую Землю»—вотъ обязанности, о которыхъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ сами князья. Къ тому же военное дѣло, *служба*, въ древнемъ нашемъ обществѣ была первою и единственною формою службы *общественной*—государственной; въ такой только службѣ народное сознаніе видѣло общественное, земское дѣло; всякая другая дѣятельность была частною, *опричною*, *приказною*, предпринимаемою для лица, а не для земства. Весьма понятно, что князь, какъ представитель общаго, земскаго дѣла — службы, имѣлъ полное право пользоваться за свою службу всѣмъ тѣмъ, что давало земство на устроеніе своей безопасности, всѣми *данями* и *пошлинами*, что *шло* изстари на такое устроеніе. Отсюда князья-родичи пользуются *кормленіемъ* въ волостяхъ, можетъ быть, точно такъ же, какъ въ послѣдующее время пользовались такимъ кормленіемъ царскіе воеводы—за службы. Отсюда же и права дружины на поземельное владѣніе, помѣстное, изъ котораго потомъ уже образовалось вотчинное. При существованіи такихъ отношеній нашей древнее *владѣтельное право* не могло имѣть феодальнаго характера. Сущность началъ нашей исторической жизни не представляла и малѣйшихъ условій для образованія такого характера. «Власть княжеская (говоритъ Валуевъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи о мѣстничествѣ) никогда не доходила въ удѣльной Россіи до личнаго значенія, отъ котораго наоборотъ отправлялось все общество западное. Князь являлся лишь однимъ изъ необходимыхъ органовъ общественнаго порядка, блюстителемъ закона и Божіей правды на землѣ; а потому такъ легко и уступила удѣльная Россія одному высшему блюстителю этой правды и представителю всей Земли Русской, какимъ явился московскій князь для русскаго на-

рода, уже понявшаго невозможность своего разумнаго существованія въ удѣльной и междоусобной Россіи. И потому самому каждый удѣльный князь, какъ скоро утрачивалъ свое княжество и тотъ верховный санъ, въ который онъ былъ облеченъ понятіями народными, прямо переходилъ въ ряды народные и наравнѣ со всѣмъ народомъ служилъ новому государю. Удѣльный князь не вынесъ отъ своего княжества ни малѣйшаго оттѣнка личнаго отношенія, и потому въ древней Россіи не только не дорожили княжествомъ, но даже едва-ли имѣли понятіе о его какомъ либо высшемъ, почетномъ значеніи въ обществѣ. Большая часть княжескихъ родовъ добровольно теряетъ и *забываетъ* свое княжество (примѣръ: дворянскіе роды, произшедшіе отъ Рюрика, 21), а другіе княжескіе роды, не продолжая службы государевой, *замолодавъ* и *захудавъ*, переходили въ народъ, или такъ-называемыя низшія сословія. Такъ и доселѣ еще есть на Руси князья чистой крови Владиміра въ однодворцахъ и сами пашущіе свою землю. На то же совершенное отсутствіе личнаго начала указываютъ намъ и свидѣтельства Котошихина о свойственникахъ царскихъ (по браку), что свойство это не давало имъ никакого юридическаго повышенія въ обществѣ, все это явленія непонятныя и невозможныя въ западномъ обществѣ; всякій разъ упраздненный владѣтельный герцогъ, или графъ, не могъ не сохранить своего первенства въ обществѣ, котораго былъ недавнимъ владыкой, какъ своя личность, а не представитель извѣстнаго высшаго понятія. Такимъ высшимъ понятіемъ для древняго русскаго общества была *служба*; сознательно и безсознательно каждый членъ его понималъ себя только органомъ общественнаго устройства.

Понятно послѣ этого, что и основаніемъ родовой *чести* была также служба, что признавалась честь только служебная, возникшая чрезъ службу и поддерживаемая службою.

На служебную честь опиралось и самое мѣстничество, въ которомъ существеннымъ доказательствомъ права были *разряды*—распорядокъ служебныхъ мѣстъ. При такихъ условіяхъ ни одно лице и ни одинъ родъ не имѣлъ никакого значенія и никакого права самъ по себѣ, какъ отдѣльная самостоятельная личность, а потому и не владѣлъ никакими положительными, ему лично принадлежащими правами, а имѣлъ только извѣстное *кандидатство* на совокупность правъ и обязанностей, принадлежащихъ вообще всѣмъ служилымъ людямъ общества, кто бы они ни были. Въ этомъ заключалось одно изъ существенныхъ отличій мѣстничества отъ западныхъ и другихъ аристократій. Вслѣдствіе этого, въ древней Россіи о дворянствѣ, какъ о *сословіи*, не было никакого юридическаго понятія. До самаго Петра изъ общей массы народа, съ его естественными подраздѣленіями по образу жизни и занятій крестьянина-пахаря, посадскаго, ремесленника, гостя-купца и т. д., выдѣлялся только одинъ разрядъ людей служилыхъ, также на основаніи его занятія въ обществѣ, но занятія не дѣломъ частнымъ, а *общественною* службою, а потому и могло существовать только понятіе о людяхъ служилыхъ вообще и служащихъ въ *данное время*, какъ ратныхъ людяхъ изо всякихъ чиновъ, или *царскихъ* людяхъ, которые отпущены семьей на службу, будь то изъ крестьянъ, изъ посадскихъ, дворянъ и пр. Когда же, при Петрѣ I-мъ классъ людей служилыхъ былъ обращенъ въ *дворянство*, какъ *сословіе*, то, разумѣется, вошли въ него лишь тѣ, которые находились въ то время на службѣ и преимущественно всѣ, имѣвшіе помѣстья, или вотчины, и потому *обязанные* службою. Многіе же, принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ, или чьи отцы бывали въ чинахъ не менѣе высокихъ, не попавъ на службу, не попали и въ дворяне и постепенно перешли въ низшія сословія; другіе же изъ тогдашнихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не желая

почиваться службѣ, какъ ее понималъ Петръ I. нарочно *хоронились*, чтобъ *избыть службы*, во тѣмъ самимъ избыли и дворянства для себя и своего потомства.»

Итакъ служба была единственнымъ и главнѣйшимъ основаніемъ родовой чести, роднаго почета въ нашемъ древнемъ обществѣ. Чтобъ удержать эту честь, этотъ почетъ, сдѣлать его принадлежностью фамиліи, необходимо было всѣмъ нисходящимъ родичамъ постоянно служить; не служа, они тотчасъ же *молодали и худали*, изъ дѣтей бояръ переходили въ *дѣтей боярскихъ*, въ толпы народа. Служба отца выдвигала дѣтей и потомковъ впередъ; но происхожденіе отъ такого отца не значило ничего безъ собственной, личной службы, которая была единственнымъ средствомъ для того, чтобъ поддерживать пріобрѣтенное родомъ достоинство. Поэтому честь, почетъ, извѣстное значеніе фамиліи всегда подвержено было болѣе или менѣе значительнымъ колебаніямъ. Прочнаго, твердаго въ этомъ отношеніи не было ничего, кромѣ той же службы.

Сообразивъ все сказанное, мы можемъ составить себѣ довольно удовлетворительное понятіе о характерѣ источниковъ и всякаго рода матеріаловъ для нашихъ дворянскихъ родословій и для исторіи заслуженныхъ родовъ, объ этомъ совершенномъ отсутствіи фамильныхъ хроникъ, фамильныхъ архивовъ, гербовъ и т. п., о совершенномъ забвеніи въ родословныхъ женщинъ и всѣхъ особенныхъ событій касавшихся рода. Самыя *родословныя*, *родословцы* появились у насъ какъ только средства для разрѣшенія мѣстническихъ споровъ, слѣдовательно были вызваны правительственными распоряженіями, а не самостоятельнымъ развитіемъ понятій о дворянскомъ достоинствѣ и чести. Феодальныя понятія объ этомъ принесены къ намъ въ концѣ XVII-го столѣтія и стали водворяться со времени преобразованія. Съ этого времени и родо-

словные источники получаютъ иной видъ и иную полноту. Въ концѣ прошлаго столѣтія возникаетъ уже потребность разработать этотъ отдѣлъ исторіи, собираются и печатаются матеріалы, издается родословная такъ-называемая «Бархатная Книга», издаются извѣстія о дворянствѣ и т. п., и наконецъ предпринимается огромный трудъ составить «Описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ» (М. 1810. 2 части). Трудъ этотъ частью изданный частью хранящійся въ рукописи, принадлежитъ сенатору М. Спиридову. Главнымъ источникомъ для «Описанія службъ» послужили разрядныя книги— матеріалъ не слишкомъ плодовитый, ибо онъ заключаетъ въ себѣ не описаніе службы собственно, а только назначенія на службу, но матеріалъ почти единственный не только для описанія службъ, но даже и для повѣрки родословій. Вѣрныя хронологическія указанія для родословныхъ можно черпать большею частью только изъ разрядныхъ книгъ. Но и родословная «Бархатная Книга» и «Описаніе службъ» Спиридова, расположенное также по родамъ, не могли удовлетворять ни требованій публики, для которой дѣлались эти изданія, ни требованій науки. Составъ «Бархатной Книги» трудно понять: родословія такъ запутаны и перепутаны, что иной разъ недостанетъ никакого терпѣнія отыскать желаемое. Съ большимъ толкомъ, но также неудобно составлено и «Описаніе службъ».

Превосходный трудъ князя Долгорукова, «Россійская Родословная Книга», выкупаетъ теперь всѣ неудобства и всѣ недостатки прежнихъ изданій. Необыкновенно простой, ясный составъ ея не заставляетъ ничего желать больше въ этомъ отношеніи. И для науки и для родословныхъ фамилій эта книга будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Конечно, требованія науки всегда обширнѣе другихъ требованій, и потому съ этой стороны мы пожелали бы болѣе подробнаго указанія источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для составленія «Россійской

Родословной Книги», ибо такое указаніе въ настоящемъ изданіи—дѣло первой важности. Весьма полезно было бы также, не ограничиваясь годами рожденій и смерти, внести, гдѣ такихъ годовъ не имѣется, и другія хронологическія указанія, какія только могутъ встрѣтиться при данномъ имени и, слѣдовательно, могутъ обозначить время, въ которое, или около котораго существовало извѣстное лице. Но разумѣется, это трудъ огромный, который можетъ только замедлить изданіе «Родословной Книги», тѣмъ болѣе, что главнѣйшій источникъ для этого—«Разрядныя книги», еще не оконченъ изданіемъ. Въ первыхъ двухъ частяхъ сочиненія кн. Долгорукова разработаны только три главы его общаго плана для всего изданія.

Третья часть «Россійской Родословной Книги» заключаетъ въ себѣ родословныя фамиліи, имѣющія иностранныя почетныя титла, въ томъ числѣ 49 княжескихъ, 1 маркизовъ, 86 графскихъ, 84 баронскихъ и 82 дворянскихъ, относящихся къ нетитулованнымъ вѣтвямъ упомянутыхъ фамилій. Фамиліи эти принадлежатъ потомкамъ царей грузинскихъ, имеретинскихъ, сибирскихъ, потомкамъ владѣтелей Мингреліи, Абхазіи, Сванетіи, Гуріи, потомкамъ владѣтелей калмыцкихъ, князьямъ, графамъ и баронамъ Римской Имперіи, Австрійской Имперіи, Королевства Прусскаго, Королевства Баварскаго, Шведскаго, Саксонскаго, Сардинскаго, Венгерскаго, Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго, графамъ и баронамъ французскимъ, баронамъ гессен-дармштадтскимъ, потомкамъ владѣтелей нѣкоторыхъ русскихъ городовъ и княжескимъ родамъ, которыхъ княжеское достоинство было признано въ XIX вѣкѣ.

Само собою разумѣется, что лучшими критиками этого изданія будутъ тѣ самыя фамиліи, родословныя которыхъ въ немъ помѣщены. Матеріалы, послужившіе къ составленію книги, большею частію еще не обнародованы, и потому намъ

остается говорить лишь о тѣхъ научныхъ пріемахъ въ изложеніи и вообще въ обработкѣ матеріала, которые должны сопровождать всякій подобный трудъ и о которыхъ мы уже выразили свое мнѣніе. Впрочемъ, просматривая изданныя нынѣ родословныя, принадлежащія бо́льшею частью фамиліямъ иностраннымъ, мы невольно остановились на нѣкоторыхъ русскихъ княжескихъ именахъ, напр.: Болховскихъ, Лукомскихъ, Мышецкихъ, Неевижскихъ, отнесенныхъ авторомъ къ тому же разряду фамилій иноземныхъ, или вообще къ фамиліямъ, имѣющимъ иностранныя почетныя титла. Намъ кажется, правильнѣе было бы обозначить, что эти фамиліи не иностраннаго, а неизвѣстнаго происхожденія, ибо иностранное происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Болховскихъ, весьма сомнительно.

«Фамилія эта (говоритъ авторъ) принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Россіи и происхожденіе ея покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ одной изъ родословныхъ книгъ, напечатанныхъ во «Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей», сказано, что князья Болховскіе происходятъ отъ правнука св. Михаила Черниговскаго, князя Ивана Андреяновича Звѣнигородскаго, имѣвшаго прозвище *Болхъ*. *Это несправедливо:* во первыхъ потому, что въ бархатной книгѣ князь Иванъ Андреяновичь показанъ бездѣтнымъ и даже не сказано, чтобы онъ имѣлъ какое либо прозвище, а во вторыхъ потому, что князья Болховскіе не могли происходить отъ правнука св. Михаила Черниговскаго, когда самъ св. Михаилъ Черниговскій, изъ за князей Болховскихъ, ходилъ войною на Даніила Галицкаго. Мы полагаемъ, что нынѣшніе *князья Болховскіе* потомки древнихъ князей Болховскихъ, первоначальное происхожденіе коихъ совершенно неизвѣстно, но которые были удѣльными князьями города *Болохова* въ южной Россіи, въ вѣкахъ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ. Древній городъ

[illegible] Болоховцы [illegible] Галичъ [illegible] Галичъ [illegible] 1159 году [illegible] Галичъ [illegible] 1179 году, [illegible] 1240 году, [illegible] Галицкій [illegible] Болоховскихъ: Деревъ, [illegible], [illegible], [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Михаилъ Черниговскій. Въ слѣдующемъ же году, старшій сынъ св. Михаила, князь Ростиславъ, вмѣстѣ съ князьями Болоховскими и другими ихъ, осаждалъ городъ Бакоту (на лѣвомъ берегу Днѣстра, ниже Хотина). *Князья Болоховскіе были въ древней Россіи единственными удѣльными князьями, непринадлежавшими къ племени св. Владиміра.* Отъ кого ведутъ они начало? отъ древнихъ ли владѣтелей Древлянскихъ, или отъ хановъ Половецкихъ, неизвѣстно; несомнѣнно только, что они были политиками искусными: долго держались на удѣлѣ и при ужасномъ разгромѣ Россіи Монголами, умѣли спасти удѣлъ свой отъ разоренія, обязавшись платить дань татаръ пшеницу и просо! Но въ началѣ четырнадцатаго вѣка, Гедиминъ покорилъ землю Подольскую, изгналъ князей Болоховскихъ и овладѣлъ ихъ удѣломъ...»

Все это объясненіе слишкомъ поверхностно обнимаетъ свой предметъ и замѣчательно отсутствіемъ строгой критической

разработки матеріала. Съ своей стороны и мы можемъ сказать какъ говоритъ вначалѣ авторъ, что это несправедливо и невѣрно. Прежде всего здѣсь особенно бросается въ глаза то, что авторъ «Бархатную Книгу» считаетъ какимъ-то непогрѣшительнымъ авторитетомъ, противъ котораго не принимаются никакія другія указанія, хотя бы они были совершенно вѣрны. «Это несправедливо» восклицаетъ авторъ, «потому что въ Бархатной Книгѣ показано иначе». Какія основанія существуютъ для того, чтобъ предпочитать указанія «Бархатной Книги» указаніямъ другихъ книгъ родословныхъ, также не менѣе древнихъ—намъ неизвѣстно. Начавъ свой трудъ, авторъ не подвергъ критической оцѣнкѣ этого важнѣйшаго для него памятника... Но, при сравненіяхъ и сличеніяхъ родословій, каждый легко можетъ убѣдиться, что если, напр., въ родословныхъ, изданныхъ Московскимъ Историческимъ Обществомъ («Временникъ, № 10) и находятся неточности, ошибки, описки и вообще какая-то небрежность въ составленіи, то въ изданной «Бархатной Книгѣ» такія неточности, ошибки, описки и небрежность являются несравненно въ большемъ размѣрѣ, такъ что исправить все это можно единственно только при пособіи другихъ родословныхъ. Въ иныхъ случаяхъ эти другія родословныя помогали и кн. Долгорукову.

«Бархатная Книга», *обновленная и пополненная* въ 1686 году въ Разрядѣ, имѣетъ поэтому характеръ оффиціальный; но, несмотря на эту оффиціальность, обновленіе ея и пополненіе было подвержено чистѣйшимъ случайностямъ. Прежняя родословная книга, хранившаяся въ Разрядѣ, была неполна; многіе княжескіе и честные роды, многія поколѣнія записанныхъ родовъ въ ней написаны не были. Это потому, что Разрядъ, занимаясь только распорядкомъ службы и мѣстъ, смотрѣлъ на родословныя какъ на предметъ побочный, обращался къ нимъ на столько, на сколько это нужно было для разрѣшенія воз-

никающихъ споровъ, и то въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда тягались лѣствицею. Разрядъ составлялъ разрядныя, а не родословныя книги, и мы до сихъ поръ еще не имѣемъ положительнаго свидѣтельства о томъ, чтобъ онъ занимался родословными. Существеннымъ его занятіемъ было опредѣлить, *кто кого больше или меньше и вверсту, а не кто къ кому породству каковъ близокъ*: этимъ попреимуществу занимались уже сами спорившіе о мѣстахъ. *Они* подавали *къ счету* свои родословцы, и свои лѣствицы. *Государевы*, то есть оффиціальные, родословцы, упоминаются, напримѣръ, въ 1600 году; но тутъ же и обозначается, что они не были полны. Родословная книга въ Разрядѣ стала составляться тотчасъ по уничтоженіи мѣстничества и составлялась не для чего иного, какъ только *на память* настоящимъ и будущимъ *родомъ*, въ замѣнъ мѣстъ и счетовъ о мѣстахъ. При обновленіи и пополненіи этой родословной, названной въ послѣдствіи «Бархатною Книгою», откуда было взять родословныя росписи незаписанныхъ родовъ? Конечно, отъ этихъ же самыхъ родовъ; это былъ единственный источникъ. Такимъ образомъ и было повелѣно взять у незаписанныхъ фамилій росписки ихъ родамъ *за руками*, то есть скрѣпленныя ихъ рукоприкладствомъ. Само собою разумѣется, что росписи эти должны были основываться частью на родословныхъ, частью на разрядахъ и домашнихъ актахъ, если такіе акты существовали. Но всѣ ли могли одинаково полно и отчетливо доказать свое *честное* происхожденіе? Припомнимъ, что многіе прежде и *честные* роды, но потомъ *захудавшіе* и совершенно вытѣсненные изъ круга разрядныхъ счетовъ, въ это время не имѣли уже никакого значенія, а иные, можетъ-быть, даже не имѣли и понятія о своемъ *честномъ* происхожденіи. Живя гдѣ нибудь по далекимъ украйнамъ государства, многіе изъ нихъ весьма затруднялись дать ясный отвѣтъ о древности своего происхожденія А такъ

какъ требованія правительства въ отношеніи родословныхъ росписей не представляли строгой обязательной силы и были предложены почти на волю каждаго, то многія княжескія и дворянскія фамиліи, происходившія даже отъ Рюрика, не подали требуемыхъ росписей къ пополненію и обновленію родословной книги, а слѣдственно и записаны не были; таковы, напримѣръ, князья Болховскіе, Мышецкіе и др.; таковы и дворянскіе роды, произшедшіе отъ Рюрика, въ «Бархатную Книгу» невнесенные. Вотъ первая случайность, опредѣлившая характеръ составленія «Бархатной Книги». Другіе вели свой родъ отъ знатныхъ поколѣній, но, захудавъ, потеряли всякую связь съ этими поколѣніями, *разошлися далече*, низошли на степень простыхъ *дѣтишекъ боярскихъ*. Не имѣя долгое время мѣста въ разрядахъ, чѣмъ они могли доказать свое честное происхожденіе? — Своими родословіями? Но рядомъ съ родами, которые дѣйствительно происходили отъ знатныхъ колѣнъ, этимъ обстоятельствомъ могли воспользоваться и такіе, которые вовсе не были съ-родни знатнымъ. Безъ сомнѣнія, подобные случаи представились при обновленіи и пополненіи родословной, ибо 27 марта 1682 года, послѣдовалъ по этому поводу слѣдующій указъ: «Которыхъ княжескихъ и иныхъ родовъ въ разрядѣ въ родословной книгѣ не написано, а они въ росписяхъ своихъ напишутъ прозваніе свое, что они пошли отъ родословныхъ людей, а родословные люди тѣхъ родовъ въ поколѣнныхъ своихъ росписяхъ ихъ прозванія не напишутъ, и о тѣхъ родѣхъ *у родословныхъ людей для свидѣтельства имать сказки за руками*, впрямь ли они отъ тѣхъ ихъ родовъ, къ кому кто напишется, пошли; и буде въ сказкахъ своихъ напишутъ или по допросу скажутъ, что они повелись отъ предковъ ихъ, и такихъ писать въ родословную книгу съ тѣми родами отъ кого они пошли. А буде въ сказкахъ своихъ напишутъ, что они не ихъ родовъ, и та-

кимъ отказывать, и вмѣстѣ съ ними въ родословную книгу не писать, а написать ихъ въ книгу особы, а очныхъ ставокъ межь ими въ томъ не давать» (*). Такимъ образомъ, представляя свои родословія, иные, при всей правдѣ съ своей стороны, вполнѣ должны были зависѣть отъ воли знатныхъ родовъ, которымъ предоставлялось, какъ видимъ, полное право свидѣтельствовать достовѣрность происхожденія извѣстныхъ лицъ и которые, поэтому, могли допустить эти лица къ себѣ въ сродство и могли поданнымъ *свидѣтельствомъ* опровергнуть это сродство. Весьма важную роль въ родословныхъ играла небольшая отмѣтка при нѣкоторыхъ именахъ *умре бездѣтенъ*, или просто *бездѣтенъ*, подававшая поводъ еще въ мѣстническихъ счетахъ къ большимъ спорамъ. Этимъ знаменательнымъ словомъ *бездѣтенъ* было уничтожено, напр., и происхожденіе отъ Рюрика князей Болховскихъ, какъ увидимъ ниже. При обновленіи родословной было обращено вниманіе и на это обстоятельство и повелѣно: «А въ которыхъ родѣхъ кто были бездѣтны, и тѣхъ писать имянно, чтобъ впередъ о томъ спору не было (слѣдовательно, споры бывали), и чтобъ въ нынѣшней книгѣ про всѣ роды вѣдомо было подлинно, отъ кого которые роды сначала пошли и поколѣніями разошлись, и прозваніями слыть начали».

Вообще изъ всѣхъ распоряженій по составленію «Бархатной Книги» ясно видно, что она переписана съ старой, неполной; что всѣ пополненія произведены единственно только по *росписямъ*, *свидѣтельствамъ* и *сказкамъ*, кто какія подалъ; что въ сомнительныхъ случаяхъ не наводили родословныхъ и лѣтописныхъ оффиціальныхъ справокъ, а довольствовались свидѣтельствомъ знатныхъ, родословныхъ людей, которое принималось, какъ сильнѣйшій атворитетъ въ этомъ

(*) Родословная Книга Князей и дворянъ, М. 1787. 1, стр. 6.

случаѣ. Это обстоятельство, съ другой стороны, показываетъ, что Разрядъ не занимался составленіемъ полныхъ, подробныхъ и отчетливыхъ родословій и что такія родословія хранились и составлялись только у родословныхъ людей, какъ необходимое пособіе при мѣстническихъ спорахъ, слѣдовательно, не имѣли оффиціальнаго значенія; однимъ словомъ, обновленіе и пополненіе древней родословной книги, произведшее новый ея видъ — такъ называемую «Бархатную Книгу», не носитъ въ себѣ того оффиціальнаго, документальнаго характера, который давалъ бы ей полную, чистую, непогрѣшимую достовѣрность и тѣмъ ставилъ бы ее выше другихъ, такъ называемыхъ частныхъ родословныхъ, не скрѣпленныхъ дьяками. Къ тому жь должно замѣтить, что всѣ наши древнія родословныя росписи представляютъ, въ отношеніи своихъ разнорѣчій и несогласимыхъ показаній, такія мудреныя задачи, которыя во многихъ случаяхъ едва-ли когда будутъ разрѣшены. Но какъ бы то ни было, отдавать преимущество «Бархатной Книгѣ», какъ достовѣрнѣйшему источнику — совершенно нельзя. Въ изданныхъ до сихъ поръ трехъ спискахъ родословныхъ (XVI и начала XVII столѣтій) весьма часто встрѣчаются такіе варіанты и разнорѣчія, которые явно обнаруживаютъ древнѣйшее ихъ происхожденіе и, слѣдовательно, во многихъ случаяхъ бо́льшую достовѣрность показаній. Такъ, напримѣръ, въ родословной лѣствицѣ князей Звѣнигородскихъ у князя Александра Ѳедоровича Звѣнигородскаго въ «Бархатной Книгѣ» показано три сына: *Глѣбъ*, *Иванъ* и *Иванъ* же, по прозвищу *Катлече*, бездѣтный; а во всѣхъ трехъ спискахъ родословной, изданной Московскимъ Историческимъ Обществомъ, значится четыре сына — *Глѣбъ*, *Ѳеодоръ* прозваніемъ *Котельничей* (Котелчой, Кетелчей) бездѣтный, *Иванъ* и *Евлохъ* (Ивлахъ) бездѣтенъ. Какъ согласить такія показанія? Но нельзя не замѣтить, что текстъ

прозванія Котельничей читается въ этихъ родословныхъ гораздо правильнѣе, чѣмъ въ «Бархатной». Далѣе, у князя Ивана Глѣбовича въ «Бархатной» показаны сыновья *Иванъ Барашь, Михайло Спячей*, а въ двухъ упомянутыхъ спискахъ родословной, древнѣйшихъ, значится сверхъ того, *Василій Спячей*. Въ своихъ росписяхъ авторъ, всегда вѣрный «Бархатной Книгѣ», пользовался, кажется, и этими прибавками и дополнялъ ими свой трудъ.

Но мы не станемъ утомлять читателей приведеніемъ подобныхъ примѣровъ: ихъ множество. Такимъ же примѣромъ служитъ и родословная князей Болховскихъ. У князя Андрея или Андреяна Звѣнигородскаго были дѣти Ѳеодоръ да Иванъ. Въ «Бархатной Книгѣ» объ Иванѣ сказано, что онъ *бездѣтенъ*, между тѣмъ во всѣхъ трехъ спискахъ изданной родословной этого не сказано, а въ двухъ и одномъ, древнѣйшемъ, записано и его прозвище *Болхъ*. Въ этомъ же древнѣйшемъ спискѣ находимъ и родословную Болховскихъ, изложенную слѣдующимъ образомъ: «А у князя Андрея Звѣнигородскаго дѣти: «князь Ѳеодоръ Звѣнигородской да князь *Иванъ Болхъ*; а «у князя *Ивана Болховскаго* сынъ князь Иванъ Адашъ, «а у князя Ивана Адаша сынъ князь Александръ, а у князя «Александра сынъ князь Василій, а у князя Василія сынъ «князь Романъ, а у князя Романа пять сыновъ: князь Иванъ, «да князь Василій, да князь Юрьи, да князь Михаило, да «князь Илья. А у князя Ивана Романовича три сына: князь «Дмитрій, да князь Василій, да князь Левонтей, убили его «на Молодяхъ крымскіе люди; а у князя Дмитрія три сына, «князь Семенъ, а былъ на службѣ въ Сибири въ воеводахъ, «а посланъ въ Сибирь въ лѣто 7092 и тамъ преставися въ лѣ«то 7094, — князь Петръ, а былъ въ заставѣ подъ Москвою «въ Черкизовѣ и того году преставися въ моръ и положенъ «въ Черкизовѣ; третій сынъ князь Иванъ; а у князя Левон-

«тія одинъ сынъ князь Григорій; у князя Григорія одинъ сынъ князь Ѳеодоръ» (Врем. 10, 244). Эта родословная писана въ то время, когда родъ князей Болховскихъ имѣлъ еще служебное значеніе, бывалъ на воеводствѣ и пр., а замѣтка «Бархатной Книги», что Иванъ Болхъ *бездѣтенъ*, явилась тогда, когда этотъ родъ уже ничего не значилъ, затерялся совершенно въ средѣ дѣтей боярскихъ, и, когда было нужно, не подалъ своей родословной, не подалъ, быть можетъ, за малолѣтствомъ родичей, за болѣзнью, за старостью, по невниманію къ своей чести, и т. п. Какое жь мы имѣемъ основаніе вѣрить «Бархатной Книгѣ», въ которую, не смотря на пополненіе, все-таки многіе роды не попали, и не вѣрить цѣлой родословной, да еще по списку конца XVI вѣка? Кн. Долгоруковъ говоритъ, что князья Болховскіе не могли происходить отъ правнука Михаила Черниговскаго, потому что самъ Михаилъ за князей Болховскихъ воевалъ съ Даніиломъ Галицкимъ. Дѣйствительно, въ лѣтописяхъ Южной Руси XIII столѣтія упоминаются *князи Болоховсціи*, принимавшіе участіе въ тогдашнихъ междоусобіяхъ. Авторъ напрасно только присовокупляетъ, что въ древней Россіи они были единственными удѣльными князьями, не принадлежавшими къ племени св. Владиміра, и потому напрасно предлагаетъ вопросъ: отъ кого ведутъ они начало — отъ древнихъ ли владѣтелей древлянскихъ, или отъ хановъ половецкихъ? Князья Болоховскіе владѣли *землею Болоховскою*, въ предѣлахъ нынѣшней Подольской Губерніи. Древній Болоховъ находился на берегахъ Буга Восточнаго, по дорогѣ изъ Кіева въ Галичъ. Карамзинъ относилъ этихъ князей къ племени Ольговичей (III пр. 346). Это тѣмъ достовѣрнѣе, что Михаилъ Черниговскій и Изяславъ Владиміровичъ называли ихъ *своею братьею* — «дай нашу братью, или придемъ на тя войною» говорили они Даніилу Галицкому, взявшему въ 1235 году

въ плѣнъ князей Болоховскихъ (П. С. Р. Л. II, 174). Во всякомъ случаѣ, это свидѣтельство не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что князья Болоховскіе принадлежали къ потомкамъ Владиміра. Сомнительно только, изгналъ ли ихъ (и куда?) Гедеминъ, покорившій вначалѣ XIV вѣка землю подольскую; авторъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, утвердительно, положительно. Однакожь дѣло вотъ въ чемъ: происходятъ ли князья Болховскіе Сѣверской Руси отъ князей Болоховскихъ Волынской Руси? Карамзинъ въ примѣчаніи 381 къ IX тому «Исторіи» осторожно замѣтилъ: *можетъ быть*. Родословная ихъ ему не была извѣстна. Но почтенный издатель настоящей книги, несмотря на очевидное свидѣтельство — именно эту родословную, которая не показываетъ ни малѣйшаго соотношенія двухъ фамилій, опираясь единственно только на замѣткѣ «Бархатной Книги», что Иванъ Болхъ былъ бездѣтенъ, и основываясь только на сходствѣ именъ, рѣшительно полагаетъ (не предполагаетъ), что Болховскіе — потомки Болоховскихъ. Родословную ихъ, по неизвѣстной причинѣ, онъ начинаетъ съ князя Александра Ивановича Болховскаго, внука Ивана Болха, который былъ родоначальникомъ фамиліи, оставляя безъ вниманія и безъ малѣйшаго объясненія прямое и ясное происхожденіе послѣдняго, отъ князя Андрея или Андреяна Звѣнигородскаго, родоначальника Звѣнигородскихъ. Неужели замѣтка «Бархатной Книги» о безчадіи Ивана Болхана столько достовѣрна и непогрѣшима, что позволяетъ, безъ дальнихъ разсужденій, вопреки яснымъ указаніямъ другихъ источниковъ, свободно отдѣлить цѣлую вѣтвь отъ родословнаго древа и дать небывалое значеніе ея происхожденію отъ чуждыхъ рюрикову роду князей-владѣтелей? Въ древней Руси, какъ всѣмъ извѣстно, титуломъ князя и соединеннымъ съ этимъ титуломъ правомъ владѣнія русскою землею, извѣстнымъ ея участкомъ

могли пользоваться и пользовались только одни потомки Рюрика. Иноплеменные же князья владѣльцами бывали только въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтали землю завоеваніемъ, какъ, напримѣръ, князья польскіе, литовскіе; такъ бывало въ древней Руси до раздѣленія ея на Восточную, Московскую, и Западную, Литовскую. Съ этого времени самостоятельное значеніе князей мало по малу угасаетъ, и они, дѣлаясь слугами, получаютъ уже землю за службу и для службы великимъ князьямъ московскому и литовскому.

Что же касается происхожденія князей Болховскихъ отъ одного родоначальника съ Звѣнигородскими и другими, донынѣ существующими, то достовѣрность его, кромѣ родословной, можетъ подтверждаться и слѣдующимъ обстоятельствомъ. Почти всѣ фамиліи, произшедшія отъ Михаила Черниговскаго, получили свои имена отъ мѣстъ, которыми онѣ первоначально владѣли, на которыхъ сидѣли и кормились, и которыя всѣ принадлежатъ *Сѣверской* . Землѣ. Сыновья Михаила назывались *Карачевскими, Глуховскими-Новосильскими, Торусскими-Оболенскими,* правнуки *Масальскими, Козельскими,* и наконецъ *Болховскими* отъ мѣста, которое, вѣроятно, приняло названіе по прозвищу перваго поселившагося на немъ князя. Чаще бывало, впрочемъ, наоборотъ: сами князья получали прозваніе отъ мѣстъ, гдѣ жили. Новая селитьба, городокъ князя Ивана Болха сталъ называться *Болховымъ*. Князья, происходившіе отъ Болха и жившіе въ его удѣлѣ, Болховѣ, стали называться Болховскими, какъ другіе назывались Карачевскими, Козельскими, Масальскими и проч. Болховъ (нынѣ уѣздный городъ Орловской Губерніи) окружаютъ Карачевъ, Козельскъ, Одоевъ, Новосиль и другіе городки, гдѣ сидѣли потомки Михаила Черниговскаго и родоначальники существующихъ княжескихъ фамилій. Авторъ, впрочемъ, говоритъ,

ПЯТИНЫ И ПОГОСТЫ.

О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ приложеніемъ карты. Соч. К. А. Неволина. Спб. 1853.

Вся VIII книга «Записокъ Географическаго Общества» занята сочиненіемъ г. Неволина «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ приложеніемъ карты».

«Древняя Новгородская Область, раздѣлялась нѣкогда на пять частей, носившихъ названіе пятинъ, а каждая пятина— на множество болѣе или менѣе обширныхъ округовъ, именовавшихся погостами, изъ которыхъ въ каждомъ почти было свое главное селеніе, называвшееся также погостомъ». Главная задача труда г. Неволина состояла въ томъ, чтобъ разъяснить по возможности происхожденіе, равно какъ географическое и правительственное значеніе такого раздѣленія. Вопросъ этотъ, по обширности его отношеній къ другимъ вопросамъ историческимъ, географическимъ, бытовымъ, правительственнымъ и проч., представляетъ для изслѣдователя неимовѣрныя трудности и при настоящемъ состояніи нашихъ историческихъ изъисканій едва-ли можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно. Поэтому весьма понятно, что трудъ г. Неволина долженъ былъ по необходимости ограничиться однѣми только первоначальными, пріуготовительными работами, ко-

* * *

торыя окончены ученымъ авторомъ съ необыкновенною добросовѣстностью и полнотою, такъ что во всякомъ случаѣ составляютъ замѣчательнѣйшее пріобрѣтеніе историко-географической литературы въ послѣднее время. Самъ авторъ замѣчаетъ, что настоящія его изслѣдованія представляютъ только первый періодъ работъ, самый общій очеркъ Новгородской Области — очертаніе самаго существеннаго въ ней; что средоточіе всего труда заключается въ картѣ, которой авторъ даетъ такое заглавіе: *Карта пятинъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ показаніемъ въ нихъ городовъ и погостовъ.* Все прочее должно служить только къ поясненію и оправданію этой карты. Изъ заглавія карты можно видить и границы труда. Авторъ поставилъ себѣ задачею: «изобразить положеніе пятинъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, означивъ тогдашнія ихъ границы и бывшіе въ нихъ тогда не только города, но и тѣ главныя селенія и вообще мѣстности, отъ которыхъ получили свое наименованіе новгородскіе погосты, принимая послѣднее слово въ смыслѣ округовъ».

Что касается до раздѣленія Новгородской Области на пятины, то многіе изъ прежнихъ изслѣдователей приписывали этому раздѣленію глубокую древность, относили его къ началу нашей исторіи. Но, по достовѣрнымъ оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, раздѣленіе на пятины является только послѣ 1477 года, то-есть по окончательномъ покореніи Новгорода Іоанномъ III-мъ; по крайней мѣрѣ до того времени о пятинахъ не упоминается. Но если нигдѣ въ древнихъ памятникахъ и лѣтописяхъ не встрѣчается слово «пятина», за-то самыя имена пятинъ упоминаются лѣтописцами довольно часто; этими именами они обозначаютъ отдѣльныя области, волости, новгородской территоріи. Еще изъ ярославова устава о мостовыхъ Новгорода видимъ, что въ немъ были, между-прочимъ, сотни *Бѣжичкая, Вочкая, Обониская.* Безъ

всякаго сомнѣнія, эти названія сотенъ обозначали пришлыя части населенія и пришлыя именно изъ тѣхъ областей, имена которыхъ были усвоены сотнями. Въ лѣтописяхъ словами: вожане, бѣжичане, обонижане, Шолона, Луга, по-Мостье обозначались также или жители извѣстныхъ волостей, земель, или самыя эти земли (Шолона, Луга, Дерева и проч.).

Такимъ образомъ, если самое слово «пятина», какъ мы упомянули, нигдѣ раньше конца XV вѣка не встрѣчается, то во всякомъ случаѣ дѣленіе новгородской территоріи на области съ тѣми же самыми названіями существовало гораздо прежде. Основаніемъ такому дѣленію послужили, можетъ быть, еще первобытныя, племенныя отношенія... Въ концѣ XV-го вѣка это древнѣйшее, такъ сказать, народное дѣленіе, получило только бо́льшую административную опредѣленность; пять главнѣйшихъ областей древней территоріи Новгорода были названы «пятинами». Впрочемъ, опредѣлить точно, въ какой мѣрѣ древнее раздѣленіе послужило основаніемъ новому — нельзя, потому что для этого мы не имѣемъ никакихъ данныхъ... «Область пятинъ (говоритъ авторъ) не обнимала всѣхъ древнихъ владѣній Новгорода, а ограничивалась наиболѣе близкими къ нему, внутренними его землями. Въ область «пятинъ» не входили многія земли, лежавшія на сѣверъ, востокъ и югъ, именно земли, лежавшія въ глубокомъ сѣверѣ по берегамъ Студенаго Моря; земли по рѣкамъ Онѣгѣ и Двинѣ и далѣе къ востоку; Бѣжичи, Торжокъ, Великія Луки, Ржевъ и земли вокругъ этихъ городовъ».

Слишкомъ большая величина пятинъ сдѣлала необходимымъ раздѣленіе каждой изъ нихъ на двѣ половины. Такъ, напримѣръ, Вотская Пятина дѣлилась на половины Корѣльскую и по-Лужскую, Шелонская на за-Русскую и за-Лѣсскую и т. д. «Это раздѣленіе пятинъ относится ко времени Іоанна IV; по крайней мѣрѣ ранѣе того не встрѣчается.

По отношенію къ гражданскому управленію, раздѣленіе Новгородской Области на пятины, а пятинъ на половины имѣло слѣдующее значеніе: «По пятинамъ и половинамъ было опредѣляемо географическое мѣстоположеніе селеній и по нимъ же былъ производимъ счетъ обывателей и податнаго имущества ихъ, а равно недвижимаго казеннаго имущества, слѣдовательно, счетъ податей, повинностей и казенныхъ отъ недвижимыхъ имуществъ доходовъ. Такимъ образомъ это раздѣленіе имѣло правительственно-статистическую важность. Вслѣдствіе сего, раздѣленіе по пятинамъ и половинамъ было полагаемо въ основаніе правительственныхъ распоряженій и получало практическое значеніе всякій разъ, какъ скоро изъ жителей Новгородской Области надлежало образовать, для удовлетворенія какой-либо потребности государственной, большія единицы. Сюда относятся слѣдующіе случаи: 1) дворяне и дѣти боярскіе каждой пятины составляли особое цѣлое въ отношеніи къ отправленію воинской службы, были верстаны однимъ сановникомъ, отправлялись на службу въ одномъ ополченіи, образовали, слѣдовательно, особый отрядъ въ цѣломъ войскѣ и подвергались общему распоряженію. 2) Безъ сомнѣнія, и посошная служба лицами городскаго и сельскаго состоянія была отправляема по пятинамъ, такъ что городскіе и сельскіе обыватели одной пятины образовали въ этомъ отношеніи одно цѣлое. 3) Когда для дѣлъ уголовныхъ учреждено было особое управленіе, извѣстное подъ именемъ губнаго, то пятины, или половины ихъ, составляли, каждая, особую губу. 4) По указу царя Алексѣя Михайловича, для слушанія сочиненнаго уложенія, велѣно было избрать изъ новгородцевъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ пятины по человѣку. Такимъ образомъ обыватели каждой пятины, или половины, соединялись между собою внутренними связями и образовали особое общество: дворяне и дѣти боярскіе по отношенію къ

помѣстной службѣ, городскіе и сельскіе обыватели по отношенію къ службѣ посошной, всѣ вообще по отношенію къ губному устройству».

Учрежденіе *погостовъ* авторъ положительно приписываетъ Ольгѣ. «*Знамянья* мудрой *Ольги—погосты* ея—*суть и до сего дне*». Этими словами заключаетъ онъ даже свое изслѣдованіе. Основаніемъ этому положенію служитъ только одно извѣстное мѣсто лѣтописи: «Иде Вольга Новгороду и устави по Мьстѣ пов(г)осты и дани, и по Лузѣ оброки и дани, ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и пов(г)осты, и сани ее стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ и есть село ее Ольжичи и доселѣ». Изъ этого мѣста лѣтописи видно, что Ольга *уставила* погосты только по Мстѣ, а не по всей Новгородской Области. По крайней мѣрѣ расширять, распространять смыслъ этого мѣста безъ натяжекъ нельзя. Чтожь касается до значенія этого слова, то изъ того же мѣста ясно, что въ первомъ случаѣ оно значитъ дань, извѣстный оброкъ, урокъ, а во второмъ можетъ означать и мѣсто, какъ административный центръ. Впрочемъ, авторъ подробно излагаетъ всѣ высказанныя печатно мнѣнія о значеніи слова «погостъ» и склоняется къ тому, что учрежденные Ольгою погосты могутъ быть понимаемы только въ смыслѣ правительственно-географическихъ округовъ и въ смыслѣ главныхъ мѣстностей такихъ округовъ. За тѣмъ, приводя послѣдующее значеніе слова «погостъ», какъ дани, пошлины (*погоста имъ не платити*), онъ не придаетъ особой важности этому значенію, хотя и замѣчаетъ, что оно могло бы очень приличествовать извѣстію лѣтописей, въ которыхъ погосты, дани, оброки соединяются вмѣстѣ: *уставы, погосты и дани, оброки и дани.* «Оброки второй части этого извѣстія, говоритъ авторъ, не соотвѣтствуютъ ли, не равнозначительны ли погос-

[illegible]

[illegible]

[illegible] и значеніе [illegible] времени [illegible] неотъемлемо связывается одно съ другимъ. Авторъ подтверждаетъ такое значеніе погостовъ примѣрами изъ быта другихъ славянскихъ племенъ и о значеніи самаго слова говоритъ, что «религіозные обряды сопровождались у Славянъ, равно какъ у другихъ народовъ, общенародными пиршествами (угощеніями) и играми; такія празднества совершались, между прочимъ, въ честь усопшихъ, даже

именно для увеселенія и угощенія ихъ. Собирая къ себѣ и къ своимъ пиршествамъ окрестныхъ жителей, мѣста богослужебныя открывали случай для торговли (гостьбы въ этомъ смыслѣ) между ними. Такія мѣста могли быть и пристанищами для путешественниковъ (какъ бы гостинницами). Довольно отношеній, чтобъ во времена отдаленнѣйшей древности могли за мѣстами богослужебными утвердиться названія погостовъ! Во всякомъ смыслѣ разныя лица, и особенно окрестные жители, пріѣзжали и приходили сюда гостить (погостить). Но эта самая древность не позволяетъ въ настоящемъ случаѣ произносить приговоръ слишкомъ рѣшительный. Изслѣдованія по славянской миѳологіи только начались...»

Во всемъ этомъ есть своя доля правды, хотя въ сущности это одни только гаданія... Вопросъ, за совершеннымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, такъ теменъ, что даже нѣтъ возможности и опровергать предположенія автора... Могло быть и такъ, могло быть и иначе...

Значеніе погоста въ историческое время, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, опредѣляется слѣдующими чертами: погостъ былъ земскимъ центромъ, центромъ извѣстной общины, центромъ *мѣстнымъ*—географическимъ и бытовымъ, правительственнымъ, юридическимъ. Это значеніе погоста такъ осязательно, что вполнѣ признается всѣми изслѣдователями. Скажутъ, впрочемъ, что это уже позднѣйшее его значеніе, выясняемое вполнѣ только при помощи позднѣйшихъ указаній и свидѣтельствъ. Но такъ было въ XIII столѣтіи отчего же иначе могло быть за три или четыре столѣтія прежде, когда, спустя слишкомъ пять столѣтій, погостъ все еще сохраняетъ нѣкоторыя черты своего первобытнаго значенія, несмотря на многія административныя перемѣны, дѣленія и подраздѣленія земли?

[illegible]

[illegible] 1174 [illegible] «[illegible] 1171 [illegible] «[illegible] [illegible] [illegible] [

ствомъ лѣтописей и другихъ древнихъ памятниковъ... Какое же было его значеніе въ болѣе отдаленной древности?... Выше мы замѣтили, что для разсужденій объ этомъ предметѣ нѣтъ твердой, положительной опоры.

Въ доисторическое время, родовая, племенная община собиралась для общаго дѣла въ извѣстное мѣсто; выборъ этого мѣста, разумѣется, былъ случаемъ; мѣсто это, вслѣдствіе многихъ земскихъ и другихъ отношеній, само собою дѣлалось центромъ, къ которому тянуло все окрестное населеніе. Тамъ, напримѣръ, могъ жить старшина рода, племени, слѣдственно и общины... Это самое сборище, мірской сходъ, съѣздъ, можетъ быть, въ глубокой древности носилъ названіе *погоста*, а отъ него и самое мѣсто получало также названіе погоста, точно такъ, какъ, по замѣчанію г. Буткова, *погостиною* до сихъ поръ на богемскомъ нарѣчіи называютъ съѣзжее мѣсто. Есть и позднѣйшія указанія на такое значеніе погоста. Въ писцовой книгѣ Обонѣжской Пятины 1615—1617 годовъ о церквахъ Мегорскаго Погоста замѣчается: «Да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ двѣ избы большіе за трапезы мѣстъ, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне». По описаніи церкви Шимозерской Волостки замѣчается: «Да на погостѣ жъ изба схожая, а сходятца въ ней крестьяне по воскресеньямъ».

Кромѣ того, слово «погостъ», какъ названіе мѣста, можетъ указывать цѣлый рядъ словъ, въ которыхъ заключено понятіе *гощенія*, *гостить*. Въ той же Новгородской Области мы встрѣчаемъ географическія названія: гостица, гостино поле, гостунья, гостибицы, гостижицы, гостилицы, не-гостицы, ю-гостицы, рад-гостицы, могло-гость, видо-гоща, з-гоща, иро-гоща, ле-гоща, у-гоща, утро-гоща, сто-гоща, под-гощи и проч., равно и въ другихъ славянскихъ областяхъ: о-гоща, по-госты, за-гость, слово-гощъ, радо-гость, радо-

гощъ, радо-гоща и т. д. Настоящій смыслъ этихъ словъ для насъ потерянъ вмѣстѣ съ земскими, общинными отношеніями древнѣйшаго населенія нашей земли. Точно также мы не знаемъ, напримѣръ, и настоящаго смысла такъ-называемыхъ *княжихъ* и древнихъ народныхъ личныхъ именъ: Святославъ, Ярославъ, Изяславъ, Вячеславъ, Всеславъ, Мстиславъ, Ярополкъ, Святополкъ, Владиміръ, Остроміръ, Наславъ и т. п. Все это слова, которыя нѣкогда были понятны, ясно выражали тѣ представленія, которыми наши древнѣйшіе предки опредѣляли характеры или свойства лицъ. Судя по позднѣйшему значенію словъ *гостить*, *гостьбу дѣять* и *гость*, во всѣхъ приведенныхъ выше географическихъ названіяхъ должно заключаться понятіе о торгѣ и съѣзжемъ мѣстѣ для торга. Такъ объясняетъ слово погостъ и г. Тюринъ. Онъ говоритъ: «Мѣсто временнаго соединенія (родовъ) съ торговою цѣлью, вѣроятно, называлось *погостомъ*; по крайней мѣрѣ, сколько можно заключать по буквальному смыслу этого слова — должно полагать, что таково было его первоначальное значеніе».

Какъ бы то ни было, но погостъ былъ земскимъ, общиннымъ центромъ. Необходимость такого центра условливалась древнѣйшимъ бытомъ Славянъ, бытомъ родовыхъ общинъ, которыя неизбѣжно должны были тянуть къ какому либо центру, потому что въ немъ, въ этомъ земскомъ центрѣ, только и могли сохраняться, имъ только и могли поддерживаться общинныя основы ихъ быта. И потому *погосты* существовали по всей русской землѣ, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ было искони славянское населеніе, на сѣверѣ также, какъ и на югѣ. Само собою разумѣется, что, при появленіи въ жизни этихъ общинъ новаго элемента — элемента государственнаго, погосты должны были утратить свое первобытное значеніе и особенно тамъ, гдѣ княжескія отношенія стали пре-

обладать надъ прочими, сдѣлались первенствующими — напримѣръ, въ южной половинѣ древней Руси. На сѣверѣ, который оставался почти всегда въ сторонѣ отъ центра дѣйствій, погосты, какъ и многая другая *старина* и *пошлина*, сохранялись долѣе....

Что же касается до того вопроса, что погосты были нѣкогда мѣстами языческаго богослуженія, то хотя на это нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ, твердыхъ указаній и свидѣтельствъ, однако отвергать этого предположенія тоже нельзя. Въ языческой древности погосты, какъ географическіе и земскіе центры, по необходимости должны были служить и мѣстами богослуженія. Вопреки противоположнымъ мнѣніямъ, это тѣмъ болѣе вѣроятно, что языческое богослуженіе было, въ свою очередь, одною изъ важнѣйшихъ формъ соединенія, связи племенъ, или общинъ, такъ что едва ли оно не было и первымъ, главнымъ узломъ для торговаго соединенія въ извѣстныхъ мѣстахъ, или въ такъ называемыхъ погостахъ. Припомнимъ *пиры* и *братчины* — эти мірскія складчины на общее угощенье, на пиво и брагу; въ настоящее время имъ приписываютъ языческую древность, видятъ въ нихъ остатки древнѣйшаго языческаго богослуженія, что̀ совершенно справедливо. Если въ историческое уже время братчинское угощенье сосредоточивалось у *праздника*, то есть у сельскаго храма, гдѣ совершалось общее годовое празднованіе, то гдѣ же сосредоточивалось это угощеніе въ языческое время, въ то время, когда оно носило въ себѣ положительный религіозный смыслъ? Безъ сомнѣнія, также у мѣста, гдѣ происходили жертвенные обряды, куда для этого собиралась община, міръ. Сборище это, мірской съѣздъ, и называлось погостомъ. Нося въ себѣ не одно только религіозное значеніе, но по преимуществу общинное — значеніе земскаго съѣзжаго, сборнаго мѣста, *погость*, при введеніи христіанства,

потерялъ первое и легко удержалъ послѣднее, съ которымъ и является въ лѣтописныхъ и другихъ извѣстіяхъ. Во время общаго, всенароднаго распространенія христіанства, гдѣ прежде всего могло явиться новое ученіе, какъ не въ общинномъ центрѣ, въ томъ мѣстѣ, куда тянуло окрестное населеніе? Весьма естественно, что здѣсь впервые оно было предложено населенію; здѣсь же построенъ былъ міромъ на общую, мірскую складчину и первый христіанскій храмъ и, можетъ быть, даже на мѣстѣ языческаго требища... Подлѣ храмовъ, по христіанскому обычаю, полагались всегда покойники: кладбище это стало также именоваться погостомъ. Но и въ этомъ случаѣ слово погостъ удерживаетъ свой первоначальный смыслъ — сборнаго, съѣзжаго мѣста, потому что въ извѣстные годовые дни сюда окрестные, приходскіе, поселяне собираются обыкновенно для справленія поминокъ *по родителяхъ*. Самое кладбище, какъ сборное мѣсто покойниковъ, называлось погостомъ въ томъ же смыслѣ. Вотъ пословицы: Жаль батьку да везти *на погостъ*. Живучи на погостѣ, всѣхъ не оплачешь. Мертвыхъ съ погоста не волокутъ, не возятъ. Было бъ пиво на погостѣ, а у пива будутъ гости.

«Большая часть погостовъ (говоритъ авторъ) имѣла составное, двоякое наименованіе. Одно изъ сихъ названій бо̀льшею частью было заимствовано отъ церкви, или церквей, бывшихъ въ главномъ селеніи погоста; другое — отъ имени этого главнаго селенія; напримѣръ, погостъ Андреевской Грузинской и пр. Къ составному наименованію присоединялась еще иногда какая нибудь отличительная черта, заимствованная отъ рѣки, народа, обширной мѣстности, гдѣ находилось главное селеніе погоста, напримѣръ, Успенской Коломенской на Волховѣ, Воздвиженской Опольской въ Чуди и пр.»

«Нѣсколько погостскихъ округовъ не имѣли ни главнаго селенія, ни церкви. Таковы были: Заверяжье, Малая Лопца

и, можетъ быть, погосты Паозерскій и Каргальскій. Въ смыслѣ географическаго округа погостъ образовалъ непрерывное пространство земель, лежавшихъ однѣ подлѣ другихъ и въ одномъ мѣстѣ». Во всѣхъ пятинахъ было 343 погоста, включая сюда и равные имъ отдѣлы пятинъ, хотя и не называвшіеся прямо погостами, но имѣвшіе одинаковое съ ними значеніе.

Величина погостскихъ и подобныхъ имъ округовъ была весьма различна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они, по количеству земли, были весьма необширны и на небольшомъ пространствѣ скоплялось ихъ нѣсколько; напротивъ, въ другихъ мѣстахъ округи погостскіе были очень обширны, и главныя селенія одного и другаго погоста находились въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Первое было особенно съ погостами, расположенными близь Новгорода; второе — преимущественно съ погостами Вотской и Обонѣжской Пятинъ, лежавшими на сѣверныхъ ихъ оконечностяхъ.

«Кромѣ раздѣленія на пятины и погосты, Новгородская Область раздѣлялась еще на *уѣзды*, которые иначе назывались *присудами*. Это раздѣленіе имѣло одинаковый смыслъ съ подобнымъ раздѣленіемъ на уѣзды, которое было извѣстно и въ иныхъ частяхъ Россіи. Въ Новгородской Области раздѣленіе на уѣзды существовало подлѣ двухъ другихъ, разсматриваемыхъ выше, и не смѣшивалось съ ними. Одна и та же пятина и даже одинъ и тотъ же погостъ могли принадлежать и дѣйствительно принадлежали къ разнымъ уѣздамъ». Изъ слова *присудъ* можно заключить, что главною причиною этого дѣленія былъ *судъ* княжескій или вообще правительственный: центромъ уѣзда былъ городъ, гдѣ обыкновенно и сосредоточивалась судебная власть. Само собою разумѣется, что это раздѣленіе на уѣзды возникло гораздо послѣ первоначальнаго раздѣленія всего земства на погостскіе округи.

«Въ приложеніяхъ къ тексту моего сочиненія (говоритъ авторъ) представлены подробныя выписки изъ писцовыхъ

новгородскихъ книгъ, бывшихъ у меня въ рукахъ. Онѣ сдѣланы преимущественно съ тою цѣлью, чтобъ представить читателямъ доказательства для многихъ частей моего изслѣдованія, но и кромѣ того вообще съ цѣлью — сообщить желающимъ ближайшее знакомство съ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ познанія о древней русской жизни и при удобномъ случаѣ наглядно указать, какія самыя разнообразныя свѣдѣнія могутъ быть извлечены изъ этого источника.»

Дѣйствительно, для исторіи внутренняго быта, для исторіи собственно-земства, писцовыя книги представляютъ единственный, богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ, и, конечно, нельзя не желать вмѣстѣ съ авторомъ (стр. 32), чтобъ изданіе писцовыхъ книгъ не отлагалось въ долгій ящикъ. Въ настоящее время этотъ матеріалъ даже необходимѣе всякаго другаго: безъ него нѣтъ возможности рѣшить многихъ и многихъ вопросовъ нашей исторіи, не говоря ужь о томъ, что взглядъ на наше прошлое, пониманіе нашей исторической жизни никогда не достигнетъ той истины и полноты, той ясности и опредѣленности, которыя даются только какъ результатъ подробнаго, внимательнаго изученія народнаго, земскаго быта, раскрываемаго въ писцовыхъ книгахъ съ важнѣйшей его стороны.

Притомъ и самыя географическія названія въ высшей степени драгоцѣнны: въ нихъ хранится географическій языкъ древнѣйшей эпохи, языкъ, въ которомъ отъ насъ утаенъ цѣлый міръ племенныхъ и земскихъ отношеній, вѣрованій и воззрѣній на природу и т. п. Ходаковскій первый приподнялъ завѣсу, скрывающую отъ насъ этотъ доисторическій міръ. Нынѣшнія работы надъ исторіею языка многое освѣтили на этомъ пути. Наука ожидаетъ новаго Ходаковскаго — по крайней мѣрѣ для разбора указанныхъ матеріаловъ, потому что и здѣсь подвигъ будетъ труденъ и малозамѣтенъ.

ЗАМѢТКИ О КНИГАХЪ.

О мѣстоположеніи Древняго Новгорода. Историческое изслѣдованіе Ивана Красова. Новгородъ. 1851.

Вопросъ о мѣстоположеніи Новгорода чрезвычайно *мѣстный* вопросъ и въ самой археологіи; результаты его, какъ бы ни были добросовѣстно и тщательно добыты, не могутъ представить слишкомъ значительнаго пріобрѣтенія для науки. Главная задача археологіи — узнать древняго человѣка во всѣхъ сферахъ его нравственнаго и физическаго быта: поэтому для нея и самые памятники вещественные, и мѣста, гдѣ жилъ человѣкъ, важны въ томъ только отношеніи, на сколько они объясняютъ этотъ бытъ. Городъ, улица, напримѣръ, получаютъ значеніе только по отношенію къ протекшей жизни, которая одна и можетъ придать мѣсту какой либо историческій интересъ. Но этимъ мы не хотимъ сказать, что города и улицы, особенно «историческіе», не заслуживаютъ разъисканій. Напротивъ, труды по этой части имѣютъ гораздо большее значеніе, нежели какъ понимаетъ и какъ принимаетъ ихъ обыкновенно большинство публики. Дѣло въ томъ, что безъ такихъ приготовительныхъ трудовъ невозможно сдѣлать шагу въ дальнѣйшихъ археологическихъ разъисканіяхъ: на нихъ-то собственно и утверждается наука. Но, само собою разумѣется, подобные труды, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать

цѣлямъ науки, должны отличаться добросовѣстнымъ, тщательнымъ и точнымъ исполненіемъ. Историческое изслѣдованіе г. Красова, по добросовѣстности и строгости, съ которою онъ предлагаетъ свои выводы—одна изъ лучшихъ книгъ въ нашей литературѣ по части археологіи. Главный вопросъ, предложенный авторомъ для своего сочиненія состоитъ въ опредѣленіи, по какимъ именно мѣстамъ въ нынѣшнемъ Новгородѣ пролегали улицы, упоминаемыя въ лѣтописяхъ и особенно въ описи Новгорода, составленной въ 1623 году. Существенно вся работа заключается въ томъ, чтобы на планъ нынѣшняго Новгорода наложить древній его планъ, подтвердивъ проведенныя линіи лѣтописными и другими фактами. Безъ древнихъ чертежей это сдѣлать чрезвычайно трудно, несмотря даже на то, что, можетъ-быть, ни объ одномъ городѣ не сохранилось столько топографическихъ указаній въ лѣтописяхъ, какъ о Новгородѣ. Но этотъ недостатокъ древнихъ чертежей и долженъ былъ вызвать изслѣдованіе г. Красова—изслѣдованіе, которое нерѣдко на однихъ только лѣтописныхъ данныхъ съ самою удовлетворительною точностью опредѣляетъ линіи древнихъ улицъ и указываетъ мѣста несуществующихъ уже монастырей и церквей. Конечно, не обошлось и безъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ толкованій, но всѣ они большею частью произошли отъ скудости и отрывочности лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Главный и существенный недостатокъ въ изслѣдованіи г. Красова—недостатокъ плана *древняго* Новгорода съ наложеніемъ на нынѣшній. По нашему мнѣнію, этотъ планъ долженъ составлять результатъ всего изслѣдованія; при немъ только и можно читать съ пользою книгу г. Красова, а безъ него она теряетъ по крайней мѣрѣ на половину. Приложенный къ книгѣ нынѣшній планъ не восполняетъ этого недостатка. Болѣе замѣчательные выводы или *положенія* автора заключается въ слѣдующемъ: Новгородъ до начала XVII ст. занималъ

почти такое же пространство, какое онъ занимаетъ нынѣ. Въ началѣ XIII ст. было, кажется, неболѣе четырехъ концовъ. Пространство, извѣстное подъ именемъ Гончарскаго Конца, носило прежде названіе Конца Людина...

Исторія Россіи, г. Соловьева, томъ второй, М. 1852; томъ третій, М. 1852.

Во второмъ томѣ своей исторіи г. Соловьевъ представляетъ весьма подробный обзоръ событій отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго, съ 1054 до 1228 г., или общія черты явленій нашей древней исторіи. Но всѣ эти событія, всѣ эти явленія заключаются въ однихъ лишь междукняжескихъ отношеніяхъ, въ борьбѣ князей за отчій столъ и за волости; слѣдственно, въ безпрестанныхъ походахъ, войнахъ и т. п. Предъ вами проходитъ безчисленный рядъ лицъ, спорящихъ и воюющихъ почти на каждой страницѣ. Войны эти разнообразятся только войнами съ сосѣдями, большею частью кочевыми варварами. Въ этомъ собственно и состоятъ всѣ внутреннія и внѣшнія отношенія, разсматриваемыя авторомъ въ каждой главѣ. И отъ этого занимательность втораго тома далеко уступаетъ занимательности перваго. Притомъ мы видимъ здѣсь одну только исторію великокняжескаго дома; авторъ слѣдитъ за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ княжескихъ счетовъ и отношеній, считаетъ пульсъ каждаго событія, вызваннаго этими отношеніями... Подробности же внутренняго быта русскаго общества въ эту эпоху авторъ намѣренъ представить въ слѣдующемъ, третьемъ томѣ. Мы не думаемъ, однакожь, чтобъ такое изложеніе событій могло быть вѣрно. Намъ кажется, что внутренній бытъ общества въ исторіи долженъ предшествовать внѣшнему или внѣшнимъ событіямъ; прежде необходимо показать почву, на которой

совершались внѣшнія явленія, показать всѣ условія, которыя вызывали или ограничивали эти явленія, давали имъ извѣстный ходъ и направленіе. Вѣдь мы начинаемъ же исторію народа съ описанія земли, на которой живетъ этотъ народъ. Если это считается необходимымъ, то весьма необходимо познакомиться съ человѣкомъ прежде, нежели онъ выйдетъ на сцену, познакомиться съ характеромъ и обстановкою жизни дѣйствователя, со всѣми условіями, которыя слагали тотъ или другой историческій образъ, то или другое событіе. Да притомъ и отдѣлять внутренній бытъ отъ внѣшняго можно только страницами, а не томами. Каждое событіе или рядъ однородныхъ, извѣстныхъ явленій, безъ-сомнѣнія, должны представлять въ изложеніи цѣльный, живой организмъ, въ которомъ должны быть указаны всѣ отправленія, всѣ силы взаимно дѣйствующія, всѣ условія, которыя дали жизнь этому организму: тогда только и понятна будетъ исторія. Въ противномъ случаѣ, не будетъ даже и исторіи, а будутъ отдѣльныя изслѣдованія по поводу того или другаго историческаго вопроса. Такъ и у насъ, рядомъ съ княжескими отношеніями шли отношенія *земства*, отношенія, напримѣръ, городскаго населенія къ князьямъ, не говоря ужь о другихъ многихъ отношеніяхъ.

Авторъ самъ нѣсколько разъ повторяетъ, напримѣръ, что южное населеніе отличалось отъ сѣвернаго, а въ сѣверномъ бытъ Новгорода весьма отличался отъ быта остальныхъ сѣверныхъ областей (стр. 429). Все это и требовало по крайней мѣрѣ такого же подробнаго объясненія и изображенія, какое посвящено обзору войнъ и княжескихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что на различіи сѣвернаго населенія отъ южнаго, на различіи новыхъ городовъ отъ старыхъ авторъ утверждаетъ свое положеніе объ установленіи государственнаго порядка въ древней Руси.

Третій томъ «Исторіи Россіи», законченъ смертью в. к. Димитрія Іоанновича Донскаго. Первая глава этого тома посвящена обзору *внутренняго состоянія русскаго общества отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкаго. 1054—1228.* Здѣсь собраны всѣ лѣтописныя и другія данныя о частной и общественной жизни нашихъ предковъ въ первый періодъ гражданскаго ихъ быта. Авторъ вначалѣ опредѣляетъ общее, то-есть земское значеніе князя, потомъ значеніе князя, старшаго въ родѣ, его отношенія къ младшимъ, его обязанности земскія, права, доходы, частную собственность и хозяйство, наконецъ образъ жизни князя отъ дня рожденія до смерти. Изобразивъ князя древней Руси, авторъ переходитъ къ дружинѣ; за дружиною слѣдуетъ полкъ— земское войско, способы войны и проч. Затѣмъ авторъ обращается къ земству, то-есть къ народонаселенію городскому и сельскому, и разсматриваетъ сначала города, ихъ устройство, а потомъ вообще земское или волостное населеніе, его число, пособія и препятствія къ его умноженію. Отъ этого прямой переходъ къ обзору торговли съ монетною системою, и за тѣмъ къ искусству. Отъ торговли зависѣло матеріальное благосостояніе, слѣдовательно и удобства частной, домашней жизни, которыя и служатъ предметомъ слѣдующаго обозрѣнія. Отъ матеріальнаго состоянія русскаго общества онъ обращается къ нравственному его состоянію, и прежде всего обозрѣваетъ состояніе религіи и церкви, то-есть излагаетъ исторію церкви съ подробностями ея управленія и матеріальнаго благосостоянія, описываетъ частную благочестивую жизнь князей и другихъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, объясняетъ значеніе и подвиги монашества... Изложивъ исторію вѣры, дававшей главное направленіе нравственности, авторъ переходитъ къ юридическимъ понятіямъ, господствовавшимъ въ тогдашнемъ обществѣ, къ понятіямъ о народномъ правѣ,

къ борьбѣ лучшихъ христіанскихъ понятій и стремленій со страстями и, главное, съ прежними языческими вѣрованіями, которыя были еще довольно сильны въ то время. Сдѣлавъ такой подробный и прекрасный очеркъ нравственнаго состоянія русскаго общества въ разсматриваемый имъ періодъ, авторъ переходитъ къ исторіи грамотности и за нею къ памятникамъ языка и словесности, начиная съ посланій и оканчивая лѣтописями (стр. 90—149).

Изъ этого перечня можно ужь видѣть, сколько занимательнаго представляетъ эта превосходная глава исторіи г. Соловьева; и вообще нужно замѣтить, что въ русской исторіи въ первый разъ является такая полная и живая картина внутренняго состоянія русскаго общества въ древнѣйшій періодъ его исторической жизни, хотя въ то же время нельзя умолчать и о томъ, что впечатлѣніе читателя нарушается иногда эпизодическими отступленіями, которыя, въ строгомъ смыслѣ не имѣли бы мѣста въ этомъ живомъ обзорѣ. Къ такимъ отступленіямъ, задерживающимъ ходъ повѣствованія, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, прекрасное изслѣдованіе о лѣтописяхъ... Оно могло бы занять болѣе видное, болѣе почетное мѣсто въ критическомъ обзорѣ источниковъ для избраннаго періода.

Мы упоминали здѣсь о періодахъ; но въ исторіи г. Соловьева нѣтъ періодовъ. Еще въ началѣ своего труда авторъ положилъ: «не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи» (Предисловіе къ 1 т.). Устраняя такимъ образомъ дѣленіе русской исторіи на періоды, авторъ доказываетъ, напримѣръ, что о норманскомъ періодѣ, о монгольскомъ періодѣ и пр. не должно быть и рѣчи, потому что такими обозначеніями необ-

ходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій. Все это такъ и до извѣстной степени можетъ быть справедливо: намъ нужны начала, непосредственное преемство формъ—хорошо. Но какъ же мы распорядимся съ матеріаломъ? какъ легче изучить, уразумѣть этотъ матеріалъ — въ цѣлой ли необозримой грудѣ, или по частямъ, которыя должны выяснить цѣлое, всю массу минувшихъ событій и фактовъ исторической жизни народа?

Обзоръ событій и вообще лѣтописныхъ фактовъ авторъ распредѣлилъ по главамъ, по извѣстнымъ отдѣламъ, или частямъ времени, которыя и служатъ, такъ-сказать, рамками для изложенія событій. Въ каждой такой главѣ событія и лѣтописные факты авторъ располагаетъ группами — по участкамъ или княжествамъ древней Россіи, существовавшимъ въ то время; онъ дѣлаетъ обзоръ событій на югѣ, сѣверѣ, западѣ; сначала обозрѣваетъ въ каждомъ отдѣльномъ участкѣ событія *внутреннія*, то-есть событія, совершавшіяся въ границахъ этого участка, потомъ событія *внѣшнія*, то-есть событія, происходившія за границами участка, или отношенія участка къ сосѣдямъ, одноплеменнымъ и иноземцамъ. Въ концѣ главы авторъ сводитъ обыкновенно извѣстія о дружинѣ, или о боярахъ. Такимъ-образомъ каждая глава «Исторіи» г. Соловьева, по сущности изложенія, носитъ характеръ цѣлаго періода, и, слѣдовательно, вся исторія излагается синхронистически: въ данное время, опредѣленное главою, авторъ обозрѣваетъ всѣ событія, совершившіяся въ тогдашней русской области, слѣдитъ за всѣми явленіями, возникшими во всѣхъ ея концахъ.

Само собою разумѣется, что выясненіе основнаго начала много терпитъ отъ такого изложенія. Авторъ отвергнулъ дѣленіе на періоды, но за-то раздробилъ русскую исторію на главы, предложилъ такое дробное обозрѣніе главныхъ исто-

рическихъ началъ, непосредственнаго преемства формъ, что для читателя весьма трудно вникнуть въ это непосредственное преемство формъ, весьма трудно дать себѣ отчетъ въ ихъ ровномъ, послѣдовательномъ шествіи. Группы событій, долженствующія изобразить проявленіе, дѣятельность начала, разорваны по главамъ, послѣдовательность ихъ переходитъ изъ одной главы въ другую, раздробляясь въ то же время другими группами, поставленными нерѣдко безъ связи съ главнымъ. Если всякое историческое начало въ своемъ развитіи представляетъ непосредственное преемство формъ, то смѣна одной формы другою по необходимости должна дѣлать грань и въ самомъ изложеніи; слѣдовательно, изложеніе, то-есть распоряженіе матеріаломъ, должно сомкнуться въ періоды соотвѣтственно этому преемству формъ, и содержаніемъ каждаго періода будетъ исторія извѣстнаго начала. Всѣ побочныя явленія должны примыкать къ основной нити историческаго изложенія, какъ явленія или ослабляющія главное начало, или дающія ему новую силу, крѣпость. Масса же событій и фактовъ, которыми не выясняется главное, управляющее начало, только мѣшаетъ послѣдовательности, ослабляетъ живость повѣствованія и къ тому же, ничего не говоритъ уму читателя; умъ скучаетъ и теряется во множествѣ событій, значенія которыхъ не можетъ понять. Желаніе занести въ исторію всѣ событія, упоминаемыя лѣтописцами, можетъ повести къ тому, что изъ исторіи выйдетъ сводъ лѣтописей.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Дѣтскіе годы Петра Великаго. (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ. Книга третья, Спб. и М. 1861. Писано въ 1857 г.) 1

Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время. (Отеч. Записки 1856 г., Мартъ) 51

Русская личность и русское общество наканунѣ Петровской реформы (С. Петербургскія Вѣдомости 1863 г. Декабрь, №№ 279 и 283) 82

Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ. (Русскій Вѣстникъ 1857 г. Май) 129

Изъ книги „Златоустъ.“ (Архивъ, изд. Н. Калачовымъ. книга второй половина вторая, М. 1854.) 179

Замѣтка о старинныхъ повѣстяхъ. (Отеч. Записки 1853 г. Іюнь). 189

Для біографіи Сильвестра Медвѣдева. (Лѣтопись Русской Литературы и Древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т.V. М. 1863). 194

Царь Алексѣй Михайловичъ. (Отеч. Записки 1857 г. Январь) 203

Охотничій дневникъ царя Алексѣя Михайловича. (Журналъ Охоты, изд. Г. Миномъ. 1858 г. Январь) 281

Современные взгляды и направленія въ русской исторіи. (С. Петербургскія Вѣдомости 1863 г Февраль, № № 35, 36, 38). 301

Математическій методъ въ исторіи. (Атеней 1858 г Май) . . . 355

Драматическія прикрасы въ исторіи. (Отеч. Записки 1856 г. Іюнь) 395

Фельетонизмъ въ критикѣ. (Отеч. Записки 1855 г. Мартъ.) . . 432

Стр.

Разрядныя книги. (Отеч. Записки 1850 г. Августъ; 1851 г. Октябрь; 1853 г. Октябрь; 1854 г. Декабрь) 466

Боярскія книги. (Отеч. Записки 1853 г. Ноябрь) 515

Родословныя книги. (Отеч. Записки 1855 г. Май; 1856 г. Апрѣль) 525

Пятины и погосты. (Отеч. Записки 1854 г. Май) 545

Замѣтки о книгахъ. (Отеч Записки 1852 г. Мартъ; 1853 г. Февраль, 1854 г. Февраль) 559

Stanford University Libraries
3 6105 001 321 053